Міністерство освіти і науки України
Київський національний лінгвістичний університет
Черкаський національний університет імені Б. Хмельницького

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ: лінгвістика і лінгводидактика

Випуск V

Київ – Черкаси – 2020

УДК811.161.2
ББК81.411.1

Мовна особистість: лінгвістика і лінгводидактика [Текст] / МОН України, Київський націон. лінгвістичний ун-т., Черкаський націон. ун-т. ім. Б. Хмельницького. – Київ-Черкаси : вид-во ФОП Гордієнко Є.І., 2020. – 402 с.

ISBN 978-966-493-740-2

У збірнику представлено статті за матеріалами доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми мовної особистості: лінгвістика і лінгводидактика», яка відбулась 26 – 27 листопада 2020 року у Черкаському національному університеті ім. Б. Хмельницького. До збірника увійшли наукові публікації з проблем мовознавства, літературознавства та методики викладання мови. Статті орієнтовані на широке коло читачів, яких цікавлять проблеми мовної комунікації, мовної свідомості і мовного впливу, формування мовної особистості.

Для широкого кола філологів – науковців, викладачів і науково обдарованої молоді.

Наукова редакція:

В.П. Мусієнко, доктор філологічних наук, професор (головний редактор);
Т.В. Клеофастова, доктор філологічних наук, професор;
Т.В. Радзієвська, доктор філологічних наук, професор;
О.В. Палатовська, доктор філологічних наук, доцент;
М.П. Василенко, кандидат педагогічних наук, доцент
Л.В. Корновенко, кандидат філологічних наук, доцент;
О.І. Кретова, кандидат філологічних наук, доцент;
Л.М. Кулєшова, кандидат філологічних наук, доцент;
Л.О. Пашіс, кандидат філологічних наук, доцент;
Г.М. Потапова, кандидат філологічних наук, доцент.

Відповідальні за випуск: *Л.В. Корновенко, М.П. Василенко*

Рецензенти:

Шитик Л.В., доктор філологічних наук, професор
Шульгіна В.І., доктор філологічних наук, професор

Рекомендовано до друку вченою радою Черкаського національного університету ім. Б. Хмельницького (протокол № 3 від 22.12. 2020 року).

За зміст публікацій відповідальність несуть автори.
Засновники – Черкаський національний університет ім. Богдана Хмельницького, Київський національний лінгвістичний університет

© Черкаський національний університет ім. Богдана Хмельницького, 2020
© Київський національний лінгвістичний університет, 2020
© Автори статей, 2020

Передмова

У цьому збірнику представлено статті за матеріалами доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми мовної особистості: лінгвістика і лінгводидактика», яка відбулась 26 – 27 листопада 2020 року у Черкаському національному університеті ім. Б. Хмельницького. Статті відповідають напрямкам конференції і згруповані за розділами: Мовознавство і літературознавство, Методика викладання мови, Молоді голоси науки. Проблеми мовної особистості формують осердя антропоцентричної парадигми, яка визначає обличчя сучасної філологічної науки. Феномен мовної особистості є важливим чинником навчального процесу, соціальної, психологічної, культурної і міжкультурної взаємодії людей, що спричиняє формування низки прагматично орієнтованих методик, які широко затребувані спільнотами. Наука, передусім філологія, педагогіка, психологія, повинна дати відповіді на виклики часу, у який людина постає як суб'єкт інформаційної епохи у глобалізованому світі.

Автори публікацій розглядають теоретичні питання мовної особистості, аспекти мовної картини світу українців, англійців, білорусів, росіян, японців, корейців, китайців, узбеків у контексті міжмовної комунікації, прояви авторського начала у різних літературних течіях, досліджують роль мовних одиниць у формуванні авторської стилістики тексту, організації дискурсу в ідіолектах письменників та науковців. У статтях аналізуються мовні явища у контексті їх засвоєння при вивченні мови як іноземної, пропонуються методи формування вторинної мовної особистості та дидактичні матеріали для вивчення російської і української мов як іноземних.

Дослідницьке поле презентує різні наукові парадигми. Тематика статей актуальна. У статтях представлено розвідки на рівні мовних одиниць, концептів, текстів, інтертексту і дискурсу. Проаналізовано науковий, художній, розмовний, електронний дискурси. Роботи виконані на матеріалі української, російської, англійської, китайської, японської, казахської мов.

Статті орієнтовані на широке коло читачів, яких цікавлять проблеми мовної комунікації, мовної свідомості і мовного впливу, формування мовної особистості.

Редколегія

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА.....3
До ювілею професора В.П. Мусієнко.....8

МОВОЗНАВСТВО. ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Мусієнко В. П. Лінгвокультурологія: теоретичні підстави і можливості.....12
Радзієвська Т. В. Мовна особистість і «фактор дискурсу».....16
Жаботинская С. А. Лингвокогнитивные техники языковой личности: грамматикон конструкций в цитатах В.С. Черномырдина.....21
Бакиров П.У. План содержания пословиц народов мира с концептами «ВОСПИТАНИЕ» и «СЕМЬЯ».....34
Авезов С.С. «Шахнаме» – энциклопедия иранской мысли.....38
Агламов Т.Х., Ходиева О. Ш. История создания авторской лексикографии.....44
Авезов С.С. Сленговые слова в лексике Интернет-пользователей.....48
Барабанщикова О. Ю. Симпиомы свертывания метадиалога при переходе к монологической форме речи.....52
Баркович А. А. Субъектная специфика интернет-коммуникации.....56
Барменкова О. П. Разговорная и просторечная лексика в творчестве В. Шукшина на примере его рассказов: «Сельские жители», «Земляки» и «И разыгрались же кони в поле».....60
Bobchynets L. I. Lexico-semantic and structural peculiarities of nominations of addictions in English and Spanish.....63
Богданова І. В. Мовна особистість героя-оповідача в романі Ф. Беґбедера «99 франків»...66
Богова М. Г. Язык вражды: протестные новообразования.....73
Болтаева М. Ш., Болтаева М.А. Роль русского языка в обогащении лексики узбекского языка.....77
Бондар М. В. Мовна особистість перекладача турецьких художніх текстів.....82
Бондарь М. В., Чжан Ц. Лексико-тематические группы слов коронавирусного новояза....87
Велівченко В.Ф. Етнокультурний аспект мовної особистості.....92
Ганєчко В.В. Термінологічна лексика за часів COVID-19: номінативний аспект.....95
Гебре Д. А., Кордун Т. Г. Мовна особистість як носій національно-культурного простору..99
Гладко М. А. Дискурсообразующие модусы познавательного телепространства.....103
Гудзина В. А. Семантическое наполнение концепта «счастье» в западной и восточной культурах.....108
Денисюк В. В. Щоденникові записи як джерело поповнення алкономінацій в українській мові.....111
Джураева З.Р. Пословицы и поговорки русского языка с фитонимом-дендронимом.....115
Еромейчик Т. В. Метафорические проекции в дискурсе спорта.....119
Завальська Л. В. Комунікативна тактика демонстрації інтелекту в українському політичному дискурсі.....122
Иванова Л. П. Когнитивный уровень языковой личности А.С. Пушкина. Неожиданный аспект (лингвоимагологический подход).....125
Кабулова Л.Т., Турдымуратова У.М. Концепт «семья» в каракалпакской языковой картине мира.....129
Клеофастова Т.В., Жунжун Цзо Особенности изображения «героя времени» в современной российской и китайской прозе.....133

Кондратенко Н. В. Номінації італійських страв і напоїв у лінгвосвідомості українців.....138
Корновенко Л.В., Писаренко К.А. Стилеметрия как прием изучения колоративов: на материале поэзии С. Есенина.....142
Кретов П. В. Символічна природа мовленнєвої ідентичності: контингентність і конфлікт.....145
Кретова О. І., Супрун Н. М. Постать наратора у романі М. Зузака «Крадійка книжок»...151
Лисюченко О. В., Атаєв С. Семантика фразеологических оборотов как стереотип отражения национально-культурной ментальности.....155
Масимов О. М. Понятие лексико-семантического поля.....158
Маюк Е. П, Судиловская А. А. Языковые манифестация реабилитации имиджа организации в интернет-дискурсе.....161
Нематова М. Ф. Иерархия и гипонимия на фонологическом ярусе языка.....167
Носиров О. Т. Социокультурные и этнокультурные аспекты языковых средств выражения концептов «зима», «лето».....170
Орлова С. Л. Формирование традиции обращения к собеседнику на «вы» в письмах русской интеллигенции XIX – начала XX века.....174
Пак М. К., Чекмарева Н.В. Способы адаптации англицизмов в современном русском языке.....178
Палатовская О. В., Цань Чжан Лексико-семантическая классификация фразеологизмов с квантитативным компонентом (на материале современного английского языка).....185
Потапова Г. М. Концептуально-образний аналіз як засіб розуміння твору.....189
Прокопович Н. Ю. Мовна особистість М. Ю. Кольцова.....193
П'янзін С. Д. Мовний аспект дефініції конфлікту.....196
Радчук О. В. Концептуальне ядро значення еквівалентних ад'єктивів *безпечний* (укр.) – *безопасный* (рос.).....199
Rozikova N. N. The formation of a language personality under the influence of the mass media.....204
Ромащенко Л. І. Новий варіант українського правопису: об'єктивна необхідність?.. Розмисли не-лінгвіста.....208
Рысмагамбетова С. Б. Сленг как показатель речевого поведения и социального статуса (на примере романа джерома сэлинджера «Над пропастью во ржи»).....213
Сидоркова Л. Р. Использование стилистически маркированной лексики в создании языковых портретов булгаковских персонажей.....219
Синявская О. Е. Использование личных имен в качестве коммерческих наименований: функционально-прагматический аспект.....223
Умбетова Н. Ж. Чувство национального самосознания в творчестве О. О. Сулейменова...227
Чоракулова Д. З. Библеизмы, их роль и место в жизни.....231
Шаповал В. В. Почерк как черта языковой личности.....235
Шведова М. О. Мова прози Миколи Зерова на тлі корпусу текстів 1910-1935 років.....240
Швелідзе Л. Д. Етикетна мовленнєва поведінка політиків у мережевому спілкуванні.....245
Шарипова Д. Г. Особенности романа «Сандро из Чегема» Ф. Искандера.....248
Шевченко Т. В. Прагматичні типи речень в українському художньому дискурсі.....252
Шилей Е. В. Концепция языковой личности в исследованиях коммуникативного пейзажа современного города.....255
Шундель Т .О. Синкретичні конструкції з перехідними відношеннями атрибутивності та відношеннями простору.....259
Скоробогатова Е.А. Актуализация внутренней формы слова поэзии Иосифа Бродського.....263

МЕТОДИКА ВИКЛАДАННЯ МОВИ І ЛІТЕРАТУРИ

Бабаева Л. Р. Теоретические основы изучения метода кейс-технологий в современной теории литературы.....267
Бозорова Н. Х. Русская языковая личность и задачи ее изучения.....272
Ботвинова К. В. Преподаватель-блогер (на примере использования аккаунта в сети Instagram).....276
Василенко М.П., Салава И. В. Формирование орфоэпических навыков у учащихся 5-х классов в программах и учебниках по русскому языку.....281
Доброштан Т. В. Русский язык делового общения на начальном и продвинутом этапе обучения иностранных студентов: лексико-грамматический практикум.....288
Іванова Н. П., Костюк Т. П. Курсовий проєкт як елемент освітнього процесу у підготовці майбутніх філологів.....292
Кажигалиева Г. А., Кажигалиева Гж. А., Асипбек М. К. О становлении языковой личности будущих учителей-предметников: лингвокультурологический аспект....297
Кендюшенко А. Г. Презентация темы «Способы выражения сравнения в русском языке» в иноязычной аудитории.....302
Киба Л. М. Пандемія коронавірусу COVID-19 як виклик фаховій іншомовній освіті.....307
Козиева И. К. Развитие морфонологии как аспекта науки о языке.....311
Куліш І.М., Королюк Г.О., Некоз І.В. До проблеми підготовчого етапу інтегрованого навчання фізичної реабілітації та англійської мови майбутніми реабілітологами....314
Мустафаева Л. М. Языковая сущность паремий и их роль в языковом образовательном процессе вуза.....318
Орлова Н.В. Концепт тривожності як психологічний атрибут процесу вивчення іноземої мови.....322
Прищепа Е.К., Власенко С.М. Лексико-граматичне наповнення кейсу О.С. Пушкін – видатний російський митець на початковому етапі вивчення другої мови.....325
Орзиева Л. Н. Развитие синтаксических норм русского литературного языка.....328
Решетілова О. М., Прокоф'єва К. А. Проблема сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців в умовах сучасного закладу вищої освіти.....331
Саидова М. Р., Ходиева О. Ш. Работа по развитию речи на текстовом материале по специальности «Физическая культура и спорт».....336
Саидова М. Р., Убайдова Д. А. Использование текстов песен на занятиях русского языка в национальных группах.....340
Самойленко О. В. Колочкін П. Шляхи вдосконалення викладання мовних дисциплін у дистанційному форматі.....342
Сливка Н. П. Емоційний аспект розвитку мовної особистості (на прикладі емоції "радість" в англомовному дискурсі).....347

МОЛОДІ ГОЛОСИ НАУКИ

Анри Луиз Морфологический статус слова пальто в русском языке: корпусное исследование.....350
Бойко О. О. Слов'янські символи і фольклорні інтертекстеми як прояви інтермедіальності в тетралогії Дари Корній «Безсмертні».....356
Буй Тхи Ван Тхы Особенности перевода русских частиц на вьетнамский язык.....360
Гончарова Ж. Н. Субстантиваты с переменным предметным значением в стихотворениях Б. Чичибабина.....368

Єпімахова К. Воспитательная роль пословиц при изучении
русского языка как иностранного.....372
Лам Луї Лок Проблема перевода фразеологизмов, выражающих
материально-денежные отношения в русском и английском языках.....374
Матюк Н. А. Искусственноязыковые средства создания образности
в «Заводном апельсине» Э. Берджесса.....378
Чжоу Мэнсянь Делакунизация в переводах северных рассказов
Джека Лондона на русский язык.....380
Шен Женьчао Проблема полисемии колоративов в русском и английском языках.....387
Ючко О. Л. Лексический портрет литературного персонажа в ситуации изменяющихся
обстоятельств (на материале рассказа А. П. Чехова «Хамелеон»).....390
Пен Чен Использование общественно-политической лексики
в публицистическом стиле.....394
Нгуен Май Фионг Образ Вьетнама в современной русской лингвокультуре.....397

До ювілею професора В.П. Мусієнко

Збірку наукових праць присвячено 70-річчю відомого українського філолога, доктора філологічних наук, професора кафедри російської мови і літератури Київського національного лінгвістичного університету ***Валентини Павлівни Мусієнко.***

Багатогранна наукова діяльність ювілярки охоплює різні галузі сучасного мовознавства та суміжних наукових дисциплін: комунікативну і функціональну лінгвістику, соціолінгвістику, психолінгвістику, міжкультурну комунікацію, методику навчання лінгвістичних дисциплін.

Багато років Валентина Павлівна очолювала кафедру загального та російського мовознавства Черкаського національного університету, а з 2010 р. – кафедру російської мови і літератури Київського національного лінгвістичного університету. Видатна науковиця, відома фахівчиня у світі лінгвістики В. П. Мусієнко поєднує плідну наукову діяльність з інтенсивною педагогічною роботою. За час викладацької і наукової роботи ювілярка стала визнаною в наукових і академічних колах України і світу, зробила вагомий внесок у розвиток педагогічної науки, відродження національної школи. Свідченням вагомості наукового доробку Валентини Павлівни в українську науку й освіту стали численні монографії та публікації, а також підручники з важливих напрямів мовознавства. Усі роки своєї творчої діяльності Валентина Павлівна присвятила питанню популяризації мови. Праці В. П. Мусієнко увійшли до наукового обігу, до списків обов'язкової літератури для студентів, відіграли важливу роль у формуванні наукового світогляду кількох поколінь фахівців з лінгвістики. Ювілей вченого – це приємна нагода для колег, друзів і учнів висловити своє шанування й подяку. У збірці, яку видано на основі міжнародної наукової конференції, взяли участь як відомі вчені України, так і фахівці зарубіжних країн, студентство.

Розмаїття проблематики опублікованих статей відбиває широкий спектр наукових інтересів ювілярки, коло її академічних контактів, що визначено складом авторів збірки, темами та змістом статей. Широту наукового пошуку ювілярки найкраще відбиває представлена нижче бібліографія праць Важко перерахувати всі конструктивні ідеї, теоретичні побудови, знахідки й уточнення, які відображено в статтях і монографіях В. П. Мусієнко (всього у її науковому доробку 140 праць). Кожна її стаття, не кажучи про монографії, має зерно наукової оригінальності, висуває новий предмет для дослідження або пропонує оригінальний погляд на предмет, який начебто є цілком зрозумілим. Виняткова сумлінність науковиці органічно поєднується з творчою ініціативою, високою принциповістю й уважним, чуйним наставництвом наукової зміни.

Значна кількість авторів цієї збірки співпрацювала з Валентиною Павлівною або здійснювала перші кроки в науці під її керівництвом. Як науковий керівник, В. П. Мусієнко відзначається уважністю, здатністю підтримати людину в моменти наукового пошуку й сумнівів. Професор В. П. Мусієнко очолює наукову школу з проблем комунікативної і функціональної лінгвістики. Під її керівництвом захищено шість кандидатських, дві докторські дисертації, представниками школи опубліковані численні наукові праці у фахових виданнях України.

Валентина Павлівна виявила себе і як талановитий викладач вищої школи, про що можуть краще сказати її численні студенти. Людина делікатна і водночас вимоглива, коли йдеться про науку, вона володіє здібністю створювати навколо себе творчу, сприятливу для ефективної співпраці атмосферу. Педагог керує науковими проєктами, бере участь в конференціях, активно публікується, можна сказати, що вона вдало поєднує у своїй діяльності академічну науку й вищу освіту.

Запропонована збірка наукових статей представляє широкий діапазон авторських концепцій, багато з яких було стимульовано роботами й виступами В. П. Мусієнко. Автори використовують різноманітний матеріал з російської, української та інших мов. У збірці розглядають актуальні проблеми сучасної лінгвістики в межах як комунікативної, так і функціональної парадигми. Широта проблематики й високий дослідницький рівень статей роблять збірник цікавим не тільки для лінгвістів найширшого кола спеціальностей, а й для представників суміжних галузей, а також для всіх тих, хто цікавиться проблемами мови. Автори збірника належать до різних поколінь дослідників і наукових шкіл. Водночас усі вони представленими тут працями виражають глибоку пошану талановитій науковиці, педагогу, Людині – ***Валентині Павлівні Мусієнко.***

І трохи лірики …

Валентина Павлівна – гарний друг і мудрий керівник. Колектив викладачів і аспірантів, а потім і доцентів, з яким вона працювала понад тридцять років у Черкаському національному університеті імені Богдана Хмельницького, відчував і раніш (а особливо зараз), що все, що ми вміємо і знаємо – це заслуга і Валентина Павлівни.

Потому что так работать – самозабвенно и тщательно, так увлекаться наукой и с такой легкостью продуцировать идеи – может только Валентина Павловна.

Щедровать с козой, печь блины на Масляницу, проводить благотворительные Ярмарки…., отдыхать – весело и от души – может только Валентина Павловна!

Так воспитывать – деликатно и заботливо (после этого хочется свернуть горы!) – может только Валентина Павловна!

Вдячні учні

Наукові праці В. П. Мусієнко

Функционально-семантическая категория меры в русском языке. Москва, 1997. 249с; Сопоставительная грамматика русского и украинского языков: науч. изд. К.: Наукова думка, 2003. 534 с. (у співавт.: Г. Д. Басова, А. В. Качура, А. В. Кіхно та ін., частка автора 6,0 д. арк.); Особенности аффиксальной модификации глаголов в направлении интенсификации его значения // Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia filologiczne. Zeszyt 33. Filologia rosyjska (13). Bydgoszcz 1991, с.191-209; Проблема істинності лінгвістичних знань // Мовознавство, 2000. № 2-3, с. 11-16; Активізація українського мовного коду в російському мовленні в Україні // Мовознавство. 2004. №5–6, с. 42-55; Українська етнографічна лексика: ідентифікація та типологія // Мовознавство. 2006. № 2–3, с. 130-136; Дискурсивний вимір інтертекстуальності в повісті О. Кобилянської "Царівна"// Стил. Международный журнал. № 9, Београд, 2010. с. 177-187; Мистецтво тлумачення Святого Письма у перекладацьких коментарях С. Аверинцева // Мовознавство, Київ, 2012. №3. с. 32-46; Суржик у студентському середовищі: Функціонування та рефлексія//Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Випуск 26. К., 2013. с 6-12; Стилистические приемы повествовательной манеры Л. Гумилева// Мовознавчий вісник. Збірник наукових праць. Черкаси: ЧНУ, 2016. Вип.21, с. 178-185; Фактор автора в герменевтическом процессе // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. Серія «Філологія». Вип.77. Харків, 2017, с. 80-85; Психологические предпосылки понимания текста// Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО. КНЛУ, Серія Філологія, педагогіка, психологія. Вип. 18. К.: Вид. центр КНЛУ, 2018, с 14 – 22; THE CONCEPT 'TRUTH – LIE' IN THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGE IMAGES OF THE WORLD // Workshop Proceedings : EU Cross-Border Cooperation Activities and Governance of its Eastern Neighbourhood: збірник матеріалів семінару (англ.м.). Черкаси, 2019. с. 72-74.

Русский язык: учеб. для 5 кл. гимназий, лицеев с укр. яз. обучения. К.: Освіта, 1996. 224с. / Снитко Е.С., Озерова Н.Г., Ковалева Л.С. Дядечко Л.П.); Введение в психолингвистику: учеб. пос. К., 1996. 120с.); Введение в языкознание: Учеб. пособ. К.–Ч., 2013. 136с. (співавт. Л. Н. Кулешова); Общее языкознание: просеминарий: Учебн. пособ. Киев – Черкассы, 2013. 212с. (співавт. Л. В. Корновенко); Рабочая тетрадь по введению в языкознание: Учебн. пособ. Киев-Черкассы, 2015. 180с. (співавт. Л. В. Корновенко); Герменевтика. Черкаси, 2019. 302с. (співавт. В. Р. Дуйкін); Русское словообразование: учебное пособие для студентов. Черкассы, 2020. – 124 с (співавт. Л. В. Корновенко).

Наукове редагування

Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Черкаси, Вип. 1-6. (1997- 2006).

Організація самостійної роботи студентів : зб. наук. статей./ ЧДУ ім. Б. Хмельницького. – Черкаси, 2003

Актуальні проблеми менталінгвістики : збірник статей за матеріалами Міжнародної наукової конференції. – Черкаси (1999-2011).

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 42. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2002. – 180 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 44. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2003. – 177 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 46. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2003. – 186 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 59. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2004. – 156 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 60. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2004. – 156 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 67. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2005. – 200 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 68. – Черкаси: Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2005. – 172 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 76. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2005. – 196 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 78. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2005. – 157 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 86. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2006. – 248 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 94. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2006. – 192 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 95. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2006. – 200 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 102. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2007. – 139 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 116. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2007. – 220 с.

Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. Вип. 140. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2008. – 220 с.

Вісник Черкаського університету: Серія Філологічні науки. Вип. 169. – Черкаси : Вид. від. ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2009. – 231 с.

Языковая личность: лингвистика и лингводидактика / МОН Украины ; Киевский национ. лингвист. ун-т. – Киев, 2013.

Мовна особистість: лінгвистика и лінгводидактика. Вип. II / МОН України ; Київський нац. лінгв. ун-т. – Київ ; Черкаси : Вид-во Чабаненко Ю. А., 2015. – 159 с.

Мовна особистість: лінгвистика и лінгводидактика. Вип. III / МОН України ; Київський нац. лінгв. ун-т ; Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького. – Київ ; Черкаси : Вид-во Чабаненко Ю. А., 2016. – 268 с.

Мовна особистість: лінгвистика и лінгводидактика. Вип. IV / МОН України ; Київський нац. лінгв. ун-т ; Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького. – Київ ; Черкаси : Вид. ФОП Гордієнко Є. І., 2018. – 286 с.

Мовна особистість: лінгвистика и лінгводидактика. Вип. V / МОН України ; Київський нац. лінгв. ун-т ; Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького. – Київ ; Черкаси : Вид. ФОП Гордієнко Є. І., 2020.

Редколегія

МОВОЗНАВСТВО

***

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

В. П. МУСІЄНКО
Київский національний лінгвістичний університет

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ: ТЕОРЕТИЧНІ ПІДСТАВИ І МОЖЛИВОСТІ

У статті обговорюється питання надійності методологійних підстав лінгвокультурології. Доводиться, що оскільки місцем фіксаціїї мови є свідомість людини, а культура здобувається у буттєвому досвіді, то перспективи лінгвокультурології полягають у диференціації досліджень стосовно культурних типів особистості.

Ключові слова: лінгвокультурологія, лінгвокраїнознавство, мовна особистість.

Метою цієї розвідки є аналіз теоретичних підстав актуального нині наукового напряму лінгвокультурології та окреслення його меж і можливостей.

Існує два протилежні визначення лінгвокультурології:

1. Лінгвокультурологія досліджує історичні і сучасні мовні факти крізь призму духовної культури – тобто це культурологічне коментування мови, екстралінгвістика, як наприклад, соціолінгвістика. Тут не виникає суттєвих заперечень, однак Лінгвокультурологія у такому вигляді нагадує Лінгвокраїнознавство.

2. Лінгвокультурологія – це галузь лінгвістики, яка досліджує прояви культури народу, відображені і закріплені у мові. Такий підхід варто протестувати на методологійну міцність і практичну потужність.

Немає лінгвіста, байдужого до ідеї В. фон Ґумбольдта про зв'язок мови народу і духу народу, про внутрішню форму мови, що зумовлено професійною рефлексією над словом. Пафос Й. Гердера щодо рідної мови викликає у кожного зустрічне солідарне почуття: «Родной язык, весь объем понятий, который мы усвоили с материнским молоком. Родной язык, целый, мир знаний, не являющихся изученными. Родной язык, поле, на котором произрастали все письмена светлого разума, – что это за кладезь идей? Это гора, по сравнению с которой горстки философских абстракций – лишь жалкий искусственный холмик, как несколько капель извлеченного разума по сравнению с мировым океаном языка».

Сучасний етап лінгвістики демонструє стійкий інтерес до етнічного у мові на фоні орієнтації сучасної європейської свідомісті на ідіоетнічність, що особливо притаманне народам, які недавно отримали політичний суверенітет і занепокоєні пошуком своєї самобутності. Безумовно, це справедливо і щодо українського етносу. Об'єктом уваги лінгвокультурології, етнолінгвістики, лінгвофольклористики, лінгвокраїнознавства, міжкультурної комунікації. є національна мова і національна культура і, зрозуміло, мовна і концептуальна картини світу. У таких дослідженнях проблеми зорієнтовані по осі: своє – чуже, універсальне – етнічне. Мовна особистість до уваги не береться, хоча саме вона є носієм і хранителем мови, а тому і об'єктом лінгвокультурології: нема ні мови, ні культури поза її носіями. Тут і виникають проблеми, які потребують обговорення. Причому як у теоретичному, так і в практичних аспектах. Для більшої наочності варто почати з практичних аргументів – як очевидних.

1. Викладання російської мови в українському виші у відриві від вивчення російської культури зразу демонструє нам, що знання чужої мови не забезпечує знання культури. У вчених лише складається таке враження, тому що вони спостерігають за собою або за людьми, які оволоділи тим чи іншим чином культурою, раніше передусім через словесність, художні фільми. Нинішня молодь не знає таких культурем, як *тальник, драчена, бархатцы,* багатьох фразем та крилатих слів (наприклад, *Остапа понесло* не викликає зворотної реакції зали). Отже, білінгвізм може бути монокультурним. Далі: наскільки правомірно говорити про бікультурний білінгвізм за межами материкової мови? Т. Тер-Мінасова у підручнику «Мова і міжкультурна комунікація» зазначає, що, за її спостереженнями, викладачі англійської мови перебувають у полі англійської культури. Зрозуміло, що йдеться про московських викладачів, які мають гарну культурну підготовку та поїздки до Британії. Аналіз картини світу сільської вчительки швидко розхитує таке бачення – згадайте класичну фразу з «Покровських воріт»: *Дивлюсь, як наші грають французьке життя* (ще була залізна завіса).

2. Для розуміння російської мови іноземцями потрібен культурний коментар, і його глибина може бути різною: *Валенки* – а) традиційне зимове взуття, «чоботи» з повсті; б) малюнок; в) підшиті, з галошами, г) оспівані Л. Руслановою: *Чем подарочки дарить, лучше б валенки подшить*»; д) особливе взуття радянської номенклатури. Більше того, треба цілий курс «Лінгвокраїнознавство», та й він не забезпечує культурної асиміляції за п'ять років (залежить від ступеня інтеграції у соціум: турки пристосовуються швидше, китайці – важче).

3. Носій мови з іншого регіону не може зразу інтегруватись у нову культуру іншого регіону, хоча говорить тією ж мовою (порівнємо тут захід і схід України). Якою мірою носій національної мови володіє відповідною національною культурою? Чи є загалом ця культура однорідною?

4. Українська письменниця Л. Ніцой стверджує: ми повинні стати українцями, а для цього говорити українською і читати українську класику. Чи забезпечують ці два фактори українськість індивіда? Чи можна почуватися українцем, не читавши української класики? Або послуговуючись російською мовою? Зрозуміло, що відповідь позитивна.

5. І найприкріше. Політика міжкультуральності у Європі зазнає краху на очах. Африканські та азійські мігранти говорять французькою, але не приймають французького бачення світу. Лише перші хвиля мігрантів пройшла асиміляцію і вписалась деякою мірою у нову культуру.

Висновок зі спостережень над мовно-культурною практикою: *знання національної мови і володіння національною культурою – явища не тотожні*. Для того, щоб оволодіти культурою, треба в неї вжитися, з'ївши пуд солі (до речі при максимальній дозі в 25 грамів – це десь 2 роки).

<u>Методологійний аспект лінгвокультурології також суперечливий.</u>

1. Усі дослідження ґрунтуються на відомому положенні В. фон Гумбольдта про мову як дух народу, а дух народу як його мову, про мовне коло, в яке вписана людина: «*Мир превращается в мысль посредством слова*». Автор, звичайно, мав на увазі мову як діяльність: слово зачіпає у свідомості якусь зону, формуючи думку – близьку, але не тотожну. Під впливом матеріалістичних поглядів ця ідея трансформувалась у загальновизнане зараз положення про те, що мова – це носій культури.

Здається, що у питанні методологійних підстав лінгвокультурології варто розрізняти дослідницький аспект і мовно-особистісний.

Дослідницький аспект. Як стверджується у більшості підручників, лінгвокультурологія – це галузь лінгвістики, яка досліджує прояви культури народу, відображені і закріплені у мові. Кілька цитат.

- «Язык служит средством **накопления** и **хранения** культурно-значимой информации».
- «Лингвокультурология изучает прежде всего мифы, обычаи, привычки, обряды, ритуалы, символы культуры и т.д. Эти концепты принадлежат культуре, они **закрепляются** в формах бытового и ритуального поведения, **в языке**».

Отже, ця галузь знань грунтується *на кумулятивній функції мови*, тобто, мова накопичує інформацію про культуру народу, а декодування мовних одиниць розкриває культуру. Зразу зазначимо, що в плані дослідницькому, слово дійсно може стати поштовхом для конкретної розвідки про уявлення носіїв мови. Але це буде наукова розвідка, що потребує не стільки роботи зі словом, скільки польових досліджень у дусі школи М. Толстого. Саме слово, відірване від буття, не забезпечує національно-культурної підстави. Цю галузь можна назвати і культурологією, і етнографією, можна вивчати наївну анатомію і наївну медицину.

Кумулятивна функція мови визнається не всіма вченими. Питання пов'язане з проблемою мовного знака и способів формування картини світу, взаємодії картини світу і мовної картини світу.

2. Розглянемо наступне положення, яке виходить на **рівень мовної особистості**:

- «Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не *на основе самостоятельной переработки своих мыслей* и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, *который зафиксирован в мифах и архетипах*; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать».

З погляду сучасної науки, твердження не витримує критики з багатьох причин. Насамперед, картина світу людини формується передусім через досвід: *скільки не кажи халва, а в роті солодко не стане*. Аргументами можуть бути: розвиток індивіда в онтогенезі, розвиток людини як виду, діяльність глухонімих людей, які оволодівають катриною світу через власний немовний досвід. З іншого боку, у сучасному мовознавстві утверджується думка про змішаний характер мислення, в якому пересікаються логічні категорії, мовні значення, образи, враження, емоції, відчуття, інтуїція, а свідомість розглядається як динамічне утворення.

Якщо пристати до кумулятивної функції мови, виникає питання *механізму такого накопичення*. Виходимо з базового положення не психологів і психолінгвістів, а структуралістів про те, що мова існує не де інде, як у свідомості людей (Ф. де Соссюр). Свідомість індивідуальна, отже мовний зміст мусимо визнати також індивідуальним, як і накопичену культуру. Вихід на спільну культуру *засобами мови* може бути здійсненим лише на основі білатеральної теорії знака – тобто єдності форми і знака. Але вже сам Ф. де Соссюр розрізняв значення і значимість, виходячи за межі білатеральності, О. О. Потебня писав про три складники знака, про ближче і дальше значення слова, перше з них – загальнонародне, друге індивідуальне. Нині у мовному знаку визнають до шести елементів.

У логіко-філософському напрямку, що йде від Ч. Морріса і Р. Карнапа, приймається унілатеральна концепція, тобто знак має лише одну сторону – план вираження (у мові – це звукова оболонка). Значення не входить в знак, воно – факт свідомості, а значить індивідуально зафарбоване.

Культурні компоненти можуть не мати вербального означення у структурі свідомості, оскільки мовна і концептуальна картина світу не співпадають. Вербалістська точка зору на спосіб мислення відійшла у історію. У психології, нейролінгвістиці домінує авербалістська точка зору на мислення. Н. Жінкин зазначає: «Мышление реализуется не на каком-либо национальном языке, а на *особом* языке, выработанном каждым мыслящим человеком». Наше розуміння аперцептивне – воно визначається нашим попереднім досвідом.

3. Лінгвокультурологія орієнтується на абстрактну надіндивідуальну національну мову і інваріантну (народну, власне простонародну) національну культуру, однак вони існують у різних формах, які пересікаються між собою, доповнюються, протистоять одна одній.

Є беззаперечним положення про те, що будь-яка національна мова існує лише у формах (діалект, соціолект, літературна, суржик). Національна культура такий же абстракт, як і національна мова. *Національна культура не однорідна.* Положення про хвильову теорію культури справедливе, досить спостережень на порубіжжі. Явища культури легко наслідуються, навіть без мовних маркерів, наприклад, одяг. Отже, постає питання: якщо мова відображає культуру, то яку саме? Відповідь очевидна: ту, в якій побутує мовна особистість.

4. Проголошений предмет лінгвокультурології – «прояви культури народу, відображені й закріплені у мові». На ділі ж, лінгвокультурологічні дослідження (пошук культурних значень у мові) здійснюються на позамовному матеріалі (пор. базові поняття: *культурна сема, культурний фон, культурний концепт, культурний фонд, лінгвокультурема* – дослідник спроможний їх зафіксувати, оскільки вже має відповідні знання). Пор.:

- «В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания (например, на слово-стимул СОЛНЦЕ испытуемые дают ответы, среди которых есть идущие от семантики мифа – луна, небо, глаз, Бог, голова и др.). Лингвокультуролог должен применить некоторые *специальные приемы* для извлечения заложенной в языковых знаках культурной информации».

5. Методологійною підставою для лінгвокультурології може бути *суспільна свідомість.* Вона дійсно є носієм спільної культури, але формується у результаті *спільного життя*, безумовно, і через мовну практику, але вплетену у соціокультурне буття, отже, сама по собі мова не є носієм культури. Сформована картина світу забезпечує бачення світу і сприяє спільності знань і поведінки людей у соціумі. Людина, як істота суспільна, може входити в соціальні групи різного рівня: сім'я, трудовий колектив, соціальна страта, партія, етнос, цивілізація, вона сповідує якусь релігію, нарешті, представляє людство.

Отже, мова не детермінує змісту засвоєної культури особистості, вона лише може спонукати до засвоєння якогось культурного комплексу.

7. **Можливості лінгвокультурології.** Дослідницький вектор лінгвокультурології має перспективу за умови врахування чинників мовної особистості шляхом побудови багатовимірної матричної моделі. Треба визнати, що немає єдиної національної мови, як і спільної національної культури. Модель повинна включати мову і її форми, національність, освіту, соціальну групу, світоглядну позицію, стать, сферу діяльності, відношення до субкультури, соціальне походження, регіон проживання, вік. Наприклад, двомовна російсько-українська жінка, українка, з сільської родини, з інтелігентів, живе у Києві, гуманітарій, учителька, 60 років.

На цій основі можна визначити варіювання лінгвокультурного пласта мовної свідомості й визначити типи за рівнем складності. Украй цікавим є характер взаємодії чинників (домінанти), зміни від оточення та віку, рефлексія над культурою та створення образу і т. ін. Такий підхід дає можливість сформувати теоретичні підстави для вивчення лінгвокультурних типажів, які зараз визначаються інтуїтивно (гусар, сваха, гламурна дівчина і т. ін.) і описуються за принципом наївної лінгвістики: не за їх мовною діяльністю, а як вони зафіксовані у картині світу.

Програма дослідження повинна орієнтуватися на встановлення напрямів детермінації. Установити детермінації можна, як завжди в емпіричному дослідженні двома шляхами:

спостереженням за мовленням у контексті комунікативної ситуації та експериментами. Оскільки чинників багато, перелік варіацій відкритий, він залежить від практичних потреб дослідження.

Прагматичні завдання лінгвокультурології плідні у двох напрямках. По-перше, це традиційне річище Лінгвокраїнознавства при викладанні мови іноземцям. Завдання полягає у визначенні базових лінгвокультурем і встановленні способів їх засвоєння, чим опікується методика викладання мови. Друге завдання набагато складніше – це укладання лінгвокультурологічного словника з базових культурем (обсягом до 500 одиниць) для формування спільного етнокультурного поля представників різних соціально-демографічних груп. Однак це завдання для нас у період соціального, політичного і етнічного протистояння, на зламі історичних епох видається не на часі.

В статье обсуждаются вопросы теоретических оснований лингвокультурологии и обусловленные этими основаниями ее возможности. Исходя из доминирующего в психологии и психолингвистике авербалистского взгляда на характер человеческого мышления, сомнительности аккумулятивной функции языка ввиду сложной природы языкового знака, доминирования индивидуального опыта в усвоении культуры, существования этнического языка в разных формах и абстрактности понятия национальная культура, автор усматривает исследовательский потенциал лингвокультурологии в приложении ее к типам языковой личности.

Ключевые слова: *лингвокультурология, лингвострановедение, языковая личность.*

The article discusses issues of methodology of lingocultorology and its scientific potential. It argues that the scientific potential lies in differentiation of research regarding cultural types of a person. This is because locus of language is found in a person's conscience and the culture is derived from one's living experience.

Keywords: *lingocultorology, lingocountry studies, lnaguage personality.*

Т. В. РАДЗІЄВСЬКА
Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні
Національної Академії наук України

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ І «ФАКТОР ДИСКУРСУ»

Статтю присвячено дослідженню мовної особистості крізь призму мовної поведінки індивіда у межах різних дискурсивних практик. Пропонується виділення двох етапів аналізу – описовий та інтерпретаційний. Якщо описовий етап не передбачає застосування ускладнених методів і методик, то інтерпретаційний етап, навпаки, потребує аналізу, який має брати до уваги не лише внутрішні механізми дискурсу, а й культурні, соціальні, історичні, прагматичні особливості конкретної дискурсивної практики. У цьому контексті вивчається мовленнєва поведінка П. О. Лавровського, одного з відомих славістів XIX ст., професора Харківського університету, у межах критико-аналітичного наукового дискурсу.

Ключові слова: *мовна особистість, критико-аналітичний дискурс, П. О. Лавровський, славістика XIX ст.*

Вивчення мовної особистості, безперечно, є і залишається одним з найактуальніших завдань сучасних лінгвістичних і лінгвокультурологічних студій, яке відкриває перед дослідником широке коло наукових пошуків. Один із підходів, який ми пропонуємо назвати дискурсивним, пов'язаний з тезою про необхідність при вивченні мовної особистості спиратися на матеріал дискурсів різних типів, які репрезентують мовленнєву діяльність і мовленнєву поведінку носія мови (мов). Цілком природно, що при прагненні здійснити багатоаспектний або усебічний опис мовної особистості має сенс звертатися до тих усталених лінгвокультурних доменів, які відповідають сферам самореалізації індивіда, завдяки яким можна окреслити спектр його мовленнєвої діяльності. Так, «зразково-прецедентною» моделлю для завдань такого типу став опис мовної особистості професора О. О. Реформатського, у якому були враховані різні мовленнєві вияви індивіда у різних

типах дискурсу – науковому, сімейно-побутовому, епістолярному, поетичному [1, с.152–212].

При вивченні мовної особистості в світлі «фактору дискурсу» (або при дискурсивному підході) слід виділити два етапи. Перший – переважно описового характеру – передбачає спостереження над особливостями мовленнєвої самореалізації носія мови в межах різних дискурсивних практик та їх фіксацію й систематизацію. Другий пов'язаний з виробленням інтерпретаційних рішень щодо тих чи інших аспектів мовленнєвої поведінки індивіда в межах різних дискурсів, що стосуються, передовсім, номінативного вибору, а також певних лінгвокультурних стереотипів, преференцій, мовленнєвих стратегій чи тактик.

Якщо завдання першого етапу для своєї реалізації не потребують застосування ускладнених наукових технологій, то завдання другого етапу, навпаки, приховують значні ризики при спрощеному підході. Насправді вони передбачають не лише урахування внутрішніх механізмів – часто доволі складних і нетривіальних – певного дискурсу, а й урахування його лінгвопрагматичних, культурно-історичних, соціальних, психологічних та інших ознак, якщо в його межах розгортається діяльність індивіда.

З огляду на висловлене ми звернемося до постаті відомого славіста XIX ст., професора Харківського університету та учителя Олександра Опанасовича Потебні – Петра Олексійовича Лавровського (1827–1886). П. О. Лавровський, який протягом тривалого періоду працював викладачем Харківського університету, брав активну участь у культурному житті України, згодом став ректором Варшавського університету, був автором численних, почасти піонерських, праць у гуманітарній площині: це праці, які закладали підвалини таких напрямів досліджень, як слов'янознавство, порівняльна міфологія, україністика, фонетичні, дериватологічні, граматичні студії, лексикографія, порівняльно-історичне мовознавство, джерелознавство та ін.

Безперечну значущість має і критико-аналітична спадщина вченого, де відбита його діяльність як методолога науки та педагога, що мала вплив на формування Харківської філологічної школи та творчу особистість О. О. Потебні. Критико-аналітична спадщина П. О. Лавровського, яка майже не висвітлювалась у науковій літературі, є цінним джерелом для реконструкції його мовної особистості. Звертаючись до цього вектора дослідження, ми розглянемо його на матеріалі відомого в потебнезнавстві розбору праці О. О. Потебні «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» [2] в ракурсі, який можна позначити як прагмастилістичний.

Текст розбору, який налічує 102 сторінки, є доволі об'ємною науковою працею, в якій – не у програмній формі, а в контексті критико-аналітичних міркувань – знайшли відображення наукова позиція П. О. Лавровського, його методологічне credo, розуміння ним засад, завдань та методів наукового аналізу. Основне місце в цій праці належить аналізу проведених логічних операцій з зіставлення об'єктів міфологічного простору в плані їх коректності та відповідності слов'янському матеріалу (з огляду на його відмінність від, наприклад, матеріалу германського).

Поряд зі скрупульозним посторінковим аналізом праці О. О. Потебні, спрямованим на характеристику методології при виконанні дослідження, застосованих методичних прийомів, процедур аналізу, який демонструє не лише глибоке усвідомлення Лавровським завдань науки як окремої сфери діяльності, а й досвід філігранного аналізу винятково складного матеріалу та енциклопедизм знань, текст його розбору містить експресивно-стилістичний складник, на який не можна не звернути уваги.

Різноманіття засобів, що забезпечують експресивний характер викладу у розборі і надають йому ознак публіцистичності, пов'язані здебільшого з **діалогізацією** мовлення. Текст розбору рясніє зверненнями до адресатної аудиторії, апеляцією до неї, формулюванням запитань: *Что же следует сказать об этом взгляде?* (с.33) *...и как же народ, столь чуткий*

к основному мифу, мог бы возвести эту тучу в богиню, покровительницу брака, еще более, сделать из нее мать солнца? Как мог он, в свою очередь, и из бога грома образовать отца для того же солнца? (с.53). *Но почему же так, спросит читатель?* (с.59). *Когда же эта была тождественность? <…> Но тщетно станет искать читатель рассуждения хотя слабый намек на историческое свидетельство вообще о Яге, тем меньше о тождестве ее с Гольдою* (с.64).

Дискурсивні форми в дискусії «Потебня – Лавровський» показують, що в ній цілком відчутно присутня фігура адресата: він уособлює в собі сучасну авторові й рецензенту наукову спільноту. Лавровський, характеризуючи певні процедурні моменти в дослідженні Потебні, апелює до здорового глузду аудиторії: *...кроме того, разве справедливо требовать от только-что обращающегося в христианство народа, успевшего уже сложить более-менее сложную систему языческой религии, требовать догматического знания новой веры?* (с.55). *...разве немецкие поверья о маре, если даже и допустить ее родство с нашей ведьмой, могут всецело быть относимы к последней?* (с.95).

Семантико-синтаксичні засоби відзначаються тут високим ступенем експресії, вислови з інтонацією оклику, докору, навіть сарказму містять синтаксичні структури з акцентним виділенням, емфазою, повторами, підсилювальними частками, нестандартним порядком слів: *Как будто эти наречия и языки не жили своею жизнью, не подвергались переменам, окаменели в момент первоначального образования* (с.33). *Да в приведенных стихах сравнение вовсе не относится к жениху или суженому, а к золоту и невесте! Как золото не пропадает даром, так и невеста не засидится в девках…*(с.57). *Прозорливость для нас необъяснимая!* (с.70). *И чем же виноват язык, если, в своем словообразовании, ему угодно было из отрицания «не» и корня «делай» составить существительное женского рода «неделя»? Уж и под еврейской субботой не понимали ли славяне какого-либо женского божества? А, ведь, и суббота с женским родом* (с.80).

Для вираження критичної оцінки, сумніву, здивування, неприйняття певної тези або логічного переходу, логічних імплікацій, а найчастіше складного комплексу інтелектуально-емоційного реагування Лавровський широко вживає численні знаки оклику та знаки питання в середині речення як парентетичний компонент: *Игра завершается тем, что сорока-ворона урывает шейку (?!) у дитяти, представляемого одним из пальцев…* (с.70). *Она и действительно прядет, потому что (!) пряденье приписывается сороке, вороне, коршуну. А что им приписывается пряденье, видно (!) из названия растений…* (с.70). *…отыскивает в Аккермане (!) действительно криницу, образованную, по поверью, «Параскою, родом из Польши»…* (с.81). У такий спосіб рецензент експлікує своє ставлення до змісту тез у рецензованій праці і водночас мінімальними засобами виділяє проблемний елемент у логіко-синтаксичних ланцюжках рецензованого тексту. Це і модальні предикативи, що вводять пропозицію, і логічні зв'язки, що поєднують пропозиції, і предикати судження.

Цитування фрагментів з рецензованої праці часто супроводжуються в розборі ремарками-коментарями, які додають тексту Лавровського критичної експресії: *«Интересно знать, нет ли где криниц, посвященных Св. Пятнице,» продолжает он вкрадчиво, и разумеется, в бесчисленной массе колодцев и криниц…* (с.81). А в окремих випадках засобом вираження іронічно-скептичного ставлення стають засоби реконструкції пошукових кроків у рецензованому тексті, а також вербальні реакції, у яких поєднуються здивування, розгубленість, нерозуміння: *Неужели слово Покров могло оказать такое влиятельное значение на автора? Но, ведь, Покров, пелена, по отношению к Пресвятой Богородице, имеет свою, чисто християнскую, историю* (с.48).

У окремих випадках, очевидно, для інтенсифікації оцінок, що стосуються аналізу логіки розмірковувань Потебні, Лавровський пише про барьєри в інтерпретації тексту, про неможливість зрозуміти мотивацію автора, в тому числі виходячи з міркувань здорового глузду: *Трудно решить, при всем напряженном внимании, что руководило автором при таком родословии?* (с.54). Пор. також фрагмент, де констатується відсутність у рецензента необхідного лексикону для характеристики логіки міркувань Потебні: *Нелегко приискать рецензенту выражение для определения подобного способа умозаключений. Какой это хорватский обычай, соответствующий дзедовой неделе? Зачем г.Потебня это скрыл? Ведь этим он и в неохотнике по нитке разбирать его исследование возбудит недоверие* (с.73).

Наведені фрагменти (а цей ряд може бути продовжений) показують – і на цьому варто спеціально наголосити, – що виклад у розборі з його експресивним складником відбиває живу й безпосередню реакцію Лавровського при прочитанні рецензованої праці. Водночас емоційний характер викладу поєднується в розборі з поглибленим аналізом самого матеріалу та запропонованими інтерпретаціями.

Погляд на цей експресивно-емоційний складник з позицій норм і стандартів сучасного наукового мовлення, яке виключає будь-яку експресивність у науковому тексті і розглядає її як певну девіацію, природно призводить до оцінки тексту як занадто публіцистичного. Ця публіцистичність, яка кидається в око при поверхневому сприйнятті цієї праці, може задати «альтернативний» вектор в інтерпретації критичної діяльності рецензента: для сучасного інтерпретатора вона здатна створити передумови для хибних імплікативних кроків, наприклад, у світлі надмірно необ'єктивного (несправедливого, негативного) ставлення Лавровського до рецензованої праці.

Разом з тим звернення до традицій наукового дискурсу XIX ст., який у багатьох аспектах відрізнявся від сучасного, відкриває додаткові можливості для потрактування описаних явищ. У науковому історико-філологічному дискурсі XIX ст. критико-аналітичні праці утворювали значно більший і вагоміший сегмент, порівняно із сучасним. Тексти-розбори, які, як правило, були об'ємними, скрупульозно виконаними науковими працями, широко публікувалися в науковій періодиці й здійснювали системний вплив на розвиток наукових досліджень (докладніше про текстотип розбору див.: [3]). Їх авторами в XIX ст. були такі відомі представники історико-філологічної науки, як Ф. І. Буслаєв, І. І. Срезневський, П. Ф. Фортунатов, В. М. Щепкін, О. І. Соболевський, О. Ф. Бичков, В. Ягич, О. О. Шахматов, М. І. Сухомлінов, Ю. Ф. Карський та ін., див., наприклад: [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

Особливістю текстів-розборів XIX ст. була їх значна варіативність як за своєю тематикою, оскільки об'єктом рецензування ставали різні за жанром, матеріалом, тематикою наукові праці (монографії, лексикографічні напрацювання, словники, огляди і под.), так і за характером викладу. Проте об'єднувало ці критичні праці вільне висловлення думки рецензента, не скутого певними цензурними міркуваннями або жорсткими редакційними вимогами. Тексти розборів, як правило, відбивали вільний хід думки рецензента, який не обмежував себе обсягом тексту і міг будувати свій аналіз з тією мірою глибини, на яку був здатний або в залежності від інших мотиваційних параметрів. У будь-якому випадку текст будувався як вільне втілення авторської (у даному разі – рецензента) інтенції. Тому урахування лінгвокультурного контексту наукового дискурсу XIX ст. при потрактуванні тих чи інших особливостей розбору дає можливість наблизитись до більш адекватного розуміння цього критико-аналітичного тексту, як і до реконструкції мовної особистості П. О. Лавровського, який виявляє себе як видатний методолог-практик, що відстоює засади й принципи наукової діяльності, енциклопедично обізнаний вчений з блискучими аналітичними здібностями, талановитий полеміст.

Література

1. Язык и личность. Ред. Д. Н. Шмелев. Москва : Наука, 1989. 216 с.
2. Лавровский П. А. Разбор исследования «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов. Сочинение А.Потебни. Москва, 1865 г.». *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.* №2. 1866. 102с.
3. Радзієвська Т. В. Критико-аналітичний компонент у дискурсі історико-філологічних студій в період його становлення: до характеристики текстотипу розбору. *Радзієвська Т. В. Дискурсивні простори: історико-лінгвістичний вимір: монографія.* Київ : ДП «Інформ.-аналіт. агентство». 2018. С.6–21.
4. Карский Е. Ф. Разбор этнографического труда П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края». *Отчет о присуждении премии имени П. Н. Батюшкова / Записки Имп. Академии наук.* Т.4. №1. 1899. С.1–85.
5. Соболевский А. И. Разбор труда проф. А. Л. Дювернуа: «Материалы для словаря древне-русского языка (М.1894)». *Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1895 году.* Санкт-Петербург. 1896. С.65–72.
6. Срезневский И. И. Разбор сочинения К.И.Невоструева: «Слово св. Ипполита об антихристе в Славянском переводе, по списку XII века, с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же, с примечаниями и приложениями». *Отчет о пятнадцатом присуждении наград гр. Уварова.* Санкт-Петербург. 1874. С.140– 362.
7. Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения профессора Императорского Варшавского университета Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч.I-II (Варшава, 1891–95г.)». Санкт-Петербург. 1897. 158 с.
8. Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». *Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова / Записки Имп. Академии наук по историко-филологическому отделению.* Т.4. №2. Санкт-Петербург. 1899. С.103–236.
9. Щепкин В. Н. Разбор труда П. А. Лаврова: «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка». *Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1895 году.* Санкт-Петербург. 1896. С.20–64.
10. Ягич И. В. Разбор сочинения пр. П. А. Кулаковского «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варш., 1894». *Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1895 году.* Санкт-Петербург. 1896. С.7–19.

Статья посвящена исследованию языковой личности сквозь призму речевого поведения индивида в рамках различных дискурсивных практик. Предлагается выделять два этапа анализа – описательный и интерпретационный. Если описательный этап не предполагает использования усложненных методов и методик, то интерпретационный этап, напротив, требует анализа, который должен принимать во внимание не только внутренние механизмы дискурса, но и культурные, социальные, исторические, прагматические особенности определенной дискурсивной практики. В этом контексте изучается речевое поведение П. А. Лавровского, одного из известных славистов XIX в., профессора Харьковского университета, в рамках научного критико-аналитического дискурса.

Ключевые слова: *языковая личность, критико-аналитический дискурс, П. А. Лавровский, славистика XIX в.*

The paper deals with the analysis of linguistic personality through the linguistic behavior within the framework of various discourse practices. It is proposed to distinguish two stages of analysis – descriptive and interpretive. The descriptive stage does not imply the use of complicated methods but the interpretive stage, on the contrary, requires analysis, which should take into account not only the internal mechanisms of discourse, but also the cultural, social, historical, and pragmatic features of a particular discursive practice. As a case study the linguistic behavior of a famous Slavist of XIXth century P. A. Lavrovskij is researched within the frame of academic reviewing discourse.

Kew words: *linguistic personality, academic reviewing discourse, P. A. Lavrovskij, Slavic studies of XIX c.*

С. А. ЖАБОТИНСКАЯ
Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого
ORCID: 0000-0001-9841-6335

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ТЕХНИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ГРАММАТИКОН КОНСТРУКЦИЙ В ЦИТАТАХ В. С. ЧЕРНОМЫРДИНА

Когнитивный аспект речевой деятельности предполагает подсознательное, автоматизированное использование говорящим определенных лингвокогнитивных техник управления конструкциями языка. В грамматике конструкций, одном из направлений когнитивной лингвистики, конструкции определяются как канонические обобщённые языковые формы, наделенные собственным обобщённым значением. Применяемые к конструкциям лингвокогнитивные техники становятся особенно заметными, если в результате имеет место отклонение от формальной и / или семантической нормы, что, в частности, представлено в спонтанных высказываниях известного российского политика В. С. Черномырдина, характеризующих его как языковую личность. В докладе предложена система стандартных лингвокогнитивных техник, стихийное применение которых к синтаксическим и фразеологическим конструкциям русского языка придает неординарность и креативность речетворчеству В. С. Черномырдина.

Ключевые слова: *конструкции, преобразования, лингвокогнитивные техники, стихийное использование, В. С. Черномырдин, языковая личность.*

Ну, Черномырдин говорил не всегда так складно. Ну и что? Зато доходчиво. Сказал – и сразу все понимают. Ну, это мой, может быть, стиль. Может, я не хочу сказать, что самый правильный, но очень понятный и доходчивый. А это нужно сейчас.

В. С. Черномырдин

1. Введение. В данном исследовании под языковой личностью понимается конкретный носитель языка, «представленный через посредство своего речевого воплощения» [1, с. 11]. Исследования языковой личности относятся к сфере лингвоперсонологии, где в центре внимания пребывают «реальные индивиды в диалектическом единстве индивидуального и коллективного в их языке и речи, в сочетании собственно языкового и личностного в широком смысле этого слова» [2, с. 30]. Ныне основой для таких исследований является концепция языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым и предполагающая выход за пределы традиционного анализа особенностей лексической, грамматической и стилистической составляющих языка, проявленных в творчестве конкретного автора. В концепции Ю. Н. Караулова тремя уровнями структуры языковой личности являются: (а) вербально-семантический, соотносимый с языком (уровень слов, формирующих вербальную сеть грамматико-прагматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношений); (б) тезаурусный, соотносимый с когницией (уровень понятий, сосуществующих в иерархически-координативной сети семантических полей «картины мира»); (в) мотивационный, соотносимый с прагматикой, предопределяемой действительностью (уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, образующих коммуникативную сеть, которая включает сферы общения, коммуникативные ситуации и коммуникативные роли) [3, с. 56]. Развивая идею трех уровней в структуре языковой личности, Ю.Н. Караулов формулирует понятия лексикона, грамматикона, семантикона и прагматикона. Лексикон и грамматикон представляют первый, вербально-семантический уровень. Если под *лексиконом* понимается лексический фонд говорящего, то под *грамматиконом* – «набор некоторых шаблонов и стереотипов словосочетаний, излюбленных синтаксических конструкций, приемы словотворчества, новообразования для передачи субъективных смыслов и неожиданных ассоциативных сближений, необычное

использование грамматических категорий и т.п.» [3, с. 88]. Грамматикон тесно связан с лексиконом и в значительной мере растворен в нем в силу лексикализации определенной части грамматических явлений [3, с. 89]. *Семантикон*, который представляет второй, тезаурусный уровень, интегрируется с лексиконом и грамматиконом как их понятийная основа. Семантикон, в силу взаимопроникновения семантики и прагматики, коррелирует также с *прагматиконом*, представляющим третий уровень структуры языковой личности [3, с. 89-90].

Понятие многоуровневой языковой личности может служить методологической основой для лингвоперсонализации не только писателей как мастеров слова, но и публичных политиков – особенно тех, чья речь отличается от общепринятого стереотипа. Среди русскоязычных политиков современности наиболее яркой «языковой личностью» является Виктор Степанович Черномырдин (1938–2010) – советский и российский государственный деятель, Председатель Совета Министров Российской Федерации (1992–1993), Председатель Правительства РФ (1999 –1998), посол России в Украине (2001–2009). В памяти своего поколения В. С. Черномырдин остается не только как политик, но и как автор знаменитых «черномырдинок» – письменных фиксаций его устных спонтанных высказываний, многие из которых стали афоризмами [4, с. 168]. По меткому определению Ч. Ашкерова, «речь Черномырдина – это бюрократический новояз, ударившийся во все тяжкие». «Плавные прежде длинноты, канцелярские многозначительности и начальственные речевые суровости приобретали в его языке характер пунктирного усечения и весёлой путаницы. Черномырдин – безбашенный пытливый вивисектор, ставящий эксперимент на тараканьих телесах бюрократического новояза – а что если ножки пришить вместо усиков? а что если крылышки приладить вместо ножек?» [5]. Как отмечает Н. Г. Брагина, языковая экспрессия черномырдинок, являющихся едва ли не самой яркой чертой речевого портрета политика, «возникает благодаря их алогичности и субнормативности: нарушаются нормы русского литературного языка (стилистические, грамматические, синтаксические). Автор при этом выступает как «Я», творящее интуитивно, вне художественной рефлексии и творческих задач». Тем самым формируется «поэтика косноязычия», «осуществляемая в высказывании, которое самим автором слабо отрефлексировано. В этом случае речь может идти об отклонениях от норм литературного языка, в частности, о неправильностях, оговорках, которые, тем не менее, высвобождают творческую энергию и творческий потенциал языка и которые экспертное сообщество готово оценивать эстетически» [4, с. 168].

Речь В. С. Черномырдина специфична в плане лексикона, который наряду с канцеляризмами советской эпохи (1) содержит обилие просторечных слов (2) и яркие метафоры (3-4).

(1) *Сейчас историки пытаются преподнести, что в тысяча пятьсот каком-то году что-то там было. Да не было ничего!* ***Все это происки!***

(2) *Черномырдину* ***пришить*** *ничего невозможно.*

(3) *Посты вице-премьерские в такое время, как наше, — это* ***все равно, что столб, на котором написано: Влезешь – убьет!***

(4) *Не хочу быть* ***бригадиром отставных президентов.***

Неординарными являются также семантикон и прагматикон В. С. Черномырдина, который в своих публичных выступлениях может обращаться к системе обыденных, порой даже табуированных понятий (6) и затрагивать темы, о которых не принято говорить открыто (7).

(5) *Но я не хочу здесь все так, наскоком: сегодня с одним обнялся, завтра с другим, потом опять — и пошло-поехало.* ***Да, так и до панели недалеко…***

(6) ***Наш президент – он уже, по-моему, лет пять или десять денег в глаза не видел.*** *Он даже не знает, какие у нас деньги.*

Каждый из упомянутых аспектов языковой личности политика заслуживает отдельного обсуждения, которое выходит за рамки данного доклада. Его темой является грамматикон «черномырдинок», обсуждаемый с позиций одной из концепций когнитивной лингвистики – грамматики конструкций. Целью исследования является показ того, что управление конструкциями регулируется достаточно универсальными лингвокогнитивными техниками, то есть системными операциями мышления, которые применяются к знаковым паттернам языка, используемым в речи. Необычность и идиолектность стихийного речетворчества В. С. Черномырдина обусловлены своеобразием применения существующих лингвокогнитивных техник. Далее будут рассмотрены основные положения грамматики конструкций, предложена система операций с ними и проиллюстрированы особенности применения этих операций в цитатах В. С. Черномырдина.

2. Методология исследования: грамматика конструкций. Грамматика конструкций (*Construction Grammar*), инициированная изучением идиом, имеющих значение, не выводимое из семантики компонентов [6, с. 6], ныне существенно расширила круг изучаемых ею явлений. В современной трактовке конструкция понимается как обобщенная, или схемная, каноническая языковая форма (синтаксическая, словообразовательная, морфологическая), наделенная своей собственной обобщенной, или схемной, семантикой, не зависящей от того, каким лексическим или морфологическим материалом заполняется такая форма. Обобщенная семантика конструкции соответствует грамматическому и словообразовательному значениям. Существенно то, что конструкции не создаются из слов или морфем по определенным правилам. В языковом мышлении конструкции существуют как готовые целостности, гештальты. Значения единиц, заполняющих конструкцию, интегрируются в ее обобщённое значение, согласуясь с ним [7; 8; 9, с. 278].

С конструкциями, используемыми в речи, осуществляются определенные операции. На основании дефиниций, предложенных в ряде лингвокогнитивных студий [10, с. 67-70; 11, с. 48-49; 12, с. 56, 250], к основным типам таких операций можно отнести разработку (*elaboration*) конструкций, их расширение (*extension*), сталкивание (*questioning*) и комбинирование (*combining*). В одной из работ автора этого доклада [13] данные термины, соотнесенные друг с другом, получают следующую трактовку, действительную для вербальных единиц различных видов: (а) *разработка* – добавление новых деталей к информации о той же самой сущности; (б) *расширение* – добавление информации о прочих сущностях, смежных с данной и согласованных с ней; например, добавление информации причинно-следственного плана; (в) *сталкивание* – добавление информации о прочих сущностях, смежных с данной, но не согласованных с ней; (г) *комбинирование* – объединение информации о двух несмежных, автономных сущностях (рис. 1).

Рис. 1. Корреляция разработки, расширения, сталкивания и комбинирования [13, с. 124]

По всей видимости, список операций с конструкциями может быть расширен, о чем, в частности, говорят рассматриваемые во фразеологии типы трансформаций словесных клише, представленные вставкой дополнительного элемента, а также заменой или семантической реинтерпретацией существующего элемента структуры. В словообразовательных и морфологических процессах имеют место операции усечения, дополнения, редистрибуции элементов, их объединения и взаимоналожения. Аналогичные техники должны распространяться и на синтаксические конструкции. Анализируемый материал – спонтанные высказывания В. С. Черномырдина, демонстрирующие стихийные отклонения от формальной и семантической нормы, – позволяет составить более полное представление о системе лингвокогнитивных техник, используемых в грамматиконе конструкций языка и проявленных особым образом в речи политика. При этом в «черномырдинках» фигурируют конструкции разной степени обобщения – синтаксические и фразеологические, с преобладанием последних. Фразеологические конструкции предполагают заполнение всех или определенных позиций синтаксической структуры конкретным, постоянно воспроизводимым лексическим материалом, что приводит к лексикализации синтаксической единицы (ее запоминанию и функционированию по аналогии со словом). Сосуществование конструкций с разной степенью обобщения их значений является одним из свидетельств отсутствия четких границ между лексикой и грамматикой, что отмечалось как Ю.Н. Карауловым [3, с. 89], так и Р. Ленекером [12, с. 5].

В предлагаемой системе операций с конструкциями (рис. 2) идентифицируются парадигматические и синтагматические техники. Парадигматические техники включают операции, применяемые в пределах одной и той же конструкции и приводящие к ее «внутренней» модификации. Синтагматические техники предполагают «внешнее» объединение данной конструкции с прочими – смежными и несмежными с ней. Кроме того, в одном высказывании могут быть употреблены сразу несколько операций с конструкциями, что обусловливает существование техник смешанного типа.

Рис. 2. Операции с конструкциями: лингвокогнитивные техники

Различные виды парадигматических, синтагматических и смешанных техник будут далее объяснены и проиллюстрированы на конкретном фактическом материале.

3. **Материал исследования и его анализ.** Материал исследования [источники 14–18] представлен 200 цитатами из выступлений В.С. Черномырдина.

Отслеженные в материале ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ включают схематизацию, усечение, интрузию, субституцию, редистрибуцию, разработку и блендинг.

Схематизация предполагает использование дейктиков – местоимений или существительных с обобщенной семантикой. Дейктики как слова с минимальным объемом значения широко применяются в речи для эндофорической, или внутритекстовой, и для экзофорической референции, отсылающей к сущности за пределами текста. В прагматическом плане дейктики могут служить митигаторами, смягчителями, намекающими на референта, но не называющими его. В цитатах В.С. Черномырдина, демонстрирующих отклонения от языковой нормы, слова с обобщенным (схемным) значением являются преимущественно экзофорическими дейктиками. Они могут указывать на «внетекстовую» сущность, известную адресату из системного фразеологизма (5-6). Но чаще они отсылают к неопределенному внетекстовому референту (7-9).

(5) *Локомотив экономического роста — это как слон* ***в известном месте…***

(6) *Когда трудно, мы всегда протянем…* ***То, что надо***. (О «руке помощи» Украине).

(7) ***Здесь*** *вам* ***не тут.***

(8) *Вас* ***там туда...***

(9) *А* ***эти****, которые больше всех – где* ***они****?*

Эндофорический, «внутритекстовый» дейсис в речи В.С. Черномырдина может нарушать правило кореференции, согласно которому дейктик и его полнозначный словесный кореферент не должны быть разделены именем иной категориально схожей сущности. Присутствие такого имени в конструкции приводит к кореферентному сдвигу и – вместе с ним – к смысловой алогичности (10-11).

(10) *Не только противодействовать, а будем отстаивать* ***это****, чтобы* ***этого*** *не допустить.*

(11) *Привлекайте хоть самого Господа Бога! А его и надо, говорят, иногда спрашивать... И надеемся, что правительство решит* ***эту проблему****.*

Усечение как системное явление присутствует в аббревиатурах, в сокращениях слов, в синтаксическом эллипсисе и в импликатурах речи. В анализируемом материале может усекаться серединная или конечная часть конструкции. В одних случаях «недосказанность» комично звучит, но опущенный элемент легко восстановим, и усеченная конструкция остается сематически однозначной (12-13).

(12) *Мы хотели как лучше,* ***а получилось*** *[плохо]* ***как всегда****.* (6.08.1993, на пресс-конференции по поводу денежной реформы июля-августа 1993)

(13) *Всю теорию коммунизма придумали двое евреев….* ***Я Маркса с Энгельсом имел*** [в виду].

В других случаях усеченная конструкция приобретает неоднозначную (14), неопределенную (15) или же вообще иную (16-17), порой абсурдную (18) интерпретацию.

(14) ***Я далёк от мысли…***[об этом / о том, что что-то будет и т.п.].

(15) *Если я еврей — чего я буду стесняться!* ***Я, правда, не еврей*** [и, может, мне не пристало выражать свое мнение по этому поводу]. (О том, что Березовский стесняется, что он еврей).

(16) *Народ* ***пожил*** [плохо / хорошо] — ***и будет!***

(17) *Вся работа будет строиться для того, чтобы* ***уничтожить то*** *[негативное],* ***что накопили за многие годы****.*

(18) *Отродясь такого не бывало, и* ***опять то же самое*** [опять новая проблема] (получило распространение в виде *«Никогда такого не было,* ***и вот опять*** [новая проблема]»)

Интрузия как нормативное явление синтаксиса представлена, в частности, в лексических митигаторах категоричности, которые указывают на приблизительность. В девиантных конструкциях В. С. Черномырдина они употребляются неуместно (19-20). Неуместные слова-вставки могут быть также результатам параллелизма конструкций (21).

(19) *У меня* ***приблизительно*** *два сына.*

(20) *Учителя и врачи хотят есть* ***практически*** *каждый день!*

(21) *Вы думаете, что мне* ***далеко просто****. Мне* ***далеко не просто****!*

Субституция, замена одного элемента конструкции на другой, в системе языка нормативна для синонимических замен и парафраза. Кроме того, субституция широко используется в игре слов, использующей их формы и значения. Будучи отклонением от нормы, субституция зачастую является результатом изучаемых в психолингвистике «ошибок выбора» (*selection errors*), которые свидетельствуют о наличии в памяти формальных и семантических категорий знаков. При «ошибке выбора» знак замещается другим – схожим с ним по форме или / и значению. В цитатах В.С. Черномырдина субституции разноплановы. Их можно определить как субституции категориальные, полисемические, паронимические, омофонические, синонимические и антонимические.

Категориальные субституции суть результаты «ошибок выбора» – подмены слова иным, относящимся к той же грамматической категории или лексико-семантической группе (22-24).

(22) *Все говорят, что недовольны итогами приватизации, и я недоволен,* ***и*** [но] *не говорю.*

(23) *Но мы подсчитаем, и тогда все узнают. И мы в первую очередь. А если кто слишком умный, пусть сам считает, а мы потом проверим. И доложим,* ***куда попало*** [куда надо].

(24) *Нельзя запрягать телегу* ***посреди*** [впереди] ***лошади****.*

К «ошибкам выбора» можно также отнести парнимические и омфонические субституции. В первом случае слова имеют некоторое сходство по форме и значению (25), во втором случае – только по звуковой форме (26). Иногда омофоническая субституция является у В. С. Черномырдина результатом языковой игры (27). Языковая игра связана и с полисемическими субституциями, при которых контекст конструкции допускает реализацию двух значений многозначного слова. В цитатах В. С. Черномырдина полисемическая субституция стихийна, возникает сама собой (28). То же можно сказать и об антонимической субституции (29).

(25) *Я проще хочу сказать, чтобы всем было проще и понять, что мы ведь ничего нового не изобретаем. Мы свою страну* ***формулируем*** [формируем].

(26) *Мы надеемся, что у нас не будет* ***запоров*** [заторов] *на границе.*

(27) *Как кто-то сказал, аппетит приходит во время* ***беды*** [еды].

(28) *Я не дипломат. И не собираюсь быть дипломатом. И то, что мы достигли договоренности — абсолютно* ***недипломатическим путем*** [без помощи дипломатов :: невежливо]. *Абсолютно.* (О балканском конфликте).

(29) *Ну и что, что* ***я обещал, я же не сделал*** [vs. сделал].

Неординарность синонимической субституции в грамматиконе В. С. Черномырдина связана с отклонениями от лексико-грамматических норм языка (30-31) и с отклонением от стилистической нормы. Во последнем случае возникает экспрессивная напряженность, создаваемая либо просторечным словом (32-33), либо же идиосинкратическим «синонимом»,

который в речи его творца может развивать многозначность. Для В. С. Черномырдина такими авторскими окказионалиями являются *рыдать* (34-35) и *перпендикулярно* (36-37).

(30) *Весь мир сейчас идёт* ***наоборот*** [не туда].

(31) *Я с молодых лет... всегда* ***работал*** [был] *первым лицом.*

(32) ***Корячимся*** [работаем, пашем], *как негры.* (О планах работы правительства в сентябре 1998 г.)

(33) *Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время* ***врастопырку*** [ощетинившись, антагонистично].

(34) *Ну столько грязи, столько выдумки, столько извращений отдельных политиков! Это не политики, это… Не хочется мне называть, а то сейчас* ***зарыдают*** [заголосят, закричат, начнут причитать] *сразу.*

(35) *Если бы я всё назвал, чем я располагаю, да вы бы* ***рыдали*** *здесь* [плакали от горя / радости]!

(36) *Так тут уж нельзя так* ***перпендикулярно*** [категорично] *понимать: мы Вас не тронем, Вы нас не трожьте!* (О миротворческих предложениях Е. Примакова).

(37) *Я бы не стал увязывать эти вопросы так* ***перпендикулярно*** [напрямую]. (О влиянии бизнеса на политику).

Редистрибуция, часто встречающаяся в устной (а порой и в неряшливой письменной) речи, связана с амбигутивностью синтаксической структуры, допускающей двоякую парцеляцию (разделение на конститутивные блоки). В цитатах В. С. Черномырдина выявлен лишь один такой приамер (38).

Мы будем ***уничтожать наше ядерное оружие вместе с Америкой****.*

= ((Мы будем уничтожать наше ядерное оружие) вместе с Америкой)

= (Мы будем уничтожать (наше ядерное оружие вместе с Америкой))

Блендинг, или взаимоналожение конструкций (объединение их усеченных частей) – известный словообразовательный и синтаксический прием. В речи В.С. Черномырдина он стихийно применяется для объединения устойчивых коллокаций (39-43), бюрократических клише (44-45), разговорных идиом и паремий (46-48). И хотя такие образования являются отклонениями от языковой нормы, часть из них афористично креативна.

(39) *Хочу* ***глубоко поблагодарить*** [искренне поблагодарить + выразить глубокую благодарность] *за выраженное доверие по поводу назначить меня* ***послом на нашего соседского брата Республики Украины*** [на Украину + в братскую соседскую Республику Украина].

(40) ***Лучше водки — хуже нет!*** [больше (чем) + лучше / хуже нет].

(41) ***Надо же думать, что понимать*** [надо думать, что сделать + надо понимать, что делаешь].

(42) ***В харизме надо родиться*** [родиться в рубашке + родиться с харизмой].

(43) *Да, моя* ***специальность и жизнь проходили в атмосфере нефти и газа*** [жизнь в атмосфере любви и тепла + специальность в сфере нефти и газа].

(44) ***Курс у нас один — правильный*** [курс у нас один – вперед + наш курс правильный]

(45) *Нам никто не мешает* ***перевыполнять наши законы*** [перевыполнять планы + соблюдать законы].

(46) *Мы выполнили все пункты:* ***от А до Б*** [выполнить все, от А до Я + сложить А и Б].

(47) *Я не тот человек, который* ***живет удовлетворениями*** [живет надеждой + получает удовлетворение].

(48) *А раньше где были? Когда думать было надо, а* ***не резать сплеча семь раз…*** [рубить сплеча + отмерять семь раз] *А сейчас спохватились, забегали. И все сзади оказались. В самом глубоком смысле. А Черномырдин предупреждал.*

Разработка – типичная для речи операция, при которой уточняется, специфицируется один из элементов конструкции (предмет, действие, качество и пр.). Этим разработка отличается от интрузии, которая практически не вносит в конструкцию новую информацию. Специфика использования разработки в цитатах В. С. Черномырдина обусловлена просторечностью и экспрессивностью номинаций дополнительных характеристик сущности. Эти номинации согласуются с одним из изначальных конституентов конструкции по форме (49-50) и / или по значению, будучи при этом синонимом (51-52), антонимом (49, 53) или иным семантическим коррелятом (50, 54-55) такого конституента.

(49) *Некоторые принципы, которые раньше были* ***принципиальны****, на самом деле были* ***непринципиальны****.*

(50) *Страна у нас – хватит ей* ***вприпрыжку заниматься прыганьем.***

(51) *Все его вот* ***высказывания****, вот его* ***взбрыкивания*** *там… ещё даже пенсионером меня где-то вот, говорят, меня обозвал. Я не слышал. Но если я пенсионер, то он-то кто? Дед тогда обычный.* (О Лужкове).

(52) *Все это так* ***прямолинейно и перпендикулярно****, что мне неприятно.*

(53) *Говорю без всяких –* ***спад экономики еще не полностью пошел на подъем.***

(54) *Мы не можем идти вперёд* ***с головой, повернутой назад или вбок****! Не получится! Ни у кого не получится!*

(55) *В нашей жизни не очень просто определить, где найдешь, а где потеряешь. На каком-то этапе потеряешь, а зато* ***завтра приобретешь, и как следует.***

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ управления конструкциями представлены операциями расширения, сталкивания и комбинирования.

Расширение, равно как и разработка, предполагает наращивание информации. Но это происходит уже не в понятийно-пропозициональных рамках самой конструкции, а за ее пределами, где к данной конструкции добавляются другие, создающие семантический контекст ее «сопутствующих обстоятельств». Сопутствующая конструкция имеет свою собственную пропозициональную структуру с иным логическим предикатом. Расширение, подобно разработке, способствует разворачиванию и структурированию речевого потока в «текущем пространстве дискурса» (current discourse space) [12, с. 59]. В высказываниях В. С. Черномырдина конструкции расширения смежны с изначальной структурой формально-семантически (56-57), семантически (58-59) или фразеологически (60-61). При этом экспрессия структур расширения обеспечивается, с одной стороны, их просторечными формами (62), а с другой стороны – неординарностью семантики смежности (63).

(56) *Ввяжемся в драку — провалим следующие, да и будущие годы. Кому это нужно? У кого* ***руки чешутся? У кого чешутся — чешите в другом месте.***

(57) *Зачем нам куда-то* ***вступать****? Нам не надо никуда* ***вступать****! Мы обычно уж если начнем куда-то* ***вступать****, так обязательно куда-нибудь и* ***наступим****!*

(58) *Много денег у народа* ***в чулках или носках. Я не знаю, где — зависит от количества.***

(59) *Ну что нам с ним объединять?* ***У него кепка, а я вообще ничего не ношу пока.*** (О Лужкове).

(60) *Естественные монополии —* ***хребет*** *российской экономики, и этот* ***хребет мы будем беречь как зеницу ока.***

(61) *Мы до сих пор пытаемся* ***доить тех, кто и так лежит.***

(62) *Говорят: даешь эмиссию триста тридцать триллионов рублей. Экономике нужен кислород. Как раз наоборот.* ***Это не кислород. Один раз дыхнешь, а потом только останется дрыгнуть. Ногами.***

(63) *С налоговым сюрреализмом надо кончать,* ***так чтоб дух захватывало****!*

Сталкивание есть по сути «расширение противительного типа», при котором смежная конструкция, оставаясь в семантическом поле изначальной, вступает с ней в определенное противоречие. В нормативном употреблении эта речевая техника используется в описаниях ситуаций, передаваемых формулой «X, но Y» («Я это знаю, но ничего не могу сделать», «Он там был, но я его не видел», «Сейчас зима, но на улице тепло»). В анализируемом материале, представляющем спонтанную речь, сталкивание становится операцией, которая используется при интерпретации конструкции адресатом с его реакцией «Но это же не совместимо». Для самого говорящего такая несовместимость в момент речи остается неосознанной. Примеры сталкивания, отслеженные в цитатах В. С. Черномырдина, можно отнести к нескольким видам: сталкивание тавтологического (64-65), взаимоисключающего (66-67), понятийно дистанцированного (68-69) и неадекватного (70-71). В последнем случае значение смежной конструкции (у В. С. Черномырдина – это отсылка к якобы автору цитаты) является ложным или сомнительным.

(64) ***Прогнозирование*** *— вещь сложная, особенно* ***когда речь идет о будущем****.*

(65) *Что говорить* ***о Черномырдине и обо мне****?*

(66) *Пусть это будет* ***естественный отбор, но ускоренно и заботливо направляемый.*** (Об увольнениях членов правительства).

(67) *Раньше полстраны работало, а пол не работало.* ***А теперь все наоборот.***

(68) *Вино нам нужно для здоровья.* ***А здоровье нам нужно, чтобы пить водку.***

(69) Р*езкая критика правительства президентом и поставленные им новые задачи –* ***это проявление высочайшего доверия.***

(70) *Правительство поддерживать надо, а мы его по рукам* [бьем], *по рукам, все по рукам. Ещё норовим не только по рукам, но ещё куда-то.* ***Как говорил Чехов****.*

(71) *Вот мы там все это буровим, я извиняюсь за это слово,* ***Марксом придуманное, этим фантазером.***

Комбинирование – переход от одной (автономной) темы к другой – в своем нормативном варианте подразумевает связь этих тем. В речи В.Н. Черномырдина такая связь может быть неожиданной (72), парадоксальной (73) и алогичной, непонятной (74).

(72) *Произносить слова мы научились.* ***Теперь бы научиться считать деньги.***

(73) *Клинтона целый год долбали за его Монику. У нас таких через одного. Мы ещё им поаплодируем. Но другое дело —* ***Конституция. Написано: нельзя к Монике ходить — не ходи! А пошел — отвечай. Если не умеешь… И мы доживем!*** [до того времени, когда будут соблюдаться все законы] *Я имею в виду Конституцию!*

(74) *Были, есть и будем.* ***Только этим и занимаемся сейчас.***

СМЕШАННЫЕ ТИПЫ лингвокогнитивных техник, применяемых к конструкциям, разнообразны в силу широких возможностей комбинаторики различных операций в пределах одного высказывания. В анализируемых цитатах количество таких совместно применяемых операций – две (75-78) или три (79-80). Техниками, объединяемыми друг с другом в корпусе данных, являются усечение (в шести комбинациях), схематизация (в пяти комбинациях), субституция (в четырех комбинации), блендинг (в трех комбинациях), развертывание и комбинаторика (по две комбинации).

Схематизация + усечение

(75) *И с кого спросить, я вас спрашиваю?* ***Эти там, те тут,*** *а* ***тех*** *до сих пор никто ни разу…* [не видел].

Схематизация + субституция

(76) ***Здесь*** *вам не* ***тут*** [нужен субстантив]!

Усечение + субституция

(77) *Черномырдин всегда знает, когда* ***кто*** [что] ***думает****, потому что он прошел все это* ***от слесаря до сих пор*** [до нынешнего статуса].

Блендинг + субституция

(78) *Понимаете, Украина* ***ставит этот вектор так перпендикулярно*** [ставит вопрос ребром (= перпендикулярно) + выбирает вектор]*, что никому ничего непонятно.* (О вступлении Украины в НАТО).

Усечение + схематизация + комбинирование

(79) *Вы посмотрите – всё имеем, а жить не можем. Ну не можем жить!* ***Никак*** [не успокоимся] *всё нас тянет на эксперименты. Всё нам* ***что-то надо туда, достать там, где-то, когда-то, устроить кому-то****. Почему не себе?! Почему не своему поколению?! Почему этот, как говорится, зародился тот же коммунизм, бродил по Европе, призрак, вернее. Бродил-бродил, у них нигде не зацепился! А у нас – пожалуйста! И вот – уже сколько лет под экспериментом.* ***Хватит нам бродячих*** [призраков].

Блендинг + усечение + субституция

(80) *И я делаю это добровольно, раз иначе нельзя, раз такие спекуляции идут, что* ***хотят меня сделать как яблоко преткновения*** [яблоко раздора + камень преткновения]. *Это надо внимательно еще посмотреть, кому это надо, чтобы вокруг Черномырдина* ***создавать атмосферу*** [недоверия]. *Все должны знать: сделанного за годы реформ уже* ***не воротишь*** [повернешь] ***вспять!*** (Фрагмент телевизионного выступления ЧВС до его редобработки, опубликованный бюллетенем Самиздат, 1998).

Результатом применения различных лингвокогнитивных операций к конструкциям в грамматиконе цитат В. С. Черномырдина могут становиться обсценные аллюзии. Сам автор речи, владеющий обсценным «мужским» языком, пытается воздерживаться от его использования, о чем, в частности, говорит высказывание (81) с усечением:

(81) *Сегодня мировая система финансовая понимает, что происходит в России, и не очень хочет, чтобы здесь было… ну, я не хочу это слово употреблять, которым я обычно пользуюсь.*

Тем не менее, обсценный «мужской» язык порой скрыто сопровождает речь говорящего, регулируемую различными операциями – полисемической субституцией (82), разработкой (83), комбинированием (84-85) и пр.

(82) *Вечно у нас в России* ***стоит не то, что нужно.***

(83) *Правительство – это не тот* ***орган, который готов к любви.***

(84) *Говорят, наш спутник* ***без дела висит. У нас много чего висит без дела****, а должно работать!*

(85) *Кто говорит, что правительство* ***сидит на мешке с деньгами? Мы мужики и знаем, на чем сидим.***

Участие синонимической субституции (86), разработки (87-88), разработки + схематизации (89) и комбинирования (90) отмечены также в единицах, значение которых – преднамеренно или непреднамеренно со стороны говорящего – намекает на табуированные понятия, связанные с определенными частями тела и физиологическими процессами.

(86) *Если* ***делать — так по-большому!*** [по-настоящему].

(87) *А раньше где были? Когда думать было надо, а не резать сплеча семь раз… А сейчас спохватились, забегали. И* ***все сзади оказались. В самом глубоком смысле.*** *А Черномырдин предупреждал.*

(88) *Вас* ***хоть на попа поставь, хоть в другую позицию*** *— все равно толку нет!*

(89) *Я готов пригласить в состав кабинета всех-всех — и белых, и красных, и пёстрых. Лишь бы у них были идеи. Но они на это только* ***показывают язык и ещё кое-что.***

(90) *Есть ещё время сохранить* ***лицо****. Потом придётся сохранять* ***другие части тела****.*

В использовании В.С. Черномырдиным лингвокогнитивных техник есть свои предпочтения. Согласно данным табл. 1, наиболее частотны операции субституции (16,5% от общего числа данных), расширения (14,5%) и усечения (13,0%). К достаточно частотным относятся операции сталкивания (11,5%), схематизации (11,0%), разработки (9,5%) и блендинга (8,5%). Тем самым в своих цитатах В.С. Черномырдин предстает как языковая личность с достаточно равновесным разнообразием неортефлексированного инструментария для работы с конструкциями языка. Стихийное, подсознательное использование этого инструментария для операций с имеющимся в языковом сознании политика богатым арсеналом конструкций (представленных синтаксическими структурами русского языка, его просторечными и бюрократическими фразеологизмами и его обсценизмами) делает речь В.С. Черномырдина необычной. Эта необычность распределяется в пределах континуума «ошибка – экспрессивная девиация – экспрессивная норма». В сочетании с экспрессивными девиациями и экспрессивными нормами негативность ошибок нивелируется: они воспринимаются как одна из экспрессивных составляющих языковой личности.

Таблица 1

Лингвокгнитивные техники оперирования конструкциями, используемые в цитатах В.С. Черномырдина: количественный анализ

Тип техники	Разновидность техники	Количество цитат	%
Парадигматические техники (123)	Схематизация	22	11,0
	Усечение 1.2.1. Серединное 1.2.1. Конечное	26 8 18	13,0
	Интрузия	5	2,5
	Субституция 1.4.1. Категориальная 1.4.2. Полисемическая 1.4.3. Паронимическая 1.4.4. Омофоническая 1.4.2. Синонимическая 1.4.3. Антонимическая	33 9 2 2 3 16 1	16,5
	Редистрибуция	1	0,5
	Блендинг	17	8,5
	Разработка 1.6.1. Разработка по формальной смежности 1.6.2. Разработка по семантической смежности	19 5 14	9,5
Синтагматические техники (59)	2.1. Расширение 2.1.1. Расширение по формальной смежности 2.3.2. Расширение по семантической смежности 2.3.3. Расширение по фразеологической смежности	29 8 14 7	14,5
	2.2. Сталкивание 2.3.1. Тавтологического 2.3.2. Взаимоисключающего 2.3.3. Семантически дистанцированного 2.3.4. Семантически неадекватого	23 5 8 7 3	11,5
	2.3. Комбинирование	7	3,5
Смешанные техники (18)		18	9,0
Итого:		200	100

4. Выводы. Соотношение языка и речи может быть рассмотрено как соотношение между языковыми конструкциями, присутствующими в языковом сознании, и использованием этих конструкций в речевом процессе. Лингвокогнитивные операции с конструкциями аналогичны физическим действиям с наборными предметами. В предметном наборе можно изъять или добавить компонент, заменить компонент, по-разному сгруппировать компоненты, сделать одни компоненты цветными, а другие – бесцветными. Предметные наборы можно соединить, разъединить и смешать друг с другом. Соответствия таких операций с предметами можно усмотреть в усечении, интрузии / разработке, субституции, редистрибуции, схемности, расширении / сталкивании, комбинировании и блендинге. Эти ментальные техники, природа которых согласуется с концепцией «телесности разума» (*embodied mind*) [19], относятся, вероятно, к врожденной составляющей языковой компетенции – тому, что присутствует в любом языке и, в терминах хомскианской теории принципов и параметров (универсальной грамматики) [20], относится к «принципам». Используемые бессознательно или подсознательно, лингвокогнитивные техники управления синтаксическими конструкциями языка, как правило, остаются незамеченными, если результатом их применения становится речь, соответствующая требованиям нормы или узуса. Однако эти техники обнаруживают себя при отклонении речи от стандарта. В связи с этим изучение девиантных речевых практик позволяет увидеть за ними нарушенную норму.

Предложенная в докладе система лингвокогнитивных операций с синтаксическими конструкциями языка, отслеженных в нестандартной речи В. С. Черномырдина, является охарактеризованной в первом приближении системой «стандартов», которая может быть уточнена и дополнена. В речи В. С. Черномырдина значительное число элементов этой системы имеет существенную частотность употребления. Однако таковое не доведено до уровня автоматизации нормы. Из-за этого возникают ее структурные нарушения, влекущие за собой семантические девиации, которые, благодаря своей заметности, экспрессивны. Экспрессивность, связанная с нарушением правил управления конструкциями, наслаивается на экспрессивность самих конструкций, обусловленную их существованием на пересечении просторечья и политического канцелярита. Именно эта «двойная» экспрессивность лингвокогнитивного плана и является дополнением к существующему портрету В.С. Черномырдина как языковой личности.

Система лингвокогнитивных техник управления конструкциями, предложенная в этой работе, может быть также использована для анализа особенностей целенаправленного креативного речетворчества мастеров слова – таких, как Михаил Жванецкий. Сравнение языковой личности-аматора и языковой личности-художника может способствовать более глубокому пониманию когнитивных основ вербального творчества.

Литература

1. Мурзин Д. Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 11−12.

2. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. « 4(12). С. 24−32.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

4. Брагина Н.Г. Поэтика косноязычия: черномырдинки // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. РАН. 2016. Т. 7. С. 168−179

5. Ашкеров Ч. Черномырдин как часть речи // Русский журнал. 04.11.2010. URL http://www.russ.ru/pole/CHernomyrdin-kak-chast-rechi

6. Hilpert M. Construction grammar and its application to English. Edinburgh: Edinburg University Press, 2014. 220 p.

7. Goldberg, A.E. Constructions. A construction grammar approach to argument structure. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1995. 265 p.

8. Ostman, J.-O. and M. Fried (eds.). Construction grammars. Cognitive grounding and theoretical extensions. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. 324 p.

9. Жаботинская С.А. Фразовые конструкции и перекатегоризация языковой информации // Личность. Язык. Сознание : сб. н. трудов. Посвящается юбилею засл. деятеля науки РФ, д-да филол. наук, профессора Н.Н. Болдырева / отв. ред. вып. А.Л. Шарандин. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 273–286.

10. Lakoff, G. and Turner, M. More than cool reason. A field guide to poetic metaphor. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. 230 p.

11. Fauconnier, G. and Turner, M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

12. Langacker, R. W. Cognitive grammar: A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

13. Zhabotynska, S. and Slyvka, N. Emotive speech acts and their discourse modifications in the literary text // Discourse and Interaction. 2020, 13/1. Pp. 113−136.

14. Артемов А. Все изречения Виктора Черномырдина // Аргументы и факты. 3 ноября 2010. URL https://aif.ru/society/21580

15. Избранные цитаты Виктора Черномырдина // DELO.ua 3 ноября 2010 URL https://delo.ua/econonomyandpoliticsinukraine/izbrannye-citaty-viktora-chern-147176/

16. Горчилин Д. Идиомы Виктора Степановича Черномырдина // SQL. 17.06.2016. URL http://www.digger.dp.ua/idiomy-viktora-stepanovicha-chernomyrdina/

17. О себе, о родине, и неожиданных поворотах судьбы – 22 цитаты Виктора Черномырдина // VotHouse.ru. URL http://www.vothouse.ru/points/chernomyrdin_citati_1.html

18. Черномырдин Виктор Степанович – афоризмы, цитаты, высказывания. URL https://yuridicheskaya-konsultaciya.ru/prikoly/fun_chernomirdin_aphorismi-citati.html

19. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to the Westerm world. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

20. Chomsky N. Lectures on government and binding. Berlin – New York : Mouton de Gruyter, 2010. 381 p.

Когнітивний аспект мовленнєвої діяльності передбачає підсвідоме, автоматизоване застосування мовцем певних лінгвокогнітивних технік керування конструкціями мови. У граматиці конструкцій, одному з напрямів когнітивної лінгвістики, конструкції визначаються як канонічні узагальнені мовні форми, наділені власним узагальненим значенням. Застосовані до конструкції лінгвокогнітивні техніки стають особливо помітними, якщо в результаті має місце відхилення від формальної та / або семантичної норми. Це, зокрема, представлено у спонтанних висловленнях відомого російського політика В. С. Черномирдіна. що характеризують його як мовну особистість. У доповіді запропонована система стандартних лінгвокогнітивних технік, стихійне застосування яких до синтаксичних і фразеологічних конструкцій роійської мови зумовлює неординарність і креативність мовленнєвої творчості В.С. Черномирдіна.

Ключові слова: *конструкції, перетворення, лінгвокогнітивні техніки, стихійне використання, В. С. Черномирдін, мовна особистість.*

The cognitive aspect of speech production includes subconscious, automated employment of particular linguocognitive techniques in operations with constructions. In Construction Grammar, one of the branches of cognitive linguistics, constructions are defined as canonic schematic linguistic forms that have their own schematic meaning. Application of linguocognitive techniques to constructions gets particular traction if the result demonstrates deviations from the formal or / and semantic norm. Such deviations are amply exemplified in in the speech of Victor Chernomyrdin, a prominent Russian politician, whose spontaneous utterances characterize him as a linguistic personality. This paper proposes a system of standard linguocognitive techniques which, being improperly attributed to syntactic and phraseological constructions of Russian, result in eccentricity and creativity of V.S. Chernomyrdin's speech.

Key words: *constructions, transformations, lingucognitive techniques, spontaneous application, V. S. Chernomyrdin, linguistic personality.*

П.У. БАКИРОВ
Термезский государственный университет, Республика Узбекистан

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ ПОСЛОВИЦ НАРОДОВ МИРА С КОНЦЕПТАМИ «ВОСПИТАНИЕ» И «СЕМЬЯ»

У статті докладно розглянуто прислів'я різних народів світу що стосуються виховання і сім'ї, протрактовано зміст і значення концептів цієї тематичної групи. Автор стверджує, що прислів'я народів світу тотожні в семантичному відношенні, оскільки етноси планети є членами однієї великої родини, яка називається людством. Визначено значення прислів'їв як безцінного багатства усної народної творчості і надійного засобу виховання духовно досконалого молодого покоління.

Ключові слова: *прислів'я народів світу, сімейні стосунки, мови, значення, виховання, доброта, освіченість, знання, наука.*

Мир пословиц и поговорок представляет собой благодатное поле для исследовательской работы ученых самых различных специальностей – паремиологов, лингвистов, литературоведов, фольклористов, этнографов, педагогов и др. Различные пословицы одного языка и даже родственных и неродственных языков могут относиться к одному логическому типу и обозначать одинаковые знаковые ситуации.

В.П.Аникин во вступительной статье к сборнику «Словарь русских пословиц и поговорок» пишет, что «пословица не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что- либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина. … Пословицы редко бывают спокойными. Они, как и люди, их создавшие, гневаются, печалятся, смеются, трунят, веселятся, плачут, охают, стонут, кричат, озорничают, балагурят, пугают, предостерегают, учат, негодуют – словом, в них столько же чувств, сколько их в народе – творце пословиц» [1].

За воспитание молодёжи всегда были ответственны взрослые люди, родители, наставники, учителя. В народных пословицах постоянно обращалось внимание на вопросы воспитания. Мудрый узбекский народ подчеркивает, что «Тўғри бола ўстирсанг, халқ ичида шер бўлар, эгри бола ўстирсанг, икки кўзи кўр бўлар» (Если вырастишь честного ребенка, то он будет в народе добрым молодцом, если вырастишь невоспитанного (ребенка), то он будет в народе слепым (необразованным) или «Тарбия тақани тўғирлайди» (Воспитание выпрямит подкову). Этот ряд пословиц можно дополнить следующими: «Дерево гни, пока оно молодо, ребенка учи, пока он не вырос» (вьетнамская); «Ребенка учи с молодости» (татарская); «Воспитывай детей с детства» (каракалпакская); «Учи детей, когда они маленькие» (китайская); «До пяти лет обращайся с сыном, как с царем, с пяти до пятнадцати – как со слугой, после пятнадцати – как с другом» (индийская мудрость); «Человек без воспитания – тело без души» (арабская); «Настоящим сиротой бывает тот, кто не получил воспитания» (турецкая); «Дерево гнется, пока оно молодо» (пословица зулу). Здесь уместны слова видного просветителя, выдающегося педагога узбекского народа Абдуллы Авлони: «Воспитание для нас – вопрос жизни или смерти, спасения или гибели, счастья или беды» [5].

Процесс воспитания осуществляется наставлениями дедов, национальными традициями, жизненным опытом, крылатыми словами и пословицами.

С первых дней обретения независимости Узбекистан одним из приоритетных направлений государственной политики определил формирование здоровой семьи, укрепления здоровья женщин и детей, воспитание здорового поколения.

Как известно, в семье начинается жизнь человека. Члены семьи понимают и поддерживают друг друга, поэтому в семье человек получает все необходимое, что нужно для его благополучия. В семье обеспечивается непрерывная смена поколений. Именно в семье ребенок формируется как личность. Семья – это начальный росток и основа общества, его первичная ячейка. Она – опора для каждого человека на протяжении всей жизни. Здоровая, обеспеченная семья – большое достижение страны, залог наших успехов. Если в семье нездоровая атмосфера, то она приносит вред не только членам семьи, но и обществу. Об этом гласят и пословицы: узбекские «Оила тинч – юрт тинч» (Мирная семья – мирная страна); «Жанжалли уйда барака бўлмас (йўқ)» (В доме, где есть ссоры, нет достатка); «Оила – қўш устунли айвон» (Семья – веранда с двумя колоннами); «Яхши оила – жаннат, ёмон оила – дўзах» (Хорошая семья – рай, плохая – ад); таджикские: «Дар хона ҷанҷол бисёр шуд, барака гум шуд»; «Хонаи ҷанҷолиба, барака намешавад» (В доме, где есть ссоры, нет достатка); русские: «В недружной семье добра не бывает»; «В семье разлад, так и дому не рад»; «Когда муж с женой бранятся, в котле не варится»; «Намеки да упреки – семейные пороки»; «Не будет добра, коль меж своими вражда»; «Сварой да ссорой дружбы не завяжешь»; «Ссора до добра не доводит»; кабардино-балкарская: «В той семье, где согласье, и достаток, и счастье»; словацкая: «В семье ссоры пользы не приносят».

Процесс воспитания, прежде всего, начинается в семье. По мнению ученых, из всех информаций, которую получает человек в течение всей жизни, 70 процентами он овладевает до 5 лет. Поэтому именно в семье должна вестись активная работа по воспитанию ребенка, внедрению в его душу ростков духовности. Недаром узбекская пословица гласит: «Қуш уясида кўрганини қилади» (Птица делает то, что она видела в своем гнезде, т.е. человек делает то, что он видел в своем доме, семье). Дети часто стараются быть похожими на своих родителей, повторяют их привычки, характер, поведение. Здесь сказываются и определенные наследственные черты характера и приобретенные качества. Дети очень активно перенимают от родителей и хорошее, и плохое, как говорят русские, все это они «всасывают с молоком матери». Как отмечает О. Уралова, что «пословицы довольно убедительно и образно характеризуют детей в их сложных и многообразных взаимоотношениях с окружающим миром, родителями, в том числе между собой, семьей и обществом, в котором они живут и в котором происходит их становление и формирование как личности» [3].

На эту тему «дети» созданы и узбекские пословицы: «Сув билан экин ўсар, тарбия билан – одам» (С водой растет посев, с воспитанием – человек); «Тоғ ердан ўсиб чиқади, одам – ота-онадан» (Гора растет из земли, а человек – от родителей”; «Ота – ақл, она – идрок» (Отец – ум, мать – разум). Воспитание детей – трудное дело. Русские пословицы подтверждают: «Детишек воспитать – не курочек пересчитывать»; «Умел родить, умей и вырастить»; «Не та мать, которая родила, не та мать, которая вспоила-вскормила, а та мать, которая уму-разуму научила»; «Не тот отец, который вспоил-вскормил, а тот, который уму-разуму научил».

Родители обязаны своих детей: «Уму-разуму научить»; «На ум наставить»; «К делу приставить»; «Довести до дела»; «Направить на путь истины»; «На ноги поставить»; «Помочь выйти в люди»; «Дать путевку в жизнь». Мать и отец всегда должны помнить о том, что их дети в чем-то повторяют родителей. Подтверждением этому являются русские пословицы: «Каков батюшка, таковы и детки»; «По матери и дочь»; «По дереву и плод»; «Яблочко от яблоньки далеко не катится (недалеко катится)»; «Орел орла родит, а сова сову плодит»; «От лося – лосята, от свиньи – поросята». В таких случаях узбеки говорят:

«Арслон боласи арслон бўлади» (Детеныш льва бывает львом); «Илондан – илон, чаёндан – чаён» (От змеи – змея, от скорпиона – скорпион). Этот ряд можно продолжить пословицами народов разных континентов планеты: «От человека – человек, от осла – осел» (курдская); «От волчицы родится только волчонок» (пословица пушту, арабская, афганская); «У злого ворона и дети злые» (латышская); «От колючки колючка рождается» (кабардинская); «От козы – козленок, от овцы – овца» (осетинская); «У сокола и дети соколята, у лягушки и дети лягушки» (японская); «От собаки щенок родится» (марийская); «Птенец орла – орел, птенец вороны – ворона» (якутская); «Яблоня родит только яблоко» (чеченская и ингушская); «Большой осел может научить осленка только ословству» (туркменская); «У горького дерева горькие плоды» (персидская); «Привычка матери переходит к дочке» (финская); «Что делает коза, то и козленок» (греческая); «Какова мать, таковы и детки» (удмурдская); «Каково мясо, таков и нож» (панамская); «Каков ткач, таковы ткани, какова мать, таков и сын» (тамильская); «Жеребенка выбирают по матери» (осетинская); «Из белых бобов вырастают белые, из красных – красные» (корейская); «Яблоко, падая, катится к яблоне» (ассирийская); «Детеныш утки уже в яйце знает воду» (аварская).

Дети могут перенимать и положительные, и отрицательные повадки родителей. В таких случаях русские говорят: «Что делает коза, то делает и козленок»; «Куда свинья, туда и поросята»; «Свинья – хрю, и поросенок – хрю»; «Молодая собака от старых брехать учится»; «Молодой петух поет так, как слыхал от старого».

Ряд узбекских пословиц посвящен именно отцу: «Отец – сыну наставник»; «Отец о сыне радеет, сын – о внуке»; «Отца иметь – сыном быть, хозяина иметь – рабом»; «Кроткий отец – счастье ребенка»; «Жеребенок конем станет, – кобыла успокоится, сын мужчиной станет, – отец»; «Из дерева ключ – не ключ, из чужого отец – не отец».

На одной пословице, в которой одним из компонентом является “ота” (отец), остановимся подробнее. В последнее время некоторые носители узбекского языка пословицу «Устоз отангдан улуғ» (Наставник важнее отца) стали неправильно употреблять в речи. Вместо нее стали пользоваться таким вариантом, как “Устоз отангдек улуғ” (или “Устоз отангдай улуғ”) (Наставник важен как отец), не обращая внимания при этом на особенное значение правильного варианта. В правильном употреблении пословицы «Устоз отангдан улуғ» нет никакого ущемления отца вообще. Если было бы какое-то ущемление роли отца, тогда не было бы другой узбекской пословицы – «Ота рози – худо рози» (Отец согласен – значит, Бог согласен). В пословице «Устоз отангдан улуғ» есть преувеличение уважения «устоза», т. е. «наставника» («учителя»). Кроме того, в народе существует понятие о том, что первым и единственным наставником всего человечества является Аллах [4]. Как утверждали наши учителя, душа наставников и ученых – это духовное поле [2]. Другие узбекские пословицы гласят: “Устозсиз шогирд — жонсиз кесак» (Ученик без учителя (наставника) – бесчувственный человек (истукан); “Уста кўрмаган шогирд ҳар мақомга йўрғалар” (Ученик, не знавший учителя, танцует на все лады, т.е. человек, не имеющий опытного учителя (наставника), не прошедший хорошую школу обучения, пробует работать по-всякому, не умея толком взяться за дело).

Пословицы также напоминают: «По ученику и об учителе судят» (русская); «Шогирдинг оқил бўлса, бошингда тож, шогирдинг эрка бўлса, бошга таёқ» (Если твой ученик умный, на твоей голове корона, если твой ученик избалованный, на твою голову палка) (узбекская).

Особое место в семье и воспитании детей занимает мать.

Народы всех континентов единодушно считают мать священной, святыней. Это подтверждают пословицы многих народов. «Мать – святыня» (марийская); «Мать – святыня, с ней не спорят» (чувашская); «Мать сказала – бог сказал» (мордовская); «Мать – опора дома (лакская); «Нет такого дружка, как родная матушка» (русская); «У кого есть

матка, у того голова гладка» (русская); «Нет города, подобного Багдаду; нет друга такого, как мать» (татарская); «И тысяча теток не заменит родной матери» (пословица крымских татар); «Нет ничего на свете краше, чем матери наши» (бурятская); «Мать в семье – клад» (китайская); «Если для матери сделаешь яичницу даже на своей ладони, и тогда будешь в долгу» (армянская); «Оскорбивший своего отца будет презираем народом; оскорбивший свою мать будет нуждаться в куске хлеба» (узбекская); «Немую дочь мать понимает» (узбекская); «Сын грудной для матери – дитя, сын седой для матери – дитя» (кабардино-балкарская пословица).

Обычно в русских пословицах подчеркивается мысль о тесном союзе мужа и жены, например: «Муж без жены – что гусь без воды»; «Муж не башмак, с ноги не сбросишь»; «Муж с женой – что вода с мукой, а теща – дрожжи»; «Муж с женой, что вода с мукой: сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь»; «Муж без жены – что конь без узды»; «Муж да жена – одна душа»; «Муж да жена – одна сатана»; «Муж не лапоть, с ноги не скинешь»; «Жена не рукавица, с руки не сбросишь»; «Жена не гусли, поиграв, на стенку не повесишь».

Обязанности мужа и жены, их положение в семье неодинаковы: «Муж дому устроитель, нищете – отгонитель»; «Хозяин в дому что медведь в бору, хозяюшка в дому что оладышек в меду».

Хорошая жена – это украшение дома и счастье для семьи, плохая жена – несчастье: «Хорошая жена – и золото, и серебро»; «Хорошая жена – солнце в доме»; «Хорошая жена – казна, плохая жена – наказанье».

Бесконечен ряд пословиц о жене и муже у других народов: «Мужчина без жены, что конь без узды» (вьетнамская); «Мужчина без жены, что сарай без крыши» (финская); «Мужчина без жены, что дерево без кроны» (немецкая); «Жена – лучшее украшение дома» (тамильская); «Добрая жена – украшение дома, злая жена – сатана» (монгольская); «Дом без женщины – все равно что скот без присмотра» (амхарская); «Хорошая жена – половина счастья» (киргизская); «Понятливая, толковая жена – казна, бестолковая – наказанье» (туркменская); «Жена – ступ («ступ» – один из деревянных столбов, поддерживающих крышу в курдском жилище) дома» (курдская); «Муж да жена – одна душа» (украинская); «Муж и жена – искры одного кремня» (мордовская); «У мужа и жены мысли одни» (японская); «Жена и муж, словно палочки для еды: всегда парой» (вьетнамская); «Жена с мужем – одна кровь» (марийская); «Муж и жена из одной глины» (ассирийская); «Глина жены и мужа из одного корыта» (персидская); «Муж и жена – одна могила» (арабская).

В приведенных народных пословицах выражается положительное воздействие семьи на воспитание, так как она составляет основную ячейку любого общества и любой цивилизации. Здоровая семья во все времена является хранительницей ценностей, культуры народа. Благодаря ей, крепнет, развивается и растет благосостояние любой страны.

Литература

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. М., 2000. – С.6.

2. Омонтурдиев Ж. Омонтурдиев А. Олимлар – олам кўрки. Toshkent, 2018. Б. 65.

3. Уралова О.П. Семантика пословиц с ключевым компонентом “дети” // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIII Международной научной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2019 года), посвященной 90-летию проф. А.Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. – Владимир, 2019. С.404.

4. O’zbek xalq maqollari (Tuzuvchilar: T.Mirzaev, A.Musoqulov, B.Sarimsoqov); Masul muharrir: Sh.Turdimov.Toshkent, 2013. B. 6.

5. http://pharmi.uz/manaviyat-marifat-va-iqtidorli-yoshlar-bilan-ishlash-bolimi/?lang=ru

В настоящей статье подробно рассмотрены пословицы разных народов мира о воспитании и семье, трактуются смысл и значения паремий с данными концептами, доказывается, что пословицы народов мира тождественны в семантическом отношении, так как люди, живущие на одной планете, являются членами единой семьи, называющейся человечеством, указаны место и значение пословиц, считающихся бесценным богатством устного народного творчества и надёжным средством воспитания представителей любого поколения, укрепления семьи, являющейся неприкосновенной, беспредельной ценностью, истанным богатством общества, колыбелью рождения, воспитания становления и зрелости человека.

Ключевые слова: *пословица народы мира, языки, значение, воспитание, доброта, образованность, знание, семья, дети, родители, семейные отношения*

This article deals with the proverbs of different peoples of the world about the upbringing of a comprehensively developed and perfect personality, interprets the meaning and meanings of the paremias of the thematic group, proves that the proverbs of the peoples of the world are semantically identical, so the population of the planet are members of one large family called humanity, indicated the place and meaning of proverbs, which are an invaluable wealth of oral folk art and a reliable means of educating a spiritually perfect young generation.

Keywords: *proverb, personality, perfect person, the people of the world, languages, education, kindness, knowledge, science.*

С. С. АВЕЗОВ
Бухарский государственный университет, Узбекистан

«ШАХНАМЕ» – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ИРАНСКОЙ МЫСЛИ

Статтю присвячено великому перському поетові Фірдоусі, створеному ним епосу «Шахнаме», який розглядається як частина багатовікової культурної спадщини перських народів, унікальна енциклопедія іранської думки і один з найпрекрасніших творів світової культури.

Ключові слова: *перська література, культурна спадщина, псевдонім, домусульманська епоха, зороастрийські традиції, бейт-двовірш, епос, поема, поетика, композиція, літературне джерело, міф, легенда.*

Рассыплют стройных дворцов кирпичи,
Разрушают их ливни и солнца лучи.
Но замок из песен, воздвигнутый мной,
Не тронут ни ветры, ни грозы, ни зной.
Фирдоуси

Великая персидская литература воспитала немало поэтов, прославивших её на весь мир. Среди них особое место занимает Абулькасим Фирдоуси. Созданный им эпос «Шахнаме» является не только частью многовекового культурного наследия персидских народов, уникальной энциклопедией иранской мысли, но и одним из прекраснейших произведений мировой культуры. В 2010 году в Кембридже состоялась Международная научная конференция, посвященная 1000-летию «Шахнаме». В знак признания неоценимой роли поэта в Иране 15 мая провозглашено Днем Фирдоуси. А его родной город Тус был переименован в Фирдоуси.

Фирдоуси жил и творил в восточном Иране, который входил в те далекие времена в состав государства Саманидов, объединившего земли, на которых жили предки современных таджиков и персов.

Это территориальное единство двух народов продолжалось многие столетия, и вплоть до XVI века культурное достояние персов и таджиков было общим. Впоследствии территория государства Саманидов была разделена между караханидами и газневидами. В X веке здесь жили и творили выдающиеся математики Хорезми (IX в.), Худжанди (Хв.), великие философы и ученые Аль-Фараби (IX в.), Ибн-Сина (X-XI вв.) и Бируни (X-XI вв.).

В государстве Саманидов политическими и культурными центрами были города Бухара и Самарканд. Именно в Бухару, столицу литературы и искусства того времени, отправился Хаким Абу- аль-Касим Фирдоуси. Мансур, сын Хасана, вошедший в литературный мир под именем Хаким Абул-Касим Фирдоуси, родился в 329/940-41 году в Паже (Баже), одном из исторических селений Туса, расположенном в восточной Персии – Хорасане. Родился Мансур во времена, когда наука и художественная литература достигли своего расцвета.

Отец Мансура был из обедневших аристократов (дихкан), принадлежал к сословию патриархальной знати, на смену которой в конце первого тысячелетия нашей эры приходили новые помещики-землевладельцы. Доходы семьи были скромные, поэтому глава семейства вынужден был работать садовником во дворце местного эмира. Сад эмира был настолько великолепен, что в народе получил название «фирдуоси», что в переводе означает – «райский». По названию «райского сада» все семейство садовника Хасана Касыма стало именоваться «Фирдоуси». Отец Мансура дал сыну достойное образование, позволяющее ему свободно владеть двумя литературными языками: персидским и арабским, знать древний язык персов — пехлеви, изучить историю, математику, астрономию, архитектуру.

Воспитанный в духе уважения к своим историческим корням, юный Фирдоуси, испытывая гордость за свой древний персидский народ, увлекся народным эпосом, сбором легенд и мифов, рассказами сказителей, героическими сказаниями, переводом книг, в которых на языке пехлеви звучали идеи, образы, мотивы Авесты и других зороастрийских духовных традиций. К 30-ти годам Фирдоуси достиг таких вершин знаний, что в народе его наградили именем «Хаким», что в переводе значит «мудрец» [1].

Династия Саманидов вела свой род от древнеперсидских царей, поэтому в литературных кругах возникла идея написания художественно – исторических произведений, названных «Книга о шахах» или «Шахнаме». В течение X века на языке дари было составлено три прозаических свода «Шахнаме», которые носили полуисторический – полухудожественный характер и не могли оказывать должного эстетического воздействия. В 10 веке при составлении «Шахнаме» широко использовались написанные на среднеперсидском языке своды «Худай-наме» («Книга о царях»), в которых наряду с официальной придворной хроникой династии Сасанидов (III-VI вв.н. э.) содержались также мифы и сказания иранских народов [2].

Следовательно, в то время уже созрела настоятельная потребность создания истинно поэтических произведений о героическом прошлом. Этот социальный заказ остро чувствовали все передовые писатели и общественные деятели Саманидского государства. И первым, кто попытался удовлетворить эту настоятельную потребность общества, был поэт **Дакики**, погибший совсем молодым (977 г.) и успевший написать всего несколько тысяч бейтов (двустиший). Завершить неоконченную работу Дакики взялся Абулькасим Фирдоуси, создавший гениальную эпопею «Шахнаме» – венец всей персидской и таджикской поэзии, которого история назвала «совестью народа». Фирдоуси работал над своей поэмой 35 лет и закончил ее в 401 году хиджры, то есть в 1011 году [3].

Над первой редакцией «Шах-наме» Фирдоуси трудился около двадцати лет и завершил работу в 994-95 году. Долгие годы, которые он посвятил сочинению «Шахнаме», разорили его. О чем мы узнаем из строк самой поэмы:

Луна померкла, мрачен небосвод,
Из черной тучи снег идет, идет.
Ни гор, ни речки, ни полей не видно,
И ворона, что мглы черней, не видно.
Ни дров, ни солонины у меня,
И нет – до новой жатвы – ячменя.
Весь мир вверх дном перевернулся вдруг...
Хотя бы чем-нибудь помог мне друг! [4]

Фирдоуси оказался в незавидном положении. За два года до завершения первой редакции «Шахнаме» Бухара – столица Саманидов, политике которых отвечал идейный смысл эпопеи, была завоевана Караханидами. И надеждам Фирдоуси не суждено было осуществиться, но он не прекратил работы и приступил ко второй редакции, которая была закончена в 1010 году. К этому времени в качестве правителя Хорасана и части Средней Азии был могущественный властитель Газны султан Махмуд (997-1030), прославившийся как жестокий завоеватель Северной Индии. Он отверг творение Фирдоуси.

Существует много легенд о причинах конфликта между гениальным поэтом и грозным тираном. Одна из них была поэтически обработана великим немецким романтиком Генрихом Гейне.

Согласно этой легенде, султан обещал поэту заплатить за каждое двустишие по золотой монете. Но Махмуд жестоко обманул его. Когда прибыл караван от султана и развязали тюки, оказалось, что золото заменено серебром. Оскорбленный поэт, который, по преданию, будто бы находился в бане, разделил эти деньги на три части: одну вручил банщику, другую – людям каравана, а на третью купил прохладительные напитки, написав притчу на действия Махмуда Газневийского. Это был явный и прямой вызов деспотичному правителю. Султан приказал казнить поэта. И только побег поэта из родных мест спас ему жизнь. Лишь в старости он решил вернуться на родину. Султан, сменив гнев на милость, решил вознаградить поэта. Когда караван с дарами входил в ворота города, из противоположных ворот вынесли носилки с телом умершего Фирдоуси.

Поэтика эпоса Фирдоуси.

Поэма Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей») – это чудесный поэтический эпос, состоящий из 60 тысяч бейтов (двустиший). Это повествование мудреца из Туса о легендарной династии правителей Ирана (с древнейших времен до VII века). «Шахнаме» делится на **50 царствований**, но цари в основном служат лишь фоном для обозначения эпохи.

Цари Ирана согласно «Шахнаме»	
Древнейшие времена	Кеюмарс (30 лет) | Хушенг (40 лет) | Тахмурес (30 лет) | Джемшид (700 лет) | Зохак (1000 лет)
Династия Феридуна	Феридун (500 лет) | Менучехр (120 лет) | Новзер (7 лет) | Зов (5 лет) | Гершасп (9 лет)
Кеяниды	Кей-Кобад (100 лет) | Кей-Кавус (150 лет) | Кей-Хосров (60 лет) | Лохрасп (120 лет)
Династия Гоштаспа	Гоштасп (120 лет) | Бехмен (99 лет) | Хомай (32 года) | Дараб (12 лет) | Дара (14 лет) | Искандер (14 лет)
Сасаниды	Эрдешир Бабекан (40 лет) | Шапур (31 год) | Ормозд |Бехрам (3 года) | Бехрам (19 лет) | Бехрам (4 месяца) |Нерси (9 лет) | Ормозд (9 лет) | Шапур (72 года) | Эрдешир Добродетельный (10 лет) | Шапур (5 лет) | Бехрам (14 лет) | Йездгерд (21 год) | Бехрам-Гур (63 года) | Йездгерд (18 лет) |Хормоз (1 год) | Пируз (27 лет) | Балаш (5 лет) |Кобад (40 лет) | Кесра Нуширван (48 лет) | Хормозд (14 лет) | Хосров Парвиз (38 лет) | Ардашир (6 месяцев) | Фараин-Гораз (50 дней) | Пурандохт (6 месяцев) | Азармдохт (4 месяца) | Фаррухзад (1 месяц) |Йездгерд (16 лет)

«Шахнаме», или «Книга царей» начинается от первого царя и первого человека **Кеюмерса**. Он воплощает в себе период детства всего человечества. Царь **Джамшид**, изобретатель роскоши, возгордившись велел поклоняться себе, как Богу. В наказание Бог послал на Иран тирана **Зохака** с двумя змеями на плечах, выросшими после поцелуя **Аримана**. Зохак отнял у Джамшида трон и царствовал тысячу лет, кормя своих змей человеческим мозгом, пока кузнец Каве не поднял восстание в пользу правнука Джамшида Фаридуна. Это восстание против деспота – один из драматичных моментов «Книги царей».

При царе **Манучехре** происходят юношеские богатырские приключения **Заля**, любовь которого к красавице **Рудобе** составляет один из великолепнейших эпизодов «Шахнаме».

Сын Заля – **персидский богатырь Рустам**. По временам прерываясь, война длится при пяти иранских царях, всего более трехсот лет. Триста лет длится война между **Ираном и Тураном, между Кей Кавусом и Афрасиябом**. В первом же бою Рустам хватает Афрасияба за пояс, но пояс разрывается, туранский царь убегает, спасая тем самым свою жизнь. Оттого и война затягивается до бесконечности. Главные подвиги Рустама и его трагический бой со своим сыном **Сухробом** приходятся на царствование Кей Кавуса, который в некоторых отношениях напоминает своенравного князя Владимира русских былин.

Любимыми героями Фирдоуси **являются Искандар. Бахрам Гур и Кисра** (Хосров 1.). Они – идеал царской мудрости и справедливости. Завоевание Ирана арабами сведено к одной битве при Касидии.

Таким образом, если исключить некоторые побочные походы, вся «Шахнаме» вращается около вековечной, непримиримой борьбы Ирана с Тураном, представляющей собой исконную борьбу между **Ормуздом и Ахриманом, добром и злом.**

Ормузд и его небесные силы покровительствуют Ирану, Ахриман и дивы – Турану. Повествование об этой борьбе прерывается лирическими вставками и длинными романтическими эпизодами о любви Заля и Рудобе, бижане и Маниже, о богатыре Рустаме, Бахраме Гуре.

Лев Гумилев, признанный востоковед, автор одного из переводов «Шахнаме», не мог скрыть своего восхищения и потрясения не только от содержания, но и от объема творения Фирдоуси: «В этой поэме содержится 120 тысяч стихов. А в «Евгении Онегине» А. Пушкина, например, 5 тысяч. В «Божественной комедии» Данте – 13 тысяч. Вы представляете, какая это огромная махина была и сколько времени Фирдоуси ее писал! (Талант, конечно колоссальный)» [6].

Действительно, объем поэмы составляет 60 тысяч бейтов. Она вдвое длиннее эталонов греческого эпоса – «Илиады» и «Одиссеи» Гомера вместе взятых. Она излагает всю полулегендарную историю домусульманского Ирана и состоит из трех больших частей:

Первая часть – содержит мифологию Древнего Ирана и рассказывает об образовании человеческого общества на примере истории мифических Пишдадидов (история легендарных царей).

Вторая часть (богатырская) посвящена войнам между Ираном и Тураном. В ней присутствуют все описываемые богатыри, начиная от Заля и Рустама и заканчивая Исфандияром.

Третья часть (историческая) содержит историю дома Сасанидов, описывает падение Сасанидов и завоевание Ирана арабами.

Хотя у самого автора такого деления нет, но оно вполне оправдано и имеет под собой реальную почву.

Концепция «Шахнаме» соответствует старой саманидской хронике «Худайнаме», которая послужила главным ее источником. Поэт черпал вдохновение и из неиссякаемой сокровищницы персидских народных эпических преданий. Используя древние легенды о богатырях, он сумел оживить сухую хронику силой своего таланта и придать ей неувядаемую выразительность. Все разрозненные эпизоды были объединены поэтом в одно художественное целое.

Таким образом, три источника питают «Шахнаме»: древние мифы, богатырские сказания и исторические хроники.

Композиция «Шахнаме» такова: поэма состоит из описания 50 царствований, начиная от царей легендарных и кончая личностями историческими. Некоторые эпизоды, как например разделы о сасанидских шахах, содержат всего лишь несколько десятков двустиший , иные же разделы насчитывают более пяти тысяч.

Вся эпопея Фирдоуси пронизана главной философской идеей – это борьба добра против зла. «Шахнаме» – это прославление родной страны, призыв к единению разрозненных сил, к централизации власти во имя отражения иноземных нашествий. на благо страны. Именно они вследствие своей художественной силы приобрели наибольшую популярность. «Шахнаме» начинается с восхваления РАЗУМА:

Пришла пора, чтоб истинный мудрец
О разуме поведал наконец.
Ты мудреца слыхал ли изреченье?
Сказал он правдолюбцам в поученье:
«Раскается в своих деяньях тот,
Кто, не подумав, действовать начнет.
В глазах разумных – дураком он станет,
Для самых близких – чужаком он станет.

Затем идет описание царей. В заключительной части каждого раздела поэт устами шаха призывает быть справедливым и не обижать подданных, заботиться о процветании страны:

Так будь разумным, щедрым, справедливым.
Страна счастлива – будет царь счастливым.
Лжи приближаться к трону запрети,
Ходи всегда по правому пути.

В своей книге Фирдоуси говорит, что царь должен видеть свое призвание:

В том, чтобы радовать сердце голодных,
В том, чтобы жить для целей благородных,
В том, чтобы стремиться к правде и добру,
А не к жемчужинам и серебру.

Главные герои – богатыри Заль, Рустам, Исфандиёр, Сиявуш кузнец Кова, Бахрам Гур, Искадар (Александр Македонский). Их подвиги и судьбы основа сюжета.

Богатыри в «Шахнаме» беззаветно преданы родной стране и шаху, который олицетворяет для них отчизну. Одним из лучших произведений Фирдоуси считается поэма «Сказание о Рустаме» и «Рустам и Сухраб», также входящая в «Шахнаме». Именно Рустам – главный персонаж «Шахнаме», а не властители, в войске которых он служит. В его образе автор воплотил свои представления об идеальном герое, Рустам наделен такой богатырской силой, что способен свергнуть любого шаха. Но он не делает этого потому что, согласно воззрениям Фирдоуси, царствовать может лишь наследник древних царей, наделенный фарром, божественной благодатью, осеняющей в виде нимба носителей верховной власти.

Фироуси создал яркую фигуру богатыря Рустама с его конем Рахшем Поэма о богатыре Рустаме (и его сыне Сухрабе) занимает более трети от общего объёма. Рустам — наряду с Сиявушем и Исфандияром – главные эпические герои «Шахнаме» [7]. Со смертью Рустама заканчивается героическая часть поэмы.

Кульминационный пункт исторической части **– восстание Маздака**. Описывая восстание Маздака, поэт показывает, что народ борется за свое счастье и равенство, а не просто мечтает об утопическом царстве бедных брахманов в далеких горах. Восстание под руководством Маздака (нач 6ст.) было массовым народным движением, которое распространившись не только в Иране, а и в Аравии и Армении, покачнуло основы Сасанидской государственности. Идеей этого движения было возражение богатству и большой собственности как наибольшего зла в мире, как творение Ахримана. Фирдоуси конкретно и образно раскрыл свою любимую идею борьбы Добра и Зла, неизбежности победы Добра над Злом. Поэт, который ставил перед собой задачу художественным словом доказать законное право иранских царей на власть, пришел к заключению, что наивысший закон, высочайшее Добро – благо народа.

Анализ «Шахнаме» обнаруживает пересечение в поэме двух линий: **одна линия** находит свое выражение в панегирике Аллаху и султану Махмуду в начале эпопеи, в последовательной защите идеи законного властителя, в определенной идеализации прошлого, в проповеди рыцарской этики. **Другая** проявляется в прославлении ума, в поэтизации доисламских народных рассказов и легенд, в воспроизведении средневековой социальной утопии – изображение страны имущественного равенства и справедливости, в сочувственном рассказе о восстании Маздака, в проповеди идеи «доброго царя». К концу поэмы краски становятся все мрачнее. Предчувствие трагического конца не покидает поэта.

В этой поэме Фирдоуси предстает перед нами как великий гуманист, сумевший в суровую эпоху своей жизни создать произведение благородного негодования, искреннего сострадания и доброты, понимания человеческих нужд, забот и страданий.

За свою тысячелетнюю историю это произведение много раз переписывалось. Поскольку понятия авторского права в Средние века не существовало, писцы зачастую обращались с текстом весьма вольно. В результате количество двустиший в разных вариантах «Шахнаме» колеблется от 40 000 до 120 000. Однако текст на основе древнейших рукописей поэмы содержит примерно 60 000 бейтов – парных рифмованных строк. Популярность поэмы трудно переоценить. Её часто переписывали, украшая миниатюрными рисунками. И сегодня выдержки из «Шахнаме» появляются в изделиях художественных мастеров Ирана, Индии, Узбекистана.

Книга целиком написана на языке фарси, что позволило ей в 19 веке сыграть ключевую роль в возрождении персидского языка, попавшего под сильное арабское влияние в X веке. Сцены из великой поэмы изображены на лучших образцах классической персидской миниатюры.

Поэма Фирдоуси дала сильнейший толчок персидской литературе. Она породила бесконечный ряд других эпических произведений, имела влияние на эпос не только героический, но и романтический (Низами Гянжеви, Джами). Своими лирическими местами явилась предвестницей дервишской суфийской поэзии и навеки осталась у персов идеальным, недосягаемым поэтическим образцом.

Кроме занимательности, художественности и национальности содержания, всех пленяет и язык Фирдоуси, почти чуждый арабизмов, которые заполонили последующую персидскую речь. Поэма «Шахнаме» написана блестящим литературным языком, стала образцом для многочисленных подражаний. Ее перевели на большое количество европейских языков.

В России любовью пользовалась сказка «Еруслан Лазаревич», которая была заимствована из «Шахнаме». Имена главных ее героев Еруслан – Рустам, Лазарь – Заль Зар, Киркоус – Кей Ковус красноречиво об этом говорят. Именно эти сюжеты берет за основу своей поэмы «Руслан и Людмила» А. С. Пушкин. Мотивы «Шахнаме» еще в XII веке были популярны и в Грузии. Так, образы поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и имена навеяны персидской поэмой. Например, Рустам звучит как Ростам, Сухраб – Зураб. Появлению русской версии одной из частей поэмы читатели обязаны В. Жуковскому. В XX веке поэму на русский язык переводили Соколов, Лозинский, Липкин, Гумилев. Полный стихотворный русский перевод совершен Цицелией Бону, который был издан в 1957-1989 годы.

В конце нашей статьи хотелось бы процитировать последние строки, которыми Фирдоуси закончил поэму «Шахнаме». Они оказались пророческими:

Я не умру вовек! Жить буду снова
Во всходах мной посеянного слова!
И тот , кто свет ума и веры чтит,
Мой величавый подвиг восхвалит.

Литература

1. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Москва: Наука, 1969.
2. Бартольд, В. В. К истории персидского эпоса // Сочинения. Т. VII. М. : ГРВЛ, 1971.
3. Бартольд В. В. К истории Мерва // Сочинения. Т. IV. М.: ГРВЛ, 1965.
4. Фирдоуси. Шахнаме; перевод Ц. Б. Бану Лахути и В. Г. Берзнева. М. : Наука, 1957.
5. Омид Шива. Поэма «Шахнаме» Фирдоуси как источник по изучению этногеографии, истории и культуры ираноязычных народов. Автореферат… канд.. ист. наук РФ 07.00.09. Душанбе, 2013.
6. Гумилев, Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории, 1959, № 1.
7. Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1951. Вып. 10.

Статья посвящена великому персидскому поэту Фирдоуси, созданному им эпосу «Шахнаме», который рассматривается как часть многовекового культурного наследия персидских народов, уникальная энциклопедия иранской мысли и одно из прекраснейших произведений мировой культуры.

Ключевые слова: *персидская литература, культурное наследие, псевдоним, домусульманская эпоха, зороастрийские традиции, бейт-двустишие, эпос, поэма, поэтика, композиция, литературный источник, миф, легенда.*

The article presents the results of the study of the great Persian poet Ferdowsi's epic Shahnameh which is considered to be the part of the centuries-old cultural heritage of the Persian peoples, a unique encyclopedia of Iranian thought and one of the finest works of world culture.

Keywords*: Persian literature, cultural heritage, pseudonym, pre-Muslim era, Zoroastrian traditions, beit couplet, epic, poem, poetics, composition, literary source, myth, legend.*

Т. Х. АГЛАМОВ, О. Ш. ХОДИЕВА
Бухарский государственный университет

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статтю присвячено проблемам лексикології і лексикографії. Значна частина культури будь-якого народу реалізується через його мову, а мова у всьому її багатстві закріплюється насамперед у словнику. Автор розглядає, яким чином культура народу реалізується через мову майстрів слова (письменників, філософів, публіцистів тощо) і яким чином мова постає – в усе більшому обсязі – в авторських словниках.

Ключові слова: *лексикологія, лексикографія, словник, зіставна типологія.*

Отличительная черта всей современной лексикографии – это, по мнению Ю. Д. Апресяна, «синтез филологии и культуры в широком смысле слова. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре» [1, с. 29]. Развивая эту мысль, можно сказать, что часть культуры реализуется через язык мастеров слова (писателей, философов, публицистов и т. п.), а этот последний предстает – во все большем объеме – в авторских словарях.

Авторская лексикография – теория и практика составления словарей языка отдельных авторов и групп авторов – первоначально складывалась в филологии как «писательская лексикография». Основу комплексного типа авторского словаря создали в своей совокупности именно словари языка писателей, представляющие лексикографическую интерпретацию художественного языка как части национального языка. И в настоящее время развивается преимущественно как писательская, постепенно пополняясь словарными интерпретациями нехудожественных авторских текстов.

Корни авторской лексикографии уходят в глубокую древность, в дословарный период, к которому относится создание глоссариев к отдельным произведениям и отдельным

авторам [2, с. 10]. Активная работа над созданием словарей писателей относится к разным периодам в разных национальных лексикографиях: английской, американской, немецкой, итальянской, французской, шведской, польской, сербской, болгарской и др. Вместе с тем все национальные стали оформляться, как правило, в общий для них период развитой лексикографии. Результатом утверждения в XVIII-XX вв. такой функции лексикографии, как сбор и обработка данных для лингвистических исследований в области лексикологии, стилистики, истории языка и т. д., стало составление словарей исторических, этимологических, частотных и многих других – и, в том числе, языка писателей.

В мировой авторской лексикографии самую долгую историю имеет английская: первые справочники появились здесь в середине XVI в., затем составление словарей к произведениям выдающихся писателей приобрело систематический характер. По подсчетам, содержащимся в [Карпова 1994, 2010], к 2000 г. в англоязычной (английской и американской) лексикографии было создано свыше 300 словарей к произведениям более чем 70 писателей и поэтов, из них не менее 100 – шекспировских.

В 1960 г. был опубликован первый том Словаря языка болгарского поэта Христо Ботева (в 1956 г., напомним, вышел в свет первый том «Словаря языка Пушкина»), в 1962 г. – первый том Словаря языка Адама Мицкевича. Первой попыткой создания словаря сербского писателя стал опыт сербско-хорватско-русского объяснительного словаря к произведениям С. М. Любиши, в 80-х гг. были изданы словари других сербских авторов, например, Милана Ракича. При этом истоки русской АЛ связаны со второй половиной XIX в. – временем, значимым для отечественной лексикографии в целом. За почти полуторавековую историю создания авторских словарей накоплен немалый составительский и исследовательский опыт, необходимость обобщения которого давно назрела. Авторская лексикография переживает сегодня процесс активного развития; ее методология, терминологический аппарат, теоретические основы – все это, в отсутствие обобщающих научных трудов, требует многостороннего осмысления и систематизации.

Однако идея создания таких словарей в той или иной мере все-таки возникла гораздо раньше, ещё в Средние века на Востоке. Ярким примером тому может послужить словарь Махмуда Кошгари «Диван Лугат ат турк», созданный в 1072-1074 гг. «Дива́н луга́т ат-турк» – первый энциклопедический словарь тюркского языка, является авторским лексикографическим словарем не только эпохи, но и всего тюркоязычного населения Востока. Особое место в лексическом строе узбекского языка и в тюркских письменных памятниках древности, а также Средневековья занимают слова, означающие предметы, необходимые в жизненной практике и связанные с материальной культурой узбекского народа, его социальной философией, эстетикой и мировоззрением. В этом смысле «Диван лугат ат турк» Махмуда Кашгари как уникальный в своем роде письменный памятник является общим духовным наследием всех тюркских народов. Ценность данного труда в своё время отмечалась русским ученым-языковедом А. Н. Кононовым: «Словарь Махмуда Кашгари представляет собой уникальное произведение, в котором общие языковые факты тюркских языков, словно маленькие частицы самородка. Кроме этого, оно включает в себя информацию лингвистического, этнографического, фольклорного, географического и, наконец, исторического характера о таких тюркских народах, как хакасы, турки, туркмены, огузы, йагмы, чигили, кыргызы, узбеки» [4]. История изучения словаря Махмуда Кашгари «Диван лугат ат турк» имеет широкий масштаб в области общего языкознания и непосредственно в тюркологии. К исследованиям словаря в общем языкознании можно отнести труды следующих ученых-языковедов: П. К. Жузе (1926, 1927, 1930), К. Броккельман (1918, 1921, 1928, 1930), О. Прицак (1950, 1953, 1955), Ю. Келли (1971, 1972, 1973, 1988), Р. Данкоф (1972, 1973, 1975, 1980), В. А. Звегинцев (1964), И. В. Стеблева (1965), С. Кляшторный (1974) и др. В области тюркологии известны фундаментальные

труды таких ученых, как: Ж. Валидов (1920), А. Фитрат (1920), А. З. Валида Тоган (1930), С. Ахаллы (1958), С. М. Муталибов (1947, 1957, 1961), А. М. Демирчиадзе (1964), А. К. Курышжанов (1972), В. П. Асланов (1972) и др.

Научный интерес к «Дивану» в узбекском языкознании возобновляется в годы независимости ведущими учеными страны. Несмотря на наличие подобных научных трудов, исследование данного словаря с лексического аспекта остается малоизученным. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, мы считаем необходимым рассмотреть в данной статье соотношение слов, означающих названия предметов домашнего обихода, в словаре Махмуда Кашгари «Диван лугат ат турк» и узбекском языке. Следует отметить, что анализ поставленной проблемы должен носить комплексный характер, т. е. при изучении мы должны опираться на научные находки в области истории, этнографии и искусствоведения. В узбекском языке слово кигиз (войлок, кошма) – это материал из овечьей шерсти для покрытия юрты и для изготовления различных изделий [4, с. 314]. В «Диване» данное слово встречается в таких формах: кийиз//кигиз//кидиз. По поводу этимологии этого слова К. Сейдакматов высказывал следующее мнение: «Древнетюркские корни кий//кед//кид, возможно, имели значение кий (надевай). Т. е. начальное значение этого слова было связано с надеванием, впоследствии это значение перешло в традиционное понимание предназначения кийиза» [5, с. 271]. Таким же образом от слова *кєн (кожа)* образовалось слово *куйлак (рубашка)*. В «Диване» в качестве синонима кийиз встречается слово *оймо*. Например: *«Ол маўа оймо талкышт – Он помог мне валять войлок»* [5, с. 327]. Слово *оймо (орнаментированный, разукрашенный)* в современном узбекском языке подходит к слову *ала кийиз – кигиз (орнаментированный войлок)*. Поскольку *орнамент* накладывается только на *ала кийиз*, следовательно, и название объясняется накладыванием орнамента, т.е. *ала кийиз* на русском языке означает пеструю кошму. Как нам кажется, в предложениях *«Ол кызка кизиз сырытты – ал кызга кийиз шырытты» – «Он мне помог сшивать кошму»* [5, с. 491] слово *кийиз (кошма)* употреблялось в смысле *шырдак (сшитый в два слоя орнаментированный войлок)*. Значит, от глагола *сыры (кирг. шыры – стегать, сшивать что-л., складывать в несколько слоев)* в кыргызском языке образовалось слово *шырдак (текимет, сшитый в два слоя орнаментированный войлок)* [5, с. 922]. Исходя из подобных предпосылок, можно сделать вывод о том, что нынешние предметы материальной культуры кыргызского народа, такие как *кийиз (кошма), ола кигиз (орнаментированный войлок), ширдок (сшитый в два слоя орнаментированный войлок)*, с древних времен использовались узбеками. Общеизвестно, что кочевые тюркские племена имели в своем обиходе жизненно важные предметы, удобные для кочевого образа жизни, которые в основном делались из кожи. Об этом свидетельствуют слова, встречающиеся в словаре Махмуда Кашгари. Например, слово *бутык (>бут+ык)* в словаре означало *маленький бурдюк*. Слово *бутыкты* толкуется как бурдюк, сделанный из конской шкуры ноги, сосуд для кумыса или воды [6]. А слово *касук* означало сосуд тоже из конской шкуры, только похожий на посуду для хранения молока и кумыса. Такие примеры можно найти во многих тюркских языках Востока, таких как киргизский, казахский, башкирский и многие другие.

Благодаря азербайджанскому ученому А. Демирчизаде, труд был издан на азербайджанском языке. Н. А. Баскаков назвал Кашгари «пионером в сравнении тюркских языков», А. Н. Самойлович – «Радловым 11 века». Работа содержит очень много ценных сведений об экономическом, материальном, духовном положении тюрков. Здесь содержатся ценные сведения в области и литературы, географические и астрономические сведения, особенности языка и научных исследований. Академик И. А. Кононов по охвату материалов подразделяет «Дивани» на 5 отраслей:

1. словарный запас, лексику определенных родов;
2. сведения о местонахождении родов тюрков;
3. группирование тюркских языков;

4. сведения об исторической фонетике и грамматике;
5. сведения об истории, географии, этнографии, поэзии, фольклоре тюрков.

Махмуд Кашгари поставил цель: рассмотреть слова, принадлежащие только тюркскому языку. Поэтому мы встречаем в словаре слова, обозначающие одежду, домашнюю утварь, сельскохозяйственную продукцию, оружие, музыкальные инструменты, родственные и племенные названия, звания, названия блюд, зверей, растительность, названия дней, месяцев, городов, болезней, лекарств, игр. Здесь приводятся названия 29 племен. По карте М. Кашгари они располагаются от Рума до Востока: бегемен, кыфган, огуз, йемен, башгирт, басмыл, кай, йабаку, катар, хыргызы; дальше располагаются чигель, тухси, йагма, уграк, чарук, чомыл, уйгур, хытай, тайгут, тавгаты.

Кашгар – город в чужанско-уйгурском автономном районе КНР, был крупным торговым центром на Великом Шелковом пути. Великий ученый сгруппировал в книге 6800 тюркских слов (110 названий земель и рек, 40 народностей и племен), дал пояснение на арабском языке. В книге приведены 242 стихосложения, 262 пословицы и поговорки. Удивительно, что вошедшие в «Дивани» 875 слов и 60 пословиц и поговорок без каких-либо изменений вошли в казахский язык. «Дивани» – первое филологическое исследование и первый сравнительный словарь тюркских слов, дающий их этимологию. Нельзя рассматривать эту работу лишь как словарь. Она содержит много исторических сведений, образцов устного народного творчества народов Средней Азии 11 века [7].

Таким образом, его автор, человек огромной для своего времени эрудиции и таланта, создал уникальный, не имеющий аналогов словарь, ставший одним из ценнейших памятников культуры и истории тюркских народов. Современное востоковедение, в том числе арабистика и тюркология, немыслимы без этого произведения. Учёные-тюркологи считают это произведение первым, более чем на семь веков опередившим своё время сравнительно-историческим исследованием [8]. Словарь Махмуда Кошгари стал исторически одной из первых авторских лексикографических работ. Подобных уточнений требуют многие языковые средства, имеющиеся в словаре Махмуда Кашгари. Внесение такого рода ясностей в лексику словаря послужит условием для восстановления истории кыргызского языка и выяснения его развития в период XI-XII веков.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Языки русской культуры. М., 1993.

2. Hartmann, James. Русская авторская лексикография теория, история, современность. М., 1998.

3. Археологический альбом / сост. К. Байгарулов, Ж. Сейдалиев. Бишкек : КТМУ, 2013. 184 с.

4. Дыйканов К. Из истории кыргызского языка. Фрунзе : Мектеп, 1980. 154 с.

5. Жаманкулова Г. «Диван» Махмуда Кашгари и трансформированные формы сказуемых. Б. : Бийиктик, 2011. 255 с.

4. Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-тюрк» // Советская тюркология. 1972. № 1. С. 16-77.

5. Кашгари Махмуд. Словарь тюркских языков / перевод на кырг. Т. Токоев, К. Кошмоков. Бишкек, 2011. Т. I. 906 с.

6. Mengliev B. R., Nigmatova L. H. Problems of language, culture and spirituality in general explanatory dictionaries of Uzbek language. International Journal of Psychosocial Rehabilitation 24 (3), 378-385.

7. Nigmatova L. Некоторые проблемы узбекской лексикографии и словарной разработки. Филология масалалари, 1 (1), с. 71-81.

8. Rajabovna D. Z. Proverb-An Artistic Publicist Genre / International Journal of Psychosocial Rehabilitation, 24(1).

Статья посвящена проблемам лексикологии и лексикографии. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре. Автор рассматривает, каким образом культура народа реализуется через язык мастеров слова (писателей, философов, публицистов и т. п.) и каким образом язык предстает – во все большем объеме – в авторских словарях.
Ключевые слова: *лексикология, лексикография, словарь, сопоставительная типология.*

The article discusses the issues of lexicology and lexicography. A significant part of the culture of any nation is realized through its language, and the language in all its wealth is fixed primarily in the dictionary. The authors of the article study how the culture of people is realized through the language of masters of the word (writers, philosophers, publicists, etc.), and the way the language is manifested in the authors' dictionaries.
Keywords: *lexicology, lexicography, dictionary, comparative typology.*

С. С. АВЕЗОВ
Бухарский государственный университет, Узбекистан

СЛЕНГОВЫЕ СЛОВА В ЛЕКСИКЕ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

У статті представлено результати дослідження рекурентності сленгових слів у мові інтернет-користувачів. У центрі уваги автора статті знаходиться проблема з'ясування причин проникнення в сучасну російську мову значної кількості англіцизмів, які і формують ядро сленгової лексики мови інтернету. Аналіз лексичного рівня «мережевої мови» показав, що використання сленгу в більшості випадків служить для полегшення адаптації до англомовних термінів, прискоренню процесу їх упровадження.
Ключові слова: *сленг, інтернет-мова, англіцизм, англомовний термін, комп'ютерна гра, буквенно-цифрова форма.*

Язык, обслуживающий коммуникацию в интернете, подвергается трансформации в самых различных аспектах: на уровне лексики, правил построения высказываний и связного текста, жанрово-стилистических норм, соотношения устной и письменной речи, коммуникативных стратегий и тактик. О формировании нового стиля (стиля интернет-общения) свидетельствует целый ряд особенностей, на которые обращают внимание даже обычные пользователи интернета, не склонные к глубокой рефлексии над языком. Наиболее значимыми из них являются следующие: смешение речевых стратегий, компьютерный сленг, элементы которого переходят в общеупотребительную лексику; возрождение эпистолярного жанра; игровые условия коммуникации в виртуальном пространстве [1, с. 131].

Процесс появления новых слов приобретает в интернет-языке лавинообразный характер. Важнейшим источником пополнения словаря интернет-языка является лексикология. Неологизмы, наиболее употребляемые в сети, условно можно разделить на следующие группы: компьютерные термины, интернет-сленг, компьютерный сленг или жаргон, молодежный сленг.

Сленг (англ. slang) – в одном значении то же, что и жаргон, в другом – совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Сленг состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах, и отражает ценностную ориентацию этих групп [2, с. 12]. Выделение подгрупп языка является условным, потому что в некоторых случаях четкого деления нельзя произвести из-за взаимосвязанности понятий; совместного их использования; назначения слов, выполняющих функции терминов, но имеющих стилистически жаргонную окраску.

Каждый из подъязыков имеет собственный путь развития. Зарождение молодежного сленга исследователи относят к XVI веку. Компьютерный сленг и терминология значительно

моложе. Еще моложе интернет-сленг. Например, смайлики были изобретены в 1979 году Кевином Маккензи.

Лексика интернет-пользователей может быть также как литературной, так и нелитературной, редко, но встречается и ненормативная лексика, нецензурная брань, обычно выраженная в виде хаотичного набора символов или замены ими части слова. Язык интернет-пользователей также дифференцирован по возрастным и профессиональным категориям, по уровню владения компьютерными технологиями, по интересам пользователей или предпочитаемой ими деятельности. Например, есть *подъязык программистов, web-дизайнеров, системщиков, хакеров, любителей компьютерных игр* и т. д. Каждой группе пользователей свойственно употребление определенных лексических конструкций, которые могут быть знакомы остальным группам частично или вовсе не знакомы. И только небольшая часть языка является общей для всех [3, с. 55].

Можно предположить, что эта часть незначительна по сравнению с общим словарным запасом русского языка и существенным образом вряд ли может на него повлиять. Кроме того, каждой группе пользователей в разной степени характерно использование того или иного вида лексики: сленга, жаргона, профессиональной терминологии, литературного языка. Точное долевое распределение видов языка по подгруппам неизвестно, так как подобные исследования пока не проводились. Однако молодое поколение чаще использует сленг, и хорошо знакомо с компьютерной терминологией. Сленг заменяет подрастающему поколению сложные лингвистические конструкции, которые они еще не очень хорошо освоили. Кроме того, молодежи свойственно искать способы отличаться от других, отгораживаться от взрослых «повелителей», иметь свои секреты, противопоставлять скучным традиционным устоям новые игровые формы, поэтому именно им принадлежит большинство лингвистических экспериментов и нововведений. Но когда время игр, веселья и развлечений выходит на второй план, приходится осваивать более деловой, официальный литературный язык, который должен заменить им сленг.

По типу образования слов компьютерный сленг и терминологию можно разделить на следующие группы: *сокращения, синонимия, перевод, калькирование, фонетическая мимикрия*, включающая игровую подмену названий похожими словами по свойству или произношению, *видоизменение* или *замена слов* для эмоционального выражения и другие.

Большинство русских компьютерных терминов и сленговых слов заимствовано из иностранных языков, чаще от английского. Их основу составляет перевод или произношение соответствующих понятий.

Следующие неологизмы были образованы путем фиксации их произношения средствами русской графики: *интернет* (internet), *винчестер* (Winchester), *компьютер* (computer), *интерфейс* (interface), *курсор* (cursor), *кэш* (cache), *драйвер* (driver), *картридж* (cartridge).

Вторая группа неологизмов возникла в результате перевода смысла английского слова-источника: окна (windows), закладка (bookmark), фон (background), мышь (mouse), корзина (basket), клавиатура (keyboard), сохранить (save), перетащить (drag), перезагрузить (reboot, reload, restart).

Некоторые слова формируются путем *сокращения названий* и часто употребляются именно в таком виде, например: VGA, TIFF, VBA, RAM, IP, CD-ROM, HD, DVD, FAT.

Сокращения сленга имеют более свободные формы, чем у терминов, сокращаются устоявшиеся фразы, например: *BTW* (By The Way) – *Между прочим*, CU (See You) – *Увидимся (до свидания),* AFAIK (As Far As I Know) – *Насколько мне известно*, IMHO (In My Humble Opinion) – *По моему скромному мнению*, LOL (Lot Of Laugh) – *очень смешно, умираю со смеху*, GL (good luck) – *удачи*. Или используются эти же сокращения, но в написании русскими буквами, например: ИМХО, ЛОЛ, АФАИК и т. д.

Часто сленговые сокращения принимают буквенно-цифровую форму, заменяя слоги цифрами, похожими по произношению, например: 4GET (*Forget) – Забудь*, ME2 (*Me too*) – *Я тоже*, 10X (*Thanks) – Спасибо*.

Надо сказать, что похожих аббревиаций, образованных от русских фраз и слов гораздо меньше, так как интернет вошел в русскоязычное пространство позднее. Хотя встречаются усеченные формы русских слов, например: *компьютер* – комп, *программист* – программер, *программа* – прога, *робот* – бот, *регистрировать* – регить, *ноутбук* – ноут, бук.

Большое количество англицизмов входит не только в современный русский язык, но и другие языки. Многие технические английские термины появились в иностранных языках, так как новые технологии были изобретены в англоязычных странах. В США, например, был изобретен *интернет*, там же были разработаны многие продукты крупнейших компаний-производителей вычислительной техники, которые сейчас становятся транснациональными [4, с. 4].

Но не только другие языки заимствуют английские слова, сам английский в большей степени, чем другие языки, вобрал в себя десятки тысяч французских, испанских, немецких, латинских, греческих, русских и прочих слов. Взаимодействие языков нарастает. Возможно, это – некоторая тенденция к образованию общности в языках, взаимопроникновению.

Лингвисты стараются фиксировать заимствования и публиковать их в словарях. Так, например, издатели 145-тысячного Краткого Оксфордского словаря современного английского языка заявляют в предисловии, что составители систематически отслеживают французские, немецкие, русские и испанские заимствования, чтобы вовремя поймать их попадание в живой язык. Существует трехтомный словарь англицизмов в немецком языке, в России также публикуются словари англицизмов, например, словарь М. Ю. Семеновой, а в японском языке для написания иностранных слов выделили даже отдельный алфавит.

Множество новых модных слов в русском языке приводит иногда к неосознанному их употреблению, к несоответствиям и ошибкам, большое количество которых тревожат лингвистов. Иногда ошибка кажется привлекательной обществу и становится популярной, образуя новые формы слова или сленга. Это известное явление в лингвистике и называется солецизмом – неправильность, признанная нормой. Например, правильно *«братья Гримы»*, но принято «братья Гримм», правильно произносить *Эс-Ша-А*, но говорить будут «сэшэа» или просто «сша». Часто также переводчики и издатели предлагают обществу не самое формально правильное, а самое удобное и удобопроизносимое написание иностранных слов, например, офис и паспорт вместо *оффис* и *пасспорт*, или МанхэттЕн, вместо *МанхэттАн*, специально, чтобы не спровоцировать постановку ударения на последний слог, как в словах Индостан или Магадан.

Использование сленга отчасти служит для облегчения адаптации к англоязычным терминам, ускорению процесса их внедрения. Большая часть сленговых конструкций в интернете придумана не только для того, чтобы передать информацию в краткой и упрощенной форме, но и для того чтобы оживить ее юмористическим оттенком. Это также игровая форма образования слов, которая придает общению некоторый задор с целью поднять настроение, снять напряжение, разнообразить скучную профессиональную беседу, найти общий язык, способствующий быстрому сближению и обмену информацией. Этим приёмом пользуется не только молодежь, но иногда и взрослое поколение. Употребление таких слов часто вызвано желанием пошутить или «говорить на одном языке». Так, например, даже известный филолог МГУ в своих ответах на вопросы читателей его блога, вместо «этим» с юмором пишет «сим», а вместо «может быть» – «мабудь» и «слудет», в ответ на вопрос, не следует ли сильно упростить письменный и устный язык и ввести латиницу в качестве второй азбуки, чтобы уменьшить безграмотность. Кстати, проект латинизации существовал во времена после Октябрьской Революции, но в 30-х годах

XX века был остановлен. А теперь повсеместно используется без официального введения [5, с. 31].

Юмористический оттенок сленга чаще всего выражает отношение к объекту, указывая на его характеристики, особенность или одно из свойств.

Прыскалка – струйный принтер	Голова – процессор
Глюк – неправильная работа программы	Дока – документация
Палка – джойстик	Букварь – руководство
Пилюлькин – антивирусная программа	Лазарь – лазерный принтер
Дыра – уязвимость программы	Мозги – ОЗУ
Резак – устройство для записи дисков Червь – вид компьютерного вируса	Бродилка – браузер Пузомерка – счетчик
Троян – вид компьютерного вируса	Морда – интерфейс
Искалка – поисковая система	Болванка – пустой компакт-диск

Часто целью подмены названия является не только юмор, но и ирония, а также проявление агрессии или неприятия, в том числе по отношению к объекту или иностранному слову, например: *виндуха, виндуза, масдай* (Windows), *крысодром* (коврик для мыши), *софтино* (soft, программа), *намордник* (защитный экран монитора), *ишак* (браузер Internet Explorer), *автогад* (AutoCad). Сленгу вообще характерна экспрессивность, эмоциональность, яркость, образность, выразительность. Сленговых «синонимов» одного понятия может быть довольно много.

Некоторые слова могут заменяться сленговыми из-за их сходства по произношению с другими словами, например: Шаровары (от англ shareware) – условно-бесплатное ПО; Мыло (похоже на англ. Mail (мэйл); Дрова – драйвера; Мазила – браузер Mozilla; Лук, аутглюк – почтовая программа Outlook; Лыжи – компания LG; Квакер – игрок в компьютерную игру Quake; Кеды – KDE; Дельфин – программист на Delphi; Думер – игрок в Doom; Барсик, Васик – язык программирования Бэйсик; Бук – ноутбук; Авишник – файл формата avi.

Есть и слова, образованы путем превращения видоизмененной сокращенной формы в новое слово, например: *Винда* – Windows; *Мать* – материнская плата; *Демка* – демонстрационная программа; *Сетевуха* – сетевая плата; *Качать* – скачивать.

Различная популярность тех или иных сленговых слов зависит от длительности их использования. Так, например, сленговые слова *виснуть, тормозить, загрузить, дыра* в компьютерном значении стали практически общепринятыми литературными и широко используемыми словами [6, с. 67]. Они обозначают сложные явления или понятия, такие как *«внезапное приостановление выполнения компьютером команд пользователя»* или *«запуск необходимого компьютерного обеспечения», «уязвимость программного обеспечения»*, которым не придумали отдельных терминов, поэтому используют похожие аналоги уже существующих слов. Именно это объясняет их широкое распространение, выходящее за пределы интернета, а также применение данных слов в новом значении для замены некомпьютерных синонимов.

Мода на другие сленговые слова также проявляется в их частом использовании в разговорной речи и СМИ, но литературными и общепринятыми становятся лишь немногие из них.

Литература

1. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. *Словарь и культура русской речи.* Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. М., 2001. С. 131–148.

2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. Автореферат… канд. филол. наук. Волгоград : ВГУ, 2001. с. 12.

3.Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации. *Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2002. № 1. С. 55–67.

4. Леонтович О. А. Проблемы виртуального общения. *Полемика.* 2000. № 7. С. 4.

5. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация : проблема жанра. *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе.* Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Орел, 2006. С. 31–32.

6. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете. *Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект.* 2004. № 11. С. 63–67.

В статье представлены результаты исследования рекуррентности сленговых слов в речи интернет-пользователей. В центре внимания автора статьи находится проблема выявления причин проникновения в современный русский язык значительного количества англицизмов, которые и формируют ядро сленговой лексики интернет-языка. Анализ лексического уровня «сетевого языка» показал, что использование сленга в большинстве случаев служит для облегчения адаптации к англоязычным терминам, ускорению процесса их внедрения.

Ключевые слова: *сленг, интернет-язык, англицизм, англоязычный термин, компьютерная игра, буквенно-цифровая форма.*

This article presents the results of a study of the recurrence of slang words in the speech of the Internet users. The article focuses on the problem of identifying the reasons for the penetration of a significant number of Englishisms into the modern Russian language, which form the core of the slang vocabulary of the Internet language. Analysis of the lexical level of the «network language» shows that the use of slang in most cases serves to facilitate adaptation to English terms, to accelerate the process of their implementation.

Keywords*: Slang, Internet language, Anglicism, English term, computer game, alphanumeric form.*

О. Ю. БАРАБАНЩИКОВА

Киевский национальный лингвистический университет

СИМПИОМЫ СВЕРТЫВАНИЯ МЕТАДИАЛОГА ПРИ ПЕРЕХОДЕ К МОНОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЕ РЕЧИ

Функціонування лексичних одиниць у процесі комуникації і локальні проблеми вербального спілкування (наприклад, переростання діалога під час тлумачення незрозумілого / незнайомого слова в монологічне висловлювання), сприяють з'ясуванню характеру будь-якої лексичної структури, і в кінці кінців визначають підхід до загальнолінгвістичного аналізу всіх її ланок, так чи інакше пов'язаних з актом комунікації.

Ключові слова: *структурно-смислова схема, метадіалог, монологічна, діалогічна метаструктура, мовнорозумовий процес.*

Главная идея толкования – непонятное через понятное создает предпосылки для совместного употребления «в одном контексте вплоть до одного абзаца или предложения различных по своим источникам и традиционной стилевой окраске языковых единиц» [1, с. 71], что одновременно и сближает, и отличает метаструктуры от лингвоспецифических для русского языка биноминативных тавтологий [2, с. 101].

Не подвергая сомнению целесообразность анализа степени диалогичности монолога, вполне правомочным считается и обратный (вернее, прямой, поскольку именно диалог первичен с точки зрения речемыслительного процесса) ход исследования: от диалога к монологу.

Рассмотрим метадиалог-эталон, употребив для удобства цифровую индексацию реплик:

1. Справная девка, – сказала старуха Саше, – ты ей **катетку** подари, она и погуляет с тобой.
2. Что значит катетка?
3. Ну, платок по-вашему.
4. Понятно… (А.Н. Рыбаков)

Как видим, обмен собеседников репликами, цель которых прояснить смысл сказанного, имеет классическую форму: фиксированный четырехкомпонентный диалог, в котором первая реплика содержит непонятное для адресата слово, вторая представляет собой вопросительное предложение, где выражено недоумение по поводу этого слова, третья разъясняет его значение, четвертая подтверждает усвоение разъяснения. То есть, структурно смысловая схема четырехкомпонентного диалога-эталона, цель которого – толкование слова **катетка**, имеет такой вид:

1. реплика-стимул, в которой употреблено непонятное собеседнику слово;
2. реплика-реакция (просьба разъяснить непонятное слово;
3. реплика-ответ адресанта, разъясняющего непонятное слово и тем самым уточняющего смысл своей первой реплики;
4. реплика-подтверждения понимания слова (возможно всего разговора в целом).

Если обратиться к примеру, «наложив» на него в качестве трафарета предложенную выше схему диалога-эталона, то уже первая реплика диалога *Про утопистов слыхал? Нет? А я слыхал. Игнат нам лекцию про них рассказывал… Народ такой был утописты. У них все было бесплатно… Утописты добились уничтожения частной собственности и противоположности между городом и деревней, а после того забрались на кирпичную стену, попрыгали оттуда в море и утопились…* (С. П. Антонов) поглотила вторую реплику (возможный вопрос или просьбу объяснить непонятное слово, в данном случае выраженную, очевидно, отрицательным жестом), и слилась с третьей, образовав, по существу, монологическую метаструктуру с элементами диалога (вопросы: *Слыхал? Нет?*).

Подобное слияние трех реплик метадиалога практикуется в интервью, по законам которого чрезмерное дробление текста встречными репликами нежелательно (журналисту, ведущему пришлось бы то и дело перебивать речь собеседника), особенно, когда слово предоставлено лицу не только компетентному, но и по роду своей деятельности призванному убеждать, разъяснять. Как, например, врач-инфекционист Ольга Голубовская. На вопрос, что значит **бустер-эффект**, и есть ли вышеупомянутый эффект от вакцины против гриппа по отношению к коронавирусу, Голубовская ответила:

Бустер-эффект – это когда человек вакцинируется от гриппа и думает, что это сразу будет защищать его от COVID-19. Этого, конечно, нет. Но вакцинация от гриппа защитит человека от тяжелого течения самого гриппа. Украина24, 14.09.2020

Сродни таким интервью воспроизведение устных диалогов в мемуарах, авторы которых стремятся подчеркнуть важность для них общения с тем или иным человеком. Как, например, в воспоминаниях писателя В. Конецкого о Викторе Некрасове:

*– Мне кажется, что **зуавы** – это то же, что и **спаги**.*

*– Нет, **спаги** – во французских колониальных войсках – кавалеристы из местного населения в Северной и Западной Африке. **Зуавы** же – часть легкой пехоты, и комплектовались не только из местных, но и французских добровольцев… А откуда сапер, знаешь?*

Конечно, я не знал.

*– От французского сапа, а **сапа** от итальянского **заппа** – заступ. Траншея, которая велась осаждающими в то время, когда они подступали к крепости ближе, чем на оружейный выстрел. Ну а сапер – это тот, кто ведет сапу.* (В. В. Конецкий)

Процесс взаимоперехода диалога в монолог, на наш взгляд, наиболее наглядно проявляется при последовательном анализе трансформаций, происходящих в каждой реплике метадиалога.

Так, несмотря на присутствие в первой реплике, поглотившей последующие, внешних признаков диалога, (оформление тире или кавычками, использование вопросно-ответного комплекса, обращений и т.п.), эта реплика по протяженности и информационной емкости приближается к монологическим структурам. С другой стороны, предваряющий диалог монологический отрезок текста, как правило, содержит элементы метаструктуры, хотя не обязательно передает содержание, характерное для первой реплики. Например, в представленном ниже отрезке текста авторское повествование содержит описание неизвестного собеседнику предмета (часть потенциальной третьей реплики), а лишь затем названо незнакомое адресату слово, что нарушает принятый в метадиалоге-эталоне порядок чередования реплик:

3 *На плоском дощатом прилавке выставлен ржаной, домашней выпечки, хлеб аккуратно порезанный на равные округлые ломти. А рядом и вовсе чудное: белое длинное. Колька увидел, будто споткнулся на ходу. Уставился завороженно. Сашка его легонько шуркнул:*

1,3 – *Чево как баран на новые ворота-то… **Батон** это! Белая такая булка, в кино показывали.* (А. И. Приставкин)

Примечательным представляется и такой факт: отрезок монологического авторского текста (образец дистантного общения с читателем), который содержит подлежащее толкованию слово, дает импульс для метадиалога с четко обозначенным собеседником (образец контактного общения).

Вспоминаю старого гуру-прорицателя, который подошел, когда я стояла около гранитного камня, на котором вырезаны слова «Махараши Рерих».

*- Кто такой **махараши**? – спросила я его.*

- Это тот, чьи дела и мысли обгоняют устремления живущих с ним рядом, и поэтому эти дела и мысли после его ухода еще долго продолжают жить и служить людям.

*- Никогда не слышал такого определения **махараши*** (Л. В. Шапошникова)

Заметим, что оформление последней реплики как части диалогического единства, можно считать условным (ошибочным?), так как признание в неожиданности толкования слова **махараши** адресовано не столько гуру-прорицателю, сколько читателю, уже знакомому по предыдущему повествованию с привычным автору толкованием этого слова – *мудрец*. Таким образом, эта реплика практически входит в авторский текст-монолог.

Легко объяснимо отсутствие трех (2,3,4) реплик метадиалога, когда автор текста, знающий уже смысл названного контактным собеседником слова, не нуждается в переспросе и продолжает свой монолог, включая в него толкования для читателей:

*- Что твориться, что твориться! – восклицал водитель такси, рассказывая о погромах. Но это не бакинцы, - повторял убежденно, – это **еразы**.*

***Ераз** – слово бранное. Ереванский азербайджанец, так оно расшифровывается, а проще беженец из Армении, один из двухсот тысяч беженцев, живущий в Баку, бывший крестьянин, попавший в город. И даже не живущий, существующий без квартиры, прописки, хоть какой-нибудь собственности. Скитающийся днями в поисках возможности заработать. Озлобленный и на армян, да и на бакинцев, на правительство. Это люмпен в хрустально чистом виде.*

Еще очевиднее необходимость перехода от диалогического отрезка текста к монологическому в тех случаях, когда автор повествования констатирует понимание собеседником произнесенного в диалоге слова и тем самым предотвращает не только появление второй реплики метадиалога, но и вообще пресекает обсуждение данной темы:

…Ведь среди них есть и невиновные?

Эрнст обстоятельно выслушал и ответил солидно, как о думанном уже:

Конечно есть. Это неизбежно при всякой ***пенитенциарной*** *системе.*

Клара не поняла, какая система, и в ответ не вдумалась. (А. И. Солженицын)

Как видим, ущербность коммуникации здесь предопределена тем, что не решена задача МЛФ как функции толкования, так как не только собеседник эрудита, но и читатель может остаться в неведении относительно термина *пенитенциарный* (от французского и латинского *раскаяния* – касающийся наказания, главным образом криминального). Более благоприятно для читателя складывается ситуация в том случае, когда толкование происходит, хотя и за пределами диалога, что может способствовать большей обстоятельности пояснений:

– Я ***каважеденка****.*

– Кто?

Я явно не знала ни такой профессии, ни такой национальности. Пройдет еще несколько месяцев и я столкнусь в Бутырской тюрьме с десятками людей, называвших себя этим странным словом. Короче – это были русские люди, по большей части квалифицированные рабочие, служащие на Китайско-восточной железной дороге и приехавшие на советскую родину после того, как дорога была продана. (Е. С. Гинзбург)

Если учесть, что метаединства (такой термин, по-видимому, правомерен в качестве аналога вопросно-ответным и диалогическим единствам) обладают определенной структурной оформленностью, есть основания предполагать: их дальнейшее углубленное изучение с опорой на образцы естественной практики общения и языковой интуиции исследователя способно внести вклад в научную разработку теории текста, в частности, в выявление его дискретации (прерывистости) и делимитации (разграничения).

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации: Логический анализ языка: сб. науч. тр. Москва, 1990. С. 94–106.
2. Кожина М. Н. Стилистика русского литературного языка. Москва : Просвещение, 1977. 223 с.

Источники иллюстративного материала

3. Антонов С. П. Овраги http: 78 с. URL: booksonline.com.ua/view.php?book=128663
4. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут 6 с. URL: https://mybook.ru/author/evgeniya-ginzburg/
5. Конецкий В. В. Париж без праздника 33 с. URL: https://nemaloknig.net/read-74370/
6. Приставкин А. И. Ночевала тучка золотая с.8. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id8
7. Рыбаков А. Н. Дети Арбата. URL: http://book-online.com.ua/read.php?book=445
8. Солженицын А. И. В круге первом 342 с. URL: https://books.google.com.ua/
9. Шапошникова Л. В. Рерихи. URL: https://icr.su/sbt1/sbt1gl1_2.htm
10. Защитит ли прививка от гриппа при коронавирусе. Сегодня. URL: https://ukraina24.segodnya.ua/obshestvo-news/5088-zashchitit-li-privivka-ot-grippa-pri-koronaviruse-vrach-dala-otvet
11. https://www.bbc.com/russian/international/2011/04/110421_azeri_refugees

Вопросы функционирования лексических единиц в процессе коммуникаци и локальные проблемы вербального общения (например, перерастание диалога в процессе толкования нового/непонятного слова в монологическое высказывание), способствуют выяснению характера любой лексической структуры, и в конце концов определяют подход к общелингвистическому анализу всех ее звеньев , так или иначе связанных с актом коммуникации.

Ключевые слова: структурно-смысловая схема, метадиалог, монологическая, диалогическая метаструктура, речемыслительный процесс.

The issues of the functioning of lexical units in the process of communication and local problems of verbal communication (for example, conversion of a dialogue into a monologue statement in the process of interpreting a new / confusing word) help clarify the nature of any lexical structure, and ultimately determine approach to the general linguistic analysis of all its links, one way or another connected with the act of communication.

Keywords*: Structural-semantic scheme, metadialogue, monologic, dialogical metastructure, speech-thinking process*

А. А. БАРКОВИЧ
Минский государственный лингвистический университет

СУБЪЕКТНАЯ СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

У статті розглянуто специфіку людського фактора в інтернет-комунікації. Узагальнену характеристику суб'єктного аспекту сучасної комунікації доцільно виконувати в лінгвістичній парадигмі – на основі оцінки використання в Інтернеті мовних засобів. Очевидно, що концепція мовної особистості може бути плідно розвинена в аспекті лінгвістичного опису сучасного інтернет-спілкування. Охарактеризовано гіперперсональну ідентичність і интерперсональну комунікаційну особу. Розглянуто поняття метаперсональності, інтерперсональності, гіперперсональності, субперсональності. Інтернет-мовлення, будучи насиченою різними варіантами мови, цілком може бути кваліфікована як якась нова форма мови, що відрізняється як від усної, так і від письмовій форм. Безсумнівно, одним з перспективних напрямків сучасного мовознавства є вивчення та моделювання суб'єктної специфіки Інтернету в цілому. Підтверджено перспективність і лінгвістична значущість вивчення особливостей інтернет-комунікації за допомогою аналізу відповідної мовної практики.

Ключові слова: *інтернет-комунікація, суб'єктна специфіка, метаперсональность, інтерперсональность, мовна особа.*

Ускоренный ритм и образ «жизни» коммуниканта в Интернете создают особенную атмосферу иллюзорной свободы личности: вместо фамилии – *ник*, вместо фотографии – *аватар*, вместо паспорта – *IP*-адрес. Более того, даже эти условности можно менять в любой момент. Такая иллюзия свободы, разумеется, кажется настоящей очень непродолжительное время – обычно до первого знакомства с тёмной стороной виртуальной действительности: *вирусами, троллингом, флеймом, спамом* и т. д. Но многочисленные бонусы Интернета – удобство, мобильность, доступность и т. д. – заслоняют негатив: виртуальное пространство неуклонно расширяется [1].

В тоже время, отсутствие в поле зрения «визави» создаёт особенную среду коммуникации, лишённую взаимодействия «тет-а-тет». Характерно, что в английском языке вариант термина *person-to-person* впервые был зафиксирован в 1919 г. для описания телефонной связи, первой массовой коммуникации «персон» (личностей), взаимодействовавших между собой на расстоянии [2]. Естественным образом, научно-технический прогресс в XX столетии обусловил развитие научной рефлексии субъектной стороны коммуникации. Например, введённый в 1940 г. П. Тейяром де Шарденом термин «сверхличность» в интернет-дискурсе к настоящему времени раскрылся более широко и даже получил творческое развитие [3, с. 373]. Так, рассматривая специфику «гиперперсональной модели», Дж. Уолтер констатировал, что, созидая новое качество «гиперперсональной коммуникации», «…медийная среда нередко создаёт условия для коммуникации, которая преодолевает обычный межличностный уровень» [4, с. 3]. В Интернете пользователи способны создавать более высокий уровень знакомства, общности и симпатии в группах или коммуникационных «парах-диадах», чем при обычном межличностном общении «лицом-к-лицу».

Концептуализация субъекта коммуникации существенно трансформировалось в контексте Интернета: одним из его развитий стала ***метаперсональность*** – обусловленное спецификой медиакоммуникации расширение, сужение либо трансформация рамок персональности. Так, определяющей чертой компьютерно-опосредованного дискурса признаются многоаспектное развитие его субъектности, в частности, модификация личности, институциональность / персональность, адресация, фантомность, репрезентативность и др. [5, с. 13]. В данном контексте наиболее выразительной является ***гиперперсонализация***

Интернета – расширение рамок персональности. ***Гиперперсональная идентичность***, в свою очередь, подразумевает расширенные возможности презентации, редактирования, дублирования и модификации образа коммуниканта, определяя стратегии поведения и тактику коммуникации.

Очевидно, что концепция языковой личности может быть плодотворно развита в аспекте лингвистического описания современного интернет-общения. Так, субъект компьютерно-опосредованной коммуникации зачастую реализует себя как ***интерперсональную коммуникационную личность*** (ИКЛ) – интерактивного участника интернет-коммуникации. Соответствующие реализации широко распространены, например, в социальных сетях, где человек в процессе общения может быть нейтральным, доминирующим или зависимым участником. Элементами соответствующего терминологического фрейма являются понятия интерперсональности, гиперперсональности и субперсональности [6, с. 167]. ***Интерперсональность***, таким образом, подразумевает интерактивную возможность изменять субъектный состав участников коммуникации. ***Гиперперсональность*** как один из полюсов интерперсональности – интерактивная возможность расширять субъектный состав участников коммуникации. ***Субперсональность*** как противоположный гиперперсональности полюс интерперсональности, соответственно, представляет собой интерактивную возможность сужать субъектный состав участников коммуникации. Интерперсональность формируется на базе активности коммуниканта в Интернете, и может быть, в том числе, *латентной*, или скрытой, обеспечивающей функциональность субъекта. Возможности расширения данной терминосистемы существенны, например, пока не описан потенциал *мульти-, кросс-, трансперсональности* и т. д.

Характерные черты языковой личности в Интернете проявляются необычайно ярко, в том числе, по причине не успевающей за темпами развития коммуникации институционализации. Для лингвистики язык Интернета – *регулярно обновляемый* и *высокоаутентичный* объект исследования. Речь, например, участников *чата* зачастую представляет из себя достаточно упрощённый вариант языка, нередко нарочито примитивный. Для лингвиста это означает высокую степень спонтанности и идентичности текстов, минимальность дистанции между мышлением и написанием или озвучиванием языковой продукции. Немаловажным аспектом метаязыкового описания интернет-коммуникации являются возможности моделирования языковой практики [7].

Необходимо отметить в данной связи, что традиционно коммуникационные отношения людей определяются довольно широко, через информативную, эмоциональную, фактическую, оценочную, поощряющую, запретительную, идентифицирующую и др. функции [8, с. 13]. Такой подход обусловлен биполярностью (многополярностью) человеческого общения. В тоже время, несмотря на многообразие современной коммуникации, называть «коммуникацией» работу компьютерных систем или терминалов – значит метафоризовать несуществующее сознание компьютера. «Говоря» с программой, человек фактически через компьютер участвует в общении с самим собой или другим индивидуумом (программистом). При этом все варианты «ответов» компьютера предопределены и сконструированы человеческим мозгом как разорванные во времени реплики самого человека. В данной ситуации речь может идти лишь об «эффекте зеркала» [1, с. 180]. Медиарасширения человеческого разума являются продуктами естественного интеллекта, они делегируют компьютерным программам только технические и репрезентативные функции.

Характерным атрибутом интернет-коммуникации является ее *инновационность*. В частности, речь, умышленно насыщенная ошибками разного города, стала «визитной карточкой»

интернет-коммуникации. Так, в Рунете, в частности, широко распространился «олбанский язык», отражая практику широкого использования «эрративов». Англоязычный Интернет, впрочем, не менее самобытен [9]. Разумеется, подобная ситуация в культурной сфере не является абсолютно новым явлением. Так, широко известно намеренное неправильное употребление слов, создающее комический эффект – *малапропизм* (в устной речи) или *какография* (в письменной речи). «Малапропизм» стал термином после 1775 г. благодаря английскому драматургу Ричарду Шеридану и его литературному персонажу миссис Малапроп из «Соперников». При этом данная лексема конкурирует с такими вариантами, как *спунеризм* (англ. *spoonerism*) и *догберизм* (англ. *dogberryism*), ассоциирующимися, в первом случае, с реальным человеком, английским философом Уильямом Спунером и литературным персонажем У. Шекспира – Догберри, во втором. *Какография*, являя собой противоположность каллиграфии (от др.-греч. *κάλλος* – 'красота' и *γράφειν* – 'писать'), – частично ей антонимична. Хотя, в отличие от 'искусства красиво писать' – *какография* подразумевает 'намеренное некорректное написание слов с целью создания ироничного подтекста сообщения'. Однако, в Интернете тенденция вариативности языка проявляется особенно ярко, позволяя исследовать широкую апробацию инновационных языковых средств.

Как известно, традиционно большинство вариантов нетривиального использования языковых средств зарождается и тестируется в разговорной речи. *Интернет-речь*, будучи насыщенной различными вариантами языка, вполне может быть квалифицирована как некая новая форма речи, отличающаяся как от устной, так и от письменной форм. Здесь языковая практика связана письменной формой лишь опосредованно и обладает широчайшей вариативностью и вполне осязаемой динамикой. Разумеется, не все случаи нестандартного словоупотребления носят демонстративный и преднамеренный характер. В просторечии случаи отклонения от нормы могут являться следствием плохого владения языком, что выражается в креолизованных формах речи. В случае с близкородственными восточнославянскими языками – это «трасянка» в Беларуси и «суржик» в Украине. Вряд ли оправданно отнесение таких форм речи к социолектам, скорее это «культуролекты».

В профессиональной среде желание организовать автономную от окружающих коммуникацию участников группы может выражаться и в весьма близких к узусу сленговых терминосистемах, и в маргинальных, сознательно дистанцирующихся от общеупотребительных норм, криптолектах (арго). Вся гамма вариативности языка отражается в языке Интернета, предоставляя языковой личности широчайшие возможности для реализации, идентификации и взаимодействия. Отличительными чертами интернет-речи стали многочисленные *интернет-мемы* – слова, фразы, образы, символизирующие определенную совокупность информации. Не менее актуальны *эмотиконы* – схематические изображения мимики и жестов. Подобные *параязыковые* средства активно задействуются в электронной почте, социальных сетях, блогов, интернет-форумах и т. д. Благодаря им язык Интернета оказывается *адаптивным* и *дискурсивно насыщенным*. Интернет-коммуниканты находятся в перманентном поиске нового содержания, и это постоянно проявляется в их речи: «…пользователи Интернета беспрестанно ищут слова для описания своих впечатлений, стремятся понять особенности электронной сферы, выходя за пределы коммуникационных ограничений технологии. Активность создания новых терминов и шутливых вариантов уже имеющихся языковых единиц несравнима с показателями обычной речевой практики» [9, с. 67].

Таким образом, лингвистика, как и многие другие области науки, посредством Интернета достигла существенного прогресса. Благодаря возможностям компьютерного

и интерактивного опосредования коммуникации множество старых и новых научных проблем оказались доступными для исследований. В эпоху Интернета наука стала практико-ориентированной и интердисциплинарной. Несомненно, одним из перспективных направлений современного языкознания является субъектная специфика интернет-коммуникации.

Литература

1. Баркович А. А. Интернет-дискурс : компьютерно-опосредованная коммуникация. Москва : Флинта : Наука, 2015. 288 с.

2. Online Etimology Dictionary. Available at: http://www.etymonline.com

3. Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man: With an introduction by Sir Julian Huxley. Harper Perennial Modern Thought. 2008. 320 p.

4. Walther J. B. Computer-Mediated Communication: Impersonal, Interpersonal and Hyperpersonal Interaction. In: Communication Research. Vol. 23 (1). 1996. P. 3–43.

5. Барковіч А. А. Метамоўная характарыстыка камп'ютарна-апасродкаванага дыскурсу : дысертацыя на атрыманне вучонай ступені доктара філалагічных навук. БДУ. Мінск, 2016. 438 л.

6. Barkovich A. Informational Linguistics: The New Communicational Reality. Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2020. 271 p.

7. Баркович А. А. Интернет-дискурс : метаязыковые модели практики. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2015. С. 171–183.

8. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация : От звука к высказыванию. Москва: Языки славянских культур, 2012. 464 с.

9. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2001. 272 p.

В статье рассмотрена специфика человеческого фактора в интернет-коммуникации. Обобщенную характеристику субъектного аспекта современной коммуникации целесообразно выполнять в лингвистической парадигме – на основе оценки использования в Интернете языковых средств. Очевидно, что концепция языковой личности может быть плодотворно развита в аспекте лингвистического описания современного интернет-общения. Охарактеризованы гиперперсональная идентичность и интерперсональная коммуникационная личность. Рассмотрены понятия метаперсональности, интерперсональности, гиперперсональности, субперсональности. Интернет-речь, будучи насыщенной различными вариантами языка, вполне может быть квалифицирована как некая новая форма речи, отличающаяся как от устной, так и от письменной форм. Несомненно, одним из перспективных направлений современного языкознания является изучение и моделирование субъектной специфики Интернета в целом. Подтверждена перспективность и лингвистическая значимость изучения особенностей интернет-коммуникации посредством анализа соответствующей языковой практики.

***Ключевые слова**: интернет-коммуникация, субъектная специфика, метаперсональность, интерперсональность, языковая личность.*

The article discusses the specifics of the human factor in Internet communication. It is reasonable to create a generalized description of the subjective aspect of modern communication in the linguistic paradigm – on the basis of an assessment of the use of language means on the Internet. Obviously, the concept of a language personality can be well developed in the aspect of a linguistic description of contemporary Internet communication. Hyperpersonal identity and interpersonal communicational persona are characterized. The notions of metapersonality, interpersonality, hyperpersonality, subpersonality are considered. Internet speech, being saturated with various variants of the language, may well be qualified as a certain new form of speech, which differs from both oral and written forms. Undoubtedly, one of the perspective areas of modern linguistics is the study and modeling of the subjective specificity of the Internet as a whole. The perspective and linguistic significance of studying the features of Internet communication through the analysis of the corresponding language practice has been confirmed.

***Keywords:** Internet communication, subjective specificity, metapersonality, interpersonality, language personality.*

О. П. БАРМЕНКОВА
Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

РАЗГОВОРНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА НА ПРИМЕРЕ ЕГО РАССКАЗОВ: «СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ, «ЗЕМЛЯКИ» И «И РАЗЫГРАЛИСЬ ЖЕ КОНИ В ПОЛЕ»

У статті розглядається пласт розмовної і просторічної лексики у творчості В. Шукшина на прикладі його оповідань «Сільські жителі», «Земляки» і «І розігралися ж коні в полі».
Ключові слова: *російська мова, проза, мова, В Шукшин, розмовна лексика, просторічная лексика.*

Говоря о своеобразии языка шукшинской прозы, лингвисты считают важнейшей его особенностью гетерогенность лексики, проявляющуюся в наличии большого корпуса разнообразных словесных пластов – разговорных слов, просторечных экспрессивов, интеллигентски-просторечных, вульгарных и диалектных единиц, архаизмов, историзмов, жаргонизмов и новообразований самого автора. Интерес к шукшинскому слову возник еще в середине 60-х гг. прошлого века и возрос в конце 80-х гг., т. е. после того, как была проведена первая Всероссийская научно-практическая конференция «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество» (Барнаул 1989). Именно с этого момента участились публикации разнообразных по тематике исследований, касающихся как общей характеристики языка писателя , так и частных вопросов говорных элементов в диалогической речи , фразеологии рассказов , названий географических объектов или же региональной лексики. Внимание к языку произведений Шукшина не ослабело в наше время и концентрируется сегодня преимущественно шукшинского идиолекта и его месте в истории языка русской художественной литературы (есть работы и по лексикографировании разнообразного фактического материала. В 2001 г. вышел в свет «Словарь языка Василия Шукшина» В. Елистратова).

Язык Шукшина В. М. сыграл важную роль в развитии языка русской прозы второй половины XX века. В нем отразились языковые процессы, характерные для художественной литературы 60-70-х годов вообще и для деревенской прозы, в частности. Это, прежде всего, опора на живую речь.

В рассказах Шукшина отражается социальная дифференциация языка. С первых строк рассказов Шукшина на читателя «обрушивается» шквал просторечных слов и выражений. Для писателя характерна приверженность к истокам народной речи. Элементы разговорной речи часто встречаются на страницах книг писателя: это и пословицы, и поговорки, и жаргонизмы, и изменённые формы слова, и неполные предложения, и диалогизация речи персонажей. В языке писателя трудно установить грань между литературным языком и повседневным, разговорным – они неотделимы. В языке персонажей писателя много местных слов и речений, но они никогда не кажутся лишними, избыточными, они несут свою характерологическую функцию естественно и свободно.

В шукшинской прозе существуют различные языковые пласты: разговорные и книжные сферы языка, просторечие, жаргоны, диалектный язык, фольклорный язык, язык художественной литературы. Отразить материальную и духовную культуру крестьянства невозможно без использования специфических для народной речи слов. И в этом отношении алтайская русская деревня нашла в лице Шукшина своего самого лучшего выразителя. На наш взгляд, интересно рассмотреть в творчестве писателя пласт разговорной лексики и пласт просторечной лексики. Наше исследование было проведено в трех рассказах автора: *«Сельские жители, «Земляки»* и *«И разыгрались же кони в поле».*

Разговорная лексика – это слова, имеющие несколько сниженную (по сравнению с нейтральной), стилистическую окраску и характерные для разговорной речи, то есть, устной литературной речи, в условиях непринуждённого, неподготовленного общения. Шукшин очень продуктивно использует в своих рассказах разговорную лексику: *свихнуться, чурбак, скоротать, пошаркать, сухопарый, поджарый, чудной, вёртный, заядлый.*

Например, в рассказе «Сельские жители» нами было зафиксировано 36 разговорных слов. Приведем примеры*:* **на странице 24***: 'добираться' (разг.) – 'достигать чего-то после затраты времени и сил'; 'дешевле станет' (разг.) – 'будет дешевле стоить'; 'бабка' (разг.) – 'бабушка'; 'не клеилась…жизнь' (разг.) – 'не совсем хорошо устраивалась, складывалась жизнь'; 'держатьв строгости' (разг.) – 'строго обращаться с кем-либо'; 'раз' (разг.) - 'если'; 'внучата' (разг.) – 'внуки'; 'изрядно' (разг.) – 'значительное количество' и др.;* **страница 25***: 'понятия никакого' (разг.) – 'ничего не понимаешь'; 'жутко' (разг.) – 'очень', 'чрезвычайно'; 'тыща' (разг.) – 'тысяча' и др.;* **страница 26**: *'заскорузлый' (разг.) – 'шершавый', 'огрубевший'; 'погоди' (разг.) – 'подожди'; 'заладить' (разг.) – 'говорить, повторять одно и тоже'* и др.; **страница 27**: *'стыдоба' (разг.) – 'стыд, стыдно'; 'размякнуть' (разг.) – 'расслабиться, ослабеть'; 'навернуться' (разг.) – 'упасть'* и др.; **сраница 28**: *'налегать' (разг.) – 'начать усиленно заниматься чем-либо'; 'толком' (разг.) –' как следует, обстоятельно'; 'страсть такая' (разг.) – 'ужас, страх такой'* и др.; **страница 29**: *'помешкать' (разг.) – 'помедлить'; 'сшибать' (разг.) – 'сбивать'; 'вмиг' (разг.) – 'очень быстро, сразу'; 'глянуть' (разг.) – 'посмотреть'* и др.

В рассказе «Земляки» было выявленно 64 разговорных слова, например: **страница 31**: *'встряхнуться' (разг.) – 'оживиться'; 'пообсохли' (разг.) – 'слегка обсохли'; 'одуряюще' (разг.) – 'очень сильно'; 'приотпустить' (разг.) – 'немного отпустить'* и др.; **страница 32**: *'сколько ни бился' (разг.) –' как ни старался'; 'припоздать' (разг.) – 'немного опоздать'; 'убиваться' (разг.) – 'горевать'* и др.; **страница 33**: *'жарить' (разг.) – о солнце: 'печет, палит'; 'захрумкал' (разг.) – 'захрустел'* и др.; **страница 34**: *'шут с ним' (разг.) – 'меня это не волнует'; 'обождать' (разг.) – 'подождать'; 'чудной' (разг.) – 'странный, необычный'* и др.; **страница 35**: *'деваться' (разг.) – 'исчезать, пропадать'; 'шнырять' (разг.) – (в тексте) 'летать, прыгать'* и др.; **страница 36**: *'куснешь' (разг.) – 'попробуешь'; 'пяток' (разг.) – 'пять'* и др.; **страница 37**: *'схожесть' (разг.) – 'сходство'* и др.

В рассказе «И разыгрались же кони в поле» нами было зафиксированно 61 слово, например: на **странице 38**: *'измордую' (разг.) – (в тексте) 'изучу досконально'; 'завернуть' (разг.) – 'заехать'; 'десятилетка' (разг.) – 'полная средняя школа с десятью годами обучения'* и др.; **страница 39**: *'трепач' (разг.) – 'человек, который много говорит, обещает и не выполняет своего слова'; 'брать' (разг.) – (в тексте) 'покупать'; 'туго приходиться' (разг.) – 'трудно бывает'* и др.; **страница 40**: *'нынче' (разг.) – 'сегодня'; 'забраковать' (разг.) – 'признать неподходящим, отвергнуть'; 'повадки' (разг.) – 'наклонности, привычки'* и др.; **страница 41**: *'как же' (разг.) – 'конечно, разумеется'; 'по блату' (разг.) – 'по знакомству'; 'чего ты?' (разг.) – 'почему ты рассердился?'* и др.; **страница 42**: *'знающие люди' (разг.) – 'специалисты'; 'раскусят' (разг.) – 'поймут', 'разберутся'; 'заложил крепко' (разг.) – (в тексте) 'выпил изрядно много'* и др.; **страница 43**: *'защемило сердце' (разг.) – 'заболело сердце'; 'живы-здоровы' (разг.) – 'все хорошо'; 'вечно' (разг.) – 'всегда'* и др.; **страница 44**: *'набирать ходу' (разг.) –' набирать скорость'; 'трогаться' (разг.) – 'отправляться'* и др.; **страница 45**: *'срезать' (разг.) – 'резко прервать разговор'; 'набиваться' (разг.) – 'собираться в большое количество где-либо'; 'прямо как' (разг.) – 'как будто'* и др.; **страница 46**: *'о том о сем' (разг.) – 'о разном'; 'пятерошник' (разг.) – 'ученик, получающий только отличные оценки в школе'* и др.; **страница 47***: 'нету' (разг.) – в значении 'отсуствует, несуществует'; 'отсмеяться' (разг.) – 'смеяться';* **страница 48***: 'рубануть с плеча' (разг.) – 'сказать прямо, резко'*; **страница 49**: *'кандидатство' (разг.)*

– *‘степень кандидата наук’; ‘ухватки’ (разг.) – ‘манеры’*; **страница 50**: *‘дошлый’ (разг.) – ‘ловкий’; ‘ухмылка’ – (разг.) – то же что ‘усмешка’* и др.

Просторечная лексика – это область неграмотной речи, целиком находящаяся за пределами литературного языка и не представляющая собой единой системы и имеющая яркую сниженную стилистическую окраску. К просторечию относятся грубовато-экспрессивные слова, например, в произведениях В. Шукшина: *‘трепач’, ‘заталдычить’, ‘отбрехаться’, ‘губошлёп’, ‘ хапать’, ‘ замордовать’, ‘кобениться’, ‘балбес’, ‘дылда’, ‘трепаться’* и др. Просторечия используются в текстах довольно часто, например: в рассказе «Сельские жители» нами было зафиксировано 19 просторечных слов. Приведем примеры*:* **страница 24**: *‘держать в строгости’ (прост.) – ‘строго общаться с кем-либо’; ‘шибко’ (прост.) –‘ очень’; ‘знамо дело’ (прост.) – ‘конечно’* и др.; **страница 25**: *‘жилистая’ (прост.) – ‘худощавая и крепкая’; ‘помаленьку’ (прост.) – ‘постепенно, понемногу’; ‘боязно’ (прост.) – ‘страшно’*; **страница 26***: ‘мою бабу’ (прост.) – (в тексте) ‘мою жену’;* **страница 27***: ‘оплошать’ (прост.) – ‘ошибаться’; ‘отматерил’ (прост.) – ‘отругать’ и др.;* **страница 28**: *‘поклон … передайте’ (прост.) – ‘передать пожелание благополучия’; ‘батюшки мои’ (прост.) – употребляется в значении междометия при выражении изумления, испуга.;* **страница 29**: *‘знамо’ (прост.) – ‘конечно’; ’сроду’ (прост.) – ‘никогда’. Употребляется обычно с отрицанием.;* **страница 30**: *‘сулить’ (прост.) – то же. что ‘обещать’.*

В рассказе « Земляки» было выявленно 48 просторечных слов. Приведем примеры**:** **страница 31**: *‘студеный’(прост.) – ‘очень холодный’; ‘застить’(прост.) – ‘загораживать свет’*; **страница 32**: *‘в охотку’ (прост.) – ‘с удовольствием’; ‘завыть’ (прост.) – ‘заплакать’; ‘убиваться’ (прост.) – ‘горевать’* и др.; **страница 33**: *‘загодя’ (прост.) – ‘заранее’; ‘маленько’ (прост.) – ‘немного’; ‘хошь’ (прост.) – ‘хочешь’* и др.; **страница 34**: *‘робить’ (прост.) – ‘работать’; ‘помирать’ (прост.) – ‘умирать’; ‘обождать’ (прост.) – ‘ожидать’* и др.; **страница 35**: *‘хворый’ (прост.) – ‘больной’; ‘пристал’ (прост.) – ‘устал’; ‘про ее’ (прост.) – ‘про нее’* и др.; **страница 36**: *‘беспречь’ (прост.) – ‘все время’; ‘прокуда’ (прост.) – ‘проказник’;’ шельма’ (прост.) – ‘плут’, ‘хитрец’* и др.; **страница 37**: *‘поматерился’ (прост.) – ‘ругался, употребляя бранные слова’; ‘давеча’ (прост.) – ‘недавно, незадолго да момента разговора’; ‘зазря’ (прост.) – ‘напрасно’* и др.

В рассказе «И разыгрались же кони в поле» нами было зафиксировано 26 слов. Например: **страница 38**: *‘чуять’ (прост.) – ‘чувствовать, ощущать’; ‘показался он’ (прост.) – ‘проявил себя в каком-то деле’; ‘крепко’ (прост.) – ‘основательно’*; **страница 39**: *‘малость’ (прост.) – ‘немного’; ‘помаленьку’ (прост.) – ‘постепенно’; ‘девка’ (прост.) – ‘девушка’* и т. д.*;* **страница 40**: *‘сопли еще по колена’ (прост.) – ‘молоды вы еще’; ‘тять’ (прост.) – ‘отец’; ‘пошто?’ (прост.) – ‘почему?’* и др.*;* **страница 41**: *‘дите’ (прост.) – ‘маленький ребенок’; ‘ошиваться’ (прост.) – ‘ходить без дела’*; **страница 42**: *‘ни шиша’ (прост.) – ‘ничего’; ‘издаля’ (прост.) – ‘на расстоянии’* и др.; **страница 43**: *‘соскочила’ (прост.) – ‘резко встала’; ‘вроде’ (прост.) – ‘как будто, показалось’;’ ить’ (прост.) – ‘ведь’.*

В ходе нашего исследования были выявлены и другие пласты языка, а именно: **грубые слова**, которые называют **вульгаризмами**. Чаще всего это бранные, **ругательные слова**, такие, как *тварь, обормот, охламон, сопляк, стерва, ворюга, паразит*; **сокращения**: *завхоз, сельпо* и др.; **идиомы**: *тряхнуть стариной, навострить уши* и др.; **устаревшие слова**: *грамотей, сокрытая* и др.; **диалектные слова***: согра (редкий лес с кустарником на болотистой почве), волглый (влажный), литовка (коса) и др.;* отметим и еще один слой внелитературной лексики – **жаргонизмы** (условный язык какой-л. небольшой социальной группы, отличающийся от общенародного языка лексикой, но не обладающий собственной фонетической и грамматической системой; арго) В языке шукшинских героев

встречается много слов и словосочетаний, идущих от городского жаргона, который активно ассимилируется языком деревни. Например: *стипуха (стипендия), врежем? (выпьем?)* и др.

Таким образом, рассматривая творческую манеру В. Шукшина, нам показалось интересным детальное изучения и других пластов лексики, которые мы зафиксировали, но детально не рассматривали.

Литература

1. Шукшин В. Рассказы. Москва, 1981. 312 с.

В статье рассматривается пласт разговорной и просторечной лексики в творчестве В. Шукшина на примере его рассказов: «Сельские жители», «Земляки» и «И разыгрались же кони в поле».

Ключевые слова: *русский язык, проза, язык, В Шукшин, разговорная лексика, просторечная лексика.*

The article examines the layer of colloquial and vernacular vocabulary in the works of V. Shukshin on the example of his stories: «Villagers,» Countrymen «and» And the Horses Played in the Field. «

Keywords: *Russian language, prose, language, V. Shukshin, colloquial lexicon, colloquial lexicon.*

L. I. BOBCHYNETS
Kyiv National Linguistic University

LEXICO-SEMANTIC AND STRUCTURAL PECULIARITIES OF NOMINATIONS OF ADDICTIONS IN ENGLISH AND SPANISH

The paper is focused on contrastive studies of the nominations of addictions in English and Spanish. The aim of the research is to analyze lexico-semantic and structural peculiarities of nominations of addictions in English and Spanish. A lexico-semantic classification of terms of addictions has been suggested. Lexico-semantic analysis reveals the synonymic terms among some of the nominations of addictions, which is explained by the co-existence of Latin and national word formation elements. The structural analysis demonstrates the dominant part of two-component clusters in English and word combinations of three words in Spanish, conditioned by syntactical systems of the correspondent languages.

Keywords*: addiction, mania, nominations of addiction in Spanish, nominations of addiction in English, structural analysis, lexico-semantic classification.*

Nowadays, with the appearance of new activities, such as social nets, internet searching, dependency on different gadgets, mainly smart-phones, etc., people may develop new types of addictions, therefore the necessity of new nominations arises. Addictions or dependencies are harmful habits which can bring to negative consequences and destructive behavior, thus making life quality significantly worse. The aim of the research is to compare the structural features of nominations of addiction in English and Spanish.

Let us compare the definition of "addiction" in several sources. According to American Psychological Association, "addiction ***is*** a state of psychological or physical dependence (or both) on the use of alcohol or other drugs. The term is often used as an equivalent term for substance dependence and sometimes applied to behavioral disorders, such as sexual, Internet, and gambling addictions" [2].

As we can observe from the definition mentioned above, addictions are not limited to chemical products consuming, which may produce harm to the consumer, but also comprise harmful behavior for the addict and surrounding people [1].

Addiction is a chronical disease with genetic, psyco-social and environmental factors which influence on its development and manifestations. It is characterized by continuous and periodical episodes of uncontrolled use, ignoring harmfulness of the use and behavior, includes distortions of thoughts, frequently negation [5]. It is to be noted that there are synonymic terms *addiction*

/ *adicción* and *dependency / dependencia*, though *addiction / adicción* is of terminological character and *dependency / dependencia* is polysemantic possessing more general meaning, therefore *addiction / adicción* is characterized by more frequent use in medical contexts and common speech.

The classification of dependencies includes addictions to substances, psychological and social addictions. We suggest lexico-semantic classification of nominations of addiction, which is represented by lexical units denoting the following notions:

General types of addictions: *chemical substance dependency / dependencia de substancias químicas, psychological addiction / adicción pisológica, social addiction / adicción social*;

Specific types of addictions: *gambling addiction / ludopatía, addiction to internet tecnofilia, addiction to tobacco / tabaquismo*;

People suffering from addictions: *drug addict / drogadicto, gambling addict / ludopata, shopaholic / adicto a compras, alcoholic / alcohólico, workaholic / adicto al trabajo*, etc.;

Methods of treatment: *CBT (cognitive behavioral therapy), hypnosis, chemical and medicinal treatment.*

Let us compare the nominations of addictions in English and Spanish. We do not pretend to present a full list of nominations of all possible addictions but we will try to mention the main existing dependencies.

Table 1. Types of addiction nominations in English and Spanish

English	Spanish
Drug addiction	Adicción a drogas, drogadicción
Hallucinogens addiction	Adicción a alucinógenos
Addiction to opioids	Adicción a opioides
Alcohol addiction	Adicción a alcohol
Tabacco addiction, nicotine addiction	Adicción a tabaco / nicotina, tabaquismo, tabacomania
Food addiction	Adicción a comida
Sex addiction	Adicción a sexo
Video games addiction	Adicción a videojuegos
Gambling addiction	Adicción a juegos de azar, ludopatía
Plastic surgery addiction	Adicción a cirugía estética
Shopping addiction	Adicción a compras
Addiction to work	Adicción al trabajo
Addiction to internet	Ciberadicción
Comsuming	Consumismo
Addiction to risky behaviour	Adicción a actividades de riesgo
Addiction to technologies	Tecnofilia

The structural analysis of the nominations of addictions revealed the dominance of two-component word combinations both in English and Spanish, though English terms tend to possess mostly a cluster structure *noun + noun* (*shopping addiction*), where two nouns are used, the first one in attributive function, whereas in Spanish word combinations *noun + preposition + noun* structure is more frequent (*adicción a compras*). This fact is conditioned by syntactical features of Spanish, where noun clusters are not used.

Some Spanish nominations of addiction are one-word terms: *ludopatía, ciberadicción, tecnofilia, drogadicción*, the equivalents of which are expressed by noun clusters or word combinations in English (*gambling addiction, addiction to technologies, drug addiction*).

It should be mentioned that addictions are similar to manias, though there is no any statement that they are synonyms or related notions. In Russian and Ukrainian there exist parallel nominations of similar addictions and manias, for example, кофеман / кавоман, наркоман, меломан. The parallel use of *tabaquismo, tabacomania, adicción al tabaco* in Spanish can prove

the similarity of notions. The same situation is observed in the term *shop addiction* or *oniomania* as compulsive or uncontrolled shopping, "an abnormal impulse for buying things" [6]. Mania is defined in Cambridge dictionary as a "very strong interest that fills a person's mind or uses up all their time" [4]. APA Dictionary of Psychology defines mania as "1. generally, a state of excitement, overactivity, and psychomotor agitation, often accompanied by overoptimism, grandiosity, or impaired judgment. 2. More specifically, a manic episode or, sometimes, a hypomanic episode. 3. preoccupation with a particular activity or idea, especially when used as suffix" [3]. Mania is represented more as a state of mind and addiction, as activity, behaviour.

Manias and addictions are considered to be abnormal states or behavioral activities, though sometimes the word *addiction* is used in metaphorical meaning, as in Shakira's song "*I am addicted to you*". Frequent use of the phrase *to be addicted to something* possesses the meaning "*to like or to love something*", thus, contextual analysis may reveal whether we mean pathological state and addiction is used in terminological meaning or in metaphorical one.

New activities and the development of technologies may cause new types of addictions and the list of the nominations will extend, as terminology and vocabulary in general always reflect the changes in society. So, terminology of addictions has a dynamic character and may be enriched with new nominations. Future studies may be focused on nominations of addictions in several languages to reveal the tendency to use Latin or Greek word formation elements, for example, tecnofilia, and also the creation of national terms, as in case of Spanish *tabaquismo*, *tabacomania*, addiction to use of tabacco. Nominations of addictions, despite of common use in different contexts, may be considered terms, as they are mainly used in Psychology and Psychiatry. Future studies may be dedicated to synonymic terms and notional coincidence of addiction nominations with nominations of manias to reveal common word formation components.

BIBLIOGRAPHY

1. Montagud Rubio, Nahum. Los 14 tipos de adicciones más importantes. Retrieved from: https://psicologiaymente.com/drogas/tipos-de-adicciones

2. APA Dictionary of Psychology. Retrieved from: https://dictionary.apa.org/addiction

3. APA Dictionary of Psychology. Retrieved from: https://dictionary.apa.org/mania

4. Cambridge Dictionary online. Cambridge University Press, 2020. Retrieved from: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mania

5. Glosario Psicología. Retrieved from: https://glosarios.servidor-alicante.com/psicologia/adicciones

6. Merriam Webster Dictionary online. Retrieved from: https://www.merriam-webster.com/medical/oniomania

Статтю присвячено зіставному аналізу номінацій адикцій в англійській та іспанській мовах. Мета дослідження – аналіз лексико-семантичних і структурних особливостей номінацій адикцій (залежностей) в англійській та іспанській мовах. Запропоновано лексико-семантичну класифікацію термінів адикцій. Лексико-семантичний аналіз виявив синонімічні терміни у номінаціях адикцій, що обумовлено співіснуванням латинських і національних словотворчих елементів. Структурний аналіз продемонстрував переважання двокомпонентних кластерів в англійській мові та трьохслівних словосполучень в іспанській мові, що обумовлено синтаксичною системою відповідних мов.

Ключові слова: адикція, манія, номінація адикцій в іспанській мові, номінація адикцій в англійській мові, структурний аналіз, лексико-семантична класифікація.

Статья посвящена сопоставительному анализу номинаций аддикций в английском и испанском языках. Цель исследования – анализ лексико-семантических и структурных особенностей номинаций аддикций (зависимостей) в английском и испанском языках. Предложена лексико-семантическая классификация терминов аддикций, обусловленных параллельным использованием латинских и исконных словообразовательных элементов. Структурный анализ показал преимущественное наличие двукомпонентных кластеров в испанском языке и трехкомпонентных словосочетаний в испанском языке, обусловленных синтаксической системой соответствующих языков.

Ключевые слова: аддикция, мания, номинация аддикций в испанском языке, номинация аддикций в английском языке, структурный анализ, лексико-семантическая классификация.

І. В. БОГДАНОВА
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ ГЕРОЯ-ОПОВІДАЧА В РОМАНІ Ф. БЕҐБЕДЕРА «99 ФРАНКІВ»

Статтю присвячено дослідженню мовної особистості героя-оповідача Октава Паранго в романі сучасного французького культового письменника Ф. Беґбедера «99 франків». Увага фокусується на мовних особливостях лексикону персонажа, картині світу героя та прагматичних установках його особистості.

Ключові слова: *художній образ, мовна особистість персонажа літературного художнього твору, лексикон, картина світу, рекламний тоталітаризм, суспільство споживання.*

Розробку поняття мовної особистості, що залучено до активного лінгвістичного обігу у 80-90-х рр. XX ст., пов'язують з іменами О. Леонтьєва, Ю. Караулова, Г. Богіна та ін. Одним із підходів до кращого розуміння феномена мовної особистості є шлях вивчення мови літературного художнього твору. На думку Ю. Караулова, «духовність опредметнюється в мовленнєвих вчинках людини, мовній її поведінці, тобто в широкому значенні – в текстах, що нею породжені» [4, с. 70], а значить, вивчення мовної особистості відкриває перспективи для нового погляду на інтерпретацію літературного художнього твору.

Висхідними поняттями статті є поняття літературного художнього образу та мовної особистості персонажа літературного твору. Художній образ постає втіленням у конкретно-чуттєвих деталях змісту художнього твору. Мовна особистість героя художнього твору формується сукупністю авторських описів, що характеризують мовлення персонажа. Відтак через характеристику мовлення героя відкривається більш глибоке розуміння не тільки його характеру, але й ідейного змісту всього твору.

Творчість Ф. Беґбедера привертає увагу не лише читачів Франції та ряду країн, на мову яких перекладено його романи (в тому числі й українську), але й дослідників сучасної літератури. Частина з них інтерпретують творчість французького письменника як прояв масової літератури, частина – постмодернізму, ряд учених воліють розглядати його доробок у контексті трансгресивної літератури [3]. Але всі дослідники сходяться у тому, що його твори – суцільна провокація, виклик моралі, руйнація суспільних і – якщо говорити про тексти творів – мовних літературних норм.

Ф. Беґбедер, який віддав рекламному бізнесу десять років життя, знаючи приховані механізму дії та впливу цього «терористичного монстра» на масового споживача, присвячує роман розвінчанню «рекламного тоталітаризму» сучасного суспільства. Популярності роману сприяла екранізація твору режисером Яном Куненом у 2007 році.

У статті в процесі аналізу мовлення героя-оповідача увага акцентується на структурних рівнях мовної особистості, що включає в себе вербально-семантичний, лінгвокогнітивний та прагматичний.

Фактично роман є сповіддю головного героя Октава Паранго – представника рекламного бізнесу, який заявляє про намір вийти із нього, однак піднімається ще вище за кар'єрними сходами, здійснює злочин *(«Ось так за один день я вляпався в керівництво агенції і вбивство* [1, с. 22]) і завершує свій шлях ув'язненням. У романі подієва сторона представлена мінімально, натомість роздуми та коментарі з приводу особистого та суспільного життя розгорнуті в розлогу нарацію.

Мовна особистість наратора видає в ньому людину з хорошою освітою, особу іронічну, навіть саркастичну, інтелектуала та циніка.

Ім'я героя відсилає до головного персонажа роману А. де Мюссе «Сповідь сина віку» Октава, романтичного героя, розчарованого та зневаженого життям, що кидає виклик своєму

часові. Героїв зближує тотальна зневіра в собі та суспільстві, втрата ідеалів та цінностей, передчасне старіння душі, зосередженість на внутрішніх переживаннях при відсутності активної життєвої позиції. Прізвище беґбедерівського персонажа (Parangon), про що свідчить виноска у тексті роману, слід тлумачити як «зразок, ідеальний діамант, ідеальна перлина», у чому відчувається авторська іронія й натяк, з одного боку, на унікальність героя та – з іншого – на типовість створеного характеру («найкращий серед інших»). Сам герой з властивою йому самоіронією та зверхністю зазначає: «Я пишу сповідь сина тисячоліття» [1, с. 3], відсилаючи читача до романа А. де Мюссе.

Сам герой-оповідач, який присвячує роман сучасному суспільству споживання і рекламному бізнесу, позиціонує себе як «рекламіста», відтак професійна складова особистості героя посідає чільне місце в структурі його свідомості, що засвідчується першими сторінками твору: «Я рекламіст: так-так, я забруднюю навколишнє середовище. Я саме той, хто продає вам лайно. Той, хто змушує вас мріяти про речі, яких ви не матимете ніколи. Завжди блакитне небо, незмінно принадні дівчата і досконале щастя, підмальоване у PhotoShop. Заяложені картинки, чіпкі мелодії. Зрештою, коли ви, зекономивши на всьому, назбираєте на омріяний драндулет, я подбаю, аби він вийшов із моди…»; «Я живу з того, що брешу вам, і платять мені за це достобіса. Я отримую 13 000 євро (не враховуючи представницьких, службової чортопхайки, біржових акцій та golden parachutes») [1, с. 1].

Читачеві впадає в очі лексикон Октава, репрезентований синтезом літературних і знижених, розмовно-просторічних мовних одиниць. Крім того, в лексиконі героя помітно фігурує велика кількість варваризмів – англійських слів, що рясніють у французькому тексті (*PhotoShop, golden parachutes*). Вони пістрять у слоганах та афоризмах, якими насичений текст роману: (*C'est trop wonderful. C'est si cool*). (Примітно, що вони почасти зберігаються і в українському перекладі: Торгові марки виграли у людства у World War III [1, с. 3]). Англіцизми (*whisky, coke, call-girl* тощо) характеризують не лише професійне мовлення героя, а й побутову сферу його комунікації.

За словами В. Силіна, така мова у Франції презирливо називається *franglais*, засуджується офіційною владою і суспільною думкою [5]. Прийом вживання варваризмів слугує для створення образу героя, що в такий спосіб кидає виклик суспільству, демонструючи зверхнє й зневажливе ставлення до нього. Водночас герой прагне викликати у читача відразу до себе як до представника рекламної сфери, а також до самого рекламного бізнесу («Я скоріше сволота, яка спотворює все навколо»; «Чому ви дозволили мені стати Володарем Світу?» [1, с. 1]).

Використання в мовленні оповідача стилістично зниженої, ненормативної лексики, лайливих слів, вульгаризмів, жаргонізмів («лайно», «драндулет», «достобіса», «чортопхайка», «сволота», «нюхало», «наркота») із книжною («принадні дівчата і досконале щастя», «шаленітимете від…священнодійства») видають в героєві людину з освітою, проте розбещену власним способом життя, висотою, на яку він піднявся в очах сучасного соціуму.

У мовленні оповідача представлена сфера лексики рекламного бізнесу. Це назви численних брендів та слогани, що вже існують чи їх створює і пропонує читачеві герой-кріейтор: «Хто говорив про деколонізацію? Немає більшого всесвітнього колонізатора, ніж реклама: у найбруднішому закутку в халупині десь край світу «Nike», «Coca-Cola», «Gap» та «Calvin Klein» замінили собою Францію, Англію, Іспанію та Бельгію. Щоправда, маленькі негри мають радіти і крихточкам: піратським касетам, «ролексам»-підробкам, сорочкам «Lacoste», з яких після першого ж прання відклеюється так званий крокодил» [1, с. 16].

В рекламі товарів, про які згадує оповідач, руйнуються будь-які межі логіки, здорового глузду, історичної правдоподібності, моральної пристойності, відтак в якості реклами використовуються антиспоживацькі за своєю суттю образи: «Реклама все поставила з ніг

на голову: Ганді продає комп'ютери «Apple»! Ти це розумієш? Цього святого аскета, який відмовлявся від будь-якої техніки, жив найменшим і завжди ходив босоніж, примусили пропагувати інформатику! Ім'ям Пікассо назвали «Сітроєн», Стів Маккуін водить «Форд», Одрі Хепберн носить мокасини від «Tod's». Ти думаєш, вони не перевертаються у труні, ці люди, яких перетворили на комівояжерів? <…> Навіть державна французька лотерея новий тираж білетів надрукувала з портретами Мао, Сталіна і Кастро! Вирішили підзаробити на тиранах!» [1, с. 14].

У романі створений образ сучасного суспільства споживання, що позиціонується як світ без Бога, де відсутність сакральних тем дає можливість навіть біблійні тексти перетворити на товар, бренд та слоган: «Ісус Христос був неперевершеним рекламістом, автором численних відомих слоганів: «Возлюби ближнього свого», «Прийміть, ядіть, це – тіло моє», «Відпусти їм, бо не знають, що чинять вони», «Хто понижується, той піднесеться», «Спочатку було слово», – ой, вибачте, це сказав його тато» [1, с. 10].

Світ, в якому живе головний герой, позбавлений морально-етичних норм. Розмови про найсерйозніші речі обертаються на порожні балачки або набувають форми пошуку нових слоганів для того, що може слугувати товаром. А товаром може бути все! То й продавати можна все. Розмови про спроби змінити світ на краще легко й невимушено перетікають в пошук нового слогану: «Я уявляв себе кимось на кшталт ліберального Че Гевари, повстанцем у костюмчику від Gucci. Ні, зачекайте: я був ад'ютантом Гучче! Viva el Гучче! Чудовий слоган! Прекрасно запам'ятовується!» [1, с. 3].

Цинізм слів і вчинків Октава пов'язані із професійною деформацією особистості. Дізнавшись про смерть коханої жінки, яка наклала на себе руки, будучи вагітною, герой автоматично мислить звичними рекламними штампами: «Коли вагітна жінка убиває себе, то це дві смерті в одному тілі, наче в промоакції засобів для миття» [1, с. 27]. Ницість героя, відсутність моральних принципів й відповідальності у нього як виразника певної частини сучасного суспільства засвідчується в романі не лише словами, але й підтверджується діями (наркотики – розгульний спосіб життя – розрив із Софі, яка носить його дитину, – участь у вбивстві старої).

Характерною ознакою стилю романної прози Ф. Беґбедера є інтертекстуальність, насиченість грою з множинними текстами культури. Роздуми героя-інтелектуала філософічні й містять численні відсилки до інших авторів:

– філософів (Платона, Декарта, Паскаля, Ніцше, Сартра, Барта, Дебора та ін.): «Гедонізм — це не гуманізм, а cash-flow (у перекладі – рух готівки. Прим. – І.Б.). Її девіз? «Я витрачаю, отже, я існую»« [1, с. 1]; «Печера Платона вже існує, просто ми звемо її телебаченням. На блакитних екранах нам пропонували милуватися реальністю «Canada Dry»: це нагадувало реальність, це мало реальні кольори, але це не було реальністю. Ми замінили Logos на логотипи, що вибиті на вогких стінах нашого склепу» [1, с. 5];

– письменників (Пруста, Гемінґвея, Гакслі, Орвелла, Бредбері, Достоєвського тощо): «Великий Брат не слідкує за вами, Великий Брат тестує вас» [1, с. 4];

– суспільних і політичних діячів (Маркса, Троцького, Сталіна, Кеннеді, Мао, Ганді, Че Гевари та ін.: «Дозвольте нагадати вам, що рекламу – цей засіб промивання мозку – винайшов у 1899 році американець Альберт Девіс Ласкер, а такий собі Йозеф Геббельс блискуче удосконалив її у 30-і роки, аби переконати німецький народ винищити всіх євреїв. Геббельс був видатним винахідником концептуальних слоганів*: «DEUTSCHLAND UBER ALLES», «EIN VOLK, EIN REICH, EIN FÜHRER», «ARBEIT MACHT FREI».* Затямте це: з рекламою краще не жартувати. І взагалі, різниця між словами «споживати» і «виживати» не така вже й велика» [1, с. 3];

– митців сучасної культури – акторів чи співців (Шерон Стоун, Сальми Хаєк, Пенелопи Круз, Тома Хенкса, Даліди, Алена Делона) тощо.

В результаті оповідачем створюється особливий стиль, «в якому сполучаються в єдиному просторі груба, що доходить до порнографії, вульгарщина і філософські вигадки» [2].

Варто підкреслити, що особистість одночасно виступає представником певного мовного соціуму і носієм соціальних відносин, певної картини світу. У формі прямого оцінювання навколишньої реальності оповідач пропонує читачеві власний образ суспільства споживання, де за допомоги «рекламного терору» встановлюється влада господарів життя.

У четвертій частині роману, що носить назву «Ми», герой позиціонує себе як представника суспільства спожива ння, який відчуває себе на вершечку суспільної ієрархії завдяки причетності до могутньої рекламної корпорації: «Ми – це значить усе європейське представництво «Росса»… усі паразити, які живуть на гроші «Росса»: власники телевізійних каналів, акціонери великих радіостанцій, співаки, актори, фотографи, дизайнери, політики, шеф-редактори журналів, директори великих магазинів, ми – які все вирішують, формують громадську думку, ми – продажні артисти» [1, с. 18].

Рекламний тоталітаризм, нав'язаний сучасному суспільству, на переконання оповідача, встановлюється і здійснює контроль над масами ««сірими кардиналами» сучасного суспільства», що «завжди лишаються в затінку, навіть «за повного освітлення»«, пишаючись «своєю цілковитою безвідповідальністю» [1, с. 20].

Як підкреслюють сучасні дослідники, роман Ф. Беґбедера є сатирою не лише на рекламний бізнес, а й на все суспільства споживання. З цією метою термінологія, висока книжна лексика сполучається зі «стилістично зниженим дискурсом, що представлений уявним діалогом Октава як представника цього бізнесу зі споживачами» [5]. «Цей діалог інколи дуже відвертий, іноді цинічний, оскільки герой роману поставив собі за мету викриття як лицемірства реклами товарів, так і наївності споживачів» [Там само].

Інтерактивність прози Ф. Беґбедера досягається завдяки вживанню означено-особових речень, за рахунок чого виникає певна інтимність сповідального характеру оповіді: «Повірте мені»; «Ти це розумієш?».

Водночас провокативно-зневажливий тон нарації і вживання стилістично-знижених лексичних одиниць зумовлюють напругу та недовіру до оповідача. Октав порівнює споживачів із рабами, стадом, піддослідними собаками Павлова, баранами тощо *(«Ви мені огидні, жалюгідні раби моїх найменших примх»* [1, с. 1]).

Вдало продумана композиція роману уможливлює пряме звертання наратора до читача (частина «Ви») у властивій йому епатажно-провокативній формі: «Ви – продукти епохи. Хоча ні. Це було б надто легко – в усьому звинуватити епоху. Ви просто продукти. Глобалізацію більше не цікавлять люди, тому вам слід стати продуктом, аби суспільство звернуло на вас увагу» [1, с. 26].

Переконаність у власному професіоналізмі, знанні власної справи поєднується із усвідомленням суспільних ролей героя як представника «рекламно-терористичного» бізнесу та споживачів, що знаходяться на низу суспільної піраміди: «Вам здається, що ви робите власний вибір, але того чи іншого дня ви впізнаєте цей товар на полицях супермаркету і, присягаюся, купите його, нібито спробувати. Повірте мені, я на своїй справі знаюся»; «Це я вирішую сьогодні, чого ви схочете завтра» [1, с. 26].

Критичний та раціональний погляд героя на суспільство споживання виливається інвективами, спрямованими проти самого капіталістичного суспільства, що процвітає за рахунок міфів та симулякрів, які творяться та поширюються за допомоги реклами.

Публіцистичність стилю, велика кількість риторичних запитальних та окличних речень привертають увагу до персони оповідача, його інтенцій та озвучених бажань, створюють динамізм оповіді: «Хіба не приголомшує, що всі вважають цю ситуацію нормальною? Ви мені огидні, жалюгідні раби моїх найменших примх. Чому ви дозволили мені стати

Володарем Світу? Я хочу викрити цю таємницю: яким чином на гребені нашої цинічної ери відбулася коронація імператриці Реклами? Ніколи за дві тисячі років безвідповідальні кретини на зразок мене не мали такої влади» [1, с. 1].

Картина світу суспільства споживання формується наратором за рахунок насичення тексту твору статистичною інформацією – цифрами та показниками, що можуть вводитись в оповідь як додаткова інформація (у дужках), чи як пряма нарація. Октав працює на компанію «Мадон», що є «однією з найбільших у світі агропромислових корпорацій (торговельний обіг у 1998 р. – *84,848 мільярда франків, або 12,395 мільярда євро)»* [1, с. 2].

Цифри, якими оперує герой, вражають не стільки самими величинами об'ємів, скільки інформацією, що подається як суміжна, за рахунок контекстуального порівняння, майстерно підібраного оповідачем: ««Barbie» продає дві ляльки на секунду. 2,8 мільярда жителів планети живуть менше ніж на два долари на добу. 70% жителів не мають телефонів, 50% – електроенергії. Світовий бюджет військових витрат перевищує 4 000 мільярдів доларів, що вдвічі більше за суму зовнішнього боргу усіх країн, що розвиваються» [1, с. 30].

Попри злу критику й гострий сарказм по відношенню до сучасного суспільства «рекламного терору», Октав Паранго виступає зразковим членом суспільства споживання, адже йому пощастило дістатися на вершину суспільної ієрархії. Відповідно кілька сторінок романного тексту є переліком ряду речей, що належать героєві і мають свідчити про його життєвий успіх. Це, наприклад, «костюм від Еріка Бержера, сорочка «Hedi Slimane» з магазину чоловічого одягу «Saint Laurent Rive Gauche», туфлі «Berluti», годинник «Royal Oak» від Одемара Піге… окуляри «Stark Eyes», труси «Banana Republic», які купив у Нью-Йорку», [1с. 12]. Усі елементи гардеробу чи аксесуари вказуються з неодмінними позначками бренду чи з іменем дизайнера, оскільки у суспільстві споживання цінується не сама річ, а знак, бренд товару, що позначає статус господаря.

«Ти володієш п'ятикімнатною квартирою у Сен-Жермен-де-Пре (дизайн Крістіана Льєгра). До того ж ти маєш:

— *музичний центр «Bang and Olufsen» на 10 дисків із пультом управління;*

— *супутниковий GSM телефон із факсом;*

— *шість стільців епохи Людовика XV, успадкованих від дідуся та бабусі;*

— *табурет «Barcelona» Міса ван дер Рое;*

— *книжкову шафу від Жана Пруве із повним зібранням «Плеяди» (жодного разу не відкритим);*

— *мультисистемний відеомагнітофон «Sony»;*

— *новенький телевізор «Philips» із плоским екраном;*

— *портативний DVD-програвач «Sony Glasstron»;*

— шезлонг Чарлза Еймса *(1956);*

— *«Sony Playstation»;*

— двокамерний холодильник *«General Electric» (*забитий осетровим кав'яром «Петросян», гусячою печінкою з трюфелями із *«Petite Auberge»* та шампанським *«Cristal Roederer»)* із величезною морозилкою та автоматичним дозатором льоду*;*

— цифрову відеокамеру *«Sony PC 1» (360* грамів ваги*, 12* сантиметрів завдовжки*, 5* завширшки*);*

— цифровий фотоапарат *«Leica Digilux Zoom»;*

— *24 кришталеві келихи «Puiforcat»«* тощо [Там само].

Нарівні із нейтрально сухим переліком товарів від провідних виробників оповідач підкреслює розмір холодильника (двокамерний, з величезною морозилкою, до того ж забитий не просто продуктами, а від найкращих, брендових виробників), а також розміри відеокамери. На відміну від холодильника, чиї розміри мають вражати величезними

габаритами, камера, навпаки, відрізняється невеликими розмірами та вагою, що також свідчить про її ціну та цінність, а значить, статус власника. Підкреслюється насамперед не якість товарів, а марка бренду.

Принагідно до переліку речей, що забезпечують комфорт їхнього власника, вносяться інші «цінності», що не становлять жодної практичної користі, однак їхня приналежність відомим митцям чи медіа-персонам визначає їхню вагу в очах споживача:

«— три оригінальні естампи Жана-Франсуа Жонвеля;

— картину Баскіа (площею три квадратних метри) і малюнок Девіда Хокні;

— афішу Жана Кокто»;

(Звернемо увагу на розмір картини). Перелік речей з обов'язковим означенням виробника чергується з творами сучасного мистецтва:

— журнальний столик «Modernature» з чорного дерева;

— декілька оригіналів П'єра Ле Тана, Едмона Кіра, Рене Грюо, Жан-Жака Семпе, Жан-Філіпа Делома, Вуча, Матса Густафсона;

— торшер від Урбана Оутфіттерса;

— 8 подушок, білих та бежевих, із пашміни, придбаних у магазині «Сімейний дім»;

— автограф Летиції Касти в рамці;

— портрети, виконані Маріо Тестіно, Елен фон Унверт, Жан-Батістом Мондіно, Бетгіною Реймс, Домінік Іссерманн;

— фотографії, де ти поряд з Інес Састр, Жераром Депардьє, Рідлі Скоттом, Євою Герциговою, Наомі Кемпбелл, Карлою Бруні, Девідом Лінчем та Тьєррі Ардіссоном і т.д. і т.п. [Там само].

Використання означено-особових форм дієслів з особовим займенником Ти вкупі з рядом риторичних питальних речень створює ефект сповідальності героя та причетності читача до способу його життя: «З усіма цими речами, якими ти володієш, та комфортабельним способом життя, який ти ведеш, ти просто мусиш бути щасливим. Чого ж тобі не бракує? Чому ж ти без кінця занурюєш своє нюхало в наркоту? Як можна бути нещасливим із двома мільйонами євро на банківському рахунку? І якщо вже ти стоїш однією ногою в могилі, то хто ж тоді має насолоджуватися життям?» [1, с. 12].

Мовні стратегії героя демонструють його прагматичні мотиви, установки, цілі. Упродовж твору спостерігається динаміка їхнього розвитку.

З самого початку роману Октав позиціонує власні інтенції непокори та бунту проти системи («Я скрізь шукав того, хто зможе змінити світ, доки не зрозумів: можливо, це саме я і є» [1, с. 2]). Водночас метафоричність мовлення Октава засвідчує не стільки реальність намірів, скільки бажання похизуватись багатством та образністю мовлення: «В одну прекрасну мить мені здалося, що я можу стати тією вирішальною клепкою, яка поверне хід диявольського млина. Бунтівник у череві ще плодючої потвори; солдатик-салага піхоти глобального ринку» [1, с. 3].

Паралельно герой демонструє усвідомлення марноти й безперспективності будь-яких проявів непокори, що підпорядковуються й нівелюються системою: «Система досягла своєї мети – навіть непокора стала формою покори»; «І немає ніякого виходу. Все під охороною, всі посміхаються. Вас тримають за віжки – кредитами, щомісячними внесками, квартплатою. Ви не в гуморі? Мільйони безробітних на вулицях чекають, доки звільниться ваше місце» [1, с. 1].

При послабленні вольового начала (кокаїн, сексуальна розбещеність, відсутність морально-етичних установок і серйозної мети у житті) Октав виявляється нездатним до рішучих дій. Наслідком пасивної життєвої позиції є призначення героя директором агенції та участь у вбивстві старої американки.

Численні монологи-роздуми наратора демонструють висновок про смерть як єдино можливий спосіб припинення позбавленого сенсу існування.

Тема смерті вводиться в оповідь з перших сторінок. Про смерть оповідач говорить легко, невимушено, іронічно, в стилі «легкої балаканини» (зрештою, в сучасному суспільстві, уособленням якого виступає Октав, не залишилось жодних табуйованих чи гідних поваги речей): «Смерть є настільки неминучою, що приходить до всіх зненацька. Як знати, чи не є цей день останнім? Всі гадають, що мають час. А потім бац — і все: гинуть, час вийшов» [1, с. 1]. Смерть стала прозою життя, звичним явищем, що перестала вражати своєю трагічністю, загадковістю чи унікальністю: «Навколо мене колеги мруть наче мухи: переохолодження у басейні, замасковане під інфаркт міокарда передозування кокаїну, вибух приватного літака, фатальні викрутаси у кабріолеті» [Там само].

Накладають на себе руки люди з найближчого оточення Октава – Марк, Софі, Чарлі. Ідею безвиході, в яку потрапило сучасне суспільство, втілено не лише в образах героїв, але й підтверджено статистично:

«Щороку 12 000 французів накладають на себе руки. Це більше, ніж один самогубець на годину, і так протягом усього року. От ви читаєте цю книжку вже годину – БАЦ, один мрець. Дві години (так повільно читаєте?) БАЦ, БАЦ. І так далі. 24 добровільні трупи – щодня. 168 смертей за власним бажанням щотижня. Тисяча покійників щомісяця. Кривава різанина, про яку всі мовчать… Згідно з даними опитування Sofres, 13% дорослих французів «серйозно обмірковували можливість самогубства» [1, с. 9].

Зрештою, і саме життя героя-оповідача, його особистий досвід констатують безвихідь, пастку, в якій опинилось суспільство матеріального достатку і процвітання: «Ця цивілізація ґрунтується на хибних бажаннях, якими ти живиш. Вона впевнено прямує до загибелі» [1, с. 9].

Останні сторінки роману є потоком свідомості героя, переконаного в абсурдності існування й відсутності жодних гідних поваги смислів життя у світі без альтернатив («Ніякої альтернативи сучасному світові» [1, с. 29], – зазначає кілька разів поспіль оповідач). Іронічний модус оповіді знімається на деякий час і замінюється роздумами про принадність смерті. Оповідач дистанціюється від будь-яких спокус життя (чи то в епіцентрі цивілізації, чи то на безлюдному острові), піднімаючись на рівень філософського осмислення проблем скінченності, вичерпності життя: «людина – лише випадок в міжзоряній пустці; аби припинити помирати, досить припинити жити; втратити контакт; стати атомною субмариною, захованою в океанських глибинах; втратити вагу; пливти поміж ангелів і сирен; ширяти в небі; все вже сталося; спочатку було Слово» [1, с. 30].

Потік свідомості переростає в потік слоганів, що зумовлює іронічний фінал твору: ЛАСКАВО ПРОСИМО ДО КРАЩОГО СВІТУ. Новостворений слоган є візитівкою суспільства споживання і відсилкою до початку твору – епіграфу, де використано слова із передмови О. Гакслі до роману «Чудовий новий світ».

Таким чином, мовні стратегії оповідача демонструють його особистісні та професійні якості, морально-етичне кредо, а точніше, повну його відсутність, картину світу та прагматичні установки. Аналіз мовної особистості наратора дає можливість інтерпретувати характер героя та ідейний задум твору в цілому.

Література

1. Бегбедер Ф. 99 франків. [Електронний ресурс]. Режим доступу: // https://www.ukrlib.com.ua/world/printit.php?tid=1777.

2. Ильин А. Н. Консюмеризм и реклама в романе Ф. Бегбедера «99 франков». [Електронний ресурс]. Режим доступу: // http://elibrary.ru/item.asp?id=27225262.

3. Калашникова О. Л. Литературна оптика Ф. Бегбедера. [Електронний ресурс]. Режим доступу: // https://sworld.com.ua/konferua11/17.pdf.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. Силин В. В. Лексико-стилистическое своеобразие романа Ф. Бегбедера «99 франков». Електронний ресурс. Режим доступу: https://article/n/leksiko-stilisticheskoe-svoeobrazie-romana-f-begbedera-99-frankov.

Статья посвящена исследованию языковой личности героя-рассказчика Октава Паранго в романе современного французского культового писателя Ф. Бегбедера «99 франков». Внимание фокусируется на языковых особенностях лексического состава персонажа, картине мира героя и прагматических установках его личности.

Ключевые слова: *художественный образ, языковая личность персонажа литературного художественного произведения, лексикон, картина мира, рекламный тоталитаризм, общество потребления.*

The article is focused on the study of the linguistic personality of the protagonist Octave Parango in the novel «99 Francs» by contemporary French cult writer F. Begbeder. The author of the article researches linguistic features of the lexical composition of the character, the picture of the protagonist's world and his pragmatic attitudes.

Keywords: *artistic image, linguistic personality of the character of a literary work, lexicon, picture of the world, advertising totalitarianism, consumer society.*

М. Г. БОГОВА

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

ЯЗЫК ВРАЖДЫ: ПРОТЕСТНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Статтю присвячено аналізові нової лексики, зафіксованої у політичному Інтернет-дискурсі щодо післявиборчих протестів в Білорусі. Наведено приклади неологізмів, простежена їх етимологія, проаналізовано зміну лексичних значень.

Ключові слова: *лексика, мова ворожості, неологізм, етимологія, значення слова.*

Все живое развивается и изменяется. Изменения постоянно происходят в социуме с разной скоростью. Язык – феномен социальный, он также меняется, отражая эти изменения [1]. Период резких социальных трансформаций коррелирует с рождением значительного количества новообразования в языке.

Одной из важнейших функций такой сложной знаковой системі как язык наряду с номинативной, коммуникативной и др. являются эмоциональная и волюнтативная функции – выражение эмоций, часто с целью воздействие говорящего на адресата. При этом категорию оценки, которую содержат языковые единицы, можно охарактеризовать как объективную или субьективную, рациональную (или логическую, по словам М.А. Ягубова, «от головы» [2], эмоциональную (от сердца) и рационально-эмоциональную. В любом случае, при выражении оценки мы оперируем тремя понятиями: «нулевая оценка» передает оценочно-нейтральное отношение в отличие от полярных оценок «положительная» (хорошо) или «отрицательная» (плохо). Наблюдается количественная асимметрия в выражении оценочного компонента лексического значения слов и высказываний: обычно ограничено число слов, передающих оценочно-нейтральное отношение, тогда как количество языковых единиц, выражающих положительную оценку, больше. Однако выражений с отрицательной оценкой – несоизмеримо больше [3]. Отсюда понятно, почему при проявлении коммуникативной агрессии словообразовательное творчество резко бросается в глаза.

Коммуникативные агрессии определяют, как нанесение оппоненту идейно-политического и культурно-нравственного ущерба, что чаще всего наблюдается при

использовании медийных каналов. Интернет, как принято считать, дает много возможностей для информационного и социального прогресса, а демократические преобразования в мире снимают остроту идеологической борьбы, следовательно, информационные войны, как полагают некоторые, должны уйти в прошлое как реликт «холодной войны». Но мы видим, что информационные войны никуда не исчезают. С помощью современных средств массовых коммуникаций они приобретают иное качество: их технологическая компонента прогрессирует в отличие от гуманитарной составляющей.

Благодаря технологическим новшествам информационные войны становятся на новую ступень своего социального функционирования [4]. Коммуникативные агрессии используются как ресурс политического влияния, так как все публичные выступления выполняют политическую функцию [5].

Под политической риторикой понимают не только официальные выступления и заявления с высоких трибун, но любые высказывания, касающиеся политических процессов, фактов, событий и явлений. Именно речевое поведение отражает изменения в восприятии картины мира. Политика представляет собой в первую очередь борьбу за власть. Поэтому в политическом дискурсе преимущественно встречается агональная коммуникация, при которой говорящие нападают и противодействуют этому. Агональная риторика является, по сути, современной речевой технологией, умением воздействовать на сознание реципиента. Именно она лежит в основе вербальной агрессии, используемой как традиционное оружие для создания системы конфликтных отношений с оппонентом.

Агрессия – это злонамеренное поведение агрессора с целью причинения ущерба жертве. Речевая агрессия охватывает сферу намеренного речевого воздействия на жертву, будь то человек или группа людей, отдельная организация или массовая аудитория, даже общество в целом. Агрессивное речевое поведение реализуется благодаря языковым средствам, требуемым для выражения враждебности, неприязни или оскорбления адресата с целью его дискредитации путем подрыва к нему доверия, умаления авторитета, унижения чести и достоинства, и т.д.

В качестве одного из самых эффективных средств вербальной агрессии в политическом дискурсе выступают агрессивные номинации. Покажем, как это осуществляется на примере агрессивных новообразований в контексте речевой ситуации в Беларуси. Сам по себе выбор этих номинаций задает однозначное отрицательное восприятие, хотя их стилистическая шкала имеет широкий диапазон вариативности: от презрительного до шутливо-ироничного [6].

Рассматриваемые протестные новообразования можно характеризовать по структуре и по значению.

По структуре выделим наличие фраз и слов. Практически все фразы являются призывами или лозунгами, которые можно рассматривать как фразеологизмы – устойчивые словосочетания, смысл которых не определяется суммой значений отдельно взятых и входящих в его состав слов, например: *Стоп таракан!* Так протестующие выражают свое отношение к результатам прошедших 9 августа 2020 года выборов главы государства.

Часто грамматическое значение идиом не отвечает языковым нормам, сторонники оппонента выходили под положительными лозунгами *НашаСвета, ЯСветка, ЯСветкинг,* (скопировав и заменив одно имя в официальном лозунгу *ЯБатька*); *Я мы 97, Я-Мы-97%* или *ЯМы-97%* выражали мысль о фальсификации результатов выборов. А вот «кричалка» оппонентов при массовом скандировании пародировала лозунг сторонников действующего руководителя *За Батьку!*, но его фонетическое оформление *Со-бач-ку!* придавало ему негативный и агрессивный смысл.

Отметим еще интересную деталь орфографии получивших распространение фраз: *Просыпаешься с хорошим настроением, а потом вотэтовотфсе.* Негативный смысл

фразе придает слитное написание, как и в случае отсылки к событиям в соседней стране: *местные «Крымцеукраина»*.

Если говорить о частях речи новообразованных слов, то количество встреченных в соцсетях глаголов весьма ограничено; позитивную или негативную окраску они приобретают в зависимости от контекста высказывания: *волонтерить, виртуалиться (Люди развиртуалились), партизанить*. Значение последнего глагола не слишком поменяло смысл подпольной деятельности, но приобрело конкретное значение: распечатывать транспаранты и плакаты, клеить стикеры, развешивать бело-красно-белые флаги или рисовать их в неожиданных местах. Новое значение приобрел и глагол *гулять* – ‘участвовать в протестных акциях‘. Его этимология: «Я гуляю» ответила сотруднику ОМОНа пенсионерка-активистка, вышедшая на протесты с бело-красно-белым флагом (неологизм-синоним такого флага – *незарегистрированная символика*, антоним – *краснозеленые*).

Немалочисленно и количество новых прилагательных: одежда *политических* цветов – см. предложение выше, какие именно цвета имеются в виду; *тапочная* революция – референция к высказыванию одного из кандидатов на выборах, которая утверждала, что предпочла бы сидеть дома в тапочках и готовить котлеты вместо того, чтобы заниматься политической деятельностью.

В числе слов, которые приобрели новое значение, часто встречается *невероятные*, но это не прилагательное, а собирательные имена существительное – так презрительно стали называть противники протестующих с легкой руки оценки их действий одного из руководителей координационного совета белорусской оппозиции. Используется синоним *альтернативные* и антоним *небезразличные* – те, кто выступает против, ездит с российскими флагами, срывает и закрашивает *незарегистрированную символику*. Еще один пример нового собирательного существительное – *прикорытники*, т.е. те, кто бояться «потерять корыто с комбикормом», так названы в цитате высшие должностные лица республики.

Имена существительные превалируют среди новейших неологизмов. Выделим следующие категории: конкретные (вовлеченные лица, акции/действия, местоположения, материальные предметы, документы) и абстрактные имена существительные (понятия).

Группу неологизмов-существительных, относящихся к вовлеченным лицам, можно разбить на ряд подгрупп: номинации сотрудников органов правопорядка, сторонников действующей власти, протестующих, пострадавших. Базовой для человеческого сознания является дихотомия «свой – чужой», эта фундаментальная концептуальная оппозиция в формировании социальной идентичности. Принадлежность к «своим» предопределяет выбор номинации с положительной оценкой, негативные номинации, включая сленг и ненормативную лексику, активно используются по отношению к «чужим». Приведем примеры, сопроводив их в некоторых случаях пояснениями, так как они имеют разную степень прозрачности смысла.

Сотрудников органов правопорядка часто называют *космонавтами*, их обмундирование похоже на скафандр: в экипировке имеется наплечная «чешуя», перчатки, налокотники и пр.: *Космонавты – чешуя на плечах*. Другие сотрудники одеты в одежду оливкового цвета, отсюда их название *оливки*. Характерно, что силовиков в их стандартном черном одеянии еще называют *маслинами* и *смородиной*. От «гастрономных» наименований отличается негативная оценка *слабовики*. Людей в гражданской одежде без особых примет, которые являются представителями силовых структур, наблюдают за ситуацией, следят, чтобы она не вышла из-под контроля, снимают на видео, однако ничем это не подчеркивают, называют *тихарями*. *Губопик* – неологизм, образованный от аббревиатуры ГУБОПиК и обозначающий силовиков из Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией; бойцы этого подразделения жестко задерживают протестующих.

Сторонников действующей власти именуют с отсылкой к цветовой индексации – *краснозеленые, томатный патриот*; к выбору претендента – *лукабот*; или к математическим подсчетам результатов голосования – *трехпроцентные*. Синонимом выступает, не вдаваясь в детали происхождения и толкования, слово *московиты*.

Самая прозрачная номинация протестующих с негативным смыслом – *протестуны*. Имеется ряд синонимов *борцуны*, а также *змагары, змагарня, змагарнье, змагарыш* – они образованы от белорусского слова *змагацца*, т.е. 'бороться, сражаться'. Добавим в список *бчбшники* (отсылка к символике) и *бчбябитки* (символика + ассоциация на известное слово «недобитки»; *водители 97%* – 'увозящие протестующих', *овцы* и словосочетание *уголовники*, *проститутки* и *наркоманы* – отсылка к нашумевшему высказыванию официального лица. Презрительная номинация того, за кого выступают протестанты – *всемогущая кухарка*, это перефразиробка высказывания одного из кандидатов.

Отмечена только одна новая номинация пострадавших во время протестных акций – *баклажан*, намек на полученные травмы. В сетях ходит горькая шутка *Баклажан – цвет сезона*.

Неологизмы, номинующие акции и совершаемые во время протестных акций, включают: *хапун* – 'массовые задержания', в ходу синонимы *винтилово* и *винтаж*, которые подчеркивают особенность момента: действуют жестко, берут всех без разбора; *цепь* – так называют цепи солидарности, стихийно выстраивающиеся в разных городах; *чаепитие* – новый формат общения с соседями. Появились районные чаты, в которых люди стали согласовывать свои действия. *Ябатинг* имеет двойное толкование: (1) ироничное название митингов в поддержку действующего главы государства, (2) мероприятие, проводимое силовыми структурами, следующее за поимкой протестующего. Оба происходят от слогана и уже имеют производное *ябатьки*, т. е. участников провластных митингов.

Фраза «едет в *Жодино*» означает не просто поездку в город рядом с Минском, а указывает на то, что задержанные отбывают там арест. Новое значение приобрели и такие названия местоположений как *Окрестина* и *Советская* (адрес изолятора временного содержания г. Минск, 1й пер. Окрестина, 36 и тюрьмы № 8 г. Жодино ул. Советская, 22А, где и содержатся некоторые *невероятные* граждане).

Упомянем еще несколько неологизмов, означающих материальные предметы. Протест белорусов выражается не только в *гулянии* и *чаепитии*, но и с помощью *лент*. Борьба властей с символикой протестующих, а БЧБ-флаги начали снимать с балконов, подтолкнула к идее выражения протестов с помощью лент, снять их сложнее, развесить можно в самых разных местах, сочетание красного и белого привлекает внимание. *Бусик* используется для обозначения не просто «микроавтобуса», а как транспорта спецподразделений силовиков. Его производное – *бусофобия*, бояться при виде бусика, что можно оказаться в автозаке.

23.34 – этот неологизм означает не время на часах, а номер статьи Кодекса об административных правонарушениях, содержание которого сейчас известно многим, можно прочитать фразу «судили по *23.34*» и комментарий «Скорее всего, гулял».

Среди новообразований привлекло внимание только одно абстрактное понятие в силу такого необычного сочетания слов – *политическое вароисповидание*.

На появление новых слов и степени их понятности быстро отреагировали в интернете. Например, можно проверить себя, выполнив специальный тест. Приведем пример задания:

Сцепка – это… (а) Одна из тактик протестующих; (б) Боевые построения боевиков после задержания; (в) Акции женщин, которые выстраиваются вдоль дороги с бело-красно-белой символикой. Правильный ответ (а), *сцепка* – это одна из тактик протестующих, чтобы «встать в сцепку»: стоять, плотно сцепив руки в локтях, что осложняет задержания во время массовых акций протестов.

Караевцы – это… (а) Оппозиционеры; (б) Сотрудники МВД; (в) Студенческие активисты. Правильный ответ (б), *караевцами* белорусы называли сотрудников МВД; слово возникло от фамилии уже бывшего министра внутренних дел Юрия Караева.

Как видим, процесс создания неологизмов усиливается в период социальных изменений. Неологизмы могут иметь разную этимологию и разную степень прозрачности, но эскалация конфликтов всегда приводит к появлению большого числа новообразований с негативным смыслом, многие из которых весьма экспрессивны. Закреплятся ли в политическом дискурсе и в языке эти агрессивные наименования – вопрос времени.

Литература

1. Романова С. А. Язык как отражение социальных изменений в обществе: дис. …канд. филол. наук. Москва. 2002. 174 с.
2. Ягубова М. А. Лексико-семантическое поле «оценка» в разговорной речи: классификация видов оценок // Типы языковых единиц и особенности их функционирования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1993. С. 37–42.
3. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» / «плохо». Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–106.
4. Коммуникативные агрессии XXI века. URL:: https://www.litmir.me/br/?b=667826&p=1 (дата доступа 03.11.2020)
5. Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O. Feldman. N.Y.: Greenwood Press. 1998. 224 с.
6. Булгакова Н. Е. Прозвища как средство речевой агрессии в политическом дискурсе / Н. Е. Булгакова, М. В. Веккессер, Л. И. Автушко, А. А. Фалилеева // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. тр. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып. 7 (16). С. 14 – 19.

Статья посвящена анализу новейших неологизмов, отмеченных в политическом интернет-дискурсе по поводу послевыборных протестов в Беларуси. Даны примеры новой лексики, их этимология, анализируется, как происходит сдвиг значения.

Ключевые слова: *лексика, язык вражды, неологизм, этимология, значение слова.*

The article analyses the recent neologisms of the political Internet discoursedealing with the post-election protests in Belarus. Examples of new vocabulary are provided, as well as their etymology, and the author studies the shift of meaning.

Keywords: *vocabulary, hate speech, neologism, etymology, word meaning.*

МАНЗУРА ШАРИПОВНА БОЛТАЕВА
МАХБУБА ШАРИПОВНА БОЛТАЕВА

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБОГАЩЕНИИ ЛЕКСИКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

У статті розглядається процес лексичного збагачення узбецької мови російською та інтернаціональною лексикою через російську мову, а також перекладом фразеологічних одиниць узбецькою мовою. Приплив даної лексики опосередковано або безпосередньо все більш збагачує узбецьке мовне середовище, поліпшує перекладацьку справу Узбекистану.

Ключові слова: *мова, збагачення, лексика, переклад, контакт, російсько-інтернаціональні слова, фонетика, граматична будова, суспільно-історичний процес, фразеологія.*

«Язык – мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих. Под этим разумеется не только очевидный факт, что без языка невозможно серьезное социальное взаимодействие, но так же и тот факт, что обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке».
Эдвард Сепир

Русский язык играет важную роль в формировании узбекского литературного языка, в расширении и укреплении его общественных функций, в обогащении лексико-семантической и фразеологической систем, в развитии и совершенствовании его грамматического строя [1].

Многие заимствования из русского языка в узбекском относится ещё к XVI-XVII вв. Как отмечает Ж. Хамдамов, "изучение текстов ярлыков, грамот, посольских писем, челобитных и других документов в области торговых и дипломатических отношений между среднеазиатскими ханствами и Московским государством в XVI-XVII вв., документов о доходах и расходах хивинских ханов середины XIX в. показывает, что «староузбекскому языку» уже были известны такие русские слова, как урус (русский), Маскав (Москва), кноз (князь), кўпчин (купчий), июн (июнь), пут (пуд), дужина (дюжина), … конфут (конфета), самавар (самовар), патнус (поднос),сумма (сумма) и др».

В XVIII-XIX вв. количество таких слов в узбекском языке заметно увеличилось. Они относятся к различным сферам жизни указанного периода. Среди них представлены:

1. Общественно-политическая и юридическая лексика: *уезд, волость, дума, пристав, консул, солдат, штраф, судья, суд, закон.*

2. Лексика транспорта и связи: *поезд, вагон, коляска, вокзал, станция, почта, телеграф, конверт, адрес, марка.*

3. Слова, обозначающие понятия промышленности и торговли: *завод, фабрика, купец, машина, нефть, выставка, ярмарка, магазин, банк, вексель.*

4. Лексика, обозначающая понятия культуры и просвещения: *гимназия, театр, музыка, музей, газета.*

5. Слова, связанные с медициной и лечебными учреждениями: *доктор, госпиталь, лазарет, фельдшер.*

6. Слова, обозначающие официальные документы, награды: *билет, паспорт, орден, медаль.*

7. Названия предметов быта, домашнего обихода, утвари, одежды, обуви, ткани: *стол, стул, тарелка, лампа, фонарь, печь, галоши, ситец, драп.*

8. Названия продовольственных товаров и напитков: *пиво, лимонад, квас, кофе, конфеты, картошка, сухари* и др. [2].

В конце XIX и начале XX в. в связи с активизацией общественной жизни узбекского народа растёт процесс заимствования русских слов и иноязычной лексики через посредство русского языка. Об этом свидетельствуют употребление в языке и журналов того времени следующих слов: *вагзал (вокзал), мошина (машина), пойиз (поезд), завуд (завод), фабрика, фирма, кредит, банка (банк), расход, дахут (доход), аборот (оборот), протсент (процент), заказ, губерна (губерния), судйа (судья), истаршин (старшина), началник (начальник), полк, гарнизон, баталйон (батальон), казарма, афитсер (офицер), летинант (лейтенант), адмирал, полковник, матрос, партия, митинг, депутат, манифест, бюрократизм,*

револютсионер (революционер), сотсиал-демократ (социал-демократ), сотсиалист (социалист), афтономийа (автономия), капитал, рабочи, политка (политика), клас, дапрус (допрос), катурга (каторга) и мн.др.

В узбекском число заимствований из русского языка постоянно растёт, о чём свидетельствуют лексикографические данные. Так, «Толковый словарь русско-интернациональных слов» («Русча-интернационал сўзлар изоҳли луғати. – Тошкент: “Ўзбекистоннашриёти”, 1972») Алима Усманова и Рената Даниярова содержит более 8 000 исконно русских и заимствованных при посредстве русского языка слов из других языков, прочно вошедших в словарный запас многих языков мира. Вот некоторые примеры: *врач, виставка (выставка), вишка (вышка), замазка, водокачка, водолаз, водопровод, заказ, зажигалка, запас, завод (рус); абажур (франц.), абзац (нем.), абономент (франц.), гений (греч.), гегемония (греч.), гипс (греч.), глобус (лат.), диалектика (греч.), диктатура (лат.)* и др. [3].

Большое количество русско-интернациональных заимствований фиксировано и в новом «Толковом словаре узбекского языка» [3]. В нём представлены, в частности, такие заимствования: *абажур (фр.), аббат (лат.), аберрация (лат.), абзац (нем.), абитуриент (лат.), аболиция (лат.), абонемент (фр.), абонент (фр.), абориген (лат.), аборт (лат.), абразив (лат.), абсентизм (лат.), абсолют (лат.), абсорция (лат.), абстракционизм (лат.), абстракция (лат.), абсцесс (лат.), авангард (фр.), аванпост (фр.), аванс (фр.), авантюра (фр.), авария (ит.), август (лат.), авиа- (лат. Avis – птица); багаж (фр.), багажник (рус.), бадминтоне (англ.), бадя (фр.), база (греч.), базис (греч.), бак (голл.), бакалавр (лат.), бактерия (греч.), бал (фр.), балалайка (греч.), балансир (фр.), балет (итал.), балл (фр.), баллада (фр.), балластика (греч.), баллон (фр.), бальзам (греч.), банан (исп. < араб - палец), бандаж (фр.), банк (фр.), банка (рус.), банкет (фр.), банкир (фр.), банкнот (англ.), банкрот (нем.), бантик (нем.); вагон (англ.), вагонетка (фр.), вагранка (рус.), вазелин (фр.), вакансия (лат.), вакуум (лат.), вакцина (лат.), вал (нем.), валенка (рус.ва́ленки), вальс (фр.), валюта (итал.), вампир (фр.), ванилин (фр.), ванна (лат.), вариант (лат.), ватман (итал.), ватин (нем.), ватт (англ.), ваучер (англ.), вафли (нем.), вахтёр (нем.); габардин (фр.), габарит (фр.), газета (рус.<итал.), газон (фр.), гайка (рус.), галифе (фр.), галлюцинация (лат.), галстук (нем.), гамбургер (англ.), гараж (фр.), гарбил (рус. горбыль), гарнизон (фр.), гарнир (фр.), гарнитур (фр.), гастроль (нем.), гастроном (греч.), гаубица (нем.), гауптвахта (нем.), гвардия (итал.), гегемон (греч.), гейм (англ.), гектар (фр.); дактилография (греч.), дача (рус.), двигатель (рус.), движок (рус.), дворян (рус.), дебентура (лат.), дебитор (лат.), дебют (фр.), дегенерация (лат.), дегустатор (фр.), дедукция (лат.), дезертир (фр.), декабрь (лат.), декада (фр.), декадент (лат.), декан (лат.), декларация (лат.), декоратив (лат.), декрет (лат.), делегат (лат.), дело (рус.)* и др.

Подавляющее большинство подобных заимствований входит в центральную часть лексики узбекского литературного языка.

Русские заимствованные слова активно функционируют в языке современной узбекской художественной литературы. Приведены некоторые примеры: «Учинчи куни райондан артистлар келиб дарё бўйида катта концерт берди (А. Қаҳҳор)» (Позавчера из района приехали артисты и возле реки дали большой концерт); «Мурзин монологини тугатиб, артистларча салом берди» (Ў. Умарбеков) (Мурзин, прервав монолог, артистически поздоровался); «Айтгандай, Тошпўлатака, кеча районда актив бўлдими» (Кстати, Ташпулатака, состоялся ли вчера в районе актив?); «Узоқдан, радиодан майин ёқимли музика эштар эди» (Ойбек) (Издалека доносилась нежная, приятная музыка радио) [4].

Хочется также отметить тот факт, что узбекский язык обогащается не только непосредственно заимствованными словами, но и переводимыми с русского языка фразеологическими единицами. Изучение русской фразеологии в узбекской аудитории имеет общеобразовательное и воспитательное значение, а также в значительной степени способствует формированию у студентов глубоких и прочных речевых навыков, поэтому на занятиях русского языка необходимо фиксировать внимание студентов на фразеологических оборотах. Преподаватели сами также должны располагать теоретическим материалом по фразеологии в методическом плане. Широкая возможность для усвоения фразеологического богатства русского языка представляется на занятиях русского языка. Тексты, вошедшие в программу, должны насыщаться разнообразными фразеологическими оборотами.

Усвоив фразеологический пласт лексики изучаемых текстов, студенты обогащают свой словарный запас, повышают культуру собственной речи. Все это обязывает преподавателей словесности продумать работу над оптимальным усвоением студентами фразеологического богатства русского языка. Для этого прежде всего необходимо знать и умело применять определенные способы и средства передачи значений русских фразеологизмов на родной язык студентов. Не все фразеологические обороты русского языка имеют в узбекском языке свои эквиваленты. Многие фразеологические единицы переводятся при помощи свободных словосочетаний или соответствующих им по смысловому содержанию слов [5]. В ряде случаев устойчивые сочетания активизируются в речи путем семантизации их без перевода, по ассоциации и по связи слов в контексте. Такой контекст вызовет у студентов ассоциативные реминисценции не только с русским, но и вродным языке, и они вспомнят узбекские слова и словосочетания, являющиеся аналогом русским фразеологизмам или раскрывающие смысл русских фразеологизмов.

Анализ фразеологического материала показывает, что во многих учебниках русского языка соблюдаются основные принципы передачи семантики русских фразеологизмов на узбекский язык. Очень важно раскрыть единство формы и содержания фразеологической единицы оригинала. Это одно из существенных требований к переводу.

Необходимо учитывать сходства и различие в структуре и грамматическом строе языков оригинала и перевода. Перевод должен отражать и грамматическое значение, и лексическое содержание фразеологической единицы.

Существует несколько способов подачи русских фразеологических единиц средствами узбекского языка: 1) перевод фразеологических единиц эквивалентными фразеологизмами; 2) перевод посредством аналогов; 3) описательный перевод.

Рассмотрим каждый из этих способов в отдельности [6].

1. Эквивалентный перевод – это перевод фразеологических единиц одного языка фразеологизмами другого при сохранении вещественного (лексического) содержания составляющих элементов.

Перевод фразеологических единиц русского языка эквивалентными фразеологизмами узбекского – наиболее оптимальный способ раскрытия смысла фразеологической единицы. При таком переводе обеспечивается полная возможность передачи не только общего лексического и грамматического значения переводимого фразеологизма, но и его образности и структуры (пустая бочка гулче всех звенит – бўш бочка кўпроқтарақлайди, перевалочный пункт – бурилишпункти, Ахиллесова пята – Ахиллес товони и др.).

2. Аналогичными являются фразеологические единицы русского и узбекского языков, соответствующие по смыслу и не совпадающие по лексическому содержанию составляющих их элементов.

Фразеологические единицы узбекского языка вполне могут передать общее лексико-грамматическое значение фразеологических единиц оригинала. Различие же между языковой единицей оригинала и ее узбекским аналогом заключается или в лексическом составе, или в структуре. Такой способ не может вскрыть всей специфики переводимых фразеологизмов, чем и отличается от первого способа перевода, который был рассмотрен выше (в рот залетит муха – оғзинггапашшакиради).

3. Третий способ раскрытия значения фразеологизмов выражается в переводе фразеологических единиц одним словом или свободным словосочетанием.

Первые два способа перевода – при помощи эквивалентов и аналогов – являются наиболее точными, так как они раскрывают не только лексико-семантическую и грамматическую структуру, но и грамматическую структуру, а также образность и экспрессивность языковой единицы, позволяют учесть сферу употребления фразеологических единиц. Третий же способ перевода – смысловой – передает лишь общее лексико-грамматическое значение фразеологических единиц (поспешай медленно – шошилмай шошил и др.).

Из всего вышеизложенного ясно видна большая и ответственная задача преподавателей русского языка в узбекских средних и высших учебных заведениях – постоянно учить молодежь умело пользоваться огромными запасами русско-интернациональных слов, вошедшими в узбекский язык, включать их в активный словарь, вырабатывать навыки правильного их произношения и написания. Для этого необходимо постоянно работать над произношением русско-интернациональных слов, непосредственно или опосредованно вошедших в узбекский язык, и дословно переводимых фразеологизмов с русского языка, так как произношение отдельных слов представляет определенную трудность для студентов и учащихся с узбекским языком обучения. Под влиянием происходивших различных общественно-культурных событий идет активный процесс развития и обогащение узбекского языка.

Литература

1. Абдуазизов А. А., Зализняк А. М., Шереметьева А. Г. Общее языкознание. Ташкент, 2012.
2. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012.
3. «Ўзбек тилининг изоҳли луғати». 5 жилдли. Тошкент, Давлат илмий нашриёти, 2006-2008.
4. Асфандияров И. У. Восточная лексика в русском языке. Ташкент, 1991.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 2000.
6. Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты.Челобитные) М., 1994.

В данной статье рассматривается процесс лексического обогащения узбекского языка русской и интернациональной лексикой через русский язык, а также переводом фразеологических единиц на узбекский язык. Приток данной лексики опосредованно или непосредственно все более обогащает узбекскую языковую среду, улучшает переводческое дело Узбекистана.

Ключевые слова: *язык, обогащение, лексика, перевод, контакт, русско-интернациональные слова, фонетика, грамматический строй, общественно-исторический процесс, фразеология.*

This article discusses the process of lexical enrichment of the Uzbek language with Russian vocabulary and international vocabulary through the Russian language, as well as the translation of phraseological units into Uzbek. The influx of this vocabulary, indirect or direct, increasingly enriches the Uzbek language environment, develops the field of Translation in Uzbekistan.

Keywords*: language, enrichment, vocabulary, translation, contact, Russian-international words, phonetics, grammatical structure, socio-historical process, phraseology.*

М. В. БОНДАР
Київський національний лінгвістичний університет

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ ПЕРЕКЛАДАЧА ТУРЕЦЬКИХ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ

Статтю присвячено вивченню трансформацій вихідного тексту під впливом дії загальноукраїнського типу як ядра мовної особистості українського перекладача. Визначено типи трансформацій, що зумовлені специфікою української мови на основних та проміжних мовних рівнях (лексичному, морфологічному, синтаксичному, фразеологічному, словотвірному), а також особливостями українського національного характеру (народна стихія, демонологія, український гумор). Встановлено основні фактори, що детермінують специфічні риси мовної особистості українського перекладача турецьких художніх текстів.

Ключові слова: *мовна особистість, перекладач, мовна особистість перекладача, художній переклад, стратегія перекладу, доместикація.*

Вивчення феномена мовної особистості перекладача представляє великий інтерес в аспекті міжкультурної комунікації, адже саме перекладач виступає медіатором між двома культурами. Цей напрямок дослідження є актуальним і, у свою чергу, відповідає сучасній тенденції розвитку лінгвістичних знань – антропоцентризму, а відтак незмінному інтересу до індивіда («мовної особистості»), до процесу породження ним текстів. Переклад як акт творення нового тексту в іншому лінгвокультурному просторі немає заданих схем, лексичного наповнення певних моделей. Від знань мов (рідної та іноземної) на всіх рівнях, від вміння послуговуватися синонімічним арсеналом, тонко відчувати семантичні відтінки та стилістичні регістри слова, викликати в уяві читача бажані асоціації залежить кінцевий результат роботи перекладача, сприйняття тексту читачами.

Вивченню окремих аспектів проблеми мовної особистості перекладача присвячені праці О. Г. Павленка [1], М. Л. Іваницької [2], А. М. Науменка [3], О. А Кравцової [4], О. В. Мазур [5], Т. Бідної [6].

Мета нашої розвідки – дослідити трансформаціїї тексту-оригіналу, зумовлені впливом мовної особистості перекладача, зокрема загальноукраїнського мовного типу, який є критерієм ідентифікації та приналежності саме до українського лінгвокультурного простору. Досягнення поставленої мети передбачає виконання таких завдань: 1) визначити види трансформацій вихідного тексту, що зумовлені вибором перекладачем стратегії доместикації; 2) з'ясувати, які з цих трансформацій не є проявом мовних смаків перекладача, а відповідають специфіці загальноукраїнського типу, ядра мовної особистості; 3) вивчити специфіку таких трансформацій та їх місце в тексті перекладу.

Предмет дослідження – мовні особливості українського перекладу турецьких художніх текстів. Об'єкт дослідження – трансформації, викликані впливом мовної особистості перекладача, зокрема загальноукраїнського мовного типу. Матеріалом дослідження стали сучасні українські переклади турецької художньої літератури (твори Р. Н. Гюнтекіна, А. Несіна, О. Памука, Б. Карасу, А. Е. Перкер, Т. Кіремітчі, Ш. Ішігюзель та ін.).

Традиційно науковці послуговуються класичною концепцією трирівневої організації «мовної особистості», розробленою Ю. Н. Карауловим: 1) вербально-семантичний рівень, який включає в себе лінгвістичні компетенції (володіння мовою); 2) когнітивний рівень (поняття, ідеї, концепти, які складаються у кожної мовної особистості в картину світу, яка відображає систему цінностей); 3) прагматичний рівень, який відображає систему мотивів, цілей тощо [7, с. 4].

Перекладач – це суб'єкт міжкультурної комунікації, який володіє іноземною мовою, «занурений» у інший культурний та лінгвальний простір, який відрізняється від

національної мовної картини, ментальності, способу життя народу, представником якого він є. Як слушно зауважила С. Г. Тер-Мінасова: «Знайомство з іншою мовою та культурою, допомагає людині усвідомити наївність картини світу в тому вигляді, в якому вона «нав'язується» рамками рідної мови. Якщо людина погоджується з тим, що «непорушні» й «істинні» цінності в кожній культурі свої, і з'являється бажання зрозуміти й, по можливості, прийняти інші культурні цінності та елементи картини світу, вони можуть стати надбанням і його мовної особистості" [8, с. 120]. Особливо це важливо, коли мова йде про суттєві відмінності в національних мовних картинах світу, що викликано різницею в релігійному світогляді (християнство-мусульманство), ціннісних орієнтирах, звичаях та обрядах, способі життя. Саме завдяки цьому «прийняттю» автор звертається до стратегії форенізації з метою передати специфіку іншого лінгвокультурного простору, достовірно відворити чужомовні реалії.

Перекладача часто називають «медіатором» (посередником, який допомагає налагодити процес комунікації та обрати ефективний варіант для задоволення інтересів та потреб усіх учасників комунікації). Функція медіатора не лише знайти адекватні способи та засоби передачі, відтворення, але й в орієнтації на рецепцію читачів з іншого лігвокультурного простору. Ю. Колядич у своїй статті «Мовна особистість перекладача: ґенеза та еволюція» наголошує: «На відміну від просто мовної особистості, що володіє двома мовами, мовна особистість перекладача спрямована на національну мовну особистість носіїв мови перекладу. Основне завдання перекладача на відміну від просто людини, що володіє іноземною мовою, полягає в тому, що перший віддзеркалює чужі думки засобами іноземної мови. Отже, здійснюючи переклад, він має орієнтуватися на потенційного середнього одержувача інформації. Таким чином, мовна особистість перекладача максимально наближена до національної мовної особистості реципієнта (одержувача інформації), віддаляючись від першого як індивіда, оскільки, як було зазначено вище, особисті асоціації перекладача повинні мати мінімальне відображення в продукті його діяльності» [9, с. 247]. Це, у свою чергу, слугує своєрідним «дозатором» стратегії очуження: не занадто довгі зноски з коментуванням, поясненням тієї чи іншої реалії, не перевантаження тексту незрозумілими українському читачеві словами, можливість заміни турецьких лексем нейтральними українськими відповідниками.

У зв'язку з цим важливим є розуміння структури мовної особистостості, відокремлення ядра від периферії. Ю. Колядич зауважує, що українська мовна особистість реалізується в умовах комунікації з носіями цієї мови, зорієнтована на загальноукраїнський мовний тип, який складає ядро її змісту, а периферію утворюють неповторні особові характеристики мовної особистості (власні, улюблені слова та граматичні конструкції, власні погляди на світ тощо) [9, с. 247].

Вніс певні корективи в традиційне розуміння поняття «мовна особистість перекладача» О. Г. Павленко: «Засіб презентації діяльності індивіда, що орієнтована на трансляцію текстового змісту, який виник у чужій культурі й утілився в контекст своєї як результат опосередкованої текстами міжкультурної комунікації» [1, с. 112]. Науковець визначає такі компетенції мовної особистості перекладача: когнітивні (володіння мовами, уміння здійснювати вибір мовних одиниць з урахуванням їх соціокультурної специфіки), афективні (перекладацька інтуїція, внутрішнє чуття тексту оригіналу) та поведінкові (володіння стратегіями загальної та національної мовної поведінки через налагодження відносин між представниками різних культур, якими є автор і перекладач) [1, с. 112].

На нашу думку, варто говорити про мовну особистість як про своєрідний інваріант загального українського типу. Звісно, що інваріант відрізняється від інших інваріантів, що зумовлено освітою, вихованням, мовним середовищем, у якому виріс та проживає перекладач, соціолінгвістичною ситуацією (в країні, регіоні), різним набором мовних

смаків та вподобань (книжна лексика, терміни, розмовні слова тощо), дотриманням чи ігноруванням мовної моди (активне вживання запозичень з англійської мови чи сленгізмів).

Мовна особистість перекладача може більш чи менш інтенсивно проявлятися в тексті перекладу, що залежить від специфіки тексту оригіналу (літературний напрям, стиль автора, жанр твору, тематика тощо).

Сучасні перекладачі турецьких художніх текстів сформувались як творчі особистості вже в незалежній Україні, у часи, коли гостро постало питання самоідентифікації (державна мова, українська церква, активна громадянська позиція). На нашу думку, це зумовлює звернення до стратегії доместикації в процесі перекладу, трансформацію специфічних турецьких реалій у рідні, близькі серцю кожного українця, багаті на асоціації та фонові знання слова. Перекладачі, досконало володіючи двома мовами, занурені в лінгвокультурний простір, до якого вони належать, часом усвідомлюючи, часом несвідомо додають українську «перчинку» в реконструйований ними турецький простір.

Особливий інтерес для нашого дослідження становлять ті випадки, коли рідна мова, культура, релігія чітко простежується в екзотичному турецькому лінгвопросторі, що слугує своєрідним «лакмусовим папірцем» прояву загальноукраїнського типу як ядра мовної особистості. І справа не лише у відсутності відповідних еквівалентів, а в наявності в українській мові власних традиційних кліше, які є близькими, зрозумілими читачеві.

Чи не найбільше трансформацій при перекладі зазнають сталі конструкції, які є проявом саме національного колориту, відображенням специфіки світогляду, способу життя того чи іншого народу, акумулюючи ціннісні орієнтири, моральні настанови та релігійні приписи, колективну життєву мудрість тощо. Це ввічливі форми привітання, прощання, зачин (формула для успішного початку якоїсь справи), побажання, прокльони: *алейкюм селям, селамюн алейкюм – Доброго здоров'я!; бісміллях, бісмілля – З богом!; Allahaısmarladık! – На все добре!, Прощавайте!, До побачення!, Бувай!; Eyvallah! – До побачення; Allah rahatlık versin! – Добраніч!, На добраніч!; Allah'a emanet olun – До побачення!, Прощавайте!; Haydi, Allah yolunu açık etsin! – Ну, гаразд, ходи здоровий!; Toprağı bol bol olsun – Земля пухом!; Ruhu şad olsun – Хай спочине її світла душа!; Allah ne isterse o olurdu – На все воля Божа; Allah sakladı bizi – Бог милував; Vallahi! – Їй-бо!, Їй-богу!, Святий Боже!, Присягаюся!, Слово честі!; Allah belasını versin! – Чорт забирай!, Дідько б вас забрав!, Та хоч би воно все пропало!, Хай йому грець!, Хай їм грець!; Allah kahretsin! – Хай йому грець!, Allah cezasını versin! – Хай би їй трясця!; Allah belasını versin! – Що за кара Божа!.* Як бачимо, перекладачі не обмежилися дослівним перекладом та заміною лексем «Аллах» – «Бог», а використали усталені конструкції, які відображають специфіку християнського світогляду, демонологічні уявлення наших пращурів.

Розмовна стихія з її експресивністю та емоційним забарвленням, український гумор, який виявляється у фонових знаннях, закріплених за певними словами, чітко простежуються в мові сучаних перекладів. Дослідниця І. В. Прушковська звертає увагу на невідповідність українського перекладу турецькому оригіналу за експресивним забарвлення (нейтральна, експресивно забарвлена, книжна лексика) та на заміну нейтральної лексики емоційно забарвленою: *Annete* ***yaptıklarını*** *(досл. те, що ти моїй матусі робила) unutmadım – Я добре пам'ятаю, які ти коники викидала матері; Benim için* ***böyle düşünen yoktu*** *(досл. не було кому думати, піклуватися) – Зі мною так не панькались; Sana* ***minnet eder miyim****? (досл. чи я б тобі дякувала?) – Чи я б оце тобі кланялася?; Yatağa* ***dökme****! (досл. не пролий у ліжко) – Та не виверни в ліжко!; Yapacak çok işimiz var (досл. багато роботи) – У нас сила-силенна роботи; Tanrım! Günü geldiğinde* ***sessizce al yanına*** *(досл. візьми тихенько до себе) – Господи! Прийде мій час – прибери тихенько до себе;* ***Ne derlerse desinler*** *baba (досл. Щоб вони не казали) – Хай собі патякають, тату;* ***Ağlar*** *(досл. плаче) – В голосі бринять сльози;* ***Bıktırdılar****! (досл. набридли) – В печінках уже сидять; Ya bir başkası* ***yaparsa bir***

yanlış *(досл. якщо зробить помилку, помилиться) – … але ж якщо хтось інший щось утне?; İyice* ***diline vurdu****! – Ач, розпатякався!; Dur be* ***kadın****! (грубо, жінко) – Цить, бабо!; Gereksiz yere* ***laf yetiştiriyorsun*** *bana! – Тобі аби бурчати;* ***Yan derdine*** *biraz daha! – А ти побідкайся ще, побідкайся!; Bütün* ***benliğinde*** *duyduğundan – … усім своїм єством відчуває; Korku insanı* **bitirir**... *Kemirir... – Страх підточує людину, як шашіль; Çok* ***yüklenme*** *kıza – Не гризи дівку;* ***Ağzındakilerle birlikte*** *yatağına girer (досл. лягає) – Запхнувши решту до рота, вона шмигає в ліжко; Kafanı takma böyle şeylere...* ***Oldu ve bitti*** *(досл. було й прошло) – Не переймайся ти цим… Було собі, та й загуло* [10, с. 101].

Частотний в українських художніх перекладах метод уподібнення, який використовується при:

а) заміні національно забарвленої лексики *(hamam – лазня, rakı – горілка, koru köfte – січеник, yoğurt – кисляк, meyhane – шинок, корчма, tespih – вервиця, köşk – садиба, konak – маєток);*

б) заміні історичних реалій (*belediye reisi – голова міської управи, голова управи, falaka – різка, kaymakam – голова повіту (повітовий голова), mutasarrıf – окружний голова (начальник округи), defterdar – писар з кадастрового управління, defterdalık – кадастрове управління, reçe – намітка*);

в) заміні релігійної лексики (*Allah – Господь, hac – проща, hacı – прочанин, iftar – розговіння, namaz – молитва);*

г) заміні слів загального лексикону з одночасною зміною регістру, що відрізняється від загальної тональності твору (*genç kadın, taze kadın – молодиця, kadın – баба, kapı – хвіртка, yali – садиба*, *bakkal – лавка, başörtülü – напинало, відлога, meyhane – генделик*, *ebe – пупорізка, lokanta – забігайлівка, başörtüsüz – простоволоса, gecekondu – халабуда, халупа, dolmuş – маршрутка, şekerci – цукерня*), більшість таких слів має додаткові фонові знання й викликає певні асоціації в уяві українського читача *(генделик, забігайлівка, молодиця).*

ґ) заміні гоноративів: *hanım, hanımefendi – пані, bey, beyefendi – пане, efendim – пане, пані, küçük bey – молодий пане, küçük hanım – панянко, молода пані, büyükhanım – Пані, hanım kız – моя пані.*

Такі заміни не завжди повною мірою відтворюють структуру (трансформації, пов'язані з усіченням, скороченням) та семантику турецької лексеми (видо-родові, родо-видові заміни): *üzüm hoşafı – узвар, tarhana çorbası – юшка, lokma tatlısı – солодкі пампушки, çorba – юшка, sucuk – ковбаса, simit – бублик, başörtüsü – хустка, muhallebici – цукерня, börek – рогалик, yufka – коржики.*

Частотні в українських перекладах демінутивні суфікси в звертаннях та в лексиці на позначення родинних стосунків, які відсутні в мові оригіналу *(anneanne – бабуся, бабця (бабуся по мамі), babaanne – бабуся, бабця, amca – дядько, dayı – дядечко, teyze – тітонько, ağbi – братику, çocuğum – синку, kızım – донечко, kardeşler – братики, evladım – синку, küçük kızım – дівчинко моя, azizim, kuzum – дорогенький), у* національно забарвлених словах *(nazar boncuğu – намистинка, rakı – горілочка, gecekondu – халупка, çeşme – фонтанчик)*, у власних іменах *(Celalcığım – Джеляльчик (*від *Джеляль), Kemalcığım – Кемалик* (від *Кемаль*), *Nerminciğim – Нермінуся, Нермінчик* (від *Нермін*), *Nesimciğim – Несімчик* (від *Несім*), *Şükrancığım – Шюкранчик* (від *Шюкран)*, *Füsuncuğum – Фюсунчик* (від *Фюсун)*). У сполуках слів, перекладених через дескриптивну перифразу, також фіксуються слова з демінутивними суфіксами: *iç pilav – рис і кедрові горішки, iç oğlanı – гаремний хлопчик;* при описовому звороті, за допомогою якого відтворюється турецька реалія: *seccade – килимок для моління, kasap – крамничка, завалена мясом, paça – баранячі ніжки, şerefe – балкончики на мінаретах.* Є поодинокі випадки українських формотворчих та словотворчих суфіксів у загальновживаних словах, що свідчить про активний процес освоєння нової реалії в

іншому мовному просторі: *fes – феска (предмет), фесочник (особа), cin – джин (чоловічий рід), джинія (жіночий рід), джиненя (середній рід).*

Вплив української мови помітний і на синтаксичному рівні: порядок слів, притаманний саме українській мові, на відміну від турецької, у якій порядок слів визначає логічний наголос та актуальне членування речення; скорочення складних речень.

Як бачимо, трансформаціїї тексту-оригіналу, що зумовлені впливом мовної особистості перекладача, зокрема загальноукраїнського мовного типу як ядра мовної особистості, виявляються на різних мовних рівнях, а також у прагматичному, емотивному компоненті тексту. Такі заміни пов'язані як з пошуком лексичних відповідників, які мають виразно українське забарвлення, так і з частковими семантичними збігами (родо-видова, видо-родова заміна), з використанням типових українських формо- та словотворчих формантів. Порядок слів, відбір синтаксичних конструкцій, притаманних саме українській мові, створює своєрідну манеру розповіді, що ще більше наближає текст до читача. Завдяки зверненню перекладачів до скарбниці української народної творчості, демонології турецькі художні тексти в українському перекладі цілком органічні в новому лінгвокультурному просторі.

«Аллах»

Література

1. Павленко О. Г. Усвідомлення перекладацьких інтенцій у науковій традиції. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. Філологія.* 2017. Вип. 29 (2). С. 110–113.

2. Іваницька М. Л. Мовна особистість перекладача як чинник впливу на продукт перекладу (на матеріалі роману Б. Лєберта «Крейзі»). *Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики*. 2012. Вип. 21. С. 147–159.

3. Науменко А. М. Складові індивідуального стилю перекладача як чинник, руйнуючий оригінал. *Наукові записки. Сер. Філологічні науки (мовознавство).* Вип. 89 (1). Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. С. 25–31.

4. Кравцова О. А. Мовленнєві прояви особистості перекладача у тексті перекладу. *Новітня філологія.* № 14 (34). Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. С. 143–147.

5. Мазур О. В. Дослідження творчої особистості перекладача у світлі теорії контекстів. *Науковий вісник Волинськ. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. Сер. Філологічні науки.* Вип. 6. Ч. 2. 2011. С. 65–71.

6. Бідна Т. Прояви мовної особистості перекладача при відтворенні тропеїчних засобів. *Науковий вісник Херсонськ. держ. ун-ту. Сер. Лінгвістика.* 2010. Вип. 10. С. 337–342.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 210 с.

8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Москва : Слово / Slovo, 2000. 624 с.

9. Колядич Ю. Мовна особистість перекладача: ґенеза та еволюція. *Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Сер. Філологія (мовознавство)*. 2014. Вип. 20. С. 244–249.

10. Прушковська І. В. До питання перекладу українською мовою п'єс турецького драматурга Тунджера Джюдженоглу. *Нова філологія.* 2012. № 54. С. 99–102.

Статья посвящена изучению трансформаций исходного текста под воздействием общеукраинского типа как ядра языковой личности украинского переводчика. Определены типы трансформаций, обусловленные спецификой украинского языка на основных и промежуточных языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом, фразеологическом, словообразовательном), а также особенностями украинского национального характера (народная стихия, демонология, украинский юмор). Установлены основные факторы, детерминирующие специфические черты языковой личности украинского переводчика турецких художественных текстов.

Ключевые слова: *языковая личность, переводчик, языковая личность переводчика, художественный перевод, стратегия перевода, доместикация.*

The article focuses on the study of transformations of the original text under the influence of the action of the Ukrainian type as the core of the language personality of the Ukrainian translator. The main types of transformations determined by the specifics of the Ukrainian language at the levels of language (semantics, morphology, syntax, pragmatics), as well as features of the Ukrainian national character (folk elements, demonology, Ukrainian humor) are studied. The main factors that determine the specific features of the linguistic personality of the Ukrainian translator of Turkish literary texts are discussed in the article.

Keywords: *language personality, translator, language personality of the translator, literary translation, translation strategy, domestication.*

М. В. БОНДАРЬ, Ц. ЧЖАН

Киевский национальный лингвистический университет

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ КОРОНАВИРУСНОГО НОВОЯЗА

Статтю присвячено вивченню коронавірусної новомови, яка виникла нещодавно під впливом екстралінгвістичних чинників. Її дослідження дозволяє визначити основні тенденції в зміні словникового складу (рух від периферії до центру, актуалізація деяких груп слів, експресивність, термінологізація, детермінологізація тощо), шляхи поповнення його новими лексичними одиницями. У статті виділені основні лексико-тематичні групи слів коронавірусної новомови.

Ключові слова: *мова пандемії, новомова пандемії, вірусна новомова, коронавірусна новомова, новомова карантину.*

В 2019 году человечество столкнулось с глобальной проблемой – коронавирусом. Этот вирус явление не новое. Ученые изучают семейство коронавирусов с середины 1960-х годов, эпидемиологи и инфекционисты вплотную столкнулись с ним в 2002-м, когда один из его штаммов вызвал эпидемию атипичной пневмонии (SARS), а в 2012-м году другой штамм – ближневосточный респираторный синдром (MERS). Коронавирус называется так из-за своего строения: шиповидные отростки напоминают корону. Впервые о коронавирусе мир узнал, когда в китайском Ухане была зафиксирована вспышка заболевания, вызванного вирусом, форма которого напоминает корону (об этом сообщило китайское информагентство «Синьхуа» в январе 2020 года). Вирус получил название COVID-19 (от английского Coronavirus Desease 2019 – коронавирусное заболевание 2019 года), в народе – «ковид» [1; 2]. Резолюции ВОЗ, сводки заболевших, выздоровевших и умерших, выступления министров здравоохранения, обращения лидеров государств к своим народам, блоги известных врачей стали причиной нового явления в языке – актуализации медицинской терминологии в русской речи. Растёт уровень осведомлённости граждан, серьёзность ситуации не оставляет никого равнодушным, и даже скептики вовлечены в эту языковую стихию.

Новизна и актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку мы становимся свидетелями, с одной стороны, как язык молниеносно реагирует на изменения, вызванные влиянием внешних факторов, с другой стороны, как языковая система находит собственные ресурсы для отображения новых явлений, предметов. Уже появились разные термины для обозначения этого нового языкового явления: «язык пандемии», «новояз пандемии», «вирусный новояз», «коронавирусный новояз», «новояз карантина» [1; 2; 3]. Интернет пестрит статьями о новых словах, их значении, особенностях использования. СМИ взяли на себя просветительскую миссию и выполняют функцию фиксации и регламентации нового языкового материала [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. На основе этих публикаций нами была отобрана группа слов, которые в той или иной мере актуализировались или возникли в связи с последними событиями, а именно –

распостранением коронавируса по всему миру. Нами было выделено ядро новояза пандемии (лексика, непосредственно связанная с новым вирусом, правилами и ограничениями в новых условиях) и периферию (жаргонизмы).

В словаре коронавирусного новояза можно выделить следующие лексико-тематические группы:

1) названия вируса (*коронавирус, Ковид / ковид, COVID-19, SARS-CoV-2, РНК-вирус*);

2) названия, имеющие отношения к природе вируса и особенностям его распространения (*патоген, антитела, вирус, возбудитель, штамм, белки-глобулины, патогенность, вирулентность (мера патогенности), контагиозность (заразность), инфекционный агент, организм-хозяин, мутация, пандемия, эпидемия*);

3) названия средств индивидуальной защиты (*антисептик, дезинфектор, санитайзер, дезинфицирующее средство для рук, медицинская маска, защитный щиток, перчатки, нитриловые перчатки, латексные перчатки, защитные очки, очки для защиты от коронавируса, одноразовая медицинская одежда, FFP 1, 2, 3 (респиратор)*);

4) названия профилактических мер (*соблюдение дистанции, безопасная дистанция, социальная дистанция, тесный контакт, регулярное мытье рук, средства индивидуальной защиты, масочный режим, прикрывание рта и носа при чихании/кашле*);

5) названия анализов и процесса сдачи (*ПЦР-анализ (полимеразная цепная реакция*), *ИФА-тест, тест на антитела, тест на иммуноглобулины G и M, тест для быстрого обнаружения, тест на антиген, тест-мазка, тампон-метод, тест-система, скрининг, антигенные тесты, короноваться (сдать тест на Covid-19)*);

6) названия результатов анализов (*ложноположительный / ложноотрицательный результат, положительный / отрицательный тест на коронавирус*);

7) названия статуса людей по наличию или подозрению на наличие коронавируса и специфике его распространения (*контактеры (люди, которые были в контакте с больными Covid-19, но сами не подхватили вирус), ковидник (больной ковидом), контактные, подозрительные, суперспредер (зараженный коронавирусом человек, который с большей вероятностью заражает других по сравнению с типичным инфицированным человеком)*);

8) названия циклов течения болезни (*заражение, инфицирование, инкубационный период, осложнения*);

9) названия симптомов болезни (*лихорадка, кашель, утрата обоняния / вкуса, нарушение дыхания, безсимптомное протекание болезни, респираторные симптомы, тяжелый острый респираторный синдром, повышенная температура тела, диарея, низкая сатурация*);

10) названия осложнений, вызванных ковидом (*пневмония, атипичная пневмония, вирусная пневмония, бактериальная пневмония, тромбоз*);

11) названия специального медицинского оборудования (*аппарат искусственной вентиляции лёгких (ИВЛ), кислородная маска, кислородный баллон, кислородный концентратор, тепловизор (измеритель температуры), бесконтактный термометр / градусник, пульсоксиметр*);

12) названия медицинских манипуляций (*переливание плазмы, интубация*);

13) названия этапов пребывания в больнице, профильных отделений (*госпитализация, выписка, реанимация, отделение интенсивной терапии, бокс для коронавирусных больных, инфекционное отделение, койко-место, красная зона / грязная зона (зона, где размещены пациенты с коронавирусом)*);

14) названия медицинских препаратов и витаминных комплексов для профилактики и лечения (*цинк, витамин Д, витамин С / аскорбиновая кислота, аспирин, антикоагулянты, противовирусные препараты, антибиотики, ремдесивир, сумамед, азитромицин, гидроксихлорохин*);

15) названия, имеющие отношение к статистике заболеваемости (*зафиксированный случай, смертность, летальность, летальные случаи, человек с подозрением на инфекцию, инфицированный, выздоровевший, умерший, статистика коронавируса в стране, эпидемиологическая ситуация, нулевой пациент (первый заразившийся), плато эпидемии (состояние статистики по COVID-19, когда долгое время уровень новых случаев остаётся примерно равным каждый день, а не растет), пик эпидемии, первая / вторая волна*);

16) названия, имеющие отношения к системе здравоохранения (*министр здравоохранения, министерство здравоохранения, государственное медицинское учреждение, главный санитарный врач, эпидемиолог, инфекционист, реаниматолог, скорая помощь, гарячая линия, перепрофилирование больниц*);

17) названия международных организации (*Международный Комитет Красного Креста, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)*);

18) названия государственных мер, которые предпринимаются для борьбы с распространением вируса (*изоляция, самоизоляция, обсервация, карантин, закрытие границ, локдаун, локдаун выходного дня, масочно-перчаточный режим, шведский сценарий (сценарий, при котором страна не вводит карантин, не закрывает школы, границы, а рассчитывает на выработку коллективного иммунитета), зонирование, зелёная / красная / оранжевая зоны, адаптивный карантин, карантин выходного дня*);

19) слова на обозначения особенностей изоляции (*салоизоляция (заедание стресса в условиях изоляции), изоизоляция (группа, где участники своими силами воссоздают шедевры изобразительного искусства, используя подручные средства), карантикулы (каникулы для взрослых)*);

20) названия для передачи специфики работы и совершения покупок в условиях карантина (*удалённая работа, удалёнка, работа он-лайн, конфа (конференция, общий чат на определённую тему), конференц-колл (современный формат видеосвязи), Zoom (платформа для видеоконференций), зум-конференция, бесконтактная доставка, зумер (человек, который проводит много времени в видеоконференциях)*);

21) названия для передачи специфики обучения (*он-лайн обучение, дистант (домашняя форма обучения школьников и студентов под контролем педагога), туториал (подробное и доступное пошаговое объяснение урока или инструкция, которую даёт педагог для выполнения того или иного задания)*);

22) названия для общения и времяпровождения в условиях карантина (*зумиться (общаться в Zoom), зум-вечеринка (заказ всем участникам зум-вечеринки одинаковой еды, соблюдение оговоренного дресс-кода, онлайн-барвиртуальные комнаты, куда организаторы могут приглашать посетителей по ссылке общаться со всеми, кто в этот момент онлайн), карантиндер (свидания в Сети), мукбанг (поедание еды гигантскими порциями в прямом эфире и смешивание несочетаемых вкусов), фудпорн (видео с процессом приготовления пищи на карантине)*);

23) названия разных арт-проектов (*карантинка (смешные картинки с мемами, которые отправляют друг другу, чтобы поддержать и рассмешить)*);

24) названия разных видов информации, связанной с коронавирусом, и действий, которые с ней совершают (*инфодемия (распространение фейковых сведений), коронафейки, думскролинг (зависимость человека от постоянного поиска и чтения негативных новостей о коронавирусе)*);

25) названия, отображающие специфику отношения к болезни *(карантин-шейминг (резкая реакция окружающих на несоблюдение ограничений), ковидиот (человек, который неадекватно реагирует на эпидемию коронавируса: слишком беспокоится или, наоборот, игнорирует опасность эпидемии), ковид-диссиденты (последователи теории всемирного заговора), шашлычник, ковигисты, коронапофигисты, коронаскептики, сидидомцы (люди,*

выступающие за «жёсткий карантин»), погулянцы (люди, выступающие за «мягкий карантин»), коронойя (панический страх заболеть));

26) названия напитков (*карантини (алкогольные напитки, которые употребляются во время вечеринок по видеосвязи: производное от двух слов: «карантин» и «мартини»)*);

27) названия нового поколения людей (*корониалы (подростки, заставшие пандемию на этапе своего взросления), корниалы, ковид-бумеры (дети, зачатые в 2020-м году во время пандемии)*);

28) название людей по виду деятельности и месту пребывания во время пандемии (*карантье (предприимчивые хозяева собак, которые за деньги сдают питомцев на время прогулок), застрянцы (люди, уехавшие на заработки за границу, которые из-за карантина не могут вовремя вернуться домой)*);

29) названия закрытых и открытых пространств (*ковидник (небольшие тесные и грязные магазины, отделение больницы для зараженных коронавирусом), наружа (внешний мир за прелами дома)*);

30) названия элементов одежды или комплектов (*трикини (комплект из раздельного купальника и аналогичной по цвету маски для обитателей калифорнийского побережья и других курортных мест)*);

31) названия предметов, до которых дотрагивался заболевший (*фомит*);

32) названия видов мошенничества, связанных с ковидом (зумбомбинг (*несанкционированное подключение злоумышленника к видеоконференции с демонстрацией шокирующего контента)*);

33) социальные явления, вызванные ковидом (*ковидиворс (волна разводов после карантина), ковидарность (солидарность в условиях пандемии), коронафобия (патологический страх заразиться коронавирусом)*).

Учёный Е. Кара-Мурза обращает внимание на карнавальный характер многих слов: ироничный подтекст в них говорит о том, что люди отреагировали на ограничения из-за коронавируса как минимум с юмором, а то и с циничным сарказмом, что отразилось в языке [19].

Как видим, коронавирус актуализировал огромный шар лексики, который был на периферии в силу разных причин (специальная медицинская терминология, отсутствие интереса к теме здравоохранения), в связи с чем лексико-тематические группы очень отличаются друг от друга. Большинство из этих слов переместилось от периферии к центру. Много лексем возникло в следствии языкового творчества носителей языка, или благодаря СМИ, или же путём заимствования английских слов. Некоторые слова имеют яркую эмоциональною окраску за счёт специфических формантов или структурных компонентов сложных слов (-бесие, -идиот, сало-).

Исследование специфики новояза пандемии имеет большие перспективы, поскольку позволяет фиксировать факты пополнения словарного состава, что необходимо для последующей унификации новых слов (произношение, написание, особенности употребления), которые закрепятся в языке. Кроме того, изучение специфики новых лексических единиц даёт возможность проанализировать внутренние ресурсы языковой системы, направленные на заполнение образовавшихся лакун.

Литература

1. Гуляева С. Новояз карантина: слова и понятия, которые вошли в нашу жизнь, когда мы из нее временно вышли. *TimeOut*. URL: https://www.timeout.ru/spb/feature/496175

2. Стёпочкин Е. Вирусный «новояз». Как пандемия отразилась на нашей речи. URL: https://talkon.ru/materials/oshibkinet/Oshibkinet_Virusnyy_novoyaz_Kak_pandemiya_otrazilas_na_nashey_rechi/

3. Восемь слов коронавирусного новояза: чем пандемия обогатила русский язык? *Регион 29*. URL: https://region29.ru/2020/05/17/5ebf9550764de909e82fb592.html

4. 11 актуальных слов про жизнь в эпоху коронавируса, в которых мы ошибаемся. *МЕЛ. Грамотность на «Меле»*. URL: https://mel.fm/gramotnost/3506849-pandemic_words

5. Воронцова Т. Короналексика: томский эксперт о том, как COVID-19 меняет наш язык. *Riatomsk.ru.* URL: https://www.riatomsk.ru/article/20200525/koronaleksika-chto-sdelal-covid-19-s-nashim-yazikom/

6. Герасюкова М. Ковидиот, карантини, зумбомбинг: какие неологизмы принес коронавирус. *Газета.ru.* URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/20/13055605/coronawords.shtml

7. Иванов А. От самоизоляции до карантин-шейминга: коронавирус обогатил русский язык новыми словами. *Versia.ru.* №42 от 03.11.2020. URL: https://versia.ru/ot-samoizolyacii-do-karantin-shejminga-koronavirus-obogatil-russkij-yazyk-novymi-slovami

8. Коленцова О. Пандемия коронавируса отобразится в истории развития этимологии. *Известия.* URL: https://iz.ru/1027932/olga-kolentcova/bolnoi-iazyk-kak-covid-19-obogatit-slovarnyi-zapas

9. Коронавирусный словарь или как не перепутать самоизоляцию с карантином. *Восток Медиа.* URL: https://vostokmedia.com/cards/21-04-2020/koronavirusnyy-slovar-ili-kak-ne-pereputat-samoizolyatsiyu-s-karantinom

10. Левченко Л. COVID или КОВИД: словарь, который подарила нам пандемия. *Гид The Village.* URL: https://spbdnevnik.ru/news/2020-10-21/covid-ili-kovid-slovar-kotoryy-podarila-nam-pandemiya

11. Ненко И. Азбука карантина: смотрите, чем пополнился наш словарь из-за коронавируса. *74.ru.* URL: https://74.ru/text/world/69272053/

12. Пальвелева Л. Лексика пандемии. Как вирус заражает русский язык. *LRTновости.* URL: https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1160639/leksika-pandemii-kak-virus-zarazhaet-russkii-iazyk

13. Пандемия COVID-19 и её влияние на развитие современной этимологии. URL: http://cgon.rospotrebnadzor.ru/content/63/4347/

14. Пахомов Л. Словарь коронавируса. Леонид Пахомов — о лингвистической стороне пандемии. *Звезда.* URL: http://zvzda.ru/columns/cdfce97f79f1

15. Плиева А. Дистант, застрянцы и ковидиоты: какими словами пополнился наш лексикон. *Vesti.ua.* URL: https://vesti.ua/poleznoe/semja/distant-zastryantsy-i-kovidioty-kakimi-slovami-popolnilsya-nash-leksikon

16. Сидидомцы и погулянцы: Словарь эпохи коронавируса. Как изменился наш язык из-за пандемии. URL: https://www.the-village.ru/city/city-guide/380605-slovar-koronavirus a

17. Словарь терминов, которые нужно знать во время пандемии COVID-19. *Крым. Реалии.* URL: https://ru.krymr.com/a/slovar-terminov-kotorie-nuzno-znat-vo-vremya-pandemii-covid-19/30594409.html

18. Шмелева Е. Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию. *Журнал «Коммерсантъ Наука». №10 от 21.04.2020.* С. 44. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4323125

19. Филологи рассказали о русском новоязе, возникшем из-за пандемии. *Новые известия.* URL: https://newizv.ru/news/society/30-07-2020/filologi-rasskazali-o-novyh-slovah-russkogo-yazyka-voznikshih-iz-za-pandemii

Статья посвящена изучению новояза пандемии, который возник сравнительно недавно под влиянием экстралингвистических факторов. Его исследование позволяет определить основные тенденции в изменении словарного состава (движение от периферии к центру, актуализация некоторых групп слов, экспрессивность, терминологизация, детерминологизация и др.), пути пополнения его новыми лексическими единицами. В статье выделены основные лексико-тематические группы слов коронавирусного новояза.

Ключевые слова: *язык пандемии, новояз пандемии, вирусный новояз, коронавирусный новояз, новояз карантина.*

This article studies the pandemic newspeak, which has appeared relatively recently due to extralinguistic factors. This analysis enables the author to determine the main trends in the change in vocabulary (movement from the periphery to the center, actualization of some groups, expressiveness, terminology, determinologization, etc.), ways of replenishing it with new lexical units. The article highlights the main lexico-thematic groups of words in coronavirus newspeak.

Keywords: *pandemic language, pandemic newspeak, virus newspeak, coronavirus newspeak, quarantine newspeak.*

В. Ф. ВЕЛІВЧЕНКО
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ЕТНОКУЛЬТУРНИЙ АСПЕТ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ

У статті надається стислий опис поняття мовної особистості та пояснюється її етнокультурний аспект як обов'язковий. Обґрунтовується положення про те, що особливості мовленнєвої поведінки мовної особисості, зумовлені діяльністю її мовної свідомості, яка укорінена на конкретній мовній картині світу і підпадає під дію низки константних і змінних чинників, завжди виявляються в етноспецифічному характері мовленнєвої діяльності.

Ключові слова: *мовленнєва діяльність, мовленнєва поведінка, мовна свідомість, мовна картина світу, мовна особистість, етнокультурна специфіка.*

Мовленнєва поведінка людини, як певний стиль її спілкування з іншими людьми, не лише індивідуальна, а й ідентифікаційна: будучи відмінною від мовленнєвої поведінки інших людей, вона уможливлює впізнання кожного завдяки саме мовленню. Наявність індивідуальних стилів спілкування означає існування різних мовних особистостей – людей, які в силу своїх індивідуальних характеристик і здатностей, по-різному породжують і сприймають вербальні тексти, варійовані як за лінгвістичною (фонетичною, лексичною і граматичною) складністю, так і за повнотою, глибиною і логічністю відображення дійсності.

Між тим, у комунікативному процесі індивідуальне завжди зумовлюється і супроводжується колективним (соціальним). Тому, попри те, що кожний носій певної мови є унікальним і неповторним, за однакових комунікативних умов усі носії цієї мови зазвичай поводяться однаково, демонструючи особливості групової (соціумної) мовленнєвої поведінки. Як обґрунтовував І. О. Бодуен де Куртене, носій мови – це осередок соціально-мовних форм і норм колективу, фокус схрещення і поєднання різних соціально-мовних категорій відображення норм мовної свідомості [див. 1, с. 61]. Тобто, кожний носій мови неначе фіксує в собі риси «колективної мовної особистості», і це «колективне» є не лише загальнолюдським, а й етноспецифічним, що слугує основою національної ідентичності людини.

Задля виявлення універсальних законів мовленнєвої діяльності людини при породженні і сприйманні вербального тексту поняття мовної особистості отримало статус наукової абстракції, моделі, що уможливило значно поглибити його аналіз. Як результат, були вирізненні різнорідні структурні компоненти мовної особистості [2, с. 37]: когнітивний, емоційний і мотиваційний, а також була обґрунтована наявність у мовної особистості соціокультурного аспекту як обов'язкового. Так поняття мовної особистості надало доступ до пізнання феноменальності самої людини, розвиток якої поза межами мовної особистості є неможливим.

Наразі ***поняття мовної особистості*** розуміють як узагальнений образ носія культурно-мовних цінностей, цільових настанов, знань і поведінкових реакцій, які визначають типологічні особливості і стилі спілкування.

Своєрідність комунікативних виявлень мовної особистості зумовлюється й визначається діяльністю її мовної свідомості, яка, за Л. С. Виготським, є окремим випадком соціального досвіду людини [3]. Саме мовна свідомість мовної особистості зумовлює особливості її мовленнєвої поведінки, залежні і від константних (етнокультурних, соціо-статусних, вікових, гендерних, світоглядних тощо), і від змінюваних характеристик (психоемоційного стану, ставлення до співрозмовника, теми розмови тощо), притаманних будь-якій комунікативній ситуації. Усвідомленість й інтенційність мовленнєвої поведінки мовної особистості надає смисл і наповнює значенням об'єкти її фізичного і соціального середовища: ці значення стають семіотичним кодом, який завжди має історичну і культурну

специфічність. Тому будь-який носій мови як мовна особистість не просто послуговується мовою як сукупністю лінгвістичних правил комбінування мовних одиниць, а через ці мовні одиниці завжди об'єктивує певну етнокультурну специфіку.

За В. І. Карасиком, мовна особистість – це базовий національно-культурний прототип носія конкретної мови, закріплений переважно у лексиці [4], адже саме в словах віддзеркалені ціннісні пріоритети, світоглядні настанови і поведінкові реакції мовної особистості. Тож мова є не лише основним засобом спілкування, вона втілює основний етнокультурний архетип (за Ю. М. Лотманом) – скарбницю неповторного досвіду певного етносу, вираженого у величезній кількості асоціативних векторів [5]. Етноспецифічність таких векторів зумовлена генетичним корінням етносу та індивідуальними національними умовами його соціалізації. Саме через мову і в мові мовна особистість відчуває свою належність до певної національної спільноти, її культури й естетики світобачення і світосприйняття. Тому не існує мовної особистості взагалі, у відсторонені від національної специфіки її мови. Це глибоко національне явище, яке завжди належить до певного мовно-культурного середовища. Тому мовна особистість, яка завжди й обов'язково виявляється у мовленнєвій поведінці, є умовою і продуктом конкретної етнокультури. З іншого боку, етнокультура, до якої належить людина, завжди впливає на її мовленнєву поведінку. Зазначимо, що поняття мовленнєвої поведінки охоплює не лише цілеспрямовані, а й мимовільні комунікативні дії та реакції людини. Тобто, поняття мовленнєвої поведінки є ширшим, ніж поняття мовленнєвої діяльності.

Етнокультура, до якої належить людина, завжди впливає на формування її мовної свідомості. З огляду на те, що поняття свідомості і мовної свідомості не є тотожніми, зупинимося на них більш докладно.

Свідомість є вищою, притаманною лише людині, формою відображення дійсності, зумовленою суспільним життям і соціальними відносинами людей та усвідомлюваною людиною завдяки мовним значенням. Натомість ***мовна свідомість***, яка завжди має суто мовну природу, виявляє себе лише в мові, а її одиницею є значення, яке відображає думку. Тобто, і мовна свідомість, і свідомість як така *a priori* є мовними, проте поняття мовної свідомості фокусує на суспільно-індивідуальній формі відображення дійсності, аналіз якої потребує з'ясування особливостей функціонування конкретної мови.

З огляду на те, що кожна мовна особистість представляє певну етнокультуру, вона завжди буде відрізнятися від мовної особистості, належної до іншої етнокультури. Це зумовлено тим, що буттєво-емпіричний, культурний і історичний досвід мовної особистості віддзеркалюється саме у мові (мовних одиницях), що й надає етноспецифічності і мові, і мовній картині світу у представників різних етноспільнот.

Оскільки мовна картина світу людини є обов'язковим складником її загальної картини світу як цілісного образу її предметного світу та корелює з концептуальною картиною світу цієї людини, зупинимося на цих поняттях докладніше.

Картина світу людини – це глобальний образ, на основі якого людина сприймає і розуміє навколишній світ; це результат усієї духовної активності людини, сформованої у процесі її контактів з навколишнім середовищем. ***Концептуальна картина світу людини*** – це ментальна реальність, результат психічного відображення й узагальнення дійсності; це глобальний динамічний образ світу як сума найзагальніших, національно і культурно специфічних уявлень людини про навколишній світ. ***Мовна картина світу людини*** – це національно своєрідна сукупність її знань про навколишній світ, зафіксована у специфіці організації лексики і граматики конкретної мови. Таким чином, концептуальна картина світу людини, яка конкретизує і специфікує картину світу людини, є набагато більшою й складнішою, ніж мовна картина світу людини, адже зміст концептуальної картини світу може виражатися не лише вербально, а й невербально. Тому концептуальна і мовна картини світу людини

пов'язані між собою як первинне і вторинне, як вербальне вираження ментального поняття і засіб доступу до його змісту. Вербалізуючи не всі елементи концептуальної картини світу, вербальна картина світу є лише фрагментарним її представленням, адже мова бідніша, ніж мислення.

Мовна картина світу є обов'язковим компонентом мовної особистості, мовна свідомість якої, як уже зазначалось вище, завжди має конкретну етнокультурну своєрідність.

Для ілюстрації розбіжності у мовній картини світу носіїв різних мов (у нашому випадку, української і російської мови) наведемо декілька прикладів загальновживаної побутової лексики: порівнювані слова унаочнюють різний буттєво-емпіричний, культурний та історичний досвід українців і росіян, зафіксований у внутрішній формі слова:

українське слово	російське слово
свято (від *святий*)	*праздник* (від *праздный*)
весілля (від *веселий*)	*свадьба* (від *сватанье* (свататься не значит жениться))

Етнокультурні відмінності мовної особистості яскраво представлені і в асоціативних зв'язках носіїв різних мов, адже асоціації завжди віддзеркалюють зумовлені історичними й буттєво-емпіричними розбіжностями психологічні риси конкретного етносу.

Так слово-стимул *білий* найчастіше асоціюється зі словом *сніг* у носіїв української/російської/білоруської мови, зі словом *хлопок* у носіїв узбецької мови і зі словом *молоко* у носіїв казахської мови, віддзеркалюючи ті реалії національної культури і повсякденного побуту, які й зумовлюють розбіжність мовної картини світу і відповідну їй етнокультурну специфіку мовної особистості як носія конкретної мови.

Особливо яскраво етнокультурні відмінності мовної особистості виявляються у зоонімах – мовно-знакових фіксаторах метафоричного перенесення назви тварини на людину, що завжди віддзеркалює зафіксоване у слові етноспецифічне сприйняття тварин, зокрема аксіональність ставлення до них.

Так, носії української мови для привітного звертання до дівчини або жінки вживають такі слова, як голубонька, золотко, сонечко, а нетямущу або неуважну людину називають вороною. Такі самі зооніми вживають і носіями російської і білоруської мови, які мають схожі асоціації, обумовлені схожістю буттєво-емпіричного і культурно-історичного досвіду, що зазвичай притаманне етносам, територіально близьким один до одного. Натомість представники відмінних етнокультур користуються зовсім іншими словами, які віддзеркалюють їхні кардинально інші асоціації. Тому носії англійської мови, для прикладу, ніколи не вживають відповідники українським словам, тобто **dove/pigeon, *small piece of gold* чи **little sun* як ласкаве звертання до дівчини або жінки (де * позначає некоректне вживання).

Деякі компліменти, адресовані жінкам, мають таку ступінь етноспецифічності, що зазвичай неприємно вражають представників іншої етнокультури. В Індії, наприклад, компліментують жінці тим, що порівнюють її з коровою, а її ходу – з ходою слона; дуже приємний комплімент для жінки в Японії – це порівняння її зі змією; нормативний комплімент для татарки або башкирки – це порівняння і п'явкою, яка для них уособлює досконалість форми й руху; звернене до жінки *«Гусиня!»* є ласкавим компліментом для жінки у Єгипті.

Значні відмінності у мовленнєвій поведінці мовних особистостей як представників різних етноспільнот є типовими і у використанні невербальних компонентів комунікації, зокрема кінесичних (жести, міміка) і проксемічних.

Отже, мовна особистість є багатоаспектним явищем, а неповторність кожної мовної особистості визначається унікальною комбінацією її соціопсихологічних та етнокультурних характеристик. Опис цих характеристик потребує встановлення як критеріїв класифікації мовної особистості, так і вирізнення типів і різновидів її мовленнєвої поведінки.

Література

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М. : Наука, 1980. 360 с.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Издатель ЛКИ. 2010. 264 с.

3. Выготский Л. С. Мышление и речь. URL: https://iknigi.net/avtor-lev-vygotskiy-vygodskiy/127487-myshlenie-i-rech-lev-vygotskiy-vygodskiy/read/page-12.html

4. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. URL: https://studfile.net/preview/1806336/page:3/

5. Лотман Ю. М. Семиосфера. URL: https://edu.vsu.ru/pluginfile.php?file=% 2F193961%2Fmod_resource %2Fcontent%2F1%2F%D0%9B%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B0%D0%BD%20%D0%AE.%D0%9C.%20 %D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%-B2%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2.pdf

В статье представлено краткое описание понятия языковой личности, а также объясняется ее этнокультурный аспект как обязательный. Обосновывается положение о том, что особенности речевого поведения языковой личности, обусловленные деятельностью ее языкового сознания, базирующегося на конкретной языковой картине мира и подпадающего под действие ряда константных и переменных факторов, всегда проявляется в этно-специфическом характере речевой деятельности.

Ключевые слова: *речевая деятельность, речевое поведение, языковое сознание, языковая картина мира, языковая личность, этнокультурная специфика.*

The article provides a brief description of the concept of linguistic personality and explains its ethno cultural aspect as mandatory. It argues that the peculiarities of speech behavior of a linguistic personality, determined by the activity of its linguistic consciousness entrenched in a definite linguistic picture of the world and affected by a number of constant and variable factors, are always manifested in ethno specific character of speech activity.

Keywords: *speech activity, speech behavior, language consciousness, language picture of the world, language personality, ethno cultural specificity.*

В. В. ГАНЄЧКО

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ТЕРМІНОЛОГІЧНА ЛЕКСИКА ЗА ЧАСІВ COVID-19: НОМІНАТИВНИЙ АСПЕКТ

У статті розглядаються термінологічні лексичні засоби, що актуалізувалися в українській, англійській та німецькій мовах під час виникнення та розповсюдження нової коронавірусної інфекції. Слова й вирази, що асоціюються з пандемією, можна поділити на три семантичні групи: назви захворювання та вірусу, найменування захисних засобів та видів безпечної поведінки задля уникнення інфікування, позначення нових форм життєдіяльності в умовах обмеженого пересування. Автор більш детально зупиняється на назві вірусу та хвороби і зазначає, що у досліджуваних мовах окрім офіційного англомовного терміну COVID-19 широко використовуються описові конструкції та скорочені назви захворювання.

Ключові слова: *коронавірус, COVID-19, номінація, акронім, абревіатура, запозичення, термін.*

Мова завжди зазнає впливів з боку предметів і явищ навколишньої дійсності, що повсякчас з'являються і потребують найменування, тобто опису мовними засобами. Спосіб називання покликаний перш за все забезпечити успішну реалізацію мисленнєво-комунікативних потреб та намірів представника кожної етнічної спільноти [1].

Нова коронавірусна інфекція, що вперше була зафіксована в кінці 2019 р., стала справжнім випробуванням для всього світу і змінила звичний устрійжиття. На 17 жовтня 2020 р. у 189 країнах світу офіційно було зареєстровано більше 39 млн. хворих на COVID-19, але ВООЗ повідомляло, що кількість інфікованих насправді може нараховувати близько

800 млн. Минуло декілька місяців з моменту виявлення перших випадків захворювання доки вченим вдалося з'ясувати природу вірусу, атрибутувати його та найменувати.

Пандемія, спричинена коронавірусною хворобою, вплинула не тільки на життя народів усього світу, але й на їхні мови. До активного вокабуляру мовців увійшли такі актуалізовані слова та вирази, як укр. *маска, карантин, пандемія, соціальна дистанція, протиепідемічні заходи* тощо. "Коронавірусну" термінологію умовно можна поділити на декілька семантичних груп:

1) назви хвороби та вірусу (*коронавірус, COVID-19* та ін.);

2) найменування захисних засобів та способів уникнення інфікування (напр., *захисна маска, дезінфікуючий засіб, санітайзер, захисні рукавички, соціальна/безпечна дистанція* тощо);

3) позначення нових форм життєдіяльності в умовах пандемії (*карантин, дистанційне навчання, дистанційний режим роботи, локдаун, самоізоляція* та ін.).

Цікаво, що англійським словом 2020 року експерти словнику Collins визнали *lockdown,* що походить від тюремної лексики і використання якого збільшилося з чотирьох тисяч у 2019 р. до чверті мільйона [2]. Окрім локдауну до топ-10 увійшли й інші слова та словосполучення, що мають відношення до пандемії коронавірусної інфекції, а саме *coronavirus, key worker* (укр. ключовий робітник, яким називають медсестер, лікарів та співробітників інших критично важливих служб)*, self isolate* (укр. самоізоляція)*, social distancing* (укр. соціальне дистанціювання) та *furlaugh* (укр. безстрокова відпустка).

Отже, вірус і хвороба, що була вперше виявлена у м. Ухань (КНР), в офіційних англомовних джерелах спочатку отримала назву *coronavirus* (укр. коронавірус) або *Wuhan coronavirus* (укр. уханський коронавірус). Іноді вона називалася *Wuhan pneumonia* (укр. уханська пневмонія). Відомо, що хвороби часто найменувалися відповідно до місця свого розповсюдження, тобто у назві були зафіксовані географічні ознаки виникнення та/або поширення захворювання, наприклад, іспанський грип, вірус Зіка (походить від однойменного лісу в Уганді) або Ебола (названий на ім'я річки у Демократичній республіці Конго). У січні 2020 р. Всесвітня організація охорони здоров'я рекомендувала використовувати терміни *2019-nCov* та *2019-nCoV acute respiratory disease* (укр. гостра респіраторна хвороба 2019-nCov) на позначення відповідно вірусу та хвороби замість згадування географічних локацій, видів тварин чи людей задля дотримання антидискримінаційних норм. Хоча Президент США Дональд Трамп у своїх офіційних промовах, інтерв'ю і дописах у соціальних мережах практикував використання назв *Chinese virus* або *China virus* (укр. китайський вірус), *China plague* (укр. китайська чума) та інших, що викликало занепокоєння з боку державних органів влади КНР, адже мало ознаки стигматизації та расизму.

У лютому 2020 р. ВООЗ запровадила офіційні назви *COVID-19* та *SARS-CoV-2* на позначення відповідно хвороби та вірусу, що її викликає. Абревіатура *COVID-19* походить з англійської мови і має комбіновану структуру з восьми елементів, серед яких початкові частини і літери слів, дефіс та цифри. Так, складові акроніму мають наступне значення: *CO – corona* (укр. корона), *VI – virus* (укр. вірус), *D – disease* (укр. захворювання), а число 19 вказує на рік, коли відбувся спалах захворювання, тобто 2019. Скорочення *SARS-CoV-2* на позначення вірусу розшифровується як "severe acute respiratory syndrome coronavirus 2" (укр. тяжкий гострий респіраторний синдром коронавірус 2). Цифра 2 вказує на те, що це похідний вірус від вірусу *SARS*, що вперше був зареєстрований у 2003 р. Отже, офіційне позначення хвороби *COVID-19* стало найбільш вживаним, зокрема в українській, англійській та німецькій мовах: укр. Міністр охорони здоров'я Максим Степанов відвідав Олександрівську клінічну лікарню м. Києва, яка є одним із опорних медичних закладів столиці для лікування хворих на ***COVID-19*** (1)*;* англ. *Public Health Recommendations for people in U.S. communities exposed to a person with known or suspected* ***COVID-19****, other than*

health workers or other critical infrastructure workers (2)*;* нім. *Anfang des Jahres leitete die WHO den SPRP für den Kampf gegen* ***COVID-19*** *in die Wege* (3). Як бачимо, в українській та німецькій мовах використовується англомовне позначення хвороби із збереженим написанням латиницею. Хоча таке захворювання, як ВІЛ/СНІД, що за свою формою також є абревіатурним найменуванням, закріпилося в українській мові не в іншомовному написанні. Існування й вивчення цієї хвороби триває протягом кількох десятиріч, що стало достатнім періодом для укорінення україномовної номінації.

На сьогодні поруч із терміном *COVID-19* в офіційних україномовних, англомовних та німецькомовних електронних джерелах використовуються також інші позначення хвороби, що спричинила пандемію. Так, на Інтернет сторінці МОЗ України фіксуємо назви коронавірусна інфекція 2019-nCoV, гостра респіраторна хвороба COVID-19, коронавірусна хвороба/інфекція, коронавірус 2019-nCoV (1) та ін. Як бачимо, в українській мові на позначення вірусної хвороби широко використовуються описові конструкції, у складі яких часто функціонують англомовні абревіатури. Напр., Оперативна інформація про поширення коронавірусної інфекції 2019-nCoV*; За даними Центру громадського здоров'я, станом на 17 жовтня Україні зафіксовано 6 410 нових випадків* коронавірусної хвороби COVID-19 ; Про випадки відмови від проведення дослідження на коронавірусну інфекцію*, за наявності* симптомів та підпадання під визначення випадку, просимо повідомляти на визначену гарячу лінію вашої області (1). Цікаво, що офіційні україномовні засоби масової інформації часто на позначення коронавірусної хвороби використовують англомовну абревіатуру *2019-nCoV,* що відповідає словосполученню *novel coronavirus* (укр. новий коронавірус), яким прийнято називати нові коронавірусні хвороби до впровадження офіційної назви. Найчастіше ж в українській хвороба номінується запозиченим акронімом з англійської із відповідним графічним оформленням латиницею: Нагадаємо, в Україні для лікування хворих на ***COVID-19*** виділено 34 154 ліжка, з яких уже зайнято 61% (1).

На офіційному сайті департаменту охорони здоров'я і соціальних служб США також зустрічаємо описові конструкції, що позначають коронавірусну хворобу, зокрема *coronavirus disease 2019 (COVID-19)* або *novel coronavirus 2019 (COVID-19)*: *Limiting close face-to-face contact with others is the best way to reduce the spread of* ***coronavirus disease 2019 (COVID-19)****; The 2019* ***novel coronavirus*** *(2019-nCoV) is a new virus that causes respiratory illness in people and can spread from person-to-person* (2). У німецькій фіксуємо відповідно *Coronavirus-Krankheit (COVID-19),* а в українській — кронавірусна хвороба *(COVID-19):* нім. *Das WHO-Regionalbüro für Europa veröffentlichte heute vorläufige Empfehlungen zum Umgang mit der* ***Coronavirus-Krankheit (COVID-19)*** *in Haftanstalten und anderen Einrichtungen des Strafvollzugs unter dem Titel <...>* (3); укр. Виявлення нових випадків коронавірусної хвороби ***(COVID-19)****,* реєстрація та моніторинг випадків інфікування та захворювання*,* епідеміологічний нагляд за контактними особами є надзвичайно важливими (1). Але здебільшого в англійській використовуються скорочені назви: офіційна *COVID-19* та *coronavirus*: *Flu and* ***COVID-19*** *share many characteristics, but there are some key differences between the two ; A novel coronavirus is a new* ***coronavirus*** *that has not been previously identified* (2). В українській мові також знаходимо приклади вживання терміну коронавірус: Неможливо заразитися новим коронавірусом через посилку (1). Отже, найменування коронавірус застосовується як на позначення хвороби, так і вірусу, що її викликає.

Німецькомовний сайт ВООЗ здебільшого використовує звичне *COVID-19: WHO verstärkt Bemühungen im Kampf gegen* ***COVID-19*** *in der Türkei: Verteilung von Millionen von Schutzartikeln* (3). Цікаво, що в німецькомовних джерелах для позначення хвороби широко вживається скорочена назва *Corona,* яка походить від *Coronavirus* або *Corona-Virus* (написання разом або через дефіс вказує на відсутність унормованої форми): *Der Gesundheitszustand des an* ***Corona*** *erkrankten Saeb Erekat hat sich weiter verschlechtert* (3).

У розмовній англійській, українській та німецькій мовах також використовуються слова англ. *covid, нім. Covid* та транслітероване укр. ковід. Пор.: англ. *The AAMC is leading the academic medicine community in proposing a national* ***covid*** *policy* (2); нім. *Mehr als die Hälfte glaubt, Maßnahmen schaden mehr als* ***Covid*** *selbst* (3); укр. Кому найбільше загрожує тривалий ковід (1). Використання скорочених термінів – закономірний процес, що відповідає закону економії мовних засобів, особливо в період інформаційного сплеску [3, с.37], яким і стала пандемія COVID-19.

Справжнім символом 2020 р. стала захисна маска, яка перетворилася на обов'язковий аксесуар не залежно від статі, віку, рівня життя, виду діяльності, політичних чи релігійних переконань. Медична, текстильна, у вигляді респіратора вона стала видимою ознакою хвороби, що зазнала глобального розповсюдження. І якщо раніше про маски згадували під час новорічних свят чи костюмованих заходів, то зараз на запит "маска" у полі пошуку онлайн-служба Гугл видає результат кількістю близько 200 млн. Так, в українській мові маска, що використовується для захисту від коронавірусної інфекції, конкретизується атрибутами захисна, медична, багаторазова, марлева тощо. У німецькій поруч зі словом *Mask* широко використовуються композити *Schutzmask* (укр. захисна маска) та *Behelfs-Mund-Nasen-Schutz* (укр. допоміжний захист для роту і носу) на позначення несертифікованого немедичного виробу. Абревіатура *FFP-Mask* вказує на маску, що здійснює фільтрацію повітря і має використовуватися медичним персоналом у лікарнях та при взаємодії із хворими на коронавірусну інфекцію. В англійській на позначення захисного засобу для багаторазового особистого застосування вживається лексема *mask* або словосполучення *face mask*, а також *surgical mask, medical mask* та *#95 respirator*, що обов'язково мають використовувати медичні працівники. Отже, буквально весь світ вдягнув на себе маску задля захисту від хвороби, що захопила кожен континент планети. З іншого боку, в багатьох країнах збільшується кількість людей, які втомилися від запроваджених владою обмежень і правил, зокрема стосовно обов'язкового носіння маски в громадських місцях. Час від часу відбуваються поодинокі протести "антимасочників" (англ. *antimaskers*), а також багаточисленні марші й маніфестації не тільки в таких європейських містах, як Берлін, Париж, Лондон, Мадрид, а й у Канаді та США.

Отже, проведений аналіз демонструє, що мова активно реагує на процеси, пов'язані з виникненням і глобальним розповсюдженням захворювання на коронавірусну інфекцію. У межах лексичного складу української, англійської та німецької мов актуалізувалися відповідні термінологічні позначення хвороби і вірусу, захисних засобів та способів уникнення захворювання, нових режимів роботи та повсякденного життя за часів протиепідемічних обмежень. Так, для позначення коронавірусної інфекції використовується, з одного боку, офіційно запроваджена англомовна абревіатура *COVID-19,* що функціонує в німецькій та українській мовах як варваризм із збереженим іншомовним написанням, а з іншого — описові конструкції, зокрема в українській та англійській, до складу яких може входити акронім. Окрему групу складають скорочені мовні позначення, що мають відповідні форми в українській, англійській та німецькій мовах.

Література

1. Миголинець, О. І. Номінативний аспект аналізу мовних одиниць. Сучасні дослідження з іноземної філології. 2011. № 9. С. 338–345.

2. Word of the Year 2020. URL : https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/the-year-of-lockdown/

3. Томіленко Л. М. Термінологічна лексика в сучасній тлумачній лексикографії української літературної мови: [монографія] Івано-Франківськ: Фоліант, 2015. 160 с.

Список використаних джерел

1. Міністерство охорони здоров'я України URL : https://moz.gov.ua/koronavirus-2019-ncov
2. U.S. Department of Health and Human Services URL : https://www.hhs.gov/
3. Weltgesundheitsorganisation URL : https://www.euro.who.int/de/home

В статье рассматриваются терминологические языковые средства, которые актуализировались в украинском, английском и немецком языках во время возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции. Слова и выражения, которые ассоциируются с пандемией, могут быть поделены на три группы: названия заболевания и вируса, наименования защитных средств и видов безопасного поведения для предотвращения инфицирования, обозначения новых форм жизнедеятельности в условиях ограниченного передвижения. Автор более детально анализирует названия вируса и болезни и отмечает, что в исследуемых языках кроме официального англоязычного термина COVID-19 широко используются описательные конструкции и сокращенные названия болезни.

Ключевые слова: *коронавирус, COVID-19, номинация, акроним, аббревиатура, заимствование, термин.*

The article provides the terminological lexical notions which are actualized in the Ukrainian, English and German languages under the influence of emergence and spread of the new coronavirus infection. The words and phrases associated with the pandemic are classified into three groups: the names of illness and virus, protective means and safe behavior, new ways of life in the circumstances of restricted movement. The author gives detailed analysis of the name of the virus and the illness and remarks that not only COVID-19 is used for the official name, but descriptive constructions and short denotations of the disease are widely spread.

Keywords: *coronavirus, COVID-19, nomination, acronym, abbreviation, borrowing, term.*

Д. А. ГЕБРЕ
Міжрегіональна академія управління персоналом
Т. Г. КОРДУН
Київський національний лінгвістичний університет

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ ЯК НОСІЙ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТОРУ

Стаття висвітлює поняття мовної картини світу та мовної особистості. Картина світу являє собою національно своєрідну сукупність знань та уявлень про навколишній світ носіїв конкретного національно-культурного середовища. Мовну особистість розглянуто як багатовимірне утворення, що в сукупності пізнавальних, емоційних та мотиваційних ресурсів є потужним провідником національної культури свого народу.

Ключові слова: *мовна картина світу, мовна особистість, національно-культурний простір.*

У свідомості людини об'єктивний світ відображається не дзеркально, а видозмінено. Цей відтворений у мові вторинний образ становить мовну картину світу – ментальне відображення реальності фізичного світу як результат узагальнення дійсності [1, с. 99].

Роздуми про те, що слід розуміти під висловом «мовна картина світу» можна знайти у Вайсгербера, Гумбольдта, Косеріу, Марті, Уорфа, Тріра, Дорнзайфа та багатьох інших світових лінгвістів. Відомим є афоризм Вільгельма фон Гумбольдта: «Мови – це ієрогліфи, в які людина вкладає світ і свою уяву».

Загальне тлумачення поняття «мовна картина світу» було подано М. Хайдеггером: „Картина світу, сутнісно зрозуміла, означає не картину, що відображає світ, а світ, який розуміють як картину" [2, с.102]. Цінність мовної картини світу полягає у тому, що вона відображає спонтанне, на думку Б.В. Раушенбаха, цілісне сприйняття світу людиною, що включає як наївне первинне знання, так і логічне осмислення світу, а також

помилкове знання, що не підлягає логічному поясненню разом з очевидними помилками [3, с.20-21].

За Н. В. Уфімцевою, картина світу завжди містить у собі національно-культурний відбиток та є сумою найзагальніших національно-культурних уявлень про світ [4, с. 59]. Світосприйняття нації трактують або у вужчому сенсі – як раціонально-логічне осмислення світу, або у ширшому – як споглядання, відчуття, осмислення та оцінка світу. У кожній національній культурі існують особливо важливі риси, що формують специфіку національного характеру та менталітету – культурно-етнічні домінанти, котрі детермінують національні особливості поведінки, світосприйняття і світооцінювання [1, с.180].

Мова виражає людську свідомість, яка складається з декількох компонентів: логіко-понятійного, сенсорно-рецептивного, емоційно-оцінювального, морально-ціннісного [1, с. 99].

Логіко-понятійний компонент свідомості найбільше впливає на національну неповторність мовної картини світу, оскільки саме завдяки йому формуються концепти. Концепт розуміють як ментальний образ (уявлення про об'єкт), ідею поняття і навіть саме поняття; він має двоїсту сутність – психічну та мовну. З одного боку, це уособлення культурно зумовлених уявлень мовця про світ; з іншого – певна назва.

Сенсорно-рецептивний компонент свідомості визначає особливості національного «світовідчуття». Емоційно-оцінювальний і морально-ціннісний компоненти свідомості відповідають за формування суб'єктивно-національного ставлення до усього, що відображене у мові, за національну «світооцінку». Ще з дитинства, зокрема на прикладах літературних творів, у людини формуються уявлення про типажі. Вона на підсвідомому рівні розділяє персонажів на «добрих» і «злих».

Морально-ціннісний компонент містить квінтесенцію народної мудрості, відображає колективний життєвий досвід, встановлює закономірний зв'язок між явищами та причинно-наслідкову залежність, спонукає до певних дій у визначених обставинах, формує ієрархію цінностей.

Отже, мовною картиною світу є національно своєрідна сукупність знань та уявлень про навколишній світ носіїв конкретного національно-культурного середовища. Вона визначається специфікою організації лексики, фразеології та граматики конкретної мови. Осягнути національну мовну картину світу означає стати на місце людини – носія іноземної мови, тобто через лексичну систему та граматичний склад отримати уявлення про національну ментальність (національну логіку) та національний характер (емоції та засоби їх вираження, уподобання, ідеали, моральні пріоритети, ієрархію цінностей) [1, с. 143].

Мовна картина світу як фрейм дає змогу фіксувати реальність як складову мовної особистості. Мовна свідомість притаманна будь-якій людині як вища форма організації її психіки, у той час як мовна картина світу, що має національну своєрідність, є невід'ємним компонентом мовної особистості як носія конкретного національно-культурного простору. Мовна картина світу – це база даних, на основі дослідження яких можна зробити висновок про особливості національного світобачення. У цьому випадку мовна картина світу набуває гносеологічної цінності та є джерелом знання про національний характер та менталітет. Знайомство з будь-якою культурою, її вивчення завжди будуть неповними без урахування національної логіки світосприйняття та оцінки об'єктивної реальності.

У процесі перекладу міжмовна комунікація здійснюється шляхом об'єднання у комунікативному акті двох форм повідомлення, які розглядаються комунікантами як комунікативно рівноцінні. Однак мовна своєрідність будь-якого тексту, орієнтованість його змісту на певний мовний колектив, який має свої специфічні «фонові» знання та культурно-історичні особливості, не може бути відтворений абсолютною мірою в іншій мові [5].

О. О. Селіванова зазначає, що переклад завжди є певною трансформацією – перетворенням, модифікацією форми або одночасно змісту й форми з метою збереження відповідності комунікативного впливу на читачів оригіналу й перекладу. Такі перетворення здійснюються як на підставі системних розбіжностей двох мов, так і через відмінність культур двох народів [6, с. 3].

Сучасне мовознавство зосереджене на вивченні мови як людського способу буття у світі, воно досліджує людину як мовну особистість, творця дискурсу у всій складності психологічних, соціальних, гендерних, ідеоетнічних та вікових чинників. Мовна особистість – іманентна ознака особистості як носія мови й комуніканта, що характеризує її мовну й комунікативну компетенцію та реалізацію їх у породженні, сприйнятті, розумінні й інтерпретації вербальних повідомлень, текстів, а також в інтерактивній взаємодії дискурсу.

Поняття мовної особистості імпліцитно було представлене у працях В. Вундта, О. О. Потебні, О. О. Шахматова, Г. Штейнталя та ін., хоч відповідний термін був уведений В. В. Виноградовим [7, с.91]. Розробка проблеми мовної особистості належить О. М. Леонтьєву, Ю. Н. Караулову, Г. І. Богіну, С. Г. Воркачову, В. А. Масловій, К. Ф. Седову, В. В. Красних, В. І. Карасику, В. П. Нерознаку, І. В. Голубєвій та ін.

Вивчення мовної особистості у якості дослідницької програми було вперше обґрунтоване Ю. М. Карауловим та спрямоване на вивчення семантичних та прагматичних характеристик мови з урахуванням індивідуальних особливостей мовця. За Ю. М. Карауловим, мовна особистість — це індивід, який володіє сукупністю здібностей та характеристик, що обумовлюють створення та сприйняття ним мовних текстів, які розрізняються ступенем структурно-мовної складності, точністю відображення дійсності та комунікативною спрямованістю [8].

Понятійне поле мовної особистості має вигляд триступеневої структури: 1) мовна особистість як абстрактний суб'єкт, що осмислює світ та відображає його у мовленні; 2) мовна особистість як конкретний суб'єкт, що має певні особливості, які вирізняють його серед інших особистостей (персонаж художнього твору, конкретно-історична постать); 3) мовна особистість як наукове поняття – наукова парадигма «людина і мова», що охоплює мовну картину світу, знання про світ та мову, національну культуру, мовну свідомість [8].

Знакову модель мовної особистості запропонував Ю. М. Караулов. Він виділяв у структурі мовної особистості три рівні: нульовий рівень – вербально-семантичний, перший рівень – когнітивний (тезаурусний), другий рівень –мотиваційний (прагматичний). Всі три рівні мовної особистості знаходяться у складних, дифузних відносинах, та складаються з одиниць відповідного рівня, що взаємопов'язані, та стереотипних комплексів.

Вербально-семантичний рівень складається з лексем, що входять у граматико-парадигматичні, семантико-синтаксичні та асоціативні відносини та стереотипних сполучень. У якості стереотипів виступають стандартні словосполучення (паттерни) та кліше, котрі сприймаються мовною особистістю як даність, і будь-яка індивідуальна творчість, що проявляється у словотворенні, оригінальності асоціацій і нестандартності словосполучень, не в змозі змінити генетично і статистично зумовлене вживання існуючого фонду. Вербально-семантичний рівень передбачає для носія нормальне володіння мовою, а для дослідника – опис формальних засобів вираження певних значень.

Одиницями когнітивного рівня виступають поняття, ідеї та концепти, які, утворюючи семантичні поля, призводять до виникнення картини світу, що відображає ієрархію цінностей особистості. Когнітивний рівень побудови мовної особистості передбачає розширення знань; у якості стереотипів розглядаються стійкі стандартні зв'язки між дескрипторами, які реалізуються у генералізованих висловлюваннях. Таким чином, когнітивний рівень охоплює інтелектуальну сферу особистості, яку дослідник може вивчати за допомогою мови, розглядаючи процеси породження та сприйняття текстів, говоріння та розуміння.

Одиницями прагматичного рівня є цілі, мотиви, інтереси, установки та наміри, які спонукають мовну особистість створювати комунікативні ситуації, комунікативні ролі та сфери спілкування. Цей рівень у структурі мовної особистості забезпечує закономірний перехід від оцінок мовної діяльності до усвідомлення власної реальної діяльності у світі. Стереотипи взаємодіють з іншими елементами та корелюють з інтенціями особистості в залежності від умов комунікації. Інтегруючий потенціал є характерним для прецедентних текстів, що відсилають до культурного фону та фонду мовної особистості.

Урахування структури мовної особистості комуніканта є релевантним та перспективним для подальших лінгвістичних досліджень, оскільки дає змогу ідентифікувати, який із трьох рівнів (асоціативно-семантичний, лінгвокогнітивний, мотиваційно-прагматичний) є домінуючим у конкретний момент мовлення індивіда з огляду на певну комунікативну ситуацію. Встановлення структури мовної особистості та особливості її функціонування через взаємодію визначених компонентів дає змогу окреслити основні напрями розвитку мовної особистості в соціальному просторі.

Відомо, що мовна особистість у своєму становленні проходить два основні етапи: 1) зовнішньоперсонологійний, коли спонтанно формується потенціал мовних здібностей як самостановлення індивідуальності через домінування своєї основної функції, розвиток своєрідної «маски», через яку активізується і пристосовується до вимог соціуму сам індивід; 2) внутрішньоперсонологійний, у якому найважливішою стає внутрішня дійсність, функційно навантаженим є поглиблене самопізнання, що призводить до пізнання людської природи [9, с.1].

Вивчення мовної особистості оформилось у самостійну галузь наукового знання – лінгвоперсонологію, яка розглядає питання теорії мовної особистості: типи мовних особистостей, встановлення їхніх мовленнєвих портретів та ідіостилів, функціонування мовної особистості в умовах спілкування, де вона розглядається як узагальнений образ носія знань, культурно-мовних цінностей, поведінкових реакцій, які визначають стиль спілкування.

Таким чином, мовна особистість як предмет лінгвістичного вивчення являє собою узагальнений образ носія культурно-мовних та комунікативно-діяльнісних цінностей, знань, установок та стереотипів поведінки. Водночас мовна особистість – це багатовимірне утворення, що в сукупності пізнавальних, емоційних та мотиваційних ресурсів є потужним провідником національної культури свого народу.

Література

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие] / О.А. Корнилов. 3-е изд. испр. М : КДУ, 2011. 350 с.

2. Хайдеггер М. Время картины мира. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, С. 93-119.

3. Раушенбах Б. В. О логике триединости. Вопросы философии №11, 1990

4. Уфимцева Н. В. Человек и его сознание : проблема формирования. Язык и сознание : парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 59–75.

5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1990. 253 с. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода : Учебное пособие. М. : «ЧеРо», совместно с «Юрайт», 2000. 136 с. URL: https://studfiles.net/preview/2063337/

6. Селіванова О. О. Проблема диференціації перекладацьких трансформацій. Нова філологія. Вип. 50. Черкаси, 2012. С. 201–208.

7. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. 360 с.

8. Караулов Ю. Н. Языковая личность. Русский язык. Энциклопедия. М. : Дрофа, 1997. С. 671–672.

9. Загнітко А. П. Сучасна лінгвоперсонологія : рівні, одиниці і категорії. Секція «Філологія». С. 1-3. Матеріали наукової конференції (2015-2016 рр.). 2012.

В статье рассмотрены понятия языковой картины мира и языковой личности. Картина мира определяется как совокупность знаний и представлений об окружающем мире носителей национальной культуры. Языковая личность описана как обобщенный образ представителя культуры своего народа.
Ключевые слова: *языковая картина мира, языковая личность, национально-культурное пространство.*

The article explains the notions of linguistic world image and linguistic personality. Linguistic world image is described as a set of national cultural community knowledge and ideas about the surrounding world. Linguistic personality is studied as a generic representative of person's national culture.
Keywords: *linguistic world image, linguistic personality, national cultural environment.*

М. А. ГЛАДКО
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ МОДУСЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕПРОСТРАНСТВА

Основними дискурсотвірними модусами пізнавального медіапростору XXI століття є емоційно-чуттєвий (сенсорний), містичний і розважальний. Пізнавальні телепередачі конструюються консультативно-інструктивними і наочно-демонстраційними жанрами, які розгортають пізнавальний процес як синтез двох основних чинників: знання + задоволення / знання + емоційне насичення; знання + таємниця. У статті виділено три рівні інтенсивності емоційно-чуттєвого «впровадження». Зафіксовано й описано типові, мультиплікованi різними текстовими репрезентаціями образи таємниці. Показано, що специфікою наукових пізнавальних передач є суміш різного виду дискурсів – з одного боку, в них представлена «детективна» лексика, з іншого – запозичена з наукового та містичного дискурсів.
Ключові слова: *пізнавальний дискурс, теледискурс, медіадискурс, таємниця, емоції, модус ірреальності.*

Экономика, производство и культура общества обусловлены знаниями, как научными, так и затрагивающими другие сферы. Знание определенно является «стратегическим продуктом ввиду того, что играет важную роль в жизни людей, ввиду сильного скачка в области науки и технологии благодаря расширению области знания и его углублению, ввиду огромного значения коммуникационных технологий в жизни людей, ввиду того, что знание теперь не только научное, но оно учит религии, языку, технологии. Знание проникло во все сферы жизнедеятельности и является основополагающим фактором развития общества» [1, с. 48].

Социолог, автор «теории использования и удовлетворения» Элиху Кац эмпирически доказал, что массмедиа конкурируют с другими каналами коммуникации и сосуществуют во всей палитре коммуникаций для удовлетворения человеческих потребностей [2]. В то же время аудитория массмедиа, как активная величина, детерминирует медиаконтент, пытаясь удовлетворить через обращение к СМИ свои потребности и ожидания [3, с. 23]. Будучи ориентированными на взаимодействие с адресатом, массмедиа не только представляют определенный срез реальности, но и отражают уже существующие в общественном сознании ценности.

Современный познавательный медиадискурс, в отличие от медиадискурса XX века, нацелен не столько на формирование и трансляцию ценностей, сколько на удовлетворение потребностей медиапотребителя. Массмедиа, предоставляя свободный доступ к информации и знаниям в глобальном информационном пространстве, имеет решающее значение в удовлетворении одной из ключевых потребностей современного медиапотребителя – потребности в знании. Характерной особенностью современного медиапространства является востребованность практически ориентированного, житейского знания, что позволяет говорить о формировании специфического познавательного (теле-

и радио) дискурса в XXI веке. Изучение его специфики позволяет выявить некоторые особенности динамики и функционирования коммуникативных практик медиа, в частности, теледискурса.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что основными дискурсообразующими модусами познавательного медиапространства XXI века являются эмоционально-чувственный (сенсорный), мистический и развлекательный. Они формируют содержание многочисленных познавательных текстов массмедиа во всей их жанровой вариативности. Как показал анализ содержания и функциональных особенностей 800 познавательных телепередач, они конструируются консультативно-инструктивными и наглядно-демонстрационными жанрами, которые, в свою очередь, развертывают познавательный процесс как синтез двух основных факторов: знание + удовольствие / знание + эмоциональное насыщение (спектр эмоций может варьироваться); знание + тайна.

Эмоциональная насыщенность, т. е. доля параметров, моделирующих эмоции, варьируется в зависимости от тематики и жанровой принадлежности познавательного текста. По нашим наблюдениям, можно выделить три уровня интенсивности эмоционально-чувственного «внедрения». Первый уровень предполагает вкрапление эмоциональных триггеров различного характера во все структурно-семантические элементы композиции познавательного текста. Высокую плотность эмоциональной насыщенности обнаруживают положительно заряженные тексты рекреативной (путешествие, досуг (рыбалка, дача) и культурной (изобразительное искусство) тематик, в которых информирование уступает первенство либо сосуществует наравне с моделированием положительной чувственной реакции (удовольствие, радость, удивление). Так, прототипическая структура досуговых текстов неизменно включает невербальные компоненты, придающие эмоциональность, чувственность и выразительность всему тексту: важное смысловое значение приобретают яркие картины природы, достопримечательностей, их представление крупным планом; звуковое сопровождение (звук воды, ветра и т. д.), создающее эффект присутствия и продуцирующие удовольствие; положительные эмоции (радость, восхищение), запечатленные на лицах главных героев (журналиста, рыбаков, дачников и т. д.); музыкальное сопровождение. К устойчивым вербальным слагаемым образца данной группы можно отнести организованные эмотивной лексикой речевые акты *приветствие*, *пожелание*, обилие дескриптивных и эмотивных блоков, эмоционально-оценочной, сенсорной, кооперативной лексики, создающих единый эмоциональный фон.

Второй уровень означает обращение к эмоциональным триггерам, преимущественно, вербального характера, как правило, в двух структурных частях: инициирующей процесс познания актуальной для аудитории информации (введение в проблему, постановка проблемы) и завершающей (решение проблемы, заключение). В этом случае под прицелом автора оказываются витальные темы: здоровья и здорового образа жизни, автомобильная тематика (безопасное вождение). Полиинтенциональность таких медиатекстов (информирование, убеждение в необходимости действий через запугивание и последующую эмоциональную стабилизацию, снятие напряжения, формирование ценностной ориентации) настроена на эмоциональную раскачку адресата от негативных до позитивных эмоций. Например: (-) *‘Резкая, мучительная боль в мышцах – состояние, которое знакомо каждому. Оно мешает двигаться, работать, спать и просто жить. Почему оно возникает? И как избавиться?’*... (+) *‘В нашем организме все обменные процессы тесно связаны между собой и если хотя бы один из них нарушается, это молниеносно отражается на нашем здоровье. Но, к счастью, в современном мире есть огромное количество приспособлений, который позволяют контролировать параметры нашего организма ... Опытные специалисты помогут вам’* ... («Здоровье», 20.06.20).

Наиболее распространенным третьим уровнем эмоциональности обладают познавательные тексты, заполненные триггерами в какой-либо из своих композиционных частей. Тематический диапазон этой группы медиатекстов достаточно широк: кулинария (еда), обустройство дома (ремонт), семья, семейные отношения, война, история края, народное творчество, родная мова, мода, красота, новинки техники, как и их эмоциональный репертуар – от положительных до негативных эмоциональных состояний. В этом случае доминантная интенция информирования лишь подкрепляется вспомогательной интенцией эмоционального воздействия, т.е. организации чувственного освоения объектов, характеристик познаваемого пространства.

В XXI веке достижения компьютерных и биотехнологий, роботизация, «проникновение в повседневность разнообразных гаджетов и девайсов актуализируют магический аспект культуры с ее волшебными предметами. Волшебство, творимое научным прогрессом, пробуждает в коллективном бессознательном глубоко спрятанное чувство чудесного» [4, с. 167]. Желание человека найти ненаучные, мистические обоснования природных и социальных явлений получает распространение в массмедийном пространстве.

Текстовое пространство познавательного дискурса конструирует типичные, мультиплицируемые различными текстовыми репрезентациями образы тайны. Термин «образ» получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится по-разному семантически нагруженным, считает А. Ф. Лосев [5, с. 175]. Семантическая основа образности «содержится в указании на понятие через другое понятие или на представление типичного признака одного предмета на другой, для которого этот признак не типичен, не существенен, даже не реален, но именно он рождает множество ассоциаций, пробуждающих работу воображения» [6, с. 28].

Энергетическая емкость познавательного телетекста поддерживается за счет следующих образов тайны.

Тайна – непостижимая, активная сущность. В целях эмоциональной встряски посредством будоражащей впечатление аудитории информации, легенды и тайны одушевляются, демонстрируя признаки, которые связаны с поведением человека или описывают интенсивные, не подвластные человеку, процессы. Так, *‘тайны не дают покоя историкам, не поддаются, будоражат исследователей, ставят в тупик: Какие тайны сегодня не поддаются исследователям Мирского замка?’* [«Тайны Беларуси», 21.11.19].

Тайна – сенсация. Современный познавательный дискурс тяготеет к яркому и интенсивному облачению обсуждаемого события в сенсацию. В таком случае раскрытие тайны обещает зрителю неожиданность, производящее волнующее впечатление разоблачение: *‘Невероятная судьба подземного царства. Кто спонсировал стройку века, объединившую весь союз? И провалил генеральную репетицию на рельсах? Вокруг чего кипят тайны и теперь? И какие из станций до сих пор прячут от глаз? Все тайны единственной подземки страны’* [«Тайны Беларуси», 9.11.18]. Семантическими опорами сенсационности выступают риторические вопросы, часто с обвинительной лексикой *‘подорвал’, ‘виноват’, ‘провалил’: ‘Кто виноват в крупнейшей катастрофе в Беларуси?’* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]; лексика сокрытия информации *‘молчат, прячут от нас: О чем по сей день молчат очевидцы?’* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]; эмоционально-оценочная лексика, усиливающая масштабность события *‘величайшая трагедия’, ‘крупнейший’, ‘невероятный’, ‘удивительные подробности’, ‘самые страшные (катастрофы, пожары, трагедии)’: ‘Самые страшные пожары в Беларуси. ... Две трагедии, одна страшнее другой, так и остались незаживающими шрамами на сердце Беларуси’* [«Тайны Беларуси», 15.04.20]; темпоральная лексика, очерчивающая долготу временных процессов: *’Молчание длиной в полвека: кто наложил гриф секретности на пепелище? Мистика или халатность: почему это место до сих пор обходят стороной?’* [«Тайны Беларуси», 15.04.20]. Как видно

из последнего примера, авторы, интригуя аудиторию, предлагают осмысление ситуации не только через судьбы, лица, но также и посредством ее мистицирования.

Зачастую некоторые рассматриваемые события отличаются имитацией сенсационности, даже ирреальностью с целью провоцирования интереса, развлечения медиааудитории: '*Дроздович не просто так путешествовал по космическому пространству, а он летает в своеобразных астральных снах, потому что он владел методичкой управляемого сна и мог каждую ночь взлетать и посещать эту или иную планету. Он даже видел людей, которые махали ему руками'* [«Арт истории, 4 жизни Язепа Дроздовича», 2019].

Спецификой научных познавательных передач является смесь из разного вида дискурсов – с одной стороны, в них представлена «детективная» лексика, с другой стороны – заимствованная из научного и мистического дискурсов: '*Вот так и придется мне на поиски неведомой зверушки выступать. Так что давайте вместе откроем это terra incognito в неизвестной Беларуси. Чупакабра – неизвестное науке существо, персонаж городских легенд. Название происходит от испанского слова chupar – 'сосать', и cabra – 'коза', дословно означает 'сосущий коз', козий вампир. Согласно легенде Чупакабра убивает животных и высасывает у них кровь. Городская легенда появилась в начале 1950-х годов… в 1990-е годы легенда приобрела широкое распространение благодаря средствам массовой информации. … Мы отправляемся в Пуховичский район. На открытие нового в науке вида я сам не решился и позвал своего друга, ученого-зоолога… Вот, видно вот здесь вот кто-то грыз… Вот здесь след от клыков. Вот этот кролик - очевидец. Жалко, он нам не может ничего рассказать. Очевидцы вроде говорят, что видели это животное, похожее на маленького медвежонка. Ну мы тут тогда осмотримся, посмотрим, что мы пропустили. Посмотрим, какие следы оно оставило. Вот следы от ног, вот слепки от ног… Крупная куница могла быть здесь. Ласки и хори – род млекопитающих, семейства куньих. Кроме собственно хорей, к этому роду хищников относятся норки, ласки и горностаи. 3 вида в Евразии и Северной Америке. Длина тела у самцов – до 50 см, у самок – до 40 см, длина хвоста до 18 см. С древности одомашнена альбиносная форма темного хоря – фуро'*[«Terra incognita. Беларусь неизвестная – Чупакабра», 2015]. Использование узкоспециализированных и общенаучных терминов в сочетании с другими пластами лексики преследует две цели: снабдить точной научной информацией представителя целевой аудитории и зацепить, завлечь любого, кто столкнулся с ней случайно, с целью вызывать интерес последнего. Для человека, не являющегося специалистом в области биологии, географии и т. д., некоторые сочетания '*споровые растения произошли от псилофитов'*, '*проводящая система растений'*, '*фа́личский мох', 'антропосоциогенез'* малопонятны, множество количественных данных (длина, вес, размер территории и т.д.) сложны для восприятия и запоминания, тем не менее, создают ощущение достоверности и научной обоснованности. Мистическая и детективная лексика развлекают, интригуют, поддерживая интерес и внимание к информации, не всегда интересной зрителю-обывателю.

Тайна, секретность питает действие, акцентирует эксклюзивность обыденной информации: '*Здесь живут аутентичные староверы, которые откроют мне тайны доселе неизвестные никому'* [«Я хочу это увидеть. Браславский район», 2019]

Целью автора телепередачи не всегда является объяснение тайны, зачастую она служит лишь фундаментом для формирования интриги, ощущения таинственного и непостижимого, т.е. намеренного мистицирования коммуникативного пространства. Композиционный рисунок репрезентации тайны в этом случае объединяет повторяющиеся словесные комплексы, акцентирующие: 1) вневременность события *'до сих пор', 'еще долго'*; 2) нерешенность/необъяснимость: '*ставит в тупик', 'историки/ученые спорят', 'существуют несколько версий', 'есть версия'*; '*непонятно* (*почему*, *как*)'; 2)

сенсационность: ‘*шокирующая*’, ‘*невероятная* (*версия*)’. Например: ‘*Почему распри вокруг самой большой белорусской тайны искрят до сих пор? …Есть еще одна шокирующая версия*’ [«Тайны Беларуси, Туровские кресты», 2019]. Присутствие эвиденциальных компонентов делает высказывание более авторитетным, демонстрирует стремление к объективности информации: ‘*Землетрясение 19230 года отражено в записях российских сейсмологов. А вот в Беларуси в документальных подтверждениях подобной катастрофы нет*’ [«Тайны Беларуси, Туровские кресты», 2019].

Концепт ‘тайна’ эмоционально обогащает ткань текстового пространства, посвященного медиатопикам обыденного, повседневного познания ‘*здоровье*’, ‘*еда*’, ‘*дача*’, релаксационного топика ‘*путешествие*: *Кофейный спор не разрешен до сих пор*’ [«Элексир бодрости», 2018]. Повседневные предметы: продукты питания, объекты живой и неживой природы намеренно наделяются ореолом таинственного, несут в себе тайну, что-то неизведанное и загадочное — то, что хочется познать и разгадать. Языковым средством представления концепта в этом случае выступает лексема *секрет*, имеющая постоянный предикативный спутник – глагольную лексику семантики открытия: ‘*Наша задача – выведать все секреты и рассказать вам. … Хотите сладкий виноград? Выращивайте его сами. А мы раскрываем секреты правильной посадки винограда*’ [«Дача», 3.06.17]; ‘*В чем же секрет Жолтак? … И сегодня я дам вам ключи к разгадке, к пониманию Валерьяны Жолтак*’ [«Арт истории», 20.05.19].

Значение слова ‘*секрет*’, актуализируемое текстовыми репрезентациями познавательного дискурса ‘то, что нельзя рассказывать другим людям, что скрывается от них’, подчеркивает эксклюзивность информации, стимулирует интерес к получении новой, ранее неизвестной информации.

Познавательное массмедийное пространство, таким образом, становится не только транслятором знания, но и «настройщиком» эмоциональной атмосферы общества, а также активно апеллирует к «детскому» мировосприятию аудитории.

Литература

1. Лопастейский С. А. Знание как стратегический ресурс: методологические аспекты исследования. *Известия Саратовского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 47–50.

2. Новикова А. А., Кирия И. В. История и теория медиа. Режим доступа: https://litresp.com/chitat/ru/%D0%9D/novikova-anna-alekseevna/istoriya-i-teoriya-media/4. (дата обращения 03.09.20).

3. McQuail D. Mass Communication Theory. London : Sage. 2010. 599 p.

4. Новиков-Ланской, А. А. Масс-медиа в пространстве социокультурной коммуникации (к вопросу о Новом Средневековье). *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 1. С.166–173.

5. Лосев А. Ф. Проблемы художественного стиля. Киев : Collegium, 1994. 288 с.

6. Маслова В. А. Странник в русской лингвокультуре : ценность, концепт, образ. *Вестник РУДН. Серия : Лингвистика*. 2015. № 3/28. С. 23–31.

Основными дискурсообразующими модусами познавательного медиапространства XXI века являются эмоционально-чувственный (сенсорный), мистический и развлекательный. Познавательные телепередачи конструируются консультативно-инструктивными и наглядно-демонстрационными жанрами, которые развертывают познавательный процесс как синтез двух основных факторов: знание + удовольствие / знание + эмоциональное насыщение; знание + тайна. В статье выделены три уровня интенсивности эмоционально-чувственного «внедрения». Зафиксированы и описаны типичные, мультиплицируемые различными текстовыми репрезентациями образы тайны. Показано, что спецификой научных познавательных передач является смесь из разного вида дискурсов – с одной стороны, в них представлена «детективная» лексика, с другой стороны – заимствованная из научного и мистического дискурсов.

Ключевые слова: *познавательный дискурс, теледискурс, медиадискурс, тайна, эмоции, модус ирреальности.*

The main discourse forming modes of the cognitive media space of the 21st century are emotional and sensual (sensory), mystical and entertaining. Cognitive TV shows are constructed by advisory-instructive and visual-demonstration genres, which develop the cognitive process as a synthesis of two main factors: knowledge + pleasure / knowledge + emotional saturation; knowledge + mystery. The article identifies three levels of intensity of emotional and sensory «implementation». The typical images of the secret, multiplied by various textual representations, are deremined and described. The article demonstrates that the specificity of scientific knowledge transmissions is a mixture of different types of discourses - on the one hand, they present «detective» vocabulary, on the other hand, vocabulary borrowed from scientific and mystical discourses.
Keywords: *knowledge discourse, television discourse, media discourse, mystery, emotions, modus of unreality.*

В. А. ГУДЗИНА
Бухарский государственный университет. Узбекистан

СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРАХ

У статті розглянуто різні підходи до розуміння концепту «щастя». Проаналізовано відмінності в семантичному наповненні цієї категорії в західній і східній цивілізаціях. Обґрунтовано актуальність інтерпретації як одного зі способів рецепції художніх цінностей, закладених в поетичні або прозаїчні дискурси. Зроблено спробу висвітлення якісної трансформації вектора вживання слова «щастя». Основну увагу в роботі автор приділяє етимології тлумачень концепту «щастя» в західних і східних цивілізаціях, а також визначенню внутрішніх законів його конструювання.
Ключові слова*: концепт, сема, теологія, семантика, дискурс, тлумачення, репрезентація, художні координати, статичність, динамічність, контекстуальний зміст, іманентність.*

Категория «счастье» занимает в концептуальной картине мира любого народа особенное значение, поскольку она является одной из базовых – наряду с такими категориями, как «правда», «совесть», и т. д. Ее особенное место объясняется тем, что она заключает в себе не только статичное состояние – то есть некое чувство человека – но и вектор развития, – ведь человек стремится к счастью, так как оно наполняет жизнь смыслом и улучшает ее качество. В этом контексте неудивительно, что категория «счастье» исследуется учеными разных отраслей науки на протяжении последних, как минимум, пятидесяти лет. Однако вследствие сложности и многокомпонентности данного понятия, в особенности проявляющихся при компаративном анализе, его сущность является до сих пор не определенной окончательно. Сложность анализа категорий, относящихся к эмоциональной сфере, состоит в том, что в процессе коммуникативной деятельности мысли, эмоции и чувства сливаются в единое целое. Каждой языковой личностью вне зависимости от культурных дифференциаций, могут переживаться одни и те же основные эмоции и чувства. Это связывает индивидуумов, принадлежащих к разным культурам. Но интенсивность и варьирование проявления различных эмоций и чувств у разных языковых личностей отличны друг от друга, что делает каждого индивидуума уникальным. Кроме того, конкретные проявления универсальных эмоций в огромной степени зависят от культурных и религиозных традиций.

Наполнение категории «счастье» значительно менялось в процессе развития человеческого общества. Рассматривая определение его с древности, следует отметить, что древнегреческая концепция счастья включала в себя четыре близких по смыслу понятия, подразумевающих: благоприятную судьбу, блаженство, удовлетворение жизнью, обладание наиценнейшими благами. Однако, во всех его вариациях, счастье считалось «даром богов», то есть в своем семантическом поле древнегреческий концепт «счастье» имел тесную связь с «удачей». Историк МакМэхэн, в частности, обосновывал наличие семы «удача» в древнегреческом концепте «счастье» тем, что термин ‘eudaimon’ – это комбинация слов

‘eu’ (добро) и ‘daimon’ (бог, дух, демон). Таким образом, этимологически, «счастье» для древних греков – это, прежде всего, «воля богов».

Христианство, хотя и создало иную теософскую систему, тем не менее, концепт «счастье» в рамках христианской системы ценностей также зависел от «воли свыше». Например, в теологическом изложении Блаженного Августина «счастье» было тесно связано с «миром горним», и с полным и безоговорочным признанием воли Бога [1, с. 38].

Изменения в его наполнении произошло в эпоху Реформации (XVI в.). Протестантизм обосновал концепцию «земного счастья», в противовес «высшему». Логичным продолжением стали философские теории XVII и XVIII вв., окончательно переместившие концепт «счастье» из религиозной сферы в светскую. Так называемое «официальное» оформление этому процессу можно найти в Декларации независимости США 1776 года, где «the Pursuit of Happiness» определено как «unalienable Rights» каждого человека.

Окончательная формализация счастья как чего-то подконтрольного человеку в англо-саксонской культуре произошла во многом благодаря иммигрантам, которые отправлялись на американский континент в поисках лучшей жизни. Подавляющее их большинство было «пассионариями», истово верившее в собственные силы. Промышленный подъем и технологическая революция XIX века и, тем более, научные достижения XX столетия, только укрепили эту веру. Таким образом, в англо-саксонской цивилизации «счастье» стало ассоциироваться с чем-либо, что человек может достичь своими силами, без помощи богов или удачи.

Интересно также, что, согласно исследованиям современных ученых, в большинстве европейских языков, в том числе, в немецком и французском, «счастье» до сих пор подразумевает стечение каких-либо удивительных обстоятельств, необыкновенной удачи, которые не зависят от личных качеств человека, а «даются свыше». Таким образом, этимология толкований концепта «счастье» не позволяет сомневаться в том, что изначально во всех, или, по крайней мере, в большинстве индоевропейских языков и культур данный концепт обязательно содержал сему «удача». В то же время, налицо различия в понимании данного концепта между европейской и англо-саксонской цивилизациями.

Однако наибольшие различия в семантическом наполнении данной категории, по мнению исследователей, наблюдаются в западной и восточной цивилизациях. Восточные цивилизации часто называют «коллективистскими», и это неслучайно: как правило, большинство цивилизаций, которые мы относим к категории «восточных», развивались в тяжелых климатических условиях (холод, либо жара, и т. д.). Вследствие этого сильно возрастало значение коллективизма, то есть активной работы всего социума – в отличие от западных стран, азиатский человек не смог бы выжить в таких суровых климатических условиях в одиночку. Одновременно суровый климат нивелировал возможность контроля над урожаем и, следовательно, благосостоянием. В наши дни, несмотря на все технологические достижения, разница в экономическом достатке разных регионов мира также очевидна. Таким образом, все эти факторы – коллективизм, климат и относительная бедность – коренным образом повлияли на то, что в восточных культурах концепт «счастье» до сих пор тесно связан с «удачей».

Группа американских ученых в 2013 году провела исследование репрезентации данной категории, использовав в качестве эмпирической базы 30 словарей разных языков. По данным этого исследования, сема «удача» или «счастливый случай» присутствовали в определении счастья 24 языков (80%). Данные семы полностью отсутствовали в определениях только в Соединенных Штатах, Испании, Аргентине, Эквадоре, Индии и Кении. Таким образом, «счастье» как «удача» или «счастливый случай» все еще присутствует в ментальности многих народов мира по сей день.

Также ученые отметили расхождение даже в рамках одного языка. Например, австралийский английский обладает дополнительной коннотацией везения и удачи, а американский английский – нет. Точно так же гватемальское определение счастья включает в себя удачу, тогда как испанское, аргентинское и эквадорское определения счастья – нет. Таким образом, словарное определение счастья отражает не только языковое наследие, но и местную историю и культуру.

Исследование показало также весьма интересную качественную трансформацию вектора употребления слова «счастье» – оно стало употребляться в основном не по отношению к государству, а по отношению к гражданам, личностям, то есть речь стала идти не о «счастье для всей страны», а об «индивидуальном счастье». Это, на наш взгляд, великолепно демонстрирует торжество индивидуалистических ценностей над коллективными – «счастливая нация» в официальном дискурсе сменилась «счастливым человеком».

Исследования относительно содержания категории «счастья» в разных культурах показывают, что семантика данной категории различается в рамках классической дихотомии «восток-запад», хотя и в рамках западной цивилизации его наполнение также не выглядит однородным. В этом контексте, интересно привести данные компаративного анализа тунисского ученого С. Хамди. В 2015 году он сравнил репрезентацию категории «счастье», отраженной в метафорах, на материале английского, арабского и испанского языков. Его исследование показало, что носители испанского языка концептуализируют счастье в терминах «вирус», «лекарство», «здание», «цветок» и «путь». В английских метафорах счастье истолковывается как «рай на небесах». Напротив, в арабском языке излишнее благополучие трактуется на грани «смерти» и «сумасшествия». Как видно, западные культуры истолковывают счастье в позитивном ключе, несмотря на то, что в испанском языке к ним добавляются семы «вирус» и «лекарство». Восточные же культуры имеют достаточно сильно выраженную негативную семантику категории «счастье».

Вопрос разного понимания счастья – это не только абстракция. Эта проблема имеет прямое отношение к практике повседневной жизни – ведь если счастье трактуется однозначно позитивно и в качестве достижимой цели, то есть смысл к ней стремиться, как на уровне индивидуальностей, так и на уровне наций. Если же счастье изначально воспринимается как нечто не совсем позитивное, да еще и как «дар судьбы», за который возможно, потом придется расплачиваться, то это кардинально меняет и отношение к жизни, и к целеполаганию в ней.

Исследуя различные мнения относительно феномена счастья, необходимо отметить, что для большинства оно наглядно и очевидно: в удовольствии, в удаче, в богатстве, в почете и т.п. Под счастьем часто подразумевается благополучие и хорошая жизнь [2, с. 125]. Под указанным термином скрывается и хорошая счастливая жизнь, и то, к чему человеку следует стремиться в первую очередь. Отсюда вытекает вывод, что вопрос о счастье многосложен и не ограничивается лишь удачей, довольством или даже добродетелями.

Отражение многокомпонентности категории «счастье», обусловленной вышеизложенными обстоятельствами, можно увидеть в различиях определений данного понятия, представленных в разных словарях. Согласно определению, изложенному в четырехтомном Академическом Толковом словаре, счастье является «состоянием высшей удовлетворенности жизнью». В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова термин определяется как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [3, с. 79]. В соответствии со словарем Д. Н. Ушакова, под счастьем следует понимать «состояние благополучия, довольства, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью» [4, с. 329]. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой содержит все из перечисленных подходов к определению понятия «счастье» [5, с. 98]. В научной литературе существует еще и

определение понятия счастья в качестве своего рода морального сознания, которое характеризуется наибольшей степенью удовлетворенности качеством жизни – не только в смысле материальных благ, но и в смысле целеполагания. Подобно мечте, счастье представлено в чувственно-эмоциональной форме идеала, но в отличие от нее означает не устремленность личности, а непосредственное исполнение указанных устремлений. То есть, речь идет о столь масштабной категории, как оценка смысла жизни, в целом, так как от нее зависит, каким образом воспринимается и оценивается понятие «счастье». В таком контексте счастье является своего рода основополагающей ценностью и даже нормативным регулятором.

Рассматривая семантическое наполнение концепта «счастье», мы не должны забывать о том, что оно может изменяться не только в зависимости от эпох, но и в зависимости от культур. И даже если рассматривать данную категорию отдельно, то следует понимать, что она не статичная, а динамическая, подразумевающая движение, которое ей имманентно.

Литература

1.Черкашина Е.А. Концепт «счастье» в русском языке. Вестник Таганрогского Государственного Педагогического Института. 2016. №2. С. 38-43.

2.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996.

3.Толковый словарь русского языка: под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 1992.

4.Ушаков Д. Н. Толковый словарь. М., 2007. 329 с.

5.Ефремова Т. Ф. Современный Толковый словарь. М., 2007. 98 с.

В данной статье рассмотрены различные походы к пониманию концепта «счастье». Проанализированы различия в семантическом наполнении данной категории в западной и восточной цивилизациях. Обоснована актуальность интерпретации как одного из способов рецепции художественных ценностей, заложенных в поэтические или прозаические дискурсы. Сделана попытка освещения качественной трансформации вектора употребления слова «счастье». Основное внимание в работе автор уделяет этимологии толкований концепта «счастье» в западных и восточных цивилизациях, а также определению внутренних законов его конструирования.

***Ключевые слова**: концепт, сема, теология, семантика, дискурс, истолкование, репрезентация, художественные координаты, статичность, динамичность, контекстуальный смысл, имманентность.*

This article explores various approaches to understanding the concept of happiness. Differences in the semantic content of this category in Western and Eastern civilizations are analyzed. The author explains topicality of interpretation as one of the ways of receiving artistic values embedded in poetic or prose discourses. An attempt is made to highlight the qualitative transformation of the vector of the use of the word «happiness». The article focuses on the etymology of interpretations of the concept of «happiness» in Western and Eastern civilizations, as well as the definition of the internal laws of its construction.

***Keywords:** concept, seme, theology, semantics, discourse, interpretation, representation, artistic coordinates, static, dynamism, contextual meaning, immanence.*

В. В. ДЕНИСЮК

Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини

ЩОДЕННИКОВІ ЗАПИСИ ЯК ДЖЕРЕЛО ПОПОВНЕННЯ АЛКОНОМІНАЦІЙ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

У статті основну увагу звернено на номінації напоїв, що потрапили в українську мову різними шляхами. Як доводить автор, суттєву роль у поповненні лексики на позначення напоїв відіграли представники української верхівки, які одними з перших на східнослов'янському мовному ґрунті внаслідок позалінгвальних чинників стали реципієнтами запозичень у цій групі.

***Ключові слова:** лексика, лексема, запозичення, семантика.*

Мова перебуває в постійному русі. Особливо це помітно в лексиці: у той чи той період розвитку лексичного складу є слова, що поступово виходять на периферію лексичної системи через вихід з ужитку реалії, і слова, що проникають у неї внаслідок позамовних чинників – взаємодії етносів у різних сферах діяльності, культури. Такі процеси, власне, і визначають вертикаль розвитку мови. Саме тому діахронні дослідження завжди на часі, оскільки допомагають зрозуміти сучасний стан мови.

Не всі групи лексики української мови знайшли належне висвітлення. Як слушно зауважив С. А. Яценко, «назви напоїв – майже зовсім не вивчена група номенів староукраїнської мови». Дослідник критикує академічне видання «Історія української мови. Лексика і фразеологія» за те, що цій групі відведено всього пів сторінки, та й то проілюстровано прикладами тільки з XVIII ст. [10, с. 44]. Зазначимо, що в діахронній україністиці назви напоїв були об'єктом наукових студій З. Г. Козирєвої (лексема *мед*) [3], О. А. Крижко (на матеріалі козацьких літописів кінця XVII – початку XVIII ст.) [4], С. А. Яценка [10]. Однак і не всі писемні тексти опрацьовані достатньою мірою. До таких, зокрема, належать і записи генерального хорунжого Миколи Ханенка, що слугували джерельною базою нашої розвідки.

Засвідчені у «Щоденнику» найменування об'єднуємо у дві групи: 1) назви хмільних напоїв; 2) назви безалкогольних напоїв. О. А. Крижко, наприклад, у літописах зафіксувала такі назви хмільних напоїв, як *брага, вино, водка, горілка, лікер, мед, наливка, пиво, сикер, уксус*. Вона зазначила, що більшість із лексем запозичені з інших мов [4, с. 9]. Саме тому цінним видається звернення до щоденникового дискурсу, прерогативою якого була не стільки загальна поширеність авторських нотаток, скільки попервах функція особистого хронотопного, фінансового, адміністративно-ділового, комунікативного і соціально-диференційного контролю. М. Ханенко належав до тодішньої інтелектуальної еліти українського суспільства. Йому, згідно із записами, тривалий час довелося проживати в Санкт-Петербурзі – столиці тодішньої Російської імперії, що стало однією з детермінант його «лінгвальної місії» для української мови.

Досліджувана пам'ятка дозволяє говорити про широкий арсенал напоїв, до того ж хмільні кількісно переважають безалкогольні. Прикметно, що М. Ханенко занотовував не тільки загальні назви, але й диференціатори, що вказували на місце та матеріал виготовлення напою, його ґатунок, колір. «Щоденник» фіксує активність деяких лексем, що свідчить про поширеність та вподобання українців і водночас росіян у першій половині XVIII ст. Зрозуміло, що різні алкогольні напої мали різне територіальне поширення, причиною чого були передусім матеріал, з якого виготовляли ці напої. Це, зокрема, й визначило культурно-гастрономічні вподобання етносу, що неозброєним оком помітно й нині. Незважаючи на те, що, наприклад, лексема *вино* «виноград» і «вино» була відома освіченим мовцям ще києворуської доби [9, к. 259] у староукраїнський період спостерігається активізація її вживання з обома значеннями [8, с. 66–67], однак, за даними писемних пам'яток, саме «алкогольна» семантика домінує, що можна пояснити тривалим перебуванням західноукраїнських земель (звідки, до речі, більшість наведених у словниковій статті контекстів) у складі угорської чи молдавської держави, де вирощували виноград і займалися виробництвом вина. Це пояснює той факт, що кількість вина на українських землях була невеликою, його спеціально імпортували, а тому воно залишалося дорогим алкогольним напоєм, дозволити скуштувати який могли тільки багаті люди. Звісно, правомірно говорити і про територіальну репрезентацію лексеми *вино*, оскільки на пограниччі з державами-виноробами вона була більше вживаною, аніж у центрі країни. Входження частини українських земель до складу Російської імперії, яка проводила активну зовнішньо-торгівельну діяльність, залучення української еліти до розвитку багатьох галузей науки і виробництва зробили свою «лексикопоповнювальну» справу: представники козацької

верхівки на чужині ставали першими українцями-сомельє нових напоїв, якими щедро пригощала Північна Пальміра, відтак і реципієнтами-вербалізаторами їхніх найменувань. Це чітко простежується у вербальній репрезентації цього напою на сторінках «Щоденника», де автор послуговується як однослівною, так і двослівною номінацією, другим компонентом якої слугує ад'єктив або субстантив, що кваліфікує напій або за забарвленням, або за країною виробництва, або за сортом винограду, з якого його виготовлено, напр.: *Обослала хлѣбомъ, виноградомъ,* ***виномъ*** *и орѣхами панѣ Козмина Іакимовичева и панъ Родуцкій хлѣбомъ,* ***виномъ****, календаремъ на 1731 годъ* (с. 13; тут і далі подаємо номер сторінки за виданням: *Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка.* Кіевъ, 1884. 584 с.); *Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ,* ***виномъ****, медомъ и бараномъ* (с. 21); *Прислала мнѣ панѣ подушечку,* ***вина*** *и проч., а я ей послалъ подушечку-жъ, кошеліокъ, аиґет и дѣтямъ стіонжечки* (с. 40); *За* ***вино красное*** *и* ***бѣлое*** *75 к.* (с. 6); *Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене* ***виномъ краснымъ*** *и водкою* (с. 52); *За чоботи Костѣ 30 копѣекъ,* ***вина полинкового*** *3 кварти 24 копѣйки* (с. 16); *Отправлено* ***вино фронтиніакъ*** *въ Глуховъ при писмѣ до пана Скоропадского* (с. 42) та ін.

Звертає на себе увагу і факт послуговування номенами *водка* і *горѣлка*, що є додатковим підтвердженням вербалізації в мовній картині світу двох етносів одного напою. Дослідження В. Мойсеєнка змушують задуматися про етимологічну належність слова *водка* російській мові. Автор, зокрема, доводить її одночасне західнослов'янське походження, а закріплення в різних етносів – польському та російському – демонструє різними графічними варіантами [5; 6]. Перекодування мовної свідомості на співрозмовника засвідчують контексти, у яких М. Ханенко описує комунікативну ситуацію з представниками російського соціуму, де вживає лексему *водка*, до того ж тільки в окремих контекстах чітко кваліфікуючи її «національність», напр.: *Сегожъ числа графъ Сава Владиславичъ обослалъ мене виномъ краснымъ и* ***водкою*** (с. 52); *Поддячему Федору Афанасіевичу Інихову данъ 1 р. и барилко* ***водки*** (с. 52); *Графъ Мойсей Івановичь, графа Савы Владиславича племѣнникъ, прислалъ* ***водки*** *анкерокъ* (с. 73); *за два штофа* ***гданской водки*** *3 р.* (с. 92) та ін.; та українського, де вже послуговується словом *горѣлка*, напр.: *Лаврѣнъ сторговалъ у насъ 2 куфи* ***горѣлки*** *за 33 р. и далъ задатку 20 р.* (с. 43); *Для поминокъ въ домъ того умершого священника станъ* ***горѣлки*** *и денегъ 1 р.* (с. 101); *Данъ въ Случокъ на шинкъ станъ* ***горѣлки*** *Ісаку Мигаліонку* (с. 113) та ін.

Традиційні для Русі напої *мед* і *пиво* теж займають свою нішу у щоденникових записах М. Ханенка, демонструючи тяглість лексичного складу та засвідчуючи однакову їх рефлексію в тодішніх українському і російському суспільствах, напр.: ***мед*****:** *Кушалъ у пана полковника, и его милость панъ Петръ Кулябка обослалъ мене хлѣбомъ, виномъ,* ***медомъ*** *и бараномъ* (с. 21); *Заплатилъ за* ***медъ*** *въ домъ братскій петропавловскій 70 к.* (с. 34); *За* ***меду*** *4 гарци 20 к.* (с. 37); *Дано Василю 10 к., Алексію 4 к., на мясо 10 к., за* ***медъ*** *8 к.* (с. 37); *Заплачено за* ***медъ*** *и рибу, зъ Погари привезенные, 18 к.* (с. 40); ***пиво*****:** *На мосту и въ крѣпости роздалось 10 копѣекъ, на медъ и* ***пиво*** *7 к.* (с. 13); *Пивовару за зварене* ***пива*** *и за хмѣль даны 30 к.* (с. 28); *Тутъ въ Крестцахъ да въ Заяцовѣ на хлѣбъ, мясо и* ***пиво*** *15 к.* (с. 46); *Пошло на мясо, медъ,* ***пиво****, вино и проч. 4 р. 65 к.* (с. 88); *На* ***пиво*** *и медъ 9 к.* (с. 99); *За медъ и* ***пиво*** *у Івана шафара дано 96 к.* (с. 101) та ін.

Назви інших хмільних напоїв, активно вживаних, за даними О. А. Крижко, в українських літописах кінця XVII – початку XVIII ст., засвідчено спорадично, що підтверджує вихід їх на периферію цієї лексико-семантичної групи (***квас*****:** *тутъ розышлось на мясо,* ***квасъ*** *и проч. 14 к.* (с. 94)), можливо, через зміни в семантичній структурі, спричинені використанням цього продукту не стільки як напою, скільки складника для приготування інших страв (***уксус*****:** *Рано зъ Брошицы судномъ пустившись, водою прибылъ въ Новгородъ въ 10-мъ часу передъ полуднемъ; тутъ розышлось на хлѣбъ, медъ и* ***уксусъ*** *и проч. 35 к.* (с. 46)).

Окремі лексеми ілюструють асиміляційні процеси запозичень в українській мові, напр.: ***мушкатель*:** *за бутелку* ***мушкателю*** *30 к.* (с. 54); ***канарсент*:** *За поланкирка* ***канарсенту*** *6 р.* (с. 92), перша з яких позначає вид вина, зробленого з відповідного сорту винограду (мускат), а друга указувала на матеріал, з якого виготовлений напій – цукор із тростини. Укладачі «Історичного словника білоруської мови» у реєстровому *канаръ*, *конаръ* виокремлюють два значення: 1) «цукор із тростини»; 2) «вид іспанського вина», в ілюстративному матеріалі до другого значення подаючи сполучення слів: *Поклону полмисокъ кореня и фляшу вина* ***канаръ секту****, которое куповали передъ тымъ* (ИЮМ, XII, 100, 1698) [1, с. 255–256]. Укладачі «Словника російської мови XVIII ст.» у реєстровому *канарский* виокремлюють семантику субстантивата: «**канарское**, *субст. Вино, привозимо с Канарских островов*» [7, с. 231]. Відсутність цієї лексеми в реєстрі «Словника української мови XVI – першої половини XVII ст.» може слугувати додатковим «часовим» свідченням її входження в лексичну систему української мови через посередництво російської, що спричинено зазначеним вище позалінгвальним чинником – входження частини українських земель до складу Російської імперії – суб'єкта тодішніх офіційних зовнішньоторговельних зв'язків з іншими країнами.

Лексема *вишиніовка* – універбат складеного найменування цього напою *горѣлка вишневая*: *Былъ рано въ коллегіи, по обѣдѣ у Інехова, и отнесены къ нему 2 бутелки* ***вишиніовки****, 1 водки* (с. 62), яка, за даними істориків української мови, у першій половині XVIII ст. витіснила дериват чоловічого роду *вишнякъ* [2, с. 387].

Коротко згадаємо за назви безалкогольних напоїв, що репрезентовані в досліджуваній пам'ятці трьома одиницями – *чай, сік, молоко*. Зауважимо, що тільки лексема *сокъ* безпосередньо реалізує значення «напій, виготовлений із рідини та плодів рослин». Атрибутиви-диференціатори дозволяють говорити про сік із берези та сік із, можливо, ягід смородини або ж граната, напр.: *За пол-ока* ***бѣлого соку*** *15 к., за сулейку* ***чорного соку*** *20 к.* (с. 111), хоч для М. Ханенка це були звичні найменування, що не потребували додаткового коментаря. Номен *чай* у більшості уживань функціює зі значенням «висушене й оброблене листя рослини чаю, з якого готують ароматний напій». Один раз цю лексему фіксуємо із синкретичним значенням: контекст засвідчує імпліцитність семи 'ароматний напій із висушених листочків чаю' в лексемі *чай* «чаювання»: *Рано прибылъ въ дворецъ ісаевскій и тамъ послѣ* ***чаю*** *ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали* (с. 125).

Рідким продуктом харчування тваринного походження, який, окрім приготування з нього інших продуктів, п'ють, є молоко. На цій підставі зараховуємо номен *молоко* до групи назв безалкогольних напоїв. М. Ханенко додатково вказує головного споживача цього напою – дітей, напр.: *На молебствіе у Вознесенія 40 к., на* ***молоко*** *для дѣтей 3 к.* (с. 30).

Отже, у «Щоденнику» зафіксовано значну кількість назв напоїв, що функціювали в українській мові в першій половині XVIII ст. Квантитавний параметр свідчить про переважання групи назв хмільних напоїв, а структурний – однослівних номінацій над двослівними. Щоденникові записи засвідчують «лексикопоповнювальну» для української мови функцію її автора, слугують першофіксацією номінацій того чи того напою.

Література

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 14. Игде – Катуючий / склад. Т. І. Блізнюк і інш. Мінск, 1966. 301 с.

2. Історія української мови. Лексика і фразеологія / під ред. В. М. Русанівського. Київ, 1983. 744 с.

3. Козырева З. Г. *История названий продуктов питания и пищи в украинском языке* : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов СССР (украинский язык)». Киев, 1984. 25 с.

4. Крижко О. А. *Розвиток семантики побутової лексики українських літописів кінця XVII – початку XVIII століття (назви їжі, напоїв, продуктів харчування)*: автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». Київ, 1997. 17 с.

5. Моисеенко В. ***Водка: русизм или полонизм? Историко-этимологический этюд.*** *Studia Slavica*. 2012. 57 (2). Pp. 383–395.

6. Моисеенко В. Е. Ещё раз об истории слова *водка* (этимологический этюд). *Славянский вестник.* М., 2003. Вып. 1. С. 84–95.

7. Словарь русского языка XVIII века / Ю. С. Сорокин (ред.). Санкт-Петербург, 1997. Вып. 9. 270 с.

8. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1997. Вип. 4. 255 с.

9. Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка.* Санктъ-Петербургъ, 1895. Т. I. IX с. + 1420 к. + 49 с.

10. Яценко С. Назви хмільних напоїв в українській мові XIV–XVII ст. *Українська мова*. 2009. № 2. С. 49–55.

В статье основное внимание уделено номинациям напитков, попавших в украинский язык различными путями. Как утверждает автор, существенную роль в пополнении лексики для обозначения напитков сыграли представители украинской верхушки, которые одними из первых в восточнославянском языковом ареале вследствие внелингвистических факторов стали реципиентами заимствований в этой группе.

Ключевые слова: *лексика, лексема, заимствования, семантика.*

The article focuses on the nominations of beverages that entered the Ukrainian language in different ways. According to the author, a significant role in replenishing the vocabulary for the designation of beverages was played by representatives of the Ukrainian elite, who among the first in East Slavic language due to non-lingual factors became recipients of borrowings in this group.

Keywords: *vocabulary, token, borrowing, semantics.*

З. Р. ДЖУРАЕВА

Бухарский государственный университет, Узбекистан

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РУССКОГО ЯЗЫКА С ФИТОНИМОМ-ДЕНДРОНИМОМ

У статті представлено результати дослідження пареміологічних одиниць російської мови, що мають в своєму складі фітонімічний компонент. Проаналізовано пареміологічний фонд мови, що містить фітоніми – назви дерев, в рамках російської ментальності. Аналіз російських прислів'їв показав, що найбільш високу рекурентність демонструють прислів'я і приказки, компонент яких виражений родовими дендронімами «ліс» і «дерево». Аналіз паремій з рослинним компонентом довів вплив на мову народу реалій рідної природи.

Ключові слова: *фітоніми, дендроніми, національна ментальність, прислів'я, приказки, пареміологічний фонд, мовна картина світу.*

Фитонимическое пространство, которое является одним из наиболее существенных и обширных лексико-грамматических групп в языковой картине мира, отражает принцип «язык-культура-этнос» и влияет на формирование данного пространства в языке, исходя из взаимосвязанности языка и культуры, языка и ментальности.

Языковая картина мира, как отражающаяся в языке совокупность представлений о мире, является одной из актуальных проблем современной научной парадигмы. Особую роль в исследовании картины мира играет система номинации. Номинация реалий окружающего мира может изучаться при помощи семасиологического метода от звучания к содержанию и применением ономасиологического анализа от содержания к выражению,

что означает исследование множества наименований одного и того же денотата, в нашем случае – древесного растения. Совокупность обоих методов позволяет раскрыть семантику лексем в полном объеме и понять их коннотацию в пословично-поговорочном контексте [1, с. 59].

Пословицы и поговорки – это часть устного народного творчества, народная энциклопедия жизни. Они изучались ранее лишь в литературоведении, но поскольку эти особые языковые единицы имеют много лингвокультурологических особенностей, они стали объектом исследования разных новых лингвистических направлений – лингвокультурологии, лингвофольклористики, когнитивной лингвистики.

Паремиологический фонд языка – это ценное лингвистическое наследие народа, отражающее его обычаи, традиции и историю. В паремиях закрепились различное восприятие и оценка сфер жизни человека, таких как работа, семья, коллектив, любовь и др. Пословицы и поговорки составляют важнейший элемент духовной культуры народа, а относительно языковой формы характеризуются смысловым разнообразием, поэтичностью художественной структуры, образностью.

Литература, посвященная изучению пословиц, весьма обширна и многопланова. Научный интерес филологов к пословицам объясняется прежде всего тем, что, составляя важнейший элемент духовной культуры, они заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую емкость языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа. Поэтому до сих пор пословицы остаются предметом пристального внимания современных лингвистов.

Становление паремиологии как науки относится к началу прошлого века и связано, прежде всего, с именем А. Тейлора. Исследованием паремиологического материала занимались также М. Куни, Г. Л. Пермяков, В. Мидер и др.

Предметом нашего исследования являются паремии с фитонимическими компонентами, среди которых особое место занимают дендронимы – названия древовидных растений, деревьев и кустарников, т.е. тематическая группа, являющаяся совокупностью имен существительных, объединенных общим значением «растение с одревесневевшим главным стеблем (стволом)».

Фитонимы (названия растений и их плодов) как объект лингвистического изучения лежат в основе многих пословиц и поговорок. Растения с древности присутствовали в жизни любого народа и всегда играли немаловажную роль в жизни человека [2, с. 408].

Растения, трава, деревья как составляющие элементы фитонимического пространства по преданиям древних славян, обладали сверхъестественной силой как целительной, так и разрушительной. Так, береза, дуб, ель, яблоня, груша, вишня считались символами доброго начала; калина, рябина, осина – символами несчастья.

Лес – место тайн и опасностей, посвящений и испытаний, но одновременно и символ убежища. По мифологическим представлениям славянских народов лес – запредельный мир, царство мертвых. Отсюда сильное проклятие у славян «Иди ты в лес!» – это пожелание смерти. В русской паремиологии существует немало пословиц и поговорок, в состав которых ходят номинативные компоненты «лес»: ‘*Чем дальше в лес, тем больше дров’; ‘Лес по лесу, что рубль по рублю, не плачет’; ‘Был бы лес, а топор сыщем’; ‘Дуга моя в лесу растет, вожжи на лутошке’; ‘И двор, и вор, и лес, и бес’; ‘Не что в лесу трещало, что не волки шли’; ‘Каково в лесу кликнется, таково и откликнется’.*

Такое частотное употребление фитонима «лес» может объясняться тем, что большая часть равнинной территории Росси занята лиственными, хвойными и смешанными лесами.

Компонент «**дерево**» имеет высокую рекуррентность в русском языке. Объясняется это тем, что дерево является одним из основных элементов традиционной картины мира. Корни обожествления деревьев лежат в мифах, остатки которых продолжают жить,

воплощаясь во фразеологизмах и пословицах. Дерево в славянской мифологии и культуре занимает одно из ведущих мест. С. А. Есенин в «Ключах Марии» гениально подметил смысл представлений русских о древе жизни: «Все от Древа – вот религия мысли нашего народа… То, что музыка и эпос родились вместе через знак древа, заставляет нас думать об этом как не о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымеренном представлении наших далеких предков» [3, с. 19].

В словаре В.И.Даля «Пословицы русского народа» [4, с. 399] приводится большое количество паремий, фитонимический компонент которых вербализован лексемой «дерево»: ‘*Дерево водой живет, дерево и воду бережет’; ‘Куда дерево клонилось, туда и повалилось’; ‘Куда дерево подрублено, туда и валится’; ‘Не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого’; ‘Руби (вали) дерево по себе. Не по себе дерева не руби’*.

Практически все пословицы с фитонимами имеют прямое отношение к человеку. Следовательно, большая часть отобранных нами паремий – антропоцентрична. В этих пословицах особое внимание уделяется внешним, индивидуальным, нравственным, физическим, эмоциональным, психологическим и ментальным характеристикам человека, его социальному положению, системе ценностей, деятельности и поведенческим особенностям.

С семантической точки зрения большинство паремий с компонентами-дендронимами «лес» и «дерево» описывает характер человека, его внешние и физические данные, сравнивая человека с деревом: ‘*Дерево держится корнями, а человек – друзьями’; ‘Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын’; ‘Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается’*.

Дерево у славян – мотив приобщения к миру предков, что обусловлено и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни, и мифическими представлениями и мировом дереве, которое обнимает корнями землю, а ветвями держит небо.

Дуб – самое почитаемое дерево в русской традиционной культуре, символизирующее силу, крепость: ‘*С одного удара дуба не свалишь’; ‘Держись за дубок, дубок в землю глубок’*; ‘*Старый дуб не скоро сломится’*.

У славян дуб занимает первое место в ряду деревьев, он соотносится с верхним миром, характеризуется положительной коннотацией. В культовой практике именно дуб выполнял ряд сакральных функций и в фольклоре фигурировал в качестве Мирового Древа. Видимо, поэтому на первом месте среди фитонимов, встречающихся в паремиях, стоит «**дуб»**: ‘*Олень с дубом бодался, да рог сломал’; ‘На дубу не мое, а в кулаке мое’; ‘Наше авось не с дуба сорвалось’; ‘Сдуру, что с дубу’; ‘Не срубишь дуба, не отдув губы’; ‘Кабы не хмель, не мороз, так бы через дуб перерос’; ‘На дубе не растут лимоны’*.

Береза – одно из наиболее почитаемых славянами деревьев. В свадебных и лирических песнях береза – самый популярный символ девушки. В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы жениха и невесты: *У вас есть береза, а у нас дуб*. Приведем примеры пословиц, с компонентом «береза»: *‘Я тебя, берёзонька, не хаю, не хвалю’; ‘Где дубняк, там и березняк’; ‘Береза не угроза: где стоит, там и шумит’; ‘Ельник, березник – чем не дрова, хлеб да капуста – чем не еда’*.

Липа – дерево, почитаемое во всех славянских традициях как святое дерево. У восточных и западных славян липа считалась деревом Богородицы: говорили, что на ней отдыхает Богородица, спускаясь с небес на землю. Повсеместно считалось, что в липу не бьет молния, поэтому ее сажали у домов и не боялись скрываться под ней во время грозы.

Лексема «липа» широко представлена в паремиологическом фонде русского языка как в прямом, так и в переносном значении, правда, ей не сопутствует положительная

коннотация: ‘*Бары липовые, а мужики дубовые’; ‘Облупили, как липку, обобрали, как малинку’; ‘Была липка, стала лутошка’.*

Традиционным женским символом (жены, матери), характеризующимся положительной коннотацией, в русской культуре является **яблоня:**

А третье в саду древо – сладка яблонька.

Что кедрово древо в саду – родной батюшка;

Кипарис-древо в саду – родна матушка;

Сладка яблоня в саду – молода жена;

Отросточки у яблоньки – малы детушки.

Пословично-поговорочный фонд русского языка представлен следующими паремиями с компонентом «яблоня»: ‘*Стоит столб на семь ворот: на осьмых воротах яблонь, на яблоне цвет во весь свет (пасха)’; ‘Съешь и морковку, коли яблочка нет. На сосне яблоки не растут’; ‘Здоровое яблоко с ветки не падает’; ‘Не всякое яблоко сладкое’.*

Ель в традиционной русской культуре является деревом, используемым в похоронных и поминальных ритуалах, а также в качестве обрядового дерева. Для символики ели существенны ее природные свойства как вечнозеленого, пахучего, колючего, «женского»: ‘*Красивая, как елка – колючая, как иголка’* и бесплодного дерева: ‘*Не ищи на елке яблочка’*. Распространены поверья, связанные с запретом сажать и вообще иметь около дома ель, которая якобы «выживает» из дома мужчин. Запрет сажать ель у дома может объясняться принадлежностью ели к неплодовым деревьям, отсюда следуют опасения, что «в доме ничего не будет вестись». Особенно избегали держать ель у домов молодоженов, чтобы те не остались бездетными: ‘*Не расти яблочку на елке’.*

В славянской культуре **вяз** ассоциируется с гибкостью: ‘*Исподволь и ольху согнешь, а вкруте и вяз переломишь’; ‘Бары кипарисовые, мужики вязовые (и гнутся, и тянутся)’.*

В легендах и преданиях западных и восточных славян **клен** (явор) – дерево, в которое превращен человек. По этой причине клен не используют на дрова (явор от человека пошел), не делают из него гроб (грешно гноить в земле живого человека). Сравните также типичное для русских причитаний обращение к умершему сыну: «Ай, мой сыночек, мой же ты яворочек». В следующей паремии использовано сразу два фитонима «клен» и «ясень»: ‘*Клен да ясень – плюнь да сгасни’.*

В традиционных русских народных представлениях **осина** – проклятое дерево.

У восточных славян распространено поверье о том, что на осине повесился Иуда, отчего у осины дрожат листья. Отсюда отрицательная коннотация у пословиц с компонентом «осина»: ‘*От осины яблочку не родиться’; ‘На осину б тебя’; ‘Чтоб тебя на осину!’; ‘Ладило б тебя на осину’*. Осину запрещалось сажать около домов (во избежание несчастий и болезней), ее не использовали при строительстве, не топили ею печь, избегали сидеть в тени дерева, не вносили в дом осиновых веток. В местах, где растет осина, по поверьям, вьются черти, ходить там небезопасно. С этими поверьями связан и запрет прятаться под осину во время грозы, потому что «осину гром ищет» (гром «бьет» черта в славянских поверьях) [5, с.35].

Фитонимы в паремиях русского языка – чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляющий специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Пословицы с фитонимами «деревья» в русском языке обладают как положительной, так и отрицательной коннотацией. В русских пословицах использованы красочные образы и сравнения, они богаты иронией и тонкими наблюдениями.

Таким образом, проблема восприятия природы человеком напрямую связана с проблемой ментальности. Следовательно, путь изучения паремий как выразителей особой национальной ментальности является, на наш взгляд, актуальным и перспективным.

Литература

1. Красс Н. А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка: на материале мифологии, фольклора и поэзии: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2000. С.59–61.

2. Юсупова Л. Я., Кузьмина О. Д., Кузнецова И. И. Паремиологические единицы с компонентом-фитонимом в русском, английском и немецком языках. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2018. № 5(83). Ч.2. С.408–411.

3. Трофименко Т. А. Номинация деревьев как средство антропоморфной символизации в русской поэзии. Вестник Рязанского университета. 2005. № 5. С.19–24.

4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2012. 399 с.

5. Гроздова Н .Б. Занимательная дендрология. М., 1991. С.35–37.

В данной статье представлены результаты исследования паремиологических единиц русского языка, имеющих в своем составе фитонимический компонент. Проанализирован паремиологический фонд языка, содержащий фитонимы – названия деревьев, в рамках русской ментальности. Анализ русских пословиц показал, что наиболее высокую рекуррентность демонстрируют пословицы и поговорки, компонент которых выражен родовыми дендронимами «лес» и «дерево». Анализ паремий с растительным компонентом доказал влияние на язык народа реалий родной природы.

Ключевые слова: *фитонимы, дендронимы, национальная ментальность, пословицы, поговорки, паремиологический фонд, языковая картина мира.*

This article presents the results of a study of the paremiological units wwith a phytonymic component in the Russian language. The author analyses the paremiological corpus containing phytoonyms - the names of trees within the framework of the Russian mentality. The analysis of Russian proverbs shows that the highest recurrence is typical of proverbs and sayings, the component of which is expressed by the generic dendronyms "forest" and "tree". Analysis of paremias with a plant component proves the influence of the realities of their native nature on the language of the people.

Keywords*: phytoonyms, dendronyms, national mentality, proverbs, sayings, paremiological fund, linguistic picture of the world.*

Т. В. ЕРОМЕЙЧИК

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ДИСКУРСЕ СПОРТА

Статтю присвячено розгляду спортивної комунікації Білорусі, яка являє собою особливий дискурсивний простір. Об'єктом дослідження стають метафори як найбільш культурогенні феномени комунікації. Автор аналізує функціональні можливості і видове різноманіття цих одиниць, визначаючи домінантні моделі.

Ключові слова: *спортивна комунікація, дискурс спорту, метафора, емоційний вплив, оцінка, прагматика.*

В последнее время в лингвистической науке коммуникативное пространство спорта всё чаще рассматривается в прагматическом аспекте, с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования, исследуется эффективность реализации внеязыковых интенций его субъектов. В современной научной литературе, посвященной изучению феномена спортивной коммуникации, существует большое разнообразие мнений по вопросам определения сущности дискурса спорта и его места в общем дискурсном пространстве, выявления универсальных и частных коммуникативно-прагматических

характеристик. В настоящей работе мы опираемся на антропоориентированный подход к определению спортивной коммуникации, в котором спортивный дискурс трактуется как «особый конструкт социальных, психологических, когнитивных и лингвистических факторов, которые в своей уникальной совокупности призваны отражать всю гамму экспрессивно-эмоциональных проявлений спортивного противостояния и авантюризма, имеющих место в контексте спортивной борьбы» [1, с. 233].

В этой связи следует признать, что одним из основных средств осуществления прагматического воздействия на массовую разрозненную аудиторию в спортивном дискурсе является апелляция к эмоциональному восприятию, насыщение текста экспрессивными и стилистически окрашенными языковыми единицами.

Вследствие чего отличительной чертой современной коммуникации в сфере спорта становится метафоризация продуцируемых текстов, позволяющая эксплицировать всю гамму эмоционально-аксиологических проявлений спортивного противостояния и соперничества, имеющих место в контексте спортивной борьбы.

Представляется, что высокая метафорическая плотность спортивных коммуникативных потоков Беларуси обусловлена широким функциональным импликационалом данного выразительного средства, в частности номинативными, атрактивными, компрессионными, мнемоническими и другими потенциями.

Так, будучи способом вторичной номинации объекта на основании некоторых его признаков, сходных с другим объектом действительности, метафора позволяет при помощи ассоциативных связей не только квалифицировать определенную ситуацию или ее участников, но и задавать их соответствующую оценку: 1) *В общем, не стесняются уже динамовцы* ***убивать*** *время*; 2) *Энрот продолжает* ***геройствовать***; 3) *Вратарь «Трактора» с трудом* ***тащит***; 4) *Перамаглі, але не зусім задаволены камандныміі ўзаемадзеяннямі. Трэба было* ***засушыць гульню***; 5) *Шевченко буквально втолкнул шайбу за линию ворот под Энротом, пока защитники смотрели на это* ***действо***; 6) *Полузащитник отправился в «Лиду»* ***перезагружать*** *карьеру после вылета с «Нафтаном» из высшей лиги.*

Более того, использование метафоры способствует как привлечению внимания к предлагаемой оценке, так и созданию яркого образа объекта квалификации, что значительно повышает степень запоминаемости подобных суждений: 1) *Да и стрельба, над которой команда работала все лето,* ***разочаровывает***; 2) *В высшей лиге Лисица провел практически всю карьеру, его опыт – первый* ***козырь***; 3) *Шарапова пыталась* ***выцарапывать розыгрыши*** *за счет упорства, Арина принимала вызов и несколько раз провела показательные перестрелки кроссом*; 4*) Дважды* ***простили*** *минчан хозяева. Игроки не смогли* ***укротить*** *шайбу*; 5) *Буйницкий хлестко* ***пальнул****, а молодой вратарь «Трактора»* ***зевнул*** *– вот и пропустил. Пускай не* ***расстраивается****: мы-то* ***радуемся***; 6) *А еще у команды* ***на выданье*** *отличная молодежь – Шевченко, Бахар, Бессмертный.*

Анализ коммуникативных потоков белорусских спортивных организаций свидетельствует о том, что посредством метафорического ассоциирования в них моделируются оценочные образы субъектов и объектов самых разнообразных сфер жизнедеятельности общества: политики, экономики, образования, искусства, науки и т.д.

Однако при всей широте спектра областей-источников метафорических образов наблюдается явное доминирование отдельных из них.

Прежде всего, следует отметить преобладание *милитаристской модели*, результатом которой становится репрезентация спортивных событий посредством лексики военного дискурса, что обусловлено общим конфронтационным характером спорта: 1) *Расмуссен* ***поразил*** *пустые ворота*; 2) *Очень опасно у ворот. Кейлоф мог сравнять счет – выручил в* ***ближнем бою*** *шведский кипер*; 3) *Терещенко* ***в упор расстрелял*** *ворота Коновалова!* 4) *Результат давления сочинцев. Не перестают они* ***атаковать*** *ворота минчан*; 5) *На*

мужском ***фронте*** *без изменений. Лишь один белорус в гонке преследования* 6) *Сарока хлестко* ***выстрелил*** *с 22 метров и угодил в штангу!*

Достаточно распространены *образовательные метафоры*, апеллирующие к опыту обучения и академическим успехам: 1) *Что ж, Соболенко* ***блестяще сдала экзамен***; 2) *Как знать, может и удастся тренерскому штабу насобирать состав, которому не придется* ***решать*** *приземленные* ***аутсайдерские задачи***; 3) *Уже минуты три минчане не покидают своей зоны. Бросок за броском, вбрасывание за вбрасыванием. Но* ***задач со звездочкой*** *москвичи перед Энротом пока не ставят*; 4) *Сборная Беларуси четко знала, что и как делать. Выдержала натиск* ***как по расписанию****.*

Следует сказать и о сравнительно высокой репрезентативности природных метафор, при построении которых в качестве источника отсылочных образов выступают явления природы: 1) *Но пока этого светлого будущего за* ***безочковым туманом*** *не видно*; 2) *Составы равные, а «Сочи» продолжает* ***шквал*** *атак*; 3) *«Трактор» снова впереди! Концовка нас ожидает* ***жаркой***; 4) *Белорусская команда в этой игре уверенно реализовала ураган нападений*; *5) Будущее наступило внезапно, и к нему менеджмент нашего биатлона оказался решительно не готов. Функционеры* ***засмотрелись на Солнце*** *и* ***не заметили*** *перед собой* ***пропасть****.*

К группе наиболее распространенных метафор спортивной коммуникации относятся *транспортные метафоры*, используемые, как правило, для квалификации усилий, прилагаемых для достижения спортивных успехов: 1) *Очень тяжелый* ***путь к победе*** *у минчан, много опасных моментов у «Амура»*; 2) *Тут уж и Гомель с Гродно сносно держатся в таблице, а Витебск вообще* ***летает высоко***; 3) *Все-таки первая треть стала для них скорее* ***легкой прогулкой****, чем последним боем;* 4) *Сейчас днепровцы лишь укрепили репутацию* ***лифта****, который* ***курсирует туда-сюда*** *по лигам.*

Можно также отметить высокую частотность *метафоры искусства* – театральной, литературной, музыкальной, кинематографической и др., – целью которой является акцентуация эстетической и зрелищной составляющих спортивных мероприятий: 1) ***Все инструменты*** *уже* ***настроены****, и надо только сыграть*; 2) *Концовка периода проходит* ***под аккомпанемент*** *атак «Динамо»*; 3) *Делать выводы по первому гоночному уик-энду все равно бессмысленно. Но какие-то* ***штрихи на большой холст нанести*** *можно*; 4) ***Рисунок игры*** *прежний*; 5) *Но пока все идет* ***по*** *оптимистичному* ***сценарию****. После трех этапов наша женская команда располагается на 11-м месте*; 6) *У кожнага ў камандзе свая* ***роля****. А Ігар Крыушэнка –* ***дырыжор****.*

Наконец, распространенным средством усиления апеллятивности высказывания и интенсификации экспрессии являются так называемые *фразеологические метафоры*, строящиеся на основе канонических и трасформированных фразеологических единиц: 1*) Так вот, еще в марте было очевидно: с этими игроками* ***далеко не уедешь***; 2) *Таких людей из футбола надо* ***гнать взашей***; 3) *На «Белшину» осыпалась* ***манна небесная***; 4) *Строго говоря, команде Криушенко достаточно набрать одно очко в заключительной игре с Сан-Марино и* ***дело в шляпе***; 5*) Не видно никакого желания в действиях «зубров». После третьей шайбы* ***руки у них опустились*** *и уже* ***не поднимались****. Хорошо бы хоть* ***с колен подняться***; 6) *Ждем прорыва в очковую зону Ирины Кручинкиной, которая пока* ***ходит*** *лишь* ***вокруг да около****.*

В дискурсе отечественного спорта присутствуют также и другие виды метафор, например, метафоры организма: *Анатолий Капский – главный человек в истории белорусского футбола. Он* ***сердце*** *нашего футбола*; абстрактные метафоры: *В глобальном измерении в женской части соревнований пока никаких* ***революций*** *не намечается*; магические метафоры: *«Нефтехимик»* ***творит*** *сегодня* ***чудеса***; архитектурные метафоры: *Трохі* ***перабудавалі гульню*** и т.д., однако процент их употребления весьма незначителен.

Таким образом, метафорическая зона спортивной коммуникации Беларуси демонстрирует фактически безграничный потенциал языковой метафоры как выразительного, эмоционально-экспрессивного и суггестивного инструмента.

Литература

1. Мамайко С. Г. Реализация экспрессивной установки в заголовках спортивного дискурса / С. Г. Мамайко // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред.О. И. Уланович. Минск, 2014. С. 232–237.

Статья посвящена рассмотрению спортивной коммуникации Беларуси, представляющей собой особое дискурсивное пространство. Объектом исследования становятся метафоры как наиболее культурогенные феномены коммуникации. Автор анализирует функциональные возможности и видовое разнообразие данных единиц, определяя доминантные модели.

Ключевые слова: *спортивная коммуникация, дискурс спорта, метафора, эмоциональное воздействие, оценка, прагматика.*

The paper is aimed at the research of sports communication in Belarus, which is a special discursive domain. The object of the research is metaphors as the most culturally charged phenomena of communication. The author analyzes the functional potential and typological diversity of these units, identifying dominant models.

Keywords: *sports communication, sports discourse, metaphor, emotional impact, appraisal, pragmatics.*

Л. В. ЗАВАЛЬСЬКА

Національний університет «Одеська юридична академія»

КОМУНІКАТИВНА ТАКТИКА ДЕМОНСТРАЦІЇ ІНТЕЛЕКТУ В УКРАЇНСЬКОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Статтю присвячено виокремленню тактики демонстрації інтелекту в межах кооперативної взаємодії мовців в українському політичному дискурсі. Окреслено специфіку кооперації у мовленні політиків та простежено специфіку реалізації тактики демонстрації інтелекту через інтертекстуальні елементи і прецедентні феномени. Основним матеріалом дослідження стали монологічні і діалогічні виступи українських політичних діячів.

Ключові слова*: політичний дискурс, кооперація, мовленнєва поведінка, комунікативна тактика, демонстрація інтелекту.*

Мовленнєва поведінка комунікантів у політичному дискурсі зумовлена орієнтацією на співрозмовника (співрозмовників), оскільки діалогічний характер спілкування вимагає врахування чинника адресата. Т. Г. Винокур зазначає, що цей чинник передбачає орієнтацію «а) на іншу особу загалом; б) на іншу особу як конкретну соціально-детерміновану особистість; в) на конкретну особистість у співвідношенні її ознак з ознаками мовця – демонструє ступінь стилістичної визначеності в змісті комунікативної ролі обох учасників мовленнєвої взаємодії і характер її стилістичної скерованості» [1, с. 84]. Специфіка політичної комунікації полягає в тому, що мовець одночасно орієнтується на всі три вияви адресата: по-перше, адресатом є інша особа; по-друге, інша особа сприймається як соціально детермінована особистість, що є носієм певної соціальної ролі; по-третє, адресат сприймається виключно в кореляції з мовцем. До того ж, адресат постає і як реальний безпосередній реципієнт мовлення, і як адресат-спостерігач, і як масовий адресат. Урахування цих особливостей адресованості визначає й характер комунікативної взаємодії політиків.

Насамперед вибір мовця пов'язаний із прагматичними, стилістичними та риторичними аспектами мовленнєвої діяльності, що зумовлює вибір конкретних мовленнєвих дій, які отримали назву комунікативних тактик. Тактика – це спосіб реалізації комунікативного наміру, сукупність конкретних мовленнєвих прийомів і мовленнєвих актів у межах загальної стратегії комунікації. Ми визначаємо тактику як мовленнєву дію, скеровану на здійснення комунікативного наміру мовця в межах обраної стратегії поведінки в політичному дискурсі.

Комунікативна взаємодія ґрунтується на основних правилах комунікації та принципу кооперації, сформульованих Г. П. Ґрайсом. Кооперативний принцип полягає в тому, що всі учасники діалогу повинні бути орієнтовані на спільну мету: «Твій комунікативний внесок на певному етапі діалогу має бути таким, якого потребує спільна прийнята мета (спрямування) цього діалогу» [2, с. 219]. О. О. Селіванова зазначає, що кооперація «характеризується узгодженістю намірів, стратегічних програм комунікантів, симетричними відношеннями між ними, балансом комунікативних статусів, ефективністю й оптимальністю спілкування» [5, с. 603–604]. Зважаючи на це, вдала послідовність дій дає підстави для реалізації кооперативного спілкування, коли обидва учасники позитивно налаштовані, мають симетричні комунікативні позиції та прагнуть отримати результат з урахуванням позиції співрозмовника.

Однією з тактик кооперативного спілкування в політичному дискурсі є демонстрація політиками інтелектуальних здібностей і знань. Ця тактика характерна для тих політиків, що схильні до раціональної аргументації та тяжіють до вільного оперування фактичною інформацією, зокрема історичними відомостями, цифровими показниками, іншими фактами. Н. В. Кондратенко, характеризуючи інтелектуалізацію не як тактику, а як стратегію, зазначає: «політики намагаються продемонструвати власні інтелектуальні здібності у будь-який спосіб, зокрема на фоні інших, не таких розумних політиків» [3, с. 55]. Однак демонстрація інтелектуальних здібностей в інтерактивному спілкуванні скоріше виняток, ніж поширене явище, тому що в спонтанному мовленні політики рідко здатні продемонструвати власні ґрунтовні знання. З огляду на це тактика демонстрації інтелекту здебільшого є ознакою монологічного підготовленого мовлення, наприклад, з промов українських президентів.: *Відомий* ***французький мислитель Ернест Ренан казав, нація – це повсякденний плебісцит.*** *Від початку російської агресії проти України в лютому чотирнадцятого року українці кожного дня активно голосують за єдину, незалежну, соборну, унітарну, демократичну, європейську Україну* (П. Порошенко); *У цей день, 25 вересня, помер Еріх Марія Ремарк. А 90 років тому світ побачив його роман «На Західному фронті без змін».* ***Нагадаю слова з передмови до нього: «Це спроба розказати про покоління, скалічене війною. Про тих, хто став її жертвою, навіть врятувавшись від снарядів»****. А ще 90 років тому світ побачив інший роман. Це «Прощавай, зброє!» Ернеста Хемінгуея.* ***Ось цитата звідти: «Війну неможливо виграти перемогами. Той, хто виграє війну, ніколи не перестає воювати…»*** (В. Зеленський). Однак тексти виступів готують відповідні фахівці, а політики їх лише озвучують.

Зважаючи на це, цитати й посилання на авторитетні джерела широко представлено в підготовлених промовах, а в спонтанному мовленні можна простежити тенденцію до залучення прецедентних феноменів. В. В. Красних називає основні характеристики прецедентних феноменів: здатність «1) виконувати роль еталона культури; 2) функціонувати як згорнута метафора; 3) виступати як символ певного феномена чи ситуації (взятих як сукупність комплексу диференційованих ознак)» [4, с. 171]. Це уможливлює активне вживання їх у політичному дискурсі, оскільки він орієнтований на масового адресата і не вимагає від мовця серйозної інтелектуальної підготовки. Саме тому прецедентні феномени фіксуємо в мовленні політиків, які не представляють свій імідж як інтелектуальний, а скоріше як імідж політика-прагматика, напр.: *Шановна Юліє Володимирівно, Ви знаєте,*

Ви прекрасний політик, ще більш чудова актриса, але ***за Станіславським: «Не вірю»*** (М. Добкін). З огляду на це в інтерактивному спілкуванні переважають алюзії та побічні згадування відомих особистостей, прецедентних феноменів або текстів, без точного цитування, напр.: *Коли вже зовсім старий був* ***Уїнстон Черчилль****, він уже практично був далеко на пенсії, його запросили в один з університетів прочитати лекцію. Це була одна з останніх його лекцій. Зібралося безліч людей: тисячі, – щоб послухати квінтесенцію життя мудрої людини, яка захистила свою країну від війни. І коли він вийшов, всі очікували довгі промови – він сказав лише одне... Він сказав: «Ніколи-ніколи-ніколи-ніколи не здавайтеся». Спокійно сів на своє місце і через декілька хвилин цей великий зал, де було безліч людей, просто розірвали овації* (Ю. Тимошенко). Такий вільний переказ прецедентної ситуації є поширеним у спонтанному мовленні, тому що не передбачає точного відтворення інформації, зокрема немає потреби в цитуванні. А посилання на прецедентне ім'я створює для політика імідж обізнаної людини, здатної наводити історичні ремінісценції без підготовки.

В окремих випадках політики використовують «домашні заготовки» – підготовлені приклади, скеровані на підтримання іміджу інтелектуала, напр.: *Я хочу сказати і згадати просто... Президент Сполучених Штатів* ***Джон Кеннеді*** *у свій час, коли після операції, до речі, на спині, коли він був сенатором, ще перед тим, як він став президентом, – він написав книгу, за яку отримав* ***Пулітцерівську премію****. Книга називається* ***«Профілі мужності»****. І він починає свою книгу, яку написав сам, з визначення, що таке мужність. І він використовує визначення* ***Ернеста Хемінгуея: «Грейс андер преше». «Зберігати достоїнство всупереч тиску»*** (Г. Немиря). У цьому прикладі йдеться не лише про прецедентні феномени, зокрема прецедентні імена, а наявне цитування прецедентного тексту мовою оригіналу та в перекладі. Не можна однозначно стверджувати, але вважаємо, що таке висловлення є підготовленим і використаним у діалогічній взаємодії за відповідних комунікативних умов: демонстрація інтелектуального рівня політика, а саме цій настанові підпорядкована тактика інтелектуалізації, виглядає дещо штучно, а зміст репліки не пов'язаний із загальною темою діалогу.

Таке хизування власним інтелектом або демонстрація освіченості не завжди працює на підтримку позитивного іміджу, напр.: Н. Шуфрич: *...є тірольський варіант. Це ситуація, яка не в таких масштабах, але була подібна...* ***на півночі Італії, коли провінція Південний Тіроль*** *відстоювала своє право говорити на німецькій мові, там діяла відповідна терористична організація, були дуже... дуже непрості події.* А. Куликов: *Пане Шуфрич, я перепрошую. До якого періоду ви зараз апелюєте*? Н. Шуфрич: *Я вибачаюся. Це 60-ті роки, 70-ті роки минулого століття. Але...* А. Куликов: *Я нагадаю Вам і глядачам, що* ***провінція Південний Тіроль входила до складу Австро-Угорської імперії, потім, після... за результатами Першої світової війни, була передана Італії.*** *Я гадаю, що без розуміння цього факту... Так? Прошу.* Н. Шуфрич: *Безумовно. Але... але там жили етнічні німці, і вони відстоювали свої права, в тому числі і на мову, і на...* А. Куликов: *Етнічні австрійці скоріше.* Н. Шуфрич: *Ну, німецькомовні австрійці.* Маніпуляція історичними фактами, наявна в репліці Н. Шуфрича, нівельована в коментарях ведучого ток-шоу, який розтлумачує описану ситуацію більш об'єктивно, що не дозволяє використовувати її як ілюстрацію для підтвердження власної думки. Політик вдався до прикладу, демонструючи власні знання з європейської історії, однак часткове подання інформації завадило підтримати свій імідж.

Отже, мовленнєвою формулою тактики демонстрації є «*Я найрозумніший*», «*Я багато знаю*». Утім, потрібно зазначити і тенденцію до домінування кооперативності в цій тактиці, оскільки мовці демонструють власний інтелект, не принижуючи своїх співрозмовників. Проаналізована тактика дає змогу реалізувати стратегію самопрезентації: політик постає як високорозвинена, інтелектуальна особистість.

Література

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. Москва : Наука, 1993. 172 с.

2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике : Лингвистическая прагматика*. Вып. XVI. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.

3. Кондратенко Н. В. Комунікативні стратегії в українському політичному дискурсі: інтерактивна взаємодія учасників політичних ток-шоу. *Діалог : Медіа-студії*. Вип. 8. Одеса : Астропринт, 2009. С. 48–58.

4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

5. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістична енциклопедія : Напрями та проблеми : [підручник]. Полтава : Довкілля-К, 2008. 712 с.

Статья посвящена анализу тактики демонстрации интеллекта в аспекте кооперативного взаимодействия говорящих в украинском политическом дискурсе. Определена специфику кооперативного взаимодействия в речи политиков и прослежено тенденции реализации тактики демонстрации интеллекта через интертекстуальные элементы и прецедентные феномены. Основным материалом исследования стали монологические и диалогические выступления украинских политических деятелей.

***Ключевые слова**: политический дискурс, кооперация, речевое поведение, коммуникативная тактика, демонстрация интеллекта.*

The article analyses of the tactics of demonstration of intelligence in the aspect of cooperative interaction of speakers in Ukrainian political discourse. The specificity of cooperative interaction in the speech of politicians is determined and the trends in the implementation of tactics of demonstrating intelligence through intertextual elements and precedent phenomena are identified. The main material of the research was monologic and dialogical speeches of Ukrainian politicians.

***Keywords**: political discourse, cooperation, speech behavior, communicative tactics, demonstration of intelligence.*

Л.П. ИВАНОВА

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова

КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.С. ПУШКИНА. НЕОЖИДАННЫЙ АСПЕКТ (ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

У статті на основі аналізу окремих аспектів когнітивного рівня мовної особистості з позицій лінгвоімагології представлено образ О. С. Пушкіна - пристрасного публіциста-аналітика, який охарактеризував ситуацію в США з особливим наголосом на долі корінного населення. Бачення поета багато в чому сучасне і випереджає його час. О. С. Пушкін емоційно описує процеси промислової революції в Англії. Наводяться окремі висловлювання поета-публіциста з приводу деяких народів і країн - греків, маврів, циган, Швейцарії з точки зору їх особливостей і ролі в розвитку цивілізації.

***Ключові слова:** О. С. Пушкін, когнітивний рівень мовної особистості, лінгвоімагологія, США, Англія, Швейцарія, греки, маври, цигани.*

В соответствии с концепцией трехуровневой структуры языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым, полагаем, что единицами когнитивного уровня «являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее систематизированную ʻкартину мираʼ, отражающую иерархию ценностей» [1, с. 37-40].

Языковая личность автора проявляется в созданных им текстах. Так, мы детально описали языковую личность А.С. Пушкина, в том числе и когнитивный ее уровень, проявившуюся в главном произведении великого поэта – романе в стихах «Евгений Онегин» [2].

Обратившись к критике и публицистике, обнаружили множество интересных, а порой и неожиданных, удивительно современных для нас, живущих в XXI веке, мыслей и суждений. Поскольку в последние годы мы заняты разработкой нового направления, лингвоимагологии, изучающей образ народа и страны в языковом сознании другого народа, организуем рассматриваемый материал с позиции лингвоимагологии.

Подчеркнем, что по политическим мотивам А.С. Пушкина за границу не выпускали. Один только раз он дошел с русскими войсками до турецкого Эрзрума, апотом вместе с ними же вернулся на родину. То есть все факты, которые мы проанализируем, плод размышлений и оценок великого поэта, сформированных на основании чужих материалов.

Начнем с кратких, но глубоких по смыслу характеристик.

В последнее время на постсоветском пространстве либо активно обсуждается, либо так же активно замалчивается Великая Отечественная война. В связи с этим весьма актуально звучит высказывание А.С.Пушкина о **греках:**

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.» «Государственное правило», - говорит Карамзин, - ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения»[3, с. 20].

Война за свободу греков была у всех на устах во время пребывания А.С. Пушкина в Одессе. Он подчеркивал, что великий поэт Д.Г. Байрон погиб в греческих Мисалонах, сражаясь за свободу Греции.

Говоря о творчестве Вольтера, русский поэт несколькими словами характеризует **Швейцарию**, и эта характеристика не претерпела заметных изменений до наших дней: *«Покровительство маленькой мещанской республики не слишком его [Вольтера – Л.И.] ободряло»* [3, с.147].

В наше время происходят многочисленные события, связанные с мигрантами из стран Востока и Африки. Во времена А.С. Пушкина нашествие **мавров** виделось иначе: *«Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.*

Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие Востока» [3, с. 265].

Ключевой образ жизни **цыган** неизменен на протяжении веков: ... *цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых* ***париа.*** *Язык и то, что можно называть их верою, - даже черты лица и образ жизни – верные тому свидетельства, их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утолила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг – они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками* [3, с. 259-260].

Промышленная революция в **Англии** вызвала эмоциональное неприятие русского поэта: *«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте,*

что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию»[3, с. 395].

Эмоциональное осуждение автора проявляется, во-первых, в двух первых восклицательных предложениях, во-вторых, в оценке тяжелого труда: отвратительные истязания, непонятные мучения, варварство, страшная бедность. От всего этого у русского человека волоса встанут дыбом (русский фразеологизм). В-третьих, контекстуальное противопоставление: египетские пирамиды и иголки, сукна.

Пирамиды строились под бичами, создался символ тяжелого подневольного труда, но это были пирамиды – культурные памятники, простоявшие века. Иголки и сукна с ними несопоставимы, однако мучения работников идентичны. На типичность ситуации для Англии указывает два фактора: самые распространенные английские фамилии – Смит и Джаксон и законность их действий, то есть возникает вторая антитеза: не злоупотребления и преступления (в тексте - градация), а строгие пределы закона. Данный факт оформляется при помощи противительной конструкции с союзом **но.**

Заключает микротекст парадокс: изобретение машины, избавляющей от каторжной работы, лишает огромное количество работников средств к существованию.

А.С. Пушкин предстает, с одной стороны, как добрый человек, эмоционально сочувствующий даже очень чужим и далеким людям, с другой – очевидна его осведомленность о событиях в Англии.

Но совершенно неожиданна и во многом современна оценка великим русским поэтом ситуации в США. Основной источник информации для него –... *Записки Джона Теннера, проведшего 30 лет в пустынях Северной Америки, между дикими его обитателями* [3, с. 166], *недавно изданные в Нью-Йорке* [3, с.166].

С точки зрения лингвоимагологии, выделим три момента: индейцы, личность Джона Теннера, США.

Итак, индейцы. Отметим, что в начале XXI века еще не выработалось единого написания, поэтому у А.С. Пушкина встречаем как индейцев, так и индийцев. *«Легкомысленность, невоздержанность, лукавство и жестокость – главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением, но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть»* [3, с.177].

«Храбрость почитается между индейцами главною человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца» [3, с.177].

Сравним по эмоциональности фрагмент, посвященный английским рабочим, с данным отрывком. В последнем случае автор просто описывает чуждые обычаи и нравы, стараясь избежать оценок, хотя индейцы именуются дикими американцами, а убийца – душегубцем.

«Американскмие индейцы все вообще звероловы… искусный стрелок почитается между ими за великого человека» [3, с.172].

Европейцы согнали индейцев с исконных земель, лишили традиционных промыслов: *«Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных земель, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние»* [3, с.172]. Определение высокого слога с прозрачной внутренней формой (благо + делость) является горькой иронией.

Однако «индейские суеверия» затронули личность **Джона Теннера,** значит, они были очень сильны: *«Джон Теннер ... иногда выдает себя за человека, недоступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам*

и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удается ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или одобряет его» [3, с. 181].

Детальное описание «индийских суеверий» свидетельствует об интересе к ним русского писателя. Сам же Джон Теннер стремится к другому: *«… Есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим yankee* [Прим. А.С. Пушкина: «Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен»], [3, с. 191]. *Последнее замечание можно квалифицировать как иронию, чему дает основания видение А.С. Пушкиным* ***Соединенных Штатов Америки****: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не знающем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами*[3, с. 165].

Микротекст четко распадается на три части. Первая – констатация силы и благополучия страны, во многом обусловленные ее географическим положением – точка зрения, актуальная и в наши дни.

Вторая часть – информация об исследованиях безымянных глубоких умов.

Третья часть – результаты этих *«исследований нравов и постановлений американских»* А.С. Пушкин становится страстным публицистом. Его обличения построены в виде классического периода: инициальная сильная позиция – *«все благородное, бескорыстное, возвышающее душу», затем ряд номинативных предложений, связанных бессоюзной связью, называющие пороки «демократии в ее отвратительном цинизме».*

Так же эмоционально осуждается отношение к индейцам: *«Отношение Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, подверглись европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, через меч и огонь, или от рома и ябеды или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространный степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе птицу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский»*[3, с.165-166].

Если отвлечься от отдельных архаизмов (ябеда, пироскафы), можно предположить, что текст принадлежит современному талантливому аналитику – публицисту. Помимо художественного дарования, в микротексте проявилось точное предвидение автора, которое может основываться прежде всего на анализе большого фактического и аналитического материала.

Таким образом, анализ некоторых аспектов когнитивного уровня языковой личности А.С. Пушкина с позиций лингвоимагологии позволил продемонстрировать А.С. Пушкина-публициста, с аналитизмом и страсностью продемонстрировавшего и предугадавшего современные оценки и процессы.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002.
2. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина ‘‘Евгений Онегин’’): Учебн. пособие к спецкурсу. – 2-е изд. доп. – К., 2006.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 16-ти томах. Т. VI. Критика и публицистика. – М., 1962.

В статье на базе анализа отдельных аспектов когнитивного уровня языковой личности с позиций лингвоимагологии представлен образ А.С.Пушкина – страстного публициста-аналитика, охарактеризовавшего ситуацию в США с особым упором на судьбу коренного населения. Видение поэта во многом современно и опережает его время. А.С. Пушкин эмоционально описывает процессы промышленной революции в Англии. Приводятся отдельные высказывания поэта-публициста по поводу некоторых народов и стран – греков, мавров, цыган, Швейцарии с точки зрения их особенностей и роли в развитии цивилизации.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, когнитивный уровень языковой личности, лингвоимагология, США, Англия, Швейцария, греки, мавры, цыгане.*

Analysis of individual aspects of the cognitive level of a linguistic personality from the standpoint of linguoimagology resulted in creation of the image of A.S. Pushkin, a passionate publicist-analyst who characterized the situation in the United States with special emphasis on the fate of the indigenous population. The poet's vision is in many ways modern and ahead of his time. A.S. Pushkin emotionally describes the processes of the industrial revolution in England. The author provides some statements of the poet-publicist about some peoples and countries – Greeks, Moors, Gypsies, Switzerland from the point of view of their characteristics and role in the development of civilization.

Key words: *A.S. Pushkin, cognitive level of linguistic personality, linguoimagology, USA, England, Switzerland, Greeks, Moors, Gypsies*

Л. Т. КАБУЛОВА
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
У. М. ТУРДЫМУРАТОВА
Ветеринарный институт Нукусского филиала Самаркандского медицинского ветеринарного института

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В КАРАКАЛПАКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Уявлення про сім'ю в каракалпацькій національній свідомості тісно пов'язане з уявленням про рідню, родичів і шлюб. Лексична репрезентація концепту «сім'я» в каракалпацькій мові є надзвичайно численною групою. Реалізація цього концепту здійснюється в рамках соціальних полів як невід'ємного компонента мовної картини світу.

Ключові слова: *концепт, лексична реалізація, соціальне поле, мовна картина світу.*

Одним из наиболее актуальных с лингвометодической точки зрения концептов является концепт «семья», который накапливает в себе важнейшие понятия материальной и духовной культуры народа, которые передаются в языковом воплощении от поколения к поколению. К главнейшим из социальных функций семьи можно отнести формирование личности, обеспечение первичной социализации человека в обществе, а также передачу фундаментальных ценностей лингвокультурной общности. В каждой культуре составляющими семьи являются такие понятия, как сплоченность, родственники, забота, но

в зависимости от этнических особенностей, менталитета существуют свои представления о семье.

С этой точки зрения семья представляет собой своеобразный проводник национальной культуры, с помощью которого человек с детства усваивает национальную систему ценностей, овладевает правилами поведения в обществе. Способность семьи как социального института осуществлять названные функции подразумевает тесную связь семейного уклада с национальной культурой, сопряженность представлений о семейной жизни, отношений между членами семьи с широким кругом этических, нравственных и мировоззренческих представлений, которые характеризуются значительной лингвокультурологической спецификой. Эти факторы обусловливают актуальность исследования так называемого наполнения концепта «семья» в лингвометодических целях, а также подтверждают необходимость применения сопоставительного подхода при его изучении, поскольку, как отмечают исследователи, национальную специфику концепта можно постичь только в сравнении с наполнением данного концепта в другой культуре [1].

Исходя из этого мы сделаем попытку изучать и анализировать термины родства каракалпакского языка, с целью раскрытия ментальность данного народа.

Особую социальную значимость институт семьи и, соответственно, концепт «семья» имеют среди тюркоязычных народов в связи с большей, чем у европейских народов, ролью семьи для всех поколений, сохранением в той или иной мере тенденции к многодетности, ролью религии (для большинства тюркоязычных народов — ислама) во всей организации семейной (и частично общественной) жизни. Она обычно рассматривается как крупное объединение всех родственников, а не только круг родителей с детьми (иногда с бабушками и дедушками и другими близкими кровными или некровными родственниками).

Характерная для всей каракалпакской народности культурно-ценностная идентификация на протяжении многих столетий была связана именно с семьей, которая выражается в общенациональном единстве ценностей семейного воспитания, производных от базовых социокультурных ценностей.

В каракалпакской же культуре семья - это очень сплоченная ячейка общества.

Изучая каракалпакскую культуру, можно судить о том, что семья для каракалпаков, являющихся частью тюркских народов - это нечто святое, это то, где зарождается жизнь. Изучив работы лингвистов относительно природы концепта, стоит остановиться на определении Н. Д. Арутюновой, которая трактует концепты как понятия практической (обыденной) философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [1]. В каракалпакской лингвистике проблема концепта семьи исследована не полностью. В организации системы и в функционировании во взаимосвязи языка и культуры каракалпакского языка важнейшую роль играет концепт «семья». Этот концепт «является одним из наиболее значимых в концептосфере любой лингвокультуры. Он имеет сложную семантико-фреймовую структуру: ядро концепта отражает его общечеловеческую универсальность как одну из форм социальной общности людей; объемная интерпретационная часть соотносится с индивидуальными особенностями восприятия и национальной картиной мира» [1]. По наблюдениям Е. В. Бондаренко, семья трактуется как лингвокультурный концепт высшего уровня, который имеет особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов [2].

В речи каракалпакского народа обращение друг другу играет большую роль. Обращение каждого человека показывает его уважение, степень родства и в какой среде он был воспитан. Во времена наших предков семейное воспитание имело большое значение. Семьей управлял мужчина, в ней каждый член имел свое место. Проблемы были решены старыми аксакалами. Принято считать, что основой восточной семьи служат патриархальные традиции. Согласно этому, в каракалпакском народе семьей управляет ***«әке»*** *(*отец)-аға, ата [5]. *Әке* используется по отношению к третьему лицу со стороны его

детей, а при обращении к нему самому использовалось *аға*. Но в настоящее время под влиянием русского языка в семьях стало модным употребление существительного *папа*. Термин «аға» в основном используется, во-первых, для обозначения пожилых мужчин-родственников (брат, двоюродный брат), а во-вторых, для обозначения пожилых мужчин как «аға, ағай» из уважения к ним. А существительное *ата* имело несколько значений: *ата-ана*- родители*; ата*- әкесиниң әкеси (дедушка), *ата*- кайин ата (свекор). Если у мужчины отец жив, то все проблемы решались со стороны его отца, хоть он и сам являлся главой своей семьи. Важность семейного воспитания очевидна в том, что даже взрослые старше 90 лет воспитывает нравоучениями сыновей, которым уже 70 лет. Термин *ата* вместе со словами *өгей, қәйин, мурындық* служит для обозначения родства (өгей ата, қәйин ата, мурындық ата; отчим, свекор, крестный отец).

В известных нам работах, посвященных анализу данного концепта в разных лингвокультурах, отмечаются его сегментированность и многоуровневость, многочисленные варианты языковой репрезентации фреймов, высокая плотность соответствующего семантического поля, активность вербализующей его лексики <…> Согласно этим исследованиям, ключевыми составляющими концепта «семья» являются:

а) ролевая ценностность семьи как таковой, которая раскрывает содержание и определяет виды отношений родства;

б) отношения между супругами;

в) отношения между родителями и детьми» [3].

Менталитет каракалпакского народа является смесью восточного духа, тысячи лет истории и разного исторического фонда среди людей.

Лексическая репрезентация концепта «семья» в каракалпакском языке представляет собой чрезвычайно многочисленную группу, одних только терминов родства, актуальных для современной языковой картины мира, насчитывается несколько десятков. Реализация данного концепта осуществляется в рамках социальных полей как неотъемлемого компонента языковой картины мира. Социальное поле (далее СП) семьи включает не только членов семьи, ближайших родственников, но также и близких друзей, если общение происходит на уровне семьи. «Даже немногочисленная городская семья представляет собой сложную социальную структуру с точки зрения именования индивидов по линиям «именование младшего поколения старшим», «старшего поколения младшим», «именование внутри одного поколения»; могут сильно варьироваться приемы именования внутри старшего и младшего поколения. В пределах разных СП антропонимы часто используются в сочетании с другими средствами номинации лиц, уточняющими возраст, социальный статус, какие-либо отличительные признаки лица, что повышает уровень номинативной ценности имени лица» [4]. Специфика СП семьи в каракалпакском языке отчетливо выявляется на фоне СП английского и русского полей: «В английском и русском языках сложились разные структуры СП семьи и СП администрации: в английском языке СП администрации «вдвигается» в СП семьи, чем предопределяется наличие ряда официальных формул общения; В русском языке СП семьи и административное СП максимально разграничены по сравнению с английским языком». Особую роль в реализации специфики концепта «семья» в менталитете носителей каракалпакского языка играют сигналы антропонимов. В каракалпакском языке это прежде всего термины родства (ага, апа, ата, ажага, кише, женге, ажапа, кыз апа, жезде, дайы, жийен и т. д.), Употребление которых во многом обеспечивает «семейный» тип отношений в административном СП. Помимо того огромное значение в каракалпакской культуре имеет их родоплеменное деление: представителей одного племени принято считать дальними родственниками. В функциональном плане, особенно по отношению к СП семьи, с именами собственными сближаются обозначения родственных отношений, или термины родства, а также обозначения лиц по возрасту. В пределах семьи функционально уравниваются номинации по уменьшительным именам и апеллятивам – терминам родства. Но, в настоящее время в сфере официально-делового

общения фамилии должны получать бесспорное преобладание над индивидуальным именем, но в семейно-бытовом общении этот процесс еще далек от завершения даже в городах. Очевидно, «завершения» этого процесса у каракалпаков не наступит, т. е. в рамках социального поля семьи фамилия не будет играть роль такого активного функционального элемента общения, как, например, у англичан и американцев. Как и в других языках, можно выделить следующие линии общения между родственниками: 1) родители — дети, 2) дети – родители, 3) члены одного поколения, 4) супруги, 5) представители более отдаленных степеней родства. Каждая из выделенных линий представляет собой особую систему номинаций, ядром которой являются собственные имена и термины родства. Термины родства каракалпакского языка более активно, чем в английском и русском языках, участвуют в установлении разветвленной системы отношений в СП семьи (отношения между членами одного поколения, отношения старших к младшим, отношения младших к старшим, отношения между мужем и женой и т. д.). Таким образом, концепт «семья» в сознании носителей этих языков выходит за рамки собственно семейных отношений и распространяется на административное социальное поле. Личное имя у каракалпаков в функциональном аспекте более значимо, чем другие составляющие антропонимической модели (фамилия, отчество), в то же время обращение к старшим только по имени, без тех или иных сигналов антропонимов, практически невозможно как в СП семьи, так и в СП администрации. Изучение терминов родства представляет большой интерес в плане выявления как общих закономерностей, характерных для каракалпакского языка, так и черт своеобразия, присущих каждому языку.Так, в каракалпакском языке бытует обращение женщины по отношению к мужчинам старше и младше мужа: *кайнага* и *кайным*, а также обращение к женщинам старше мужа: *кайнапа, кайинбийке* или же золовкам принято обращаться прозвищами, даваемыми им невестами. Этот же принцип исследования можно распространить на изучение сословных титулов, оставивших заметный след в лексике данного языка, и других семантических разрядов личных существительных.

Литература

1.Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия [Текст] / Н.Д. Арутюнова. М., 1993. С. 3–7.

2.Бондаренко Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип сообщения. : Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

3.Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Воронеж, 2002. С. 79–95.

4.Жураева И. А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования. Ташкент, 2012. 12 с.

5.Русско-каракалпакский словарь; под ред. Н. А. Баскакова. М., 1967. С. 920.

6.Қаракалпак тилиниң тусиндирме сөзлиги : в 4-х томах : том 4. «Каракалпакстан» Нукус, 1982. С.199.

7.Қаракалпак тилиниң тусиндирме сөзлиги : в 4-х томах: том 4. «Каракалпакстан» Нукус, 1982. С.506.

Представление о семье в каракалпакском национальном сознании тесно связано с представлением о родне, родственниках и браке. Лексическая репрезентация концепта «семья» в каракалпакском языке представляет собой чрезвычайно многочисленную группу. Реализация данного концепта осуществляется в рамках социальных полей как неотъемлемого компонента языковой картины мира.

Ключевые слова: *концепт, лексическая реализация, социальное поле, языковая картина мира.*

The idea of a family in the Karakalpak national consciousness is close to relatives and marriage. The lexical representation of the concept family in the Karakalpak language is a large group. The implementation of this concept is carried out within the framework of social fields as an integral component of the linguistic pictures of the world.

Keywords: *concept, lexical realization, social field, linguistic picture of the world.*

Т. В. КЛЕОФАСТОВА
Київський національний лінгвістичний університет
ЦЗО ЖУНЖУН
магістрант, КНР

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ «ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ

Статтю присвячено порівняльно-зіставному аналізу характерних аспектів сучасної російської та китайської прози періоду постмодерну. Предметом дослідження є підходи до зображення літературних героїв та «героїв часу» в російській та китайській літературі кінця XX – початку XXI століть.

Ключові слова: *віртуальна реальність, глобалізм, «герой часу», жанр, компаративістика, модус, постмодернізм.*

В национальных литературах герои художественных произведений, вбирая в себя всевозможные реальные образы, с которыми нация ассоциирует и самоидентифицирует себя, отображают ожидания и настроения социума, создают эталоны и идеалы или, напротив, показывают анти-образцы, отображают картину мира на конкретном рубеже ее становления.

Значительный интерес вызывает творчество таких китайских писателей как Мо Янь, Дин Лин, Лао Ше, Ван Моэн, Су Тун, Юй Хуа и др. Среди российских писателей внимание литературоведов привлекает творчество В. Ерофеева, Д. Галковского, Ю. Мамлеева, В. Пелевина, Л. Петрушевской, В. Сорокина, В. Токаревой, В. Маканина, Т. Толстой и др.

В творчестве этих писателей с позиций современности анализируется историческая судьба Китая и России. Литературный процесс в этих странах определяет само время, полная противоречий действительность, потребность творческого поиска новых, соответствующих эпохе форм и способов создания произведений.

В конце XX столетия Китай стал равноправным участником глобальных художественно-культурных процессов, появились новые независимые направления в китайской литературе. Эти процессы ставят представителей литературы Китая в один ряд с представителями мировой передовой культуры, творчество Мо Яня, самого известного китайского писателя, отмечено престижной Нобелевской премией. Современные китайские писатели стали изучаться более глубоко и масштабно, как в контексте мировой литературы, так и в контексте российско-китайских литературных взаимосвязей.

В России современный литературный процесс представляет собой разнообразное многоуровневое литературное пространство, которое включает в себя многочисленные примеры философских воззрений и художественно-эстетических систем, доминирующей из которых является постмодернизм.

Российскую прозу конца XX – начала XXI вв. можно охарактеризовать нарушением канонов, усилением жанрообразования за счет заимствований из других сфер искусства и культуры – публицистики, блогосферы, живописи, музыки, философии, фольклора.

Как отмечают исследователи, литературный процесс рубежа XX — XXI веков, поднимающего главные вопросы русской литературы – о самоопределении России, о пути ее развития, о роли личности в истории, представляет собой сложную структуру, включающую множество различных проблемно-тематических аспектов и многообразие поэтико-стилевых тенденций, их воплощающих [1; 2].

Анализ модификаций антиутопии, мениппеи, притчи, сказки, приводит к убеждению, что трансформационные процессы качественно меняют структуру жанра.

При соприкосновении с ситуацией постмодерна возникают явления, которые переводят формально-содержательные параметры того или иного жанра в новое качество. Модели и сюжетные структуры архаической направленности предоставляют современному писателю возможность преодолеть описательность и детализацию, чтобы сказать о глубине жизни, избегая пафоса, риторики и дидактики.

Именно об этом повествуют романы-притчи «Свобода» (2012) А. Бутова, «Человек-язык» (2000) А. Королёва, «Отец-лес» (1989) А. Кима, «Кысь» Т. Толстой и др. На основе притчевости строится сюжет в прозе В. Маканина – «Кавказский пленный» (1995), «Буква А» (2000) и в романе «Асан» (2008), а также в прозе Л. Петрушевской.

Жанровый и стилевой эпатаж ярко виден в произведении Л. Петрушевской «Дикие животные сказки» [3], и Т. Толстой «Кысь» [4]. В этих произведениях действительность передается через призму сознания обывателя и проявляется в абсурдно-пародийной форме. Л. Петрушевская называет свои сказки «романом с продолжением», и предлагает новую модель цикла, пародийно ориентированную на эпос.

Современное человечество вступило в новое историческое время, отмеченное феноменом постмодерна. Эпоха постмодерна конструирует всевозможные сочетания подлинной и виртуальной реальности, а эксперименты над человеческой личностью бесконечно вариативны, как в искусстве, так и в реальной жизни.

Обращение к гротеску, условности и экспериментирующей фантастике мениппеи также помогает выявить черты социально-психологической реальности нашего времени: ее двойственность, текучесть, неуловимость границ между заурядным и абсурдным, обыденным и кошмарным, реальным и потусторонним, живым и мертвым. Сюжетное и морально-психологическое экспериментирование, свобода от этических и эстетических норм, оксюмороны органично вписываются в новую парадигму художественности в произведениях «Вести из Непала» (1992) и «Священная книга оборотня» (2004) В. Пелевина, «Первое второе пришествие» (1994) А. Слаповского, «Укус ангела» (1999) П. Крусанова, «Три путешествия, или возможность мениппеи» и «В садах других возможностей» (оба – 2000) Л. Петрушевской, «Воскрешение Лазаря» (2002) В. Шарова и др.

Несмотря на то, что с жанром романа происходят метаморфозы, он по своей природе близок к событиям, происходящим на рубеже XX–XXI столетия: усложняет коммуникативную связь читателя с миром, доказывает целительную силу вдумчивого чтения.

Как бы ни был роман «открыт», «незавершен», «свободен», он отличается от других жанров объемом и не самым простым сюжетом, стремится сохранить целостность мировидения автора, выраженную в слове. Как правильно отмечает Н. Щедрина, диалектическая жизнь романа определяется одновременным тяготением к жанровой традиции и отталкиванием от неё, процессами, которые редко идут равномерно, потому что происходит поиск новых путей и способов воспроизведения действительности [5].

Начиная с 1980-х годов китайская государственная политика в сфере литературы была переориентирована в сторону открытости внешнему миру. Это привело к деполитизации культуры и появлению новых литературных направлений. В современной китайской прозе, так же как и в русской, присутствуют писатели разных поколений: авторы поколения 1970-х, получившие всемирное признание, такие как Мо Янь, с его оригинальным художественным стилем в традиции «магического реализма», отличительной особенностью которого является сочетание вымышленного, фантастического и реального, обыденного; авторы популярной литературы поколения 1980-х, один из которых Май Цзя, наиболее знаменитый автор триллеров в Китае. Еще одно лицо сегодняшней китайской литературы – это молодые

авторы из поколения 2000-х годов, пришедшие в литературу из блогосферы и получившие огромную популярность у молодого поколения читателей, например Юй Сюхуа, Хань Хань, Го Цзинмин.

Для китайской литературы конца XX – начала XXI веков свойственен решительный отказ от принципа «великая эпоха – маленький герой»: не персонажи обладают общими историческими чертами, навязанными временем, а, напротив, изображение исторического времени окрашено персональными чертами героев [6, 7]. Создатели художественных произведений концентрируются на описании самобытности существования человека во временном потоке, изображении межличностных отношений и внутриличностных поисков. Изображению литературных героев данного периода характерен высокий уровень психологичности, характеры героев индивидуализированы до такой степени, что оригинальность нередко утрируется, переходя в необычные свойства личности.

В изображении героев остается немного схематизма, шаблонности, сохраняется некоторая идеализация персонажей, особенно это присуще «литературе шрамов», литературе «дум о прошедшем», «литературе реформ», в наименьшей степени «литературе поиска корней», что обосновано идейным элементом в данных литературных направлениях. В произведениях постмодерна устраняется из повествования идейная подоплека, развивается психологизм в изображении персонажей, иногда гипертрофируя характеры персонажей до аномальных.

Индивидуальность в изображении героев была не присуща произведениям китайской литературы на протяжении почти всей ее истории, вплоть до XX века преобладала шаблонность и игнорирование внутреннего мира литературных героев.

Еще одно лицо сегодняшней китайской литературы — это авторы, пришедшие в нее из блогосферы. Популяризация сети интернет становится новым значимым фактором в писательской жизни Китая. Как и в других областях, в мире прогрессивной литературы интернет оказался сильной демократизирующей силой, которая сформировала равные условия и для рабочих-мигрантов, и для состоятельных людей, и для провокаторов от литературы. Социальные медиа не могут не изменять современную поэтическую практику. В этом смысле весьма показателен пример сетевого поэта Юй Сюхуа, чья звезда зажглась в январе 2015 года, когда WeChat, приложение для обмена сообщениями и в то же время соцсеть, способствовало скачкообразному увеличению ее известности. Две книги Юй Сюхуа были изданы в течение одной недели, а 15 тыс. экземпляров реализованы за одну ночь. Критики прозвали Юй «китайской Эмили Дикинсон». При этом Юй появилась на свет в хубэйской глубинке с церебральным параличом и вплоть до этих пор не прекращает вести хозяйство в родной деревушке. Никто не представляет, как сложилась бы ее судьба, если бы не блогосфера.

Автогонщик, артист, бунтовщик, блогер, голос всего поколения Хань Хань также приобрел популярность благодаря сети Интернет. В 2000 г. его книга «Тройная дверь» разошлась тиражом больше 20 млн. — это был наиболее успешный китайский бестселлер за минувшие 20 лет. В 2010 г. в возрасте 28 лет он вошел в перечень 100 наиболее авторитетных людей согласно версии журнала «Тайм». Блог Хань Ханя до сих пор наиболее популярный в КНР.

Го Цзинмин, молодой автор (1983 г.р.) - поп-кумир китайского молодого поколения, пишущий о внутренних терзаниях подростков и их манере жизни в современном мегаполисе. Он стал известным не только лишь своим творчеством, но также своеобразным поведением. Его первый роман «Город грез» (2002 г.) разошелся тиражом 1,5 миллионов экземпляров. Согласно словам автора, книга должна быть любопытна «одинокому поколению китайских

детей, выросших в отсутствии братьев и сестер». Следующий роман о жизни столичных студентов «Знаешь, сколько опало во сне лепестков...» (2003) вышел, согласно различным данным, тиражом от 300 до 600 тыс. экземпляров. В романе «Река печали» (2007 г.) он представляет историю о беременной студентке, которая была отвергнута окружением и покончила жизнь самоубийством.

Литература конца XX – начала XXI веков развивается самобытно и творчески. Об этом свидетельствует опыты в области сюжетостроения, различные повествовательные стратегии, расширение жанрового диапазона и, конечно, поиск характеристик «героя времени». Поиск «героя времени» делается в определённой мере доминантной чертой литературного прогресса. Типология героя пополнилась такими персонажами, как выпавший из времени рефлексирующий человек, выживающий и отстаивающий честь и амбиции в критических условиях боец, конформист, бездеятельный молоденький герой – представитель современного «потерянного» поколения. «Лишний» человек, бывший центральным героем в литературе XIX века, имеет право на существование и в современном литературном процессе.

Одной из задач данной статьи является поиск элементов изображения «героев времени» в постмодернистском творчестве писателей, принадлежащих к разным литературным традициям: российской и китайской.

Речь пойдет о Юй Хуа и Владимире Сорокине, опираясь на последние литературоведческие исследования [8], произведения данных писателей были выбраны как материал для сравнения по описанным ниже причинам.

Творчество Юй Хуа имеет глубокие корни в китайской традиции, но в то же время ему присуще постмодернистское разочарование в идеях прогресса и просвещения. Творчество Юй Хуа несет в себе идеи развенчания устоявшейся системы мировосприятия, главное в нем – это нацеленность на эксперимент, шокирование читателя путем нестандартных и ненормативных приемов.

Бунтарский характер творчества Юй Хуа и Владимира Сорокина проявляется через похожесть их художественных приемов и установок. Владимир Сорокин утверждает, что больше всего в творческом плане его интересует проблема существования зла. К насилию, как к наиболее характерному его проявлению, он обращается в попытке постигнуть природу зла.

Юй Хуа также увлечен изображением жестокости: стиль его произведений с самого начала характеризуется экстремальным зримым насилием.

Общим в произведениях Юй Хуа и В. Сорокина является попытка стилистической полемики по отношению к традициям литературы соцреализма и классического реализма. Обширное использование ненормативной лексики в текстах произведений, подробные описания изощрённого насилия, смертей, расчленений и пыток направлены на устранение нехватки телесности в литературе.

Являясь ровесниками, Юй Хуа и Владимир Сорокин начали свою писательскую карьеру в 1980-е годы XX века, когда на волне падения режимов («перестроечные» реформы в СССР и капиталистические реформы середины 1980-х годов XX века в Китае), ослабления жесткой авторитарной системы и перехода к демократии в России и рыночному государственному капитализму в Китае, в культуре стали появляться постмодернистские тенденции. Философия постмодерна была воспринята из Западной Европы, как русскими, так и китайскими писателями.

Творчество Юй Хуа типично для постмодерна, ему присуща установка на децентрализацию дискурса, ностальгия по примитиву, приверженность разоблачению исторической лжи и глубоким разочарованием в идеях просвещения и прогресса.

В постмодернистском направлении в России одним из самых радикальных писателей традиционно считается Владимир Сорокин. Оригинальный творческий эксперимент, всестороннее исследование авторитарного характера любого дискурса, отсутствие идеологического императива, имеет для писателя принципиальное значение.

Эти особенности творчества Юй Хуа и В. Сорокина являются основой для определения общей для их произведений постмодернистской поэтики.

Для новейшей российской литературы, так же, как и китайской, характерны радикальный отказ от противопоставления «положительный – отрицательный герой», разнообразие типов героев (образованные молодые люди и интеллигенты средних лет, горожане и крестьяне), акцент на уникальности личности и индивдуальных свойствах характера. Место общественно-политических проблем занимают внутренние духовные искания героев, поиск себя и собственных желаний, их экстраполяция на внешний мир. Наличие недостатков перестает быть исключительной характеристикой отрицательного героя, как было в предыдущую эпоху. Авторы обращают внимание на слабости, странности в характерах людей, возвращается тема национального характера.

Изучив особенности изображения героя в современной литературе, мы пришли к выводу, что каким бы ни представлялся «герой времени» - «лишним человеком», «маленьким человеком», маргиналом, эстетом, образцом нравственности или безнравственности – интересен и продуктивен сам процесс его поиска: как с точки зрения писателя, так и с точки зрения читателя.

Литература

1. Маркова. Т. Н. Пути жанровых трансформаций в русской прозе рубежа XX–XXI вв. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2558/2015_snt_metamorfozy_zhanra.pdf .

2. Маркова. Т. Н. Современная проза : конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) : Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003.

3. Петрушевская Л. Два царства. Авторский сборник мистической прозы / Людмила Петрушевская. СПб. : Амфора, 2007. С. 142–157.

4. Толстая Т. Кысь : Роман. М. : Эксмо, 2009.

5. Щедрина Н. М. Романная традиция и её развитие в литературе конца XX – начала XXI века / Н. М. Щедрина URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/b4b/391/36587396/Sbornik_MATERIALYi_KONFERENTsII_Filologicheskij_f-t_8-9_dekabrya_2016.pdf.

6. Современная китайская проза. Багровое облако / Антология составлена Союзом китайских писателей. М.: АСТ; СПб, 2007. 511 с.

7. Современная китайская проза. Жизнь как натянутая струна / Антология составлена Союзом китайских писателей. М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб, 2007. 543 с.

8. Дрейзис Ю. А. От шрамов до детективов : Путеводитель по современной китайской литературе. Часть первая / Ю. Дрейзис // Горький Медиа. URL: https://gorky.media/context/ot-shramov-do-detektivov/

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу характерных аспектов современной российской и китайской прозы периода постмодерна. Предметом исследования являются подходы к изображению литературных героев и «героев времени» в русской и китайской литературе конца XX – начала XXI веков.

Ключевые слова: *виртуальная реальность, глобализм, «герой времени», жанр, компаративистика, модус, постмодернизм.*

The article provides a comparative analysis of characteristic aspects of modern Russian and Chinese prose of the postmodern period. The subject of the research is the approaches to the image of literary characters and «heroes of time» in Russian and Chinese literature of the late 20th – early 21st centuries.

Keywords: *virtual reality, globalism, «hero of time», genre, comparative studies, mode, postmodernism.*

Н. В. КОНДРАТЕНКО
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

НОМІНАЦІЇ ІТАЛІЙСЬКИХ СТРАВ І НАПОЇВ У ЛІНГВОСВІДОМОСТІ УКРАЇНЦІВ

Дослідження представляє результати проведеного вільного асоціативного експерименту, стимулом у якому слугувало словосполучення – номінація лексико-семантичної групи «італійська їжа». Виокремлено комплекс отриманих асоціатів, визначено характер асоціацій та основні семантичні групи асоціатів, а також простежено особливості сприйняття інформантами поняття «італійська їжа», до якого було зараховано як номінації страв, так і напоїв. Обґрунтовано стереотипний характер сприйняття італійської їжі та напоїв носіями української мови.

Ключові слова: *лінгвосвідомість, асоціативний експеримент, лексико-семантична група, номінація страв, вербальна реакція, асоціат.*

Одним із завдань сучасних лінгвокультурології та міжкультурної комунікації є дослідження стереотипів сприйняття інших культур, віддзеркалених на вербальному рівні. Передусім це виражається в лексичних одиницях на позначення представників інших національностей, іншокультурних реалій, історичних фактів тощо. Серед таких лексем особливе місце належить одиницям лексико-семантичного поля «їжа та напої», що має національно-культурну специфіку в кожній мові, належить до загального культурного поняття національної кухні та відображає на вербальному рівні основні уподобання, традиції, звички представників різних національностей, представлені в галузі гастрономії. Національна їжа характеризує культуру народу не менше, ніж інші складники, а номінації їжі та напоїв вказують на уподобання, традиції, звички інших народів. Гастрономічні пріоритети навіть стають підґрунтям для утворення стилістично забарвлених номінацій на позначення представників інших національностей і детермінують їх сприйняття в інших культурах. Так, наприклад, загально відомим є уявлення про українців, які їдять виключно борщ, пампушки з часником і салом та вареники з різною начинкою. Проте українці добре знають інші національні кухні, із задоволенням вживають в їжу страви європейської кухні і – відповідно – вміють їх готувати. Особливого поціновування набули страви італійської кухні, а їхні назви давно ввійшли в українську мову як запозичення різного ступеня адаптації. Але лексико-семантична група «італійська їжа» в уявленні українців має гетерогенний і неусталений характер, що спричиняє певні непорозуміння під час міжкультурного спілкування, зумовлені стереотипним сприйняттям цього поняття. Зважаючи на це, потребують аналізу особливості сприйняття українцями поняття «національна італійська їжа», на вербальному рівні презентоване насамперед номінаціями страв і напоїв.

Номінації їжі страв і напоїв перебувають у колі наукових зацікавлень лексикологів, які зосереджують увагу на фаховій мові кулінарії (Г. Мелех), на термінах-кулінаронімах (А. Бохнакова), на концептофері «їжа» (І. Миронова, О. Савельєва та ін.), на глютонічному (гастрономічному) дискурсі (А. Олянич, Е. Бараташвілі, Н. Головницька, І. Державецька, А. Земскова, М. Ундрицова та ін.), на гастрономічній метафориці (О. Афоніна, О. Бойчук, О. Дормідонтова, І. Пахова та ін.), на мовленнєвому жанрі кулінарного рецепта (П. Буркова, О. Руфова та ін.) тощо. Автором терміна глютонічний (гастрономічний) дискурс є А. Олянич, який насамперед звертав увагу на лінгвокультурну та етнокультурну специфіку номінацій їжі [5, с. 168].

Мета наукової розвідки – здійснити експериментальне дослідження мешканцями України поняття італійської національної кухні, зокрема їжі і напоїв. Мета потребувала розв’язання наступних завдань: виявити особливості вербального наповнення тематичної групи «національна їжа та напої»; провести опитування серед мешканців України для виявлення вербальних складників цієї тематичної групи; проаналізувати результати

опитування та визначити основні стереотипні уявлення про італійську кухню в українській лінгвоментальності.

Об'єкт дослідження – вербальні маркери гетерестереотипів сприйняття італійської національної кухні українцями, а предмет – мовні репрезентанти тематичної групи «італійська їжа» у свідомості українців.

Номінації їжі та напоїв завжди слугували одним із засобів національної ідентифікації людини. Звідси й численні номінації представників різних національностей за кулінарними уподобаннями й пріоритетами: *макаронники, жабоїди, бульбаші* тощо. На думку Р. Єрмакової, людина не може жити без їжі, «однак у представників кожної нації є власні комплекси смакових уподобань, що знаходять втілення у відповідному мовному і текстовому матеріалі: гастрономічній термінології, рецептах національної кухні, меню, кулінарних статтях тощо» [2, с. 3]. Національна кухня поступово стала маркером національної ідентичності разом з іншими культурними надбаннями. Їжа є тим «підґрунтям, на якому вибудовується загальна парадигма світосприйняття і діяльності людини» [7, с. 4]. Але якщо мова, література, музика, архітектура тощо маркують духовне життя народу, то їжа і напої – матеріальне. Не випадково назви національних страв належать до безеквівалетної лексики – їх переважно відтворюють у перекладі за допомогою транслітерації або транскрибування. В українській мові таких назв на позначення національних страв чимало, напр., з французької мови – *круасан, бешамель, крем-брюле, суфле*; з іспанської – *паелья, пучеро, хамон, гаспачо*; з німецької – *шніцель, штолен*; з японської – *суші, сашімі*. Не стала винятком італійська мова, з якої запозичено лексеми *паста, піца, лазанья* тощо, що позначають поширені в Україні та добре знайомі українцям страви.

Традиційно кулінарну лексику потрактовують як тематичну групу (далі – *ТГ*) (Ю. Воробйова, З. Козирєва) або лексико-семантичне поле (далі – *ЛСП*), у межах якого виокремлюють лексико-семантичні групи (далі – *ЛСГ*): «інгредієнти», «страви», «посуд та інвентар», «напої», «позначення кулінарних процесів», «властивості» [4, с. 12–13]. З. Козирєва наголошує на тому, що ТГ «їжа» становить «багаторівневу, певним чином організовану, проте не замкнену систему, в якій елементи об'єднуються в лексико-семантичні групи на основі родо-видових, синонімічних відношень за загальною і диференційною семантичними ознаками і спільності значень, що їх вони виражають» [3, с. 51]. Останнім часом мовознавці визнають засадничу роль кулінарної лексики або глютонічного дискурсу у формуванні національної картини світу, навіть використовують поняття «кулінарна картина світу» (О. Добренко [1]), що зумовлює виокремлення лінгвокультурної категорії «їжа» [6, с. 16]. Ми це явище потрактовуємо як тематичну групу, у межах якої виокремлюємо ЛСГ з відповідним семантичним наповнення. Однією з підгруп ТГ «їжа» вважаємо тематичну підгрупу «італійська їжа», що у свідомості українців є досить неоднорідною: пересічні носії мови спрощують поняття італійської культури та обмежують уявлення про національну кухню 2–3 стравами.

Для з'ясування специфіки сприйняття італійської їжі носіями української мови ми провели експериментальне дослідження психолінгвістичного характеру: було опитано 50 інформантів задля виявлення комплексу асоціатів до словосполучення «італійська їжа». В експерименті взяли участь переважно мешканці Одеської області (інформанти 35–70 років) та інших регіонів України (інформанти 16–34 років). До останньої групи здебільшого належали студенти і випускники вишів м. Одеси. Інформанти позначили в анкетах українську як мову спілкування і відповідали українською мовою. Завданням інформантів було упродовж однієї хвилини без підготовки записати 3–5 назв національної італійської кухні. Гіпотеза експерименту полягала в тому, що представники української лінгвоментальності не завжди правильно ідентифікують страви як італійські, а також мають досить однобічне уявлення про італійську їжу, що буде виражатися у наведенні 1-2 відомих назв здебільшого стереотипного характеру (*піца, макарони*). Методом вільного асоціативного експерименту було встановлено перелік лексем, що, на думку інформантів,

належать до лексико-семантичної підгрупи «італійська їжа», що уможливило отримати загалом 185 вербальних реакцій, серед яких виокремлено 32 асоціата-номінації, більшість повторюваного характеру: *паста* (36), *піца* (24), *спагеті* (14), *макарони* (6), *лазанья* (20), *ризото* (14), *равіолі* (10), *тірамісу* (8), *моцарела* (6), *брускета* (6), *канелоні* (4), *карбонаро* (4), *чизкейк* (2), *паелья* (4), *песто* (6), *желато* (1), *чіабата* (4), *восьминоги* (1), *міністроне* (1), *пана кота* (1), *паніні* (1), *лапша* (1), *мартіні* (4), *кава «Лаваца»* (1), *амарето* (1), *маргарита* (1), *лімончело* (1), *граппа* (1), *к'янті* (1), *ґаспачо* (1), *фетучіні* (1), *панцанела* (1).

Серед наведених вербальних реакцій представлено дві тематичні групи: «їжа» (175) і «напої» (10), що є неоднорідними як за семантикою, так і за походженням. На семантичному рівні тематична група «їжа» представлена ЛСГ «перша страва» (*ґаспачо, міністроне*), «основна страва» (*паста, піца, лазанья, равіолі* тощо), «закуска» (*брускета, паніні*), «десерт» (*чизкейк, тірамісу, пана кота* тощо), «салат» (*панценела*), «соус» (*песто*), «хлібні вироби» (*чіабата*), «інгредієнти» (*моцарела, восьминоги*). ТГ «напої» охоплює ЛСГ «алкогольні напої» (*мартіні, амарето, маргарита* тощо) та безалкогольні напої» (*кава*).

Найчисленнішою є група номінацій у ЛСГ «основна страва»: *паста, піца, спагеті, макарони, лазанья, ризото, равіолі, канелоні, карбонаро, паелья, лапша, фетучіні* (12 номінацій, що становить 38% від загальної кількості отриманих асоціатів), у межах якої представлено 138 вербальних реакцій (75% від загальної кількості поданих реакцій). За походженням у цій групі не всі назви страв є італійськими: так, номінація «паелья» демонструє уналежнення іспанської страви до італійських, до того ж таких реакцій 4 (2% від загальної кількості реакцій). До помилкової ідентифікації зараховуємо і лексему «лапша» (укр. *локшина*), що є макаронним виробом, але не італійського, а китайського походження. Серед номінацій основних страв прогнозовано переважають назви, пов'язані з макаронними виробами, тобто це традиційна італійська страва – паста та її різновиди (*карбонара, фетучіні, канелоні*). До лексико-семантичної підгрупи «макаронні вироби» належать родова лексема «паста» (36 реакцій) і видові номінації *спагеті, макарони, лапша* та назви пасти як страви (30 реакцій) – загалом 60 реакцій (32%). Отже, третина поданих реакцій вказують на стереотипне сприйняття італійської їжі як макаронних виробів. Другою за частотністю є номінація другої страви «піца» (24 реакції – 13% від загальної кількості поданих реакцій), що також належить до стереотипних уявлень про національну італійську їжу. Меншою частотністю характеризуються номінації таких страв, як *лазанья* (20 реакцій – 11%), *ризото* (14 реакцій – 8%) і *равіолі* (10 реакцій – 5%), проте загалом ці національні страви названі інформантами як італійська їжа. Зважаючи на це, загальна кількість реакцій в цій підгрупі становить 44, тобто 24% від загальної кількості поданих на стимул.

Інші ЛСГ значно менш частотні як на рівні номінацій, так і вербальних реакцій. Другою групою номінацій за кількісним показником у ТГ «їжа» є ЛСГ «десерт»: *тірамісу, чизкейк, желато, пана кота* (4 номінації – 13%, 12 реакцій – 6%). Серед наведених номінацій частотними є *тірамісу* (8 реакцій – 4%) і *чизкейк* (2 реакції – 1%), інші мають поодинокий характер. Якщо перша є назвою італійського десерту, то друга походить з англійської мови і співвідноситься з десертом із солодкого сиру, поширеним в інших країнах Європи та США. Спостерігаємо помилкову ідентифікацію страви, хоч і не настільки масову, як у випадку з назвою іспанської основної страви «ризото».

У ЛСГ «перша страва» (2 номінації – 0,6%) представлено лексеми *ґаспачо, міністроне*, що мають поодинокий характер, при цьому у першому випадку йдеться про страву іспанської, а не італійської кухні. Як бачимо, змішування іспанських та італійських страв характерне явище для лінгвосвідомості інформантів, що пояснюємо приналежністю обох мов до романської групи і фонетичною близькістю лексичних одиниць. У ЛСГ «закуска» *брускета, паніні* теж представлено дві номінації з поодинокими реакціями, в обох випадках йдеться про італійські назви бутербродів, в ЛСГ «інгредієнт» також дві номінації (*моцарела, восьминоги)* поодинокого характеру. Ці ЛСГ демонструють обізнаність інформантів з екзотичними стравами та компонентами страв італійської кухні, а певною

мірою і прагненням продемонструвати свою обізнаність. Поодинокий характер мають асоціації, що належать до ЛСГ «салат» (*панценела*), ЛСГ «соус» (*песто*) і ЛСГ «хлібні вироби» (*чіабата*), що належать до італійської їжі.

ТГ «напої» значно менш частотна, але потрібно мати на увазі, що завданням інформантів було подати асоціації до стимулу «італійська їжа», а не напої. Незважаючи на це, деякі учасники експерименту назвали назви напоїв, при цьому деякі мають непоодинокі реакції, зокрема *мартіні* (4 реакції – 2%). Цей напій у більшості інформантів асоціюється з Італією, за походженням його пов'язують з прізвищем винахідника Алессандро Мартіні з Турина. Інші асоціації: *кава «Лаваца»* (1), *амарето* (1), *маргарита* (1), *лімончело* (1), *грапа* (1), *к'янті* (1). Серед наведених номінацій лише одна вказує на безалкогольний напій, проте неіталійський за походженням, утім, зазначено італійську торгову марку кави, дуже популярну в Україні. Номінації алкогольних напоїв також не всі належать до італійських: так, коктейль «Маргарита» має латиноамериканське коріння. Інші номінації є назвами здебільшого алкогольних напоїв з винограду італійські за походженням.

Якщо узагальнювати образ тематичної підгрупи «італійська їжа» у лінгвосвідомості носіїв української мови, то потрібно зазначити його стереотипність і суперечливість. З одного боку, інформанти продемонстрували обізнаність з найвідомішими лексемами на позначення італійських страв (макаронних виробів і піци), а з іншого боку, намагалися виявити обізнаність з екзотичними, маловідомим назвами, іноді зараховуючи до італійських іспанські та англійські за походженням номінації. Носії української мови подавали частотні вербальні реакції з номінаціями других страв італійської кухні, натомість інші ЛСГ представлені обмежено. Це стосується і ТГ «напої», яка виявилася в межах представлених асоціатів. Отже, гіпотезу підтверджено частково: відзначаючи проблеми з ідентифікацією номінацій страв італійської кухні (навність реакцій, помилкових за походженням) та певну стереотипність їхньої презентації (нерівнозначне співвідношення малої кількості асоціацій з великою кількістю реакцій), наголосимо на прагненні інформантів продемонструвати обізнаність з італійською кухнею через використання мало відомої лексики на позначення страв.

Література

1. Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое [Электронный ресурс] / Е. Добренко // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 155–173. URL: http://www.magazines.russ.ru/nz/2009/ 2/do9-pr.html/

2. Ермакова Л. Р. Глюттонические прагматонимы и национальный характер: на материале русской и английской лингвокультур: автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. філол. н.: спец. 10.02.19 – теория языка. Белгород, 2011. 20 с.

3. Козирєва З. Г. Українська когнітосфера «їжа» як предмет лінгвістичного дослідження / З. Г. Козирєва // Науковий вісник кафедри Юнеско КНЛУ. Серія Філологія, педагогіка, психологія. 2014. Вип. 29. С. 48–55.

4. Мелех Г. Б. Німецька фахова мова кулінарії: системно-структурні та функційно-семантичні аспекти: автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. н.: спец. 10.02.04 – германські мови / Г. Б. Мелех. Чернівці, 2018. 20 с.

5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография / А. В. Олянич. Волгоград : Парадигма, 2004. С. 397–420.

6. Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. філол. н.: спец. 10.02.19 – теория языка. Краснодар, 2006. 20 с.

7. Шхумишкова А. Р. Номинации понятийной сферы «пища»: автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. філол. н.: спец. 10.02.01 – русский язык, 10.02.19 – теория языка / А. Р. Шхумишкова. Майкоп, 2011. 20 с.

Исследование представляет результаты свободного ассоциативного эксперимента, стимулом в котором служило номинация лексико-семантической группы «итальянская еда». Охарактеризованы полученные ассоциации, определен характер ассоциаций и квалифицированы основные семантические группы ассоциатов, а также прослежены особенности восприятия информантами понятия «итальянская еда», в который были представлены как номинации блюд, так и напитков. Обоснован стереотипный характер восприятия итальянской еды и напитков носителями украинского языка.

***Ключевые слова**: лингвосознание, ассоциативный эксперимент, лексико-семантическая группа, номинация блюд, вербальная реакция, ассоциат.*

The study presents the results of a free associative experiment, in which the nomination of the lexical semantic group «Italian food» served as a stimulus. The obtained associations are characterized, the nature of the associations is determined and the main semantic groups of associates are qualified, as well as the peculiarities of the informants' perception of the concept of «Italian food», in which both the nominations of dishes and drinks were presented. The stereotypical nature of the perception of Italian food and drinks by Ukrainian speakers has been studied.

***Keywords:** linguistic awareness, associative experiment, lexico-semantic group, nomination of dishes, verbal reaction, associate.*

Л.В. КОРНОВЕНКО, К.А. ПИСАРЕНКО

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

СТИЛЕМЕТРИЯ КАК ПРИЕМ ИЗУЧЕНИЯ КОЛОРАТИВОВ: НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

В статье проанализированы особенности цветообозначений художественной картины мира С. Есенина. Особое внимание акцентировано на выявление доминантных цветообозначений с помощью статистической методики.

***Ключевые слова:** колоративы, С. Есенин, стилеметрия, статистические методы.*

Изучение номинаций цвета в индивидуально-авторской картине мира имеет давние традиции [1]. Впервые вопрос о семантике колоративов и их функционировании как особом предмете лингвистических исследований привлек внимание языковеда В.В. Виноградова. Он подчеркивал, что для художников слова очень важны «распределения света и тени при помощи выразительных речевых средств, переливы и сочетания словесных красок» [2, 56]. Коммуникативно-прагматический и когнитивный подход к анализу цветописи в художественной коммуникации также актуальны, так как предполагают выявление воздействия на восприятие и понимание читателем художественного текста [3]. Цель настоящей статьи – выявление и описание доминантных цветообозначений С. Есенина с помощью статистической методики. По мнению Б. Н. Головина, автора известного пособия «Язык и статистика»: боязнь статистики медленно, но верно преодолевается большинством лингвистов [4, с. 10]. Лингвисты Д.М. Сичинава, М.А. Шведова утверждают, что «стилеметрия помогает выявить как принципиально значимые для художественного мира образы и понятия, так и определить бессознательно используемые им частотные лексемы, образующие характерные приметы его стиля» [5, с. 134].

С помощью статистической методики возможно успешно решать многие лингвистические задачи, в частности для определения цветовой насыщенности произведений С. Есенина может быть использован метод статистического подсчета. Опираемся на опыт применения стилеметрии, представленный в работе «Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского» С. М. Соловьева, успешно определившего цветовые числа произведений русских писателей XVIII – XX веков [6, с. 195-245]. Высокие цветовые числа отмечает лингвист также у поэтов XVIII века: Г. Р. Державин – С = 96,8%; Е. А. Баратынский – С= 32,0 %. В то же время среди писателей середины XIX – начала

XX веков заметна склонность к снижению цветности. По мнению С.М. Соловьева, если сравнить цветовую насыщенность произведений писателей 60-х годов XIX века Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского, то заметно сильное снижение цветности: Достоевский – С = 7,2%; Чернышевский – С = 3,1 % [6, с. 243].

Кроме показателя частоты употребления С.М. Соловьев предлагает «характеризовать также цветовую насыщенность литературных произведений определением так называемых цветовых чисел» [6, с. 241]. Сравнение данных С.М. Соловьева с нашими статистическими данными, полученными из Поэтического корпуса Национального корпуса русского языка (подкорпус С. Есенина), подтверждает значительную цветовую насыщенность произведений С. Есенина, а также то, что он занимает первое место в числе великих русских поэтов-колористов по употреблению цвета и его оттенков.

Цветовая картина мира у Сергея Есенина достаточно разнообразна. Исходя из частоты употребления цветовых эпитетов в лирике поэта были выделены 376 произведений, в которых используется цвет. При этом наибольшее количество упоминаний насчитывается в IV томе (172) и I томе (167). Приведем лишь некоторые цветообозначения: *синий – сизый – голубой – васильковый – сиреневый – лиловый – лазурный; красный – алый – рдяный – вишневый – кровавый – маковый – багряный – кумачовый; желтый – лимонный – шафранный – солнечный – овсяный – соломенный – лунный – золотой; розовый – малиновый – ягодный – румяный; белый – молочный – белоснежный – буланый; коричневый – гречневый – смуглый – телесный; рыжий – русый – рябиновый.* И это далеко не полный ряд колористики есенинской поэзии. Известное утверждение, что излюбленными для С. Есенина являются цвета *голубой* и *синий* нуждается, по нашему мнению, в подтверждении.

Данные исследования подтверждают особое место *синего* цвета в творчестве С. Есенина. Установлено, что ведущее место в его картине мира занимают также *золотой, красный* – на втором месте по частотности, на третьем – *голубой, белый*, четвертом – *черный, желтый*, пятом – *серый, зеленый*. Вопреки прочно сложившемуся мнению, что *голубой* цвет (как и *синий*) занимает первое место в поэзии Есенина, заметим, что он по количеству упоминаний находится на четвертом месте в богатой палитре красок поэта.

№ П/П	Название цвета	Количество упоминаний данного цвета				Общее кол-во упоминаний цвета в произв.	Цветовой спектр в %	Место цвета в творчестве
		1 ТОМ	2 ТОМ	3 ТОМ	4 ТОМ			
1	Синий	92	43	35	46	216	18,7	1
2	Золотой	6	35	22	38	155	13,4	2
3	Красный	46	40	23	33	142	12,3	
4	Голубой	49	26	15	27	117	10,2	3
5	Белый	40	20	14	38	112	9,7	
6	Черный	24	24	18	21	87	7,5	4
7	Желтый	35	16	15	10	76	6,6	
8	Серый	28	9	11	13	59	5,1	5
9	Зеленый	22	9	4	26	61	5,3	
10	Розовый	33	4	1	11	49	4,3	6
11	Серебряный	8	5	1	20	34	3,0	
12	Рыжий	16	7	-	4	27	2,3	7
13	Коричневый	10	2	1	5	18	1,6	
14	Общее цветовое число тома	463	240	160	290	Общее числовое число произведений		1153
15	Цветовой спектр тома в %	40,1	20,8	13,8	25,1	Среднее числовое произведений		99,1

Для более точного представления о цветовом спектре цветов, их соотношении, роли и месте в творчестве С. А. Есенина необходимо вычислить высокие и низкие числовые показатели. Цветовой спектр цветов дает более точное представление о процентном соотношении, роли и месте их в творчестве С. А. Есенина. Эти величины, по мнению С.М. Соловьева [6; 7] могут быть вычислены по формуле:

$C = \frac{\text{количество упоминаний цвета} * 100\%}{\text{общее числовое число цветов произведений}}$, где С (от франц. Couleur) – цветовое число или содержание цвета в спектре [6, с. 241]. Получены следующие выводы о процентном соотношении цвета в поэзии С. А. Есенина:

$$\text{СИНИЙ цвет} = \frac{216 * 100\%}{1153} = \frac{21600}{1153} = 18{,}7\%$$

$$\text{ЗОЛОТОЙ цвет} = \frac{155 * 100\%}{1153} = 13{,}4\%$$

$$\text{КРАСНЫЙ цвет} = \frac{142 * 100\%}{1153} = 12{,}3\%$$

$$\text{ГОЛУБОЙ цвет} = \frac{117 * 100\%}{1153} = 10{,}2\%$$

$$\text{БЕЛЫЙ цвет} = \frac{112 * 100\%}{1153} = 9{,}7\%$$

Назовем самые высокие числовые спектры цветов: *синий* – 18,7%; *золотой* – 13,4; *красный* – 12,3%; *голубой* – 10,2%. Самые низкие числовые спектры: *серебряный* – 3,0%; *рыжий* –2,3%; *коричневый* – 1,6%.

С помощью метода арифметического сложения получен параметр цветовой насыщенности (это величина была впервые предложена С. М. Соловьевым в 1972 г.) каждого тома. Подсчеты показали, что наибольшей цветовой насыщенностью обладают произведения поэта в I т. (463) и IV т.(290) и наименьшей II т.(240) и III т. (160). Путем сложения полученных величин выявлено общее число наименований цвета – 1153, а затем выведена цветовая насыщенность каждого тома в процентном соотношении и общая колористическую насыщенность произведений С. Есенина.

Если каждый том произведений поэта условно обозначить буквой С, то: C_1 – первый том; C_2 – второй; C_3 – третий; C_4 – четвертый. Подсчет показал: $C_1 = 463$; $C_2 = 240$; $C_3 = 160$; $C_4 = 290$.

Сложением величин было получено общее числовое значение цветов произведений:

$C = C_1+C_2+C_3+C_4=463+240+160+290=1153$

Цветовая колоритность каждого тома С. Есенина, как указывает С.М. Соловьев, может быть определена по формуле:

$$C` = \frac{\text{Цветовое число тома} * 100\%}{\text{общее числовое число цветов произведений}}$$

Вычисленная по формуле: $C=C_1+C_2+C_3+C_4=40{,}1+20{,}8+13{,}8+25{,}1=99{,}1\%$, колористическая насыщенность произведений С. Есенина свидетельствует о высоком показателе колористического мастерства поэта (ср.: цветовые числа по данным

С. М. Соловьева: Г. Р. Державин 96,8; Е. А. Баратынский 32,0 А. С. Пушкин 30,6) [6; 7]. Таким образом, проверка ранее изученного материала с помощью статистического анализа может открывать дополнительные перспективы лингвистических исследований.

Литература

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. 140 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980. 360с.
3. Корновенко Л.В. Значимость цветообозначения в художественной коммуникации // Лінгвістичні студії. зб. наук. праць. Черкаси, 2006. Вип. 2. С. 162–167
4. Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971. 190с.
5. Сичинава Д.А., Шведова М.А., Лагай И. Прилагательные в поэзии и прозе М.Ю. Лермонтова // Мовна особистість: лінгвістика і лінгводидактика. Випуск ІІІ. Київ-Черкаси. 2016. с.134-139
6. Соловьев С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М., 1979. 349с.
7. Соловьев С.М. Цвет, число и русская словесность // Знание – сила. 1971. № 1. с. 54-56.

У статті проаналізовано особливості колоративів художньої картини світу Сергія Єсеніна. Особливу увагу приділено виявленню домінантних кольоропозначень за допомогою статистичної методики.

***Ключові слова**: колоративи, С. Єсенін, стилеметрія, статистичні методи.*

In the article the features of color designation in the artistic discoursou of Sergei Yesenin's are examined. Particular attention is paid to the identification of dominant color designations using statistical methods.

***Keywords:** coloratives, S. Yesenin, stylmetry, statistical methods.*

П. В. КРЕТОВ

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

СИМВОЛІЧНА ПРИРОДА МОВЛЕННЄВОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ: КОНТИНГЕНТНІСТЬ І КОНФЛІКТ

Статтю присвячено розгляду символічної природи мовленнєвої ідентичності в онтологічному, соціальному та культурному контекстах принагідно до постання феноменів простору віртуальності і цифрової комунікації. Окреслено конфліктний характер, якого набуває мовленнєва ідентичність за умов кризи гранднаративу як проекту цілісного опису реальності, що притаманно сучасним розділеним суспільствам. Також обґрунтоване припущення, що символічна мовленнєва ідентичність в сучасних умовах набуває ознаки контингентності.

***Ключові слова:** символ, ідентичність, мовленнєва ідентичність, контингентність, конфлікт.*

Сучасна потужна соціокультурна динаміка, що обумовлює фундаментальні зміни побутування форм культури та зміни масової й індивідуальної свідомості та колективної уяви (Ч. Тейлор) окремих спільнот, націй, культур і людства загалом, може бути назагал охарактеризована як парадоксальним чином водночас синкретична та дефрагментована. Маємо на увазі насамперед той позірно неочевидний факт, що інформаційно-комунікативні технології, які гранично трансформують життєсвіт (Е. Гуссерль), змінюють також систему мотивацій, ціннісних орієнтацій, маркерів ідентичності та власне фундаментальні смисли людського існування, які лежать в основі як змісту, так і механізмів самоусвідомлення людини та її картини світу (М. Гайдеґґер). Ідеться про постання услід за цифровою комунікацією (П. Вацлавік) і соціальним конструктивізмом (Б. Латур, Н. Луман) нової моделі рецепції соціальної реальності, ґрунтованої на великих даних (big data), яка суттєво відрізняється від моделей, що можуть бути умовно позначені як модерна та постмодерна. Постпостмодерн,

чи, наприклад, метамодерн [1], як програми, що претендують на філософське осмислення нової комунікативної реальності, та назагал людської картини світу, вкупі з мовними формами та інструментами її конструювання, маніфестують постання нової символічної реальності соціокультурного – від економічного до мистецького теренів. Мовленнєва ідентичність як модус мовної особистості людини постає за таких умов як сума відношень, а не як сутність, втрачаючи монолітизованість, набуває іманентно конфліктного характеру. Символічна природа цього модусу ідентичності в просторі цифрової комунікації при цьому набуває ознак контингентності, тобто втрачає ознаки онтологічної реальності.

Ідеться насамперед про те, що експоненціальне зростання кількості інформації гранично ускладнює як побудову цілісних, несуперечливих послідовних теорій (як описів і пояснень реальності), так і проблематизує саму концепцію гранд- чи метанаративу як картини світу. На тлі бурхливої соціокультурної динаміки та швидкого розвитку інформаційних комунікативних технологій, які утворюють простір віртуальності (Ж. Ланьє) не лише як семіотичний код реальності назагал і соціальної реальності зокрема, але і створюють нові життєві форми й способи участі людини в цій реальності, відбувається проблематизація старої і формування нової ідентичності людини та соціальних груп різного рівня, яка може бути визначена як конфліктна. Одним з модусів такої ідентичності є мовленнєва. Слід підкреслити, що категорія конфлікту в сучасній науці у контексті картини світу, розглянутої під кутом зору когнітивної науки як певна дескрипція реальності, набуває значно ширшого значення, ніж традиційна для Заходу агональність і колізійність соціальної, а отже, мовленнєвої взаємодії. Конфлікт перестає бути елементом цілого, нехай і системоутворюючим, а набуває ознак онтологізованості як певна сума стосунків та відношень елементів в складі цілого, які генерують нову природу цілого, певну нову структуру. Аналітичний підіхід до теорії конфлікту, притаманний новітнім когнітивним наукам (зокрема когнітивній психології та лінгвістиці, з їх увагою, наприклад, до hate speech) і новітній філософії, з'ясовує, за влучним зауваженням С. Пінкера, контрпросвітницьку природу сучасних соціальних конфліктів: «Друге десятиліття XXI ст. відзначилося зростаннм популістських рухів, які безсоромно зрікаються ідеалів Просвітництва. Вони радше племінні, ніж космополітичні, авторитарні, а не демократичні, зневажливо ставляться до експертів, а не поважають знання і ностальгують за ідилічним минулим, аніж дивитися з надією в краще майбутнє» [2, с. 43]. Контрпросвітництво і є ідеологічним підгрунтям новітніх конфліктів як на теренах політики та геополітики, так і в царині культури, боротьби «плинних ідеологій» (В. Єрмоленко). А оскільки останні закладають підвалини, «теоретичну матрицю» (С. Тулмін) світогляду як тиражованої в мові, стереотипізованої картини світу, то якраз філософські колізії й суперечки репрезентовані мовою та мовленням постають тригерами для новітніх соціальних конфліктів. Ч. Тейлор, розглядаючи конфлікти модерного часу, і насамперед проблематику інструментального розуму, які прямо обумовили постмодерний бунт проти розуму й опосередковано сучасні проекти метамодерну, трансгуманізму, радикальних політичних і культурницьких рухів, спекулятивного реалізму (антикореляціонізм) у філософії тощо, пише: «Суб'єктивістський ухил, якого майже неминуче набирають інструменталізм та ідеології особистого здійснення, майже унеможливлюють розгляд цього питання з точки зору досвіду. /…/ А ця вимога хоч і пов'язана з нашою здатністю до мовлення – не просто одна з вимог самоздійснення. Вона походить зі світу. /…/ Проголосити весь цей спосіб мислення безпредметним – означає завдати самому собі величезної рани» [3, с. 654]. Ідеться практично про те, що індивідуалізована ідентичність, мовленнєва в тому числі, поза усвідомленням якої неможливе постання особистості, вимагає не просто дотримання принципу агональності, але обумовлює глибоко інституціоналізовані в суспільстві конфлікти, яких неможливо уникнути. Гранично схематизуючи, можна сказати, що західний індивідуалізм експлікує

свою відпочаткову нетотожність демократично-ліберальним цінностям і насамперед принципу рівності. Ф. Фукуяма в своїй останній роботі «Ідентичність» (2020) зазначає: «Політика ідентичності породжує динаміку, яка поділяє суспільство на все більш дрібні групи, які мають власний «життєвий досвід» віктимізації. /…/…свобода і широта вибору сучасного ліберального суспільства також можуть зробити людину нещасною і самотньою. Люди сумують за общиною та упорядкованим життям, котре, як їм здається, вони втратили чи яке колись мали їхні предки» [4, с. 181]. Це означає, що конфліктна ідентичність є сумою стосунків людини з іншими людьми в межах сукупності ідентичностей як певних систем координат. Зауважимо, що подібне розуміння політики ідентичності як політики конфлікту суголосне акторно-мережевій теорії (Б. Латур та ін.) і соціальному конструктивізму Н. Лумана – стосунки між елементами системи як формальний зв'язок можуть превалювати над їхнім змістом. Тому в умовах ліберальних демократій і нестійких демократій з пострадянським минулим та олігархічним сьогоденням деякі соціальні групи можуть керуватися політикою ресентименту, вираженого в мовних практиках, малих групових дискурсах і закріпленого в мовленнєвих моделях, узусі, що гранично плюралізує ідентичності, збільшуючи їхню кількість і дестабілізує громадський діалог і колективні дії в масштабах цілого суспільства. Суб'єкт, згідно з когнітивним підходом, змінюється концептом когнітивного агента, і відповідно, пізнання як відображення та ідентичність як конвенція, притаманні модерному суб'єктові, змінюються пізнанням-конструюванням та ідентичністю як конфліктом, на тлі уваги до перформативу. Наприклад, згідно з перформативною теорією істини (П. Стросон) соціальна чи політична дія демонструє інтенцію як намір мовця переконати своїх адресатів, що прямо вказує на колізію, суперечку, конфлікт. Отже, маємо справу не просто із класичною агональністю мовлення, а з новою цілісністю, яка претендує на всеохопність одночасно від неї відмовляючись, – безкінечна кількість особистих наративів, життєвих історій та колізій, мотивів і сюжетів, фабул та оповідей утворює своєрідну ризому (Ж. Дельоз), але нового порядку і з новими властивостями, виходячи за межі і поняття-символу ризоми, і метафори-символу складки, яка огортає реальність одночасно витікаючи з неї, у якої зовнішня і внутрішня поверхня не можуть бути розділені, як у класичному об'єкті топології. Прикладом може слугувати розвиток нарратології, чи на теренах маскульту – увага до феномену сторітеллінгу (storytelling). Гранднаратив помер – хай живе гранднаратив, за відомою ідіомою. Le differend Ж.Ф. Ліотара як сума автономних малих наративів (мовленнєвих практик як складових особистої ідентичності мовця) поступається місцем новій конфліктній неузгодженості, але вже цілісній – і це простір віртуальності (Ж. Ланьє), в якому мовленнєва ідентичність втрачає онтологізованість, автономність і особистісність, проте набуваючи рекурсивності, контингентності та меметичності. Деррідіанські запитування щодо перебування мовця всередині чи зовні філософії або фукіанські ламентації про смерть суб'єкта за такої моделі втрачають свій сенс; інша справа, що фундаментальні підстави, на які може опиратися така ідентичність, з'ясовані нечітко. Сучасна дослідниця зауважує, що «керуючись прагматичними міркуваннями, представники розвитку семантики більше не зациклюються на вивченні лише фактотвірної функції мови», не протиставляють жорстко смисл і логічну істинність; «особливо це стосується перформативного висловлювання» [5], оскільки після аналізу теорії мовного акту Дж. Остіна та Дж. Сьорля, а також її критики у постструктуралізмі з точки зору властивого перформативу універсалізму (завдяки його ітерабельності – повторюваності) теорія референції приходить до відмови від жорсткого розрізнення текстової і позатекстової реальності, відбувається перехід «у перформативний простір дискурсу, що відкриває парадокс референціальності: оповідь про те, чого ще не існує, але що народжується тільки в процесі оповіді. Наративний дискурс не просто констатує про буття і не тільки конструює буття, але й постійно виробляє і відтворює його в акті нарації»

[5]. Отже, будь-який опис і фундована на ньому картина світу гранично наближаються до наративу, а отже, і до новітнього міфу. Ще Вітгенштайнові спроби вибудувати граматику опису (у «Трактаті») реальності, що обумовили постання теорії мовного акту, вже латентно утримували в собі певний момент міфологізму як гіпостазованої нарації. Причому зазначені міркування стосуються як гуманітаристики, так і мови науки назагал, оскільки в опорі на таке розуміння мовлення фундується цілісна модель опису-розуміння-переживання світу людиною, оскільки нарація постає як поняттєвий міф (О. М. Фрейденберг), то вона в сучасних умовах є зрощенням усіх можливих способів опису реальності та способів взаємодії з нею. Звісно, розглядати сучасну фундаментальну науку як опис, принагідно до матеріального світу без деякого сповзання в оксюморон навряд чи можливо, оскільки постнекласична парадигма у фундаментальних, природничих і точних науках з необхідністю передбачає не просто існування спостерігача, але і всі прагматичні аспекти цього існування, що знаходять вираз у мові та мовленні і можуть бути розглянуті як елемент наративу. Мовленнєва ідентичність за таких умов постає маркером позиціонування людини в світі не сутностей а відношень. Питання наразі можна поставити так: чи можливо розглядати що-небудь саме по собі, наділяючи це що-небудь предикатом об'єктивності? Чи не передбачає науковий аналіз (від якого з необхідністю переходимо до лінгвістичного) не просто розкладання сущого на складники, але й іманентної цьому аналізові проблеми людини, її мови та діяльності? Що, наприклад, означає варіативність модальностей наративу, у типології Л. Долєжела, в якій виділяється аксіологічна, деонтична, епістемічна й алетична модальності семіотичної системи, як не спробу термінологічної формалізації автогенерації смислів в наративі та перформативі, спробу фіналізувати наратив як мовлення? Неважко помітити, що цю типологію наративів можна довільно розширити за рахунок типології неформальних логік (якщо логіку розглядати як структуру, математику мови, вербального опису й наративу), Британський філософ і літературознавець Ф. Кермоуд дотепно зауважив, що люди уявляють хід годинника як «тік-так», тоді як він просто «тІкає», саме тому, що їм властиво організовувати досвід в актах, що мають початок і кінець. Мовний опис, отже, фіналізує, тоді як наратив, маючи на увазі фінал, може його не передбачати, а бути циклічним чи рекурсивним; інакше кажучи, наратив – безкінечна казка Шахерезади, в якій Я виступає і султаном, і меткою невільницею. Недарма сучасна герменевтика тексту не заперечує фрагментаційний пафос і нігілізм негації постмодернізму, захищаючи актуальність «наративного розуміння» як моделі сьогодення, причому ця модель опирається на «особистий голос» людини, мовленнєву ідентичність які протистоять схематизму й узагальненню як формалізації та дегуманізації. Якщо на рівні мовного змісту, який є фундаментом будь-якої смислогенерації, все, що позначається, в мові чи мовленні (соссюрівська дистинкція langue / parole), а отже, входить у смисловий тезаурус культури, неодмінно переживається людиною як чи то суб'єктом мислення, чи то носієм свідомості, чи то когнітивним агентом. Стара ще за часів Епіктета констатація того status quo, що людина живе не в світі речей, а в світі символів, хоча і не робить людину виключно homo sumbolicus, але вкрай обмежує вихід за межі означення як модусу перебування людини в світі. Якщо мати на увазі спробу аналітичної традиції XX ст. подолати спадок сформульованого У. Селларсом «міфу про даність» (myth of the given) у філософії, то чи не призвело це парадоксальним чином до нової пастки – вже, власне, не скерованої на подолання «забуття буття» (М. Гайдеґґер), на онтологію реальності, але семіотично – вербальної? Розуміння, вербалізація, пояснення, трансляція знання, картина світу – все це вже потім, по першосимволові чи протознаку? Ця детермінація змушує поставити просте питання – а що ж з того, що входить у сферу означення, не є символом, або потенціальним символом, або не функціонує як символічна конструкція в межах умовного універсального смислового та значеннєвого тезаурусу, утвореного усім розмаїттям семіотичних кодів,

доступних людині й людській свідомості? Якщо ж починати зі сприйняття та досвіду, то що з того, що є їх матеріалом – внутрішніх станів, відчуттів, емоцій, переживань, сприйнять речей зовнішнього світу (предметної реальності), думок, суджень тощо, не несе символічного смислового потенціалу? (Мимоволі спадають на думку Гусерлева дистинкція ноезису / ноеми та навздогін – Мейнонгові «неіснуючі реальні об'єкти», такі як круглий квадрат). Відомо, що гілетичний рівень свідомості фіксує фізичні феномени, інтенціональні ж феномени (за Брентано – психічні) формуються і набувають смислу лише на рівні ноезису, ноематичний рівень дозволяє вже говорити про трансцендентну свідомості реальність предметів. Чи не означає це, що смисл назагал неможливий поза сферою символічного, оскільки він формується до ноематичного акту та конституювання об'єктів свідомістю? Чи пропонує нам парадигмальна для феноменологічного проекту у філософії концептуальна модель раннього Гуссерля тут уявлення про межі реальності, про контекст свідомості до предметного контексту і реальності предметів? Як предмет може набувати символічних смислів на ноематичному рівні, якщо він їх не мав до цього на ноетичному? Може видатися, що позиція Мейнонга послідовніша, хоча так брутально суперечить здоровому глузду. Спроби обійти це питання (наприклад конституювання Дельозом дологічного і довербального «плану іманентності» свідомості [6], як видається, вказують на те, про що йшлося нам від початку цього екскурсу у феноменологію – мисленнєва реальність свідомості є посутньо символічною, мислений образ чи лексема не вимагає з необхідністю референта чи денотата (передбачаючи при цьому десигнат як ідеальний об'єкт свідомості), і в ній присутні всі можливі й неможливі предмети, якщо тільки вони належать до сфери смислу. Якщо скористатися для ілюстрації цієї думки семіотичним трикутником «символ – поняття – референт» (Ч Огден, А. Річардс, 1923), то найбільш релевантним є якраз символ (хоча ці лінгвісти зводили його виключно до вербального знака, слова, або акцентували його остенсивну функцію), оскільки він передує двом наступним елементам структури в реальності свідомості. Виокремимо два моменти означеного стану речей, що видаються релевантними: по-перше, заново проблематизуються точка, момент і структурні особливості задіяння логічних моделей мислення та мови в межах «життєсвіту» людини – актуалізується питання про дологічний і домовний простір досвіду. Якими є одиниці, структурні форми його освоєння? По-друге, акцентується процесуальний, діяльнісний характер пізнавальної діяльності людини, розглянутої холістично – існує навіть тенденція до заміни фундаментального термінологічного словосполучення «суб'єкт пізнання» термінологічною конструкцією «когнітивний агент» (О. Князєва вважає, що тут важлива апеляція до первісного латинського значення кореня лексеми *агент*, що включає семантику, пов'язану зі спонуканням до дії, обумовлення тощо) [7, с. 89]. Тому припустимо, що символічні механізми свідомості у такій гранично широкій інтерпретації людського світу та систем взаємодії людина / природа, людина / світ, людина / соціум, людина / людина та ін., що її використовує новітня філософія (енактивізм, конструктивізм), мають бути осмислені насамперед з конструктивної точки зору, тобто в тому сенсі, як вони сприяють формуванню або безпосередньо формують картину світу людини. Символ у цьому контексті може бути інтерпретований як самоподібна фрактальна структура мови (бачимо, як легко концептуальні аналогії переходять у концептуальні метафори. Сучасний класик конструктивізму П. Вацлавік розрізняє цифрову комунікацію, що спирається на структури, величини, масиви даних, назагал логіку й аналогову комунікацію, що апелює до образів, метафор, загалом – до семантики та смислогенерації. Його однодумець Д. Пінк взагалі стверджує, що інформаційні взаємодії в культурі й масовій комунікації поступово витісняються концептуальними, такими, що є насамперед смислогенеруючими [8]). Також можна визначити символ як метафору, що замкнена сама на себе, як таку структуру, що, крім ознаки самоподібності, може мати ще й ознаки гомеоморфності та самовідтворюваності.

Ситуативно регульована, стохастична реальність мовлення / сприйняття, інтерпретації (соссюрівське parole з дихотомії langue / parole) «тоне» у глибинах мови, у невичерпності її потенційних смислів та інтерпретації значень. Можемо припустити, що такий механізм трансцендування реципієнта або мовця щодо вузького контексту комунікації і вихід на рівень тезаурусу мови загалом запускається саме символом. Але нам ідеться не про онтологізованість мови й мовлення і не про те, що мова – це домівка буття, апелюючи ще до однієї відомої метафори, а саме про трансцендування. Символ саме тому й видається універсальною пізнавальною формою, що от він може вивести за межі мови або на дологічний рівень (чи на дологічному рівні – «план іманентності» Ж. Дельоз) або на металогічний, метатеортетичний. Саме тому символ може набувати ознак трансфінітності (наразі термін використовуємо і в його математичному значенні, і в контексті його використання екзистенційною психологією). Доречною видається метафора калейдоскопа. Уявимо, що людина використовує монокуляр для того, щоб розрізнити деталі віддаленого й уточнити межі своєї картини світу, організувавши дані досвіду в систему. Цей монокуляр – мова. Але він водночас є й калейдоскопом. Умовні режими між простим збільшенням і калейдоскопічним (доречним буде уточнення – фреймовим, фрактальним, тобто самоподібним) баченням перемикає метафора, яка функціонує як символічна конструкція. Згадаймо, що ще О. Ф. Лосєв зауважував, що будь-яка метафора потенційно є символом, може ускладнюватись до символа, виступаючи у ролі смислогенеративної моделі. Таким чином, перехід від говоріння як називання (що бачу, те й кажу), від предметності та конкретики комунікативної ситуації до символіки смислів мови, не залежної безпосередньо від предметів матеріального світу, невичерпної й онтологізованої, дуже простий і здійснюється простою зміною свідомісної установки реципієнта або мовця, «заглибленням», тобто між цими аспектами комунікації і перебування в світі смислів немає жорсткої межі. Потік, бурхлива ріка інтерпретацій знаків, значень, гіпотетичних смислів лежить перед людиною. Їй для того, щоб описати будь-що, слід зафіксувати стан речей (фіналізуюча природа будь-якого наративу, назагал – мови, але не мовлення). Тож метафора немовби «схоплює кригою» на мить цей потік, робить своєрідний парадоксальний «зліпок вічності». Символ же фіксує точку сингулярності смислу, момент розриву, перервності неперервного, як видається, на відміну від метафори, через те, що він, вільний щодо будь-яких просторових або часових маркерів реальності (речей або мови), фіксує топологію безкінечної варіативності смислогенерації у свідомості людини, причому тут відсутня рекурсія як просторова, так і смислова. Тобто, символ не просто переносить зміст «звідти-сюди» чи навпаки, як-от метафора. Він створює власну реальність. Тому трансцендентальність символу та символіки і його здатність виступати в якості межі досвіду й водночас «містка», порталу в смисловий простір свідомості обумовлена не в останню чергу тим, що він, по-перше, оформлений, структурований і, по-друге, передбачає власне буття, а не лише вказує на те, чим не є сам, не є лише частиною цілого або лише фрагментом реальності. Будь-яка окремість певною мірою вказує на вихідну цілісність та всі інші окремості, але в межах символу відбувається генерація смислу, який не витікає прямо зі сприйманого людиною або з безпосереднього досвіду, смислу, який ґрунтується на змістові та структурі символічно-смислового простору свідомості і спонукає до дії у світі та взаємодії зі світом. Тому символічна природа кореляції мовлення та свідомості обумовлює конфліктний характер мовної ідентичності. Взаємодія з реальністю є перманентним утриманням себе у собі, думці, власному мовленні. Тому, наприклад, метамодерні постулювання новітнього міфу самодостатньої речі, об'єкта (наприклад, об'єктно-орієнтована онтологія Г. Гармана), який речі розповідають одна одній, а людина як об'єкт є лише випадковим і факультативним слухачем цієї оповіді, її екзистенція та власне екзистування відбувається з речами в одному регістрі поза відношеннями ієрархії й домінування, є за визначенням дегуманізуючими. У

мовленні, яке імпліцитно є перформативним актом, будь-які «категорії буття» мовознавства чи філософії мови долаються як конструювання чергової метамови та поняттєва рекурсивність.

Отже, мовленнєва ідентичність, згідно зі своєю символічною природою може вказувати на конфліктність, контингентність і рекурсивність картини світу сучасної людини в межах віртуальності як простору комунікації.

Література

1. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019. 560 с.

2. Пінкер С. Просвітництво сьогодні. Аргументи на користь розуму, науки та прогресу. К., 2019. 560 с.

3. Тейлор Ч. Джерела себе ; пер. з англ. К., 2005. 696 с.

4. Фукуяма Ф. Ідентичність. Потреба в гідності й політика скривдженості. К., 2020. 192 с.

5. Агафонова Е. В. Нарративная онтология как возможность новой концептуализации бытия. *Парадигма : очерки философии и теории культуры. Вып. 6*; под редакцией проф. М.С. Уварова. Спб., 2006. С. 232–244. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/publications/agafonova_ev/narrat_ontology1.pdf (дата звернення 15.11. 2020).

6. План іманентності. Енциклопедія постмодернізму ; за ред. Черльза Е. Вінквіста та Віктора Е. Тейлора. Київ : Вид-во Соломії Павличко, 2003. 503 с. С. 309.

7. Князева Е. Энактивизм : новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., 2014. 500 с.

8. Пинк Д. Будущее за правым полушарием. Что делать, чем думать и как быть в век нового творческого мышления. М., 2009. 320 с.

Статья посвящена рассмотрению символической природы речевой идентичности в онтологическом, социальном и культурном контекстах в контексте возникновения феноменов пространства виртуальности и цифровой коммуникации. Определен конфликтный характер, который приобретает речевая идентичность в условиях кризиса гранднарратива как проекта целостного описания реальности, что характерно для современных разделенных обществ. Также обосновывается предположение, что символическая речевая идентичность в современных условиях приобретает признаки контингентности.

Ключевые слова: *символ, идентичность, речевая идентичность, контингентность, конфликт.*

The article focuses on the consideration of the symbolic nature of speech identity in ontological, social and cultural contexts in the context of the phenomena of the space of virtuality and digital communication. The author defines the conflict character, which is acquired by speech identity in the conditions of the crisis of the grand narrative as a project of a holistic description of reality characteristic of modern divided societies. The article substantiates the assumption that symbolic speech identity in modern conditions acquires signs of contingency.

Keywords: *symbol, identity, speech identity, contingency, conflict.*

О. І. КРЕТОВА, Н. М. СУПРУН

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ПОСТАТЬ НАРАТОРА У РОМАНІ М. ЗУЗАКА «КРАДІЙКА КНИЖОК»

У статті на підставах наратологічного підходу розглядається постать наратора / оповідача як однієї з основних інстанцій викладової манери, наративу, структури сюжету в романі М. Зузака «Крадійка книжок», котрим є Смерть. Відзначається антропоморфний характер наратора, його персоніфікацію, наявність рис як безособового, так і персоніфікованого наратора, який є об'єднавчою ланкою між наративом подій і наративом образів у романі.

Ключові слова: *наратив, наратор, персоніфікація, художній образ, М. Зузак, «Крадійка книжок».*

У другій половині XX століття на перетині численних літературознавчих підходів формуються нові методики та теорії дослідження художніх творів, що орієнтуються на художній дискурс, зокрема рецептивна естетика, інтертекстуальність, неориторика та ін. У фокусі їхньої уваги знаходиться поняття наративу – своєрідної манери розповідання, викладу, опису фактів, подій в художньому творі. Відповідно формується ціла галузь досліджень – наратологія, яка вивчає теорію розповідання та займається питання формування спеціальних методик аналізу й дослідження літературних текстів з означених позицій. Сама поява наратологічних досліджень у 60-х роках минулого століття обумовлюється переосмислення структуралістського підходу до вивчення як мовних, так і літературних явищ і вихід на перший план комунікативних аспектів у філологічних дослідженнях, в тому числі й літературних.

Наратор як одна з основних інстанцій викладової манери, наративу, структури сюжету так чи інакше визначає специфіку репрезентації як смислів твору, так і його сюжету. Також через нього відбувається сама розповідь як трансляція інформації, тобто наратор водночас генерує і транслює інформацію. Існує багато підходів і типологій наратора художнього тексту. Наприклад, виділяють реального автора, прихованого автора, наратора, нарататора, прихованого читача, реального читача, абстрактного читача (С. Четмен, Ф. Штанцель, В. Шмід). Від наратора залежить вид наративної структури (лінійна, яка передбачає наступність і послідовність, і нелінійна). У романі М. Зузака специфічно поєднані лінійна і нелінійна наративні структури, монолітизовані наратором Смерть. Наратор у романі фіксує ризоматичну структуру письма (термін ризома належить Ж. Дельозу і означає багаторівневе нелінійне ціле як складну неврівноважену систему. У літературознавстві термін ризоматичного письма позначає дискретність структури наративу [1]). Дослідники по-різному інтерпретують можливу кількість нараторів у творі – від трьох (В. Шмід) до чотирьох (П. Лаббок), восьми (Н. Фрідман), дванадцяти [2, с. 21]. Критерієм такого поділу є функціонал цієї інстанції наративу. Наратор завжди пов'язаний з автором і може (але не обов'язково) виступати його репрезентантом, і при цьому завжди є вихідним суб'єктом викладу. Питання про вторинність наратора щодо автора є дискусійним, і особливо це стосується модерної та постмодерної літератур. Роман М. Зузака, який має риси обох цих парадигм, фіксує наратора як цілком автономного суб'єкта оповіді, в якому автор повністю розчинений. Тобто наратор не є абстрактним голосом автора, насправді він цілком антропоморфізований носій свідомості, волі і головне – здатності до генерування дискурсу. М. Руденко пише: «Говорячи про відношення між світом автора і героя, маємо на увазі передусім відношення між рівнем наратора і персонажа» [3, с. 7]. Літературознавча енциклопедія натомість розширює фіктивну природу наратора, наголошуючи на тому, що він може бути не один та дистанціюватися від оповіді, персонажів і нарататора [4, с. 195]. Н. Римар і Л. Мацевко-Бекерська розглядають функціонал наратора у розкритті кореляції між читацькою рецепцією тексту та дискурсом автора [2, с. 21; 5, с. 52]. Припущення О. Коваленко про те, що важливість наратора в тому, що він знає фінал оповіді [6, с. 46], на нашу думку, може бути поставлене під сумнів, оскільки у випадку відкритого фіналу або нелінійної композиції цю ознаку наратор втрачає.

Коли йдеться про центральний елемент структури тексту – оповідача, яким є Смерть, можемо припустити, що це продовження цілком постмодерної тенденції до відчуження функцій оповідача від людини. Як, наприклад, у класичному постмодерному романі Дж. Барнса «Історія світу у 10 ½ розділах», в якому оповідь ведеться від імені жуків-деревоточців. Також присутність моменту гри оповідача з героями та текстом, текстів у тексті (книжки, написані Максом і Лізель, книжки, що згадуються в тексті), інтертекстуальність, яка робить прозорими межі між текстами прямою мовою, описами, алюзіями та ремінісценціями, мовою назагал, – все це дозволяє припустити, що в романі присутні елементи постмодерної

естетики. Так, на нашу думку, семигранний гральний кубик є цілком постмодерним очужуючим прийомом, що начебто раціоналізує хід розповіді, але насправді посилює переживання абсурдності того, що відбувається і що є втіленням подиху часу тодішньої Європи в романі. Але з іншого боку, роман аж ніяк не можна назвати експериментальним чи підкреслено новаторським. По-перше, він, на відміну від постмодерністських текстів, має цілком чітко сформоване етичне послання, меседж і гуманістичний антивоєнний пафос, пов'язаний до того ж із темою Голокосту. По-друге, сюжет роману, хоча і фрагментований (що вказує на постмодерний вплив), але цілком послідовний, тяглий і чіткий. Центральні образи (Лізель, Руді, Макс, Роза і Ганс Губерманни) розкриті у розвитку сюжету динамічно і подані цілком реалістично. Але при цьому присутній мотив «дзеркальності» (наприклад, Руді і Макс, Руді і Франц Дойчер, Лізель і Ільзе Германн, Лізель і Роза Губерманн), який може вказувати на модерністську символістську манеру прочитання образів, коли один з них не просто відтіняється іншим, а віддзеркалюється ним, що в результаті приводить до виникнення певного «лабіринту відображень» персонажів одного в одному, і цей пазл в романі збирає лише Смерть. Тобто один образ «прозирає» за іншим, один образ, як символ, вказує на інший, і всі вони разом концентруються на Смерті, який є останнім символом реальності в романі, але при цьому все ж таки символом, тобто Смерть має вказувати на щось, чим не є сам, але що стоїть за ним. Смерть, як уже зазначалося, антропоморфізована, тобто здатна на турботу: "It suffices to say that at some point in time, I will be standing over you, as genially as possible. Your soul will be in my arms. A color will be perched on my shoulder. I will carry you gently away" (Zusak, 2006). – «Досить зазначити, що одного дня я привітно схилюся над вами. На моїх руках спочине ваша душа. На моєму плечі влаштується якийсь колір. Я обережно віднесу вас» (Зузак, 2016). Він має власну точку зору: "Personally, I like a chocolate-colored sky. Dark, dark chocolate. People say it suits me. I do, however, try to enjoy every color I see–the whole spectrum" (Zusak, 2006). – «Приміром, мені подобається небо кольору шоколаду. Темного, темного шоколаду. Кажуть, що він мені личить. Я ж, проте, намагаюся насолоджуватися усіма кольорами, що потрапляють мені на очі, – усім спектром» (Зузак, 2016); має людську здатність втомлюватися від надмірної праці: "As I've been alluding to, my one saving grace is distraction. It keeps me sane. It helps me cope, considering the length of time I've been performing this job. The trouble is, who could ever replace me? Who could step in while I take a break in your stock-standard resort-style vacation destination, whether it be tropical or of the ski trip variety? The answer, of course, is nobody <…>" (Zusak, 2006). – «Як я і натякав, мене рятує лише відволікання. Це допомагає не з'їхати з глузду. Допомагає з усім впоратися – зважаючи на те, як довго я виконую цю роботу. Цікаво, чи зможе хто-небудь замінити мене? Хто зможе зайняти моє місце, коли мені захочеться взяти відпустку і провести її на якомусь із ваших стандартних курортів – чи то на пляжі, чи то в горах? Відповідь, звичайно ж, ніхто <…>« (Зузак, 2016); може помилятися: "Mistakes, mistakes, it's all I seem capable of at times" (Zusak, 2006). – «Помилки, помилки – здається, іноді це єдине, на що я спроможний» (Зузак, 2016); вдаватися до самоопису: "I am in all truthfulness attempting to be cheerful about this whole topic, though most people find themselves hindered in believing me, no matter my protestations. Please, trust me. I most definitely can be cheerful. I can be amiable. Agreeable. Affable. And that's only the A's. Just don't ask me to be nice. Nice has nothing to do with me" (Zusak, 2006). – «Я насправді стараюся зробити все, щоб ця тема не була для вас такою песимістичною, хоча більшість людей заледве чи вірять мені і не звертають на мої заперечення жодної уваги. Прошу вас, повірте. Я насправді можу бути оптимістичним. Я можу бути приязним. Поштивим. Привітним. І це лише на одну літеру. Єдине – не просіть мене бути милим. Це аж ніяк не про мене» (Зузак, 2016).

Отже. у романі «Крадійка книжок» наратор персоніфікований, але при цьому має риси міфологізованого чи релігійно забарвленого образу, тобто Смерть, хоча і

антропоморфізований в романі, але при цьому позбавлений унікальних людських рис, тобто має риси як безособового, так і персоніфікованого наратора. У тексті роману автопортретизація Смерті виділена графічно шрифтом, кольором і розміром. З прологу: 'In which our narrator introduces: himself – the colors – and the book thief… I'm nothing if not fair' (Zusak, 2006). – «Тут оповідач знайомить нас із собою – кольорами – і крадійкою книжок… Я передусім справедливий» (Зузак, 2016). З фіналу: 'Yes, I have seen a great many things in this world. I attend the greatest disasters and work for the greatest villains. But then there are other moments. There's a multitude of stories (a mere handful, as I have previously suggested) that I allow to distract me as I work, just as the colors do. I pick them up in the unluckiest, unlikeliest places and I make sure to remember them as I go about my work. The Book Thief is one such story' (Zusak, 2006). – «Так, у цьому світі я бачив багато чого. Я присутній при найбільших катастрофах, я працюю на найгірших лиходіїв. Є безліч історій (лише жменька, як я вже казав раніше), які відволікають мене від роботи, так як і барви. Я підбираю їх в найнещадніших, найнеймовірніших місцях і намагаюся пригадувати, коли роблю свою роботу. «Крадійка книжок» – одна з таких історій» (Зузак, 2016). Відзначимо, що антропоморфність Смерті насамперед в його емоційності, і ця родова риса людей змушує Смерть парадоксальним чином страждати: 'A LAST NOTE FROM YOUR NARRATOR. I am haunted by humans' (Zusak, 2006). – «Останні слова вашого оповідача. Мене переслідують люди» (Зузак, 2016). Важливим є використання графічно-стилістичного прийому капіталізації написання слів – він не лише дозволяє зробити смисловий акцент, але і суттєво олюднює наратора, антропоморфізуючи та надаючи емоційних конотацій його мові [46]. Важливо також, що між наративом подій і наративом образів наратор Смерть є єдиною об'єднавчою ланкою. І дуже промовистим фактом є те, що під час екранізації роману ні режисер, ні оператор не наважились візуалізувати Смерть, обмежившись голосом за кадром. Тим самим наратор у фільмі отримав статус всевідаючого оповідача за лаштунками, що обмежило його участь у художньому творі як цілому. Літературний текст значно багатше і глибше використовує постать наратора.

Література

1. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики ; пер. с фр. Москва, 2004. 656 с.

2. Римар Н. Ю. Наративні стратегії художньої прози Ніни Бічуї. Дис… канд. філол. наук : 10.01.01. / ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». Перяслав-Хмельницький, 2016. 230 с.

3. Руденко М. Наративна структура художньої прози Миколи Хвильового : автореф. дис…. канд. філол. наук : 10.01.01 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. К., 2004. 20 с.

4. Літературознавча енциклопедія: у 2 т. / авт.-уклад. Ковалів Ю. І. Київ, 2007. Т. 2. 2007. 624 с.

5. Мацевко-Бекерська Л. Наративні стратегії малої прози (на матеріалі української літератури кінця XIX – початку XX століть) : автореф. дис… д. філол. н. : 10.01.06, 10.01.01. / Ін-тут літ-ри ім. Т Г. Шевченка НАН України. Київ, 2009. 40 с.

6. Коваленко К. Типи нараторів і види нарації у прозових творах А. П. Чехова («Моє життя», «Розповідь невідомої людини»). *Філологічні науки*. 2012. № 2. С. 46–50.

7. Зузак М. Крадійка книжок; пер. Н. Гоїн. Харків, 2016. 416 с.

В статье на основании наратологического подхода рассматривается фигура нарратора / рассказчика как одна из основных инстанций повествовательной манеры, нарратива, структуры сюжета в романе М. Зузака «Книжный вор», которым является Смерть. Отмечается антропоморфный характер рассказчика, его персонификация, наличие черт как безличного, так и персонифицированного нарратора, который является объединяющей звеном между нарративом событий и нарративом образов в романе.

Ключевые слова: *нарратив, рассказчик, персонификация, художественный образ, М. Зузак, «Книжный вор».*

Based on the naratological approach, the article examines the figure of the narrator / storyteller as one of the main instances of the narrative manner, narrative, and plot structure in M. Zuzak's novel ''The Book Thief'', which is Death. The author provides description of anthropomorphic character of the narrator, his personification, the presence of features of both an impersonal and a personified narrator, which is the unifying link between the narrative of events and the narrative of images in the novel.
Keywords: *narrative, the narrator, personification, artistic image, Zuzak M., «The Book Thief».*

О. В. ЛИСЮЧЕНКО, С. АТАЄВ
Київський національний лінгвістичний університет

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ КАК СТЕРЕОТИП ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Розглянуто фразеологічні одиниці. Зіставлено значення фразеологізмів в російській та узбецькій мовах як метод виявлення національної ментальності.
Ключові слова*: фразеологічні звороти, національно-культурна конотація.*

Изучение фразеологических единиц на разных языковых уровнях в процессе обучения иностранных студентов русскому языку, особенно в ходе обучения методике преподавания русского языка, является актуальным, но в то же время интересным и увлекательным процессом. Сложность данного процесса заключается в специфике обучения иностранных студентов и в подготовке их к профессиональной деятельности. Изучению этой группы языковых единиц в разных языках мира посвящено огромное количество научной лингвистической литературы. Одним из направлений, активно занимающимся вопросами интерпретации фразеологических оборотов в речи этносов, является этнолингвистика.

Для того, чтобы избежать трудностей в составлении правильных, осмысленных фраз и в правильном их понимании, преподаватель предлагает студентам упражнения на формирование речевых навыков и речевых умений вариативного использования синонимичных языковых средств для выражения одной и той же мысли, отводя при этом главную роль фразеологическим оборотам, которые делают нашу речь выразительной, экспрессивной, более точной. Эти коммуникативные и методические умения преподавателя составляют методическую компетенцию будущего учителя – преподавателя русского языка и литературы. В процессе изучение фразеологических оборотов студенты приходят к выводу, что фразеологизмы являются неким ключом к пониманию психологии и культурных традиций народа, образами для создания национальной картины мира.

Рассмотрим презентацию национального русского концепта *душа* в составе фразеологических оборотов:

Взять за душу – аппелировать к эмоциям
До глубины души – очень сильно
Кошки скребут на душе – что-то неприятное
Душа болит – большая проблема
Душа не на месте – волноваться
Душа в душу – очень хорошо

Возникающая в процессе использования фразеологизма в речи, коннотация в приведенных примерах определяется как культурно-маркированная. В подобных значениях данные фразеологические обороты употребляются в русскоязычной среде, соотносятся с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Образным компонентом во фразеологизмах выступает метафора, что также во многом обусловливают содержание культурной коннотации. Метафорический план содержания фразеологизма закрепляет

за ним определенные культурные коннотации, ассоциации, знания. Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации. Для того, чтобы проследить, как фразеологизмы функционируют в речи, предлагаем выполнить практическое задание. Студентам предлагается описать одну ситуацию разными стилистическими средствами. Особое место занимают упражнения на формирование речевых навыков и речевых умений вариативного использования синонимичных языковых средств для выражения одной и той же мысли, что позволяет учителю усложнять или упрощать свою речь в зависимости от уровня владения языком учениками. Обязательным условием является использование фразеологизмов в данном синонимическом ряду. Например, к слову *надеяться* необходимо подобрать синонимы: ожидать, мечтать, планировать, думать, в этот же ряд включаем фразеологизмы: *подавать большие надежды, ждать у моря погоды, после дождичка в четверг, держи карман шире, хвататься за соломинку, будет и на моей улице праздник, якорь спасения, молочные реки, кисельные берега, рай земной, земля обетованная, синяя птица.* Аккумулируя информацию веками, ФЕ возникают, формируются на основе уже издавна существующих в народе ассоциативно-образных восприятий, стереотипов, отражающих народный менталитет, и тем самым репрезентируют культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

С целью наиболее глубокого изучения и понимания функций фразем в речи, необходимо предложить студентам сопоставить эквивалентные фразеологические обороты в русском и родном языках. Анализируя природу появления фразеологизмов, можно говорить о том, что фрагменты фразеологической картины мира (шире – языковой картины мира) складываются как результат опыта практического освоения действительности, его духовного переосмысления и, что особенно важно, оценки не только предметов и явлений действительности, но поведения самого человека. Например, русские фразеологизмы

В поте лица
Не покладая рук
Быть семи пядей во лбу
Иметь голову на плечах
От чистого сердца

иллюстрируют национально-этническое уважительное отношение народа к труду, поощряют выполнять свои обязанности в любой ситуации, сохраняя при этом скромность. Эквивалентами в узбекском языке являются следующие ФЕ:

Peshana terisi bilan (В поте лица)
Tinmay (Не покладая рук)
Yulduzni benarvon uradi (Быть семи пядей во лбу)
Aql bilan ish tutmoq (Иметь голову на плечах)
Chin yurakdan (От чистого сердца).

Очевидно, что сложившиеся на протяжении многовековой истории стереотипы национального восприятия и оценки объектов действительности и поведения людей отражают менталитет того или иного культурно-языкового сообщества и автоматически воспроизводятся говорящими в идиомах.

Анализируя ФЕ в языках, относящимся к разным языковым семьям, можно констатировать тот факт, что фразеологизмы, определяющие общечеловеческие ценности, такие, как отношение к труду, умение мыслить, доброту идентичны в разных языках. Таким образом, можно говорить о том, что соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям ФЕ,

символам или метафорам, но и смыслу всего высказывания, в котором они употребляются. Далее исследованию подвергаются фраземы, описывающие характер деятельности человека:

По молодости лет

Молодо-зелено

Мало каши съел

Звезд с неба не хватает

Пройти сквозь огонь, воду и медные трубы.

Абсолютно очевидно, что в данных фразеологизмах заложены элементы обучения молодого поколения правилам и нормам поведения в обществе. Таковы традиции русского народа. В узбекском языке подобные установки молодому поколению выражаются в идентичных ФЕ:

Yoshlik — beboshlik (По молодости лет)

Hom yashil (Молодо-зелено)

Kam bo'qa yedim (Мало каши съел)

Axmoq oyog'dan xoriydi (Звезд с неба не хватает)

Yong'indan, suvdan va mis quvurlaridan bo'ylab otish (Пройти сквозь огонь, воду и медные трубы).

Дружеские отношения русский человек так же, как и узбек, выразит такими высказываниями:

Рус.:	*Рука об руку*	–	узб.: Рука об руку
	Бок о бок		бок о бок
	Плечом к плечу		плечом к плечу
	Смотреть в одну сторону		смотреть в одну сторону
	В один голос		в один голос
	Не разлить водой		не разлить водой

Необходимо отметить, что все рассматриваемые в статье фраземы относятся к антропонимичным, то есть характеризующим человека, его чувства, эмоции, характер деятельности.

Итак, основополагающими факторами определения национально-культурной специфики и роли ФЕ в создании языковой картины мира являются следующие: антропонимическая система наименований, характерная для исследуемых языков, наличие религиозных, мифологических, традиционных различий.

В процессе обучения иностранных учащихся русскому языку изучение ФЕ в их сопоставлении с родным языком делает процесс обучения не только полезным и интересным, но также повышает воспитательную, гуманистическую роль педагогической работы.

Литература

1. Иссерс О. С. *Речевое воздействие*. М., 2013. 239 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира*. М., 1997. С. 480–490.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа М., 1990. С.49–87.
4. Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2005. 140 с.
5. Яранцев Р. И. *Словарь-справочник по русской фразеологии.* М., 1985. 304 с.

В статье рассматриваются фразеологические единицы. Сопоставляется значение фразеологизмов в русском и узбекском языках как метод определения национальной ментальности.

***Ключевые слова**: фразеологические обороты, национально-культурная коннотация.*

This article discusses phraseological units. The meaning of phraseological units in the Russian and Uzbek languages is compared as a method for determining national mentality.

***Keywords**: phraseological units, national-cultural connotation.*

О. М. МАСИМОВ
Таджикский государственный педагогический университет
имени Садриддина Айни

ПОНЯТИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

У статті йдеться про визначення лексико-семантичного поля і його структуру. Воно розглядається як серія лексем, що позначають конкретне поняття в широкому сенсі слова і включає до свого складу слова з різних частин мови. Лексико-семантичне поле характеризується як в синхронному аспекті, так і в генетико-діахронічному.

Ключові слова: *семантика, діахронічне поле, периферія, концепт, лексикологія, семантичні відносини, лексема, парадигма.*

Лингвист Е. И. Зиновьева в своей работе говорит о том, что в большинстве исследований термины семантическое поле (СП) и лексико-семантическое поле (ЛСП) сейчас употребляются как синонимы. В настоящее время наблюдается тенденция к вытеснению термина ЛСП в связи с заменой его термином СП [1, с. 108]. Последний получил широкое распространение в современной науке и имеет, по мнению ученых, хорошие перспективы в лингвистике.

В. В. Воробьев отмечает, что выбор соответствующих целостных единиц описания является одним из существенных и методологически важных вопросов. С точки зрения ученого несомненный интерес представляет понятие СП. Он трактует его, как «совокупность единиц, объединенных общим содержанием и имеющих иерархическую структуру» [5, с. 102].

В современном языкознании СП определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. СП характеризуется следующими свойствами: 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами; 2) системным характером этих отношений; 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц; 4) относительной автономностью поля; 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства; 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [10, с. 98-99].

По мнению О. С. Ахмановой, СП – «частичка <...> действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной микросистемы». В энциклопедии «Русский язык» дается дефиниция СП как «иерархической структуры множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. Лексику можно представить в виде системы взаимодействующих СП, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира»«.

Таким образом, как было указано выше, до сих пор нет единого определения СП. В настоящей работе мы будем понимать под СП соединение слов, имеющих общее содержание, входящих в иерархическую структуру и отражающих национальную специфику носителей языка.

С точки зрения Е. И. Зиновьевой подмена ЛСП термином СП неправомерна, так как понятие СП гораздо шире. Изучение семантических полей – предмет семиотики. Семантические поля должны анализироваться с привлечением данных различных научных дисциплин, не только лингвистики. Исследователь считает, что ЛСП группирует

в вербальный рад единиц слова и словосочетания, объединенные на основе общности выражаемого ими значения. ЛСП исследуется как часть языковой системы с потенциально присущими ей на уровне языка системными связями. При этом анализируется структура поля, характер семантических отношений между элементами [2, с. 109].

В работе Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» отмечается, что существует множество определений ЛСП. Данный термин тесно связан с главными проблемами лексикологии. И все же многие исследователи лексики как системного образования справедливо утверждают, что все содержательные аспекты слова нужно рассматривать только комплексно [6, с. 54-67].

И. М. Шеина определяет термин ЛСП как «совокупность или конгломерат значений, каждое из которых получает в языке воплощение на уровне лексико-семантического варианта лексемы» [11, с. 70]. Она считает, что ее определение несколько не совпадает с определениями А. А. Уфимцевой, И. М. Кобозевой или Д. Кристета, но не противоречит им[11, с. 70].

В нашей работе для нас важно наличие «общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архисемой)», и «наличие частных (дифференцирующих) признаков (от одного и более), по которым единицы поля отличаются друг от друга, например, скорость, способ, среда передвижения».

Итак, не трудно заметить, что в современном языкознании продолжаются споры о термине ЛСП. Ученые соглашаются с тем, что ЛСП имеет сложную и особенную структуру. Все составляющие его лексические единицы объединены парадигматическими отношениями внутри этой структуры и тесно связаны друг с другом. Так что четкие границы между этими взаимодействующими единицами отсутствуют. Мы считаем, что такие парадигматические отношения между единицами затрудняют структуризацию ЛСП, поскольку отношения являются многоступенчатыми. Ю. А. Кузнецов справедливо отмечает, что трудность определения границ семантического поля обусловлена не размытостью самого понятия, а природой поля как способа отражения действительности (в отличие от слова как единицы выражения).

Структурно ЛСП состоит из центральной части (ядро поля, элементы которого обладают полным набором признаков), и периферии, элементы которой обладают не всеми характерными для поля признаками, но могут иметь признаки, присущие соседним полям, которые, таким образом, оказываются для них средой [1, с. 124].

По мнению Е. И. Зиновьевой, организующим центром ЛСП часто является концепт, который, как правило, носит то же имя, что и название поля. Концепт является содержанием вербального знака, но часто не единичного слова, а реализуется именно во всей лексико-семантической парадигме (в поле), т. к., с точки зрения некоторых исследователей, имеет понятийную образную и парадигматическую составляющие, которые можно выявить через анализ парадигматических, синтагматических и деривационных связей единиц, входящих в ЛСП. Концепт организует вокруг себя различные ЛСП, обладающие наиболее выраженной структурированностью, что зависит от логико-понятийных связей, экстралингвистических факторов. Автор подчеркивает, что структура таких полей или менее четкая, или поле отличается большим объемом, большей расплывчатостью границ [2, с. 109-110].

А. А. Уфимцева разделяет структуру ЛСП на ядро, центр и периферию:

Ядро группы представляет собой родовую сему (гиперсема). Гиперсемой группы является семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развертывание группы;

Несколько единиц, составляющих центр поля, имеют интегральное дифференциологическое значение;

Периферия поля состоит из единиц, наиболее удаленных в своем значении от ядра. Периферийные единицы, возможно, имеют контекстуальное значение. Обычно периферийные единицы могут вступать в контакт с другими СП, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы [11, с. 287].

Мы согласны с А. А. Уфимцевой в разделении структуры ЛСП на ядро, центр и периферию. В рамках ЛСП ученые также исследуют наиболее крупную парадигматическую группировку – лексико-семантическая группа. Она выступает в качестве структурной единицы ЛСП.

Таким образом, в перспективе планируется исследовать ЛСП, обозначающее понятие «Дом». Ядро исследуемого нами объединения – концепт «Дом», в центр данного поля входят наиболее частотно употребляемые лексические единицы, а на периферию входят единицы с переносными значениями, устаревшая лексика и др.

Литература

1. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПБ.: ООО «Издательский дом МИРС», 2009. 291 с.

2. Зиновьева Е. И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного / Отв. ред. К. А. Рогова. 2-е изд., дополн. СПб., 2005. 88 с.

3. Арнольд И. В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. М., 1991. № 3. С. 108–126.

4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. 348 с.

5. Воробьев В. В. Лингвокультрология: Монография. М., 2008. 336 с.

6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 360 с.

7. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000. 352 с.

8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. 349 с.

9. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира Автореф. дис. на соискание степени к. ф. н. СПб, 2005. 23 с.

10. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1962. 288 с.

11. Шеина И. М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 69–72.

***В** данной статье говорится об определении лексико-семантического поля и его структуре. Оно рассматривается как серия лексем, обозначающих конкретное понятие в широком смысле слова и включает в свой состав слова из разных частей речи, Лексико-семантическое поле характеризуется как в синхронном аспекте, так и в генетико-диахронической.*

***Ключевые слова:** семантика, диахроническое поле, периферия, концепт, лексикология, семантические отношения, лексема, парадигма.*

This article focuses on definition of the lexical semantic field and its structure. It is identified as a series of lexemes denoting a specific concept in the broad sense of the word and includes words from different parts of speech. The lexical semantic field is characterized both in a synchronous aspect and in a genetic diachronic one.

***Keywords:** semantics, diachronic field, periphery, concept, lexicology, semantic relations, lexeme, paradigm.*

Е. П. МАЮК, А. А. СУДИЛОВСКАЯ
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

ЯЗЫКОВЫЕ МАНИФЕСТАЦИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Визначено види комунікативних ситуацій реабілітації іміджу компанії. Виявлено лінгвістичні засоби реабілітації публічного іміджу компанії в соціальних мережах. Встановлено функціональний потенціал виділених мовних засобів.

***Ключові слова**: Інтернет-дискурс, гіпертекст, імідж, соціальна мережа, коментарі, мовні засоби.*

Одной из самых важных составных частей репутации организации является ее образ, сформированный усилиями специалистов в сознании той или иной социальной группы, представители которой являются потенциальными клиентами или (в более широком смысле) целевой аудиторией. Без правильно сформированного образа успех в делах невозможен. Именно поэтому надо уделить максимум внимания имиджу, в частности его восстановлению, если он в результате различных неправильных действий оказался испорченным. Более того, при реабилитации крайне важно создать в сети образ компетентного представляющего компанию специалиста, способного решить любые задачи в своей сфере деятельности.

В связи с этим нами было проведено исследование, целью которого является выявление специфики языковой манифестации языковых средств реабилитации имиджа организации в социальной сети. Объект исследования – Интернет-дискурс, а предмет – особенности языковой организации комментария-реабилитации имиджа организации в Instagram. Для достижения цели использовался комплекс исследовательских методов: описательный, компонентный, контекстуальный анализ, приемы статистической обработки языкового материала. В качестве фактического материала выступили публикации (100 текстов) следующих компаний: «Мила», «Conte», «Mark Formelle», «Буслик», «7 Карат». Авторитетность данных организаций была установлена компанией Artox Media на основании методологии оценки эффективности ведения сообщества [1].

Реабилитация имиджа – восстановление прежней, незапятнанной репутации, опровержение обвинений [2]. «Смыслом деятельности пиар-специалиста в условиях кризисной ситуации является не простое реагирование на ее развитие, а разработка стратегии ее сдерживания и опережения. В поле зрения должна находиться не только проблема наблюдения за наиболее уязвимыми местами, а оценка их с точки зрения заметности и возможности привлечь к себе чрезмерное, эмоционально окрашенное внимание» [3]. Именно поэтому значимую роль в реабилитации играет лингвистическая составляющая.

В языкознании только начинает формироваться отдельное направление – лингвоимиджелогия, предметом изучения которого являются речевые средства. В своей работе «Специфика перцепции внешнего имиджа организации в Интернете» Е. В. Смирнова, отметила, что основными носителями имиджа в социальных сетях являются такие элементы сайта компании или аккаунтов Instagram, Facebook, Вконтакте, как дизайн и текстовое наполнение. Таким образом, восприятие имиджа организации пользователями зависит от выбора языковых средств [4].

В ходе анализа ответов компаний на негативные комментарии клиентов, были выявлены следующие коммуникативные ситуаций реабилитации:

1. Выражение недовольства по поводу отсутствия требуемых размеров в Интернет-магазине (19 %);

2. Выражение недовольства по поводу редкого обновления ассортимента (15 %);

3. Выражение недовольства по поводу отсутствия информации о товаре в открытом доступе (12 %);

4. Выражение недовольства по поводу работы персонала (10 %);

5. Выражение недовольства по поводу актуальности ассортимента (9 %);

6. Выражение недовольства по поводу качества товара (7 %);

7. Выражение недовольства по поводу наличия ложной информации о товаре (7 %);

8. Выражение недовольства по поводу способа демонстрации товара (5 %);

9. Выражение недовольства по поводу проведения акции в честь 23 февраля (5 %);

10. Выражение недовольства по поводу отсутствия точек продаж в областных городах (5 %);

11. Просьба о добавлении профессиональных консультаций и информации об акциях и скидках (2 %);

12. Выражение недовольства по поводу высоких цен на товар (2 %);

13. Просьба о расширении ассортимента (2 %).

Согласно анализу, самой распространенной негативной ситуацией является отсутствие требуемых размеров в Интернет-магазине. Что касается ситуаций, которые меньше всего беспокоят потребителей, то это – просьба о добавлении профессиональных консультаций и информации об акциях и скидках, жалоба о высоких ценах на товар и просьба о расширении ассортимента.

Рассмотрим подробно специфику языковой актуализации реабилитации «Мила», «Conte», «Mark Formelle», «Буслик», «7 Карат». В ходе анализа некоторые ситуации были объединены, поскольку в них используются одинаковые языковые средства.

Отсутствие требуемых размеров в Интернет-магазине и недовольство по поводу работы персонала. В качестве лексических средств с целью актуализации имиджа в этой коммуникативной ситуации употребляются:

а) эпитеты: *Мы покажем Вам* ***доступные модели*** *из коллекции белья. Бюстье, в отличие от бюстгальтеров, не обладает достаточными* ***поддерживающими свойствами***. Надо полагать, что благодаря эпитетам слова (словосочетания) приобретают некоторое новое значение или смысловой оттенок, что помогает более точно донести информацию до читателя.

б) олицетворения: *Мы же обычно размещаем публикации тогда, когда* ***товар поступает*** *в большинство магазинов.* ***Продажи*** *модели* ***обычно стартуют*** *на 1 – 1,5 недели раньше*. Думается, что олицетворения подчеркивают действие предмета. Скорее всего, этот прием демонстрирует, что продукция фирмы является уникальной.

в) неологизмы: *Товар в* ***Интернет-магазине*** *распродан*. Неологизмы обозначают новые понятия или явления, следовательно, специалист показывает, что компания хочет общаться с клиентами на одном, современном языке.

г) вводные слова: *Подскажите,* ***пожалуйста****, интересующий Вас размер*. По всей вероятности, при помощи вводных слов автор выражает свое отношение к содержанию высказывания с целью воздействия на эмоции читателя.

д) однородные члены предложения: ***Благодарим*** *за то, что вы* ***выбираете*** *нашу продукцию, и* ***сожалеем****, что вы* ***не смогли найти*** *той модели, которую планировали купить изначально*. Судя по всему, однородные члены предложения, используются для лаконичного разъяснения информации.

В качестве синтаксических единиц употребляются:

а) формулы вежливости: *Хорошего дня*!

б) уважительная форма обращения на «Вы»: *Спасибо за Ваше мнение*! Предполагается, что формулы вежливости и уважительная форма обращения на «Вы» использовались

специалистом для того, чтобы продемонстрировать то, что клиенты очень важны для компании;

в) простые предложения: *Мы покажем Вам доступные модели из коллекции белья*. Простые предложения употребляются для легкого восприятия информации, а сложные – для полноты передачи мыслей автора;

г) сложносочиненное предложение с соединительным союзом: *Мы благодарим Вас за внимание и примем к сведению ваше сообщение*;

д) сложноподчиненное предложение с придаточной частью времени: *Мы же обычно размещаем публикации тогда, когда товар поступает в большинство магазинов*;

е) сложноподчиненное предложение с придаточной цели: *В интернет-магазине продажи стартуют на несколько дней раньше, но этого иногда бывает достаточно, чтобы модель была полностью распродана*;

ж) сложноподчиненное предложение с придаточной изъяснительной: *Благодарим за то, что Вы выбираете нашу продукцию*.

Редкое обновление ассортимента и способ демонстрации товара. В качестве лексических средств употребляются эпитеты:

Мы позаимствовали ***красивые фотографии*** *из ее личного профиля, чтобы разместить у себя*.

Думается, что в данной ситуации эпитеты способствуют созданию яркого образа предмета.

В качестве синтаксических единиц используется:

а) уважительная форма обращения на «Вы»: *Мы ответили Вам в директ*.

б) формулы вежливости: *Здравствуйте, к сожалению, нет*.

Очевидно, что специалист употреблял формулы вежливости и уважительную форму обращения на «Вы» с целью демонстрации воспитанности.

в) простые предложения: *Постараемся к Вам прислушаться*. Должно быть, простые предложения выделяют главное из потока информации.

г) сложноподчиненное предложение с придаточной условия: *Если в ближайших магазинах нет, можете попробовать Nutrilak Premium 3*.

д) сложноподчиненное предложение с придаточной изъявительной: *Предполагаем, что Валерия намеренно приняла такую позу для фотографии*.

е) сложноподчиненное предложение с придаточной цели: *Мы позаимствовали красивые фотографии из ее личного профиля, чтобы разместить у себя*.

Возможно, сложные предложения служат для подробного разъяснения ситуации.

Отсутствие информации о товаре в открытом доступе. В качестве лексических средств используются:

а) неологизмы: *Ответили в* ***директ***;

б) олицетворения: *Всё верно*, ***косметика*** *Estrade* ***производится*** *в России по французским рецептурам*;

в) вводное слово: ***К сожалению***, *в вашем городе товара нет*;

г) эллипсис: ***Стоимость со скидкой от 106 руб***.

Похоже, что неологизмы и олицетворения употребляются с целью демонстрации перспективности организации. Вводные слова служат для выражения отношения автора к содержанию высказывания. Вероятно, эллипсис придает динамичность информации.

В качестве синтаксических единиц употребляются:

а) уважительная форма обращения на «Вы»: *Спасибо Вам за отзыв*!

б) формулы вежливости: *К сожалению, в вашем городе товара нет*.

Как нам кажется, формулы вежливости и уважительная форма обращения на «Вы» демонстрируют положительное отношение к целевой аудитории.

в) простое предложение*: Рассмотреть модель в деталях Вы можете на нашем сайте*. Касательно простых предложений, они способствуют быстрому восприятию информации.

Неактуальность ассортимента. В качестве лексических средств употребляются:

а) эпитеты: *Кто-то на зимне-весенние праздники обменивается небольшими* ***приятными сувенирами*** *и* ***добрыми словами***.

б) метафоры: *А если среди всего этого* ***потока добра и позитива*** *найдется местечко для наших носочков, футболки или сертификата, то нам будет очень приятно*.

Надо полагать, что эпитеты и метафоры, создавая яркие образы, помогают достичь гармонии с клиентами.

в) вводные слова: ***Наверно****, это зависит от семейных традиций*. Судя по всему, вводные слова помогают выразить мнение автора по конкретной теме.

г) однородные члены предложения: *Кто-то устраивает полномасштабные празднования с* ***застольем*** *и дорогими* ***подарками***. Что касается однородных членов предложения, они способствуют достижению конкретизации.

В качестве синтаксических единиц используются:

а) формулы вежливости: *Добрый день*! Формулы вежливости показывают то, что покупатели играют важную роль в жизни организации.

б) простые предложения: *Наверно, это зависит от семейных традиций*.

в) сложносочиненное предложение с противительным союзом*: Кто-то на зимне-весенние праздники обменивается небольшими приятными сувенирами, а кто-то устраивает празднования с подарками*.

г) сложноподчиненное предложение с придаточной условия: *Если среди всего этого найдется местечко для наших носочков, то нам будет очень приятно*.

Вероятно, в простых предложениях содержится тема всего сообщения, а сложные предложения развивают эту тему.

Качество товара и отсутствие точек продаж в областных городах. В данных ситуациях с целью реабилитации имиджа употребляются следующие лексические средства:

а) эпитеты: ***Хорошего дня*** *Вам*! Думается, что автор использует эпитеты для того, чтобы повлиять на эмоции читателей

б) неологизмы: *Мы передадим ее команде* ***дизайнеров***. Есть вероятность, что неологизмы используются для того, чтобы показать современный подход компании, а также стремление идти в ногу со временем.

в) вводные слова: *Напомните нам,* ***пожалуйста,*** *какие именно модели Вам нравились*. Пожалуй, вводные слова выделяют то, о чем идет речь в высказывании.

В качестве синтаксических единиц используются:

а) формулы вежливости: *Спасибо*!

б) уважительная форма обращения на «Вы»: *Какая именно модель Вас интересует*.

Видимо, формулы вежливости и обращение на «Вы» служат для завоевания расположения клиентов.

в) простые предложения: *Мы передадим ее команде дизайнеров*.

г) сложноподчиненное предложение с придаточной изъяснительной: *Напомните нам, пожалуйста, какие именно модели Вам нравились*.

Должно быть, простые предложения конкретизируют информацию, а сложные – более четко и точно передают мысли специалиста.

Наличие ложной информации о товаре и просьба о добавлении профессиональных консультаций и информации об акциях и скидках. В качестве лексических средств употребляются:

а) вводные слова: ***Возможно,*** *в следующем сезоне повторим черный*. По-видимому, вводные слова используются с целью выражения степени достоверности сообщаемой

информации. Предполагается, что данное средство помогает добиться расположения клиентов.

б) однородные члены предложения: ***О здоровье*** *малышей,* ***об адаптации*** *в садике,* ***о питании***?

Что касается однородных членов предложения, то они способствуют достижению точности описания.

В качестве синтаксических единиц используются:

а) формулы вежливости: *Спасибо*! Как нам кажется, формулы вежливости демонстрируют образованность сотрудников компании.

б) простые предложения: *Все верно*.

в) сложносочиненное бессоюзное предложение: *Артикул указан верно, просто его нет в каталоге*.

Не исключено, что простые предложения предоставляют возможность выражения той информации, которую можно передать с помощью жестов, а сложные предложения оказывают содействие в развитии мыслей автора.

Проведение акции в честь 23 февраля. В данной ситуации для актуализации позитивного имиджа употребляются следующие лексические средства:

а) эпитеты: *... очень* ***приятно читать*** *столь интеллигентно и корректно изложенные мысли*.

б) однородные члены предложения: *... очень приятно читать столь* ***интеллигентно*** *и* ***корректно*** *изложенные мысли*.

Надо полагать, эпитеты усиливают красочность высказывания, что в любом случае притягивает внимание потребителей, а однородные члены предложения показывают грамотность в использовании родного языка.

В качестве синтаксических единиц используются:

а) уважительная форма обращения на «Вы»: *Благодарим Вас за оценку наших стараний*.

б) формулы вежливости: *Спасибо*!

Формулы вежливости и уважительная форма обращения на «Вы» дают понять, что организация серьезно подходит к выбору сотрудников на должность SMM-специалиста.

в) простые предложения: *Спасибо за Ваше мнение*.

г) сложносочинённое бессоюзное предложение: *Подарки принято дарить не только нуждающимся, это жест дружбы и расположения*.

д) сложносочинённое предложение с противительным союзом: *Хоть оно и не совпадает с нашим, но очень приятно читать столь интеллигентно и корректно изложенные мысли.*

Судя по всему, простые предложения передают четкую и лаконичную информацию, а сложные – раскрывают идею сказанного для того, чтобы не возникало недоразумений.

Высокие цены на товар и просьба о расширении ассортимента. С целью реабилитации имиджа используются следующие синтаксические единицы:

а) уважительная форма обращения на «Вы»: *Какие товары Вы бы хотели видеть в продаже*?

б) формулы вежливости: *Добрый день*! *Спасибо*!

Думается, что уважительная форма обращения на «Вы» и формулы вежливости демонстрируют интеллигентность работников компании

в) простые предложения: *Передам Ваш вопрос руководству*.

Касательно простых предложений, они сообщают только существенную информацию.

Итак, у большинства компаний просматривается тенденция употребления таких лексических средств, как эпитетов, олицетворений, неологизмов, вводных слов и однородных членов предложения. Думается, что они помогают более точно донести информацию,

описать все, что хочет сказать автор, в красках, а также показывают компетентность SMM-специалиста, следовательно, организация завоевывает доверие клиентов. Кроме того, данные средства положительно воздействуют на эмоции покупателя.

Что касается специфики, то следует отметить, что компания «Mark Formelle» для реабилитации имиджа использует не только вышеперечисленные языковые единицы, но и метафоры: *поток добра и позитива*. Мы считаем это обусловлено тем, что автор желает достичь гармонии с клиентами.

В свою очередь, «7 Карат» употребляет эллипсис: *Стоимость со скидкой от 106 руб.* Должно быть, с целью придания динамичности и легкости восприятия информации.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены самые распространенные негативные ситуации, возникающие при коммуникации с потребителем: отсутствие требуемых размеров в Интернет-магазине (19 %), редкое обновление ассортимента (15 %) и недостаток информации о товаре в открытом доступе (12 %). Для того, чтобы разрешить кризисные ситуации, наладить отношения с клиентами и сохранить свой имидж, организации используют следующие языковые средства на лексическом уровне: эпитеты (30 %), однородные члены предложения (22 %), вводные слова (18 %), неологизмы (17 %), олицетворения (10 %), метафору (2 %), эллипсис (2 %). На синтаксическом уровне с этой же целью употребляются: простые предложения (39 %), формулы вежливости (25 %), сложные предложения (22 %), уважительная форма обращения на «Вы» (14 %).

Распространенность эпитетов и олицетворений обусловлена тем, что они обладают функцией воздействия на эмоции потребителей. По всей видимости, однородные члены предложения, сложные предложения способствуют наиболее полной и точной передаче мыслей автора. При помощи вводных слов специалист дает оценку содержанию высказывания и предоставляет сведения об источнике сообщения, а неологизмы демонстрируют то, что организация идет в ногу со временем. Формулы вежливости и уважительное обращение на «Вы» помогают продемонстрировать компетентность и интеллигентность сотрудников организации, а простые предложения способствуют выделению самой главной информации из сообщения, следовательно, и ее легкому восприятию.

Литература

1. Гипертекст [Электронный ресурс] // Artox Media Digital Group. URL: https://www.artox-media.by/researches/smm/instagram. (дата доступа 04.04.2020).

2. Электронный словарь [Электронный ресурс] // Slovar.cc. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/447712.html. (дата доступа 04.04.2020).

3. Королько В. Г. Основы паблик рилейшнз. «Рефл-бук», «Ваклер», 2000. 528 с.

4. Смирнова Е. В. Специфика перцепции внешнего имиджа организации в Интернете / Е. В. Смирнова [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека disserCat. URL: https://www.dissercat.com/content/spetsifika-pertseptsii-vneshnego-imidzha-organizatsii-v-internete. (дата доступа 04.04.2020).

В статье пределены виды коммуникативных ситуаций реабилитации имиджа компании. Выявлены лингвистические средства реабилитации публичного имиджа компании в социальных сетях. Устанавлен функциональный потенциал выделенных средств языка.

Ключевые слова: *Интернет-дискурс, гипертекст, имидж, социальная сеть, комментарии, языковые средства.*

The types of communicative situations of a company's image rehabilitation are identified. The article exposes linguistic means of a company's public image recovery. The functions of the former are recognized.

Keywords: *Internet-discourse, hypertext, public image, social network, comment, language means.*

М. Ф. НЕМАТОВА
Бухарский государственный университет, Узбекистан

ИЕРАРХИЯ И ГИПОНИМИЯ НА ФОНОЛОГИЧЕСКОМ ЯРУСЕ ЯЗЫКА

У статті йдеться про ієрархічну будову мови. Також розглянуто питання гипонімічних відношень на фонологічному рівні в російській і узбецькій мовах. Проаналізовано питання фонологічної ієрархічної мікросистеми, які побудовані на базі гіпонімічних відношень між вищими і ніжчими елементами. Це, в свою чергу, говорить про те, що сфера впливу гіпонімічних відносин, які в сучасному мовознавстві, як правило, розглядаються як різновид лексико-семантичних зв'язків, не обмежується тільки лексикою, але охоплюють і рівень фонології – фонологічні ієрархічні мікросистеми грунтуються на гіпонімічних відношеннях між складниками.

Ключові слова: *гіпонімія, ярус, взаємовідношення, фонологія, фонетика.*

Обычно, когда говорят об иерархической организации языковой системы, подразумевают ступенчатость языковых уровней и последовательное включение нижестоящего яруса в состав вышестоящего, выделение таких ярусов как фонологичесий, лексический и грамматический. Однако, иерархия в языковой системе этим не ограничивается – она пронизывает весь его строй и каждый ярус в отдельности. Попытаемся рассмотреть проявление иерархических отношений на фонологическом уровне языка, опираясь на материал узбекского и русского языков, хотя сказанное легко применимо и к фактам других языков.

Если представить фонологическую систему в целом как нечто единое и целое, то ее деление на сегментные и суперсегментные единицы во всех языках мира не вызывает ни у кого сомнения [1, с. 556]. Точно также бесспорным является деление сегментных единиц на гласные и согласные (с выделением подклассов дифтонги, дифтонгоиды, полугласные, полусогласные и т.д.), а суперсегментных единиц – на словесные (ударение) и фразовые (тон, пауза) и сверхфразовые (интонация). Деление гласных на *губные ~ негубные*, а далее на $_{узб.}$*/а/ ~ /э/ ~ /и/* и $_{узб.}$*/о/ ~ /ў/ ~ /у/* ($_{русск.}$ */а/ ~ /э/ ~ /и/* и $_{русск.}$*/о/ ~ /у/*), а согласных фонем – на *гортанные, заднеязычные, среднеязычные, переднеязычные, зубные и губные* тоже не вызывает сомнений.

Усмотреть иерархические отношения в делении:

Схема 1

Сегментные единицы
↑
Фонемы
↑
Гласные
↑
Негубные
↑
$_{узб.}$*/а/ ~ /э/ ~ /и/ ……*

нетрудно и, можно сказать, в определенном смысле, бесспорно. Однако можно ли видеть здесь наряду с иерархией и гипонимию – вопрос, можно сказать, еще не изученный, и требующий к себе особого внимания.

«Гипонимия, – как писал об этом Дж.Лайонз, – не входит в число традиционных терминов семантики; он создан не давно по аналогии с "синонимией" и антонимией" [2, с. 478]. Под гипонимией обычно понимается языковое лексическое выражение родо-видовых отношений реального мира, т.е. лексический ряды типа $_{русс.}$*пудель, борзая, овчарка*

…. (*собака*); $_{узб.}$ *тоз, бўрибосар, лайча (ит)* [3, с. 12]. В современном языкознании сфера действия гипонимии, как правило, ограничивается лексикой. Правда, с повышением интереса к составлению идеографических словарей внимание исследователей к гипонимическим отношениям в лексике резко вырос, т. к. лексические гипонимические микросистемы представляют собой наиболее ярко выраженные идеографические объединения и имеют большое значение при определении содержания гнезд смысловых словарей [4, с. 45]. Однако, наши предварительные наблюдения показывают, что рамки гипонимических отношений не ограничиваются лишь только лексикой языка; подобно синонимии – которая в течении многих веков рассматривалась как сугубо лексико-семантическое взаимоотношение и в XX столетии распространилась и в сферы грамматики и стилистики – гипонимия пронизывает не только грамматику, но и даже фонологический ярус [5, с. 11]. Попытаемся оценить вышеприведенную иерархию (1-схема), напр., иерархию гласных, с точки зрения проявления гипонимических отшений. Нам представляется, что если показать, хотя бы, в одном звене этого деления проявление гипонимических (resp. родо-видовых) отношений, будет достаточно для обоснования нашего мнения об универсальности гипонимии (хотя бы, ее свойственности и фонологической системе). Остановимся на втором звене вышеприведенной иерархии (1-схема):

Фонемы

↑

Гласные

В более полном виде это звено может быть представлено как (2-схема):

Схема 2

Фонемы

Гласные ~ Согласные

Чтобы видеть здесь гипонимические отношения, следует доказать имеются ли между элементами «*фонемы*», «*гласные*» и «*согласные*» родо-видовые отношения. Если отношения между элементами «*гласные*» и «*согласные*», с одной стороны, и «*фонемы*» – с другой идентичны родо-видовым, то нет ни каких препятствий усмотреть здесь гипонимию.

Каковы отношения между элементами в 2-схеме? Он могут быть либо партитивными (отношениями между целым и частями), либо родо-видовыми (гипонимическими). Во 2-схеме же нельзя видеть партитивные отношения, т. к. при партитивности сущностный признак целого не сохраняется в части целиком. Ср.: соотношения понятий «*прямой угол*» и «*квадрат*», «*дерево*» и «*ствол*», которые находятся друг с другом отношениях партивности. Понятия «*прямой угол*» и «*квадрат*» фактически несовместимые (incompatibility). Если во 2-схеме нельзя усмотреть партитивные отношения, то остается проверить их на отношения гипонимичности. При гипонимии между вышестояшим и нижестоящим элементами (т. е. между *гиперонимом* и *гипонимом*) свойственны связи включения [6, с. 478-480; 1, с .104], т.е. отношения когда одно понятие (в данном случае гипероним) полностью включает в свой объем другое (в данном случае гипоним), имеющее кроме общего признака для обеих дополнительный, дифференциальный. Ср. понятия (resp. значение слов) $_{русс.}$*пудель, борзая, овчарка* …. ; $_{узб.}$ *тоз, бўрибосар, лайча* …. с одной стороны, и слов $_{русск.}$*собака,* $_{узб.}$*ит* с другой; понятие $_{узб.}$*ит* включает полностью в себе понятия $_{узб.}$ *тоз, бўрибосар, лайча*, которые имея общий с гиперонимом признак отличаются дополнительными, специфическими для каждого из них признакми. Поэтому значением гипонима уже, но богаче, чем таковое у гиперонима, у которого значение шире, но беднее, чем у гипонима. Поэтому значение гипонима определяется как «значение гиперонима + дополнительный

признак = значение гипонима». Соответственно, «значение гиперонима = значение гипонима – дополнительный признак». Семантические взаимоотношения лексических рядов типа $_{русс.}$*пудель, борзая, овчарка* …. (*собака*) ; $_{узб.}$ *този, бўрибосар, лайча* …. *(ит)* полностью удовлетворяют вышеприведенными требованиям. Во 2-схеме мы видим точно такие же взаимоотношения между элементами вышестоящего и нижестоящего рядов – в данном случае между элементами «фонемы» и «гласные» и «согласные». Нижестоящие («гласные», «согласные») включаются целиком в состав объема элемента «фонемы», но кроме этого общего (родового) признака имеют еще и дополнительный (видовой), которое делает их разновидностью этого общего – видом данного рода.

Из сказанного можно легко делать вывод о том, что во 2-схеме, которая является по сути фонологической иерархией, мы видим проявление гипонимических отношений.

Мы не будем останавливаться на том, что деление

Схема 3

Фонологические
единицы

Сегментные Несегментные,

деление несегментных единиц на словесные, фразовые и др. по сути тоже гипонимичны. Поэтому можно делать существенный вывод о том, что фонологические иерархические микросистемы строятся на базе гипонимических взаимоотношений между вышестояшим и нижестояшим элементами. Это, в свою очередь, говорит о том, что сфера воздействия гипонимических отношений, которые в современном языкознании, как правило, рассматриваются как разновидность лексико-семантических связей, не ограничивается лишь только лексикой, но охватывают и уровень фонологии – фонологические иерархические микросистемы основываются на гипонимических взаимоотнощениях между составными частями.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : СЭ. 1990. 488 с.
2. Абузалова М. Субстанциал морфология ва унинг тадқиқ тамойиллари // Замонавий ўзбек тили 1-жилд. Морфология.Мас. муҳар. Ҳ. Ғ. Неъматов, Р. Р. Сайфуллаева. Тошкент, 2008. 470 б.
3. Нигматова Л. Х. Ўзбек тилида приативлак (нофонологик сатҳлар). Филол. ф. н. диссерт. автореф. Тошкент, 2004.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.
5. Нигматова Л. Х. Ўзбек тилида приативлак (нофонологик сатҳлар). Филол. ф. н. диссерт. автореф. Тошкент, 2004
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. 544 с.

В статье проанализировано иерархическое строение языка. Также рассмотрены гипонимические отношения на фонологическом уровне в русском и узбекском языке. Поднимаются вопросы фонологической иерархической микросистемы, которые построены на базе гипонимических взаимоотношений между вышестояшим и нижестояшим элементами. Это, в свою очередь, говорит о том, что сфера воздействия гипонимических отнюшений, которые в современном языкознании, как правило, рассматриваются как разновидность лексико-семантических связей, не ограничивается только лексикой, но охватывают и уровень фонологии – фонологические иерархические микросистемы основываются на гипонимических взаимоотношениях между составными частями.

Ключевые слова *гипонимия, ярус, взаимоотношения, фонология, фонетика.*

The article discusses the hierarchical structure of the language. Hyponymic relationships at the phonological level in Russian and Uzbek are also considered. The author studies questions of the phonological hierarchical microsystem built on the basis of hyponymic relationships between superior and inferior elements. This, in its turn, suggests that the sphere of influence of hyponymic relations, which in Modern Linguistics, as a rule, are considered as a kind of lexical semantic relations, are not limited to vocabulary only, but also cover the level of Phonology – phonological hierarchical microsystems are based on hyponymic relationships between constituent parts.

Keywords: *hyponymy, tier, relationships, phonology, phonetics.*

О. Т. НОСИРОВ
Бухарский государственный университет,
Бухара, Узбекистан

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТОВ «ЗИМА», «ЛЕТО»

У статті розглянуто аспекти вираження концептів, що входять до концептосфери «пори року» в російській і узбецькій мовах. У центрі уваги роботи знаходиться проблема виявлення етнокультурної специфіки концептів концептосфери «пори року» в різносистемних мовах. Дослідження показало, що групуючись навколо смислового ядра, колективні й індивідуальні асоціації відтворюють національно-специфічне сприйняття сезону через особистісний досвід мовної особистості. Проведено соцопитування продемонструвало наявність факту білінгвального (узбецько-російського) паралелізму асоціацій.

Ключові слова: *лексична одиниця, мовні засоби, екстралінгвістичний фактор, монолінгв, білінгв, концепт, концептосфера, когнітивний шар, субконцепт, соцопитування, загадки, прислів'я.*

Использование в речи билингва языке лексических единиц другого является уникальным, неповторимым свойством. В речи билингва мы можем наблюдать не только индивидуальное использование билингвальных, трилингвальных и полилингвальных языковых средств, но и зависящий от их лингвистического вкуса своеобразный отбор этих средств, не только собственную систему комбинаций средств двух языков, но и личное тяготение к одному из двух языков [1; 2, с. 20]. Зачастую это приводит к тому, что, например, часть русских слов в узбекской речи принимает различные семантические формы, в зависимости от породивших их экстралингвистических факторов.

Конечно, с точки зрения нормы и культуры узбекской речи, использование русских слов в устной практике нецелесообразно. Но в этом явлении существует своя системность, которую необходимо знать и учитывать, не переоценивая его, и не недооценивая его роли в общем процессе взаимовлияния языков. Суть дела в том, что в различные периоды истории, социальное и культурное контактирование узбекского и русского языков породили различные по своему характеру, и по своей интенсивности, языковые связи. Например, традиция празднования Нового Года 31-го декабря, или, например, Международный женский день 8 марта, до XX века не была свойственны узбекам, отмечавшим смену времен года и религиозные праздники по лунному мусульманскому календарю.

В целом, традиция празднования Нового Года 31-го декабря не была свойственна восточным культурам на огромном пространстве от Центральной до Юго-Восточной Азии; также как и Рождество, однако, в силу нарастающих тенденций к глобализации и интеграционные процессы привели к заимствованию не только кросскультурных концептов, но и заимствованию целых культурных традиций и/или празднований. Например, празднование нового года 31-го декабря в Узбекистане или Азербайджане, Китае или Японии, при сохранении празднования нового года в феврале по лунному календарю (Китай, Япония) [3, с. 24; 4, с. 16-17; 5, с. 24], или в марте (Новруз в странах Центральной Азии). Что не могло не отразиться в языке и речи, представляя собой богатые возможности для исследований в области сопоставительной лингвистики.

Следовательно, ранее таких понятий не существовало в наполнении концептов, составляющих концептосферу "времена года" в узбекском языке. Культурное и языковое взаимодействие в течение XX – начале XXI веков не могло не повлиять на перезагрузку смыслового наполнения концептосферы «времена года» в узбекском языке, а составить представление об этом явлении можно наблюдая за тончайшими нюансами живой устной речи билингвальных индивидов. Таким образом, данный опрос был инициирован в рамках исследования особенностей составляющих концептосферы «времена года» в

узбекском языке. Мы сознательно не ограничивали опрос респондентов ни возрастной, ни профессиональной принадлежностью информантов, для того, чтобы расширить диапазон ассоциаций за счет индивидуальности и уникальности языковой картины мира каждого респондента.

Респондентам предлагалось привести по 5 примеров того, с чем у них ассоциируются каждое из времен года: напишите на узбекском языке 5 имён существительных, связанных: 1) с зимой 2) с летом 3) с весной 4) с осенью. На основании собранных коллективных данных выделялись наиболее и наименее часто повторяющиеся имена существительные. Таким образом, это позволило нам определить и разграничить коллективные и индивидуальные ассоциации, и сформировать близкие и периферийные когнитивные слои наполнения концепта.

Группируясь вокруг смыслового ядра – сезона времени года (зима, весна, лето или осень), коллективные и индивидуальные ассоциации воссоздают национально-специфическое восприятие сезона через личностный опыт пребывания в определенной среде, местности, климатических условиях и т. п. Отметим, что в качестве респондентов выступали узбеки-билингвы, проживающие в Ташкенте и Ташкентской области. Данный подход обусловлен тем фактом, что многие жители Ташкента и Ташкентской области являются в той или иной степени билингвами (в большей или меньшей степени). Таким образом, результаты данного исследования могут внести потенциальный вклад не только в сопоставительную лингвистику, но в развитие теории искусственного билингвизма и изучение функциональных билингвов, а также изучение ментального лексикона билингвов и влияния психолингвистических характеристик слов родного языка на ментальный доступ к эквивалентному иноязычному слову.

Примечателен факт билингвального (узбекско-русского) параллелизма ассоциаций. Так, например, наряду со словом «қор» употреблялся и русский дублет «снег», а со словом «муз» – русский дублет «лед», но более удаленно от смыслового ядра, на периферийном слое концепта.

Қорбобо и **Дед Мороз**, ***арча*** и **ёлка** – после температурных характеристик наиболее близкие к смысловому ядру «зима» примеры, который как нельзя лучше подчеркивает заимствованную природу как самого праздника, так и связанных с ним особенностей празднования, прежде чуждого узбекскому народу, так как вехой смены годичного цикла до начала XX века служил весенний праздник Навруз. Также примечательно, что традиция наряжать ёлку является дважды заимствованной: воспринятая русской культурой из немецких обычаев, и, укрепившись в ней за столетия, она пришла в узбекскую культуру уже из русской культуры. Экзотизм Дед Мороз укрепился в узбекском языке наряду с его узбекским переводом «*Қорбобо»* именно в том образе, вместе с которым и было заимствовано само понятие: белобородый красноносый старик с посохом, в красной верхней одежде с белой меховой оторочкой и такой же шапкой и мешком с подарками. Примечательно, что неизменная спутница Деда Морода – Снегурочка – не была упомянута ни одним из респондентов, ни в узбекском, ни в русском варианте, несмотря на то, что ее образ активно присутствует в новогодних представлениях и детских праздниках (ёлках). Вероятно, данный факт отражает тенденцию к патриархальности узбекского менталитета.

В целом, Новый год – самый любимый зимний праздник узбекистанцев, судя по тому, что слова «*байрамлар* – праздники» и «*совғалар* – подарки» следуют по цепи ассоциаций за Новым годом и Дедом Морозом. А также специфическая реалия, заимствованная, но уже традиционно ассоциирующаяся с празднованием нового года – **«мандарин»**. Отметим также и присутствие «*лой* – грязь», так как в связи с изменениями климата в последние два десятилетия и с учетом особенностей глинистой почвы Ташкента и Ташкентской области,

грязь после редко выпадающего и быстро тающего снега стала непременным атрибутом зимы.

Анализируя этнокультурную специфику концептов концептосферы «времена года» в узбекском языке, отметим, что пословицы, содержащие в себе концепт «зима», в большинстве своем несут в значении отрицательное ее восприятие, например:

«Қиш ўлдирма, ёз ўлдир, оч ўлдирма, тўқ ўлдир» – **Дай бог умереть летом, а не зимой, дай бог умереть сытым, а не голодным** – зима – отрицательное явление, связанное с холодом и сезонным ограничением в питании.

«***Қиш ўтар, кўнгил хиралик қолар»*** **– Зима пройдет, но обида останется** – отрицательное качество человеческого характера хуже, чем зима, поскольку зима преходящее явление [6].

Негативное восприятие зимы прослеживается и в узбекских загадках, например: «***Тўққиз жондорни уч жондор еган»*** **– Три существа девять созданий поглотили** (Девять месяцев трудишься, три месяца ешь запас – зима), или «***Бир бўри тўққиз қулонни еб турур, терисни офтобга ёймай кийиб турур»*** **– Один волк девять куланов пожирает, шкуры их, не высушив, поверх одевает** – (Зима и лето) [7, с. 28-31].

На официальном сайте, посвященном нематериальному культурному наследию Узбекистана [8] традиционных народных обрядов, связанных с зимой, практически не наблюдается. Не акцентируют на них внимания и современные историко-культурные исследования [9, с. 828-831; 10, с. 1228-1230]. Предположительно, это связано с тем, что после завоевания региона арабами и перехода на лунный мусульманский календарь, ряд зороастрийских зимних обрядных праздников, таких как Зерван Карана, гаханбар, посвященный Воху-Ману [11, с. 133], основанных на солнечном календаре, был утрачен для оседлого населения. Что же касается кочевых (тюркских) народностей, то для них зима была самым тяжелым временем года: короткий световой день, холод, ветра, нехватка подножного корма для скота, снегопады нередко вели к бескормице и падежу скота. Сокращалась возможность передвижения в пространстве, зима являлась угрозой голода, временем разгула вредоносных человеку сил, хаосом и умиранием года, и воспринимались как период Смерти [12, с. 447]. Современное восприятие зимы в живом, органично развивающемся узбекском языке утратило тяжесть древних воззрений, поскольку доступность пропитания, улучшение жизненных условий, мобильность передвижения позволяют жить, а не выживать и бороться за выживание, по сравнению с предками.

Предположительно, учитывая, что в лексическом значении зима и лето являются антонимами, концепт «лето» в узбекском языке должен был бы быть противоположным, связанным с благоденствием явлением, по отношению к концепту «зима». Однако, в пословицах и поговорках, связанных с летом, прослеживается не только концептуальная антонимичность двух сезонов, но и их тяжесть, сложность, где напряженный труд земледельца по заготовке пропитания в специфических условиях жаркого климата – это подготовка к переживанию трудностей другого периода, а не только благоденствие и удовольствие и изобилие фруктов и другой растительности, например [13]:

«***Ёз бўлса-ю, қиш бўлмаса, ош бўлса-ю, иш бўлмаса»*** – **Было б лето, но не было б зимы, была б еда, но не было б работы –** в данной пословице лето хоть и предпочтительнее зимы, однако, в отношении лета как периода года подчеркивается лишь регулярность смены сезонов, для того, чтобы усилить основную идею пословицы – что без трудностей (труда, расхода сил и энергии) не бывает пропитания. Сравнивая с другими пословицами относительно летнего дождя, отметим негативное его восприятие в целом: «***Ёз ёмғири – илон билан чаён»*** – **Летний дождь как змея со скорпионом,** или, ***«Ёзнинг ёмғиридан қўрқ, Қишнинг – қировидан»*** **– Бойтесь летнего дождя, зимнего холода.** В отличие от данных пословиц, восприятие летнего дождя может иметь поэтический окрас, как, например, в

детской скороговорке: «***Ёзда ёққан ёз ёмғири ён атрофга ёгдек ёқди»*** – досл. **Летний дождь, который выпал летом, осветил местность как масло.**

Лето в Центральной Азии в целом, и в Узбекистане в частности, период хотя и богатый в плане изобилия овощей и фруктов, однако, достаточно сложный из-за сухой жары, малого количества осадков и долгого засушливого периода – «***чилля***» [14] – слова и понятия, не имеющего аналогов в европейских странах. Исторически, в период *«чилли»* бытовые и мирские дела сводились до минимума, так как в это время было тяжело работать и сложно путешествовать. Это также могло грозить и потерей урожая, так как земледелие в регионе было представлено поливным и богарным земледелием, т.е. когда полив осуществлялся за счет дождя. Об этом в узбекском фольклоре свидетельствует обряд вызывания дождя – *«Суст хотин», «Сут хотин», «Сув хотин», «Чала хотин»* [8].

В реалиях современного Узбекистана, мы можем отметить, что восприятие концепта лета несколько изменилось, и хотя *«чилля»* по-прежнему остается тяжелым жарким периодом в течение лета, но лето стало не только периодом тяжелого подготовительного труда к зиме, но и временем отдыха от тяжелого труда (каникулы, отпуск). На основании собранных коллективных нами данных опроса выделялись наиболее часто повторяющиеся концепты, которые представляют собой совокупность когнитивных слоев, в центре которых находится смысловое ядро – лето.

Таким образом, анализ субконцептов, представленных в виде облака ассоциаций среднестатистических узбеков-билингвов, проживающих в Ташкенте и Ташкентской области, а также в произведениях устного народного творчества (пословицы и поговорки, скороговорки) и современной поэзии, позволили выявить общеязыковые и частотные характеристики концептов зима и лето в узбекском языке как два антонимичных, но, взаимосвязанных в негативных характеристиках явления; выявить частное и субъективное по отношению к смысловому потенциалу когнитивного наполнения концептов зима и лето в узбекском языке.

Функционирующие в результате взаимовлияния в речи узбеков-билингвов русские слова в потенции являются взаимозаменяемыми дублетами некоторых узбекских понятий в наполнении концепта *(«таътил»* – каникулы*, «Янги Йил»* – Новый год, «*Қорбобо»* – Дед Мороз, «*қор»* – снег) [14], не входя при этом в систему родного языка. Это позволяет утверждать, что использование русских слов в узбекской речи билингвов выполняет роль фактора, содействующего ускорению развития исторически назревших потенций, имплицитно формировавшихся в узбекском языке в результате интенсивного контактирования двух культур в течение XX и первой половины XXI веков.

Литература

1. Бельдиян В. М. Научно-методические проблемы обучения фонетике современного русского языка. Ташкент. 1980. 20 с.

2. Панасенко Э.Д. Семантико-синтаксические особенности узбекско-русской интерференции (на материале русских слов в узбекской устной обиходно-бытовой речи) // дисс. на соиск. учен. степ. к. филол. наук.: Спец.10.02.02 и 10.02.01 / Панасенко, Эбидар. Владивосток, 2009. 27 с.

3. Цзу Сюецин. Национально-культурные концепты времён года в русской языковой картине мира (на фоне китайской) // дисс. на соиск. учен. степ. к. филол.наук.: Спец. 10.02.01 / Цзу Сюецин [Института русского языка и литературы ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет»]. Владивосток, 2010. 24 с.

4. У Вэй. Зима в русском и китайском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) // Санкт-Петербургский государственный университет XII межвузовская научная конференция студентов-филологов. -Тезисы. Часть 3. 13-18 апреля 2009 г. СПб. : Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 16–17.

5. У Вэй. Времена года в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // дисс. на соиск. учен. степ. к. филол.наук.: Спец. 10.02.01 /У Вэй [Санкт-Петербургский гос. ун-т]. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.

6. Узбекские пословицы и поговорки. URL: https://www.ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki; https://ziyouz.uz/hikmatlar/ozbek-xalq-maqollari/yil-fasllari-va-tabiat-hodisalari-haqida-maqollar/] (дата обращения 30.03.2020).

7. Ўзбек топишмоқлари / Узбекские загадки (тўпловчи ва таржимон М.Абдураҳимов). Ўқитувчи. Тошкент, 1991. С. 28-31.

8. Нематериальное культурное наследие Узбекистана. URL: http://ich.uz/ru/ich-of-uzbekistan/national-list (дата обращения 30.03.2020).

9. Казакова Д. Г. Особенности культуры узбеков. Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1228-1230. URL https://moluch.ru/archive/113/29280 (дата обращения 01.04.2020).

10. Тиллаев Б. А. Быт и культура народов Узбекистана (XVI – первая половина XIX в.). Молодой ученый. 2016. № 8. С. 828-831. URL https://moluch.ru/archive/112/28319/ (дата обращения 01.04.2020).

11. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). М., 1982. 133 с.

12. Гумбатов Гахраман Насиб оглы. Историческая прародина тюрков [Текст] : от Арана до Алтая. Баку, 2012. 447 с.

13. Пословицы о временах года и природных явлениях https://ziyouz.uz/hikmatlar/ozbek-xalq-maqollari/yil-fasllari-va-tabiat-hodisalari-haqida-maqollar/; https://www.ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki (дата обращения: 08.04.2020).

14. Толковый словарь узбекского языка: более 80000 слов и словосочетаний. Том 2. ; под редакцией: Т. Мирзаева и др.; АН РУз, Инст. языка и литературы. Т., 2006. с. 860.

В статье рассмотрены аспекты выражения концептов, входящих в концептосферу «времена года» в русском и узбекском языках. В центре внимания работы находится проблема выявления этнокультурной специфики концептов концептосферы «времена года» в разносистемных языках. Исследование показало, что группируясь вокруг смыслового ядра, коллективные и индивидуальные ассоциации воссоздают национально-специфическое восприятие сезона через личностный опыт языковой личности. Проведенный социоопрос продемонстрировал наличие факта билингвального (узбекско-русского) параллелизма ассоциаций.

Ключевые слова: *лексическая единица, языковые средства, экстралингвистический фактор, монолингв, билингв, концепт, концептосфера, когнитивный слой, субконцепт, социоопрос, загадки, пословицы.*

The article considers aspects of expressing concepts included in the concept sphere «seasons» in the Russian and Uzbek languages. The paper focuses on identifying the ethno-cultural specifics of the concepts of the «seasons» in the concept sphere of different languages. The study shows that grouped around the semantic core, collective and individual associations recreate the national-specific perception of the season through the personal experience of the language personality. The conducted survey demonstrates the existence of a bilingual (Uzbek-Russian) parallelism of associations.

Keywords: *lexical unit, language means, extralinguistic factor, monolingual, bilingual, concept, conceptosphere, cognitive layer, sub-concept, sociopros, riddles, proverbs.*

С. Л. ОРЛОВА

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ОБРАЩЕНИЯ К СОБЕСЕДНИКУ НА «ВЫ» В ПИСЬМАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статтю присвячено історії становлення використання займенника «Ви» в етикеті російського усного та епістолярного мовлення. Актуальність роботи зумовлена малодослідженим матеріалом. Було використано листи російської інтелігенції початку XX століття, як високохудожні зразки епістолярного жанру. Представлено опис особливостей функціонування особових займенників в усній традиції і дружніх листах російської творчої інтелігенції початку XX ст.

Ключові слова: *історія культури, мовний етикет, ситуація спілкування, епістолярний текст, особисті займенники.*

Одним из характерных проявлений русскоязычной языковой личности является «сложный механизм переключения отношений официальности/неофициальности, доверительности, интимности, фамильярности и т. д.», позволяющий выдерживать общение в избранной коммуникантами тональности, в основе которого лежит системность ты/Вы-форм [1, с. 4].

Современный речевой этикет требует употребления «*Вы*» в ситуациях, обладающих следующими признаками, каждый из которых является достаточным:

- к малознакомому, незнакомому адресату;
- в ситуации асимметричного общения к старшему (по возрасту, положению) адресату;
- при подчеркнуто вежливом, сдержанном отношении к адресату;
- в официальной обстановке.

Употребление в каждой из вышеперечисленных ситуаций «ты» оценивается обществом как нарушение речевого этикета. «*Ты*» употребляется в следующих ситуациях:

- к хорошо знакомому адресату;
- в ситуации симметричного общения (к равному по положению, возрасту) и в ситуации асимметричного общения к младшему адресату;
- при дружеских, фамильярных, интимных отношениях;
- в неофициальной обстановке.

Обращение в подобных ситуациях на «*Вы*» может обидеть собеседника, будучи воспринято как показатель холодного, отчужденного, сугубо официального и даже враждебного отношения. Таким образом, у современного местоимения «*Вы*» сильнее сема официальности, чем уважительности. «*Вы*» - это посторонний собеседник, это «*ты*», но с оттенком официальной вежливости и светской, общественной далекости» [2, с. 265].

Существующая в настоящее время система ты/Вы-форм не присуща русскому языку изначально. Проблема становления формы вежливости «*Вы*» в русском языке неоднократно привлекала внимание филологов. К этому вопросу обращались в своих работах Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, П. Я. Черных, М. В. Федорова, К. Е. Майтинская и др.

Появившись в XVII в. в русском языке в качестве вежливой формы в дипломатической переписке, «*Вы*» распространяется под влиянием устного общения с жителями Западной Европы в Петровскую эпоху.

Новая манера обращения к собеседнику закрепляется употреблением в старых формах эпистолярного этикета – начальных и конечных челобитных формулах: «*Писавый в печалех брат ваш ... челом бью*» (Петр I брату Иоанну), цитировано по работе С. С. Кувалиной [3, с. 103].

Исследователи переписки ХУИ-ХУШ вв. отмечают ограниченность распространения «*Вы*» в этот период: «*Вы*» – черта переписки официальной, но «*Вы*» уважительного пока нет.

На протяжении XIX в. вопрос о формах вежливости остается значимым для русского языка. Недаром в годы общественного подъема после Крымской войны эта проблема дважды поднималась лишь в течение одного 1858 г. Во-первых, в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, во-вторых, с философской точки зрения, Н. Г. Чернышевским в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения».

Во второй половине XIX в. «*Вы*» становится общепринятым вежливым обращением. Именно поэтому в этот период формой обращения к другу на письме становится «*Вы*» и имя-отчество (хотя обращение на «*ты*» допускается в письмах к друзьям детства). В то же время письмовники, изданные в конце XIX-начале XX вв., рекомендуют обращение к другу с «*ты*». Как советует, например, неоднократно переиздаваемый «Деловой

общепонятный ... письмовник» т-ва Сытина: «Вообще друзьям или хорошим приятелям не пишут во множественном числе: Вы, Вам, от Вас и прочие местоимения, а заменяют единственным, как говорится, «выражаясь на ты», и тем самым письма разделяются на письма дружественные и родственные и на письма почтительные. Там, где мы выражаем любовь и дружбу лицу, связанному с нами теми же узами, выражение Вы подает повод к обиде» [4, с. 7]. Но на практике во второй половине XIX в. в кругу людей образованных даже при отношениях дружеских сохраняется вежливое «*Вы*», не свидетельствующее об официальных отношениях, но подчеркивающее уважение к собеседнику.

Ярким примером служат письма Л. Н. Толстого П. И Бирюкову, для Льва Николаевича - просто «*милому другу Поше*», в которых со столь фамильярным именованием адресата соседствует все то же вежливое «*вы*»: «*Давно собираюсь вам написать, милый друг Поша*» [5, с. 589].

Таким образом, к концу XIX в. «*Вы*» постепенно закрепилось в обиходе культурных слоев населения, перестало восприниматься как знак отчужденно-официальных отношений, усилился компонент «уважение» в его оценочности, что позволяло использовать его в письмах даже к близким друзьям.

Местоимение в это период «*ты*» получает оценку невежливой, неучтивой формы. В воспоминаниях Боборыкина приводится такой случай из истории Московского университета: «В Москве еще в 60-е годы студенты выносили то, что им профессор Н. И. Крылов говорил Ты ... до тех пор, пока не нашелся один восточный человек из армян, который крикнул ему: *«Нэ смээшь говорить мне ты!»* [6, с. 70].

Особенно строго обращения «*Вы*» придерживаются на письме, даже если в устной речи при достаточно близких, сердечных отношениях допускается «*ты*». Иллюстрацией этому могут послужить следующие строки из записок С. Лаврентьева: «Она (Т. Пассек) вскоре после нашего знакомства стала говорить мне ты, но в письмах всегда употребляла Вы» [7, с. 110].

Такое широкое распространение «*Вы*» в устной и письменной речи представителей интеллигенции происходит на протяжении XIX в. Это явление объясняется социальными сдвигами в России того времени: поскольку изменения в социальной структуре косвенно отражаются на структуре языка. Общая тенденция демократизации общества, одним из проявлений которой стала Реформа 1861 г., отразилась на составе интеллигенции: ее ряды стали пополняться представителями всех слоев населения России, поскольку поступление в большинство вузов страны было разрешено представителям всех слове общества.

Расширение употребления «*Вы»*-форм связано с этим процессом таким образом: обращение на «*Вы*», обязательно тогда при обращении только к представителям высших слоев общества, воспринималось долгое время как привилегия этих высших слоев; новое поколение интеллигенции присваивает эту привилегию себе, требуя уважительного обращения, не случайно «*Вы*» в этот период преобладает даже в письмах к друзьям.

Интересно, что в семейных отношениях в то же время произошли обратные изменения: принятая в первой половине XIX в. форма обращения к родителям на «*Вы*» сменяется в 60-е гг. менее почтительным «*ты*». Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов (цитировано по «Стилистике» В. В. Виноградова): «... когда я был маленьким, нас учили говорить: «папенька», «маменька» и «вы», потом стали говорить «папа», «мама» и тоже «вы», в шестидесятых годах резкая реакция ниспровергла эти мягкие формы и сами отцы учили детей говорить: «отец», «мать», «ты». Теперь говорят «папа», «мама» и тоже «ты». Вот простая и наглядная история вопроса об отцах и детях за шестьдесят лет» [8, с. 168].

Эпистолярные тексты начала XX в. позволяют отметить различие в отношении к употреблению «*Вы*» между представителями старшего и младшего поколений

интеллигенции. Старшее поколение, воспитанное на культуре XIX в., продолжает употреблять «*Вы»* в письмах к близким друзьям. Так, только в 23 из 300 рассмотренных писем К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева допускается «*ты*», хотя речь в каждом случае идет не просто о хорошем знакомстве, а о многолетней дружбе.

В. И. Немирович-Данченко – К. С. Станиславскому:

«*Дорогой Константин Сергеевич! Наконец-то получил от Вас вчера телеграмму, сегодня письма*» [9, с. 217].

В то же время только в половине из 400 проанализированных писем молодого поколения первой четверти XX в. авторы обращаются к адресату на «*Вы*», что говорит о восприятии в начале XX века «*Вы*» как более официальной формы, чем в конце XIX. Хотя «*Вы*» все же встречается достаточно часто в ситуациях, в которых в современном письме было бы вполне допустимо «*ты*». Примером может служить переписка Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева: *«Свет очей моих, если Вы так уж жаждете получить мою дребедень, то я вышлю ее в самом непродолжительном времени»* [10, с. 42].

Все это позволяет сделать вывод, что форма обращения на «*Вы*», появившаяся в русской речи в XVII в. в качестве официального обращения к вышестоящему лицу, закрепляется в качестве вежливой неофициальной формы, предпочитаемой интеллигентами, и сохраняет эту функцию в начале XX в.

Однако употребление в большой части рассмотренных писем младшего поколения «*ты*» позволяет предположить, что «*ты*», редкое во второй половине XIX века, вновь становится все более употребительным при обращении к друзьям в эпистолярном тексте. Именно так обращается А. Блок к своему наиболее близкому другу Е. Иванову: «*Напиши, Женя, и приезжай все-таки, если сможешь*» [11, с. 156]

Таким образом, в первой четверти XX в. в письмах младшего поколения интеллигентов к друзьям чаще, чем в XIX в., допускается «*ты*», хотя «*Вы*» остается предпочтительной формой.

Партнеры по переписке делились на тех, с которыми на «*Вы*», – случайные собеседники, близкие и дальние знакомые, большинство родственников, коллеги, друзья, и узкий круг тех, с которыми на «*ты*». Этот узкий круг противопоставлен остальным уровнем близости отношений. Так, Максимилиан Волошин обращается к В. Брюсову по имени «*Валерий*», на «*Вы*», а к Л. Кобылицкому (Эллису) – также по имени «*Лева*», но уже «*ты*».

Итак, анализ дружеских писем русской творческой интеллигенции начала XX в. показывает, что выбор одного из местоимений в ты/Вы-паре, с одной стороны, отражает характер коммуникативной ситуации, с другой стороны, помогает ее регулировать, поскольку смена традиционно употребляемой формы на новую означает изменение характера отношений.

Таким образом, сфера употребления «*Вы*» в среде образованных слоев населения начала XX в. была гораздо шире, чем в настоящее время или в начале XIX в.

Литература

1. Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М. 1983. 160 с.

2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 606 с.

3. Кувалина С. С. Становление языковых стереотипов вежливости в эпистолярном жанре втор. пол. XVII – перв. четв. XVIII вв. Куйбышев, 1974. 182 с.

4. Всеобщий письмовник, или полнейшее руководство к составлению всякого рода писем: деловых, родственных, дружеских и прч. СПб. 1883 .110 с.

5. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1984. Т. 19-20.670 с.

6. Боборыкин. За полвека. М., 1929. 87 с.

7. Лаврентьев С. Светлый луч из дальних лет. Русская старина. 1913. С. 14-21.
8. Виноградов В. В. Стилистика // Проблемы русской стилистики. М. 1981. С. 45-70.
9. Немирович-Данченко В. И. Избранные письма: в 2 т. М. 1979.
10. Мясковский Н. Я., Прокофьев С. С. Переписка. М. 1977. 338 с.
11. Блок А. А. Собр. соч. : в 10 т. М.-Л., 1963. Т. 8. 620 с.

В последнее время в обществе усиливается интерес к истории славянской культуры, речевому этикету, поскольку культурная выразительная речь оценивается в качестве одного из критериев интеллигентности, воспитанности. Настоящая статья посвящена истории становления использования местоимения «Вы» в этикете русской устной и эпистолярной речи. Актуальность работы обусловлена во многом материалом исследования, в качестве которого использованы письма русской интеллигенции начала XX века представляющие собой высокохудожественные образцы эпистолярного жанра. Основная цель работы заключается в описании особенностей функционирования личных местоимений в устной традиции и дружеских письмах русской творческой интеллигенции начала XX в.
Ключевые слова: *история культуры, речевой этикет, ситуация общения, эпистолярный текст, личные местоимения.*

Nowadays the interest to the history of Slavic culture, the speech etiquette grows, because cultural expressive speech is estimated as one of the criteria of intelligence and good manners. The article focuses on the history of the usage of the pronoun «You» in the etiquette of the Russian oral and epistolary speech. The topicality of the research is determined by the material of the study, which is letters of the Russian intelligentsia of the early 20th century that represent the best examples of epistolary genre. The main goal of the work is the description of the functioning of personal pronouns in oral traditions and friendly letters of the Russian creative intelligentsia of the early 20th century.
Keywords: *the history of culture, speech etiquette, the situation of communication, epistolary text, personal pronouns*

М. К. ПАК, Н.В. ЧЕКМАРЕВА
Карагандинский Университет имени академика Е. А. Букетова,
Казахстан

СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У статті розглянуто випадки використання англіцизмів на основі матеріалів, взятих із газети «Казахстанська правда» [далі КП] за листопад-жовтень 2019-2020 років, проаналізовано найбільш традиційний для російської мови спосіб адаптації англомовної лексики, а саме: глосування (лат. glossa «пояснення»). З'ясовано, що цей спосіб використовується для семантизації невідомого або недостатньо зрозумілого слова. Ось чому поряд з невідомим словом з'являється його семантичний еквівалент у вигляді синоніма або квазисиноніма.
Ключові слова: *англіцизми, глосування, структура пояснення, розгорнутий спосіб тлумачення, семантична адаптація, запозичені слова.*

Сегодня увеличению популярности английского языка способствуют процессы глобализации, а именно всемирной экономической, политической и культурной унификации. Известный английский лингвист Дэвид Кристал связывает судьбу языков с судьбой народов, которые на этих языках говорят. Существует, пишет Кристал, теснейшая связь между доминированием языка и культурной мощью. Язык не существует независимо от людей, но лишь в сознании, в устах, в ушах, в руках и в глазах его носителей. Когда они добиваются успеха – успешен и язык. Когда они проигрывают - язык проигрывает вместе с ними. Язык становится международным по единственной причине: благодаря политической мощи говорящих на нем людей, особенно военной мощи. Почему латынь

распространилась по всей Европе? Спросите у римских легионеров. Историю глобальных языков можно проследить по успешным военным экспедициям солдат и моряков, говоривших на них [1, с. 301]. В разные исторические периоды общество пользовалось разными международными языками. Рабочими языками ООН являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский. Практически во всех регионах мира на смену лингвистическому многообразию приходит стандартизация и императивная языковая иерархия. История цивилизации всегда демонстрировала языковые приоритеты как внутри отдельных стран, территорий и регионов, так и на глобальном уровне. Сегодня роль мирового стандартизированного языка неоспоримо принадлежит английскому со всеми положительными и отрицательными последствиями этого статуса.

Разумеется, невозможно дать однозначно положительную или отрицательную оценку как процессу глобализации в ее языковом выражении, так и стремлению любыми средствами отстоять языковую самостоятельность независимо от социально-экономической и политической реальности. Однако, все эти процессы привели к объединению всех сфер человеческой жизни, утвердили в сознании людей идеалы политического и экономического устройства развитых мировых держав прежде всего, таких как США и Великобритании, сформировали общемировую «массовую культуру», в основу которой также были заложены духовные ценности американского и западноевропейского общества. Большое влияние на распространение английского языка оказало появление и повсеместное распространение интернета как международного канала коммуникации. Язык как важная часть народной культуры также подвержен изменениям, которые диктуют обозначенные тенденции. Главным проявлением этого процесса является активное внедрение в лингвистические системы народов мира англицизмов.

Введение в Казахстане трехъязычного образования, одним из языков обучения которого является английский язык, тоже подтверждает актуальность изучения функционирования англицизмов в современном русском языке. Эта реформа является составляющей программы «Казахстан-2030». Планируется, что в ближайшие годы около 20% населения сможет свободно общаться на английском языке. А это значит, что внедрение иноязычных заимствований в русский язык – процесс неизбежный.

Установлено, что одним из способов адаптации заимствованных слов выступает его семантическое освоение, неразрывно связанное с материальной оболочкой самой лексемы, взятой из чужого языка. Это демонстрирует неразрывное единство «звучания и вещественного значения, которое присуще слову в тех или иных случаях его устоявшегося применения» [2, с. 8] поскольку в заимствующем языке одновременно с приспособлением материального комплекса, внешней формой слова, к новым языковым условиям происходит и семантическое осмысление подобной формы. Пути такого осмысления и способы, которые при этом используют носители языка-реципиента, различны.

По способам адаптации заимствованных слов можно выделить следующие: фонетическая адаптация, куда входят орфографические варианты заимствованных слов, например: кардинг, блогер, ренкинг; морфологическая адаптация, вызванная грамматической аналогией русского эквивалента, например: локдауна, санитайзеры, мессенджерах, скриншотам, лайка, репоста, чаты, амбассадор, гуглить; словообразование как адаптирующий фактор заимствований, куда входят суффиксальный (диджитализация, геймификация, баннерный, стриминговый), префиксальный (рибейты, реадмиссии, редизайн, андеркард, экс-форвард) и суффиксально-префиксальный способы словообразования от заимствованных слов, так же как и словосложение (фан-зона, баскет-холл, твиттер-аккаунт, фидбэк, кешбэк).

В данной статье мы рассмотрим случаи использования англицизмов на основе материалов, взятых из газеты “Казахстанская правда” [далее КП] за ноябрь-октябрь 2019 –

2020 годов и остановимся на способе, являющимся наиболее традиционным для русского языка, а именно глоссировании (лат. glossa «пояснение»). Этот способ используется, когда необходимо семантизировать неизвестное или малопонятное слово. Вот почему рядом с неизвестным словом появляется его семантический эквивалент в виде синонима или квазисинонима.

Н. И. Гайнуллина выделяет две группы иноязычно-русских соответствий со своими подгруппами, которые укладываются в наш вариант, а именно:

1. способа пояснения:

а) с помощью союза *или* и знака /;

б) с помощью союза *который*;

в) без союза, в скобках;

г) деепричастным оборотом;

д) при помощи предлога *для;*

е) существительное дефис существительное, первое или второе из которых иноязычное.

2. структуры пояснения:

а) глосса – одно слово;

б) глосса – словосочетание;

в) глосса – развернутое описание, представляющее толкование иноязычного слова по типу лексикографического [3, с. 28].

Остановимся на их характеристике, поскольку и способ, и структура пояснения интересны не сами по себе, а в аспекте семантических отношений между поясняемым и поясняющим в составе глоссы.

Иноязычно-русские соответствия с точки зрения способа пояснения

а) С точки зрения пояснения иноязычного слова в данной группе соответствий, это как правило соответствия-однословы, которые выражаются через союз *или* или знак / и являются одним из способов толкования в лексикографической практике. В нашей картотеке зафиксированы следующие слова: буллинг, ботнет.

Буллинг – травля:

«Как выяснилось, 17% подростков 11-15 лет подвергались *буллингу/травле* в школе один и более раз в месяц» [КП.14 Января, 2020 г.].

Ботнет – зомби-сеть;

«*Ботнет, или зомби-сеть* – это сеть компьютеров, зараженных вредоносной программой, позволяющей злоумышленникам удаленно управлять чужими машинами без ведома их владельцев» [КП.31 Января, 2020 г.].

б) С помощью союза *который*

Промоутер – продвигал:

“В течение почти 36 минут двое средневесов бились, вызывая воспоминания о легендарных поединках между Артуро Гатти и Микки Уордом от *промоутера* Деревянченко Лу ДиБеллы, *который продвигал* Уорда в то время” [КП.14 Января, 2020 г.].

в) В данном случае с помощью скобок удобно глоссировать иноязычный неологизм и в виде словосочетания или отдельного предложения, чтобы представить его семантику на речевом уровне.

Лоукостер – авиакомпания

«Питер Фостер президент компании «Эйр Астана» - сделал акцент на созданном по поручению Елбасы первом казахстанском *лоукостере (авиакомпании, работающей в низкой ценовой категории)* Fly Arystan – если говорить о первых 5-6 месяцах деятельности лоукостера, то результаты превзошли самые смелые ожидания,наши тарифы самые низкие в мире даже для лоукостера» [КП.15 Ноября, 2019 г.].

email-спуфинг - подмена

«В ходе анализа эксперты Службы KZ-CERT выяснили, что данная рассылка осуществлялась с применением методов *email-спуфинга (подмены)*, в результате которого подделывался реальный электронный адрес отправителя» [КП.19 Июня, 2020 г.].

г) с помощью деепричастного оборота

рейтинг – оценив;

«Этот *рейтинг* будет первым в ряду остальных рейтингов рисков. И Astana Club задаст правильный тренд, *оценив* основные треки негативного развития событий» [КП.13 Ноября, 2019г.].

д) с помощью предлога *для*

валидатор – безналичный расчет

«Установка в автобусах *валидаторов для безналичного расчета* за проезд решит вопрос финансовой прозрачности» [КП.13 Ноября, 2019 г.]; «*Для безналичной оплаты сделки* физические лица могут открыть в банке *эскроу-счет* или воспользоваться депозитом нотариуса» [КП.28 Августа, 2020 г.].

е) В процессе работы над способами пояснения иноязычно-русских соответствий в газете Казахстанская Правда за летний период 2020 г., мы обнаружили частотное появление следующих конструкций через дефис: *онлайн-брифинг, онлайн-магазины, онлайн-встречи, онлайн-торговля, онлайн-покупки, онлайн-обсуждения, интернет-банкинг, интернет-ресурсов, регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры, call-службы, в Telegram-боте, чат-бот, IT-продукт, IT-университет, блокчейн-технологии*, которые в паре образуют полное семантическое значение, чего не получилось бы если использовать эти слова отдельно без пары и даже без дефиса между ними. Дефис служит объединяющим элементом в данных парах унифицируя значение отдельных двух слов, возводя эти два значения в один общий в контексте смысл, так как по отдельности эти слова могут нести в себе и несут разное толкование. Эти пары часто дополняются прилагательным перед ними, что дает дополнительную информацию-пояснение: *на отчетной онлайн-встрече, официальный чат-бот, эксклюзивный IT-продукт, инновационный IT-университет, библиографический онлайн-обзор, правовой онлайн-час, книжные онлайн-ралли, популярный онлайн-режим, торговых интернет-площадок.*

Иноязычно-русские соответствия с точки зрения структуры пояснения и семантических отношений между компонентами

а) Характер пояснений-однословов к иноязычным лексическим неологизмам имеет двоякое выражение. Во многих случаях оно просто переводится, будучи по своей семантике соответствующим русскому эквиваленту в полной мере, не внося какого-либо оттенка значения, ни стилистических вариаций; в таком своем применении оно просто дублирует этот эквивалент в новой языковой среде, будучи наименованием общих, универсальных понятий или явлений. Так, например, лексема *травля* из уже выше рссмотренного примера в иноязычно-русском соответствии *буллинг* выполняет обычную функцию синонима, где оба слова являются именами существительными. Из других выше изложенных иноязычных примеров *промоутер* и *рейтинг,* в первом случае мы можем заметить разницу в пояснении иноязычного заимствования *промоутер*, являющимся существительным, русским глаголом *продвигал*, но семантика в данной паре не меняется. Такая же ситуация обстоит и в следующем примере, где иноязычное заимствование существительное *рейтинг* поясняется русским деепричастием *оценив*.

Наше определение «иноязычно-русское соответствие» мотивируется тем, что иноязычное слово присутствует (а не подразумевается) в самом тексте рядом с русским (или «обрусевшим», адаптированным заимствованным) с определенной целью – пояснить его в первом приближении, дать семантическое направление мысли с помощью намека

на понимание иноязычного неологизма в тексте через возможное соответствующее семантически и потому как-то соотнесенное исконное слово. При таком функциональном применении смысловые отношения между употребленными «эквивалентами» оказываются различными.

С одной стороны, исследователь, а, возможно, и сам синхронный носитель русского языка, не всегда может считать их удачными, так как семантическое соприкосновение лексической единицы и единицы, прототипически восходящей к иноязычной среде, оказывается лишь относительным, условным.

С другой стороны, иноязычно-русские соответствия характеризуются полным тождеством семантики. В таких случаях неологизм иноязычного происхождения не передает ни стилистических, ни каких-либо особых смысловых оттенков, а отношения между компонентами внутри глоссируемой конструкции в иноязычно-русском соответствии носят характер дуплетности, а именно:

волонтер – доброволец.

Президент РК завершил мероприятие напоминанием о том, что 2020 год в Казахстане объявлен Годом *волонтера*. «Раньше их называли *добровольцами* или *людьми, наделенными щедрой душой*. Вклад волонтерства в мировой ВВП составляет почти 2,5 процента. Вы могли бы поделиться своими знаниями и опытом со студентами университетов, колледжей, учениками сельских школ. Возможно, именно ваш пример воодушевит и вдохновит десятки юных ребят, мечтающих создать собственную историю успеха», – заключил Президент РК. [КП.15 Января, 2020г.] В толковом словаре русского языка конца 20 века Скляревской [4, с.19] волонтер –Устар. лицо, поступившее на военную службу по собственному желанию; доброволец. В том же словаре мы видим изменения, которые произошли в семантике этого слова в конце 20 века. Волонтер – Публ. Тот, кто добровольно участвует в каком-либо деле (обычно новом, трудном, опасном для жизни); доброволец. Значение расширилось по сравнению с первоначальным значением. А если мы посмотрим на наш пример 21 века, то мы увидим еще большее расширение семантики, то есть в добавок к вышеизложенным пояснениям, это еще и *человек, наделенный щедрой душой.*

Как правило, в подобных парах один из компонентов со временем может выйти из употребления и перейти в разряд так называемой ``резервной лексики`` [5, с.12]. Случаи с таким пояснением иноязычного слова русским соответствием мы расцениваем как обычный перевод, замену, ведущую к сосуществованию на определенном историческом этапе развития языка некоторых пар слов. Впервые на такого рода замену в результате заимствования из других языков обратил внимание профессор Л.П. Якубинский [6, с.24].

б) глоссы – словосочетания как способ семантической адаптации заимствованных слов представляет наименее исследованную область проблемы заимствований вообще, хотя отдельные примеры такого рода имеются в фактическом материале на страницах “Казахстанской правды”. Сама структура такого пояснения в виде словосочетания чаще всего встречается в форме «прилагательное + существительное». При этом опорным смысловым центром выступает имя прилагательное, которое конкретизирует, поддерживает все словосочетание в соответствии со смыслом, имеющимся в иноязычном прототипе. Русский же эквивалент-существительное при этом преимущественно представляет название общего порядка. Рассмотрим это на отдельном примере из «Казахстанской правды». Так, заимствованное слово *аверс* употребляется с пояснением в виде словосочетания *лицевая сторона.*

На *лицевой стороне (аверсе)* монет в правой части изображен Государственный Герб Республики Казахстан в обрамлении коллажа из животных и растений, слева изображение товарного знака (логотипа) Национального банка Республики Казахстан и надпись «100

TEŃGE», обозначающая номинал монеты. По окружности монеты надписи «QAZAQSTAN ULTTYQ BANKI» и «NATIONAL BANK OF KAZAKHSTAN» [КП.27 Ноября, 2019 г.].

Как видим, однословная лексема *сторона* представляется менее информативной и более неопределенной, семантически синкретичной. А имя прилагательное *лицевая* выступает опорным смысловым центорм. Аналогичную ситуацию мы видим и в другом словосочетании *оборотная сторона,* которое соответствует заимствованному слову *реверс,* где простая лексема *сторона* как и в рассмотренном до этого примере со словосочетанием *лицевая сторона*, слишком обще конкретизирует семантику иноязычного слова-неологизма *реверс*.

На *оборотной стороне (реверсе)* монет изображение бабочки с применением интерференционного радужного изображения, в правой верхней части монеты надпись «Kóbelek. Lasiommata maera» (латинское название вида). В нижней части надпись «Kóbelek 2019» обозначающая название и год чеканки монеты [КП.27 Ноября, 2019 г.].

в) Не меньший интерес в аспекте семантической адаптации заимствованных слов представляют лексемы, репрезентированные в текстах «Казахстанской правды» развернутым описанием, большим, чем словосочетание, и представляющим толкование иноязычного слова по типу лексикографического. Такие развернутые описания в большинстве своем представлены в “Казахстанской правде” в виде конструкции объяснительного характера, нередко без опорного слова родового значения:

кибербуллинг

Кроме того, с развитием новых технологий и популяризацией социальных сетей появился новый вид буллинга – *кибербуллинг*.

Примеры *кибербуллинга: отправка оскорбительных сообщений (через текст или интернет), размещение пренебрежительных комментариев на сайте социальных сетей, размещение унизительных фотографий, а также угрозы или запугивание кого-либо в электронной форме* [КП.14 Января, 2020 г.].

фишинг

Второе место среди инцидентов в секторе занимает *фишинг*: 883 случая. *Основная цель этого компьютерного мошенничества – обманным путем вынудить жертву предоставить злоумышленнику нужную ему информацию.* Это компьютерное преступление, которое преследуется по закону. *Сегодня фишинг – один из самых распространенных в мире видов киберпреступлений, с помощью которого чаще всего похищают аккаунты и банковскую информацию* [КП.31 Января, 2020 г.].

Скоринг

Если говорить по аналогии, это очень похоже на технологию *скоринга для кредитов. Это основано на анализе большой истории, различных ситуаций и данных.* В данном случае *скоринг проводился по вероятности, может ли человек совершить суицид, исходя из того, что он пишет* [КП.16 Ноября, 2019 г.].

Скрининг

«За 10 месяцев 2019 года на бесплатных *скрининговых обследованиях* в столице выявили 58 случаев заболевания раком молочной железы *на ранней стадии*. *Скрининги* проводятся в рамках гарантированного объема бесплатной медпомощи, что позволяет повысить эффективность лечения и *предупредить развитие осложнений*, передает Kazpravda.kz со ссылкой на официальный сайт столичного акимата» [КП.25 Ноября, 2019 г.].

Хайп

«На заседании также было отмечено такое явление, как *«хайп»*. Пока не получившее точного определения, это понятие *означает не всегда честные и ответственные способы взрывного наращивания аудитории для той или иной новости»* [КП.14 Ноября, 2019 г.].

фейковый

«Распространители дезинформации будут привлечены к ответственности. Полицейские Нур-Султана ведут поиски авторов *фейкового сообщения*. По данному виду нарушения предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы от двух до пяти лет согласно 274 ч. 2 УК РК», – заявил он. «Мы призываем не поддаваться панике, *не верить данным слухам* и выпущенным *фейковым роликам»*, – отметил полицейский [КП.24 Января, 2020 г.].

фейк

«В мессенджерах и социальных сетях распространяется различная *фейковая информация* о том, что пути передачи коронавирусной инфекции могут быть, помимо озвученных ранее, другие. В том числе – через употребление бананов. Мы сегодня хотим официально сказать, что это *не соответствует действительности»*, – сказал Камалжан Надыров. Он подчеркнул, что в вопросах защиты от опасных инфекций следует доверять только проверенным и официальным источникам. Также вице-министр сообщил, что представители Минздрава обратились в правооохранительные органы для поиска и привлечения к ответственности лиц, распространивших «*банановый фейк»* [КП.25 Января, 2020г.].

Казахстанцам рассылают *фейк о списании долгов за счет бюджета*

«Информация о том, что Министерство труда и социальной защиты населения РК запросило дополнительные финансовые средства для снижения долговой нагрузки в 2020 году, распространяемая в ряде СМИ, *не соответствует действительности»*, – отмечено в сообщении на сайте министерства. [КП.25 Января, 2020 г.].

хостел

«Много вопросов задается по *хостелам*. У нас в предыдущем законе *такого понятия не было*. Получается, что не запрещено законом – разрешено, люди начали открывать хостелы на верхних этажах жилых домов. Появилась дополнительная нагрузка на коммуникации этих домов, лифты, службы по уборке, которые были рассчитаны на определенное количество людей. Это создавало неудобства для любого жителя», – сказал Ускенбаев. Он отметил, что в ведомство часто присылали жалобы на эту тему. Поэтому данным законопроектом *было определено понятие «хостел»*. «*Это должно быть помещение в многоквартирном доме или отдельно стоящем здании, имеющее отдельный вход и инфраструктуру. Все хостелы обязаны переехать вниз, иметь отдельный вход, не должны находиться на верхних этажах, и они не должны мешать людям»*, – отметил первый вице-министр [КП.25 Января, 2020 г.].

Развернутый способ толкования в приведенных примерах выступает как несомненный показатель новизны лексических заимствований, заменяющий описательный оборот в языке-реципиенте. Обороты такого рода, в свою очередь, выполняют адаптирующую функцию и по мере закрепления иноязычных неологизмов исчезают из речевой практики носителей русского языка, а сам неологизм закрепляется в нем, отвечая другому языковому принципу или закону – закону экономии языковых средств. Иными словами, процесс семантической адаптации идет по линии от избыточности к экономии, свертыванию лишних элементов выражения в речи носителя языка. Можно, однако, рассматривая факты такого рода, прийти к неверному заключению о том, что наличие в одном тексте и отдельной языковой единицы, и описательного оборота к ней противоречит такому принципу экономии языковых средств. Но это противоречие лишь кажущееся, ибо оно касается непосредственно акта, момента заимствования. В дальнейшем же лексическая избыточность в форме развернутого глоссирования полностью снимается.

Как правило, заимствования, имеющие рядом то или иное соответствие, представленное развернутым пояснением, оказываются для языка необходимыми лексическими средствами.

Развернутые пояснения в тексте значимы тем, что их можно рассматривать в качестве первой ступени, первого опыта составления описательной статьи лексикографического характера, что, собственно, и подтвержает история составления словарей русского языка различного типа.

Литература

1. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке // Очерки языкового сдвига. Вестник Российской Академии Наук. Том 74. № 4. 2004. С. 301-309.

2. Ефремов Л. П. Понятие о заимствованном слове // Русское языкознание: Сб. статей. Вып. 1. Алма-Ата, 1969.

3. Гайнуллина Н. И. Заимствованная лексика в петровскую эпоху: процессы адаптации // КазНУ им. аль-Фараби. Алматы, 2008. 295 с.

4. Скляревская Г. Н. Давайте говорить правильно! // Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. М., 2004. 648 с.

5. Махмудов Х. Х. Слова активные, пассивные и резервные // Русский язык в казахской школе. №12. Алма-Ата, 1962.

6. Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17-58.

В данной статье были рассмотрены случаи использования англицизмов на основе материалов, взятых из газеты «Казахстанская правда» [далее КП] за ноябрь-октябрь 2019 – 2020 годов и проанализирован способ, являющийся наиболее традиционным для русского языка, а именно глоссирование (лат. glossa «пояснение»). Этот способ используется, когда необходимо семантизировать неизвестное или малопонятное слово. Вот почему рядом с неизвестным словом появляется его семантический эквивалент в виде синонима или квазисинонима.

Ключевые слова: *англицизмы, глоссирование, структура пояснения, развернутый способ толкования, семантическая адаптация, заимствованные слова.*

The article provides the description of the usage of anglicisms selected from the newspaper « Kazakhstanskaya Pravda" [further KP] for November - October 2019-2020 and we will focus on the method that is the most traditional for the Russian language, namely glossing (Latin glossa «explanation»). This method is used for semanticizing an unknown or obscure word. It results in appearance of a semantic equivalent next to an unknown word as a synonym or quasi synonym.

Keywords: *anglicisms, glossing, explanation structure, a detailed method of interpretation, semantic adaptation, borrowed words.*

О. В. ПАЛАТОВСКАЯ, ЧЖАН ЦАНЬ

Киевский национальный лингвистический университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КВАНТИТАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

У статті досліджуються англійські фразеологічні одиниці з квантитативним компонентом (числівником) з огляду на їхню представленість у сучасній англійській мові, а також особливу семантику числівника, якої ця лексема набуває у складі фразеологізму. На конкретних прикладах розглянуто лексико-семантичні групи квантитативних фразеологізмів.

Ключові слова: *фразеологічна одиниця, квантитативний компонент, числівник, лексико-семантичні групи.*

Во всех языках мира есть устойчивые сочетания слов – фразеологизмы, отражающие национально-культурную картину мира, народные представления об окружающем мире. По мнению В. Н. Телия, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 9]. Исследование фразеологических единиц (ФЕ) того или иного языка позволяет изучить особенности развития того или иного социума, неповторимость его быта, трудовой

деятельности, обычаев, верований, культуры и т.д., а также проследить экономические и культурные контакты с другими народами, которые отражены в общем фразеологическом фонде разных языков. Фразеологизмы, как правило, стилистически окрашены, они дают возможность передать народные представления о добре и зле, чувства и эмоции адресанта сообщения, в образной форме характеризовать события и явления окружающего мира.

Особое место в словарном составе любого языка занимают фразеологические единицы с квантитативным компонентом, содержащие в своём составе имя числительное. Имя числительное как часть речи обозначает число и манифестирует становление категории количества в языке. Хотя с точки зрения точных наук число – это «одно из понятий математики, используемое для количественной характеристики, сравнения, нумерации объектов и их частей» [2], которое не может влиять на жизнь и судьбу человека, в культуре и верованиях практически всех народов мира числа приобретают некое сакральное значение. Так, войдя в состав фразеологизма, число может обозначать не только количество или порядок при счете, но и менять свое значение, приобретать некий символический смысл: *two shakes of a lamb's tail* (= 'очень короткий период'), *two bits* (= 'монета в 25 центов'), *seventh heaven* (= 'быть очень -очень счастливым'), *dressed to the nines* (= 'очень хорошо одет'), *lesser of two evils* (= 'меньшее из двух зол').

Приведем примеры английских ФЕ в тексте художественных текстов и их параллельные переводы на русский язык, используя материал параллельного (английского) корпуса Национального корпуса русского языка [3]:

1) "Well, what the hell can I do? «Pa demanded. «I can't starve so's you can get ***two bits****.* [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939)] */- Что же мне делать? – допытывался отец. – Не могу я голодать ради того, чтобы тебе платили* ***двадцать пять центов****.* [Джон Стейнбек. Гроздья гнева (Н. Волжина, 1940)].

2) I should not fail to say she was ***dressed to the nines****, and appeared extraordinary handsome. [Robert Louis Stevenson. Catriona (1893) / Надо сказать, что она была* ***изысканно одета*** *и ослепительно красива* [Роберт Луис Стивенсон. Катриона (В. Хинкис, Н. Тренева, 1967)].

3) Most of those who do vote, do so in much the same highly sceptical spirit, choosing the' best of a bad lot'or the' ***lesser of two evils'****, rather than with any shining-eyed, fervent conviction that this or that party is really going to make the world a better place. [Kate Fox. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour (2004)]/ Большинство же из тех, кто голосует, к самим выборам относятся так же скептически, действуя по принципу: выбирай* ***«лучшее из худшего»*** *или* ***«меньшее из двух зол»****. Среди них вы не увидите людей с горящими глазами, убежденных, что партия, которой они отдали предпочтение, изменит мир к лучшему. [Кейт Фокс. Наблюдая за англичанами: скрытые правила поведения (И. П. Новоселицкая, 2008)].*

В некоторых случаях перевод фразеологизмов на другой язык возможен только путем изучения их этимологии, обращения к историческому прошлому народа, его традиционным занятиям, а также мифам, легендам, поэтическим или магическим текстам. Так, например, фразеологизм *three sheets to the wind* (в значении 'вдрызг пьяный') своим происхождением обязан морской терминологии, используемой на английском флоте в XVIII-XIX веках. Выражение *three sheets in the wind* (дословно: 'три простыни на ветру') употреблялось по отношению к кораблю, когда терялся контроль над его парусами и управлением и движение парусника по воде становилось неконтролируемым, напоминая походку пьяного. Русским аналогом данного фразеологизма является ФЕ *(быть, находиться) под мухой*. Например:

– Ты никак ***под мухой*** *сегодня, Яков? – спрашивает его проходящий мимо нас новый капитан «Камо»*. [И. Э. Бабель. «Камо» и «Шаумян» (1922)] / *"Could it be that you are* ***three sheets to the wind*** *today, Yakov?" the new captain of the Kamo asks him as he walks past*. [Isaac Babel. Kamo and Shaumian (Peter Constantine, 2002)] [3].

Анализ английского фразеологического фонда показал, что ФЕ с именем числительным достаточно часто представлены в современном английском языке. Исследуемый фактический материал составил 114 фразеологизмов, в состав которых чаще других входят следующие имена числительные:

one (16 ФЕ), например*: all in one breath* (= ‘на одном дыхании’); *in one ear and out the other* (= ‘в одно ухо влетело, в другое вылетело’); *not one iota* (= ‘ни на йоту’) – здесь и далее приводится дословный перевод английских ФЕ на русский язык;

two (15 ФЕ), например: *two shakes of a lamb's tail* (= ‘два удара хвоста ягнёнка’); *kill two birds with one stone* (= ‘убить двух птиц одним камнем’); *two peas in a pod* (= ‘две горошины в стручке’);

three (11 ФЕ), например: *three sheets to the wind* (= ‘три простыни на ветру’); *three cheers for* (= ‘три ура’); *phony as a three-dollar bill* (= ‘фальшивый, как трёхдолларовая купюра’);

seven (10 ФЕ), например: *seventh heaven* (= ‘седьмое небо’); *seven-day wonder* (= ‘семидневное чудо’);

несколько числительных в составе одного фразеологизма (10 ФЕ), например: *nine times out of ten* (= ‘в девяти случаях из десяти’); *six of one and half a dozen of the other* (= ‘шесть из полудюжины других’); *two's company, three's a crowd* (= ‘двое – это компания, трое уже толпа’. Ср. с русск.: *Три бабы – базар, а семь – ярмарка*).

Это представляется закономерным, так как числа «1», «2», «3» и «7» считаются магическими, священными и важными в европейской культуре: такие представления о них сложились еще в античные и языческие времена, сохранившись позднее и в христианстве.

Единица символизирует начало, единство и Создателя.

Двойка означает двойственность мира, в христианстве природа Христа также считается двойственной: он олицетворяет и Бога, и человека.

Тройка в европейской культуре – магическое и счастливое число, что находит свое отражение в устном народном творчестве: в сказках, легендах, , балладах часто встречаются *три сестры, три ведьмы* или *феи*, герои должны исполнить *три желания*, у них есть *три попытки* и т.п. Число *три* входит в состав фразеологизмов, пословиц и поговорок: *Три дня – не три года. Обещанного три года ждут. Чтобы научиться трудолюбию, нужно три года, чтобы научиться лени – только три дня. When three know it, all know it (= Что известно троим, известно всем). Three's a crowd (= Третий лишний). Two is company, but three is none (= Где есть двое, там третий лишний).* В христианстве *три* является божественным числом (*Святая Троица, три христианских добродетели – Вера, Надежда, Любовь*).

Семерка также является священным, магическим и счастливым числом. Оно часто встречается в христианстве (например, *семь смертных грехов*, *Великий пост длится семь недель*), в произведениях устного народного творчества: *Семеро одного не ждут. Семи пядей во лбу. Семь бед – один ответ. Один с сошкой, семеро с ложкой. Fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years (= Умный за семь лет не ответит на вопросы, которые дурак задаст за один час). Keep a thing seven years and you will find a use for it (= Как бы долго вещь ни хранилась, в конце концов и для нее найдется применение.* Ср. с русской пословицей: *Всякая тряпица в три года пригодится.).*

В составе фразеологизма имена числительные часто приобретают дополнительную семантику, временами и вовсе утрачивая количественное значение. А. А. Осипова отмечает: «В свободном употреблении в современном английском языке данные лексемы реализуют количественные значения и, лишь являясь компонентами фразеологических единиц, приобретают символические значения, многие из которых можно объяснить, обращаясь к древним мифо-поэтическим традициям, религиозным и магическим текстам» [4, с.

98]. Исследователь распределяет ФЕ с именами числительными на следующие лексико-семантические группы:

1. ФЕ сохраняют связь с реальным, номинативным значением определенного количества.

2. ФЕ реализуют неопределенно-количественное значение в координатах «мало – несколько – много».

3. ФЕ передают количественное значение степени.

4. ФЕ реализуют неколичественное значение [4, с.96].

Анализ английских ФЕ, содержащих в своем составе имя числительное, показал, что в большинстве случаев квантитативные лексемы, приобретая дополнительные семантические оттенки, не утрачивают до конца и своего основного количественного значения. Однако в составе некоторых фразеологизмов происходит полная десемантизация числительного, и ФЕ в целом реализует неколичественную семантику.

Рассмотрим значение квантитативной лексемы ***two***, которая является одной из самых частотных в составе английских фразеологизмов с квантитативным компонентом:

1. Значение определенного количества	**2. Неопределенно-количественное значение**	**3. Количественное значение степени**	**4. Неколичественное значение**
to put two and two together and make five (‘сложить два и два и получить пять’, т. е. сделать неверный вывод); *two sides of the same coin* (‘две стороны одной медали	*for two pins* (‘за две заколки / булавки / ради пустяка’); *one or two* (‘несколько’); *kill two birds with one stone* (‘много’)	*not care two hoots about* something (‘нисколько не беспокоиться о чем-либо’); *to make two bites of a cherry* (‘прилагать излишние старания к чему-либо незначительному’)	*to be like a dog with two tales* (‘чрезмерная радость’); *that makes two of us* (‘абсолютное согласие с чьей-либо точкой зрения, единение’)

Как видно из представленной таблицы, фразеологизмы с лексемой ***two*** могут быть распределены по всем указанным лексико-семантическим группам. В первых трех группах лексема ***two*** в большей или меньшей степени сохраняет квантитативное значение, а именно: ФЕ первой группы сохраняют значение определенного количества; ФЕ второй группы имеют неопределенно-количественное значение; в третьей группе – фразеологизм имеет количественное значение степени.

Следует отметить, что чаще всего числительное ***two*** приобретает во фразеологизмах неопределенно-количественное значение (группа 2), которое может быть представлено в координатах *«мало – несколько – много»*. Например:

МАЛО: *could count sth on one hand*; *for two pins*; *one or two*;

НЕСКОЛЬКО: *there are no two ways about smth*; *to be in two minds about smth*; *two or three*;

МНОГО: *kill two birds with one stone; two heads are better than one; if you run after two hares you will catch neither.*

Однако встречаются фразеологизмы, в которых количественная семантика лексемы ***two*** полностью десемантизирована (группа 4), в этих случаях ФЕ реализует неколичественное значение (*two shakes of a lamb's tail* (= ‘очень короткий период’); *make two ends meet* (= ‘сводить концы с концами’)*; two in distress make sorrow less* (= ‘на миру и смерть красна’). Например: *Nobody ever pays any attention to Marion when she tries* ***to put in her two cents*** */ Никто не обращал внимания на Марион, когда она пыталась высказать своё мнение.*

Таким образом, квантитативный компонент (имя числительное) в составе ФЕ характеризует предметы и явления окружающего мира не только с количественной, но и с качественной стороны, раскрывает символический потенциал чисел и, как правило, придает фразеологизму яркую национально-культурную специфiку.

Таким образом, значение фразеологизма – это сложная общность нескольких аспектов его значения, к которым относится переносное значение ФЕ, ее эмоциональная окраска, особенности стилистического употребления и национально-культурный компонент (национальный колорит). Все эти факторы влияют на выбор переводчиком способа адекватного перевода того или иного фразеологического оборота. Выбирая тот или иной способ перевода текста, содержащего фразеологизмы, переводчик должен не только владеть двумя языками в достаточной мере, но и распознавать исторические, культурные и стилистические особенности исходного текста, а также уметь сопоставлять его с аналогичными возможностями языка, на который осуществляется перевод.

Литература

1. Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры. Москва, 1999. 336 с.

2. Число. *Википедия.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Число (дата обращения: 01.11. 2020).

3. Национальный корпус русского языка: параллельный корпус (английский). URL: https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html (дата обращения: 31.10. 2020).

4. Осипова А. А. Семантическая структура квантитативных компонентов фразеологических единиц современного английского языка. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* № 13 (36) : Аспирантские тетради : Научный журнал. Санкт-Петербург, 2007. С. 95–99.

В статье исследуются английские фразеологические единицы с квантитативным компонентом (именем числительным) с точки зрения их представленности в современном английском языке и семантики числительного в составе фразеологизма. На конкретных примерах рассмотрены лексико-семантические группы квантитативных фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, квантитативный компонент, имя числительное, лексико-семантическая группа.*

The article studies English phraseological units with a quantitative component (numerals) in terms of their representation in modern English and the semantics of the numeral as a part of a phraseological unit. The authors study lexical and semantic groups of quantitative phraseological units and illustrate them with specific examples.

Keywords: *phraseological unit, quantitative component, numeral, lexico-semantic group.*

Г. М. ПОТАПОВА

Київський національний лінгвістичний університет

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ОБРАЗНИЙ АНАЛІЗ ЯК ЗАСІБ РОЗУМІННЯ ТВОРУ

У наданій статті розглядається концептуально-образний аналіз як один з дієвих способів розуміння романів О. Бальзака і Г. Флобера. Аналізуючи образи двох Шарлів, автор розкриває алгоритм концептуально-образного аналізу і робить висновки про його роль в розумінні романів.

Ключові слова: *методика викладання літератури, концептуальний, образ, роман, літературні твори, аналіз персонажів, проблеми маленької людини.*

Однією з актуальних проблем сучасної лінгвокультурної парадигми є проблема нерозуміння молодими читачами змісту літературних творів, що були написані більш ніж сто років тому. Перед сучасним викладачем літератури стоять вкрай складні завдання: по-перше, допомогти студентам перенестися в історичний дискурс позаминулого століття, по-друге, максимально наблизити життя літературних персонажів до життя сучасного читача, зробити так, щоб герої літератури дев'ятнадцятого століття заговорили сучасною «молодіжною» мовою. Одним із засобів такого наближення є концептуально-образний аналіз

персонажів. За допомогою такого аналізу персонажі стають ***живими***, вони ***наближаються*** до читача, а це допомагає зрозуміти зміст твору.

В основу концептуально-образного аналізу покладено не тільки літературознавчий аналіз, підготовлений викладачем, але й читацький досвід читача-студента. Іншим словами, студент має стати ***співчитачем*** разом з викладачем.

Практичним підтвердженням запропонованого методу навчання є концептуально-образний аналіз персонажів романів Г.Флобера та Оноре де Бальзака.

Г. Флобер і Оноре де Бальзак – великі французькі реалісти, творчість яких відіграла значну роль у розвитку не тільки французької, але й усієї світової літератури. Автори скептично ставилися до навколишнього життя, вони зневажали цинізм, дріб'язковість буржуазного суспільства і засуджували це в своїх творах. За словами Флобера, все життя його підтримували дві речі: любов до літератури і ненависть до буржуа. У романах «Пані Боварі» і «Євгенія Гранде» Г. Флобер і О.Бальзак показали двох героїв, яскравих представників свого часу: Шарля Боварі й Шарля Гранде. Незважаючи на те, що це герої другого плану, аналізуючи саме їхні образи, читач зможе зрозуміти сенс романів.

Обидва Шарлі не є головними героями, проте їхню роль важко недооцінити. Вони не тільки допомагають розкрити образи центральних героїнь Емми та Євгенії, але й вільно чи мимоволі, самі по собі, привертають увагу читача. Один з них – сільський телепень, який живе своїм недалеким, сірим, нецікавим життям. Інший, його антипод – столичний красунчик, типовий представник нового, яке ще тільки зароджується, буржуазного суспільства. Суспільства, в якому все вимірюється в грошах. У романах ми не знаходимо категоричної оцінки провінційної моралі, однак, демонструючи життя своїх героїв, автори звертають увагу читача на неспроможність і бездуховність цього нового буржуазного світу.

Більшість літературних критиків відповідальність за долю Шарлів покладають на суспільство. Ми ж пропонуємо читачеві простежити та проаналізувати роль жінок, дружин у долях персонажів. Жіноча любов може підняти на крила, а може й принизити будь-якого чоловіка, який знаходиться поруч з жінкою. У свою чергу, чоловік, який не зумів зробити щасливою жінку, сам теж стає нещасним. Таким нещасним і стало життя Шарлів.

Шарль. Надавши таке ім'я своїм героям, (Шарль у перекладі ***смілива людина***), автори іронізують, підкреслюючи незначимість, дріб'язковість і примітивність своїх Шарлів.

Принцип контрасту став одним з головних літературних прийомів побудови романів. У першому випадку Шарль Боварі протиставлений Еммі, у другому – Шарль Гранде протиставлений Євгенії. У розкритті сенсу цих контрастів і лежить відповідь на питання, чому ж доля Шарлів не склалася?

Шарль з роману Флобера «Пані Боварі» – ординарний, нічим нецікавий сільський лікар. Автор спеціально обирає для нього саме таку професію, щоб підкреслити пересиченість, бляклість героя. Шарль Боварі смішний і жалюгідний. І спить він у нічному ковпаку, й прокидається весь у пір'ї від подушки. Він боїться, що штрипки від штанів завадять йому танцювати, і курить він ніяково. *З віком у нього з'явилися вульгарні манери: за десертом він різав ножем пробки від випитих пляшок, після їжі обчищав зуби язиком, а коли їв суп, то хлюпав при кожному ковтку* ... [2, с. 64]. Флобер робить його настільки непривабливим зовні, щоб підкреслити його внутрішню вразливість. Адже ніхто не шкодує за ним, нікому, за великим рахунком, він не потрібен. Шарль – це типовий ***вічний образ*** світової літератури, образ ***маленької людини***. Така людина не помітна в натовпі, сама по собі вона нікому не цікава, їй нічим привернути до себе увагу. Ось із такою людиною мала одружитися Емма, вихована в дусі ***бульварних пристрастей***. Цей шлюб – найгірша помилка в житті Шарля Боварі. Читачеві безмежно його шкода. Так, він сірий і непоказний, не вміє плавати, фехтувати і стріляти з пістолета. А саме цими якостями, на думку Емми, повинен володіти кожен справжній чоловік. Та у Шарля їх немає. Він такий, як усі, й манери у нього такі, як у

всіх. Боварі нічим не відрізняється від інших жителів провінції. Тут живуть своїм звичайним, нудним життям, стежать один за одним, пліткують. Іншого життя вони не знають, і тим щасливі. Нехай це нудно, примітивно, сіро й здається, що все навколо покрито пліснявою. Але це життя Шарля і ще сотень, таких, як він. В цьому суть провінційності, тому наш герой не розуміє, чим погане таке життя. Він чесно працює, любить свою дружину і дитину. Він заслуговує на повагу хоча б за свою відданість родині, яка часом межує із самопожертвою. Він ні на хвилину не замислюється, коли заради дружини треба залишити звичне життя й переїхати в інше місто. Його можна звинуватити в примітивності, наївності, але не в егоїзмі.

При всій своїй величезній любові Шарль не може зрозуміти Емму. Він не може відчути, що вона байдужа до нього, але, це скоріше, його щастя, ніж горе. Йому зручно в надуманому світі, але в реальному житті Шарль не зміг стати щасливим поруч з Еммою. Після її смерті Шарль змінив свою зовнішність, але так і не зумів змінитися внутрішньо: *Він став догоджати їй, немов вона ще була жива; він підпорядковувався всім її смакам, всім поглядам. Він купив лаковані черевики, став носити білі краватки, і навіть підписував векселі як вона*. [2, с. 334]

Інший Шарль, герой роману Бальзака «Євгенія Гранде», – повна протилежність Шарлю Боварі, але незважаючи на це, він теж не став щасливою людиною.

Він постає перед нами як типовий представник ***паризького суспільства***. Юнак, який знає, навіщо батько заслав його в провінцію, розраховує пробути тут всього кілька днів. Але навіть на ці кілька днів він прихопив з собою *кращий паризький мисливський костюм, кращу рушницю, кращий ніж в кращих піхвах, захопив цілу колекцію дивовижних жилетів: були серед них сірі, білі, чорні, кольору скарабея, з золотистим відливом, з блискітками, з розлученнями, подвійні, з вилогами шаллю, з комірами стоячими, з широким вирізом або застібаються доверху на золотих ґудзиках* [1, с. 172]. Використовуючи довгий перелік речей Шарля як художній прийом, Бальзак тим самим підкреслює його внутрішню порожнечу, бездуховність і беззмістовність життя. Цікаво, що сам автор скептично ставиться до ***краси*** Шарля: *... тільки парижанин з найвищої сфери, міг не здаватися смішним в такому вбранні і повідомити якусь фатовську гармонію всім цим дрібницям* [1, с. 175], але його комічний вигляд лише надавав йому загадковості. Такий елегантний красень обов'язково повинен був підкорити серця провінційних дам. І це сталося, Шарлем були зачаровані все: Нанета, пані Гранде, пані де Грас і, звичайно ж, сама Євгенія.

Шарль вмів красиво говорити: *... ангел чистоти! Для нас з вами, чи не так, гроші ніколи нічого не означатимуть ...* [1, с. 182] – проте всі його слова і обіцянки були порожніми, адже він був не здатний на сильні почуття. Дівчата цього не знали, і тому спокійно покладалися *солодким обіцянкам чарівної зовнішності* [1, с. 177]. На відміну від Шарля Боварі, який завжди дбав про своїх близьких, Шарль Гранде любив тільки себе, хоча в цьому був зовсім не винен, адже *... крім нього самого егоїзм вже був щеплений йому* [1;179]. Він літав по життю, подібно до метелика, перелітаючи з квітки на квітку. У гонитві за задоволеннями він не звертав уваги на такі ***дрібниці***, як порядність, честь, благородство. Хто вони ці дрібні людці, що вимагають від нього подібних якостей? У чому вони можуть зрівнятися з ним? Шарль вважає, що тільки йому дозволено використовувати інших у своїх цілях. Ось і ***попалася*** йому наївна Євгенія, що так бажала любові. А він не тільки використовував, але й зрадив її. У своїй жадобі наживи Шарль нічим не відрізняється від свого дядька, адже він, на відміну від Євгенії, істинний Гранде. Навіть батько Гранде визнає це. Коли Шарль перед від'їздом продає непотрібні йому тепер костюми, він заслуговує схвалення дядька: *А ось тепер ти схожий на людину, яка збирається сісти на корабель і хоче розбагатіти. Добре. Дуже добре* [1, с. 188]

Потім Шарль буде збирати гроші і жити за чийсь рахунок, адже його життям вже давно керує гаманець, а не серце. Він не привчений відмовляти собі ні в чому, а тим більше працювати в поті чола, зате він вміє змусити інших працювати на себе. Згодом Шарль піде ще далі, в гонитві за грошима він почне торгувати людьми: ... у нього не залишилося твердих уявлень про справедливе і несправедливе ... Від постійного зіткнення з людською користю душа його стиснулася, висохла, зачерствіла [1, с. 234].

Майстерність Бальзака полягає в тому, що він ставить читача на місце закоханої в Шарля жінки. Дивлячись на героя очима Євгенії за ступенем розгортання любовної колізії, ми разом з нею закохуємося в Шарля. Лише пройшовши разом з Євгенією шлях від любові до розчарування, ми можемо до кінця зрозуміти трагедію нерозділеного жіночого кохання. Але чи став Шарль щасливим, використавши любов Євгенії? Однозначно можна сказати, ні. Він не зумів розгледіти щастя, що приготувала йому доля. Матеріальні блага стали визначальними в його житті. Любов Євгенії могла б стати для нього провідною зіркою, здатною врятувати його душу, але ... *Євгенія не займала ні серця його, ні думки, – вона займала місце тільки в його справах, як кредитор, що позичив йому шість тисяч франків* [1, с. 230].

У фіналі наш герой збентежений, не тому, що зрозумів, що позбувся Євгенії назавжди, а лише тому, що дізнався, скільки грошей втратив, відмовившись від шлюбу з нею.

Чому ж долі наших Шарлів не склалися? Хто в цьому винен? У випадку з Шарлем Гранде ми можемо говорити про те, що він – ***продукт*** своєї епохи, справжній спадкоємець татуся Гранде, і тому він не здатний оцінити жертовну любов Євгенії. Адже жодна жінка для нього не дорожче грошей.

На відміну від свого тезки, Шарль Боварі любив Емму. Однак для життя він обрав не ту жінку. Бульварна література, якою вона зачитувалася, не могла навчити її відокремлювати зерна від плевел і цінувати справжню любов. Шарль Боварі не міг стати щасливим поруч з такою жінкою, як би він не хотів цього. У випадку з Шарлем Боварі частина провини за його невлаштовану долю лежить на Еммі. Але чи можна звинувачувати Євгенію, в тому, що вона не змогла допомогти стати людиною Шарлю Гранде? Ні, жодна жінка не змогла б зробити це, тому що в його житті пріоритетом стали гроші, а не кохання , вірність та повага.

Таким чином, зробивши концептуально-образний аналіз персонажів цих творів, ми допомогли читачеві наблизиться до розуміння змісту видатних романів дев'ятнадцятого століття.

Література

1. Бальзак О. Евгения Гранде ; перевод с французского Ю. Верховского. Минск, 1975. 256 с.
2. Флобер. Г. Госпожа Бовари ; перевод с французского А.Ромма, Москва: «Художественная литература», 1952. 416 с.

В представленной статье рассматривается концептуально-образный анализ как один из действенных способов понимания смысла романов О.Бальзака и Г.Флобера. Анализируя образы двух Шарлей, автор раскрывает алгоритм концептуально-образного анализа и делает выводы о его значимости в понимании романов.

Ключевые слова: *методика преподавания литературы, концептуальный, образ, роман, литературное произведение, продлемы маленького человека.*

The article considers conceptual analysis as one of the effective ways of understanding the novels by O. Balzac and G. Flaubert. Analyzing the images of two Charleys, the author reveals the algorithm of conceptual analysis and draws conclusions about its significance in understanding the novels.

Keywords: *methods of study literature, conceptual, image, novel, literary works, character analysis, problems of the little man.*

Н. Ю. ПРОКОПОВИЧ
Національний педагогічний університет імені Михайла Драгоманова

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ М. Ю. КОЛЬЦОВА

У статті розглядаються особливості мовної особистості одного з видатних представників радянської публіцистики М. Ю. Кольцова. Звернення до його публіцистичної спадщини дозволило проаналізувати мовну особистість автора, а також прослідкувати риси, притаманні мовній поведінці кращих представників радянської журналістики.

Ключові слова: *мовна особистість, письменник-публіцист, індивідуальний стиль, тезаурус.*

Однією із характерних тенденцій лінгвістики на сучасному етапі розвитку є детальне дослідження проблеми людського фактору в мовленнєвій діяльності. Звернення лінгвістів до антропоцентризму обумовлено визнанням провідної ролі людини у процесах створення та використання мовлення. У новій лінгвістичній парадигмі на перший план висувається мовна особистість. Дане поняття є об'єктом дослідження не лише лінгвістики, а й культурології, соціології, філософії [1, с. 93].

В широкий науковий ужиток термін «мовна особистість» ввів Ю. М. Караулов. Згідно з його визначенням, мовна особистість – індивід, який володіє сукупністю здатностей і характеристик, які зумовлюють створення і сприйняття ним текстів, що вирізняються рівнем структурно-мовної складності, глибиною й точністю відображення дійсності [2, с. 3]. Дана модель включає в себе три структурні рівні, але у своєму дослідженні ми звертаємося до вербально-семантичного рівня. Мовна особистість проявляється у написаних цією особистістю текстах [3, с.6]. М. С. Трубецький підкреслює, що *«слушая, как кто-нибудь говорит, мы слышим, кто говорит, каким тоном он говорит и что он говорит»* [4, с. 54].

У даному дослідженні ми фокусуємо увагу на індивідуальному авторському стилі, який відображає особливості мовної особистості однієї конкретної людини. Такі дослідження уважаються важливими, якщо у якості об'єкту виступає носій елітарної мовленнєвої культури, видатна особистість, яка зробила значний вклад у розвиток літератури, чия мовленнєва поведінка характеризується усвідомленим та творчим відношенням до мови [1, с. 93].

До числа таких постатей варто віднести одного із найяскравіших письменників-публіцистів СРСР Михайла Юхимовича Кольцова. Звернення до публіцистичної спадщини автора дозволяє виявити риси його мовної особистості, а також побачити в індивідуальному стилі його щоденникових текстів особливості, які були притаманні для мовної поведінки найкращих представників радянської журналыстики середини XIX ст.

Мовна особистість М. Ю. Кольцова проявляється в його щоденникових записах (зібраних у книзі «Испанский дневник) у своїй багатогранності, що свідчить про багатий внутрішній світ письменника-публіциста. Сформувавшись у дитинстві, мовлення автора розвивалось у результаті його драматичного та бурхливого життєвого шляху письменника-публіциста, його літературної діяльності та цілого ряду екстралінгвістичних факторів.

Свої щоденникові записи автор у повній мірі присвятив зображенню Іспанської революції 1936-1939 рр., куди був спрямований урядом СРСР. Історично відомо, що відстоювати своє право на незалежність перед фашистськими інтервентами іспанському народу допомагали представники інших країн, утворивши інтернаціональні бригади, до складу яких входили росіяни, американці, англійці та представники багатьох інших національностей. Зображенням Іспанської революції також займався американський письменник Ернест Хемінгуей. Сприйняття та відображення образу Іспанії під час революції 1936-1939 рр. радянським журналістом М. Ю. Кольцовим та американським журналістом Е. Хемінгуеєм є предметом нашого дисертаційного дослідження.

Мовна особистість М. Ю. Кольцова проявляється в першу чергу у застосуванні епітетів. Проаналізовані нами уривки щоденникових записів демонструють з якою мрійливістю, чуйністю та романтичністю М. Ю. Кольцов відносився до усього, що потрапляло до його поля зору: «*неистовая* Барселона», «*самая нарядная* красавица», «*фантастические* виллы», «*ослепительные* бульвары», «*обнаженная, дикая* нищета» [5, с. 18].

Мовна особистість М. Ю. Кольцова, яка з точки зору лексики залишається у більшій мірі у системі літературної мови, постає виключно багатою та різносторонньою. У зв'язку з тим, що автор у своєму «Испанский дневник» описує події Іспанської революції, мовлення здебільшого зорієнтоване на військову тематику періоду 1936-1939 рр.: *«схватить фашизм за горло, сразу поранить и окровавить его первым попавшимся под руку оружие; начать борьбу. Здесь впервые вызов принят, и какая это будет борьба!»* [5, с. 59], *«германская авиация, сопротивление Мадрида, защитники Мадрида»* [5, с. 230].

Разом з загальновживаною та військовою лексикою, в записах М. Ю. Кольцова зустрічаються варваризми та екзотизми: «*О гуапа! О морена! О рубиа!; А тьерра! Абахо!; документос; амико; Популярес; Эль социалиста; перно; бакалао; агуа; вино;тореро»* [5, с. 56, 85, 117]. Наведені варваризми та екзотизми у рамках проаналізованої книги характеризуються повною відсутністю граматичної та лексичною асиміляції, що вказує на те, що М.Ю.Кольцов повністю занурився в атмосферу іспанської культури та пройнявся нею.

Не можна не сказати про те, що М. Ю. Кольцов у своїх щоденникових записах використовує фразеологічні одиниці: *«схватить фашизм за горло»*[5, с. 59], *«телами преграждают фашизму путь»* [5, с. 212], *«плоть от плоти и кровь от крови»* [5, с. 229], *«как из-под земли вырасти»* [5, с. 340]. Застосування фразеологізмів у публіцистичному тексті підсилює мовленнєву виразність та емоційний вплив на адресата.

Будучи яскравим представником елітарного класу СРСР, який шанує та возвеличує свою батьківщину, М. Ю. Кольцов у своїх роздумах про Іспанію застосовує велику кількість штампів радянської публіцистики: «трудящиеся женщины, героической борьбе, женщины великой страны социализма, напряженным вниманием, горим желанием» [5, с. 112]. Навіть в момент фашистського обстрілу М. Ю. Кольцова не покидає туга та сум за батьківщиною: *«Мы ложимся на спину. Зеленый откос совсем как на Владимирской горке в Киеве. Вот так я лежал школьником; внизу пылали золотые маковки церквей, на Александровской улице торговали готовым платьем и хватали покупателей за фалды, у пристаней бурлила серая толпа босяков и третьеклассных пассажиров, Днепр уходил двойной синей полосой вверх, дряхлый пароходишко «Никодим» полз на Слободку…»* [5, с. 131].

Тезаурус М. Ю. Кольцова представляє собою систему знань письменника-публіциста про оточуючу його дійсність, яка зазвичай реалізується в формі генералізованих суджень. У записах ми знаходимо різні ідеї та погляди автора про політику, релігію, війну, природу, іспанців, звичаї та традиції. Висвітлення понять та суджень при характеристиці Іспанії вербалізується за допомогою різноманітних стилістичних засобів, наприклад: антитеза - *«ослепительные пальмовые бульвары, ее гигантские проспекты и набережные, фантастические виллы … Страшные, черные уголовные трущобы, зловещий «китайский квартал»* [5, с. 18], *«В Испании, стране пышной дворянской роскоши и дикого деревенского невежества, народ простодушно и преданно чтит интеллигенцию»* [5, с. 74]; персоніфікація – *«В Барселоне лил теплый дождь»* [5, с. 354], *«Какая-то судорога проходит по городу, хорошая судорога»* [5, с. 197], *«Теперь уже ясно – Мадрид сопротивляется. Он не склоняет, как на бойне, шею для удара мясника»* [5, с. 208]; метонімія – *«двенадцать министерств*

перебрались в Валенсию» [5, с. 259]; метафора – *«фашистский зверь грызет преграды»* [5, с. 282].

Представляючи свої судження про Іспанію, М. Ю. Кольцов демонструє себе як високоосвічену особистість із глибокими знаннями історії, культури, міфології, географії. Так, наприклад, це доводить застосування образу давньогрецької міфологічної істоти Гідри при описі фашистів: *«Откуда взять новые силы для обороны, для борьбы с гидрой, у которой за ночь заново отрастают отрубленные головы?»* [5, с. 340]. Задля характеристики розкоші Барселони автор застосовує порівняння міста з візантійськими та турецькими палацами над Босфором та американським мегаполісом Нью-Йорком, що говорить про географічну широту поглядів М. Ю. Кольцова: *«Была ли она когда-нибудь такой, как сейчас, празднующая свою победу неистовая Барселона? Испанский Нью-Йорк, самая нарядная красавица Средиземного моря, ее ослепительные пальмовые бульвары, ее гигантские проспекты и набережные, фантастические виллы, возобновившие роскошь византийских и турецких дворцов над Босфором»* [5, с. 18].

При побудові своїх генералізованих суджень автор досить часто застосовує техніку символізму. Описуючи іспанські міста, М. Ю. Кольцов використовує символ вулкану, як доказ непередбачуваності, надзвичайної ярості та безумства: *«И чем ближе к городу, с первыми улицами предместий, мы вступаем в поток раскаленной человеческой лавы, неслыханного кипения огромного города, переживающего дни высшего подъема, счастья и безумства»* [5, с.18], «*Все сейчас наводнено, запружено, поглощено густой, возбужденной людской массой, все всколыхнуто, выплеснуто наружу, доведено до высшей точки напряжения и кипения»* [5, с. 18].

Отже, проаналізувавши мовну особистість М. Ю. Кольцова, на вербально-семантичному рівні, ми дійшли до висновку, що перед нами особистість, яка тонко відчуває та уміло користується багатством мови. Уживання різноманітних лінгвістичних засобів свідчить про багатогранність таланту автора як письменника-публіциста, емоційної, допитливої, ерудованої мовної особистості зі своєю мовною картиною світу. Будучи носієм елітарної мовленнєвої культури, М. Ю. Кольцов має свій набір цінностей, які він вербалізує за допомогою різноманітних стилістичних засобів та прийомів.

Література

1. Доминенко Н. В. Языковая личность П. Б. Шелли в эпистолярном наследии поэта. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. №7. С. 93–98.
2. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. *Язык и личность*. М., 1989. С. 3-8.
3. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). Киев, 2006. 135 с.
4. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Москва, 1960. 372 с.
5. Кольцов М. Испанский дневник. Москва, 1988. 471 с.

В статье рассматриваются особенности языковой личности одного из выдающихся представителей советской публицистики М. Ю. Кольцова. Обращение к его публицистическому наследию позволило проанализировать языковую личность автора, а также проследить черты, присущие речевому поведению лучших представителей советской журналистики.

Ключевые слова: *языковая личность, писатель-публицист, индивидуальный стиль, тезаурус.*

The article focuses on the characteristics of the linguistic personality of one of the outstanding representatives of Soviet journalism M. E. Koltsov. The research of his journalistic legacy made it possible not only to analyze the author's linguistic personality but to trace the features inherent in the speech behavior of the best representatives of Soviet journalism.

Keywords: *linguistic personality, writer-publicist, individual style, thesaurus.*

С. Д. П'ЯНЗІН
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

МОВНИЙ АСПЕКТ ДЕФІНІЦІЇ КОНФЛІКТУ

У статті досліджено парадокс визначення конфлікту, який виникає через перебування в ньому. На основі феноменологічного аналізу, запропонованого П. Рікьором, виявлено семантичний і рефлексивний рівні конфлікту. Розкрито діалектичне сполучення об'єктивних і суб'єктивних рис конфлікту як соціального і світоглядного явища. Проаналізовано дві необхідні і достатні частини конфлікту та синтезовано його найбільш абстрактну дефініцію.

***Ключові слова**: конфлікт, конфліктна ситуація, суб'єкт, семантика, рефлексія, суперечність, міжлюдські взаємини.*

Перманентно знаходячись всередині конфлікту і конфліктних ситуацій, будучи їхніми активними учасниками ми доволі просто можемо зрозуміти, чим є конфлікт. Разом з тим, спираючись на міркування ранньосередньовічного філософа і богослова Августина і водночас переробляючи їх, ми повинні визнати, що «коли ми говоримо про конфлікт, ми, звичайно, розуміємо, що це таке, і коли про нього говорить хтось інший, ми теж розуміємо його слова. Що ж таке конфлікт? Якщо ніхто нас про це не питає, ми знаємо, що таке конфлікт. Якби ж ми захотіли пояснити тому, хто запитує – ні, не знаємо. Наполягаю, однак, на тому, що твердо знаю: якби нічого не відбувалося, не було б минулого конфлікту; якби ніщо не відбувалося, не було б майбутнього конфлікту … І якби сьогоднішній конфлікт завжди залишався сьогоднішнім і не йшов в минуле, то це був би вже не конфлікт, а щось інше; конфлікт виявляється конфліктом тільки тому, що він іде в минуле. Хіба ми помилимося, сказавши, що конфлікт існує тільки тому, що він містить у собі майбутнє зникнення?» [1, с. 167]. Ось такий парадокс визначення конфлікту, який виникає через перебування в ньому. І водночас часовий параметр конфлікту вказує на можливість його передбачення та вирішення.

Люди постійно стикаються з іншими баченнями, цінностями, цілями, інтересами тощо. А якщо таке «інше» ще й зачіпляє нас, бере так би мовити за живе, то ми неминуче опиняємося в стані зіткнення свого та іншого. Тут наша душа виміряє напругу зіткнення, суперечності. І знову звернемось до Августина з невеликою переробкою його слів. «Хіба не правдиво визнання душі моєї … що вона вимірює конфлікт? Так … я вимірюю і не знаю, що вимірюю. Я вимірюю рух тіла часом … А сам конфлікт чим мені вимірювати?» [1, с. 174]. З цього положення випливає, що конфлікт вимірює душа. Вона вимірює його емоційно, чуттєво. Вона забарвлює конфлікт гнівом, злістю, роздратуванням, страхом і т.д. В цілому зафарбовує негативними переживаннями. Проте вона не дає поняття конфлікту. Цим займається розум.

Розглянемо конфлікт феноменологічно, тобто як наша свідомість спрямовується до смислу, джерело якого знаходиться поза особистістю. Почнемо з семантичного рівня, а потім перейдемо на рівень рефлексивний, як це робив П. Рікьор [2].

Геракліт стверджував, що «Слід знати, що боротьба всезагальна, що справедливість в розбраті, що все народжується через розбрат і за необхідністю» [3, с. 276]. Тут перше, що кидається в око – слова «боротьба» і «розбрат». До боротьби ми зазвичай відносимо ще й такі синоніми: протиборство, змагання. А до розбрату – міжусобиця, битва, війна.

Коли говоримо про протиборство, тоді маємо на увазі щонайменше дві сторони та два суб'єкти боріння. Більш цікавий нюанс – внутрішнє протиборство особистості. Суб'єкт один, сторін все одно щонайменше дві. Наприклад, абітурієнт обирає всередині себе між двома майбутніми професіями. Змагання передбачає і суперництво. В принципі, в зазначених випадках має місце протиборство сторін. Однак воно, як правило, не є загостреним до

ступеня ворожнечі, і, навіть якщо ворожнеча виникає (наприклад, при конкуренції), вона не супроводжується взаємними діями, що перешкоджають законній поведінці іншої сторони. Кожен діє «на своєму полі», прагнучи досягти успіху і тим вразити супротивника. Тут же поряд існує конкуренція. Нерідко конкуренти використовують незаконні шляхи і методи. Але при цьому дії сторін в цілому позитивні – вони прагнуть до власного максимальному успіху, і придушення супротивника для них не є самоціллю. Це, звичайно, не виключає виникнення ворожнечі і в ході т. зв. «мирних» дій. Тоді конкуренти можуть перейти до прямого тиску один на одного, навіть до знищення різними способами. Або фізична ліквідація конкурента, або нищення його бізнесу.

Отже, конкуренція та змагання не ідентичні. Причому, конкуренція скоріше може перерости у ворожнечу, або, як ми первинно уявляємо, у конфлікт. До того ж, змагання і конкуренція мають різну причину виникнення, або мотивацію та різні етичні наслідки. Порівняйте: дитячі пустощі, дитячу гру, спортивні ігри з духом підтримки всередині однієї команди і взаємоповаги й дотримання спортивної етики між командами. Тут метою є отримати перемогу, мати славу тощо. Змагатися і мати щось. (Для порівняння візьмемо рос. мову – соревнование, а краще от так: со-ревнование. Двосторонні ревнощі до того, хто швидше, сильніше, розумніше і т. д. Состязание, а краще – со-стязание. Стязание и стяжание). Наявний прихований духовний зв'язок. Проте і бути культурною, вихованою і т. д. людиною водночас. А з другого боку – конкуренція спирається на бажання мати якомога більше речей, грошей, влади і т. п. Теж мати щось, але наявний економічний і політичний підтекст переводить таке «мати» в іншу площину соціальних взаємодій. Тут основою дії є принципи «нічого особистого, лише бізнес», «у боротьбі всі засоби добрі» та «політика – брудна справа».

Ми чітко виокремлюємо тут зв'язок між словами «конфлікт» і «ворожість» та можемо розрізняти ступені ворожості, хоча і не чітко проводити між ними кордони. Як от між словами: неприязнь, антипатія, неприхильність, недоброзичливість, недружелюбність, нелюбов, з одного боку, та чвари, зневага, презирство, образи, насилля, бійка, побої, військові дії, з другого боку.

Особливим випадком змагання є спортивні ігри. Деякі з них і задумані як конфлікти (наприклад, бокс). Однак очевидно, що мова йде про імітацію ворожості. Закінчується гра – закінчуються «ворожі» взаємовідносини. Неприязнь між гравцями різних команд, що залишається після змагання, – виняток; в спорті вона аж ніяк не заохочується.

Коли говоримо про розбрат, а значить і міжусобицю, битву, війну, то маємо на увазі якийсь більш високий ступінь ворожнечі, чим у попередніх випадках. Тут уже прямо виступають на перший план агресія, насилля, битва, побої, захоплення або знищення чужих ресурсів, військові дії. Причому щодо війни слід розрізняти «правильну війну» і «погану війну» (інколи вживають словосполучення «брудна війна»). В обох випадках наявне протиборство, щонайменше два суб'єкта, економічно-політичний підтекст – щось з цього мати. Однак у другому випадку основою є оборона та іж людськиха мета, мета бути. Для початку просто бути, залишатися в житті. Наприклад, під час Другої світової війни нацистська Німеччина вела «правильну війну» проти країн Європи і США та водночас «погану війну» проти Радянського Союзу. Це видно хоча б з жахливого порівняння умов утримання в таборах для «європейських» військовополонених і концтаборів для радянських військових.

Таким чином, при протиборстві суб'єктів за ступенем ворожнечі ми явно виокремлюємо особливий тип іж людських взаємин всередині соціальних відносин. Цей особливий тип іж людських взаємин за ступенем ворожнечі називається конфліктом.

Конфлікт завжди виникає там, де є суперечність, неузгодженість, розбіжність, різноголосся. Навіть удавана суперечність. Проте він не дорівнює суперечності. Конфлікт

проявляється лише при граничному загостренні протиріч між учасниками взаємодії, що виявляється в їхньому протиборстві. Відповідно, не всі суперечності ведуть до конфлікту, особливого зіткнення соціальних істот. Наприклад, суперечність між чоловіком і жінкою. Ця суперечність була і буде завжди, але лише в певній ситуації вона може набувати конфліктної форми. Отже, суперечність необхідна частина конфлікту. Проте недостатня частина.

Таким чином треба відшукати і другу частину конфлікту. Причому так само необхідну частину.

Якщо весь світ є системою речей і відносин між ними, то і світ людства як його частина також є системою речей і відносин між ними. От тільки в соціальному світі люди виступають ще й в якості суб'єктів дії. А завдяки принциповій суб'єктності людей, в суспільстві за необхідністю існує особлива ціннісна, або аксіологічна сфера. Через це всі речі і відносини набувають певних смислів за ознакою значимості, важливості. Більше того, і сам світ, і життя в ньому також набуває характерної смислової ваги і світоглядного значення, місця, розуміння і ставлення. Цінності й інтереси на фундаменті матеріальних потреб є основою нашої життєдіяльності. А наша життєдіяльність, у свою чергу, має динамічний, або процесуальний характер.

Безумовно що, світ підкоряється дії закону діалектики єдності і боротьби протилежностей. Проте світ людей крім протилежностей має ще одну особливість. Людина перебуваючи в системі «речі – відносини – люди» постійно знаходяться в стані і процесі вибору. Причому світоглядного вибору. А світогляд – це система цінностей. Отже, людина – це деякою мірою завжди вибір.

Отже, другою і необхідною частиною конфлікту є людина, що вибирає.

Так от при дії цього закону при боротьбі численних протилежностей людина додає ще й свій вибір надаючи тій боротьбі особливий статус і забарвлення, значення і емоційно-чуттєву вагомість, тлумачення і розуміння. Метафорично кажучи, якщо Геракліт порівнював єдність з гармонією лука і ліри («Не розуміють, як розбіжне з самим собою приходить до згоди, іж людськиханість гармонію лука і ліри» [3, с. 276]), то конфлікт – це протилежність гармонії, доброзвучності, злагоди, згоди тощо. Він є натягом тятиви чи струн. Причому таким натягом, коли тятива чи струна йде на розрив. Геракліт також говорив що: «Все суще складено в гармонію через іж людськиханість … Універсум поперемінно то єдиний і пов'язаний дружбою, то множинний і сам собі ворожий в силу якоїсь ненависті» [3, с. 200–201]. Ми ж скажемо, що конфлікт починається там, де є ворожнеча, а ненависть, антипатія, бійка чи війна – це і окремі нюанси, і окремі етапи наростання ворожнечі, або динаміки конфлікту.

Тепер ми вже можемо зробити перше робоче визначення поняття конфлікту, дати його найбільш абстрактну дефініцію.

Конфлікт – це особливий тип іж людських взаємин всередині соціальних відносин, який проявляється через загострення боротьби між індивідами і соціальними спільнотами. Боротьби за володіння чим-небудь або існування чого-небудь.

Тут окремо необхідно наголосити на тому, що протиріччя і конфлікт, з одного боку, не можуть розглядатися як синоніми, а з іншого – протиставлятися одне одному. Багатоманітні соціальні відмінності можуть співіснувати без боротьби, хоча при виборі між ними можуть виникати колізії. А от протилежності співіснувати без боротьби не можуть. Взаємодія протилежностей називається суперечністю, яка в свою чергу призводить, у нашому конфліктологічному розгляді, до постійних змін не самого об'єкта (як в онтології), а в системі «володіння – існування», яка виникає навколо цього об'єкта та між суб'єктами соціальної взаємодії. До того ж, завдяки суперечності конфлікт має розвиток, він починається, проходить свої етапи (фази) і закінчується. Іншими словами, суперечність знімається, а конфлікт вирішується. Одночасно з цим суперечність є лише необхідною,

але недостатньою умовою конфлікту. Суперечності перетворюються в конфлікт виключно тоді, коли починають взаємодіяти суб'єкти. Причому взаємодіяти з метою досягнення матеріальних, соціальних, політичних, духовних переваг, задоволення потреб і інтересів, реалізації власних цінностей, оцінок тощо при одночасній нейтралізації або усуненні дійсного чи уявного суперника. А тут нейтралізація може бути і у формі компромісу.

Таким чином, конфлікт – це прояв об'єктивно-суб'єктивних суперечностей, що виражається в протиборстві сторін соціальних суб'єктів. Відповідно, поняття конфлікту не може бути поширене на багато явищ, в яких присутня боротьба, а тим більше боротьба з неживими предметами, наприклад, боротьба з вітром, холодом, дощем, оскільки в конфлікті всі сторони представлені тільки людьми, групами людей і державами. Навіть можна говорити про те, що це особливий прояв суперечності. І ця особливість полягає не у простому відштовхуванні суб'єктів, а в їхньому ворожому відштовхуванні, відході, розриві тощо. А тоді конфліктом є той вид протистояння, при якому сторони прагнуть захопити територію або ресурси, загрожують індивідам, групам, державам, їх власності або культурі таким чином, що боротьба приймає форму атаки чи оборони. Саме тому всім конфліктам властиво потужне напруження, яке спонукає людей так чи інакше змінювати поведінку, пристосовуватися або захищатися. І разом з тим, конфлікт володіє певними функціями, тривалістю і ступенем загострення суперечності.

Література

1. Августин А. Исповедь. Абеляр П. История моих бедствий. М., 1992. 335 с.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М., 2002. 372 с.
3. Гераклит // Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 275–280.

В статье исследуется парадокс определения конфликта, который возникает из-за пребывания в нём. На основе феноменологического анализа, предложенного П. Рикёром, обнаруживаются семантический и рефлексивный уровни конфликта. Раскрывается диалектическое сочетание объективных и субъективных черт конфликта как социального и мировоззренческого явления. Анализируются две необходимые и достаточные части конфликта и синтезируется его наиболее абстрактная дефиниция.

Ключевые слова: *конфликт, конфликтная ситуация, субъект, семантика, рефлексия, противоречие, межчеловеческие взаимоотношения.*

In the article the paradox of conflict definition, which arises due to existing in it, is being researched. On the basis of phenomenological analysis suggested by P. Ricker the author defines semantic and reflexive conflict levels. The dialectical combination of objective and subjective conflict traits as a social and ideological phenomenon is being discovered. The author analyses two necessary and sufficient conflict parts and provides the most abstract definition.

Keywords*: conflict, conflict situation, subject, semantics, reflections, contradiction, interhuman relationships.*

О. В. РАДЧУК

Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди

КОНЦЕПТУАЛЬНЕ ЯДРО ЗНАЧЕННЯ ЕКВІВАЛЕНТНИХ АД'ЄКТИВІВ *БЕЗПЕЧНИЙ* (УКР.) – *БЕЗОПАСНЫЙ* (РОС.)

Еквівалентні ад'єктиви української (безпечний) та російської (безопасный) мов привертають увагу як найчастотніші у сучасному дискурсі. Зазначені слова мають різну пресупозицію, якою є субстантиви з коренями (укр. – -печа- та рос. – -опаса-), що утворюють концептуальне ядро значення. Префіксам без- / бес- і не- , а також конфіксу без- + -н- належить провідна роль у породженні різних смислів, виявленні інваріантного значення, продукуванні семантики вторинної номінації. Врахування власного іманентного

значення префікса дає змогу розкрити мовний механізм розвитку абстрактів з когнітивних позицій. Під час проведення етимологічного і компонентного аналізу з'ясовано: кореляти споріднених мов не збігаються етимологічно, але зберігають своє первинне значення.

Ключові слова: *еквівалентні ад'єктиви, етимологічний і компонентний аналіз, концептуальне ядро, семантики вторинної номінації.*

Глобалізація як одна з тенденцій XXI століття має як позитивні наслідки (наприклад, стрімкий інформаційно-комп'ютерний прогрес), так і негативні (наприклад, загострення проблем безпеки людини). Індивідууми у сучасному світі, що постійно трансформується, не встигають утворювати захисні механізми. Людина постійно перебуває у зоні ризику, і сьогодні це посилюється пандемією COVID – 19. Тому слова *безпека, безпечний* та *небезпека, небезпечний* стають найуживанішими у різних типах дискурсу. Це підтверджують показчики частотності використання у різних функційних стилях мови ад'єктивів *безпечний / небезпечний*, виокремлених з національного корпусу української мови.

Офіційно-діловий стиль (законодавчі тексти) 1 581 089

Науковий стиль (тексти наукових досліджень) 8 717 291

Художній стиль (тексти художньої літератури) 40 236 038

Публіцистичний стиль (публіцистичні тексти) 44 655 032 [1].

У загальновідомих системах потреб людини, запропонованих у XX столітті американськими психологами А. Маслоу [2] і пізніше К. Альдерфером [3], прагнення до безпеки займає другу позицію у класифікаційній ієрархії після первинних біологічних та фізичних потреб. Оттепер ці необхідні компоненти існування у соціумі належать до одних із важливіших потреб людини.

Отже, на особливу увагу заслуговують українські слова *небезпечний* та *безпечний* – у російському перекладі *опасный / небезопасный, неопасный / безопасный.* Зауважимо, що сфера функціонування цих ад'єктивів не обмежена, оскільки вони стилістично не марковані та синтагматично не зв'язані.

Довгий час існувала думка, що українське слово *безпека* утворено приєднанням префікса *без-* до антропонімічної номінації *Пек*. В українській етнокультурі, за словами В.В. Жайворонка, Пек у дохристиянських віруваннях асоціювався з божеством «бійок, кривавих сутичок, кровопролиття та всілякої біди; за повір'ям, кровожерливий, страхітливий, але надто боявся *Цура* [бога домашнього тепла і затишку – О.Р.] […] можливо, в цей ряд ідуть і слова *безпека, небезпечний* тобто «без Пека» [4, с. 436]. Але народна етимологія не доводить це. Наукове пояснення походження слів ґрунтується на дослідженні фонетичних змін не лише в одній мові, а й у споріднених мовах. На наш погляд, щоб уточнити і пояснити значення аналізованих слів потрібно звернутися до російської та польської мов та дослідити семантично пов'язані слова в діахронії.

Указані українські та російські еквіваленти *безпечний – безопасный* мають різну пресупозицію, якою є субстантиви з коренями (укр. *-печа-* та рос. *-опаса-*), що не збігаються етимологічно, але зберігають первісне значення.

Уважаємо, що в українській мові існують гетерогенні омонімічні корені з історичним чергуванням *к/ч*: *-пек(ч)-* (*пиріжки* ***печ****уться в духовці*) та *-пек(ч)-* (*матері* ***печ****уться про дітей*), що виникли внаслідок збігу етимологічно різних слів. Перший корінь *-печ-* є споконвічним та стародавнім.

Цей корінь трапляється в продавніх формах дієслів і іменників, що підтверджують дослідження з історичної граматики лінгвістів XIX століття. Наприклад, український мовознавець П. О. Лавровський відзначав, «якщо ми спостерігаємо форму пекчи і подібні, то ясно, що походження її зобов'язано єдино утриманню стародавнього і органічного закінчення *чи* і приєднання до нього гортанного приголосного в теперішньому часі, при втраті, відчуття, що цей гортанний вже і без того перебуває в кінцевому звуці *ч*. Малоруське

наріччя поставилося послідовніше в цьому випадку: воно, запозичивши від справжнього тематичний приголосний звук, зрозуміло, гортанний, утримало в належному вигляді і ознаку не певного способу *ти*: текти, пекти, могти» [5, с. 32]. Як зазначалося, цікавим є той факт, що корінь *-пек-* збігається із язичницьким власним ім'ям. Іменник *Пек* (за народними віруваннями, бог війни *Пек* – син Чорнобога і Мари), та зберігається в ідіомах *Цур йому пек, царство Пека*. Від цього кореня походять слова *пекло, пекельний, спека*, первинна семантика яких, ''нестерпні, жахливі умови'', а вже потім ''жар, вогонь'', що підтверджують ідіоми *горіти у пеклі, спека, як у пеклі*). Однокореневими є номінативні одиниці *печера, піч, пекти.* Слово *печія* як ''відчуття пекучого болю'', на наш погляд, виступає вже вторинною номінацією (наприклад, *пече в грудях*).

Слова української мови, що мають корінь *-печ-* з іншим значенням, з'явилися набагато пізніше, у той час, коли частина земель України належала Речі Посполитій, і тому зберігають відповідності з польськими словами: *niebezpieczny*, *bezpieczny*, *opieka*, *opiekun*. У розробленому вітчизняним науковцем О.О. Потебнею вченні про внутрішню форму слів йдеться про те, що запозичені слова мають внутрішню форму лише в тій мові, у якій вони утворилися. Але запозичені лексичні одиниці, на думку мовознавця, можуть стати основою нових слів [6].

З XVIII ст. лексикографічні джерела обох мов фіксують слова *безпечний* (укр.) та *беспечный* (рос.), що мають схожу семантику: укр. ''безтурботний'' і рос. ''беззаботный''. Вони утворені через застосування суфікса відносних прикметників *-ьн-* від сполучення прийменника *без* та іменника *пека / печа* "турбота, піклування" (у російському перекладі ''забота, опека''). Іменник *печа* утворено через використання суфікса *-j-* від *пека* зі зміною *к* на *ч* перед *j*. Українське слово *опіка* та російське слово *опека* були запозичені з польської мови *opieka*, що становить кальку з латини. У російську мову слово *опека* потрапило з української, яка раніше (XVII ст.) піддалася впливу європеїзації та засвоєнню латино-польської мовної культури. Для калькування було використано префікс *о-* та праслов'янській корінь *-piek-* ''турбота, піклування, захист'' (у російському перекладі ''забота, опека, защита''. До однокореневих належать: укр. *пектися* та рос. *печься* ''турбуватися, піклуватися'', укр. *опіка* та рос. *опека* ''нагляд за недієздатними'', укр. *опікати* та рос. *опекать* ''захищати'' [7, с. 163].

Аналізуючи вияви і наслідки запозичень в українській мові, науковиця Т.Б. Лукінова вказує, що запозичення лексичних елементів відбувалось тоді, коли виникала потреба нової номінації, тому запозичувались і запозичуються переважно іменники. Мовознавиця також відзначає, що наслідувані слова «не виявляють схильності до значних семантичних змін» [8]. З цього випливає, що похідні ад'єктиви зберігають концептуальне ядро значення субстантива мови джерела.

У сучасній українській мові слово *безпечний* має 4 значення, які об'єднує сема 'захищений': «БЕЗПЕЧНИЙ 1. Який захищає кого-небудь, що-небудь від небезпеки або не приховує в собі небезпеки: *надійний*. 2. Якому не загрожує небезпека; гарантований від небезпеки: *захищений, застрахований* (див. БЕЗПЕКА). 3. Якого можна не остерігатися, який не завдасть шкоди: *нешкідливий, невинний, безневинний, незагрозливий*. 4. *рідко* Те саме, що БЕЗТУРБОТНИЙ» [9, с. 54].

Російське слово *опасный* у писемних пам'ятках фіксується з XI століття й утворене від іменника *опасъ* (у діалектах *опас, опаска*) із семантикою ''охорона, захист'' [10, с. 465]. Кореляти споріднених мов утримують первісні значення в коренях із семами 'той, що не потребує турботи' і 'той, що потребує турботи'.

На думку В.В. Ґрещука, «утворення слова, формування його семантики – складний мисленнєво-мовленнєвий процес, недоступний для безпосереднього спостереження. За таких умов необхідним при дослідженні словотворчих процесів і закономірностей

формування значень похідних є їх моделювання на основі результатів деривації, доступних для спостереження. Динамічний аспект дослідження словотвору передбачає можливість синхронної реконструкції словотворчих процесів і моделювання їх реалізації» [11, с. 32].

Метод етимологічного та компонентного аналізу семантичної структури мовних одиниць дав змогу визначити їхні змістові варіації. «Поведінка» морфем в українських словах *небезпечний*, *безпечний* та російських *опасный / небезопасный, неопасный / безопасный* призвела до непередбаченого результату: префікси із семантикою відсутності не надали словам протилежного значення.

Спробуємо пояснити, в чому ж полягає така нелогічність. По-перше, слова з префіксами *не-* та *без-* не позначають "відсутність", а з префіксом *небез-* не містять сему 'наявність'. По-друге, порушено ланцюжок словотворення: в українській мові взагалі немає прикметника, який би вживався без зазначеного префікса. Друга ланка – ***без**печний* – утворилася приєднанням конфікса *без- + -н-* від основи іменника. У російській мові те, що повинно бути дериваційною основою, співвідноситься з українським словом з подвійною префіксацією: рос. *опасный* та укр. ***небез**печний*. Відповідником до українського слова ***небез**печний* виступає російське ***небез**опасный*, що утворено також подвійною префіксацією. Проте в українському кореляті ознака небезпеки виявляється в повному обсязі, а в російському – меншою мірою. Ми погоджуємося з думкою В.В. Ґрещука про те, що «семантика деривата далеко не завжди є сумою значень формально-смислових компонентів, які його утворюють» [11, с. 32]. Висловлене вище підсумуємо в таблиці 1 (див. табл. 1.)

Таблиця 1

Формування значень еквівалентних ад'єктивів

укр. *-печа-*	рос. *-опаса-*
-	*опасный*
***без**печний*	***не**опасный / **без**опасный*
***небез**печний*	*опасный / **небез**опасный*

Аналіз поданих слів наводить на думку, що укр. ***без**печний, **небез**печний* та рос. *опасный / **небез**опасный, неопасный / **без**опасный* є винятком із загальних тенденцій розвитку споріднених мов. На утворення українських ад'єктивів вплинула європейська традиція, за якою романо-германські мови втратили подвійне заперечення вже в XVI столітті. Це водночас підкреслює своєрідність та унікальність кожної із споріднених мов, приклади з яких досліджувалися.

Використання кореляційних пар (укр. *безпечний* – рос. *безопасный*) ад'єктивів у сучасному дискурсі дає підстави стверджувати, що смислові мотиваційні відношення залежать від потреби виділити одне із словотвірних значень. Невипадково у діалектній російській мові зберігається слово *безопасышно* в значенні "сміливо".

Ми ще раз констатуємо той факт, що концептуальні системи існують в динаміці, і це віддзеркалює ментальний лексикон. Розуміння слів укр. *безпечний* – рос. *безопасный* і похідних від них *безпека – безопасность*, а також їхня інтерпретація на різних етапах історичного розвитку неоднозначні, у кожну історичну епоху людство мало своє уявлення про зазначені вербалізовані поняття. В архаїчному суспільстві людині було достатньо виразів *Без Пеки, Хай йому Пек*, щоб подолати внутрішній страх, який був пов'язаний з неможливістю науково пояснити природні явища. Але в XVIII столітті, коли людина вже не вважала себе часткою природи, а набула певного багажу наукових знань і стала членом розвиненого суспільства, з'явилася необхідність створення нової когніції та її мовної репрезентації, що пов'язано з розвитком наукового знання і соціуму. Чоловік шукав захисту в

державних установах. Мовна концептуальна система вже була іншою, тому українське слово *безпека*, яке утворене від *безпечний* ніяк не пов'язане з наведеними вище ідіоматичними виразами. Національні мови зберігають свою автентичність, використовуючи непохідні та народно-мотивовані лексичні одиниці (такі, як *Пек*, *пекло* та інші). Поряд з ними з'являються запозичення, які відбивають сучасні мовні явища, що виникли під впливом екстралінгвальних факторів. Таким чином, способи вираження різних ментальних понять зумовлені й обмежені когнітивним досвідом мовця, комунікативним контекстом індивіда як члена соціуму.

Література

1. URL:http://www.mova.info/corpus.aspx
2. Маслоу А. Мотивация и личность. К. : PSYLIB, 2004.
3. Alderfer C. Existence, Relatedness, and Growth: Human Needs in Organizational Settings. New York. 1972.
4. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К., 2006. 703 с.
5. Лавровский П. А. Записка о втором издании первой части исторической грамматики Ф. И. Буслаева. Санкт-Петербург, 1865. 52 с.
6. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 614 с.
7. Етимологічний словник української мови / У 7-х т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Укладач Р. В. Болдирєв. К., 1982. Т. 1. 632 с.
8. Лукінова Т. Б. Українська лексика: семантичні зміни в запозичених словах / Лукінова Т. Б. // Мовознавство. 2013. № 2-3. С. 18–39.
9. Яковлева А. М., Афонська Т. М. Сучасний тлумачний словник української мови. Харків, 2006. 672 с. с. 54
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. ; пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch ; перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М., 2004. Т. 3. 830 с.
11. Ґрещук В.В. Український відприкметниковий словотвір. Івано-Франківськ, 1995. 208 с.

Эквивалентные адъективы украинского (безпечний) и русского (безопасный) языков привлекают внимание как наиболее частотные в современном дискурсе. Указанные слова имеют разную пресуппозицию, которой являются субстантивы с корнями (укр. – -печа- и русск. – -опаса-), образующие концептуальное ядро значения. Префиксам без- / бес- и не- , а также конфиксу без- + -н- принадлежит ведущая роль в порождении разных смыслов, выявлении инвариантного значения, продуцировании семантики вторичной номинации. Учет собственного имманентного значения префикса позволяет раскрыть языковой механизм развития абстрактов с когнитивных позиций. Во время проведения этимологического и компонентного анализа выяснено: корреляти родственных языков не совпадают этимологически, но сохраняют свое первичное значение.

Ключевые слова: *эквивалентные адъективы, этимологический и компонентный анализ, концептуальное ядро, семантика вторичной номинации.*

Equivalent adjectives of the Ukrainian (bezpechnyi) and Russian (bezopasnyi) languages attract attention as the most frequent ones in modern discourse. These words have different presuppositions, which are substantives with roots (Ukr. - -pecha- and Russian -opasa-), that form the conceptual semantic core. Prefixes bez- / bes- and ne-, as well as the confix bez- + -n-, play a leading role in generating different meanings, identifying invariant meanings, and producing the semantics of secondary nomination. The immanent meaning of the prefixes allows us to reveal the linguistic mechanism of the development of abstracts from a cognitive standpoint. Etymological and component analysis helps to find out that correlations of related languages do not coincide etymologically, but retain their primary meaning.

Keywords: *equivalent adjectives, etymological and component analysis, conceptual core, semantics of secondary nomination.*

N. N. ROZIKOVA
Bukhara State University,
Uzbekistan

THE FORMATION OF A LANGUAGE PERSONALITY UNDER THE INFLUENCE OF THE MASS MEDIA

This article examines the levels of speech culture of native speakers of the Russian language and observance of the norms of literary word use in modern everyday life. The media play an important role in the violation of the norms of the Russian standard language, in particular, the norms of actual pronunciation and accentology. This also applies to the level of speech culture of native speakers of the Russian language and their compliance with the norms of standard word use in modern everyday life.
Keywords*: mass media, globalization, speech culture, linguistic competence.*

It is known that the problem of normative literary word use today is one of the most urgent in the development of the national Russian language. In the age of globalization, scientific and technical progress, the modern person is expected to have a high level of speech culture. Violation by speakers of the norms of the Russian literary language, in particular, the norms of actual pronunciation and accentological ones, complicates communication, prevents them from fully comprehending the content of speech.

A person expresses his attitude to the world through language, declares his uniqueness and originality, and also recognizes himself as part of a single society. Language has become a powerful factor in the socialization of the individual. It brings people together. Language is a vehicle for solidarity and belonging, although it cannot be imagined without a social and cultural context. It is the keeper of the cultural identity of an ethnic group and ethnic groups that speak the same language, acts as a link between different historical eras and generations of people.

According to I.G. Herder, “only through language the history of mankind became possible”, that is, the language has the function of keeping the culture of the people. It also prevents the people’s spirit from becoming impoverished. Today one cannot but recognize the aggressive and destructive nature of the impact of the environment on the linguistic personality. An individual is bombarded with a large flow of information, which is not subject to censorship and any kind of control, so the linguistic persona needs to independently install speech filters in order to cope with the «press of projected information messages.» Today, following H. Ortega and Gasset, attention should be paid to the problem of dehumanizing culture.

The distortion and impoverishment of the Russian language, the use of profanity and slang deprive the younger generation of the opportunity for self-realization, individuality and creative thinking. Thinking and speaking are interconnected. It is not for nothing that experts have proven that children who speak Russian have highly developed thinking and logic. The word serves for the unity of communication, communication and thinking, therefore, the higher the literary language of an individual, the more competent and perfect he or she is. It is impossible to stop the process of the invasion of slang and reduced vocabulary, since the language is undergoing changes, and the media play an important role in it.

The new century, globalization, social phenomena of the 20th century, the increased role of new means of communication cause changes in both the language and the linguistic consciousness of speakers of the language. The Russian language itself is changing, and there is a «degradation of the Russian language ability.» At the beginning of the twenty-first century, the Russian language finds itself in the English-speaking environment, both in society and in the individual linguistic consciousness of a linguistic personality [1]. The rapid development of the media business has

become one of the most striking phenomena of the socio-cultural reality of the last decade. A consequence of the increasing impact of the language of advertising on society was the attention of researchers to communicative, linguistic, stylistic and other features of advertising texts, as well as interest in the specifics of the perception of advertising by representatives of various social, age and gender groups, reflected in a number of publications of scientific and popular publications.

Advertising as an impersonal form of communication "in a simplified form reproduces the picture of the world, stereotyped ideas, the scale of the values of the people" [2, 4]. A linguistic persona is modeled according to what arts of speech and with what completeness it is trained and what experience and skills it possesses in different kinds, types and forms of literature. The dehumanization of the literary language in the modern world has set researchers the task of revealing the nature and role of the human factor in linguistic communication. Now "language is viewed in its immersion in life, in the reflection of reality. It can be argued that one can understand the nature of language only on the basis of a person and his world as a whole. An uneducated, weak linguistic persona, who is subject to aristocratic and oligarchic types of influence, with low special and general cultural training and without responsibility for the spoken word, becomes the ideal model for the Russian media of the XXI century.

And therefore, what is voiced and shown on the screens does not require responsibility and respect for their cultural origins, primarily for the language. And this is also connected with the formation of the national spirit [3, 7]. In the light of the modern change in the Russian language, Christian traditions have been lost and not respected, therefore the linguistic persona is degrading. The media form a weak, culturally insignificant, linguistically incompetent and ethically not responsible linguistic persona. In the media sphere, language acts as a means for the transmission and perception of extralinguistic content. The massiveness of the television audience, the scale of the publicity of appearances on television do not put forward special requirements for the linguistic persona of the speaker, who is responsible for communicative events.

First of all, it should be a person who is of unconditional interest to many, either by virtue of his social status, type of activity, or who has valuable, exclusive information. People often appear on TV screens because of their ability to present themselves in a bright and original way and attract a large number of viewers. In this sense, the appearance on TV screens of people who, at first glance, are remarkable, but culturally immoral, is considered a justified and value-progressive fact. Thus, we can summarize that the main place in the successful organization of television and any other kind of communication should be occupied by a bright, outstanding linguistic persona, attracting mass character with his or her recklessness.

Such an example can serve as the TV series «Univer», «Realniye Patsany» (boys from the hood), beloved by young people, as well as the reality show «Dom-2», which not only introduce reduced profanity into their lexicon of viewers, but also dull them. The linguistic competence of a linguistic persona acts as a qualitative characteristic of its activity-communicative needs and expresses the degree of adequacy and completeness of the individual picture of the world, determines the level of proficiency in the means of native and foreign languages. But, unfortunately, this does not happen due to the influence of the media, which are interested in a pliable and uneducated linguistic persona [4]. The famous scientist in the field of Russian linguistic science G.I.Bogin proposed his own model of linguistic persona, in which he singled out five levels of language proficiency:

1. The level of correctness, which presupposes the presence of a sufficiently large lexical stock, knowledge of the basic rules of the language and allows you to build a statement and produce texts in accordance with the rules of a given language.

2. The level of interiorization, including the ability to realize and perceive statements in accordance with the internal plan of a speech act.

3. The level of saturation, allocated from the point of view of the reflection in speech of all the diversity, all the richness of the expressive means of the language in the field of phonetics, grammar and vocabulary.

4. The level of adequate choice, assessed from the point of view of the correspondence of the language means used in the expression in the field of communication, the communicative situation and the roles of the communicants.

5. The level of adequate synthesis, taking into account the correspondence of the text generated by the personality to the whole complex of substantive and communicative tasks that form its basis.

This model by G.I.Bogin is called linguodidactic. This is a three-dimensional education at the intersection of three axes - the levels of language culture (phonetics, grammar, vocabulary), four types of speech activities and the above levels of language proficiency.

And I.Chernukhina proposed her concept of a linguistic persona, on the basis of which large and small multidimensionality are included in the structure of a linguistic persona. The parameters of great multidimensionality are: - intelligence (types of verbal thinking, mentality); - intuition; - presupposition (knowledge about the world and a person that a given person has, his life experience); - being in the aura of good; openness to nature, space; openness to the noosphere, cultural environment and other parameters. So, summing up, the culture of communicative activity is the result of a high communicative subcompetence of a linguistic persona, which the media should offer. But, unfortunately, the picture is different: a modern degraded linguistic persona does not have elementary knowledge about the world, his or her life experience can be compared to zero, since the whole life of young people flows in front of the TV, which shows not highly intellectual entertainment talk shows. Language helps to cognize reality, and knowledge of the reality of a modern linguistic persona is colored only by catchy vulgar events from the life of scandalous stars spoiled by excessive media attention to their people. The media are the intermediaries between the world and society. Translating this kind of mediation into reality requires creativity, talent, due to the fact that the world is undergoing changes every moment, especially in the era of modern information technologies.

Creativity remains the highest goal for people working in the media field, and creative work remains fundamental and responsible. Creativity must begin with the language design of the intention and it is necessary to calculate it for effective communication with the interlocutor or with the target audience. Inadequate understanding of oral or written communication can lead to serious errors and cause unwanted conflicts.

Language serves to develop spiritual and ideological abilities for a linguistic persona. Language every day penetrates deeper into the inner life of the individual, but still it has «an independent external being, exerting its pressure on the person himself» [4]. Moderators are the main figures in organizing language communication in the media. The personality of the moderator, his professional competence, general and linguistic culture, speech etiquette, the ability to organize the necessary environment in which a speech action takes place, determine its success with the target audience. The attitude to them as to public figures in society is ambiguous.

It all depends on how skillfully they achieve the correspondence of form and content in their programs and, of course, on the individual qualities of each of them. A VJ of any program as a linguistic person is a representative of those who are present on the other side of the TV screen, on their behalf, voices information of interest to the target audience. To interest the viewer, he needs to know very well the reality, preferences and problems that are relevant to the audience. But

this is easy to predict, since the target audience is mainly attracted by what remains prohibited, namely, reduced literary vocabulary, monosyllabic words and simple sentences, so that a modern linguistic person can understand what is at stake. In the modern world, a unique situation has developed in society: young people prefer heroes on TV, rather than from the novels of Russian classics. The media create heroes within a linguistic persona, stamping and replicating them and thereby endlessly glorifying, illiterate immoral linguistic personas. From the foregoing, it follows that in the modern world, the main factor in the successful assimilation of information is an uneducated, aristocratic or oligarchically oriented linguistic persona. But in order to change the current situation, it is necessary to develop self-awareness, that is, a person's awareness and assessment of his actions and their results, thoughts, feelings, moral character and interests, ideals and motives of behavior, a holistic assessment of themselves and their place in life. Such self-esteem becomes, in turn, the facet of the worldview and an important component of the life position of the individual. Self-awareness is a constitutive feature of a person that is formed along with its formation. The noted fact can be explained by the insufficiently high level of speech culture of modern youth and some shortcomings in their language education. It is obvious that the main role in improving the linguistic culture of a person, including the culture of the orthoepic, should be played by his personal responsibility for maintaining the norms of the modern Russian literary language, as well as responsibility for observing these norms in all situations and spheres of communication, including in the sphere of modern everyday life. A gap between cultures, their conflict is possible not only in the form of clashes between native and foreign cultures, but also within one's own, native culture, when changes in the life of society reach such a level that the next generations no longer remember, do not understand the culture and attitude of their ancestors. It is impossible to stop the process of intrusion into the language of slang and reduced vocabulary, since the language is subject to change and reflects all the processes characteristic of a certain historical era.

However, today the task of philosophy, pedagogy and the education system as a whole is to change people's attitudes towards language and teach them to think about their own «speech behavior». It is necessary that each person has made his own «path to language» (M. Heidegger) and began to understand language as an element of culture.

Literature

1. Passov E. I. Communicative foreign language education. The concept of individuality development in the dialogue of cultures. Lipetsk, 1998.
2. Anisimov S. F. Introduction to axiology. M., 2001.
3. Zagorovskaya O. V. The position of the Russian language in Russia at the beginning of the XXI century and current problems of language education / O. V. Zagorovskaya // Modern language situation and improving the training of language teachers: materials of the VIII International Scientific and Methodological Conference / Ed. prof. O. V. Zagorovskaya. Voronezh : Scientific book, 2010.
4. Islamishin R. F. Linguistic personality of the 21st century. M., 2005.

У статті розглянуто рівні культури мовлення носіїв російської мови і дотримання ними норм літературного слововжитку в повсякденному житті. У порушенні мовцями мовних норм російської літературної мови, зокрема, норм власне вимовних і акцентологічних, не останню роль відіграють ЗМІ.

***Ключові слова**: засоби масової інформації, глобалізація, мовна культура, лінгвістична компетенція.*

В данной статье рассмотрены уровни культуры речи носителей русского языка и соблюдения ими норм литературного словоупотребления в современной повседневности. В нарушении говорящими норм русского литературного языка, в частности, норм собственно произносительных и акцентологических , не последнюю роль играют СМИ.

***Ключевые слова**: средства массовой информации, глобализация, речевая культура, лингвистическая компетенция*

Л. І. РОМАЩЕНКО
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

НОВИЙ ВАРІАНТ УКРАЇНСЬКОГО ПРАВОПИСУ: ОБ'ЄКТИВНА НЕОБХІДНІСТЬ?.. РОЗМИСЛИ НЕ-ЛІНГВІСТА

У статті розглядаються новітні зміни в українському правописі, викликані ідеологічними установками, - звільнення від російськомовних впливів, повернення до питомо українських норм рідної мови, стирання різниці між українською мовою на материковій Україні і українською в діаспорі. При цьому доведено, що в запропонованому варіанті досить відчутний вплив норм польської мови.

Ключові слова: *мова, правопис, варіант, український, російський, польський, запозичення.*

Мова – поняття динамічне і, як явище суспільне, чутливо реагує на зміни, що відбуваються в соціумі. За роки незалежності України їх сталося немало, і вони так чи інакше знайшли відображення в мові. Але ці зміни можна умовно розділити на два типи: **об'єктивні**, викликані закономірностями суспільного розвитку (наприклад, збагачення лексичного складу української мови, пов'язане з новими поняттями і явищами, викликаними розвитком новітніх технологій (*комп'ютер, принтер, монітор, сканер, ксерокс*, *домофон* та ін.) чи негативними суспільними явищами (*секс-індустрія, шоу-бізнес, остарбайтер, наркотрафік*), і штучні, **ідеологічно** зумовлені.

До останніх належить конструювання не властивих українській мові лексем із метою витіснити з мовного обігу лексичні і граматичні одиниці, спільні для української і російської мов (як нібито спроба протидіяти процесам русифікації). Замість слів звичних, укорінених, які широко використовуються, маємо неприродні утворення або кальки з інших мов (найчастіше – з польської чи англійської): *шприц – штрикалка*, *трубка* (телефонна) – *слухавка*, *аеродром – летовище*, *вертоліт – гелікоптер*, *гвинтокрил, розвиток – розвій, поїзд – потяг*, *карта* (географічна) – *мапа*, *пилосос – пилосмок (пилотяг), квітчарня* та ін. Але, наприклад, слово *розвій* походить від польського *rozwój* – розвиток, еволюція і, крім того, створює омонімію (наприклад: *розвій листя по полю)*; *потяг* від – *pociąg, мапа* від *map* (англ.), *гелікоптер* от *helicopter (*англ.)[1].

Із незрозумілих (для мене) причин вилучено з наукового обігу слово *посилання*, яке замінено словом *поклик**а**ння.* Але «Словник української мови: в 11томах» подає лише два значення останнього, щоправда з наголосом не на третьому, а на другому складі: «1. Внутрішній потяг, здатність, схильність до певної справи, професії. 2. Призначення» [8, т.7, с. 30]. Та й навіщо знову створювати ситуацію омонімії в науковому мовленні? Або, наприклад, слова *одноголосно, одностайно*, зафіксовані у словниках, намагаються витіснити лексемою *однозгідно* як нібито питомо українською, хоча вона фігурує в мовленні певного регіону («Лексикон львівський»). Тим паче прикро, що спокусі піддаються науковці, покликані не забувати різниці між загальновживаною і діалектною лексикою, а також пам'ятати просту істину, що мова – явище динамічне, творець мови – народ, і завдання правопису узаконювати норми, які склалися природним шляхом, а не штучно.

З активного обігу слово *чемодан* витісняється словом *валіза.* Але ж останнє не належить до питомо українських, обидва запозичені. Порівняємо: *waliza, walizka* (польс.), *valise* (фр.), *valigia* (італ.), а *чемодан*, імовірно, – із тюркських мов або через їх посередництво. Або ж слово *краватка* витісняє слово *галстук,* яке помилково вважається русизмом. Але ж обидві лексеми теж є запозиченнями (від італ. *cravatta* чи фр. *cravate*; можливо, при

[1] Детальніше про це див.: Ромащенко, Л. И. Язык как средство отражения социокультурных процессов (на примере украинского языка) // Язык как зеркало эпохи: Сб. науч. ст. – Гомель, 2017. – С. 147-151.

посередництві польської *krawat*, а *галстук* від нім. *halstuch* – «шийна хустка»). Так само як і *канапка*, що вже майже витіснила *бутерброд*, тоді як обидва слова запозичені: одне з німецької, що зафіксовано в етимологічних словниках (*butter* – масло, та *brot* – хліб), інше – із французької, очевидно, за посередництвом польської мови (фр. *canapé,* пол. *kanapka*). До того ж у «Словнику української мови: в 11томах» *канапка* подається лише в одному значенні – як зменшувальне до *канапа* [8, т. 4, с. 87] . Отже, знову омонімія, навіть якщо новітні словники узаконять (чи вже узаконили) слово. Але хай і запозичене, омонім, зате такого немає в російській мові. Чи, приміром, лексема *чашка*, що все рідше вживається через лексему *філіжанка*. Як свідчать словники, *філіжанка* запозичена з тур. *fingan, filgan* «чашка», можливо через польське або румунське посередництво (пол. *filiżanka*, рум. *filigean*). І цього слова знову ж таки немає в російській мові, але є в білоруській, яка теж зазнала впливу польської (натрапляємо на нього в повісті «Чорны замак Альшанскі» Володимира Короткевича – білоруського письменника, залюбленого в Київ (тут йому споруджено пам'ятник), і приятеля історичного романіста Романа Іваничука)[2]: «Ён трымаў *філіжанку* доўгімі пальцамі і больш нюхаў, чым піў»).

Схоже відбувається зі словом *зонт (зонтик)*, витісненим словом *парасолька* (*парасоля),* хоч обидва теж запозичені. *Зонтик* від голландського *zonnedek (*тент на суднах для захисту від сонця). Цікаво, що спочатку з'явилась зменшувальна форма, а потім – *зонт*. Французьке *parasol* («зупиняти сонце») було запозичене польською мовою, а звідти перейшло в українську, трохи слов'янізуючись – *парасолька, парасоля*. І таких прикладів чимало.

«Словник української мови: в 11томах» подає ці пари слів *чемодан, валіза* і *зонт, парасоль(парасолька)* як синоніми [8, т. 1, с. 285; т. 3, с. 685] . Але пропонують і нібито власне український варіант до *зонтика-парасольки – розчепірка*. Хоча деякі дослідники стверджують, що слова *розчепірка, спалахуйка* (запальничка) і тому подібне були придумані учасниками КВН для висміювання української мови, що було, мовляв, частиною радянської пропаганди [9]. Можливо, якщо вірити мовознавцеві, слова *розчепірка, спалахуйка* і були придумані КВН-нниками. Але в цей ряд автор «Словника вишуканої української мови» помилково відносить, приміром, слово *швабрики* (*шваблики*) – сірники. Однак це слово не вигадане, а діалектне, воно широко вживане на Закарпатті. І дивно, що львівський укладач словників цього не знає. Згадана лексема зафіксована в електронних словниках – «Русинсько-український словник» [6] і «Словарь русского арго» [7].

Під впливом ідеологічних установок був прийнятий у 2019 році новий варіант українського правопису [3]. Декларувалося, що новий правопис – це звільнення від російськомовних впливів, повернення до споконвічно українських норм української мови, спроба повніше відобразити в літературній мові особливості діалектних говорів, стирання різниці між українською на материковій Україні і українською в діаспорі.

Але подібні твердження, на наш погляд, вразливі. Вплив інших мов проявляється у багатьох мовах, через певні соціально-історичні обставини. Як справедливо зазначає мовознавець О. Пономарів: «Запозичання іншомовних слів є наслідком географічних, економічних, наукових, культурних та інших зв'язків між народами» [5].

Крім того, запозичені слова є одним зі шляхів збагачення лексичного складу кожної мови. Наприклад, кілька місяців тому, читаючи лекції в Академії ім. Яна Длугоша в Ченстохові (Польща) і намагаючись удосконалити знання польської мови, дивилася польські фільми за участю її носіїв. І звернула увагу на те, що герої гумористичного серіалу «Świat według Kiepskich» часто в мові використовують явно не польську паремію – *пошел (пошла)*

[2] Детальніше про це див.: Ромащенко, Л. И. Творческие взаимоотношения Владимира Короткевича и Романа Иванычука в контексте украинско-белорусских связей//*Slāvu lasījumi. Славянские чтения.* Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds „Saule", 2014. – S. 214-225.

вон (а чого варта лишень запозичена обсценна лексика?!). Тоді ж, готуючи лекції польською мовою (читала курс «Українсько-польські літературні зв'язки»), звернула увагу на те, що в польській мові дуже багаті синонімічні ряди. На моє питання, чому так, колеги відповіли: у польській мові все зберігається і поповнюється, а від того мова збагачується.

Стосовно діалектів. Вони є і в інших мовах. Але літературна мова, як головна форма існування національної мови, відрізняється від інших літературних систем своєї розробленістю, нормативністю і загальнонародністю вживання, на відміну від діалектної мови, що використовується як засіб спілкування осіб певної, найчастіше територіальної, а також соціальної або професійної спільноти. Звичайно, деякі діалектні слова можуть стати загальнонародними, але чомусь новий український правопис форсує тільки західноукраїнські, точніше галицькі говори (говірки), тоді як в основі літературної української мови говори Середньої Наддніпрянщини, тобто Центральної України.

Що стосується української мови в діаспорі, то закономірно, що вона зазнала більшого, ніж в Україні, впливу сусідніх мов. І не варто її норми переносити на материнську мову: існує британська англійська і американська англійська з помітними відмінностями, і ніхто не робить із цього проблему. А спеціалісти вивчають класичну, британську англійську. Пригадалося, як свого часу до нашого університету приїздила делегація зі штату Айова (підписували угоду про співпрацю). Син, тоді студент факультету романо-германської філології, виконував функцію перекладача. Американці були приємно вражені рівнем його знання мови, а відтак рівнем викладання англійської в нашій альма-матері, але зауважили: у них так ніхто не розмовляє, – а він розмовляв правильною літературною англійською мовою.

Одна з особливостей нового українського правопису – **варіативність**, що, з одного боку, передбачає певну свободу вибору, а з іншого – загрожує нормативною розхристаністю, хаосом. У запозиченнях із давньогрецької мови *аи* може передаватися як *а**у*** і *а**в***: *а**у**дієнція – а**в**дієнція, а**у**диторія-а**в**диторія, ла**у**реат-ла**в**реат, па**у**за-па**в**за, фа**у**на-фа**в**на.*

Буквосполучення *th* в словах грецького походження передається буквою *т*: *бібліотека, аптека, театр, теорема, Теодор.* У словах з усталеним *ф* допустима варіативність: *ана**ф**ема-ана**т**ема, ди**ф**ірамб-ди**т**ирамб, мі**ф**-мі**т**, ка**ф**едра-ка**т**едра* (при цьому змінюється й наголос: з першого на другий склад за аналогією до польської)*, ефір-етер* (чому не *етир*?), *А**ф**іни-А**т**ени* (чому не *Атини?).* Порівняємо з польською*: anatema, dytyramb, mit, katedra, eter, Ateny,* – тобто запропоновані варіанти є абсолютними кальками з польської (латинської), – аби не з російської.

Дозволено існування варіативних форм родового відмінка іменників III відміни: *крові-кров**и**, любові-любов**и**, радості-радост**и**, Білорусі-Білорус**и**.*

Пропонується можливість написання буквы «*и*» на початку слова (***и**рій* та ***і**рій*, ***и**род* та ***і**род*), що дозволить мати в алфавіті велику букву «*И*» (раніше в азбуці української мови фіксували тільки маленьку *«и»)*, якої немає в російській (!).

А ось *про**є**кт, про**є**кція* (було: *про**е**кт, про**е**кція)* – уже без варіантів, незважаючи на те, що це теж калькування: *projekt, projekcja* (пол.). Прикметникові закінчення російських прізвищ на - *ой* передаються через українське *-ий: Донський, Луговський, Трубецький, Крутий,* але *Толстой* (хоча за такою логікою належало б – *Толстий* чи *Товстий* (хай пробачить нас Лев Миколайович!).

Новий правопис передбачає широке використання фемінітивів, наприклад: *філологиня, лемкиня, патронеса, професорка, міністерка, мовознавиця, лейтенантка, офіцерка* (а коли йдеться про артистів балету – *балерина* і *балерун?)* і т.д. Окремі вже усталені в українській мові, а деякі звучать дивно: не хотілося б, що б мене називали «*літературознавицею*»

(чомусь асоціація з «дівицею», «телицею», «кобилицею»). А проте вже й у дисертаційних дослідженнях маємо: «науковиця», «літературознавиця» і т.п.

Ми зупинилися лише на деяких змінах в остаточній редакції правопису. У запропонованій раніше для обговорення громадськості їх було значно більше, що викликало бурхливий резонанс. В інтернет-коментарях із приводу нового правопису висловлюються тривога і побоювання, що українська мова втрачає свою привабливість, набуваючи не властивих їй рис, величезні групи людей стають безграмотними (і коли ж їм цю грамотність удосконалювати за пошуками хліба насущного). Обурюються й фахівці-філологи, хоча деякі з них сприймають новий правопис як «бальзам на душу», як звільнення від російськомовних впливів (польськомовні допустимі).

У ситуації, що склалася, є деякі (як на мене) заспокійливі моменти. Новий варіант функціонуватиме п'ять років паралельно з попереднім. Спроби узаконити галицький варіант правопису робилися й раніше, але безрезультатно.

Відомий український письменник, виходець із центрального регіону України, Іван Нечуй-Левицький (1838 − 1918) ще в кін. XIX-на поч. XX століття категорично виступав проти друкування своїх творів, згідно з галицькими нормами правопису. Така позиція автора зумовлена насамперед тим, що галицький правопис значною мірою зазнав впливу польської мови. У листі до Петра Стебницького від 7 лютого 1905 року Іван Семенович виступає проти «галіціоманів» (особливо Єфремова):

«В їх тільки й думки, щоб не порвати з галицьким правописом. Та ще й, на лихо, між ними є фанатики... цієї *безтямної системи* (курсив наш. – Л. Р.). За центральну українську народну живу мову й її форми вони й не думають... а я встоюю за форми живої ц е н т р а л ь н о ї київської та херсонської мови... я по своїй вдачі не люблю усякого староття і маю потяг до живої сьогочасної мови... А наші письменники сидять по городах і вже одбиваються од живої мови та втягують вже галицькі форми: *по обличчю* (по обличчі), як вживають галичани польський предлож[ний] падеж (в життю, в споминанню), хватають навіть цілі польські фрази, які повлазили в в галиц[ькі] книжки: *старанно уникав – staranno unikal*...» [1, сс. 433-434]. Застереження стосовно використання полонізмів українськими письменниками звучить і в листуванні з Б. Грінченком, Є. Чикаленком, Панасом Мирним.

Невдалі спроби узаконити галицький варіант українського правопису робилися й пізніше, за часів Української Народної Республіки. Про це йде мова в «Повісті про життя» К. Паустовського (нащадок гетьмана Сагайдачного, номінант на Нобелівську премію, залюблений у Київ і Черкаси, його творчість високо шанує лауреат Шевченківської премії М. Дочинець): «Петлюра привез с собой так называемый галицийский язык – довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы задорных молодиц, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и в тихие деревенские левады. Там он и прожил «тишком» все тяжелые годы, но сохранил свою поэтичность и не позволил сломать себе хребет. При Петлюре все казалось нарочитым – и гайдамаки, и язык, и вся его политика... При вымученных звуках нового языка невольно приходил в голову тот же вопрос – украинский это язык или нарочно» [4, с. 460].

Це ж питання, на жаль, виникає і сьогодні при ознайомленні з новим українським правописом. Тож стає зрозумілим позов школярки, яка подала до суду, бо вважає, що уряд діяв поза межами своїх повноважень і не врахував реального стану розвитку української мови: пропоновані зміни «паплюжать нашу мову, роблять її дуже смішною і не сучасною» [2]. Вони, мовляв, ускладнять її вивчення і грамотне використання.

Проти використання норм запропонованого правопису, який містить ознаки ідеологічної заангажованості, архаїзації та штучності, активно виступають члени фейсбучної спільноти «Проти правопису 2019», куди входять учителі-словесники, філологи й пересічні користувачі мови. Прикметно, що серед її організаторів й активних учасників – представники діаспори, яким також правописні нововведення видаються неприродними. У намірах «подалі від російської мови» доходить до смішного (але це сміх крізь сльози). Як згадує один із учасників групи, відомий культурний діяч діаспори Д. Нитченко, подзвонив у редакцію й висловив невдоволення, що в передачі прозвучало Франкове з відомого вірша «те, що запалює серце пожаром», а це, мовляв, русизм. Нитченка не задовольнило пояснення, що це цитата з твору класика, він повідомив, що працює над перекладами українською творів Лесі Українки, а в перспективі – Франка. Чи не доведеться, дотримуючись цього принципу, і Шевченка перекладати українською?

Література

1. Нечуй-Левицький І. С. Зібрання творів у десяти томах. Київ, 1968. Т. 10. 588 с.

2. Новий український правопис оскаржує в суді 12-річна школярка [Электронный ресурс]. – Режим доступу: https://www.unian.ua/society/10599645-noviy-ukrajinskiy-pravopis-oskarzhuye-v-sudi-12-richna-shkolyarka.html – Дата доступу: 28.08.2019.

3. Опубліковано остаточну редакцію нового українського правопису [Электронный ресурс]. – Режим доступу: https://zaxid.net/opublikovano_ostatochnu_redaktsiyu_novogo_ukrayinskogo_pravopisu_n1482318 – Дата доступа: 20.08.2019.

4. Паустовский К. *Повесть о жизни.* Т. 3. Москва, 1992. –640 с.

5. Пономарів Олександр. Лексика іншомовного походження [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://ponomariv-kultura-slova.wikidot.com/printer--friendly//inshomovna-leksyka – Дата доступу: 20.08.2019.

6. Русинсько-український словник [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://lang.slovopedia.org.ua/10/53416/118299.html – Дата доступу: 23.08.2019.

7. Словарь русского арго. В. С. Елистратов (сост.): [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-argo/index-216.htm– Дата доступа: 23.08.2019.

8. Словник української мови: В 11 тт. Київ, 1980. – Т. 11. – 699 с.

9. Такі «українські» слова як «спалахуйка» придумували радянські КВН-ники: мовознавець [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta.ua/articles/chistota-movlennya/_taki-ukrayinski-slova-yak-spalahujka-pridumuvali-radyanski-kvnniki-movoznavec/659778?mobile=true – Дата доступа: 23.08.2019.

В статье рассматриваются изменения в украинском правописании, обусловленные, главным образом, идеологическими установками, – освобождение от русскоязычных влияний, возвращение к исконно украинским нормам родного языка, стирание разницы между украинским языком на материковой Украине и украинским в диаспоре. При этом доказано, что в предложенном варианте достаточно ощутимое влияние норм польского языка.

***Ключевые слова**: язык, правописание, вариант, украинский, русский, польский, заимствования.*

In the article discusses changes in the Ukrainian language as reaction to social life development. These changes may be divided into two groups: objective and artificial that is ideologically preconditioned. The first group is derived from regularities of social development, for example, beneficiation of Ukrainian due to new technologies notions or negative social ones. The second one deals with the construction of lexical items not typical of the Ukrainian language. They are invented to replace lexical and grammatical items common for Ukrainian and Russian. Thus, instead of widely spread words we've got unnatural formations or loans from other languages (mainly from Polish or English).

***Keywords**: language, spelling, variant, Ukrainian, Russian, Polish, borrowings.*

С. Б. РЫСМАГАМБЕТОВА
Атырауский государственный университет имени Халела Досмухамедова, Казахстан

СЛЕНГ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖЕРОМА СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)

На тлі зростаючого негативізму в суспільстві, прагнення до звільнення від звичних норм розвивається і зміцнюється тенденція до відчуження від «формалізованого» суспільства і його установок, в тому числі і мовних, лексичних, формується соціалізована антагоністична свідомість – бути не як усі, що знаходить своє відображення насамперед у мові найбільш вразливої до нових культурних віянь соціальної групи – у мові молоді, що є об'єктом цього дослідження. Мета дослідження полягає в аналізі індикаторної функції сленгу, який виступає в ролі маркера соціального статусу. Поставлена мета визначила ряд завдань, вирішених в ході дослідження: розглянути різні підходи до поняття «сленг»; вивчити наявні класифікації сленгу; виявити соціальні групи, описані в романі «Над прірвою в житі»; визначити й описати сленгізми, характерні для певної соціальної групи.

Ключові слова: *сленг, функція, статус, соціальний, індикатор, негативізм, норма.*

Изменения в языке, их социальные причины и последствия – одна из интереснейших тем современной лингвистики. Одной из таких тем является молодежный сленг. Ведь сленг – это пласт речи и, следовательно, письменно специально не фиксировался. Поэтому, рассказывая о сленге прошлого, приходится опираться на художественную литературу, мемуары и устные воспоминания. Проникнув во многие сферы языка, сленг становится средством создания своеобразной экспрессии в литературе и кино и, главное, существенной частью повседневного языкового общения. Иногда некорректное использование просторечной и жаргонной лексики может нарушить коммуникацию, обидеть и даже оскорбить собеседника, вызвать определенную реакцию со стороны взрослых. К сожалению, подростки не всегда чувствуют неуместность того или иного словоупотребления. Поэтому изучение молодёжного сленга всё ещё остается актуальным не только с сугубо филологической, но и с общественно значимой точки зрения. Сленговые слова – это объективная реальность. Они не могут исчезнуть, раствориться в общем языке под влиянием отточенных норм литературного языка даже при большом желании. Между литературной нормой и реальным функционированием языка всегда есть большие или меньшие расхождения, степень которых зависит от исторического этапа развития общества, его социальной структуры, а также от особенностей языковой ситуации. В наши дни студенты мало читают, не занимаются самообразованием, не имеют достаточных знаний в области речевой культуры. Это проявляется в незнании основных понятий не только иностранного языка, но и казахского и русского. Более того студент не может выразить свою мысль из-за недостатка словарного запаса и отсутствия коммуникативных навыков. Одной из актуальных проблем культуры речи на современном этапе является чрезмерное употребление жаргонизмов.

Грамотность населения падает, и на смену ей приходит молодёжный сленг. В связи с развитием Интернета иностранные слова (например, «хайп», «лайк», «фейк» и т.д.) получают широкое распространение в современной обиходной речи. Диалектизмы, жаргонизмы, варваризмы, вульгаризмы и слова-паразиты вытесняют культурную речь и накладывают свой отпечаток на язык всей нации» … Культура речи — это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [1, с. 53]. «К великому сожалению, в наше

время под влиянием «вульгаризации» общественной жизни пропасть между правильной, грамотной речью и сленгом с каждым днем всё больше углубляется» [2, с. 75]. Нецензурная речь становится частью казахского менталитета? Речевая культура человека играет одну из главных ролей в межличностных отношениях. Молодёжный сленг 21 века приносит в язык всё то, что противоречит традиции. Он отражает речь СМИ, компьютерный жаргон, городские просторечия, английский язык и воровской жаргон. Наша молодежь зачастую уже не может общаться на словах, а на ножах, в буквальном смысле этого слова. Каждый день из уст медиа-ресурсов слышишь, как подростки режут друг друга. Казахстан назван одной из худших стран по воспитанию детей. А где наша казахская традиция: ребёнка с детства приучают к уважительному отношению к старшим, а также членов семьи друг к другу, то впоследствии ему вряд ли придёт желание выражать свои чувства с помощью нецензурщин и кулаками.

Причина многих экономических и политических трудностей, с которыми столкнулась наша страна в последние годы, состоит в заметном падении нравственного уровня общества. Мы утратили многие понятия о добре и милосердии, о терпимости к чужому мнению. Как никогда прежде общество наше нуждается в духовном возрождении, моральном развитии, в утверждении высокой нравственности. Это должно проявляться во всем, в том числе и в языке, в манере нашего повседневного общения и поведения, в понимании задач постоянного культурного совершенствования каждого из нас.

Высокий уровень речевой культуры – неотъемлемая черта культурного человека. Совершенствовать свою речь – задача каждого из нас. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложении. Нужно постоянно обогащать свои словарь, учиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции. Справедливо суждение Константина Паустовского, прекрасного русского писателя, истинного ценителя русского языка и его ревностного защитника: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, — дикарь. Он вредоносен по самой своей сути, потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа» [3, с. 68]. Проблемы культуры речи возникали на протяжении всей истории развития человеческого общества. Нормированный литературный язык современного общества нуждается в защите, мы должны беречь его от засорения жаргонизмами, вульгаризмами, штампами, иноязычными заимствованиями, от всего, что ведёт к его оскудению. В речи человека, как в зеркале, отражается его культура, воспитанность. Эстетика речи состоит в ее нормированности, то есть в подчинении определенным нормам (правилам)произношения, ударения, построения слов, словосочетаний, предложений.

Великий французский философ Вольтер говорил: «Прекрасная мысль теряет всю свою цену, если дурно выражена». С внедрением современных гаджетов, социальных сетей в практику жизни личное общение становится не таким важным и полным, каким оно было всего несколько лет назад. Молодежь гораздо легче общается и заводит друзей в интернете, порой проводя часами в общении с собеседником «онлайн», но при этом, ни разу с ним и не увидевшись, и не поговорив в жизни. Именно поэтому очень важно сформировать культуру общения того или иного человека еще с детства, чтобы она в дальнейшем только развивалась и помогала ему в межличностном взаимодействии. Формирование культуры общения – процесс очень сложный и трудоемкий. Как правило, он осуществляется в двух основных социальных институтах – в семье и школе. «Задача культуры педагогического

общения состоит в том, чтобы выработать основу общей культуры коммуникативного взаимодействия учащихся и студентов. В семье же за это отвечают родители. Им самим в воспитании и психологическом формировании детей помогает грамотно выстроенная речь» [4, с. 62]. Я думаю, что главную роль в борьбе за чистоту языка должны сыграть образовательные учреждения и педагоги. Учащиеся волей или неволей прислушиваются к речи учителей, подражают ей, копируют ее. Чем грамотнее и культурнее будут говорить учителя и педагоги, тем богаче станет речь и их подопечных. Немаловажное значение в борьбе с лингвистическим невежеством имеют книги. Молодому поколению следует читать. Читать как можно больше произведений Ивана Сергеевича Тургенева, Алексея Максимовича Горького, Михаила Афанасьевича Булгакова, Ивана Алексеевича Бунина... Нужно всем миром сказать «НЕТ!» речевому бескультурью. «…Но когда же наступит это время, время всеобщей борьбы с языковыми «хулиганами»? Или тотальная вульгарная речь поглотит язык Пушкина, Лермонтова и великого Толстого»? [5, с. 59]. Президент Касым-Жомарт Токаев предложил ввести в школах предмет «Абаеведение», наша молодежь не должна забывать о своем духовном наследии, целесообразно думаю будет проводить конкурсы на знание стихов современных классиков, проводить диктанты по всей стране, потому что у нас даже служители фемиды грешат тем, что делают ошибки в постановлениях, когда выносят приговор.

Любой современный язык – это достояние народа. Чистота и ясность языка напрямую зависит от тех, кто на нем говорит. Если мы будем относиться равнодушно к нашему родному языку, не соблюдать его нормы, то каким образом мы сможем передать это достояние последующим поколениям. Язык постепенно начнет исчезать, а за ним уже целый народ. Поэтому очень важно обращать внимание на культуру речи.

В современном мире начала набирать обороты тенденция разговаривать различными словами из разных иностранных языков. Англо-франко-русская речь чаще звучит из уст людей, которые как бы не отстают от моды, подобная речь – очень странная, некрасивая и порой бывает непонятная. Таких примеров огромное количество: сингл (single) – вместо «музыкальная композиция», чарт (chart) – вместо «рейтинг, популярность», плэй-оф (play-off) – вместо «вне игры», баттл (battle) – вместо «борьба, конкурс» и многое другое. Чаще всего заимствование слов происходит в музыкальной и спортивной сфере. Казалось бы, что это не несет в себе какую-либо опасность. Но именно этими сферами больше всего увлечена молодежь, привыкнув так разговаривать, такая речь быстро распространиться и следующему поколению. Возможно, что бывают моменты, когда не находится более точного подходящего слова, но любой язык достаточно богат, чтобы найти слово для того или иного предмета, понятия и явления.

Наиболее интересной представляется лексика, характеризующаяся в основном экспрессивной функцией. Изучение такой части лексики, которая представлена подростковым сленгом, и составляет цель данной статьи. Предметом исследования послужила группа слов, выделенная из лексики романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», в которой насчитывается не менее 256 слов и словосочетаний.

Как показало исследование фактического материала, сленг можно разделить на две группы.

Сленговые слова и выражения, широко употребляемые в разговорной речи. К этой группе были отнесены слова и выражения, которые характеризуются ярко выраженной фамильярной окраской, но тем не менее их употребление допустимо в разговоре образованных людей, особенно молодого поколения.

К этой группе относятся такие слова, как “dough, “buddy”, “to stink”, а также выражения типа: “to give somebody a buzz”, “to shoot the bull”, “to hit the ceiling” [6].

Вульгаризмы, или бранные слова.

К данной группе были отнесены вульгаризмы, то есть слова недопустимые в речи культурного англичанина. Частое употребление главным действующим лицом Холденом бранных слов придает его разговорной манере достоверность и делает её более эмоциональной. Например, эмфатический эпитет “goddam” (=“god-damned”) , который, наряду с “damn” , выступает в сочетании с существительными любого характера. Здесь и “subway”, “period”, “gray”, “pants” и “soccer”, и “Cadillac”, “Elkton Hills”, и многие другие.

К тому же у Холдена так много черт и поступков, которые читатель никак не может одобрить. Холден сам рассказывает о себе – что это за язык, изобилующий жаргонными словечками и бранью! Слово «сволочь» не сходит у Холдена с уст. Он ни к чему не питает почтения – ни к школе, ни к педагогам, ни к наукам, ни к отечественной истории. «Эта кретинская пушка там торчит, кажется, с самой войны за независимость», – небрежно замечает он, рассказывая, где он находился во время футбольного матча.

Весь текст книги выдержан в единой речевой манере, которая, прежде всего, характеризуется непринужденной разговорностью. Такая разговорность стиля персонажа достигается различными приемами, и основной из них – употребление коллоквиальных выражений и сленгизмов. Холден Колфилд в своей речи постоянно употребляет паразитические слова или словосочетания типа: “and all” – и все такое прочее. Например: “how my parents were occupied and all, they’re nice and all, he’s my brother and all” и др. Иногда вместо “and all” Холден прибегает к эквивалентным по своему общему значению, но более эмоционально-оценочным словосочетаниям типа: “and stuff” и “and crap”, которые, согласно стилистической стратификации английской лексики, относятся к сленгизмам. Например: “goddam chekups and stuff ”, “tickets and stuff”, while I was putting on my galoshes and crap”; “starches and crap”; “all that crap”. Кроме того, Холден также часто произносит слова типа or “something”, or “anything” – или что-нибудь такое, или что-нибудь в этом роде: “my whole goddam autobiography and anything, you were supposed to commit suicide or something” и т. д. Более эмоциональный вариант этого словосочетания выступает в таких примерах как “he was supposed to be a playwright or some godawful thing”, где эмоциональность усиливается благодаря употреблению сленгизма “godawful”. Сленгизация речи Холдена происходит на всех языковых уровнях, начиная с фонетического. Это выражается в так называемых сленговых отклонениях от нормы: 1. Отпадение конечного “g” в герундии и длительной форме глагола – “callin”, “comin”, “ hurtin”, “roughin”. 2. Стяжение безударного “them” – “cut’em”, “for’em”, “got’em”, “tell’em”. Речь подростка изобилует сленговыми выражениями. Для передачи понятия «трепаться, болтать» автор вкладывает в уста Холдена целый ряд синонимов: “shoot the bull”, “chew the rag”, “chew the fat”, “shoot the crap”, “shoot the breeze”. Вместо слова “ring”/”call” Холден употребляет сленгизм “give somebody a buzz”, вместо наречия “almost” – его сленговый эквивалент “damn near”. Например: “damn near sent a telegram”, “I damn near got my coat back”, “I damn near broke my knee”, “She was damn near yelling at me”. Вульгаризмы придают речи Холдена достоверность и делают ее более эмоциональной. Среди вульгаризмов/сленгизмов чаще всего встречаются существительные “ass” и “bastard”: “freezing my ass of”, “a nice old guy that didn’t know his ass from his elbow”, “lovely my ass”, “strange my ass”. Поскольку главный герой романа школьник, львиная доля сленгизмов относится к сфере образования. Школа, в которой учится Холден – “Pencey Preparatory School” – получает название “Pency Prep”, что напоминает о существовании в США целого пласта сленга, языка «preppies» [6]. 5. О своих академических неудачах Холден также говорит при помощи сленгизмов: “flunk the subject”, “get the ax”. Значительная часть сленгизмов, употребляемых Холденом и его сверстниками,

обозначает внешний облик человека и его личностные характеристики: “ hot-shot”, “guy”, “phony”, “slob”, “holler”, “snotty”, “crumb-bum”. Эти слова носят ярко выраженный оценочный характер, причем оценка всегда негативная. Примечательно, что отмеченные сленгизмы персонажи романа употребляли только в отсутствие того лица, которое ими характеризовалось. Т.е., носители языка воспринимают эти слова как оскорбительные и недопустимые, согласно правилам языковой корректности. Кроме того, сленгизмы употреблены в романе и для характеристики психо-эмоционального состояния человека, передачи модальности высказывания: “give somebody a feel”, “I’m not kidding”, “dopy”, “big bang”, “pretty run-down” и другие. Сленгизмами изобилуют также диалоги персонажей, что придает их речи эмоциональность, выразительность: “ cut it out”, “keep your yap shut”. Такие высказывания также не отличаются корректностью и немыслимы в устах воспитанного человека, что, однако, не означает отсутствия манер у говорящих, а свидетельствует о нарочитой грубоватости и даже вульгарности в поведении подростков, особенно юношей, которая считается своего рода шиком в их среде. Самыми распространенными сленгизмами являются те, что обозначают деньги и интимные отношения. Не явился исключением в этом плане и язык Холдена, который обозначал деньги словом “dough”.

В переводе Р. Райт-Ковалевой в восьми главах русского текста было найдено только 60 случаев употребления вульгаризмов, а у Максима Немцова в 2-х главах – 43 вульгаризма . Сравнивая с числом вульгаризмов в английском оригинале (а их насчитывается не более 256 (106 сленговых выражений и 150 вульгаризмов)23, можно отметить, что переводчики Райт-Ковалева и Немцов избегают частого употребления вульгаризмов, таким образом, перевод не всегда передает атмосферу романа и те особенности, которые присущи языку Дж.Д. Сэлинджера.

Во многих случаях Р. Райт-Ковалева вообще не переводит вульгаризмы. Или, например, переводит эмоционально-окрашенное “What the hellya reading?” нейтральным “Что ты читаешь?” В результате чего теряется пренебрежительный оттенок, который придает автор данной фразе.

Подобные неточности в переводе могли быть обусловлены наличием строгих цензурных ограничений во время опубликования русского перевода.

В советской литературе шестидесятых годов обильное использование вульгаризмов и бранных слов не допускалось, что и заставило переводчика заменять сленговые выражения нейтральными литературными аналогами.

Особенности разговорного русского языка шестидесятых годов объясняют и наличие в тексте устаревших сленговых слов и выражений типа : “вкручивать”, “выкомаривать”, “балда” и др. Некоторые слова вообще уже вышли из употребления, и молодой человек девяностых годов может даже и не понять их. Например, фраза “Will you cut out this crazy stuff?” переводится следующим образом: “Ты перестанешь “выкомаривать”?”, что в современном варианте разговорного русского языка звучало бы: “Ты перестанешь выпендриваться?” На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на точность перевода художественной литературы в большой степени влияют особенности временного периода его опубликования. Поскольку сленг является наиболее быстро изменяющимся функциональным стилем языка, то перевод разговорной речи, и сленга в частности, нуждается в обновлении и изменении в соответствии с современным вариантом языка.

Язык постоянно подвергается изменениям и, чаще всего, это изменения в функционально-стилистическом пласте языка, что всегда является актуальным. Интерес исследователей к лексике, придающей тексту экспрессивную окраску, особенно к такому

специфическому средству, как сленг, существовал всегда. И это вполне объяснимо, так как «сленг привлекает метафоричностью, выразительностью и «нетрадиционностью». [7, с. 82]. Сленговая лексика представляет собой достаточно большой слой лексики и обладает высокой употребляемостью. Её изучение способствует повышению языковой компетенции говорящих, развитию культуры речи и чувства коммуникативной целесообразности употребления языковых средств в различных сферах общения. Коммуникативный статус и языковая сущность английского просторечия представляют большой интерес как частный аспект актуальной проблемы «язык и общество», охватывающей определенную эпоху, с ее антиподом – нелитературной ненормативной речью. С изучением просторечной лексики связаны и другие вопросы, такие, как использование в речи и литературе эмоционально-экспрессивных средств различной стилистической и социальной окраски.

Литература

1. Кравченко А. И. Социология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Екатеринбург, 2012.
2. Кравченко А. И. Обществознание. Учебник. М., 2014.
3. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону, 1996.
4. Телия В. Н. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции. М., 2000. 236 с.
5. Демченко В. Е. Проблема снижения уровня культуры речи учащихся средних профессиональных учебных заведений // Студенческий: электрон. научн. журн. 2019. № 15.
6. «Над пропастью во ржи» : роман / Джером Д. Сэлинджер; [пер. С англ. Р. Райт-Ковалевой]. М. -СПб. 2011.
7. Беляева Т.М., Хомяков В. А. Infomal English [Нестандартная лексика английского языка]. Ленинград, 1985. 136 с.

На фоне растущего негативизма в обществе, стремления к освобождению от привычных норм развивается и укрепляется тенденция к отчуждению от «формализованного» общества и его установок, в том числе и языковых, лексических, формируется социализированное антагонистическое сознание – быть не как все, что находит свое отражение прежде всего в языке наиболее уязвимой к новым культурным веяниям социальной группы – в языке молодежи, является объектом данного исследования. Цель исследования заключается в анализе индикаторной функции сленга, который выступает в роли маркера социального статуса. Поставленная цель определила ряд задач, решенных в ходе исследования: рассмотреть различные подходы к понятию «сленг»; изучить имеющиеся классификации сленга; выявить социальные группы, описанные в романе «Над пропастью во ржи»; определить и описать сленгизмы, характерные для определенной социальной группы.

Ключевые слова: *сленг, языковой, лексический, функция, статус, социальный индикатор, негативизм, норма.*

Changes in the language, their social causes and consequences are one of the most interesting topics in Modern Linguistics. One of these topics is youth slang. After all, slang is a layer of speech and, therefore, was not specially recorded in writing. Therefore, talking about the slang of the past, one has to rely on fiction, memoirs and oral recollections. Having penetrated into many areas of the language, slang becomes a means of creating a kind of expression in literature and cinema and, most importantly, an essential part of everyday language communication. Sometimes the incorrect use of vernacular and slang vocabulary can disrupt communication and even offend the interlocutor, and cause a certain reaction from adults. Unfortunately, adolescents do not always feel the inappropriateness of one word or another. Therefore, the study of youth slang is still relevant not only from a purely philological, but also from a socially significant point of view. Slang words are an objective reality. They cannot disappear, dissolve in the common language under the influence of the perfected norms of the literary language, even with a strong desire. There are always greater or lesser discrepancies between the literary norm and the actual functioning of the language, the degree of which depends on the historical stage in the development of society, its social structure, as well as on the peculiarities of the linguistic situation.

Keywords*: slang, layer, linguistics, expression, norm, social, youth, functioning.*

Л. Р. СИДОРКОВА
Бухарский государственный университет, Узбекистан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВЫХ ПОРТРЕТОВ БУЛГАКОВСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Актуальність даної теми викликана важливістю дослідження засобів і способів представлення мовної характеристики персонажів художнього твору в світлі вивчення теорії мовної особистості. У статті розглядаються особливості використання стилістично маркованої лексики в мовній характеристиці героїв творів М. Булгакова.

Ключові слова: *стилістична маркованість, мовна характеристика, градаційний ряд, конотація, змішування стилів, стилізація, каламбур.*

В современной филологии существует большое разнообразие подходов как к определению понятия «портрет литературного персонажа», так и к характеристике способов его передачи. Эти проблемы рассматриваются в работах М.М. Бахтина, О.Г. Алюниной, Л.Г. Бабенко, Н.М. Гордеевой, Г.Г. Инфантовой, Л.П. Крысина, О.А. Мальцевой и мн. др.

Так, М. М. Бахтин, указывая на неполноту статичного живописания автором портрета героя, акцентирует внимание на манерах, походке, меняющихся тембре голоса и выражении лица как необходимых восполняющих элементах этого портрета [1, с. 17]. Эту точку зрения поддерживает и развивает О.А. Мальцева, определяющая словесный художественный портрет как одно из средств создания образа персонажа, состоящего из описания его внешности и включающего психологическую характеристику отдельных частей внешности – черт лица, мимики, фигуры, поз, жестов, движений, одежды [2, с. 5].

Особое место в создании художественного образа занимает его речевой портрет. Ведь особенности речевого поведения героя, включающего в себя использование языковых единиц разных ярусов и их разнообразие, этикетные формулы, речевые клише, прецедентные феномены и т.п., могут глубже и точнее осветить его душевное состояние, мотивировать его поступки и взаимоотношения с другими персонажами произведения, прогнозировать развитие сюжета. Этим обусловлена актуальность данного исследования.

Большой интерес с этой точки зрения представляет мнение О.Г. Алюниной, согласно которой под целостным речевым портретом языковой личности понимается иерархически организованная структура, которая включает следующие компоненты:

- социо-психолингвистический портрет, то есть социальные, психологические, биологические особенности, личные интересы и увлечения;
- особенности речевого портрета на системно-языковых уровнях;
- особенности речевой культуры – особенности коммуникативного поведения, учет фактора адресата, своеобразие лексики [3].

В контексте нашего исследования важна также точка зрения Л. П. Крысина, который считает, что «речевой портрет – это, прежде всего, индивидуально избираемые, отраженные в речи человека социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств» [4, с. 87].

Предметом нашего изучения является использование М. Булгаковым стилистически маркированной лексики в целях создания речевой характеристики персонажей. Для творчества данного писателя характерно тесное переплетение элементов комического, трагического, эпического, лирического, гротескно-фантастического. Все это с учетом многоплановости произведений М. Булгакова приводит к большому разнообразию приемов

употребления в них стилистически окрашенной лексики, которая активно используется для индивидуализации описания языковой личности каждого героя.

Одним из таких излюбленных приемов является **градационный ряд слов,** каждое из которых подчеркивает какую-либо одну черту характера героя (обычно отрицательную) и имеет отличительную коннотацию. Таким способом, например, Воланд в романе «Мастер и Маргарита» описывает Степе Лиходееву некоего Хустова:

– Вчера в кабинете у вас видел этого ***индивидуума*** (неодобр.) *мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он —* ***сволочь*** (бран.), ***склочник*** (неодобр.), ***приспособленец*** (презрит.) и ***подхалим*** (неодобр.) [5, с.408].

Иногда писатель вкладывает такой ряд слов в уста героя, дающего самооценку своим поступкам. Так, описывая в романе «Мастер и Маргарита» переживания Левия Матвея во время казни Иешуа и добиваясь правдивости и достоверности в передаче его душевных мук, М. Булгаков прибегает к прямой речи:

– О я ***глупец*** (укор.)! *— бормотал он, раскачиваясь на камне в душевной боли и ногтями царапая смуглую грудь, – глупец,* ***неразумная женщина*** (презрит.), ***трус*** (презрит.)! ***Падаль*** (уничижит.) *я..!* [5, с.479].

При чтении этих слов понятно, насколько велико горе героя, как беспредельно возрастает его отчаяние. Градационный ряд стилистически маркированных слов позволяет читателю оценить фанатическую преданность учителю и важность образа Левия Матвея как одного из сподвижников Иешуа, достойного «света».

Интересным приемом употребления стилистически окрашенной лексики у М.А.Булгакова является сталкивание **различных коннотаций одного слова в узком контексте.** Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда коннотация является индикатором социальной принадлежности, мировоззрения героя. Примером тому может послужить употребление существительного *товарищ*. Ставшее обычным в общении между людьми в советский период, употребляемое к месту и не к месту, это слово вызывает раздражение у представителей старой интеллигенции, что не могло не отразиться на его стилистической квалификации людьми с разным воспитанием и убеждениями. Как тонкий ценитель слова и хороший психолог, М. А.Булгаков отмечает в эту особенность в повести «Роковые яйца». Диалог профессора Персикова, представителя старого ученого мира, с Александром Семеновичем Роком, фанатиком строительства нового общества, действующим напролом, любыми средствами, показывает противостояние высокой образованности и оголтелости дилетантов, получивших доверие власти. С помощью разных коннотаций слова *товарищ* Булгаков подчеркивает всю глубину пропасти между этими социальными типами:

– Извиняюсь, – начал он [Рок], – вы же, ***товарищ****!..*

– Что вы все ***товарищ*** *да* ***товарищ****... – хмуро пробубнил Персиков и смолк ...* [5, с.61].

Аналогичную сцену, повторяющуюся с точностью наоборот, мы встречаем в повести «Собачье сердце», где темные инстинкты, пробуждающиеся в Шарикове и выразившиеся уже в формуле «взять все да и поделить», проявляются в очередной раз в его негативной оценке слова *господин:*

*– ...и я, и доктор Борменталь будем называть вас «****господин*** *Шариков».*

– Я не ***господин, господа*** *все в Париже! – отлаял Шариков* [5, с.227].

В этой сцене контраст между интеллектуальным началом и воинствующей необразованностью не просто создает комический эффект, но и окрашивается в трагические тона. «Господа все в Париже» по-шариковски – это неприкрытая угроза, это преддверие грядущих репрессий. Как видно из анализа, один штрих в коннотативной окраске слова позволяет М.А.Булгакову высветить глубокие общественные противоречия.

Важную роль в булгаковской прозе играет **смешение стилей.** Известно, что в языке художественной литературы могут использоваться элементы любых функциональных стилей, но у М.А.Булгакова их переплетение зачастую бывает преднамеренным, выступая как прием организации текста.

Смешение функциональных стилей отражает хаос жизни 20-х годов, наполненной глобальными экономическими и политическими преобразованиями. Например, в «Дьяволиаде» можно увидеть смешение канцелярского стиля с разговорно-просторечным. И ведущую роль в этом играют стилистически маркированные лексемы. Описывая метания маленького человека, делопроизводителя Короткова, в «машинной жути» бюрократизма, писатель вводит в канцелярский стиль сниженную лексику, что способствует созданию комического эффекта. Так, заведующий «Бюро лицензий», к которому Коротков обращается не иначе как «товарищ блондин», выдает ему справку:

Предъявитель *сего есть действительно* ***предъявитель****, а не какая-нибудь* ***шантрапа*** [5, с.27].

Подобного рода пародийные формулировки, демонстрируя всю уродливость и алогизм работы чиновничьего механизма, помогают М.А.Булгакову полнее выразить свое отношение к описываемому явлению.

В рассказе «Мадмазель Жанна» мы видим еще более пеструю картину. Личность (так Булгаков иронически называет прохвоста-ведущего), представляя «прорицательницу и медиумистку мадмазель Жанну из Парижа и Сицилии», старается как можно сильнее заинтриговать публику, показать свой высокий уровень кругозора и образованности. При этом в его речи смешиваются и научная, и публицистическая лексика, и канцелярские штампы:

– Все построено исключительно на ***силах природы с разрешения месткома*** *и* ***культурно-просветительной комиссии*** *и представляет собой* ***виталлопатию*** *на основе* ***гипнотизма*** *по учению индийских факиров,* ***угнетенных*** *английским* ***империализмом*** [5, с.167].

Глубокое невежество, звучащее в словах личности, – это не индивидуальная характеристика одного конкретного персонажа, это обобщение. Ведь ему внимает и аплодирует целый зал. Таким способом при небольшом объеме и относительной простоте сюжета в данном рассказе проявляются вторичные смыслы, скрытые в тексте под разностильным средствами.

Стилистическая маркированность играет у М. А. Булгакова важную роль и в приеме **стилизации**. Стилизация речи героя помогает писателю более отчетливо выразить эстетическую направленность произведения, дать речевую характеристику героя, добавить сатирическую струю в повествование и/или усилить комический эффект.

Чаще всего стилизация используется М. А. Булгаковым в прямой речи как средство комического, сквозь призму которого высвечиваются какие-либо характерологические черты героя. Такова, например, речь горничной Ксюшки из рассказа «Спиритический сеанс»:

– Заперлись они, ***девоньки****... Записывают про* ***инпиратора*** *и про большевиков... Жилец, барин, барыня,* ***хахаль ейный, учительша... Ланпы*** *потушили...* [5, с. 155].

Обилие разговорно-просторечных слов и словоформ в этом монологе увеличивается за счет просторечного же искажения звучания слов нейтральных: *император — инпиратор, лампы – ланпы.* Все это опосредованно, без авторских комментариев указывает на социальную принадлежность и уровень образованности героини.

Несколько иную роль играет стилизация в романе «Белая гвардия». Роман характеризуется эпическим размахом, многоплановостью и внутренней напряженностью повествования. Большое количество героев, главных и второстепенных, не всегда позволяет

давать им полную характеристику. Иногда это просто штрихи к портрету, содержащие явные «пробелы» в изображении. Тем не менее, даже при таком редуцированном описании в сознании читателя возникают четкие образы персонажей, чему способствует стилизация их речи. Таковы, например, капитан Студзинский, у которого при волнении все ударения переходят на предпоследний слог, выдавая его польское происхождение [6, с. 74-78], священник отец Александр с его церковно-книжной лексикой [6, С.8], эпизодические украиноязычные герои романа: молочница Явдоха [6, С.49], сотник Галаньба [6, с. 104-105], старик из деревни, принявший Мышлаевского за петлюровца [6, с. 18], мародеры, обобравшие квартиру Василисы [6, с. 180-185] и др.

Характерным приемом использования стилистически маркированных слов является **создание каламбуров** из слов со смысловым сдвигом, который, в свою очередь, вызывает и определенный сдвиг в стилистической окраске слова. Так, описывая встречу Берлиоза и Бездомного с Воландом в романе «Мастер и Маргарита», писатель обыгрывает полисемию и разницу в стилистической окраске значений существительного *история:*

– А-а! Вы ***историк****? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.*

– Я историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня на Патриарших будет интересная ***история****!* [5, с. 363].

В начале диалога употребляется слово *историк,* означающее специалиста по *истории* — науке о развитии человеческого общества. В этом значении существительное *история* стилистически нейтрально. Но в конце диалога мы наблюдаем сдвиг в семантике этого многозначного слова: *история* как рассказ, повествование, что придает ему разговорную коннотацию (по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова) и переводит разговор из серьезного русла в насмешливо-комическое.

Смысловая и последующая за этим стилистическая переакцентировка наблюдается также в сцене возвращения мастера и Маргариты домой после великого бала у Сатаны, когда мастер, пораженный увиденным, восклицает: «Нет, это *черт знает что такое, черт, черт, черт!».* Фразеологический оборот *черт знает что такое,* и восклицание *черт,* выражая в контексте сильное удивление, имеют яркую разговорную окраску. Но далее, в ответе Маргариты, мы сталкиваемся с каламбуром, основанным на параллельной омонимии фразеологического оборота и свободного словосочетания, с одной стороны, и омонимии частей речи – с другой, где слово *черт* получает роль самостоятельной номинативной единицы нейтрального характера:

– Ты сейчас невольно сказал правду, – заговорила она, – ***черт*** *знает, что такое, и* ***черт****, поверь мне, все устроит!* [5, с. 618].

Таким образом, речевая характеристика персонажей произведений М. Булгакова зачастую создается за счет использования стилистически маркированной лексики в таких приемах, как построение градационных рядов слов, сталкивание различных коннотаций слова в узком контексте, смешение стилей, стилизация речи, создание каламбуров со смысловым сдвигом. Эти особенности актуализации стилистически окрашенных слов в речи героев являются составной частью идиостиля писателя.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

2. Мальцева О. А. Семантико-стилистическая интерпретация словесного портрета и повторной номинации в художественном прозаическом тексте. Л., 1986.

3. Алюнина О. Г. Понятие речевого портрета с современных лингвистических исследованиях. URL https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=1

4. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Крысин Л. П. Русское слово свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

5. Булгаков М. Записки покойника. Ташкент, 1990.

6. Булгаков М. Избранное. Ташкент, 1989.

Актуальность данной темы вызвана важностью исследования средств и способов представления речевой характеристики персонажей художественного произведения в свете изучения теории языковой личности. В статье рассматриваются особенности использования стилистически маркированной лексики в речевой характеристике героев произведений М. Булгакова.

Ключевые слова: *стилистическая маркированность, речевая характеристика, градационный ряд, коннотация, смешение стилей, стилизация, каламбур.*

The relevance of this topic is determined by the importance of studying the means and methods of presenting the speech characteristics of characters in a work of fiction in the light of studying the theory of language personality. The article discusses the features of using stylistically marked vocabulary in the speech characteristics of the characters of M. Bulgakov's works.

Keywords: *stylistic marking, speech characteristics, gradation series, connotation, mixing of styles, stylization, pun.*

О. Е. СИНЯВСКАЯ

Киевский национальный лингвистический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН В КАЧЕСТВЕ КОММЕРЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

У статті розглядається використання трансонімізації антропонімів для комерційних найменувань. Вживання в якості назв імен та прізвищ власників, близьких їм людей, відомих особистостей продуктивно використовується у сучасній комерційній сфері. Трансонімізація може бути простою та аллюзійною. Прізвища, як і більшість власних назв знаходяться поза номінальною семантикою. Виступаючи в якості комерційних найменувань, прізвища піддаються ряду ономастичних трансформацій і починають сприйматися по-іншому. Прізвища, стаючи назвою товару, починають виконувати ряд різних функцій: рекламну, інформаційну, функцію охорони власності та гарантії якості.

Ключові слова*: комерційне найменування, трансонімізація, антропонім, власна назва.*

Стремительное развитие процессов номинации в коммерческой сфере стало заметным явлением современной действительности. Члены социума знакомятся с результатами этих процессов либо непосредственно, в процессе приобретения потребительского опыта, либо опосредованно, благодаря различным рекламным кампаниям. Постоянное увеличение количества наименований товаров и необходимость в разработке новых эффективных номинаций способствует тому, что наряду с изучением таких традиционных для лингвистики пластов онимической лексики, как антропонимия и топонимия, актуализируется направление коммерческого нейминга, объектом которого являются коммерческие имена, долгое время находящиеся на периферии научных исследований.

Именно этот разряд онимов является сегодня наиболее активно развивающимся сегментом ономастического пространства и выступает в качестве объекта изучения в работах многих исследователей (А. Л. Василевский, Н. А. Гусейнова, К. А. Дзюба, Т. В. Евсюкова, З. П. Комолова, И. В. Крюкова, Г. С. Куликова, М. Е. Новичихина, О. Б. Сиротинина, Н. А. Стадульская, Н. В. Слухай, Н. Л. Шведова, Т. В. Шмелева и др.).

Ряд лингвистических трудов посвящен анализу современных коммерческих наименований на материале английского, испанского, итальянского, казахстанского, немецкого, русского, украинского, французского, чувашского и других языков (Ван Мяо, К. А. Дзюба, А. А. Исакова, К. Р. Исянов, В. Ю. Кожанова, Ж. Б. Кошпанова, Н. Г. Мордвинова, Н. А. Стадульская, О. С. Фоменко, О. В. Чеботарева, Н. Л. Шведова); в лингвокультурологическом, лингвопрагматическом, социолингвистическом, семиотическом, семантическом, функциональном, философском, логико-методологическом аспектах (О. В. Винарева, О. В. Глухова, Ю. А. Грушевская, И. М. Копыленко, М. В. Садохова, Н. А. Стадульская, Е. В. Трифонова, И. И. Файзуллина, А. А. Чернобров, О. Е. Яковлева); в контексте рекламной, юридической и производственно-экономической коммуникации (Д. Аакер, К. Дж. Веркман, Ж.-Н. Капферер, Ф. Котлер, М. Линдстром, Д. Огилви, Л. М. Паркер, К. Платен, Э. Райс и Л. Райс, Дж. Траут, А. Уиллер, Г. Чармессон и др.).

Трансонимизацией называется «частный случай онимизации, когда оним одного разряда переходит в другой» [Подольская 1988, с. 138], при этом происходит изменение значения слова, которое теряет свою семантику и приобретает новое, ономастическое значение.

Трансонимизация может быть простой (например, «*Аксинья*» (вода), «*Артемка*» (коктейль), «*Данило*» (квас), «*Лидия*» (вино), «*Мэри*» (конфеты)) и аллюзивной, когда в качестве названия используется имя собственное «с устойчивым ассоциативным содержанием, с общим фоном известности, знаменитости» [Крюкова 2011, с. 267], апеллирующая к некоему культурному, литературному, историческому, мифологическому или политическому факту. К аллюзивной трансонимизации, как правило, принадлежат названия, основанные на личных именах исторических, политических, культурных деятелей, ученых (например, *«Горбачев»* (водка), «*Хемингуэй*» (коктейль), *«Чайковский»* (водка)) и названиях художественных произведений, фильмов, сказочных, мифических и литературных персонажей (например, *«Баба Яга»* (шоколад), *«Геракл»* (водка)). Употребление в качестве названий подобных имен оказывает определенное прагматическое воздействие на потребителя, поскольку, как отмечает У. А. Уварова, коммерческая реклама, содержащая аллюзивные имена, «навязывает реципиенту ассоциацию двух, в принципе изначально не связанных между собой понятий, одно из которых — конкретная марка, а другое — некий образ, затрагивающий определенные струны души» [2002, с. 92]. Аллюзивные антропонимы оказывают воздействие на потенциального потребителя за счет апелляции к эмоциональной памяти и узнаванию. При этом, как отмечает И. В. Крюкова, «для «захвата» аудитории узнавание гораздо важнее сознательного согласия с прямыми и однозначными утверждениями отправителя сообщения» [2011, с. 269].

Трансонимизация антропонимов, то есть использование в качестве названий имен и фамилий владельцев, близких им людей, членов их семей, является одним из продуктивных способов создания коммерческого наименования.

Наиболее продуктивно данный способ реализуется в семантической модели «фамилия производителя на *-ов/-ев, (-ин)* → коммерческое наименование». Это обусловлено, с одной стороны, возвратом к дореволюционным традициям именования продукции, когда фамилия производителя служила своеобразным гарантом качества товара, с другой – прагматическим указанием на предприятие с давней историей. Так, на рынке алкогольной продукции вслед за водкой «*Smirnoff*» появилось пиво «*Тинькофф*», «*Бочкарев*», «*Солодов*», «*Бобров*», водка «*Nemiroff*», вино «*Пьянкоff*». Затем данная модель распространилась и на другие товарные категории продуктов питания (например, конфеты «*А. Коркунов*», карамель «*Савинов*»). Таким образом, основной функцией данных наименований стало указание на стабильность, верность традиции, престижность и коммерческий успех производителя, а следовательно, и его продукции.

В качестве наименований, созданных по данной модели, используются как фамилии реальных (например, водка «*Смирновъ»,* пиво *«Тинькофф»,* конфеты *«Коркунов»*), так и вымышленных (конфеты «*Савинов»*) основателей или производителей товаров. Номинации могут быть оформлены в зависимости от интенций номинатора нейтрально (*-ов/ев*) или в стилизованном написании (*-офф, -off, -овъ/ -евъ*).

Иногда фамилию производителя дополняет имя (например, пиво «*Николай Синебрюхофф*»), титул (например, пиво «*Граф Румянцовъ*», «*Графиня Фирсова*», «*Пан Хмелевский*»), семейное положение (например, вина «*Вдова Клико*»), что также служит цели создания эффекта реальности существования собственника товара.

Употребление в качестве названий экзотических имен связано с дополнительной функцией – указанием на национальную принадлежность владельца предприятия (например, коньяк *«Жан-Жак», «Сараджишвили»*).

В номинациях, образованных с помощью суффиксов *-ов/-ев, -ин/-ын* и их графических вариаций, основную роль играет функциональный аспект аффиксов, которые традиционно оформляют русские фамилии, тогда как их исходное притяжательное значение замещается значением характеризации или предназначения (например, чай «*Заваркин*» – не «*принадлежащий заварке*», а «*предназначенный для заварки*»). Корневая морфема может прямо, ассоциативно или образно называть товарную категорию именуемого продукта (например, пиво «*Бочкарев*», «*Бухарин*», вино «*Пьянкоff*»), его состав (например, пиво «*Солодов*», вино «*Виноградов*», соки и нектары «*Яблочкин*») и назначение (например, квас «*Утоляев*»).

Подобные номинации являются переходным звеном от личных фамилий к значимым неологизмам: они отождествляются с фамилиями, но при этом содержат семы, относящиеся к ассоциативному ядру определенной товарной категории.

Данное явление Ю. В. Сергаева интерпретирует как факт начального этапа семантизации коммерческого имени. Она установила, что имена собственные «оказываются способными не только к референции, но и к описанию классообразующих признаков денотата» [1998, с. 13]. Так, при использовании в номинативном акте присвоения названия имен собственных, не имеющих доономастического значения, происходит процесс их дополнительной денотации, когда, становясь названиями продуктов определенной товарной категории, они приобретают способность за счет своего плана выражения сообщать потребителю информацию о характере денотата.

Имена собственные также могут обладать фоновыми оттенками значений, отражающими отличительные свойства денотатов названий: например, для коммерческих номинаций, образованных по модели «фамилия производителя на *-ов/-ев, (-ин)* → коммерческое наименование», характерны дополнительные семы: «традиционность», «высокое качество», «ответственность производителя за выпускаемую продукцию».

В названиях водки *«Граненыч»,* «*Елыч-Палыч*» и сока «*Иваныч*» используется разговорный суффикс *-ыч*, который участвует в формировании номинаций, представляющих собой стилизацию под мужские отчества. В сумме с усечением слога этот способ придает наименованиям дополнительный фамильярный оттенок, уместный для данных напитков, так как именуемые товары предназначены, в основном, для бытового, домашнего использования.

Стилизация под личные имена и отчества активно используется при создании коммерческих наименований, например: конфеты «*Алыча Ибрагимовна*», «*Вишня Владимировна*», «*Инжир Кириллович*», «*Клубника Николаевна*», «*Миндаль Иванович*», «*Чернослив Михайлович*», «*Изюм Васильевич*», «*Курага Петровна*», «*Орех Сергеевич Грецкий*». При этом происходит персонификация коммерческого имени и, таким образом, в игровой форме осуществляется указание на составной компонент именуемого товара.

С помощью подобных коммерческих наименований производители не только указывают на состав кондитерских изделий, но и выгодно выделяют свой товар из ряда однотипных: «Чтобы … сладости всегда узнавались в лицо, лица и имена для них были придуманы в буквальном смысле» [Упаковка и названия сухофруктов и орехов в шоколадной глазури «Озерского сувенира»].

Использование в качестве коммерческого наименования личных имен и фамилий производителей имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К первым можно отнести то, что такие названия могут указывать потребителю на стабильность, верность традициям, престижность, коммерческий успех фирмы-производителя: «Неоценимое прагматическое удобство собственных имен как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта» [Ермолович 2001, с. 38].

Как отмечает И. В. Крюкова, «внутренняя форма некоторых фамилий обладает потенциальной возможностью вызывать благоприятные ассоциации, что способствует развитию у названия положительных коннотаций. Это свойство названий активно используется в рекламных целях и обеспечивает их жизнеспособность» [2002, с. 101-102].

Однако при создании подобных названий следует учитывать репутацию владельца фирмы, поскольку довольно часто его личные качества могут экстраполироваться на продукцию, что может как положительно, так и негативно влиять на ее продвижение на рынке. Также следует принимать во внимание то, что фамилии, как и большинство имен собственных, составляющих ядро ономастического поля, находятся вне нарицательной семантики. Выступая в качестве коммерческих наименований, фамилии подвергаются ряду ономастических трансформаций, их нарицательные основы начинают восприниматься по-другому. Фамилии, становясь названием товара, начинают выполнять ряд различных функций: рекламную, информационную, функцию охраны собственности и гарантии качества.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. 192 с.

2. Крюкова И. В. Имена собственные в современной российской рекламе. *Рекламный дискурс и рекламный текст: Коллективная монография*; науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М., 2011. 296 с.

3. Уварова У. А. Фоновые знания в рекламе. *Чествуя филолога: к 75-летию Ф. А. Литвина*. Орел, 2002. С. 90–96.

4. Сергаева Ю. В. Семантические механизмы вторичной сигнификации и ее виды: Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб, 1998. 18 с.

5. Упаковка и названия сухофруктов и орехов в шоколадной глазури «Озерского сувенира». URL: http://www.artlebedev.ru/everything/os/sweets/ (Дата обращения 14.11.2020)

6. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001. 198 с.

7. Крюкова И. В. Типы ассоциативных реакций при восприятии коммерческих номенов. *Методы современной коммуникации*. Вып. 1. М., 2002. С. 119–127.

В данной статье рассматривается использование трансонимизации антропонимов в качестве коммерческих наименований. Употребление в качестве названий имен и фамилий владельцев, близких им людей, известных личностей является продуктивным в современной коммерческой сфере. Трансонимизация может быть простой и аллюзивной. Фамилии, как и большинство имен собственных, составляющих ядро ономастического поля, находятся вне нарицательной семантики. Выступая в качестве коммерческих наименований, фамилии подвергаются ряду ономастических трансформаций, их нарицательные основы начинают восприниматься по-другому. Фамилии, становясь названием товара, начинают выполнять ряд различных функций: рекламную, информационную, функцию охраны собственности и гарантии качества.

***Ключевые слова**: коммерческое наименование, трансонимизация, антропоним, имя собственное.*

The article explores the use of transonymization of anthroponyms as commercial names. The use of names and surnames of owners, people close to them, famous personalities as commercial names is productive in the modern commercial sphere. Transonymization can be simple and allusive. Surnames, like most proper names, are outside the common noun semantics. Acting as commercial names, surnames undergo a series of onomastic transformations, and are perceived differently. Surnames, becoming the name of a product, perform a number of different functions: advertising, information, property protection and quality assurance.
***Keywords**: commercial name, transonymization, anthroponym, proper noun.*

Н. Ж. УМБЕТОВА
Термезский государственный университет, Узбекистан

ЧУВСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ О. О. СУЛЕЙМЕНОВА

Статтю присвячено семантико-стилістичним особливостям поетичного тексту казахського поета О.О Сулейменова. Обгрунтовано вибір теми тим, що почуття національної самосвідомості О. О. Сулейменова яскраво виражається в лексичному ладі мови. Поезія О. О. Сулейменова багата на різноманітні слова і вирази тюркського походження. Описано, що це відбулося внаслідок взаємовпливу мови і культури письменника. Автор доводить, що О. Сулейменов поєднує тюркські елементи з російськими мовними зворотами, використовує художньо-зображальні засоби, що виходять за межі російської поетики.

Особливу увагу було приділено лексиці російської і казахської мов.
***Ключові слова:** поезія, національна самосвідомість, свобода, батьківщина, російсько-казахський, казахсько-російський білінгвізм.*

О.О. Сулейменов – казахский поэт, имя которого известно не только на его родине, но и далеко за её пределами. Его широко известные поэтические сборники «Ночь-парижанка», «Год обезьяны», «Аргамаки», «Глиняная книга», «Солнечные ночи», «Определение берега» и другие пользуются огромной популярностью среди читателей. Каждое его поэтическое произведение, своего рода гимн любви к казахскому народу, к обычаям, традициям и к природе Казахстана.

«…О.О. Сулейменов – выдающийся поэт, ученый, дипломат, философ, человековед. В последние несколько десятилетий им были написаны и изданы крупные научные работы, касающиеся истории всего человечества в прошлом, в настоящем и в будущем, его генетического единства в древности, как по звуковому языку, так и письменному языку. Эти работы носят лингво-поэтико-историко-философский характер: Язык письма» [1, с. 150].

Произведения выдающего поэта сами рассказывают о трепетном отношении поэта к родному народу: культуре, к чувствам, образу жизни, традициям, обычаям и т.д. Все вышеперечисленные особенности мы можем увидеть в стихотворении «Возвращение»: «… Пока я поднимался на корабль, / мне грубо подарил мой друг-араб / портфель с талмудом, торой и кораном, / он счастлив был, увидев, что я рад. / Ещё халат золототканый шейха, / чалму зелёную, платок на шею. / Жена его, прощаясь, Хадиша, / лицо открыв, сказал мне: / «Хаджа» … / Я рад всему: / тому, что уезжал, / тому, что возвращаюсь, / что достал я / пращу средневековую, / кинжал, / дамасской, синей, легендарной стали. / В Москве я вспомнил, / что не взял земли. / Священной пыли горсть - / с полей аллаха. / Ждёт не дождётся бабушка Зали! / Не привезу – старуха будет плакать. / Горсть пыли из цветочного горшка - / в платок, / в портфель с библейскими вещами, / горсть жёлтого земного порошка! / Земля везде, по-моему, священна. / Я рад тому, что выполнил обет. / (Любой хаджа / обманщик и пролаза.) / Не ахай, бабушка, чтоб не накликать бед, / и не любуйся внуком, / чтоб не сглазить! / Убережёт от злобы и от зла, / от родичей недобрых, / от обмана / священная московская земля, / зашитая старухой в талисманы» [2, с. 150]. В стихотворении поэт смог выразить, описать

и передать не только любовь к родине, но и менталитет казахского народа. Каждая строчка стихотворения, доказывает тот факт, что чувство национального самосознания писателя очень развито в душе поэта. Индивидуально-авторская особенность О.О. Сулейменова творить на русском языке, стала уникальной и неповторимой в творчестве писателя. Так как, создавая произведения на русском языке, у него появилась прекрасная возможность познакомить русский народ с культурой, обычаями и языком родной нации.

«Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, исстари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского» [3, с. 329].

Олжас Сулейменов истинный патриот своей Родины, он учит нас уважать своё наследие, которое оставили нам наши предки, и нести ответственность за свои поступки перед потомками. Человек, любящий своё отечество, испытывает огромную нравственную ответственность перед людьми будущего. Художественный мир писателя неотделим от его родной земли, почти в каждом произведении присутствуют выражения, традиции, культура казахского народа. Это ярко подчёркивается в стихотворениях: «Махамбет», «На площади Пушкина», «Смерть Назыма Хикмета», «Про Асана Невезучего» и многие другие.

Герои О. О. Сулейменова выступают как умные, гордые, добродушные, щедрые, благородные личности. В каждом обращении Олжаса Сулейменова к своему герою, народу звучит призыв к смелости и активности: «Каждый, если он человек, хотя бы раз должен выиграть. Будь скромным в быту. Будь нескромным в боксе, в науке, в работе, в войне. Разве были скромными в бою за Родину наши Алия, Маншук, Бауржан?! Если сохраним своих поэтов гордыми, я скажу, что ты велик, мой народ, мой герой!» [4, с. 16]. Его герои уникальны и неповторимы по своему характеру. Даже в самых сложных обстоятельствах они не падают духом, отчаянно бьются за свою свободу и никогда не сдаются. Это объясняется тем, что свободолюбие и самоотверженность уже в крови казахского народа. Поэтическим слогом О. О. Сулейменов выразил эти качества в стихотворении «Красный гонец и чёрный гонец» (стихотворение даётся в сокращении): «Перелески, холмы, задыхается конь, / без дорог, напрямик/ мчит весёлый гонец,/ пот солёный корою застыл на лице,/ он сменил пять коней,/ пять коней, пять коней./ Сбросил кованый шлем,/ бросил кожаный щит,/ меч остался в полыни, копьё - / в ковылях,/ лук бухарский в песках Муюнкумов/ лежит./ И ржавеет кольчуга в хлопковых полях./ Только знамя в руке!/ Полуголый гонец/ знак победы – багровое знамя – не бросил./ Это знамя дало ему семь коней,/ семь коней,/ семь коней/ тонконогих и рослых./ Это знамя поило айраном его,/ на привалах валило под ноги баранов,/ беки жарко дарили ему - / ог-го!-/ лучших девушек, плачущих, но не упрямых!/ Но упрямый гонец на привалах не спал./ «Славься, город, прославленный арыками!../ Поздравляю с победой!..»/ Тогда он упал,/ закрывая скуластую морду/ руками…/ Ваша радость, народ, - / это слава его!/ Пусть о нём говорят на орлиных охотах./ Слава!/ Слава гонца,/ громче славы бойца,/ где-то павшего без вести за свободу.

Разве ты виноват,/ что ты чёрный гонец?/ Разве ты виноват?../ Враг идёт в Бесшатыр./ Он стотысячным топом линчует аулом,……/Прячься глиняный город!.. Умри, моя мать!../ Дед кончай свою долгую жизнь, не тяни,/ пока честен, влетай в своё небо стрелой./ Жёны, жёны, бросайте детей со стены!/ Пейте яд! Обливайтесь кипящей смолой!» [2, с. 129-130].

Выше мы уже говорили о страстной любви казахского народа к свободе. Стихотворение «Красный гонец и чёрный гонец» лишний раз подчёркивает, тот факт, что высшей ценностью для казахов - свобода. В стихотворении гонец обращается к своему горячо любимому народу: ... *Прячься глиняный город!.. Умри, моя мать!../ Дед кончай свою долгую жизнь, не тяни,/ пока честен, влетай в своё небо стрелой./ Жёны, жёны, бросайте детей со стены!/ Пейте яд! Обливайтесь кипящей смолой!»* Что мы видим? Мы видим, что герой данным высказыванием, желает своим братьям и сёстрам сохранить честь, достоинство и свободу

ценой своей жизни. Так как если враг наступит, он никого не пощадит ни женщин, ни детей, ни стариков. Обратим внимание на параллель, которую провёл поэт между красным и чёрным гонцом. Красный гонец – это человек, принёсший благие вести, а чёрный гонец, напротив, – худые вести. Герой сожалеет о том, что ему пришлось стать чёрным гонцом. Это стихотворение, производит необыкновенное впечатление на читателя. Присутствие иноязычных слов тюркского происхождения, таких как айран, беки, арыки, аулы помогают О. О. Сулейменову расширить горизонты познания русско-казахской поэзии. Обогащая русскую поэзию словами родного языка, тем самым поэт знакомит русский народ с казахской культурой. Присутствие в русской поэзии слов тюркского происхождения наполняет текст новым смысловым содержание. Так как это есть:

« … результат сплава генетического (казахского) и негенетического (русского), но функционально доминирующего билингвального сознания писателя, что сформировало единое поэтическое начало. В сознании писателя-транслингва две языковые стихии, две национальные картины мира не конфликтуют, а глубинно взаимообогащаются, сливаются в одно целое — сулейменовское видение мира, в сулейменовское когнитивно-стилистическое содержание» [4, с. 527].

Он знакомит русского читателя со словами, фразеологизмами, словосочетаниями горячо любимого народа. На первый взгляд – это обычные выражения, но, если посмотреть на них с эстетической стороны, они мгновенно наполняются глубоким смысловым содержанием, способных взволновать душу. Например, замечательное стихотворение «Айналайн»: «…Кружись, айналайн, Земля моя!/ Как никто,/ я сегодня тебя понимаю, / все болезни твои/ на себя принимаю,/ я кочую, кружусь по дорогам твоим…» [2, с. 151];. Слово «айналайн» - это обращение казахов к дорогому человеку. Смысловой перевод: «принимаю твои болезни», «любовь моя». Казахский народ очень серьёзно относится к значению этого выражению, так как есть поверье, что если человек произнесёт слово «Айналайн» возле тяжелобольного человека, он может на самом деле «принять на себя болезнь». И поэтому людям, не знающих значение «айналайн», не позволяли произносить это слово. По сей день верующие люди в приметы, строго запрещают детям бегать вокруг человека. О.О. Сулейменов при изображении казахского народа, не забывает и о внутреннем мире героев, их эмоциональном состоянии. Он с удивительной чёткостью воплотил в своём поэтическом тексте истинный характер казахского героя. На примере рассмотрим следующее стихотворение (текст дан в сокращении): «…Одна война окончилась другой, / Мой дядя, брат отца, ушёл на фронт. / Ушёл он добровольно? Я не помню. / Но помню – от бессонницы ушёл, от белых окон / И ночных испугов, / От резких тормозов на повороте. / О шёл с мешком вдоль пыльного арыка, / А я бежал, цеплялся и просил / Взять в плен фашиста, / Если он не сдастся, - / Ударить шашкой, / Или так - на штык, / Или ногой в живот - / Пусть будет больно, Порезать руки, / Чтобы кровь хлестала… / Он сбоку поглядел в мои глаза, / Дед хмуро кашлял и плевал под ноги…Всё реже в домик приходили письма, / Потом пришло одно./ В нём говорилось: / Мой дядя пал хорошей смертью храбрых. / А не понял, / И был счастлив я, / Увидел слово храбрый. / Дед не плакал. / Решил старик, застенчивый, угрюмый, / Проехать полстраны с голодным внуком, / Чтоб разыскать средь тысячи могил / Могилу сына. / Дед не разрешал / Сынам своим лежать в чужой земле…» [2, с. 59].

В стихотворении поднимаются глубокие вопросы. Изображается контрастное отношение старшего и младшего поколения, а также восприятие ребёнка и отца на уход сына. Ребёнок ещё не понимает, что такое война! Какие несчастья и разрушения несёт это на вид простое слово! В голове ребёнка возникают образы героев, которые не знают страха и всегда готовы пожертвовать собой. Но он совершенно не представляет, сколько боли приносит война. Какой это ужас, когда приходиться видеть, как умирают близкие люди, товарищи, друзья и т.д. И вот здесь поэт прекрасно рисует характер отца мальчика.

Это человек, который уже повидал жизнь. Он прекрасно понимает, куда уходит сын, он глубоко расстроен, но пытается скрыть это под хмурой маской. Да и какой отец сможет равнодушно к этому отнестись? Он понимает, что сын, уже взрослый и вправе принимать самостоятельные решения, поэтому он не пытается остановить его. Когда он узнаёт о том, что его сын погиб и похоронен далеко от родной земли, он незамедлительно собирается и едет на могилу к сыну. Отец никак не может смириться с той мыслью, что его сын похоронен на чужой земле. Он решает забрать тело сына и похоронить на Родине. Данный поступок отца доказывает истинную любовь к сыну! Он не может оставить сына там, далеко, одного лежать в сырой земле. Он хочет, чтобы сын был похоронен рядом со своими родными, чтобы ему не было одиноко, чтобы он всегда был рядом! Люди осуждали отца, но он ни на секунду не изменил своего решения: «…И злая, как соседка. Я запомнил. / Мой дед не обращал на них вниманья, / Он снял бешмет и, обойдя могилу, / Вонзил лопату в глиняный бугор. И женщины вдруг обступили деда, / Та, что была с румяными щеками, / Сказала. Я запомнил. / - Разве можно… / Здесь восемнадцать человек лежат. / Мой дед уже чуть понимал по-русски, / Он осторожно вытащил лопату, Рукой погладил рану в чёрной глине / И вытер руку о сухой сапог. / Мы просидели день у тихой речки. / До темноты следили ребятишки. / Дед плача, пел арабскую молитву, / А я гонял травинкой муравьёв» [2, с. 60]. Только человек, который почитает предков, уважает старших и с огромным почтением относится к наследию предков, может так необыкновенно передать состояние своего лирического героя. Поэзия О.Сулейменова призывает читателей к внимательному изучению каждого прочитанного слова, и придавать ему особое значение как основному доказательству доисторического прошлого.

Из вышесказанного мы можем с уверенностью сказать, что О.О. Сулейменов ни на минуту не изменяет своим духовным ценностям, он остаётся подлинным поэтом-казахом, который изложил казахскую лиру в русской поэтическом слоге.

Литература

1. Джусупов М. Лингво-поэтико-историко-философская высота высокой личности и многогранность таланта. Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 346-361.

2. Сулейменов О. Определение берега. Стихи и поэмы. Алма-Ата, 1976. 456 с.

3. Мартынов Л. Вместо предисловия // Сулейменов О. Определение берега. Избранное. Стихи и поэмы. Алма-Ата, 1976. С.3-10.

4. Олжас и Я. Книга вторая. М., 2018. 496 с.;

5. Джусупов Н. М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвижения в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 3. С. 519-530.

Статья посвящена семантико-стилистическим особенностям поэтического текста казахского поэта О.О. Сулейменова. Выбор данной темы объясняется, тем что, чувство национального самосознания О.О. Сулейменова ярко выражается в лексическом строе языка. Поэзия О.О. Сулейменова богата разнообразными словами и выражениями тюркского происхождения. Автор объясняет, что данное явление произошло вследствие взаимовлияния языка и культуры писателя. О.О. Сулейменов доказал, что в своих произведениях может в совершенстве владеть и уметь эстетически пользоваться материалом этнически неродного языка. Показано, как О. Сулейменов сочетает тюркские элементы с русскими оборотами речи, использует художественно-изобразительные средства, выходящие за пределы русской поэтики.

Особое внимание было уделено лексике русского языка и лексике казахского языка.

Ключевые слова: *поэзия, национальное самосознание, свобода, родина, русско-казахский, казахско-русский билингвизм.*

The research article discusses the semantic and stylistic features in the poetic text of the Kazakh poet O.O. Suleimenov. The choice of this topic is explained by the fact that the sense of national identity of O. O. Suleimenov

is clearly expressed in the lexical structure of the language. Poetry by O.O. Suleimenov is rich in various words and expressions of Turkic origin. The author explains that this phenomenon occurred due to the mutual influence of the language and culture of the writer. O.O. Suleimenov proved that in his works he could perfectly master and was able to aesthetically use the material of an ethnically non-native language. In this case, the main feature is not the writer's belonging to any national literature, but the style and language of the artistic design of the works. The author, using specific examples, shows how O. Suleimenov combines Turkic elements with Russian figures of speech, uses artistic and visual means that go beyond Russian poetics.

The author sets the goal of studying semantic and stylistic features of O. O. Suleimenov's poetry. The theoretical results of the research can be used in Lexicography, in practical classes and lecture course of Lexicology. The scientific novelty of the research lies in the fact that the analysis of semantic and stylistic features in the functional and semantic aspect is carried out for the first time.

Special attention is paid to the vocabulary of the Russian language and the vocabulary of the Kazakh language. It is shown that the Russian language has a distinctive property of capacity, and this is an expressive feature of the entire Russian vocabulary.

***Keywords**: poetry, national identity, freedom, homeland, Russian-Kazakh, Kazakh-Russian.*

Д. З. ЧОРАКУЛОВА

Бухарский государственный университет, Узбекистан

БИБЛЕИЗМЫ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В ЖИЗНИ

Статтю присвячено проблемі вживання новозаповітних фразеологізмів у ЗМІ. Фразеологія новозаповітного походження з її образною системою, яскравою виразністю і глибоким моральним змістом аж ніяк не є застиглою масою застарілих слів. Інтерес до біблійних виразів останнім часом не тільки не згас, але навіть посилився. Наслідком цього стало збільшення питомої ваги біблеїзмів в новітніх словниках і довідниках, у живій повсякденній, особливо публіцистичній, мові. Виявляється навіть тенденція до зловживання влучними євангельськими фразами, до перетворення їх у штампи. Це тим більш прикро, тому що найчастіше люди вживають біблійні вирази без точних знань про їхнє значення. У цій ситуації як ніколи актуальним стає створення словника біблійної фразеології. Подібні спроби вже робилися і робляться, проте на сьогоднішній день жоден існуючий довідник не має повноти і глибини необхідних відомостей.

***Ключові слова:** фразеологізми, Новий Заповіт, біблеїзми, словник.*

Актуальность, современность любого слова или выражения всегда проверяется на практике, то есть реальным бытованием в речи людей. Это в полной мере справедливо и по отношению к фразеологическим оборотам, восходящим к библейским текстам. Поскольку жизнь языка регулируется многими факторами, в том числе и экстралингвистическими, то не приходится удивляться, что политические перемены в нашей стране с конца 80-х годов оказали влияние на речь. Отход от атеистической идеологии, возврат к забытым христианским ценностям закономерно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи. Сферой наиболее широкого использования этих фразеологизмов в настоящее время стала публицистика. Ветхозаветные и новозаветные выражения ежедневно можно встретить на страницах газет и журналов, в передачах радио и телевидения. Они предают публичной речи живость и меткость, образность, вызывают сложные эмоциональные ассоциации [1]. Кроме того, если раньше библейские изречения использовались преимущественно как "обветшалые украшения речи", то в настоящее время они приобретают гражданское звучание, на них опираются в общественной и политической борьбе. Показательны в этом отношении дискуссии уже на первом съезде народных депутатов бывшего Верховного Совета. Интересно, что разные ораторы прибегли к одному и тому же библеизму – Распни его! Ю. Черниченко: «Послушное негодование – оно ведь, будем памятливы, совсем недавно плевало в Пастернака, клеймило Твардовского, кричало вслед Сахарову – Распни его!» [2].

Дискуссия перешла на страницы газет, и в статье «Правды» «Глас народа» (1989. 26 июня) автор вкратце (изложил евангельские события: «В самом деле, можно ли чем-

нибудь, кроме массового психоза объяснить, почему иерусалимская толпа освобождает от казни убийцу, а в отношении праведника, учителя и исцелителя, которого еще вчера приветствовала теперь, возмущённая первосвященниками (они. заметьте, преследовали свои личные интересы), – теперь эта толпа кровожадна и беспощадна? «Распни его», – снова и снова кричит площадь в ответ на предложения Пилата помиловать невинного Иисуса. Разве этакий глас народа можно считать «общественным мнением»? Ещё один пример использования этого библеизма: «…народ, переживающий бремя социальных потрясений, поверил в утопическую идею «земного рая». Ему легко внушить, что воплощению идеи мешают конкретные лица. Возникают мифические «они». Толпа требует: «Распни его!» Несёт плакаты: «Смерть Бухарину!» Торжествует, читая в речах сталинского законника Вышинского слова: «иностранные шпионы», «бешенные псы» (Лит. Газета. 1989. 29 ноября).

Вообще-то, стоить заметить, что фразеологизмы в газетах живут особой жизнью. Неслучайно один из первых отечественных исследователей языка газеты профессор Р. О. Винокур полагал, что газетный язык по сути дела насквозь фразеологизирован, поскольку стандартность, клишированность многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка [4]. Библейские же по происхождению фразеологические обороты в последние годы активны именно в газетной речи. Вот ряд примеров: «*Козёл отпущения* в образе экономической реформы – это социальный громоотвод» (Правда. 1989. 11 сентября); «Кажется, что библейский миф о Вавилонском столпотворении может стать грозной реальностью, в нашей стране» (Правда. 1989. 11 ноября); «Объединение усилий на конструктивной основе – это альфа и омега перестройки» (ЦТ. 1989. 29 октября); «У людей потеряно уважение к своему труду, выросли поколения, которые ничего “не слыхали” о любви к ближнему» (Лит. Газета. 1989. 1 ноября). Специфика газетной речи связана с тем, что в газете есть особые речевые образования–заголовки, подзаголовки, рубрики. В качестве заголовков весьма часто используются фразеологизмы. В последние годы удельный вес библеизмов среди «заголовочной» фразеологии резко увеличился. На газетных полосах можно увидеть броские шапки типа: «Не ждать манны небесной», «Соломоново решение», «Саркофаг или Ноев ковчег?», «Не испив той чаши», «Свет звезды Полынь», «Время собирать камни» и др. В обычной речи фразеологизмы отличаются постоянством состава и значения, но в той или иной степени становятся привычными, поэтому журналисты пытаются вернуть фразеологизму образность, используя для этого различные приёмы авторского варьирования. Б. В. Кривенко [4, с. 44-49] отмечал, что в газетной практике при создании авторских модификаций или квазифразеологизмов используются все виды трансформации традиционных устойчивых выражений: семантическая, синтаксическая, лексическая, контаминация, фразеологическая парономазия и стилистические смешения. В результате стилистических смешений (когда в традиционном обороте заменяется слово с контрастным стилистическим качеством) получаются заголовки типа «Приблудный сын эфира» (от блудный сын). Лексическая же трансформация, которая предусматривает манипуляции с одним из элементов фразеологизма–словом, является одним из самых популярных журналистских приёмов. Однако именно в случае с библеизмами этот приём даёт скорее отрицательные точки зрения культуры речи результаты. Так два прекрасных оборота из Нового Завета: *не хлебом единым* и *камень преткновения* стали структурными прототипами для целого потока легковесных «творений» типа: *Не сыром единым, Не жиром единым, Не хлопком единым, Не бойкотом единым, Не углём единым, Не нефтью единой, Не контрастом единым*, а также *Льготы преткновения, Острова преткновения, Гора преткновения* и т. п. [5].

Это заголовки лишь из двух центральных газет «Правды» и «Известий» за несколько месяцев 1989 года. В результате лексической трансформации появился и такой заголовок

«Человеку – человеково, а роботову – роботово», созданный на основе выражения *Кесарю кесарево, а Богу – Божье*. Впрочем, варьируются библеизмы не только в газетах, но и в современной литературе; они широко используются в эпиграфах и заглавиях художественных произведений. При этом, наблюдается яркая нежелательная тенденция– превращение библеизмов в штампы. Это свидетельство падения культуры речи наших сограждан. Но дело не только в том, что, окунувшись в модные ныне религиозные искажения, публицисты обращаются со словом Божиим, как и с газетными однодневками. Есть и другие «побочные явления», связанные с активным, но не квалифицированным оперированием библейскими выражениями.

Уничтожение высокого стиля речи в пользу субъективно-личного низкого и социально-«коммуникативного» среднего стиля лишило нас языка, обращенного к Богу, сосредоточив внимание носителей языка на банальном «средстве общения». В конечном счете, это снизило стилистический уровень языка, обеднило возможности выразительной речи. Понятна горечь, с какой сразу же после революции начала нашего века воскликнул Михаил Пришвин: «Мы ждали пророков, а пришли экономисты!», мечтая о пророках и призывая их приход, мы просто обязаны сохранить им язык, достойный их речей.

А что сегодня? Чисто внешнее, механически осознаваемая вернуть искаженные библеизмы и устаревшие слова. Не стоит и упоминать такие привычные искажения смысла устойчивых выражений как «над ним довлеет что-то» в значении «давит» вместо «следует, надлежит» в соответствии со смыслом старинного «довлеет дневи злоба его» (то есть каждому дню надлежит своя забота). Очень трудно понять газетное выражение «мессианская деятельность проповедников»: говорится о мессии – Христе, в то время как речь идет миссионерской деятельности наших современников. Диктор на телевидении возглашает: «Сегодня день Андрея Первозданного!» – смешивая в своем словоупотреблении «впервые созданного» с Первозванным (т. е. первым призванным). Слова Екклесиаста «Ибо во многой мудрости много печали» все чаще перетолковывают на современный лад: «Во многознании много печали». Большое заблуждение современного рационализирующего ума. Знание так далеко от мудрости! Во *многознании* нет ничего печального – разве что грустно от того, что оно столь поверхностно. Трудно согласиться и с тем, что кто-то сможет «внести значительную лепту» – ведь лепта как раз и есть мельчайшая по ценностям монета. «Гласность вопиющего в пустыне» и объяснять не нужно, это уже совсем не глас вопиющего в пустоте. Тем более, что бывают и более невероятные примеры; как фраза «И все ещё одиноко сверкал глаз вопиющего в пустыне» [6]. «Поставить краеугольный камень во главу угла» ещё труднее, чем вопить в пустыне, – пишет В. В. Колесов. – Этот «камень» становится камнем преткновения для очень многих наших литераторов, ринувшихся в поисках столь любезных им штампов к старинным словарям. Хотя это и не мешает им смешивать в раже познания Валаамову ослицу и Буриданового осла!». Искажается и форма старинных выражений, устная особенно письменная. Знамение времени, а не знамение распространено так широко, что с ним невозможно бороться, так же как нельзя, видимо, уже отменить вульгарное «обеспечение» [7, с. 71]. А ведь перенесение ударения с корня на суффикс является также одной из примет ослабления высокого стиля в пользу низкого: обеспечение, потому что обеспечить – единство основы при всех изменениях форм; на обеспечение, потому что стремление, движение, верчение и т. д. – единство суффикса важнее разноликости корня. В издании мемуаров Коровина старинная московская церковь «Утоли моя печали» обозначена как «Утолимоя печали», т.е. как бы «утолимой печали». Современный писатель убежден, что «свои своих» не познаша и «свои свое не познаша» – совершенно разные выражения, хотя в действительности они оба восходят к старинному славянскому «свои своя не познаша» в церковнославянском произношении и «свои своъ (с ятем) не познаша» – в разговорном русском. А вот ещё пример из той же

серии. По утверждению одного журналиста, на памятной медали начертано: «Блаженны алчущие и жаждущие, якая есть царство небесное». Здесь форма *якая* составлена из двух слов – из союза яко и указательного местоимения я (значит “их”), и буквально конец фразы переводится так: «ибо их есть царство небесное». Во всех трёх примерах старинные формы винительного падежа множественного числа (моя, своя, я) сегодня уже не воспринимаются как грамматические – это как бы внешний знак, указывающий на древность выражения; и в результате возникает, даже зрительно, искаженный образ старинного изречения, подчас даже с нарушением его смысла.

Можно негодовать и печалиться по поводу тех тенденций, которые здесь описаны; можно бороться с нарушением правильности русской речи во всём богатстве её стилей; можно наконец, собирать все подобные искажения стиля и речи и, предъявив счёт их виновникам, призвать к порядку, хотя бы выстояв их потуги на «многознание», но всё же… Мы не вернём себе этой речи, изысканной, чистой, богатой, если не будем её развивать сами, творчески и со знанием дела. Что не растёт, развиваясь, то усыхает – закон природы, жизни – и языка тоже. Заимствовать всё у соседей, у своего прошлого – на это много ума не надо. Но если мы оставим опасный путь, путь оскопления русского слова и омертвение русской речи, быть может у нас сохранится еще возможность вернуть и язык, и речь, и стиле – высокую литературу. «Вложите вы себе в уши слова сии», как советовал евангелист, и задумайтесь о грядущем. Что мы оставим потомкам? Газетные штампы, разрушенные библеизмы, кучу таких слов иноземных, в которых ни смысла, ни ладу, или всё–таки разнообразный, богатый, неподражаемый Русский Язык?

Фразеология новозаветного происхождения с её образной системой, яркой выразительностью и глубоким нравственным содержанием отнюдь не является застывшей массой устаревающих слов. Интерес к библейским выражениям в последнее время не только не угас, но даже усилился. Следствием этого стало увеличение удельного веса библеизмов в новейших словарях и справочниках в живой повседневной, особенно публицистической, речи. Обнаруживается даже тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Это тем более прискорбно, потому что зачастую люди употребляют библейские выражения без точных знаний об их значении. В этой ситуации как никогда актуальным становится создание словаря библейской фразеологии. Подобные попытки уже предпринимались и предпринимаются, однако на сегодняшний день ни один существующий справочник не обладает полнотой и глубиной необходимых сведений. Перед лексикографами встает ряд задач теоретического и практического характера. Предстоит определиться с исходной формой многих библейских фразеологизмов, разграничить варианты и синонимы отдельных оборотов, уточнить, а иногда и пересмотреть маркировку библейских выражений особенно по признаку принадлежности к активному (пассивному) запасу лексики. Отдельные фразеологические единицы требуют уточнения их этимологии, чтобы решить вопрос об их статусе как библеизмов. При отборе материала для словаря необходимо отграничить собственно фразеологию от текстовых реминисценций и особенно от нарицательных имён существительных, появившихся на базе библейских образов. А до тех пор, пока эти проблемы не будут решены адекватно, необходимо всеми возможными способами проводить просветительскую работу среди россиян, особенно среди детей и молодёжи. Задача эта может быть выполнена путем совместных усилий лингвистов, культурологов и педагогов.

Литература

1. Шанский Н.М. В мире слов : Кн. для учителя. М., 1985.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов. М., 1989. 287 с.
3. Яранцев *Р*. И. Русская фразеология: словарь-справочник. М., 2011.

4. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов, 1864-1920: Сб. статей и материалов. М.-Л., 1947. 474 с.

5. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1966. 824 с.

6. Галь Н. Я. Слово живое и мертвое. М. , 1987.

7. Колесов В. В. Праздное слово. Русская словесность. 1993. №3. С. 71-74.

Статья посвящена проблеме употребления новозаветных фразеологизмов в СМИ. Фразеология новозаветного происхождения с её образной системой, яркой выразительностью и глубоким нравственным содержанием отнюдь не является застывшей массой устаревающих слов. Интерес к библейским выражениям в последнее время не только не угас, но даже усилился. Следствием этого стало увеличение удельного веса библеизмов в новейших словарях и справочниках в живой повседневной, особенно публицистической, речи. Обнаруживается даже тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Это тем более прискорбно, потому что зачастую люди употребляют библейские выражения без точных знаний об их значении. В этой ситуации как никогда актуальным становится создание словаря библейской фразеологии. Подобные попытки уже предпринимались и предпринимаются, однако на сегодняшний день ни один существующий справочник не обладает полнотой и глубиной необходимых сведений.

Ключевые слова: *фразеологизмы, Новый Завет, библеизмы, словарь.*

The article discusses the use of New Testament phraseological units in the media. Phraseology of New Testament origin with its figurative system, vivid expressiveness and deep moral content is by no means a frozen mass of obsolete words. Recently, interest in biblical expressions has not faded away, but even intensified. The consequence of this was an increase in the proportion of biblicalisms in the latest dictionaries and reference books in everyday, especially journalistic, speech. There is even a tendency of abuse the apt Gospel phrases, and turning them into cliches. This is all the more regrettable because often people use biblical expressions without precise knowledge of their meaning. In this situation, the creation of a dictionary of biblical phraseology becomes more important than ever. Similar attempts have already been made and are being made, however, to date, not a single existing reference book has the completeness and depth of the necessary information.

Key words: *phraseological units, New Testament, biblical units, dictionary.*

В. В. ШАПОВАЛ

Московский городской педагогический университет, Россия

ПОЧЕРК КАК ЧЕРТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статтю присвячено аналізу навичок письма, сформованих зазвичай у ранньому дитинстві й збережених у подальшому, як стабільна характеристика особистості, наприклад, як хода, танець або жести. Автор доводить, що не тільки особистий підпис, але й будь-який текст, написаний людиною, має риси авторської неповторності, часто достатні для однозначної ідентифікації цієї особи. Почерк відображає рівень освіти і певною мірою біографію людини. Наприклад, суперечність між виробленим почерком і даними автобіографії циганського літератора і журналіста М. Т. Безлюдського можна оцінити як досить помітні. Сьогодні сфера застосування рукописного тексту скорочується. Це помітно змінює і конкретні цілі формування навичок письма при засвоєнні іноземної мови.

Ключові слова: *почерк, формування, мовна особистість, ідентичність.*

Представляемый ниже небольшой сюжет может показаться эклектичным по подбору материала, однако он, как мне кажется, имеет сегодня прямой выход на преподавание иностранного языка, включая и русский, а также, в более широком смысле, на описание составляющих характеристик языковой личности как в процессе ее формирования, так и в формате анализа ее речевой деятельности, но сначала я хотел бы обратиться к литературно-историческому и биографическому аспектам, получающим в свете анализа ярких особенностей авторского почерка дополнительную четкость и глубину.

С 1926-1927 гг. в СССР усилиями небольшой группы энтузиастов создавалась цыганская литература. Этот исторический сюжет интересен мне во многих аспектах (например, постановкой и решением задачи воспитания читателя в среде прежде практически неграмотного народа, или воспроизведение русских грамматических, терминологических, синтаксических образцов в материале одного диалекта этого новоиндийского языка и мн. др.), но здесь мне хотелось бы остановиться на особенностях почерков писателей. Понятно, что в тогдашних исторических условиях рекрутирование цыганских литераторов производилось из среды, получившей образование по преимуществу на русском языке. Кроме того, и письменность была создана на основе русской кириллицы. Практически релевантна только одна дополнительная оппозиция: *г – ґ* “с носиком”. Фонематическая ценность этих графем обратно пропорциональна ценности той же пары в украинской кириллице, то есть *гаджё* ‘русский (крестьянин)’ произносится с взрывным начальным согласным, а *ґара* ‘давно’ – с фрикативным. О других особенностях этой системы записи цыганской речи можно многое еще сказать, но здесь без этого можно обойтись. Практически цыганские литераторы, используя русскую кириллицу, не нуждались в разработке дополнительной каллиграфии. Это было важно ещё и потому, что набор книг и других печатных изданий на цыганском языке, как и их цензурный контроль, осуществлялся тогда непосредственно с авторской рукописи. Ни переписчика, ни машинистку соответствующей квалификации найти было почти невозможно. Авторские рукописи этого десятилетия сохранились частично, но даже это большая удача, учитывая шаткость национальной политики. Примечательно то, что всё, что дошло до нас относительно полно, сохранилось в архивах именно потому, что обычная практика была такова: авторская рукопись после прочтения и одобрения уполномоченным Главлита затем возвращалась в типографию и по ней техредактор производил разметку шрифтов и отступов для наборщика или линотиписта, а потом наборщик оставлял на её полях черные следы пальцев. Так что путь от авторской рукописи до готовой книги был необычайно коротким. Это не было особенностью исключительно цыганской литературы. Справедливости ради надо сказать, что цыганские рукописи сохранились довольно неплохо. Многие другие литературы малых народов СССР были в сходном положении, сохранившиеся рукописи свидетельствуют о том, что они проходили те же этапы от авторского чистовика до печатной книги, обычно минуя машинопись.

Источники, которые мы проанализировали, включали рукописные авторские версии оригинальных произведений и переводов на цыганский язык, которые сохранились в РГАЛИ, другие рукописные документы, письма.

Мы исходим из тривиального предположения о том, что почерк человека формируется в результате длительных упражнений и подражания выбранному образцу. Сформированный почерк – это устойчивая характеристика языковой личности. Не только подпись человека, но и любой другой автограф является неповторимым следом деятельности человека, обычно достаточным для его идентификации. Вообще индивидуальная моторика обладает рядом интегральных характеристик: походка, особенности работы на телеграфном ключе, почерк, стиль набора на клавиатуре механической пишущей машинки и компьютерной клавиатуре и многие другие вторичные навыки отражают, думается, внутренний ритм человека и, возможно, темперамент.

Кроме того, почерк является культурным и социальным феноменом, отражающим вкусы и традиции той среды, в которой личность сформировалась. Приведем в качестве примера всесторонний анализ почерка В. Н. Топорова, предпринятый А. Ф. Журавлевым [Журавлев]. Таким образом, нет сомнений, что почерк многое может рассказать о человеке как о неповторимой личности, сгустке разнообразного опыта коммуникации с миром, и как о представителе конкретной социальной группы.

Однако вернемся к группе цыганских писателей, имевших всего лишь около десятилетия для создания значительной и тематически разнообразной библиотеки печатных изданий, насчитывавших до 300 позиций. Прежде я был знаком только с опубликованными книгам и отчасти разделял критику этого варианта литературного языка, который сегодня не вполне понятен даже и носителям московского цыганского диалекта, а последний и был положен в основу при кодификации. Однако меня всегда поражали масштабы этого подвижнического

проекта. Несмотря на все возможные причины для критических оценок это труд по мощи порыва и даже результату сопоставим с наследием славянских первоучителей, хотя бы по драматическому контексту, в котором (или вопреки которому) реализовался и тот и другой проект.

Несколько лет назад у меня появилась возможность обратиться к рукописям. Мне всегда было интересно знакомиться с автографами. Иногда только на основе печатного текста возникали вопросы восстановления исходной записи в рукописи. Одна их таких загадок привела меня к открытию псевдоукраинизма в дневнике Репина [Шаповал 2007]. С это точки зрения цыганские писатели, разумеется, не образуют единства. Поражает огромный разброс в выработанности почерка, отражающий разнообразие путей, приводивших людей в новую национальную литературу. (См. Приложение.) На одном полюсе оказывается самобытная московская поэтесса Евдокия Ивановна Орлова (1889/1892? – ?), успевшая до революции 12 лет отработать в цыганском хоре ресторана «Стрельна» в Петровском парке. Почерк ее мы оцениваем по паре анкет, написанных ею собственноручно, и небольших приписках в делах Главреперткома. В анкетах сообщается, что певица получила “домашнее образование”. Действительно, буквы в ее автографах шатки, ясно видно, что каждая давались с трудом и выписывалась медленно. Это очень яркий пример контраста между выработанностью почерка и качеством поэтического творчества: Е. Орлова руководила передвижным театром, сочиняла песни, писала статьи о своем театре, но навыки письма оставались на начальном уровне. На другом полюсе находятся два невероятно продуктивных и разносторонне одаренных автора. Александр Вячеславович Германо (1893 – 1955), поучившийся в народном училище в г. Орле, в уникальном по новаторской постановке преподавания Коммерческом училище в Святошино, а затем немного в Киевском коммерческом институте, имел четкий и быстрый почерк, окончательно сформировавшийся в результате писарской службы и газетной работы. Николай Александрович Панков (1895 – 1959) после петербургского народного училища имел длительный и разнообразный опыт работы в качестве почтового и конторского служащего, его почерк может быть оценен как устойчивый и выработанный, возможно, сказалось также подражание «штабным» образцам. Еще два автора имеют пролетарский почерк, полученный в дореволюционном народном училище. Один из них, актер и писатель Михаил Алексеевич Ильинский (1882 – 1962), сообщал, что проучился в питерской школе только три месяца. Буквы четкие, крупные, со своеобразными, но постоянными отклонениями от прописей. Чувствуется твердость руки и хороший глазомер. Другой автор тоже, видимо, имел почерк, поставленный в детстве, но не подкрепленный длительным обучением. Это Алексей Александрович Светлов (1897 – 1961), автор и переводчик высочайшего уровня, но в автографах каждая буква написана с усилием и четкостью, требующими заметного труда. К этой группе примыкают и руководители цыганских советских инициатив, коммунисты, авторы с типичными рабочими почерками, но с их достаточными по объему автографами мы пока не имели возможности познакомиться: Андрей Семенович Таранов (1890 – 1967), Иван Петрович Токмаков (1888 – 1942?). На фоне этих предсказуемых вариаций обращает на себя внимание яркое, на мой взгляд, противоречие между данными об образованиями и качеством почерка одного автора: Михаил Тимофеевич Безлюдский (1901 – 1970) писал, что грамоте выучился у соседского мальчишки, поскольку отец, кочевой цыган, всегда снимал жилье на зиму у одного и того же жителя г. Сапожок Рязанской губернии. Думается, данные об образовании, приводимые автором, были подкорректированы в духе типичной биографии цыгана-пролетария. Аккуратность и своеобразные скорописные связки в образцах почерка М. Безлюдского довольно однозначно указывают на многолетние упражнения в каллиграфии, пройденные в достаточно раннем возрасте. Красноармейские школы, законченные им уже после достижения двадцатилетнего возраста, вряд ли могли бы исправить любительскую постановку руки, сформированную несистематическими занятиями письмом в детские годы. Кроме того, довольно высокий уровень орфографической грамотности у него совмещается с весьма слабым владением пунктуацией. Такой дисбаланс может указывать на достижение отличных успехов, но обучение ограничилось начальными классами народного училища.

Если говорить о моих собственных представлениях о норме, то они начинали формироваться в середине 1960-х годов, поэтому для меня привычной является ситуация, когда после окончания начальной школы почерк подростка приобретает беглость, выработанность и индивидуальность. При этом я искренне восхищался теми почерками (в особенности взрослых мужчин), которые сохраняли близость к прописям. Однако господствующим было общее ощущение, что между выработанностью почерка и общим уровнем владения языком, орфографической и пунктуационной грамотностью существует жесткая зависимость. В недавнее время мои прежние представления были заметно откорректированы жизнью: «Лет пять назад ошеломляющим открытием для автора этих строк стало появление довольно заметной прослойки абитуриентов с “почерком пятиклассников”. При этом оказалось, что среди них довольно много отличников. Этот парадокс если не опровергал, то во всяком случае подвергал сомнению привычную для нас, словесников, связь между сформированностью почерка и практической грамотностью, а далее – с начитанностью и развитием речи. А разгадка лежала на поверхности: компьютер. Наиболее подготовленные выпускники нередко уже мало пишут от руки, а в основном печатают тексты. В результате складывается новая ситуация с формированием почерка» [Шаповал 2009, с. 82].

Вероятно, игнорировать клавиатурную грамотность сегодня уже нельзя ни при обучении родному языку, ни при усвоении иностранного языка. Работа с электронными текстами меняет структуру грамотности. Но при этом неразумно терять связь с рукописной эпохой. Для того, чтобы школьники могли прочесть тексты, написанные пером в относительно недавние периоды, требуется дополнительное время для знакомства их с этой сферой бытования текстов. Думается, узнавание образцовых и упрощенных начертаний слов в родном и иностранном языках в скором времени потребует разработки специальных учебных материалов и приемов. Альтернатива – полный разрыв с предшествующей рукописной эпохой, какой, например, случился в истории XX в. в тух языках, которые стали жертвой шараханья от арабской системы письма через латиницу к кириллице и уже, отчасти, обратно.

Литература

1. Журавлёв А. Ф. Почерк Топорова // Славянское и балканское языкознание. Славистика. Индоевропеистика. Культурология. Сборник статей. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. Москва, 2019. С. 284-303.
2. Шаповал В. В. Українське (?) “нивизать – терять” [‘губити (час)’] у І. Рєпіна // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 11. Донецк, 2007. С. 149-151.
3. Шаповал В. В. Новые типы ошибок в письменной речи // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 76-82.

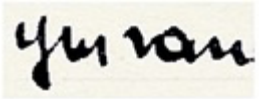
Навыки письма формируются обычно в раннем возрасте и являются в дальнейшем чрезвычайно стабильной характеристикой личности, например, как походка, танец или жесты. Не только личная подпись, но и любой текст, написанный кем-то, обладает чертами авторской неповторимости, обычно достаточными для однозначной идентификации. Почерк отражает уровень образования и некоторые в какой-то мере биографию личности. Например, противоречия между выработанным почерком и данными автобиографии цыганского литератора и журналиста М. Т. Безлюдского можно оценить как весьма заметные. Сегодня сфера применения навыков ручного письма сокращается. Это меняет и частные цели обучения письму на иностранном языке.

Ключевые слова: *почерк, формирование, языковая личность, идентичность.*

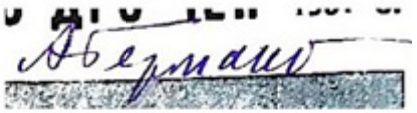
Writing skills are usually formed at childhood and are then a constant personal characteristic, such as a way of walking, dancing or gestures. A signature, as well as any handwritten text have some features of the author’s personality which are unique enough for person’s identification. Handwriting shows the level of education as a part of one’s biography. For example, the contradiction between the well developed handwriting and the data of the autobiography of the Gypsy writer and journalist M. T. Bezlyudskiy can be assessed as extremely unusual. Today, the use of handwriting is shrinking. This also changes the specific goals of writing training when teaching foreign languages.

Keywords: *handwriting, formation, linguistic personality, identification.*

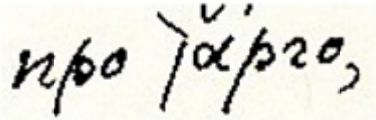
1) Мих. Тим. Безлюдский (1901 – 1970)



2) Ал-др Вяч. Германо (1893 – 1955)

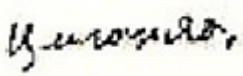


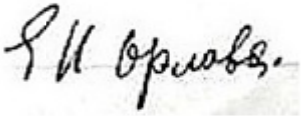
3) Мих. Ал. Ильинский (1882 – 1962)



'на рынке'

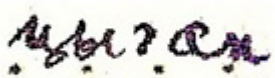
4) Евдокия Ив. Орлова (1889/1892? - ?)

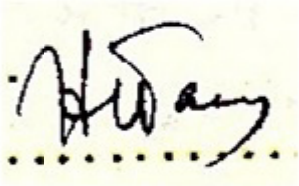




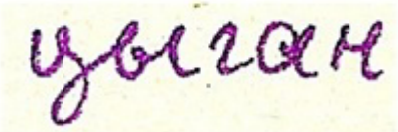
циганка

5) Николай Ал-др Панков (1895 – 1959)



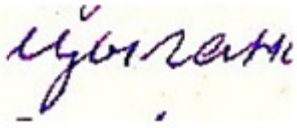


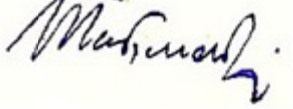
6) Алексей Ал-др. Светлов (1897 – 1961)



7) Андрей Семен. Таранов (1890 – 1967)

8) Иван Петр. Токмаков (1882 – 1942)





М. О. ШВЕДОВА
Київський національний лінгвістичний університет

МОВА ПРОЗИ МИКОЛИ ЗЕРОВА НА ТЛІ КОРПУСУ ТЕКСТІВ 1910-1935 РОКІВ

У статті викладено досвід дослідження стилю прозових творів Миколи Зерова в корпусі. Показано, що для дослідження стилю історичної постаті важлива можливість порівняння її творів з корпусом інших текстів того ж періоду. Представлено інструменти, які можна використати онлайн для роботи з корпусом ГРАК: для пошуку словоформ, лексем, граматичних форм, укладання частотних списків, візуалізації результатів у вигляді графіків.

Ключові слова: *індивідуальний стиль, Микола Зеров, корпус, частотність, лексика, словотвір*

Досліджуючи індивідуальний стиль історичної постаті, важливо враховувати сучасну їй мовну норму і розглядати матеріал дослідження у порівнянні з корпусом текстів інших авторів того ж періоду. Без такого порівняння в окремих випадках може бути важко визначити, чи є слова, форми, конструкції, незвичні з точки зору носія сучасної мови, особливостями авторського стилю, чи звичайними явищами для мови того часу.

У цій статті ми проаналізуємо кілька лексичних особливостей публіцистичних, літературно-критичних і епістолярних творів Миколи Зерова у порівнянні з корпусом текстів 1910-1935 рр.

Генеральний регіонально анотований корпус української мови (ГРАК: uacorpus.org) у десятій версії містить понад 200 публіцистичних, літературно-критичних і епістолярних творів Миколи Зерова 1910-1935 рр. обсягом 512 тисяч токенів (тобто слів, розділових знаків, цифр та інших символів), тексти оцифровані для корпусу за виданням: *Микола Зеров. Українське письменство (К.: Основи, 2002)*. Обсяг текстів у ГРАКу за 1910-1935 рр., крім творів Миколи Зерова, – близько 33 млн токенів, із них публіцистичних, літературно-критичних і епістолярних текстів – близько 14 млн токенів.

За підкорпусом публіцистичних, літературно-критичних і епістолярних творів Миколи Зерова ми уклали частотний словник словоформ, яких немає у словнику сучасної української мови, за яким працює граматичний пошук у ГРАКу (ВЕСУМ: r2u.org.ua/vesum). Для цього здійснили пошук нелематизованих словоформ у підкорпусі творів Миколи Зерова (запит CQL: [lemma=«\|\|»& word=«[А-ЯІЇЄҐа-яіїєґ’-]*»]) і уклали частотний список.

У частотному списку знайдено рідковживані лексеми, які вживав Микола Зеров. Наприклад, слово *підлітство,* вперше зафіксовано тільки у словнику 1970-1980 рр. [СУМ-11] і трапляється в текстах ГРАКу лише 10 разів: *Л. М. Старицька-Черняхівська спогадує, що Михайло й Леся, двоє старших дітей у подружжя Косачів, з* ***підлітства*** *вирізнялися з-помежи всіх своїх товаришів убранням і особливо мовою (Леся Українка. Критично-біографічний нарис, 1924); А тепер вернімося трохи назад, до дитячих років та* ***підлітства*** *поетки (Там само).* Це слово знаходимо і в мові сучасника Зерова, Леоніда Скрипника: *Ви бачили його в добу щасливого ясного дитинства, трохи неспокійного* ***підлітства****, трохи бурхливої юности з її першим коханням і першим д-ром Кацем, з її роботою і байдикуванням (Леонід Скрипник, Інтеліґент, 1929).*

Микола Зеров вживає рідкісне слово *красун,* 43 рази знайдене в усьому корпусі, тричі в текстах Зерова (від цього слова в сучасній мові залишилося поширеніше похідне слово – *красунчик,* 885 знайдень в ГРАКу): *Вже шістнадцятилітнім юнаком він вигадав, ніби Адальберт Гординський — його вітчим, а правдивий його батько був з роду сербин і звався Федькович; пізніше він зробив себе нешлюбним сином своєї матері та путилівського* ***красуна*** *гуцула Юрія Косована (Осип-Юрій Федькович та його повісті, 1927); В Чернівцях*

двадцятип'ятилітній офіцер знайшов Ернста Рудольфа Найбавера, колись діяча революції 1848 р., тепер професора Чернівецької гімназії, видавця «Ілюстрованої Буковини» і автора кількох збірників поезій — тридцятилітнього ***красуна****, поета-імпровізатора, буковинського патріота, залюбленого в її пейзажах і народних співанках (Там само).* Корпусні дані свідчать, що слово *красун* застаріле, більшість випадків його вживання знайдено в творах першої половини XX ст., в XXI ст. знайдено тільки один випадок в ГРАКу. Сучасники Миколи Зерова вживали це слово: *Спереду —* ***красуни****, засмалені й обвіяні морськими вітрами, військ-мори Чорноморської флоти ; за ними певна, горда кіннота, струнка піхота й молоді, але з грудьми, як криця, допризовники (Спорт // Більшовик [Київ], 1924); Я тебе представлю в одному дому куди ходить увесь Париж, наш Париж, Париж* ***красунів****, людей з мільйонами, знаменитостей (Оноре де Бальзак, пер. Василь Вражливий, Шагреньова шкура, 1929); Правда, я не* ***красун*** *і не геній. Тільки ж* ***красуни*** *завжди бувають легковажні, а генії зараз невчасні (Валер'ян Підмогильний, Невеличка драма, 1930); Він справив на неї дуже добре враження, їй сподобалась його голова, що мала мужній вигляд, і його обличчя, що мало трохи неправильні риси й цим ставало оригінальніше й цікавіше за обличчя визнаних* ***красунів*** *(Ґео Шкурупій, Жанна батальйонерка, 1930); Перед полковником Дублом стояв півторатисячний натовп гірських* ***красунів*** *(Юрій Смолич, Ще одна прекрасна катастрофа, 1930); ...Прикрий випадок – і* ***красун*** *хлопець повернеться до рідного села косою потворою (Михайло Шолохов, пер. Семен Кац & Євген Плужник, Тихий Дін, 1931).*

Микола Зеров вживає старі варіанти запозичених слів: *ювілят, літерат, літератка*: *Звичайно, випускаючи статтю під час ювілейних свят 1913 р., тобто через 10 років після першого її надрукування, автор мусив поробити зміни і доповнення і взяти на увагу факти літературного розвою* ***ювілята*** *з 1903 — 1913 р. (Микола Зеров. Сергій Єфремов. Співець боротьби і контрастів, 1913); Ніхто з сучасного нам покоління* ***літератів*** *не відчував так усієї ваги слова, як він (Микола Зеров. Пам'яті М. Коцюбинського, 1913); Мріючи про дочку як про видатну* ***літератку*** *українську, О. П. пильно стежить за кожним її кроком, виправляє їй мову, вирівнює ритм і синтаксу і сама посилає її твори до галицьких видань (Микола Зеров. Леся Українка. Критично-біографічний нарис, 1924).* Микола Зеров вживає і новіші варіанти: *ювіляр, літератор*. У словниках першої третини XX ст. слова *літерат* і *ювілят, літератор* і *ювіляр* подані як варіанти [r2u]. У ГРАКу слово *літерат* зафіксоване в багатьох західноукраїнських і наддніпрянських джерелах, починаючи з середини XIX ст. (Микола Устиянович, Іван Нечуй-Левицький, Іван Франко, Уляна Кравченко, Михайло Грушевський, Ольга Кобилянська, Леся Українка, газета «Слово» (Харків), газета «Діло» (Львів) тощо), *ювілят* – з 1907 року (Людмила Старицька-Черняхівська). Сучасні варіанти *літератор* і *ювіляр* вперше зафіксовані в текстах пізніше: *літератор* – у 1910 (вжив Михайло Коцюбинський), *ювіляр* – у 1924 році (Сергій Єфремов). Слова *літерат* і *ювілят* широко вживали сучасники Миколи Зерова: *Творців в Галичині не було, були в літературі самі філістри, коли не числити Франка та Яцкова. Тільки тому я й кажу, що налитий салом патріот диктував* ***літератам****.* ***Літератів*** *властиво не було : писав кожний, кому позволяли тяжкі «обовязки службові» (Микола Євшан, Плач над упадком літератури, 1912);...Вони в тому журнальчику тільки інсинуації, пльотки пускають і ніякої, властиво, нема там літератури.... Дуже рідко удається їм виканючить що-небудь у справжніх* ***літератів*** *(Володимир Винниченко, Божки, 1914); Поет жив в часах розцвіту усної поезії, його твір повний всеї щирості і безпосередньості народної творчості, але він чоловік письменний,* ***літерат*** *в тіснім значенні слова (Михайло Грушевський, Історія української літератури, 1923); Збірник викликав велику бурю в кругах старших* ***літератів****, критиків і громадянства (Василь Бобинський, Ювілей Валерія Брюсова, 1923); Тому-то одпадає все, що було до Котляревського, бо звичайні схеми історії російського письменства одно загарбали собі, а про інше мовчать, тому-то й на факти пізнішого письменства українці дивляться*

очима російських ***літератів*** *і ті факти оцінюють з погляду російського письменства (Сергій Єфремов, Історія українського письменства, 1924); Ті ж самі скарги на дочку, явно неправдиві («нема хліба» — а до чаю дали булку з маслом), випрохування грошей («колись сяду на вулиці з дощечкою : «подайте* ***ювілятці****»), — очевидно непотрібне («щоб не бачили, що Ви мені дали») (Сергій Єфремов, Щоденник, 1924); Говорять про суботній ювілей. Більш-менш задоволені. Найбільше сам* ***ювілят*** *(Там само); Пізніше мені особисто довелось пересвідчитись в тому, що навіть кількаденне перебування Олеся в Будапешті лишило по собі пам'ять серед мадярських* ***літератів*** *та журналістів (Микола Галаган, З моїх споминів… 1880-ті — 1920 р., 1928); Вп. Кушнір дяк зі Щирця заявив що він в імени дяків деканату зложив желання* ***ювілятови****, за що присутні дяки зложили Вп. Кушнірови подяку (газета «Дяківські відомости» (Львів), 1929).*

Микола Зеров вживає переважно варіанти *двостоповий, тристоповий, чотиристоповий* тощо, а не *двостопний, тристопний, чотиристопний* тощо: *Кого не втомлять його [Карманського]* ***п'яти-*** *й* ***шестистопові*** *ямби з настирливими жіночими римами? (Франко-поет, 1925).* Ці варіанти в 1920-30-ті роки знаходимо також у текстах Освальда Бургардта, Григорія Майфета, Павла Филиповича, Максима Рильського (хоча у нього є і варіант *чотиристопний*). Варіанти *двостопний, тристопний, чотиристопний* тощо вживали Майк Йогансен, Сергій Єфремов, Дмитро Антонович, Юрій Смолич, Зінаїда Тулуб.

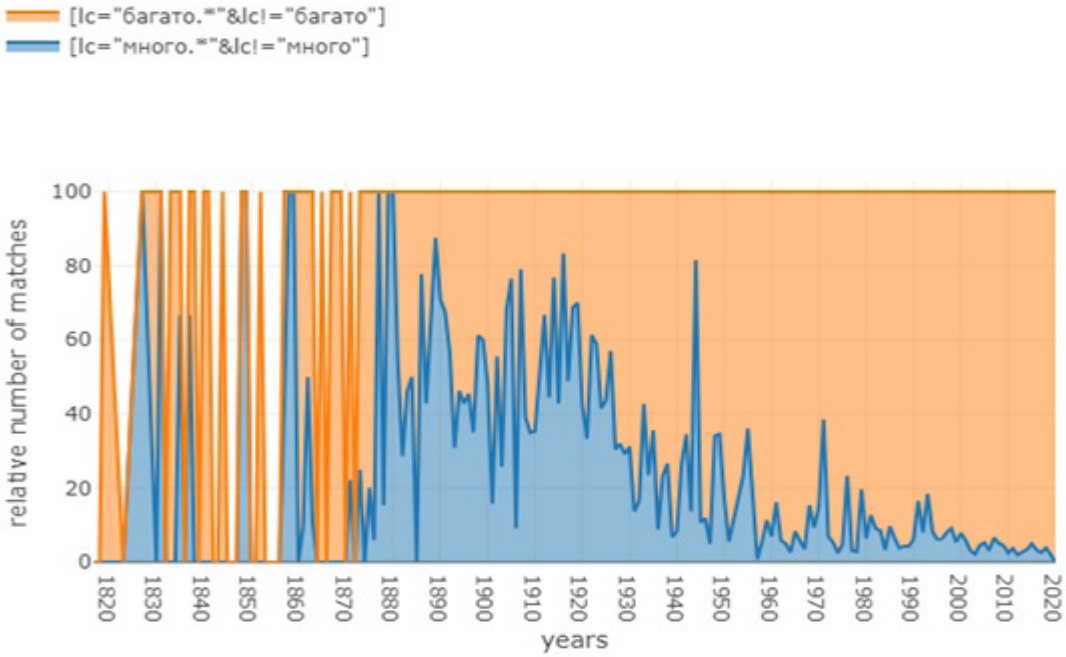
Микола Зеров варіював префікси *від-/од-,* у нього трапляються застарілі тепер варіанти: *одділ, одставка, одмічати/одмітити, одступати, одмежуваатися* тощо: *Цей брак ефектів, простота, відсутність всього, що одгонить літературщиною — «пересади, бомбасту, неприродності», — ще зовсім не означає сухості автора, його черствості (Марко Черемшина і галицька проза, 1925); Село живе своїм одвічним батьківським, дідівським звичаєм, не одступаючи від нього навіть тоді, коли над селом «гримлять гармати, свистять кулі» (Там само); І характерно, що тут поетові одмовляються служити й мова, й музика віршова (Нова збірка Тичини, 1925); Ціле двадцятиліття одділяє «Досвітки» від появи другого оригінального збірника Кулішевого — «Хуторної поезії» (Від Куліша до Винниченка, 1925); Але досить про одрив від мас, від сучасності та про мистецьку самотність неокласиків (Наші літературознавці і полемісти, 1926); Перед кожним, хто береться за невдячну роботу перекладати стародавнього чи новочасного лірика, відразу одкриваються дві небезпеки (У справі віршованого перекладу, 1928); Після відправи ініціатор і одвідувачі збираються в ресторані й поминають, як пише Бєлоусов, «батьку Тараса» «незлим тихим словом» та декламаціями Кропивницького (Іван Бєлоусов, російський перекладач «Кобзаря», 1930).* Микола Зеров вживає також варіанти з *від-*: *одділ* – 33 рази в корпусі, *відділ* – 72, *одмічати/одмітити* – 6, *відмітити* – 4. Таке варіювання характерне для мови того часу, різні форми названих дієслів вживає, наприклад, і Володимир Винниченко: *Вадим* ***одмітив****, що сьогодня він далеко гірше розумів батька, ніж у той вечір (Божки, 1914); З приємностю* ***відмічаю****, що ім'я Шапочки не робить на мене ніякого враження (Записки Кирпатого Мефістофеля, 1917).* Дослідження такого варіювання – окреме велике завдання, оскільки потребує попереднього укладання словника варіантів з префіксом *од-,* більшості з яких досі немає у ВЕСУМі, отже, вони недоступні для зручного пошуку в корпусі за лемою.

Микола Зеров переважно вживає складні слова з першою частиною *много-*, а не *багато-*: *многовіковий, многодосвідчений, многодумний, многогранність, многозначність, многозначно, многокольоровий, многолітній, многомовність, многомовно, многомоментність, многописання, многоповторюваний, многослівний, многосторонність, многоцінний – 1914 рік, «ювілейний рік українського культурного життя», збагатив нас новим і* ***многоцінним*** *придбанням («Україна», 1914); Розтягненість властива тільки дуже*

раннім її творам («Відгуки», напр., розтягненістю уже не грішать) — ніщо в порівнянні до ***многомовності*** *її учителів в мистецтві слова — Куліша або Старицького (Леся Українка. Критично-біографічний нарис,1924); Замість тривоги сучасника за своє покоління, покоління «без честі і поваги», без громадських ідеалів, у Гулака-Артемовського добродушна посмішка людини старшої ґенерації над ґенерацією молодою, щось на зразок* ***многослівної*** *балаканини сільського дідка, глибоко впевненого, що за його молодощів і люди були здоровіші, і земля родила краще (Нове українське письменство, 1924); Третя допіру випущена книжка Тичини знов відзначається багатством і* ***многогранністю*** *поетичного стилю (Нова збірка Тичини, 1925);* ***Многолітнє*** *листування з матір'ю, ніжне, красномовне, безпосереднє — то одно з найважливіших джерел до біографії поетової (Юлій Словацький, 1925); Чи не з'являються ж так само поспішними та занадто пласкими і* ***многоповторювані*** *слова про ясність загального світоприймання Рильського, всі ті твердження, ніби його поезія цілком міститься в формулі «Сладок свет !» (До джерел, 1926); Неможливість точного перекладу А. Федоров ставить у зв'язок з* ***многосторонністю*** *перекладного завдання (Корней Чуковский, Андрей Федоров. Искусство перевода,1930).* Лише один раз у корпусі Миколи Зерова трапилось слово *багатозначний*: *Характерним і* ***багатозначним*** *видається йому [Ніковському] той факт, що нова українська література розпочинається не чим іншим, як спробою одягти в своєрідну національну одіж твір європейської ваги літературної, зразок багатьох новочасних епопей, «Енеїду» Верґілія (Нове українське письменство, 1924).*

Якщо побудувати за ГРАКом графік відношення кількості слів з першою частиною *много-* і *багато-*, можна пересвідчитися, що складні слова з першою частиною *много-* в кінці XIX – першій третині XX ст. були досить вживаними, нарівні з варіантами на *багато-,* вже в 1930-ті роки частка складних слів на *много-* зменшується, а починаючи з 1960-х їх стає ще помітно менше (Графік 1). Найдовше слова з частиною *много-* затримались у термінології: СУМ-11 фіксує слова *многогранник, многокутник* як перший варіант, а *багатогранник, багатокутник* – як другий, *многочлен* як єдиний варіант (сучасний СУМ-20 пропонує вже і *багаточлен,* в СУМ-11 його не було), а також розводить як загальномовне і термінологічне слова *багатократний* («Який повторюється багато разів») і *многократний* («*мат.* Кратний багатьом числам») [СУМ-11, т. I, с. 81, т. IV, с. 766].

Графік 1. Відношення кількості слів з першою частиною *много-* і *багато-* за роками (ГРАК).



Хоча граматика не є темою цієї розвідки, можна згадати варіантність присвійних займенників третьої особи множини (*їх/їхній*), якій присвячена окрема наша стаття [5]. Саме в 1910-1935 роки відбувається активне поширення в літературній мові нового варіанту *їхній.* У більшості авторів, що писали в 20-30-ті рр. у сполученнях *їх/їхній* з іменником ми зафіксували обидва варіанти в різних пропорціях. У творах Миколи Зерова частка варіанту *їхній* була найменшою, 11% від сумарної кількості вживань *їх* і *їхній* (82 і 10 знайдень відповідно), утім такий результат міг бути частково спричинений тим, що в порівнюваних корпусах різних авторів була різною мірою представлена проза різних стилів: у корпусі Зерова взагалі немає художньої прози, де передусім поширився новий варіант *їхній*. З 2018 року творів Зерова в корпусі стало значно більше і можна оновити ці дані. У десятій версії ГРАКа в творах Миколи Зерова у сполученнях *їх/їхній* з іменником знайдено: *їх* – 286 і *їхній* – 35, відношення таке саме – 11% *їхній*. Це мало порівняно з цілим корпусом нехудожніх текстів 1910-1935 рр., де частка варіанту *їхній* в таких сполученнях складає 37%.

Отже, проаналізувавши кілька рис мови Миколи Зерова, незвичних для сучасного ока, на тлі корпусу текстів 1910-1935 років, ми з'ясували, що такі варіанти були поширеними в мові того часу, вони не були застарілими чи архаїчними. Хоча деякі з досліджених варіантів (*красун, літерат, їх*) вказують на те, що стиль Миколи Зерова був в цілому консервативним, Зеров був схильний до вживання старших варіантів норми.

Література і джерела

1. r2u: Російсько-українські словники / упор. А. Рисін, В. Старко, Ю. Марченко, О. Телемко та ін. 2007–2020. URL: https://r2u.org.ua

2. ВЕСУМ: Великий електронний словник української мови / Рисін А., Старко В. та ін. – 2014-2020.

3. ГРАК: Генеральний регіонально анотований корпус української мови / М. Шведова, Р. фон Вальденфельс, С. Яригін, А. Рисін, В. Старко, М. Возняк, М. Крук та ін. Київ, Львів, 2017-2020. – uacorpus.org

4. Старко В. Ф., Рисін Андрій. Великий електронний словник української мови (ВЕСУМ) як засіб NLP для української мови // Галактика Слова. Галині Макарівні Гнатюк / Ін-т укр. мови НАН України. К., 2020. С. 135–141.

5. СУМ-11: Словник української мови : у 11 тт. / НАН УССР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. К. 1970–1980.

6. Шведова М. О. Становлення присвійного займенника третьої особи множини в українській літературній мові // Мовознавство. 2018. №4. С. 40-53.

В статье изложен опыт исследования стиля публицистических, литературно-критических и эпистолярных произведений Николая Зерова в корпусе. Показано, что для исследования индивидуальных особенностей языка исторического лица важна возможность сравнения непосредственно исследуемого материала с корпусом текстов других авторов того же периода. Представлены инструменты, которые можно использовать онлайн для работы с корпусом ГРАК (uacorpus.org): для поиска словоформ, лексем, грамматических форм, составления частотных списков, визуализации результатов в виде графиков.

Ключевые слова: *индивидуальный стиль, Николай Зеров, корпус, частотность, лексика, словообразование.*

The article describes the experience of researching the style of journalistic, critical and epistolary works of Mykola Zerov in a corpus. The research shows that to characterize the individual language use of an author it is important to compare the corpus of his works with the corpora of other authors of the same period. The research provides the tools that can be used online to work with the GRAC corpus (uacorpus.org): for searching word forms, lemmas, grammatical forms, compiling frequency lists, visualizing the results in the form of graphs.

Keywords: *individual style, Mykola Zerov, corpus, frequency, vocabulary, word formation.*

Л. Д. ШВЕЛІДЗЕ
Одеський національний політехнічний університет

ЕТИКЕТНА МОВЛЕННЄВА ПОВЕДІНКА ПОЛІТИКІВ У МЕРЕЖЕВОМУ СПІЛКУВАННІ

У статті схарактеризовано основні жанри етикетного спілкування в соціальній мережі Твітер. Визначено специфічні риси твітингу як вияву мережевого дискурсу, простежено особливості реалізації ритуальної функції комунікативної взаємодії в повідомленнях політиків США, Польщі та України. Представлено типологію мовленнєвих жанрів, що виконують етикетну функцію у мережевому спілкуванні. Проаналізовано жанри привітання, подяки і співчуття як основні репрезентанти етикетної комунікації в політичному твітингу.

***Ключові слова**: мовленнєва поведінка, мовленнєвий жанр, мережевий політичний дискурс, твіт, твітинг.*

Сучасний комунікативний простір характеризується активним розвитком соціальних мереж, що стають однією з одних форм реалізації комунікативної взаємодії. Відзначаючи загальну тенденцію розвитку сучасної комунікації, А. Бєлова наголошує на тому, що соціальні мережи як «одна з реалізацій гіперконективності вже перестали бути сферою суто міжперсональної комунікації: в них проникли бізнес і політика, і навіть такі консервативні інститути, як монархія і церква. Присутність у соцмережах є у наш час своєрідним імперативом, так само як доступ до Інтернету декілька років тому» [1, с. 90]. З огляду на це в центрі уваги дослідників постає віртуальний дискурс (О. Горошко, Н. Кобрін, Л. Компанцева, О. Тищенко, М. Ульянова та ін.), а вивчення мережевого дискурсу набуває актуальності передусім у лінгвопрагматичному аспекті: мовленнєві жанри мережевого спілкування, дискурсивна специфіка, комунікативні стратегії і тактики (О. Горошко, Ю. Данько, М. Навальна, С. Нерян, Т. Полякова, Л. Щипіцина та ін.).

Соціальні мережі стали способом реалізації та презентації різних типів інституційного спілкування, зокрема політичного дискурсу. Основні жанри політичної комунікації фіксуємо в соціальних мережах на офіційних сторінках відомих політиків, зокрема в соцмережі Твітер, специфіка якої полягає в обмеженості повідомлення 140 символами. Твітер потрактовують як гібрид соціальної мережі, служби миттєвих повідомлень (SMS) и блогу, що разом уможливлює його визначення як інформаційної мережі в реальному часі (*a real-time information network*)» [4, с. 109]. Взаємодія мережевого і політичного дискурсів зумовила появу нових жанрових форм комунікації. Зважаючи на це, О. Горошко і Т. Полякова визначають особливий жанр мережевого дискурсу – політичний твітинг – та виокремлюють його жанротвірні параметри: мета, тип автора та адресата, хронотоп (час комунікації), місце, структурні характеристики, стилістичні особливості [3, с. 95]. У політичному твітингу переважно представлені повідомлення відомих політиків, оскільки «учасниками взаємодії в Твітері стають не лише пересічні користувачі, які цікавлять побутовими проблемами і питаннями, а й Твітером користуються відомі політики, вчені, бізнесмени як засобом інформування і контактування» [2, с. 54].

Відповідно політичний твітинг виконує функції, характерні для політичного дискурсу загалом, зокрема етикетну. Політичні суб'єкти беруть участь у ритуальних формах взаємодії, презентуючи етикетні повідомлення різних жанрів, що і стало **об'єктом** нашого дослідження.

Ґрунтуючись на типології ритуальних мовленнєвих жанрів, запропонованій одеськими дослідниками Н. Кондратенко, Л. Стрій і О. Билінською [5], схарактеризуємо основні жанри політичного твітингу в мережевому дискурсі України, Польщі і США.

Привітання є основним жанром етикетної комунікації, в політичному мережевому дискурсі його інтенція полягає в презентації політика через актуалізацію категорії ввічливості: вітаннямпрямому адресатові адресованому й масовому адресату – читачам соцмережі. Фіксуємо персонально адресовані привітання, у яких політики звертаються до соціально значущих персон, напр.: укр. *Незламна воля, непереборний дух, безмежна відданість своєму народу і незборима жага свободи – це про* ***Мустафу Джемільова****. Ми познайомилися в Криму. Прийде час, і ми знову зустрінемось там. Ви повернетеся до Криму,* ***шановний Мустафа-ага.*** *Разом із Україною.* ***З днем народження Вас****!* (А. Яценюк, 13.11.2020). Вербальними маркерами привітання є наявність перформативних мовленнєвих актів, дієслів вітальної семантики, синтаксичних фразеологізмів (моделі *Вітаю* з + іменник в орудному відмінку), еліптичних синтаксичних конструкцій з прийменником *з* (*З* + іменник в орудному відмінку). На семантичному рівні привітання містить номінацію урочистої події, характеристику її ролі в житті адресата або країни, а також міркування мовця з цього приводу. Привітання як жанр політичного дискурсу містить елементи самопрезентації політика-мовця, який заявляє о ролі адресата у політичній сфері, напр.: польськ. ***Serdecznie witam Panią Georgette Mosbacher****, którą poznałem jako wielkiego przyjaciela Polski.* ***Mamy zbieżne interesy, znajdujemy wspólny język i już dziś wytyczyliśmy kilka strategicznych celów****, dzięki którym przyjaźń PL-US rozkwitnie jeszcze piękniej* (M. Morawiecki). У наведеному прикладі перформативність привітання посилена граматичною формою дієслова 1-ої особи однини теперішнього часу ***witam.*** Політичний твітинг здебільшого орієнтований не лише на реалізацію етикетної функції мови, а й на актуалізацію інформаційного приводу самопрезентації політика.

Крім персонально адресованих привітань, у мережевому політичному дискурсі частотними є звернення до читачів, співвітчизників, народу тощо з нагоди урочистостей державного чи національного рівнів, напр.: англ. *I had the opportunity to congratulate* ***some newly minted U.S. citizens*** *in Des Moines, Iowa. Tonight's naturalization ceremony — on the anniversary of our independence — serves as a reminder that being a nation of immigrants is one of our greatest strengths* (J. Biden, 5.07.2019). При цьому необов'язковою є наявність звертання, здебільшого адресат має непряму номінацію. Проте інформаційний привіт створення й опублікування етикетного твіту мусить бути чітко окреслений, напр.: англ. ***Diwali*** *reminds us that that light can prevail over darkness, and that America's diversity is among our greatest strengths.* ***Happy Diwali*** *and* ***Saal Mubarak to all who celebrate*** (H. Clinton, 14.11.2020). В останньому прикладі адресат масовий, але визначений через описову характеристику у формі частини складнопідрядного речення займенниково-співвідносного типу (*той – хто; to – all who*). Загалом привітання в політичному твітингу може бути персонально або масово адресованим, має перформативний характер і на рівні змісту актуалізує значення урочистої події для соціуму.

Подяка як мовленнєвий жанр пов'язана зі значущою подією, що стає підґрунтям для висловлення вдячності. На вербальному рівні подяка містить такі лексеми, як укр. *дякую, висловлюю подяку, спасибі*; польськ. *dziękuję, dzięki*; англ. *thank you*. Переважно це дієслівні форми теперішнього часу, що мають перформативний характер, напр.: укр. ***Щиро вдячний за підтримку*** *видатному українському* ***поету Валерію Залізному*** *і його чарівній* ***донечці Оксані*** (О. Ляшко, 19.09.2020); польськ. ***Dziękuję za spotkanie*** *z prezes i ekspertami. Omówiliśmy dzisiaj kwestie związane z dystrybucją i przechowywaniem szczepionki. Jednak mimo dobrych informacji o szczepionkach – musimy nadal przestrzegać reżimu sanitarnego – DDM* (M. Morawiecki, 13.11.2020); англ. *Today, we're reminded of our solemn obligation: to serve our*

veterans as well as they have served us. To all of our veterans and service members, we're forever grateful for your commitment to our country—and your willingness to put it all on the line for us. ***Thank you*** (B. Obama, 11.11.2020).

В українській і польській мовах подяка виражається за допомогою синтаксичних конструкцій із прийменником «за (za) + іменник у знахідному відмінку (+ іменник у формі давального відмінка)». Перший іменниковий компонент у формі знахідного відмінка вказує на предмет подяки, а другий – у формі іменника в давальному відмінку – є факультативним і вказує на адресата подяки. Натомість в англійській мові фіксуємо відокремлену етикетну форму подяки або використання її у складі синтаксичної конструкції «*thank you to*», напр.: ***Thank you to Dave Rubin****, author of «Don't Burn This Book», just announced on that he is voting for your favorite President, me. «I think Donald Trump has done a lot of good. When I see an American flag, I see Trump support»* (D. Trump, 29.10.2020). Тут спостерігаємо пріоритет вербалізації адресата, проте предмет подяки поданий описово. Отже, подяка виражається у формі сталих етикетних конструкцій типової синтаксичної будови з вербалізацією адресата і предмета подяки.

Співчуття як мовленнєвий жанр співвідноситься з некрологом, але через невеликий обсяг у твітах увагу зосереджено на трагічній події і ролі особи в суспільному, культурному, політичному житті, напр.: укр. ***Пішов з життя*** *справжній одесит* ***Михайло Жванецькій****. Ціла епоха. Його душа назавжди у старих вуличках Одеси, а творчість – безсмертна* (О. Ляшко, 6.11.2020). Предметом твітингу є смерть людини, що і становить семантичний центр тексту співчуття. Утім, мовець не лише реагує на сумну подію, а й характеризує особистість померлої людини в позитивному оцінному світлі, використовуючи оцінну лексику. Особливу увагу на семантичному рівні приділено вираженню співчуття, зокрема у формі ритуальних фраз, напр.: укр. *Сумна звістка надійшла сьогодні з Греції – завершився земний шлях митрополита Лангади владики Іоана. Цей ієрарх дуже любив Україну і Українську Церкву, багато попрацював для зміцнення наших зв'язків. Молимося за упокій його душі у Царстві Небесному.* ***Вічна пам'ять****!* (Митрополит Єпіфаній, 15.11.2020). Ключовими лексемами в цьому разі виступають *життя, смерть, сум, пам'ять,* напр.: англ. *Ruth Bader Ginsburg stood for all of us. She was an American hero, a giant of legal doctrine, and a relentless voice in the pursuit of that highest American ideal: Equal Justice Under Law. May her* ***memory*** *be a blessing to all people who cherish our Constitution and its promise* (B. Clinton, 19.09.2020). Політик-мовець висловлює сум з приводу смерті певної особи та співчуття тим, хто її знав. Співчуття насичене емоційно-експресивною лексикою та характеристикою ролі особи в житті країни. Загалом співчуття є менш частотним жанром мережевого політичного дискурсу порівняно з попередніми через специфіку інформаційного приводу.

Отже, політичний твітинг становить особливе поєднання політичного і мережевого дискурсу, що характеризується використанням повідомлень-твітів у презентації, контактуванні та обміні думками відомих політичних діячів. Основними мовленнєвими жанрами політичного твітингу є привітання, подяка і співчуття. У політичному дискурсі України, Польщі та США усі мовленнєві жанри представлені однаковою мірою, проте мають певну специфіку на рівні лексичного наповнення й синтаксичної будови.

Література

1. Бєлова А. Д. Віртуалізація комунікативного простору. *Мовні і концептуальні картини світу*. 2015. Вип. 1. С. 86–97.

2. Гончарова Е. А. Жанрообразующие характеристики англоязычного микроблога Твиттер. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 3. С. 51–58.

3. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Политический твиттинг как новый жанр интернет-коммуникации. Вопросы психолингвистики. 2014. С. 92–103.

4. Кобрин Н. В. Твиттинг – новый социо-коммуникативный жанр интернет-коммуникации. *Филологические науки: вопросы теории и практики.* 2016. № 9 (63). В 3-х частях. Ч. 3. С. 109–111.

5. Кондратенко Н. В., Стрій Л. І., Билінська О. С. Лінгвопрагматика політичного дискурсу: типологія мовленнєвих жанрів: монографія; за заг. ред. Н.В. Кондратенко. Одеса, 2019. 236 с.

В статье охарактеризованы основные жанры этикетного общения в социальной сети Твиттер. Определены специфические черты твиттинга как жанровой разновидности сетевого дискурса, прослежены особенности реализации ритуальной функции коммуникативного взаимодействия в твитах политиков США, Польши и Украины. Представлена типология речевых жанров, выполняющих этикетную функцию в сетевом общении. Проанализированы жанры поздравления, благодарности и сочувствия как основные репрезентанты этикетной коммуникации в политическом твиттинге.

Ключевые слова: *речевое поведение, речевой жанр, сетевой политический дискурс, твиты, твиттинг.*

The article describes the main genres of etiquette communication on the social network Twitter. The specific features of tweeting as a genre variety of network discourse are determined, the features of the implementation of the ritual function of communicative interaction in the tweets of politicians from the United States, Poland and Ukraine are studied. The author presents the typology of speech genres that perform etiquette function in network communication. The genres of congratulations, gratitude and sympathy are analyzed as the main representatives of etiquette communication in political tweeting.

Keywords: *speech behavior, speech genre, network political discourse, tweets, tweeting.*

Д. Г. ШАРИПОВА

Бухарский государственный университет, Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА» Ф. ИСКАНДЕРА

Статтю присвячено запозиченим словам у російській мові, на матеріалі роману знаменитого абхазького письменника Ф. Іскандера «Сандро з Чегема». Автор визначає, що формування значення слова здійснюється широким контекстом, іноді всім художнім твором, з метою висловлення наскрізної поетичної думки – ідеї. художньому творі залежно від авторської установки засоби загальнонаціональної мови можуть перетворюватися в емоційно-образному і естетичному відношенні, виступаючи як форма словесного мистецтва, вони сприяють найбільш повному втіленню художнього задуму. Екзотична лексика вживається в текстах художньої літератури і публіцистиці в декількох функціях. У творах, що розповідаються про життя інших країн, інших народів, екзотизми виконують номінативну функцію – називають поняття, яким немає еквівалентів у російській мові.

Ключові слова: *роман, екзотизми, запозичення, авторська установка, слово, пряме і переносне значення.*

Язык художественной литературы имеет свою специфику. Известно, что художественная речь частично совпадает с понятием «литературный язык». Литературный язык является основой художественной речи, однако, последняя использует кроме литературного языка все возможности языка национального: просторечие и жаргоны, диалектизмы и варваризмы, устаревшую лексику и профессионализмы; экзотизмы, но использует их с эстетической целью [1; 15, с. 113].

Характерным свойством художественной речи является ее образность. В художественном тексте образную функцию исполняет все-таки не каждое слово, - образные слова чередуются с обычными информативными. Нередко и нейтральные (безобразные) фонетические, грамматические, лексические средства языка в различных текстах приобретают дополнительные эмоционально-экспрессивные или смысловые оттенки, то есть становятся эстетически значимыми - образными. [2; 15, с. 114].

Главной образной границей в языке является слово. Слово в прямом значении может стать основой художественного образа, если оно получает в тексте «приращение смысла» (термин Б. Ларина). Это означает, что формирование значения слова широким контекстом, иногда всем художественным произведением, с целью выражения сквозной поэтической мысли - идеи. [3; 15, с. 116].

Образность некоторых слов заложена в самом объекте изображения, свойства которого вызывают у читателя определенные ассоциации, оценки, эмоции. Поэтому значимые объекты, выбираемые автором для изображения, а следовательно, значимы и слова, называющие их.

Одним из лучших произведений Искандера является роман «Сандро из Чегема», овеянный большой любовью к родной Абхазии. Роман строится как система новелл. Дядя Сандро – истинно народный герой. Он свидетельствует не только о чувстве народного юмора, но еще и о чувстве истории, которое народу присуще. Писатель не только не боится комизма в изображении своего героя или истории народа - он опирается на него.

Читая роман “Сандро из Чегема”, мы убеждаемся в том, что Ф. Искандер мастерски вводит экзотическую лексику в текст. Восточная специфика экзотизмов создает особый языковой “фон” произведения. Во многих случаях Ф. Искандер помогает своему читателю, давая следом за необходимой ему в художественных целях экзотической лексикой соответствующий русский эквивалент: - ***Чада, Чада****! (Осел! Осел!) - добавил он по-абхазски* [4; 33, с. 432]; … *возвращаясь из лесу с большой вязанкой дров на плече, подпертой с другого плеча топориком-**цалдой*… [5; 33, с.501].

Главным условием, необходимым для заимствования является двуязычие. Однако двуязычие не следует понимать здесь как результат территориального контекста двух соответствующих народов. Двуязычие может возникнуть при соприкосновении нескольких (и даже одного) носителей данного языка с иной языковой средой. Следует только обратить внимание на то, что в современных условиях двуязычие проявляется не только в устном общении, но и при чтение иностранных текстов, книг, газет, в переводческой деятельности и т.п. Другими словами, двуязычие может иметь место без непосредственного контакта носителей двух различных языков, а заимствованные слова, как результаты двуязычия, сразу попадают в письменную речь, минуя ту стадию употребления только в устной практике двуязычно говорящих людей.

Л.П. Крысин в своей статье «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни» выделяет ряд причин заимствований: потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т.п.: ср. слова типа кино, радио, такси, магнитофон, транзистор и под.

Большое количество экзотизмов в романе Ф. Искандера употребляется с **авторскими разъяснениями.** Такого рода лингвистический комментарий как стилистический прием широко использовался еще русскими классиками (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой) для изображения эмоциональных реалий. Приведем примеры из текста романа: *А при институте Абесаломона Нартовича есть хороший фруктовый сад, где среди прочих экзотических насаждений растут и деревца **фейхоа** (семейство миртовых, кисло-сладкие, продолговатые плоды зеленого или желтого цвета, если вам это так важно знать)* [6, с. 484]; *В левом углу стояла кадушка для кислого молока или **мацони**, как его у нас называют; **Аталычество**- воспитание дворянских детей в крестьянских семьях- было обычным явлением. Именно воспитание лет до десяти- двенадцати, а не кормление грудью; Лежа на бычьей шкуре, положив голову на **муртаку** (особый валик, который в наших краях на ночь кладется под подушку, а днем, если захочется вздремнуть, употребляется вместо подушки), так вот, положив голову на **муртаку**, он глядел под крону яблони…; Хапугу тоже предлагали, но он все отшучивался, отговаривался, делая вид, что у него на этот*

счет какие-то особые сведения, свои вести, свой ***хабар****, который вот-вот подтвердится, и тогда все пойдет по-другому.*

Слово **хабар** в последнем примере использовано Ф. Искандером в значение, не зафиксированном, в частности Новейшим словарем иностранных слов и выражений, где приведено: (тюрк.) – *взятка*, – и поэтому требует комментария. А в дальнейшем дополнительных разъяснений к экзотизмам не дается.

Основная часть экзотической лексики вводится в текст романа напрямую, без авторского комментария. Значение экзотизмов, вводимых в текст таким образом, раскрывается в контексте произведения. Как было указано в первой главе, такие экзотизмы называют речевыми или контекстуальными. Такой стилистический прием лексико-семантического освоения иноязычного слова в тексте называют **контекстуальным**, что наряду с дословным переводом малознакомых читателю слов, является удачным художественным средством. Так писатель, не утежеляя повествование всевозможными сносками, авторскими комментариями и т.п., достигает простоты и внятности изложения. Иноязычное слово уже не выступает как нечто инородное, а гармонично сосуществует с другими реалиями, пренадлежащими жизни и быту народов Кавказа и его природе. Подобным образом вводится слово **хурджин**: *Впереди шел, по-видимому, сам преступник-стройный молодой человек в черкеске и мягких азиатских сапогах. Одной рукой он придерживал перекинутый через плечо дорожный* ***хурджин***. Определение ***дорожный*** вызывает в памяти русскоязычного читателя устойчивое словосочетание *дорожная сумка*, которую в пути можно *перекинуть через плечо*. К тому же из текста вскоре выясняется, что эта сумка напоминает мешок, который завязывают: -*Что у него там шевелится? – спросил он у переводчика. Дядя Сандро закивал головой и стал развязывать* ***хурджин***. Следовательно, нам становится понятным значение данного слова- дорожный мешок.

Приведем еще примеры контекстуального введения экзотизмов в текст романа: *Надо было срочно выяснить, кто посетил ребенка – посланец аллаха или* ***шайтана***. (Шайтан – дьявол); *Дядя Сандро поставил свою винтовку отдельно в другой угол кухни.* ***Флинта*** *хозяина валялась возле окна. На нее никто не обратил внимания.* (Флинта – винтовка); *В столовой, увидев свое отражение в большом настенном зеркале, лошадь заржала и попыталась въехать в него. Дядя Сандро с трудом ее повернул и погнал обратно. На этот раз он влетел в залу и, огрев ее* ***камчой*** *перебросил через столик игроков.* (Камча – плетка); *Товарищ мой, наш односельчанин, я его не называю, потому что он еще живой, решил смочить в воде свои* ***чувяки***.

Необходимо отметить, что некоторые экзотизмы намеренно автором не поясняются, в виду того, что они являются достаточно известными русскоязычному населению. Примеры таких экзотизмов: ***арба, мулла, мамалыга, кунак, аллах, абрек, кацо*** и др. Посмотрим на употребление данных экзотизмов в тексте: *Они ели холодное мясо с горячей* ***мамалыгой****; Через некоторое время они догнали* ***арбу****, груженную песком; Он мой двоюродный брат, – ответил дядя Сандро, хотя Щащико был ему только земляком. Щащико был известным арабским* ***абреком*** *и стоил примерно ста хороших меньшевиков, как разъяснил мне дядя Сандро; Дядя Сандро, приезжая в город, обязательно расхаживал к своему высокому* ***кунаку****, ценившему в нем легкость на ногу, когда дело касалось опасных приключений, и твердость в ногах при питье; - Слушай,* ***кацо****, перевези мне через границу мандарины – получишь тысячу.*

У небольшого количества экзотизмов, вводимого Ф. Искандером в роман, трудно определить значение, так как они обозначают общие понятия. Из лексического окружения мы узнаем, что экзотизм имеет отношение либо к еде, либо к растениям, либо к одежде и т.п.

Например: *С его окаянной силищей,- говорил Тендел, подтягиваясь и пробираясь сквозь ощатиненные кусты* ***самшита****, он их волоком мог поднять…. Аробщик, как обычно отошел и присел в тени* ***алычи****; Над домом Хабуга возвышался холм, покрытый густой травой, зарослями лещины,* ***кизила,*** *ежевики; Закусывая свежим* ***сулугуни****, огурцами и помидорами, мы поочередно пили из кружки.*

Несмотря на это, восприятие текста не затрудняется, т.к. таких слов сравнительно немного и при необыковенной пистаеьской манере Искандера более конкретное значение указанных экзотизмов становится уже не столь важным.

Экзотизмы, постепенно осваиваясь в тексте романа, приобретают грамматические формы русского языка: «положил голову на **муртаку**»; «приподымая голову с валика – **муртаки**» ; «молодое вино из винограда **"качич"»**; «…я выпил его , получил кейф…».

Достаточо примеров в тексте словообразовательной активности экзотизмов: **шайтан** - шайтанская (хитрость), шайтанство, по-шайтански; **гяур** – гяурские (обычаи), по-гяурски; **хаш** – хашные; **сванка** – сванская (шапочка); **инжир** – инжировый; **алыча** – алычовая. Ср.: *Бахут сдвинул свою* ***сванскую*** *шапочку на затылок и, залучившись своими маленькими масличными глазками, приступил к рассказу; На столе были дымящиеся порции мамалыги, утыканные пахучими лолмтями копченого сыра, жареная курица,* ***алычовая*** *и ореховая подлива, влажные холмы зелени и, конечно, кувшин с «изабеллой»; Два больших* ***инжировых*** *дерева росли на огороде; -Знаю я их* ***гяурские*** *обычаи, – сказал отец, – им лишь бы не работать, да я о них думать не хочу.*

Художественную манеру Искандера, как и многих национальных писателей, создающих литературные произведения на русском языке, по мнению Меламеда С. Л., отличает стилевое своеобразие, что ощущается при самом поверхностном, «нефилологическом» чтении.

Так, Ст. Рассадин замечал: «В русской литературе у него положение особое. Он не просто абхазец, пишущий по-русски; он, став русским писателем, не перестал быть абхазцем. Колорит родного юга в его книгах уже не столько свойство материала, но свойство кисти. В превосходной русской речи Ф. Искандера живет очень национальная, южная, кавказская интонация [7; 14; 13, с. 21].

Таким образом, в художественном произведении в зависимости от авторской установки средства общенационального языка могут преобразовываться в эмоционально-образном и эстетическом отношении, выступая как форма словесного искусства, они способствуют наиболее полному воплощению художественного замысла [8; 15, с. 117]. Экзотическая лексика употребляется в текстах художественной литературы и публицистике в нескольких функциях. В произведениях, рассказываемых о жизни других стран, других народов, экзотизмы выполняют номинативную функцию – называют понятия, которым нет эквивалентов в русском языке.

Литература

1. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 451с.

2. Габинская О. А. Типология причин словотворчества. Воронеж, 1981. 152с.

3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 451 с.

4.Лыков А. Г. Можно ли окказиональное слово называть неологизмом? // РЯШ. 1972. №2. С. 85-89.

5. Лопатин В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.

6. Искадер Ф. Сандро из Чегема. Изд-во «Время, 2018.

7.Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. М., 1975. 371 с.

8. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.

Статья посвящена заимствованным словам в русском языке, на материале романа знаменитого абхазского писателя Ф. Искандера «Сандро из Чегема». Главной образной границей в языке является слово. Слово в прямом значении может стать основой художественного образа. Это означает, что формирование значения слова осуществляется широким контекстом, иногда всем художественным произведением, с целью выражения сквозной поэтической мысли – идеи. В художественном произведении в зависимости от авторской установки средства общенационального языка могут преобразовываться в эмоционально-образном и эстетическом отношении, выступая как форма словесного искусства, они способствуют наиболее полному воплощению художественного замысла. Экзотическая лексика употребляется в текстах художественной литературы и публицистике в нескольких функциях. В произведениях, рассказываемых о жизни других стран, других народов, экзотизмы выполняют номинативную функцию - называют понятия, которым нет эквивалентов в русском языке.
***Ключевые слова**: роман, экзотизмы, заимствования, авторская установка, слово, прямое и переносное значение.*

The article discusses borrowed words in the novel by the famous Abkhaz writer F. Iskander «Sandro from Chegem». The main figurative boundary in the language is the word. The word in its direct meaning can become the basis of an artistic image. This means that the formation of the meaning of a word is determined by a wide context, sometimes by the entire fiction work, in order to express a cross-cutting poetic thought - an idea. In a fiction work depending on the author's attitude, the means of the national language can be transformed in an emotional-figurative and aesthetic aspect, acting as a form of verbal art, they contribute to the most complete embodiment of an artistic design. Exotic vocabulary is used in the texts of fiction and journalism in several functions. In works telling about the life of other countries, other peoples, exoticisms perform a nominative function: they call concepts that have no equivalents in the Russian language.
***Keywords:** novel, exoticisms, borrowings, author's attitude, word, direct and figurative meaning.*

Т. В. ШЕВЧЕНКО
Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

ПРАГМАТИЧНІ ТИПИ РЕЧЕНЬ В УКРАЇНСЬКОМУ ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ

У статті проаналізовано основні прагматичні типи речень, характерні для українського художнього дискурсу. Описано співвідношення комунікативно-інтенційного змісту речень з особливостями їх структури, розглянуто характер прагматичного компонента.
***Ключові слова:** прагматика, мовленнєвий акт, комунікативна настанова, комунікативно-інтенційний зміст, синтаксична одиниця, прагматичні типи речень.*

Мова може виражати не тільки людські знання, й прагматично-афективне ставлення людини до навколишнього світу. Сучасні лінгвісти вивчають мову в нерозривному зв'язку з мисленням, свідомістю, пізнанням, культурою, світоглядом як окремої особистості, так і мовного колективу, до якого вона належить. За допомогою мовної діяльності людина здатна вплинути на учасників акту спілкування, тому мовознавці пропонують розрізняти не тільки комунікативну, а й пізнавально-відображальну функції мови.

На сучасному етапі розвитку української літературної мови мовлення доцільно розглядати лише у єдності форми, значення та контексту. «Якщо мова як система складається з рівнів, або ярусів, – синтаксичного, лексико-семантичного, морфологічного та фонологічного, кожен з яких містить відносно однорідні одиниці – речення, слова, морфеми і фонеми, то мова як код у спілкуванні структурована інакше», – стверджують О. А. Семенюк та В. Ю. Паращук [1, с. 100].

Опановуючи ту чи ту мову, треба, безперечно, слідкувати не лише за поповненням свого лексичного запасу, не тільки вміти правильно конструювати речення, але й доречно

їх використовувати в мовленнєвих актах, що й забезпечить успіх комунікації. Недосконале ж володіння мовою, звужує можливості втілення інтенціональних завдань.

Мовленнєві акти у кожній мові окреслені національно-культурними традиціями та визначені суспільною практикою того чи того етносу. Національно-культурні традиції – комплекс структурних рис загальнонаціонального, зокрема українського мовного типу, не розчинений у процесі історичного розвитку мови залишок у фонетиці, лексиці, семантиці, морфології, синтаксисі, стилістиці, який можна виділити з урахуванням добре вивчених історичною граматикою та історичною лексикологією перебудов, що відбулись у мові. Як же організована мова як код під час комунікативного акту? Саме на це питання ми і хочемо дати відповідь у запропонованій науковій розвідці.

Як стверджують дослідники, «коли абстрагуватися від конкретного змісту, який передають слова, відкривається другий, глибинний, «матеріальний» вимір тексту як певної сутності, запрограмованої на зростання, нарощування сили впливу за рахунок людської енергії» [1, с. 127 – 128].

Мета статті полягає в системному аналізі комунікативно-інтенційного змісту речень, що вживаються в українських художніх текстах, у зіставленні цього змісту з будовою та порядком елементів у структурі таких речень.

Дискурс є центральною одиницею організації мовного коду в комунікації. Мовлення, реалізуючись у тій чи тій комунікативній ситуації, утілюється у формі певних жанрів і складається з мовленнєвих актів. Засобом реалізації мовленнєвого акту виступає речення, характеризоване певним комунікативно-інтенційним змістом.

Мова є засобом вираження ставлення мовця до повідомлення, на думку, В. А. Чабаненка, емотивна функція мови реалізується тоді, коли мовець виражає своє почуття, своє ставлення до навколишньої дійсності або коли він хоче викликати почуттєву реакцію свого співбесідника [2].

Емотивність реалізується як одна з мовних категорій саме в прагматичних типах речень. А. П. Загнітко стверджує, що головним для віднесення речення до того чи того прагматичного типу «виступає характер прагматичного компонента» [3, с. 123].

Дієслово-присудок, що безпосередньо реалізує відношення між адресантом і адресатом у реченні під час комунікації, називають перформативним. Уперше цей термін був застосований Дж. Остіним на позначення речень-висловлень, що дорівнюють акту дії [4, с. 22 – 129]. Наприклад: *Клянуся зберігати таємницю* (І. Кочерга); *Вітаю, друже!* (Є.Кононенко) – експліцитним індикатором ілокутивної сили у цих висловленнях виступають дієслова, які прямо представляють мовленнєві акти, зокрема *клянусь* і *вітаю*.

Як зауважують дослідники, в англійській мові існує приблизно 30 перформативних дієслів, в українській мові знаходимо такі, як-от: *наполягаю, раджу, гарантую, вимагаю, клянусь, запрошую, бажаю* тощо [1, с. 109]. Безумовно, не всі дієслова можуть позначати мовленнєву дію у той момент, коли їх вимовляють, а тому й не всі вони є перформативними.

На думку О. О. Селіванової, перформативне речення – «висловлення у процесі здійснення дії, що вводить істинну пропозицію, яка відповідає діям і намірам мовці» [5, с. 460].

Засновник Київської прагмалінгвістичної школи Г. Почепцов пропонує розрізняти мовленнєві акти, спираючись на ілокутивну силу, яка втілює інтенцію мовця, на основі чого дослідник виокремив такі їх різновиди, як-от: констативи, промісиви, менасиви, перформативи, директиви, квестиви та фатичні мовленнєві акти, що спрямовані лише на встановлення контакту [6; 7; 8; 9]. На основі цієї класифікації у сучасній лінгвістиці і прийнято виділяти шість основних прагматичних типів речень [3; 10; 11; 12]:

1) **констативи** (реалізується інтенція ствердження, констатується факт об’єктивної дійсності, чи такої, яка вважається об’єктивною; за метою висловлення – це лише

розповідні речення, констативи не можуть реалізуватися питальними чи спонукальними конструкціями): *Я бачив Вас у костьолі, – почервонів Грубич* (В. Даниленко); *Ось ми й прийшли, – мовила вона. – Це мій будинок* (В. Даниленко); *Широкою долиною між двома рядками розложистих гір тихо тече по Васильківщині невеличка річка Раставиця* (І. Нечуй-Левицький);

2) **промісиви** (реалізується інтенція обіцянки, використовуються дієслова-присудки майбутнього часу, автор повідомлення виступає гарантом сказаного, адресат зацікавлений тим, що обіцяється): *Галю, обіцяю тобі, я більш ніколи не повернусь до цього діла* (Панас Мирний); *Мелашко, я прийду до тебе на нашу вулицю* (І. Нечуй-Левицький. Кайдашева сім'я); *Повірте, я буду добрим їй чоловіком* (В. Даниленко);

3) **менасиви** (реалізується інтенція погрози, використовуються дієслова-присудки майбутнього часу, автор повідомлення виступає гарантом сказаного, адресат не зацікавлений тим, що обіцяється у висловленні): *Зараз принесу, бодай тебе пранці з'їли, щоб ти їв і не наїдався, щоб тебе розірвало, щоб ти луснув був мвленьким* (О. Довженко); *Як візьму налигача, то я вас обох так обчухраю, що ви будете мені коритися* (І. Нечуй-Левицький); *Га? Це ти тут лежиш, бодай ти не встав!* (О. Довженко);

4) **перформативи** (вимова речення дорівнює самій дії, названій дієсловом-присудком у теперішньому часі; неприпустимими в перформативах є заперечення та вставні слова, що допускають невпевненість у виконанні дії чи її нездійснення: *Я хутко залізаю на запічок, звідти плигаю в дідові валянці і повз старців вибігаю стрімголов надвір* (О. Довженко); *Я ж тим часом сідаю на намитій смужці піску, спираюся спиною об виступ берег, й приплющуюсь* (В. Шевчук); *Спішу до тебе, лечу до тебе, моє серденько* (І. Котляревський);

5) **директиви** (комунікативно-інтенційний зміст – спонукання до дії) у свою чергу поділяються на **ін'юнктиви** (реалізується інтенція суворого наказу) та **реквестиви** (реалізується інтенція прохання): *Негайно припиніть ці балачки і гайда до роботи* (І. Нечуй-Левицький); *Діду, злазьте та йдіть додому, я й сама з ними дам раду…* (Т. Осьмачка); *Візьмемо його з собою, – попросила чоловіка, і її голос зашелестів, наче крильця водяної бабки* (В. Даниленко); *Встаньте, мамо, з воза, бо тут гора дуже крута* (І. Нечуй-Левицький);

6) **квестиви** (реалізується інтенція питання, як і директиви, квестиви спрямовані на те, щоб викликати дію адресата, але для квестива – це лише мовленнєві дії): *А може, ти вийдеш до млина завтра надвечір, під ту вербу, де я стояв з волами?* (І. Нечуй-Левицький); *Це не буде грубо, якщо я запрошу вас на келих вина? – запропонував чоловік* (В. Даниленко); *Чому ж ти не підіймеш тої зброї, що батькові з старечих рук упала?* (В. Даниленко).

На нашу думку, заслуговують на увагу й синтаксичні конструкції, у яких реалізується інтенція докору, вони досить часто трапляються в аналізованому матеріалі, посідаючи значне місце в українській комунікативній культурі. Пропонуємо на їх позначення застосувати термін **кондемітиви**: *Я знаю, хто ті розбишаки… то мій син, клятий!...*(Панас Мирний); *Та я ж просив вас посидіти хвилину тихо* (Ю. Яновський); *Дозволив їй покинути палац, жити, де сама знає; дав на нове хазяйство 50 карбованців грошей. А вона…* (Панас Мирний). Докір теж завжди має свого адресата, для створення такого висловлення можуть використовуватися як власне мовні засоби (модальні частки), так і нелінгвальні.

Отже, комунікативно-інтенційний зміст – це обов'язкова ознака кожного речення. Для українського художнього дискурсу характерні різні прагматичні типи речень, продуктивно використовують у художньому мовленні констативи, промісиви, менасиви, перформативи, директиви, квестиви та кондемітиви. Однакові за структурою синтаксичні конструкції можуть бути носіями різних інтенційних змістів, у той час як пропозиція може бути тотожною в реченнях, що різняться комунікативною настановою.

Література

1. Семенюк О. А., Паращук В. Ю. Основи теорії мовної комунікації. Київ, 2010. 240 с.
2. Чабаненко В. А. Стилістика експресивних засобів українська мови: Монографія. Запоріжжя, 2002. 351 с.
3. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови : Синтаксис: Монографія. Донецьк, 2001. 662 с.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVII. Москва: Прогресс, 1986. С. 22–129.
5. Селіванова О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія. Полтава-Київ, 2006. 716 с.
6. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації. Київ. 1996. 175 с.
7. Почепцов О. Г. Основи прагматического описания предложения. Київ. 1986. 116 с.
8. Почепцов О. Г. Комунікативний статус як параметр мовленнєвої взаємодії. *Мовознавство.* 1989. № 4. С. 40–45.
9. Загнітко А. П. Український синтаксис (науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс) Ч.1 Навч. посібник. Київ. 1996. 202 с.
10. Гак В. Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. Изд. 2, испр. В. Г. Гак. Москва, 2009. 368 с.
11. Гуйванюк Н. В. Формально-семантичні співвідношення в системі синтаксичних одиниць. Н. Гуйванюк. Чернівці. 1999. 336 с.
12. Попова І. С. Фундаментальні категорії метамови українського синтаксису (одиниця, зв'язок, модель): монографія.Дніпропетровськ. 2009. 432 с.

В статье проанализированы основные прагматические типы предложений, характерные для украинского художественного дискурса. Описаны соотношение коммуникативно-интенциональной содержания предложений с особенностями их структуры, рассмотрены характер прагматического компонента.

Ключевые слова: *прагматика, речевой акт, коммуникативная установка, коммуникативно-интенционный содержание, синтаксическая единица, прагматические типы предложений.*

The main pragmatic types of sentences characteristic of the Ukrainian artistic discourse are analyzed in the article. The correlation of the communicative intentional content of sentences with the peculiarities of their structure is described, the character of the pragmatic component is considered.

Keywords: *pragmatics, speech act, communicative instruction, communicative-intentional content, syntactic unit, pragmatic.*

Е. В. ШИЛЕЙ

Минский государственный лингвистический университет

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ПЕЙЗАЖА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Статтю присвячено розгляду основних характеристик мовної особистості, які проявляються при формуванні комунікативного пейзажу сучасного міста за допомогою найменувань організацій. Автор аналізує такі категорії найменувань, як інформативність, модальність, ступінь інтерпретованості.

Ключові слова: *мовна особистість, назви фірм, способи номінації, категорії номінації.*

Коммуникация – способ существования личности в социуме, и человек социальный обитает в определенном коммуникативном пространстве этноса, в коммуникативном пространстве профессии и, конечно, в коммуникативном пространстве города. Процесс развития и социализации личности, а также процесс существования личности в разных измерениях коммуникативного пространства целесообразно рассматривать через призму языковой личности в том ее понимании, которое предложил Ю. Н. Караулов. Языковая

личность включает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1, с. 3]. Выделенные характеристики языковой личности отчетливо проявляются в коммуникативном пейзаже современного города, основной акцент которого составляют вывески, представляющие собой монокодовый или поликодовый текст, призванный установить определенного рода режим взаимодействия между адресантом и адресатом (потенциальным клиентом). Нельзя не согласится с утверждением В. Н. Телии, что «название является свернутым, многоплановым текстом и, как и любой текст, имеет автора и адресата с определенными чертами и его название представляет собой целенаправленную речемыслительную деятельность» [2, с. 24].

Посредством имени объекта номинатор достигает ряда целей, таких как привлечение внимания к организации, выделение и дифференциация среди компаний, предоставляющих на рынок однотипные товары и услуги. В качестве долгосрочных целей можно определить такие как завоевание доверия и лояльности потребителей и построение бренда под данным именем.

Материалом для анализа послужили наименования предприятий в сфере питания: названия ресторанов, баров и кафе города Минска. Выбор материала обусловлен рядом причин. Во-первых, в данном сегменте рынка присутствует огромная конкуренция, что вынуждает номинатора прибегать к разнообразным средствам для привлечения внимания потенциального клиента. Во-вторых, наименования предприятий представленной сферы деятельности наиболее демократичны в отношении используемых принципов и способов номинации.

В зависимости от того, какую информацию номинирующий субъект передает посредством наименования, современные исследователи выделяют три группы названий объектов (или эргонимов), представленных на вывесках. В работе И. В. Крюковой представлены три типа эргонимов в зависимости от степени информативности: идентифицирующий (названия эргонимов, в которых есть указание на характер деятельности предприятия, вид продукции либо на основателя), условно-символический (названия, представляющие собой слова иной лексико-семантической парадигмы, но обладающие общим с родовым определяющим семантическим элементом) и символический (названия, не имеющие никакой смысловой вязи с объектом) [3, с. 106-107]. Для эргонимов в сфере ресторанов, баров и кафе Минска преобладающим является символический тип, то есть наименования не отражают специфику деятельности организации и не содержат смысловой связи с объектом. Многие отдельно взятые названия подошли бы не только для именования ресторанов, но и для компаний, занятых в иных областях: «*Колесо*», «*Сказочный замок*», «*Багратион*», «*Восток*» и проч. Для облегчения интерпретации и понимания, основную информационную нагрузку в эргонимах данного типа несет номенклатурное название, которое присутствует в подавляющем большинстве случаев: *кафе-блинная* «*Депо*», *кафе-клуб* «*Персия*», *ресторан* «*Охота*», *ресторация* «*Контрабас*». В ряде случаев номинирующий субъект при наименовании заведения прибегает к использованию лексических единиц, принадлежащих общей с предлагаемой услугой лексико-семантической парадигме. Наименования данного типа не передают информацию об организации прямо, а актуализируют ассоциативную связь, преимущественно метонимического характера. Кроме того, подобные наименования посредством ключевого слова или фразы передают информацию о специфике заведения. Например, кафэ «*Базилик*», бар «*Мускат*», «*Пивной прибой*», ресторан «*Віно Градъ*», «*Профитроль*», арт-кафе «*Латте*», кафе «*Черпак*». Некоторые компании уже непосредственно в наименовании сообщают представителям

целевой аудитории о предоставляемых услугах: «Кальянная №1», «*Шоколоадный бар*», «*Трактир на Парковой*», ресторан «*Экспедиция. Северная кухня*», «*Банана-кафе*».

В ситуации имятворчества номинатор не только передает информацию об объекте и специфике деятельности, но и проявляет свое настроение и отношение к адресату, что проявляется в модальности наименований компаний. С категорией модальности неразрывно связано понятие текстовой тональности, которое рассматривается как категория, «которая совершается именно при создании текста путем выбора говорящим (или пишущим) определенных языковых средств, в которых «запрограммирован» эффект экспрессивности» [2, с. 54]. Взаимодействие данных категорий способствует созданию и передаче эмоционального настроя от организации в лице номинатора представителям общественности. В исследовании «Тональный компонент модальности в коммуникации» Багдасарян приводит обширный список разновидностей модальной тональности: «официальная, серьезная, шутливая, восторженная, дружелюбная, враждебная, саркастическая, недоверчивая, безразличная, пессимистическая, робкая, мечтательная, с грустью, пренебрежительная, надменная, агрессивная, с отвращением, настойчивая, мрачная, удивленная, взволнованная, хвастливая, с тревогой, раздраженная, с обидой, отрешенная, радостная, притворная, задумчивая, решительная, вызывающая, таинственная, грубая, испуганная, вежливая, ласковая» [4, с. 7]. Очевидно, что некоторые из предложенных разновидностей в эргонимии не встречаются, некоторые встречаются с различной степенью частотности. Целью наименования организации является как привлечение внимания потенциального потребителя, так и дифференциация организации среди конкурентов. Помимо достижения данных целей, компании стремятся завоевать расположение и симпатию представителей целевой аудитории. Не вызывает сомнений тот факт, что рассчитывать на благосклонное отношение общественности можно лишь при положительном настрое со стороны компании в отношении целевой аудитории. В связи с этим юмор выступают преобладающими видами модальной тональности среди наименований ресторанов, баров и кафе: коктейльный бар «*Банки-Бутылки*», рестобар «*Тише мыши*», кофейня «*Чай. Кофе. Потанцуем.*». К тому же наименования представляют собой сжатый текст, количество слов в названии, как правило, не превышает трех-четырех и в этом отношении шутливый настрой передать становится легче, чем какой-либо еще. Улыбку вызывают рифмующиеся слова, некоторые устойчивые выражения, как показано в вышепреведенных примерах. В некоторых случаях для создания юмористического эффекта номинатор использует морфологические средства, сленг: кафэ «*Кабанчик*», пиццерия «*Перчик*», клуб «*Тусэ*».

Категория языковой личности проявляется и через интерпретируемость, то есть через точность, ясность, глубину и экспликативность / импликативность наименования заведения. Анализ эргонимов рассматриваемого типа показывает, что во многих случаях адресату не приходится прикладывать дополнительные усилия для понимания интенции автора и сообщение с легкостью интерпретируется правильно. Из названия можно узнать и об особенностях кухни и приготовления блюд «*На углях*», и о расположении заведения «*Старый город*», а также о стиле и атмосфере, царящей в заведении «*Хуторок*», «*Подворье*», «*Матчбол*». Подобные наименования являются достаточно эксплицитными, поскольку сообщение, передаваемое посредством названия, «является проявлением и развитием логической формы, выраженной с помощью языкового кода» [5, с. 124]. Интерпртерация сообщения осуществляется в соответствии с намерением автора.

В некоторых анализируемых эргонимах номинатор не сообщает прямо об особенностях предоставляемых услуг, а передает информацию о специфике заведения имплицитно. Как

показывают результаты анализа эргонимов в сфере ресторанов, баров и кафе, чаще всего таким образом номинатор сообщает об особенностях кухни. Так, примерами эксплицитных наименований являются кафе, предлагающие блюда кавказской кухни «*Апшерон*» и «*Тифлис*», кафе европейской и итальянской кухни «*Milano*», кафе-клуб восточной кухни «*Персия*».

С другой стороны, встречаются наименования, для понимания значения которых необходимы определенные условия. К числу таких требований относятся допонительные экстралингвистические сведения, общая языковая картина мира номинатора и потенциального клиента, общность тезаурусов. В рамках категории интерпретируемости правомерно рассматривать заимствования из других языков, которые достаточно часто встречаются в эргонимах анализируемого типа. И если некоторые слова и фразы иноязычного происхождения, встречающиеся в названиях, понятны широкой общественности: «*Buon Apetitto*», «*Boulevard*», «*Beer&Wine*», то в ряде случаев для правильной интерпретации необходимы дополнительные знания.

Иногда в названиях на иностранном языке номинирующий субъект использует транслитерацию, прописывая наименования кирилицей, а не буквами того языка, из которого заимствуется слово или фраза. В таком случае наименование является символическим, не передающим информации об объекте, и лишь при наличии дополнительных знаний (в приведенном примере это знание иностранного языка) эргоним становится информирующим, что еще раз доказывает взаимосвязь различных типов номинации. Другими примерами подобного типа являются название ресторана «*Алта Виста*», в переводе с итальянского означает «*вид сверху*», кафе-клуб «*Парадиз*», одно из значений переводится как «*рай*».

Таким образом, анализ практического материала позволяет наблюдать многоплановое проявление способностей и характеристик языковой личности в городском коммуникативном пейзаже через выбор способов и моделей номинации, через информативность названий, их модальность и интерпретируемость.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц ; отв. ред. А. А. Уфимцева. М., 1986. 141 с.
3. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 360 л.
4. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2000.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 276 с.

Статья посвящена рассмотрению основных характеристик языковой личности, которые проявляются при формировании коммуникативного пейзажа современного города посредством наименований организаций. Автор анализирует такие категории наименований, как информативность, модальность, степень интерпретируемости.

***Ключевые слова**: Языковая личность, наименования компаний, способы номинации, категории номинации.*

The article exposes the main characteristics of the linguistic personality manifested in the formation of the communicative landscape of a modern city through the names of organizations. The author analyzes such categories of names as information content, modality, degree of interpretability.

***Key words**: linguistic personality, companies' names, principles of nomination, categories of nomination.*

Т. О. ШУНДЕЛЬ
Донецький національний медичний університет

СИНКРЕТИЧНІ КОНСТРУКЦІЇ З ПЕРЕХІДНИМИ ВІДНОШЕННЯМИ АТРИБУТИВНОСТІ ТА ВІДНОШЕННЯМИ ПРОСТОРУ

Статтю присвячено вивченню синкретичних взаємовідношень між частинами складнопідрядних речень та перехідних зв'язків між його компонентами з семою атрибутивності та місця, дослідженню семантичного потенціалу. Особлива увага звертається на семантико-синтаксичну організацію предикативних частин, яка виникає за умови розмежування ядра та синкретичної периферії. Аналізується зв'язок між типовими та перехідними одиницями. Доводиться, що вживанням складнопідрядних конструкцій з синкретичним значенням у формі одного цілісного висловлювання пояснюється його здатністю до передачі двох семантико-синтаксичних значень в одній структурі. Виявлено, що виникнення додаткового повідомлення відбувається внаслідок семантичної рухливості підрядних частин. Тобто, проміжність моделей свідчить про високу міру складності смислової структури й про немалий потенціал семантичного значення.

Ключові слова: *шкала перехідності, складнопідрядні речення, синкретичне значення, структурно-семантична особливість, глибинна структура, функціонально-семантичне поле, сема атрибутивності, сема місця.*

Мовні одиниці зв'язуються між собою за допомогою варіантних відношень, що визначають в мовній системі наявність поверхневого і глибинного рівнів. Основою мови є глибинний рівень, що характеризується одиницями-еталонами в їхніх первинних формах і функціях, які парадигматично пов'язані між собою відношеннями схожості або відмінності. Поверхневий рівень є своєрідним шаром, який може характеризуватися ускладненим використанням вторинних форм і функцій відповідних одиниць, що пов'язані варіантними відношеннями [1, с. 97]. Річ у тім, що часто в поверхневій структурі висловлювання можуть знаходитися елементи, які не мають свого відображення в глибинній структурі. Саме ця невідповідність між висловлюванням і ситуацією порушує питання про семантичну економію за умови, коли в поверхневій структурі висловлювання не простежується вказівка на будь-який елемент глибинної структури.

У сучасному мовознавстві детально проаналізовані граматичні категорії, в рамках яких зосереджений повний набір диференційних ознак. Треба зазначити, що інтерес науковців зосереджений на рухомості мови, динамічному характеру її розвитку та складності зображення мовних одиниць, які виникають саме завдяки функціонуванню перехідних явищ, що не мають усіх диференційних властивостей однієї категорії та які неможливо вмістити в рамки певних класифікацій. Ці перехідні явища демонструють взаємодію полярних мовних одиниць, оскільки для них характерне поєднання (синтез) диференційних ознак одиниць, що протиставляються.

Розглядаючи проміжні (перехідні, синкретичні) сфери, ми звертаємо увагу на те, що закріплені за однією формою значення, не взаємовиключають одне одного, а знаходяться в досить-таки складних відношеннях. Адже перехідність ми можемо розуміти не як локалізованість, а як своєрідну синтетичну гібридність, яка проявляється в суперечливому поєднанні ознак і властивостей різнорідних одиниць в плані змісту і вираження.

Досліджуючи такі одиниці, відмічаємо той факт, що нестабільність, рухливість мови та її схильність до різних видозмін наштовхує на думку, що синкретизм – універсальне явище,що виявляє себе як на різних мовних рівнях, так і у рамках окремо взятого рівня та володіє динамічним характером. Так, під динамічністю мови зазвичай розуміють здатність мови в процесі свого формування виходити за межі того, що реалізовано, як спрямованість на пошук нових становлень плану вираження [2, с. 47-48]. Усе це призводить до появи різноманітних гібридних утворень, які формуються в процесі динаміки мовних одиниць на синхронному зрізі мови [3, с. 476].

Поглиблений аналіз складнопідрядних речень (далі – СПР) сучасної англійської мови свідчить, що синкретичність підрядної частини обумовлюється певною співвіднесеною із словами в головних реченнях, характері індикаторів (з'єднувальних елементів), здатністю поєднання двох синтаксичних ядер і тенденцією підключення предикативної лінії до ускладненого семантичного ядра, що призводить до комбінації функціональних векторів, які органічно переплетені між собою. Тобто, створюється свого роду концентрація форм при економії мовних засобів, що призводить, у свою чергу, до розширення класифікаційних меж за допомогою виділення проміжних підрядних типів. Умови існування взаємозамінних засобів підпорядкування сприяють появі синкретичності форм, що призводить до зміни загального сенсу цілісного висловлювання. Це, очевидно, можна пояснити надмірністю смислової структури та її універсальним змістом, що виявляється певною мірою в перехідних зонах. Нові синкретичні семантико-синтаксичні значення реалізуються на базі вираження стосунків між головною й підрядною частинами, які припиняють відбивати індивідуальні наповнення. Отже, відбувається свого роду відхід від подібних конкретизованих одиничних фактів дійсності.

Яскравим прикладом цього факту є функціонування у мові конструкцій, де атрибутивні й просторові відношення в межах одного й того ж СПР чітко не розмежовані, що свідчить про можливе схрещування декількох смислових планів в одній структурі. Нечітка диференціація функціонально-семантичних полів (далі – ФСП) СПР відбувається внаслідок того, що опорні слова в головному реченні здатні змінювати свій функціональний план та актуалізувати семантичне навантаження різною мірою. З іншого боку, синкретичність цих структур викликана здатністю опорних компонентів типізувати різне лексичне наповнення.

Треба зазначити, що моделювання тільки за допомогою сполучників не дозволяє виявити усіх функціональних особливостей СПР. У основній своїй масі лексично насичені сполучники висловлюють різні багаті відтінки семантико-синтаксичних стосунків між головними та підрядними реченнями. Конструктивною ознакою при диференціації синтаксичного потенціалу опорного слова виявляється урахування не лише лексичних можливостей, але й семантична приналежність цього слова до того або іншого функціонального поля.

Строго розмежовувати складнопідрядні одиниці перехідного характеру допомагає шкала перехідності В. Бабайцевої [4], де ці елементи можуть бути представлені наступним чином:

А. *Her and the boy* ***that*** *goes to work are the only ones bringing in any money … [5, c. 107].*

I've got Seamus O'Brien ***who*** *washes up and does the potatoes [5, c. 328].*

Аб. *He turned from* <u>*the sink*</u> ***where*** *he was busy washing up [5, c. 204].*

<u>*In a country*</u> ***where*** *beauty among the young is a commonplace, he was still striking [5, c. 44].*

АБ. *After putting two heaped teaspoons in each mug she replaced the wet spoon in the sugar bowl and carried the two thick mugs of steaming dark brown liquid to* <u>*that table*</u> ***where*** *Milly was sitting [5, c. 74].*

аБ. *He presumably had a right to be* <u>*there*</u> ***where*** *he was [5, c. 21].*

Behind the house and to either side sloped <u>*the cool woods*</u> ***where*** *small birds flashed and twittered [5, c. 10].*

Б. *Gerald came striding towards her* ***where*** *she stood on the doorstep [5, c. 169].*

As yet the brothers hadn't exchanged a greeting, and Harry Stapleton was walking towards Constance, ***where*** *she stood in the lounge doorway [5, c. 15].*

Підрядні речення ядерної зони **А** мають індивідуальне значення атрибутивності та у поєднанні з опорними словами головного речення вказують на ознаку предмета. Реалізація атрибутивних відношень викликана рядом ознак, які характерні лише для СПР з означальними відношеннями. Усі ці складнопідрядні структури тісно пов'язані з морфологічною природою опорних компонентів, що дозволяє нам говорити про реалізацію

атрибутивних стосунків в чистому вигляді (*Katherine looked at Josh* ***who*** *was deep in conversation with a well-dressed man Katherine hadn't seen before [5, c. 85]; She tucked up those few loose strands of hair* ***that*** *had slipped from the bun that sat on top of her head [5, c. 279]*).

Складнопідрядні структури ядерної зони **Б** диференціюються як конструкції з просторовим значенням, де в підрядних реченнях уточнюється місце, про яке йдеться мова в головному реченні (*The loop fastened just* ***where*** *the great bow of the tail springs out horizontally from the spine, seemed to bite into the beast's flesh [5, c. 109]; I stuck the knife in my belt, pirate-wise, then splashed back to* ***where*** *the dolphin lay [5, c. 108]*). Компоненти СПР пов'язані між собою за допомогою з'єднувальних елементів (*where, whence, wherever*) з просторовою семантикою(*I let the bushes slip back into place, and stood still* ***whence*** *I was, to wait for him to pass [5, c. 67]; We were both soaked to the skin, and chilled, but* ***wherever*** *our bodies met and clung I could feel the quick heat of his skin and the blood beating warm against mine [5, c. 111]*).

Периферійна ланка **Аб** представлена конструкціями, центр яких тяжіє до СПР з ФСП атрибутивності. Переважання семи атрибутивності в СПР пояснюється завдяки тісному зв'язку сполучників з опорними словами – іменниками, уточнюючий характер яких розкривається в головному реченні (*He indicated a narrow opening at the corner of the square* ***where*** *steps led up into the shadow between two tall houses [5, c. 45]*). Проте в цих структурах простежується й семи простору, оскільки відтінок семантики місця забезпечується за рахунок широкого вживання просторових опорних слів (*And now we had reached the place* ***where*** *the bottom shelved more steeply [5, c. 110]; He indicated a narror opening at the corner of the square* ***where*** *steps led up into the shadow between two tall houses [5, c. 45]*). У одиницях перехідної ланки **Аб** немає ні вказівних слів, ні корелятів, які б заміщали позицію означення й змінювали смисловий вектор СПР.

У проміжній зоні **АБ** функціонують конструкції, в яких спостерігається приблизно рівне співвідношення ФСП атрибутивності й ФСП місця. Атрибутивна семантика пояснюється завдяки тісному зв'язку сполучника з іменником в головному реченні, з якими вживаються різного роду вказівні займенники та кореляти, які виконують в СПР функцію означення (*I could hear the trickle of water now, and ahead of me was such a beak-in the trees* ***where*** *the pool lay [5, c. 66]; I saw the torchlight pause again, then rake that place* ***where*** *the dolphin had lain, and the wide, gouged track where he had been dragged down to the sea [5, c. 113]*). Про просторову семантику свідчить наявність типізованої лексики, яка може виконувати функцію обставини місця (*Phyllida had advised me to go into the town that morning to watch the Palm Sunday procession, which one of the four occasions in the year when the island Saint, SApiridion, is brought out of those churches* ***where*** *he lies the year round in a dim shrine all smoky with taper-light, and is carried through the streets in his golden palanquin [5, c. 41]*). В таких конструкціях можлива трансформація, яка вказує на можливість розгляду таких елементів як конструкцій з синтезованим значенням атрибутивності й простору. Порівняйте,

I saw the torchlight move slowly over that ground ***where*** *the dolphin had lain, before it dodged once again up on to the rocks [5, c. 115] – I saw the torchlight move slowly over that ground* ***near which*** *the dolphin had lain, before it dodged once again up on to the rocks.*

У СПР синкретичної ланки **аБ** простежується вживання складнопідрядних конструкцій з домінуванням значення простору. Тяжіння до семи місця обумовлене присутністю вказівного слова *there* у поєднанні з лексикою просторового значення, а також прикметників, які виконують функцію означення (*It twisted through the trees, to lead out suddenly into a small clearing* ***where*** *a stream, trickling down to the sea, was trapped in a sunny pool under a bank of honeysuckle [5, c. 14]; Give him a mug of tea, Grace, and go and sit over there* ***where*** *I can keep my eye on you and find out what he wanted [5, c. 307]*). Головне локативне значення може визначатися й в тих структурах, де відсутні прикметники, а підрядні речення містять свого роду зауваження про предмети, які згадані в головному компоненті. При цьому вживати

корелят вважається неможливим (*The vast crowd fell almost silent, all eyes turned to watch the narrow mouth of Nikephoros Street , where the first banners glinted, slowly moving up into the sunlight of the square [5, c. 42])*.

Загальновизнаним є факт, що зв'язка як прогнозуюча ознака семантичного центру висловлювання структурно-семантичної класифікації потребує різнобічного вивчення, бо вона має теоретичне й практичне значення у зв'язку з необхідністю дослідження СПР в опозиції та периферії. Проте, на нашу думку, вивчення семантичної основи опорного слова для ретельного розкриття синтаксичних зв'язків грає не менш важливу роль.

Таким чином, ми приходимо до висновку, що зростання в мові великої кількості синкретичних СПР пов'язане, перед усім, з бажанням мовця передати ускладнені смислові відтінки за допомогою поліфункціональних конструкцій, де підрядні речення функціонують не просто як носії єдиного сенсу, а передають додаткову інформацію. При цьому перехідні конструкції СПР наповнюються новим конкретним змістом і розкриваються в умовах певної контекстуальної ситуації для передачі емоційного характеру мови.

Література

1. Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов. *Филологические науки.* 1978. № 2. С. 97-103.

2. Колесникова Т. В. О понятии синкретизма в языкознании. *Университетские чтения.* Пятигорский гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2008. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/IV/uch_2008_IV_00025.pdf (дата звернення 11.11.2020 р.)

3. Штайн К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепти. TEXTUS: Избранное, 1994-2004. Ставрополь, 2005. Вып. 11. Ч. II. С. 15-27.

4. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка. *Филологические науки.* 1983. № 5. С. 35-42.

5. Williams Dee. Katie's kitchen. London: Headline Book Publishing. 1998. 375 p.

Статья посвящена изучению синкретических взаимоотношений между частями сложноподчиненных предложений и переходных связей между его компонентами с семой атрибутивности и места, исследованию семантического потенциала. Особое внимание обращается на семантико-синтаксическую организацию предикативных частей, которая возникает при улови разграничения ядра и синкретической периферии. Анализируется связь между типовыми и переходными синтаксическими единицами. Доказывается, что употребление сложноподчиненных конструкций с синкретическим значением в форме одного цельного высказывания объясняется его способностью к передаче двух семантико-синтаксических значений в одной структуре. Выявлено, что возникновение дополнительного значения происходит вследствие семантической подвижности подчинительных частей. То есть, переходность моделей свидетельствует о высокой степени сложности смысловой структуры и о немалом потенциале семантического значения.

***Ключевые слова**: шкала переходности, сложноподчиненные предложения, синкретическое значение, структурно-семантическая особенность, глубинная структура, функционально-семантическое поле, сема атрибутивности, сема места.*

The article identifies syncretic relationships between the parts of complex sentences and transitivity relations between the components with the seme of cause and place as well as the studies the semantic potential of this construction. Particular attention is paid to the semantic-syntactic organization of predicative parts that is characterized by structural-semantic analysis under the condition of delimitation of the nucleus and syncretic periphery. The connection between typical and transitivity syntactic units is analyzed. It is proved that the use of complex constructions with syncretic meaning in the form of one integral statement explains its ability to transfer two semantic-syntactic meanings into one structure. The research reveals that the occurrence of additional message is due to the semantic mobility of the contracted parts. That is, the intermediateness of the models indicates a high degree of complexity of the semantic structure and a considerable potential of semantic meaning.

***Key words:** transitivity scale, complex sentences, syncretic meaning, structural-semantic feature, deep structure, functional-semantic field, attribute seme, place seme.*

Е. А. СКОРОБОГАТОВА
Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Праця присвячена дослідженню актуалізації внутрішньої форми слова у віршовому тексті. Розглянуті приклади поетичної актуалізації у ліриці Йосипа Бродського. Стверджується, що основним способом виділення внутрішньої форми слова у творах Бродського слугує співпозиція етимологічно і дериваційно співвіднесених слів і форм. Розглянуто актуалізацію внутрішньої форми на рівні лексичного значення і виділення граматичної внутрішньої форми слова. Випадки поетичної актуалізації слова потрактовані як прояв «поетичної філології».

Ключові слова: внутрішня форма слова, актуалізація, Бродський, поетична морфологія, ідіостиль, субстантиват.

Исследование посвящено изучению «поэтической» составляющей внутренней формы слова (ВФС) в лирике Иосифа Бродского, в первую очередь, путей и способов ее актуализации. Поэтическая актуализация ВФС, на наш взгляд, служит эмпирическим подтверждением потебнианского лингвопоэтического похода к «свободе языка», задекларированной В. фон Гумбольдтом. Единство поэзии и языка, на которое неоднократно указывал А. А. Потебня, помогает выявить взаимосвязь языкового слова и слова поэтического. «Понять действие слова, и в частности поэзии, можно, конечно, только наблюдая свойства самого слова» [2, с. 299], – декларирует ученый.

Одно из объяснений понятия ВФ у Потебни следующее: «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, которым выражается содержание [1, с. 22]». Ученый подчеркивает, что внутренняя форма «направляет мысль, <…> смотря по сочетаниям, в какие оно войдет с накопившимся в душе запасом, вызовет то или другое представление в слове [Там же]». По мнению Е. С. Снитко, которое мы разделяем, ФВС в потебнианском понимании является результатом «языковой объективации элементов субъективного образа обозначаемого» [3, с. 4]. Именно такое широкое понимание внутренней формы слова дает возможность современного развития лингвопоэтической теории Потебни в направлениях когнитивной, функциональной и дискурсивной гуманитарных парадигм и их исследовательских комбинаций.

А. А. Потебня неоднократно указывает, что представление (понятное и очевидное проявление в контексте) внутренней формы совершается благодаря контекстуальной сочетаемости, которая восстанавливает и усиливает языковые способы объективации, среди которых происхождение в широком понимании: этимологическое, деривационное, звуковое или другие формы смыслового сближения в процессе функционирования.

Выбор нами в качестве поэтического материала произведений Иосифа Бродского не является случайным, так как его понимание задач поэзии очень близко пониманию А. А. Потебни. Поэт считает себя, как и любого поэта, «орудием языка», и это осознание роли поэта и его творчества как неотъемлемого элемента языковой динамики объединяет видение поэта и лингвофилософское видение ученого.

Примеров актуализации внутренней формы слова в стихотворениях Бродского множество, причем наряду с традиционными способами актуализации путем соположения в тексте мотивированного и мотивирующиего слов или форм (в случаях формообразующей деривации) и этимологически связанных слов, встречаем авторские способы выделения ВФ, на которых и остановимся.

В ряде произведений поэт подчеркивает лексические парадигматические связи, например, синонимию или антонимию. Например, в стихотворении «От окраины к центру»

интертекстуальная отсылка к претексту А.С. Пушкина связывает стихотворения двух поэтов мотивом светлой грусти и воспоминания о минувшем. А значение слов *парадиз, аркадия* актуализировано за счет соположения в контексте со словом *рай*:

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
***парадиз** мастерских и **аркадию** фабрик,*
***рай** речных пароходов…*

Позитивная эмоциональная окраска этого фрагмента ярко передана сочетанием *местность любви*, которое предшествует ряду контекстуальных синонимов (*парадиз, аркадия, рай*), передающих значение ‘место счастья‘.

Более сложный способ выделения внутренней формы встречаем в строке *Речь освободят от глагола…*(И. Бродский «Речь о пролитом молоке»). Возникший оксюморон связан с экзистенциальной темой настоящего-будущего и размышлениями о путях движения мира, окружающего лирического героя произведения, и себя в нем. Контрасты, смешение высокого и низкого, раздумья о Боге и о деньгах, любовь и прозаизм любовных отношений так же реальны для лирического героя, как возможность освободить речь от глагола. Внутренняя этимологическая форма слова *глагол*, его связь со словами *глас – голос* очевидна автору и лирическому герою, а оксюморон, созданный сочетаемостью, сопозиция в едином стиховом ряду слов *речь* и *глагол* с практически синонимическим высоким поэтическим значением указывает на «возможность» одно освободить от другого в изображенной поэтом картине цивилизационного и личного разрушения, распада-падения мира.

Ответ на вопрос о том, сознательно или подсознательно автор использует в рассмотренном случае контекстуальное соположение для актуализации внутренней формы слова *глагол*, на наш взгляд, очевиден, хотя его постановка сама по себе избыточна. Стиховая сопозиция становится реальностью поэтического произведения независимо от того, ощущает его создатель языковое родство интуитивно, опираясь на лингвистическое чутьё, или владеет соответствующими филологическими знаниями.

Апперцеппция, восприятие читателем поэтической актуализации ВФ носит, без сомнения, субъективный характер. А. А. Потебня подчеркивает, что «так как чувство человека вообще обусловливается совокупностью личных свойств человека, то и различие ономато-поэтического слова должно быть признано *a priori*, но и оно <…> не мешает пониманию [2, с. 139]». В высказывании *всюду лежала толстая пыль, как **жир** / пустоты, так как в ней никто никогда не **жил*** (И. Бродский «В этой комнате пахло тряпьем и сырой водой…») создана катахреза. Один читатель ее ощутит, поймет, другой нет, но она присутствует в объединении этимологии слова *жир* с прямым значением слова *пустота* и смыслом следующего поэтического нарратива *в ней никто никогда не жил*, который якобы поясняет смысл сочетания *жир пустоты*. Что подтолкнуло поэта, созвучность (стиховая паронимическая аттракция) слов *жир* и *жил* или филологические знания процессов исторических изменений структуры и семантики слова *жир*, по сути, не имеет значения. Автор этих строк, назвавший поэта орудием языка, подтверждает это имя каждым своим текстом.

Ярким случаем актуализации внутренней формы слова служат фрагменты, включающие субстантиваты – слова, по происхождению принадлежащие к различным частям речи и сохранившие ряд исходных свойств, выполняющие в языке или в контексте роль существительных. Одни субстантиваты имеют устойчивое в языке предметное значение (*военный – военный человек, пирожное – пирожное печенье, операционная – операционная комната*), а другие – значение, зависящее от контекста *(«Юбилейное» – юбилейное стихотворение*).

При соположении субстантивата, имеющего устойчивое предметное и сохранившееся признаковое значение, и мотивирующей грамматической формы может быть выделено исходное признаковое, предметное или вторичное признаковое значения:

преграждая доступ царям, пастухам, ***животным****,*
оставляя греться теплом ***животным***
да армейской шинелью.
(И. Бродский. «Помнишь свалку вещей на железном стуле…»);

В отличье от ***животных****, человек*
уйти способен от того, что любит
(чтоб только отличиться от ***животных****).*
Но, как слюна собачья, выдают
Его ***животную*** *природу слезы…*
(И. Бродский. «Империя — страна для дураков…»).

В обоих случаях сопозиция исходного адъектива и субстантивата актуализует внутреннюю грамматическую форму субстантивата и иллюстрирует процессы языковой динамики. Подобные примеры поэтической рефлексии и обнажения языковых связей поэтическими методами в творчестве Иосифа Бродского неединичны.

В стихотворном тексте используется узуальные субстантиваты и создаются индивидуальные. Сравним:

Нам дороже свайка, чем матч столетья.
Дайте нам обед и компот на ***третье****.*
(И. Бродский «Мы не пьем вина на краю деревни…»)

Старенье! В теле все больше ***смертного****.*
(И. Бродский. «1972 год»).

В первом фрагменте использовано устойчивое языковое значение субстантивата *третье* – ‘третье блюдо‘, во втором реализовано авторское абстрактное значение субстантивата *смертное* — ‘всё, обладающее способностью умирать‘. Это абстрактное значение носит контекстуальный характер. И если в первом случает признаковое порядковое значение не выделено, то во втором адъективное значение подчеркнуто локализацией слова в сильной позиции стиха и его окказиональным контекстуальным использованием.

Частным случаем в группе субстантиватов с устойчивым предметным значением являются слова, образованные от мотивирующих, которые имеют в исходном употреблении ограниченную сочетаемость. Эта сочетаемость сохраняется при транспозиции:

Но это — подтверждение и знак,
что в нищете
влачащий *дни не устрашится кражи…*
(И. Бродский. «Разговор с небожителем»).

Влачить дни может только человек, слово *влачить* стилистически маркировано как «высокое» и означает ‘вести бедную, неинтересную жизнь’.

Обычно актуализируют адъективное значение контекстуальные субстантиваты, имеющие в роли означающих ограниченную сочетаемость. В этом случае значение субстантивированной словоформы предопределено значением пропущенного существительного:

когда он ищет сигарету в пачке,
на безымянном *тусклое кольцо*
внезапно преломляет двести ватт…
(И. Бродский. «Зимним вечером в Ялте»).

В подобных случаях отсутствие существительного, адъективно-субстантивное значение субстантивата ощущается гораздо острее, чем аналогичное отсутствие в свободном сочетании даже при актуализации устойчивого предметного значения.

Регулярное употребление одних субстантивированных словоформ в составе фразеологизма позволяет актуализировать подобное значение других, находящихся с первыми в поэтическом контекстуальном взаимодействии:

Вместо ***слабых*** *мира этого и* ***сильных*** *—*
лишь согласное гуденье насекомых.

(И. Бродский. «Письма римскому другу»).

Переменное предметное значение субстантивата *слабый* ‘слабый человек’ реализовано в тексте благодаря аттракции предметных значений субстантиватовантонимов *слабый — сильный*, один из которых в составе фразеологизма *сильные мира сего* имеет устойчивое субстантивное значение. Исходное адъективное значение антонимов поэтически выделено, внутренняя грамматическая форма адъективов в субстантивном синтаксическом употреблении подчеркнута.

«Поэтическая филология» Иосифа Бродского направлена на исследование с помощью поэтических средств креативных возможностей языка. Наши наблюдения показывают, что в значительном ряде случаев это поэтическое исследование происходит за счет актуализации внутренней формы слова, причем наблюдаемой является прояснение как лексической, так и морфосинтаксической динамики и сопоставление новых и старых значений. Актуализация внутренней формы является одной из особенностей поэтического идиостиля Бродского.

Литература

1. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
2. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
3. Снитко Е. С. Внутренняя форма номинативных единиц. Львов: Свит, 1990. 188 с.

Работа посвящена актуализации внутренней формы слова в стихотворном тексте. Исследованы примеры поэтической актуализации в поэзии Иосифа Бродского. Утверждается, что основным способом выделения внутренней формы слова в произведениях Бродского является соположение этимологически или деривационно соотносительных слов. Рассмотрена актуализация внутренней формы на уровне лексического значения и выделение грамматической внутренней формы слова. Случаи поэтической актуализации слова рассмотрены как одно из проявлений «поэтической филологии».

Ключевые слова: внутренняя форма слова, актуализация, Бродский, поэтическая морфология, идиостиль, субстантиват.

The research is devoted to the underlying form actualization in the poetic text. The examples of poetic foregrounding in Iosif Brodskii's poetry are examined. It is claimed that the co-position of etymological and derivational correlative words is the basic means to expose the word's underlying form in Brodskii's works. The actualization of underlying form at the lexical level and the accentuation of the grammar underlying form are considered. The examples of poetic word foregrounding are regarded as means to demonstrate "poetic philology".

Key words: underlying word form, actualization, Brodskii, poetic morphology, individual style, substantivate.

МЕТОДИКА ВИКЛАДАННЯ МОВИ І ЛІТЕРАТУРИ

Л. Р. БАБАЕВА
Бухарский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОДА КЕЙС ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена инновационным технологиям в процессе обучения студентов на практических занятиях по литературе, в частности, речь идет о роли метода кейс-технологий. Рассматриваются положительные стороны этого метода, раскрываются основные прицпы использования метода кейс на примере практического занятия по роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Автор приходит к выводу, что метод кейс развивает познавательную самостоятельность и мыслительные творческие способности, развивает эмоционально- волевые качества и формирует познавательную мотивацию.

Ключевые слова: *роман, метод кейс, кейс-задания, кейс-ситуация, инновационные технологии.*

«Объясню, как смогу, но не буду говорить ничего окончательного и определенного, а укажу только правдоподобные предположения», говорил Цицерон [1, с. 6]. Эта цитата объясняет принцип действия элементов кейс-технологии на уроке. Высказывание перекликается с требованием образовательного стандарта включающим умение применять приобретённые знания и навыки для решения различных типичных жизненных ситуаций, а также проблем, связанных с выполнением человеком типичных социальных ролей. Все эти умения можно развивать, используя кейс метод.

Что же означает слово Кейс.

1 небольшой чемоданчик, плоская прямоугольная ёмкость с ручкой для переноски и хранения предметов.

2 от англ case реальный случай или же случай из практики.

Кейс-метод или case studi от анг case – случай – это описание некоторой ситуации, события которое несет в себе проблему и предполагает возможные варианты ее решения [6**].**

Использование кейсов сводится не столько к приобретению конкретных знаний, сколько к развитию способностей, умений и навыков, среди которых особое внимание уделяется умению перерабатывать и анализировать большие массивы информации.

Кейс – вопрос, кейс-задание, кейс-ситуация не предполагает однозначного ответа, ответов может быть несколько, но все же они будут по-своему правильными. Учащие должны проанализировать, обсудить, рассмотреть все варианты ответов.

Как форма обучения – это не изобретение нашего времени, он возник еще в начале прошлого века на базе школы бизнеса Гарвардского университета в 1924 году. Преподаватели Гарварда поняли, что учебников подходящих для бизнес-школ не существует. Слушателям давались описания определенной ситуации с которой столкнулась реальная организация в своей деятельности и которую студенты должны были решить [7].

По своей структуре кейсы бывают:

– структурированные – короткое точное изложение ситуации с конкретными цифрами и данными

– неструктурированные–материал с большим количеством данных, предназначенный на оценивание стиля и скорости мышления, умение отделить главное от второстепенного

– первооткрывательские – могут быть длинными и короткими. Они дают возможность увидеть способен ли человек мыслить нестандартно, т.е. креативно.

Следовательно, метод кейсов (кейс-технологии) является методом рассмотрения предложенных жизненных или профессиональных ситуаций. **Суть метода** (применительно к обучению литературе) в том, что обучающемся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию или взятую из художественной литературы, описание которой одновременно отражает не только какой-либо практический комплекс знаний, но также и требует рения проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Акцент образования переносится не на овладение готовым знанием, а на его выработку, на сотворчество ученика и учителя [2].

Данная технология имеет многоплановые цели:

- научить обучающихся как индивидуально, так и в составе группы анализировать информацию;
- сортировать ее для решения выбранной задачи;
- выявлять ключевые проблемы;
- искать пути решения и оценивать их;
- выбирать оптимальное решение и формировать программы действий.

Кейс-технология применима в преподавании любых предметов, если основные задачи, поставленные на уроке. Это обучение навыкам критического мышления, принятия решений, независимого характера.

Выделяют основные этапы создания кейса:

1. Определение целей.
2. Подбор необходимых источников.
3. Подбор и подготовка материалов для кейса.
4. Примерами кейсов могут быть сборники практических задач, сборники деловых игр, диски с презентациями уроков и прочее.

Главное отличие кейса от задачи: задача имеет решение и путь к нему, даже если и не один. Кейсы имеют много решений, приводящих к раскрытию той или иной проблемы [4].

К кейс-методам, активизирующим учебный процесс, относятся:

- метод инцидентов, когда обучающийся сам должен отыскать недостающую информацию;
- метод разбора деловой корреспонденции;
- игровое проектирование;
- ситуационно-ролевая игра;
- метод дискуссий;
- кейс-стади или метод ситуационного анализа (метод анализа конкретных ситуаций, ситуационных задач и упражнений)

Кейс-метод можно представить в методологическом контексте как систему, в которую интегрированы другие более простые методы познания. Это может быль «мозговой штурм» на уроке литературы по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», когда обучающиеся получают задание проанализировать за определенное время представленные учителем посторонние материалы и выявить их общность с романом или метод классификации идей относительно. Это могут быть игровые методы, например, «урок-суд над Родионом Раскольниковым», который позволит старшеклассникам почувствовать себя в роли профессионалов, решающих судьбу человека [5].

Фраза «Представьте себе что…» совершенно незаменима при использовании мысленного эксперимента на уроке русского языка и литературы, например «Представьте себе, что вы – художники. Нарисуйте отношения Сони Мармеладовой и Родиона Раскольникова (домашнее задание). В целом же деятельность учителя при использовании кейс-метода включает две фазы. Первая – сложная работа по созданию кейса и вопросов

для его анализа. Вторая – деятельность в классе, где учитель выступает со вступительным и заключительным словом организует деловой настрой на работу оценивает вклад обучающихся в анализ ситуации.

Одной из важнейших характеристик кейс-метода является умение воспользоваться теорией обращение к фактическому материалу в связи с этим с ещё большей остротой встаёт вопрос повышения эффективности образования. Самыми сложными для использования кейс-технологии являются уроки литературного чтения, поскольку именно на этих уроках при работе с текстом учитель подводит учащихся к той или иной мысли.

При составлении заданий на уроках литературного чтения учитель использует несколько уровней сложности:

- первая степень сложности: есть практическая ситуация есть решение. Ученики определяют, подходит ли решение для данной ситуации.

Например, при изучении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», ставится проблемный вопрос: Согласны ли вы с утверждением Радиона Раскольникова «Вошь ли я, как все, или человек? Тварь ли я дрожащая или право имею»?

- вторая степень сложности: есть ситуация – решения нет.

Например, есть художественный текст и реальная информация о писателе герое как личности. Сравнить найти точки соприкосновения, определить различия.

- **третья степень сложности:** есть практическая ситуация – определить проблему и найти пути решения.

Ситуативные задачи (кейсы) на уроках литературы могут быть связаны:

- с проблемами и перспективами взаимоотношений между главными героями произведения.

- с составлением маршрута передвижения героем произведения.

- с составлением хронологических таблиц произошедших событий.

В частности, целью уроков литературы должны стать не только расширение словарного запаса учащихся, не только изучение произведений классиков русской литературы, но и развитие у школьников умения мыслить, анализировать, развивать способности к собственному творчеству с использованием богатств устной и письменной речи.

Русская литература – кладезь тем и проблем, не имеющих однозначного толкования, обширное поле для политики и выражения собственных мыслей и мнений. Однако, для получения достойных результатов недостаточно только обозначить цель. Необходимо найти технологию обучения, которая позволила бы максимально задействовать коммуникативные и творческие способности учеников.

В своей статье я предлагаю примерный план урока

Конспект занятия

Ролевая игра. Ситуативная игра.

Ход игры

Вступительное слово учителя: Дорогие студенты, уважаемые гости! Заключительный урок по философскому роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”, который мы проводим в форме дебатов. Перед нами две команды: **команда утверждения и команда отрицания**. Они подготовили свои аргументы для подтверждения выдвинутых тезисов. Ваша задача – объективно оценить выступления участников команд, выявить победителя с той позиции, чьи доказательства будут наиболее убедительными.

Представяем вам команду утверждения: 3 спикера. **Мы считаем, что “Страдания нужны человеку”.**

В этой формулировке ключевым является понятие “страдание”. Словарь С.И. Ожегова дает такое определение: **“Страдание – физическая или нравственная боль, мучение”.**

Краткая философская энциклопедия под редакцией Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В. А. Лутченко добавляет к данному определению следующее: “состояние горя, страха, тревоги, тоски”.

Представляем наш кейс.

Мы вводим два аспекта: нравственно-психологический; социально-экономический.

В нравственно-психологическом аспекте мы выдвигаем следующие аргументы:

1) страдание закаляет человека, делает его морально сильным, готовым преодолевать трудности;

2) страдание ведет человека к духовному росту, учит его любить, понимать людей и сострадать им.

В социально-экономическом аспекте мы выдвигаем следующие аргументы:

1) страдания являются причиной социально-экономического развития общества;

2) страдания объединяют людей, ведут к всеобщему братству.

Докажем первый аргумент первого аспекта: страдание закаляет человека, делает его морально сильным, готовым преодолевать трудности.

Примером того является судьба самого писателя Ф.М. Достоевского: уже вступление его в жизнь символично – родился в больнице для бедных; первый час существования намечает место его в жизни – в стороне, в презрении, близ подонков общества и все же по соседству с муками, страданиями и смертью. И до последнего дня оставался в этом окружении; умер в рабочем квартале, в нищенской квартире.

Приведу доказательство второго аргумента первого аспекта: судьба героини романа “Преступление и наказание” Сони Мармеладовой. Та же нищенская обстановка: сначала “проходная комната”, которую снимали ее отец и мачеха, затем комната у хозяйки Капернаумовой: “Сонина комната походила будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое. <…> Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок”. Против собственной воли, нравственных и религиозных убеждений вынуждена жить по “желтому билету”, так как, по словам Мармеладова, “много ли может … бедная, но честная девица честным трудом заработать? … Пятнадцать копеек в день … не заработает”. А деньги нужны, чтобы не мучились, не страдали от голода младшие сводные сестры и брат. И именно эти физические и нравственные страдания делают Соню добрее, человечнее, способной отзываться на чужую боль, понимать людей и сострадать им, побуждает следовать за Раскольниковым на каторгу, чтобы разделить его страдания.

Итак, мы пытались доказать, что страдания нужны человеку.

Раунд вопросов

1. Правильно ли мы Вас поняли, что страдания, если их даже нет в жизни, необходимо создавать, чтобы человек закалялся и становился сильнее?

2. Нужно ли человеку из замка, если он у него имеется, переселиться в “проходную комнату”, чтобы испытать страдания для духовного роста?

3. Пыталась ли Соня Мармеладова заработать деньги честным путем?

2 команда: Уважаемые зрители, позвольте вам представить **Команду отрицания**: 3 спикера

Мы не согласны с позицией наших оппонентов и считаем, что “страдания не нужны человеку”. Мы принимаем определение ключевого понятия, введенное командой утверждения. Кроме того, мы согласны рассматривать указанную проблему по двум аспектам, а именно: нравственно-психологическому и социально-экономическому.

В нравственно-психологическом аспекте мы выдвигаем следующие аргументы:

1) страдания делают человека слабым, неустойчивым, не способным сопротивляться трудностям;

2) страдания рождают зло, ненависть, желание наносить вред человеку.

В социально-экономическом аспекте мы выдвигаем следующие аргументы: 1) страдания тормозят социально-экономическое развитие общества; 2) страдания разъединяют людей, порождают зло, ведут к войнам, насилию.

Во-первых, хочу привести контраргументы. Ф.М. Достоевский действительно великий писатель, но не благодаря страданиям, а вопреки им: в нем был дар божий, кроме того, в начале творческого пути молодой писатель был замечен и поддержан известным поэтом Н.А. Некрасовым и критиком В.Г. Белинским, и большую роль в его судьбе сыграли, как ни странно, сильные и добрые женщины, умевшие переносить его тяжелый характер и ценить в нем человека – что немаловажно.

- Приведем свои доказательства по первому аспекту: страдания делают человека слабым, неустойчивым, не способным сопротивляться трудностям. Примером тому является Семен Захарович Мармеладов, титулярный советник. Его жизнь не складывается: с должности уволили – и человек сломался, начал топить свое горе в вине – признак слабости.

Итак, страдания не закалили его, а, напротив, сделали не способным сопротивляться ударам судьбы: он даже не сумел воспользоваться предоставленным шансом: “Полтора года уже будет назад, как очутились мы, наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в … столице. И здесь я место достал… Достал и опять потерял… по собственной вине потерял, ибо черта моя наступила…” (С. Мармеладов).

Другое доказательство: страдания делают человека злым и заставляют вымещать свою злобу на беззащитном, слабом существе.

Вспомним эпизод “Сон Раскольникова”. Он видит себя в детстве, и страшная картина предстает перед ним: пьяная компания во главе с Миколкой, хозяином лошади, садится в телегу и заставляет бедную савраску идти вскачь, а не добившись желаемого, жестоко убивает ее. Поражает реакция участников зрелища: смех, ярость, отсутствие жалости. **Итак, страдания озлобляют людей.**

Рассмотрим второй аспект и первый аргумент: страдания тормозят социально-экономическое развитие страны. В романе Достоевского есть два Петербурга: блистательный город с дворцами, памятниками, роскошными домами, где нет страданий, и город трущоб, распивочных, “углов” – между ними мост, который не связывает их, а разъединяет.

Итак, страдания человеку не нужны.

Раунд вопросов:

1. Каких моментов в жизни Достоевского было больше: светлых или мрачных?

2. Как вы прокомментируете высказывание Ф.М. Достоевского: “Я страдаю – следовательно, я существую”?

3. Почему Ф.М. Достоевский не позволяет своему читателю заглянуть по другую сторону моста, где роскошь и изобилие, может, там тоже есть страдания?

1 команда Позвольте теперь выдвинуть дополнительные доказательства в пользу нашей позиции: страдания нужны человеку.

Возьмем жену Мармеладова, Екатерину Ивановну. Разве не страдания научили ее жить в бесчеловечных условиях: воспитывать детей, прощать мужа-пьяницу, защищать Соню от несправедливых обвинений и противостоять нападкам квартирной хозяйки – ведь благодаря ее упорству, силе духа семья не оказалась на улице.

Итак, страдания закаляют человека.

Итак, страдания объединяют людей; страдания необходимы человеку.

“**Смотрите на страдания с интересом. Через них вы узнаете себя.**

Страдания – это вы сами. И больше никто. Это ваш портрет” (Ильяс Эркенов).

Таким образом мы можем сказать, что процесс обучения с использованием кейс–метода позволяет формировать метапредметные компетенции обучающихся, индивидуализировать учебный процесс. Использование кейс–метода позволяет вызвать потребность в знаниях, познавательный интерес к изучаемому материалу, обеспечивает возможность применения методов научного исследования, развивает познавательную самостоятельность и мыслительные творческие способности, развивает эмоционально – волевые качества и формирует познавательную мотивацию.

Литература

1. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление. Технология развития. Санкт-Петербург : Альянс «Дельта», 2003.
2. Корнеева Л.И. Современные интерактивные методы обучения: зарубежный опыт. Университетское управление. 2004. №4. С. 78–83.
3. Инновационные методы обучения в высшей школе: учебно-практическое пособие / Гусаков В.П., Пустовалова Н.И., Хрущев В.А., Карташова Е.Б., Исакова Е.К. Петропавловск : СКГУ им. М. Козыбаева, 2007. 92с.
4. Мухина С.А., Соловьева А.А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении. Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 2004. 384 с.
5. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985.
6. Интернет энциклопедия. Интерактивные методы обучения. www.letopisi.ru/
7. www.5ballov.ru

Статтю присвячено інноваційним технологіям в процесі навчання студентів на практичних заняттях з літератури, зокрема, йдеться про роль методу кейс-технологій. Розглядаються позитивні сторони цього методу, розкрито основні прицип використання методу кейс на прикладі практичного заняття за романом Ф. Достоєвського «Злочин і кара». Автор приходить до висновку, що метод кейс сприяє пізнавальній самостійності і розумовим здібностям, розвиває емоційно вольові якості і формує пізнавальну мотивацію.

***Ключові слова**: роман, метод кейс, кейс-завдання, кейс-ситуація, інноваційні технології*

The article examines innovative technologies in the process of teaching students at Literature practical classes, using the case method. The positive aspects of this method and the main reasons for using it are in the focus of attention of the author. Practical class on the theme of Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" is provided as an example of the use of this method. The author comes to the conclusion that the case method develops cognitive independence and creative thinking abilities, as well as emotional and volitional qualities and forms cognitive motivation.

***Keywords**: novel, case method, case-assignments, case-situation, innovative technologies.*

Н.Х. БОЗОРОВА

Бухарский государственный университет

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЗАДАЧИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Автор статьи рассматривает проблемы формирования языковой личности как цели обучения русскому языку. Описано современное состояние теории языковой личности в русистике. Поднимаются такие ключевые вопросы изучения языковой личности, как выбор исходного термина и родового компонента, установление уровня абстракции, определение структуры. Получают освещение актуальные аспекты языковой личности, которая может рассматриваться как коллективная и/ или индивидуальная.

***Ключевые слова**: компетентный специалист, личность, формирование личности, экономические обстоятельства, компетенция, языковая личность, носитель языка.*

Сегодняшний подход к образованию коренным образом отличается от традиционного на протяжении многих десятилетий и даже веков. В традиционном образовании акцент ставился на передаче студенту определенной суммы знаний, а уровень образованности определялся объемом знаний выпускника. Неслучайно, молодому специалисту подчас советовали забыть, чему его учили в институте и познакомиться с производством. Хорошо известно, что одна только сумма знаний, которыми обладает человек, не может гарантировать его профессиональной пригодности. Человек, обладающий обширными знаниями и не способный применить их к решению конкретных практических задач, не может быть хорошим специалистом. Кроме того, сегодня, когда экономические обстоятельства заставляют профессионала менять не только место работы, но часто и самою профессию, важной становится не передача суммы знаний, а формирование личности, способной к их самостоятельному приобретению, испытывающей в этом потребность и умеющей применить знания на практике. Именно поэтому сегодня во главу угла ставится задача формирования компетентного специалиста, т.е. специалиста, не просто усвоившего энную сумму знаний, но сформировавшего определенные, необходимые для осуществления профессиональной деятельности компетенции. При этом компетенции включают общекультурные, общепрофессиональные и специальные. Если задуматься, сегодняшний подход к высшему профессиональному образованию нацелен на формирование компетентной личности профессионала, способного осуществлять практическую профессиональную деятельность не в абстрактно воображаемой искусственной специальной среде, а в реальном обществе – носителе определенной культуры с её ценностями, нормами, моралью и законами. Образование не может быть подобно флюсу, с искусственно раздутой областью специальных знаний в ущерб гармоничному развитию личности. Таким образом; цель высшего профессионального образования – формирование гармоничной, полноценной личности, обладающей необходимым для успешного функционирования в обществе и в конкретной профессиональной сфере набором компетентностей. При этом основой для всего обучения и личностного роста является языковая личность, которой является каждый представитель народа. Его формирование как личности с детства начинается одновременно с формированием языковой личности, ибо, усваивая родной язык, человек усваивает и ценности, и нормы своей культуры. Культура как матрица, формирующая систему ценностей, критерии оценки, в первую очередь, приходит к человеку через язык и вместе с языком. Усваивая родной язык в процессе общения, человек одновременно социализируется и усваивает родную культуру, т.е. формируется как языковая личность. Понятие «языковой личности», впервые введенное Ю.Н. Карауловым, оказалось чрезвычайно емким и актуальным и неслучайно встало во главе угла не только многих теоретических исследований, но и широко используется в практике образования. Как принято считать, языковая личность имеет, как минимум, трех уровневую структуру: вербально – ассоциативная сеть, т.е. владение определенным вокабулярием и правилами оперирования им в процессе речевого общения – знание не только значения слов и синтаксических структур языка, но и лексико-грамматических валентностей и узуса. Второй, более высокий уровень, – тезаурус, по сути дела представляет собой индивидуальную языковую картину мира как часть общенациональной и общекультурной. Наконец, третий, высший уровень языковой личности – мотивационный – представляет собой систему ценностей, обеспечивающую и определенные критерии оценок и, соответственно, мотивирующую поведение человека в тех или иных ситуациях. Естественно, в рамках одной нации и культуры формируются разные личности, но в основе их лежит система общекультурных ценностей, а поступки оцениваются по общекультурной шкале оценок. В процессе высшего профессионального образования происходит развитие личности, в том числе и языковой личности, основы которой уже сформированы в процессе

всей предшествующей жизни студента. Совсем по-другому обстоит дело при обучении иностранному языку. Ведь иностранный язык – это неотъемлемая и, возможно, наиболее существенная часть другой культуры, с другим набором ценностей, норм, со своей собственной языковой картиной мира и системой оценок. Обучение иностранному языку не просто наслаивается на языковую личность обучаемого (т.е. первичную языковую личность носителя родного языка). Если мы подходим к обучению иностранному языку таким механистическим образом, происходит как бы «переклеивание этикеток» на предметах и явлениях окружающего мира. При этом уже очень быстро обнаруживается, что сами предметы в этом мире разными языками, а, следовательно, и разными народами выделены по-разному. С простейшими примерами мы сталкиваемся уже на начальных этапах обучения. Возможно, впервые мы вплотную столкнулись с этим в перестроечные времена, когда студенты стали активно участвовать в международных программах. Обучение русскому языку как необходимое условие успешности должно подразумевать формирование вторичной языковой личности с новой вербально ассоциативной сетью, новой картиной мира и новым мотивационным уровнем. Представляется, что формирование первичной языковой личности и вторичной языковой личности идут принципиально разными путями. Во-первых, формирование первичной языковой личности начинается с момента появления ребенка на свет и восприятия им речи окружающих. При этом практически одновременно ребенок овладевает словами и определенными культурными нормами, и ценностями. Уже дошкольник, обладающий еще ограниченной вербально-ассоциативной сетью, усвоил основные культурные нормы и ценности, знает «что такое хорошо и что такое плохо». В целом ряде случаев у многих людей вербально-ассоциативная сеть на протяжении всей жизни остается сформированной недостаточно. Масса русских людей говорит «иметь роль», «играть зачине», неправильно спрягает некоторые глаголы, неправильно употребляет род существительных и делая им подобные ошибки. При этом мотивационный уровень их личностей, как правило, сформирован полностью. Совершенно другую картину наблюдаем мы при обучении иностранному языку. Во-первых, оно начинается значительно позже. Не следует забывать, что, в отличие от усвоения родного языка, ребенок изучает другой язык. Процесс этот отнюдь не стихийный и не естественный. (Мы не говорим здесь о ребенке, оказавшемся в новой языковой среде). У ребенка нет жизненной необходимости в изучении другого языка, иностранный язык для него не средство социализации, т.е. выживания, не говоря уже о том, что для него отсутствует естественная языковая среда, позволяющая ему учиться методом проб и ошибок. Время, отведенное на изучение иностранного языка ничтожно мало в сравнении с временем усвоения родного. Естественно, что процесс обучения русскому языку полностью контролируется и моделируется. Тщательно отбирается учебный материал – необходимые лексика и грамматика. Планируется очередность усвоения и система упражнений. При этом оказывается, что усилия преподавателя направлены на формирование у обучаемого вербально-ассоциативной сети. Преподаватель видит свою задачу как научение студента узнавать слова и грамматические структуры, правильно употреблять их в своей речи. И это естественно, так как уровень владения вербально-ассоциативной сетью поддается непосредственному наблюдению и контролю, в отличие от двух других, более высоких уровней языковой личности – тезаурусного и мотивационного. Нельзя не отметить, что и формирование вербально-ассоциативной сети далеко не легкая задача. Учитывая ограниченность времени, выделенного на обучение русскому языку, здесь необходим тщательнейший отбор языкового материала именно с учетом профессиональных и личностных потребностей обучаемого – возрастных, культурных, общепрофессиональных, специальных. Следовательно, учебный материал должен включать как минимум три компонента: общеупотребительная лексика и базовые грамматические структуры,

общенаучная лексика и элементы научного стиля изложения и специальная профессиональная лексика. Именно этим обусловлено сегодня наличие профессионально ориентированных учебных комплексов: для экономистов, юристов, психологов, математиков и т.п. Думается, что тематический подход к обучению лексике в большей степени способствует формированию языкового тезауруса, т.е. определенных фрагментов иноязычной языковой картины мира. Следует отметить, что индивидуально-личностная картина мира (как языковая, так и неязыковая) всегда в достаточной мере фрагментарна и наиболее полно сформирована в области повседневной жизни, а также в сферах профессиональной деятельности и личных интересов. Несомненно, иноязычная языковая картина мира (тезаурус вторичной языковой личности) будет еще более фрагментарна, однако, необходимо, чтобы она была сформирована в сферах профессиональной деятельности и социально значимого общения. Что касается мотивационного уровня, ранее предполагалось, что он не может быть сформирован вне естественной языковой и культурной среды и формируется только у человека, прожившего несколько лет в стране изучаемого языка. Естественно, что пребывание в языковой среде и иноязычном социуме стимулирует формирование мотивационного уровня. Однако, при целенаправленном обучении его формирование возможно. Этому способствуют чтение аутентичной литературы, просмотр кинофильмов с использованием заданий, специально сориентированных на выявление культурных ценностей, анализ реакции носителей языка на ту или иную ситуацию, знакомство с историей культуры народа-носителя языка. Таким образом, перспективы развития учения о языковой личности прежде всего связаны с коммуникативными аспектами.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Предисловие. Теория языковой личности в русистику: проблемы и перспективы развития. *Язык и личность*. Москва, 1989. С. 3–8.

2. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальность виртуальная. *Актуальные проблемы современной лингвистики*. Москва, 2009. С. 214–217.

3. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. Москва, 1961. 614 с.

4. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Москва, 1980. 61 с.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2007. 264 с.

6. Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом дискурсе. *Материалы международной научно-лингвистической конференции*. Майкоп, 2005. С. 236–240.

7. Караулов Ю.Н. Языковая личность. *Русский язык. Энциклопедия*. Москва, 1997. С. 671–672.

8. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. *Вавилонская башня – 2: Слово. Текст. Культура*. Москва, 2003. С. 7–12.

У статті розглянуто проблеми формування мовної особистості як головної мети навчання російській мові. Описано сучасний стан теорії мовної особистості в русистиці. Піднімаються такі ключові питання вивчення мовної особистості, як вибір вихідного терміна і родового компонента, встановлення рівня абстракції, визначення структури. Висвітлено актуальні аспекти мовної особистості, яка розглядається як колективна і / або індивідуальна.

***Ключові слова**: компетентний фахівець, особистість, формування особистості, економічні обставини, компетенція, мовна особистість, носій мови.*

The article examines the problems of the formation of a linguistic personality as the goal of teaching the Russian language. The theory of linguistic personality in Russian Studies which is experiencing increased interest of modern linguists is described. Such key questions as the choice of the initial term and the generic component, the establishment of the level of abstraction, the definition of the structure are in the focus of the author's attention. The article discusses relevant aspects of the linguistic personality, which can be viewed as collective and / or individual. Prospects for the development of the theory of a linguistic personality are associated with cognitive, linguocultural and communicative research areas.

***Keywords**: competent specialist, personality, personality formation, economic circumstances, competence, language personality, native speaker.*

К.В. БОТВИНОВА
Київський національний лінгвістичний університет

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-БЛОГЕР (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АККАУНТА В СЕТИ INSTAGRAM)

Статья посвящена проблеме преподавания языка с помощью социальной сети Instagram. В статье на примере конкретного аккаунта рассматриваются основные моменты использования платформы Instagram в преподавании русского языка как иностранного. Представлены примеры подачи грамматических и лексических тем русского языка с помощью основных функций сети (публикация постов и stories). Рассмотрены варианты использования социальной сети Instagram для проверки изученного материала (онлайн тестирование).

Ключевые слова: *дистанционное обучение, онлайн обучение, блог, блоггер, Интернет, социальные сети, Инстаграм, русский как иностранный*

Мы все уже свыклись с мыслью, что Интернет стал неотъемлемой частью нашей реальности. Эта масштабная сеть по поиску информации помогает нам решить множество проблем. Теперь многие вещи мы можем делать онлайн, не выходя из дома. Это покупки в магазинах, просмотр фильмов, чтение книг, общение с близкими, бизнес и, конечно же, учеба.

В последние десятилетия Интернет в значительной степени развивается путем активного внедрения Веб 2.0-технологий. Эти технологии дают пользователям возможность организовать совместный поиск информации, делиться самым разнообразным контентом, вместе его редактировать и использовать. Это могут быть текстовые документы, таблицы, фотографии, аудио- и видеофайлы, презентации и так далее.

Блог-технология – это одна из технологий Веб 2.0. Она позволяет любому человеку-пользователю Сети создать свою страницу или блог. Блог обычно создается и модерируется одним человеком или группой единомышленников. Посетители блога могут с помощью комментариев выразить свою реакцию на опубликованный текст или просмотренные фотографии.

Исследователи отмечают, что технологии Веб 2.0, к которым относят и социальные сети, предоставляют широкие возможности для интенсификации и индивидуализации образовательного процесса, в том числе и обучения иностранным языкам.

Социальные сети стали неотъемлемой частью современной жизни в интернете.

Конечно, у них есть свои минусы и плюсы. Основным минусом считается замена реального общения виртуальным: люди предпочитают обмениваться сообщениями, фотографиями, разговаривать онлайн, а не встречаться друг с другом. Основным плюсом социальных сетей является оперативность всех действий, доступность и открытость информации, независимость от места и времени.

Сначала социальные сети использовались только как площадки для общения, но со временем их функции в значительной степени расширились. Сегодня это место для творчества, проявления себя как личности, ведения бизнеса, учебы.

В свете последних событий в мире дистанционное образование актуально, как никогда и имеет широкие перспективы для развития. И если раньше, говоря о дистанционном образовании, мы имели в виду лишь различные локальные дистанционные курсы, созданные на базе школ, колледжей, университетов, то с развитием глобального Интернета онлайн обучение переходит в открытый формат, в Social Media (социальные сети, блоги, видеохостинги и т.д).

Студенты во внеаудиторное время активно пользуются интернетом для поиска информации, знакомств и общения. Нам хотелось бы, что студенты более эффективно проводили свободное время после уроков в различных социальных сетях.

Использование социальных сетей дает нам возможность сделать процесс изучения русского языка как иностранного более увлекательным. Молодое поколение сейчас, к сожалению, мало читает. Многие студенты предпочитают проводить время в социальных сетях, а не за чтением романа или написанием многочисленных и «скучных» грамматических упражнений. Преподавателю все труднее становится заинтересовать своих студентов традиционным учебным процессом, поэтому на смену должны прийти новые методы с развлекательной, игровой направленностью. И если социальные сети стали неотъемлемой частью жизни молодежи, почему бы нам не использовать их как инструмент обучения?

В данной статье мы хотели бы рассмотреть возможности использования социальной сети Instagram при обучении русскому языку как иностранному. Мы остановились именно на данной социальной сети по причине ее большой популярности в мире.

Что же такое Инстаграм? Википедия предлагает нам следующее определение:

Instagram (Инстаграм) – приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей.

Данная социальная сеть очень изменилась с момента своего появления: сначала она была предназначена только для людей, которые делятся своими фотографиями, сейчас же на платформе Instagram обмениваются информацией, строят бизнес, ведут блоги, обучают разным дисциплинам.

Instagram появился в магазине приложений App Store компании Apple 6 октября 2010 года.

К декабрю 2010 года у Instagram был один миллион зарегистрированных пользователей.

9 апреля 2012 года Facebook объявил о покупке мобильного фотоприложения Instagram за $1 млрд.

21 июня 2018 года Instagram отчитался об одном миллиарде пользователей, которые заходят в соцсеть ежемесячно.

31 января 2019 года глава Facebook Марк Цукерберг поделился информацией о том, что публикации в разделе Instagram Stories просматривают 500 млн пользователей в день.

Таким образом, мы видим, что использование Instagram при обучении русскому языку как иностранному может привлечь внимание большой аудитории из разных стран. Подписаться на ваш образовательный аккаунт смогут не только ваши студенты, но и люди, занимающиеся русским языком в других университетах или самостоятельно.

Для работы со студентами, изучающими русский как иностранный, нами был создан аккаунт Instagram «Russian_at_home» с таким логотипом:

Основной идеей аккаунта стала возможность изучать русский язык шаг за шагом дома самостоятельно, но под руководством преподавателя. В данной ситуации преподаватель взял на себя дополнительную роль блогера. Теперь изо дня в день он делает посты различного характера, размещает фотографии, комментирует, ставит лайки. То есть ведет себя, как настоящий блогер.

Известно, что Instagram – это визуальная социальная сеть, контент которой базируется на картинках (фото) или коротких видео. Одна картинка (одно фото) – это один пост. По вашему желанию он может быть дополнен текстовым комментарием.

Приведем несколько примеров постов нашего аккаунта, Специально для страницы Russian_at_home художник создал ряд персонажей: русская семья и иностранцы из разных стран мира. Из поста в пост мы знакомимся с ними и на примерах из их жизни узнаем новые грамматические конструкции, изучаем лексику.

В последнее время Инстаграм очень интенсивно развивается. Появляется много новых возможностей. Например, можно проводить прямой эфир, есть канал IGTV, в один пост можно добавлять несколько рисунков или фотографий.

Известно, что наглядно поданная грамматическая информация легче запоминается. Это необходимо учитывать при публикации нового поста с объяснением грамматических тем или нового лексического материала. Instagram позволяет преподавателю в доступной форме схематично подавать новый материал в картинке. Для объяснения вы можете вставить текст в саму картинку или добавить необходимые комментарии под постом.

Приведем примеры некоторых грамматических таблиц, созданных нами для аккаунта.

Для изучения иностранного языка важным моментом является обучение правильному произношению новых слов. И в социальной сети Instagram возможно объединить аудиозапись с визуальным наполнением. Конечно невозможно выложить аудиозапись отдельно. Можно наложить ее на рисунок и получить маленький фильм. Для этого нами используется приложение IMovies. Под постом с аудио в комментариях есть инструкция «Включите звук, слушайте и повторяйте». Студенты имеют возможность одновременно смотреть на рисунок, читать текст, слушать аудио и повторять, что, по нашему мнению, во много раз повышает способность запоминать новую лексику.

Под каждым постом при желании студенты могут оставлять свои комментарии, задавать вопросы. Таким образом, возможна обратная связь, обсуждение изучаемого материала.

Очень популярной и удобной функцией Instagram является возможность создавать и смотреть небольшие «истории» (stories). Это короткие (максимальная длительность 15 секунд) видео или фотографии, которые можно просмотреть только в течение 24 часов.

Потом они исчезают. Тут можно вести короткие репортажи, что-то быстро рассказывать, делать заметки или просто показывать фотографии окружающих вас людей, вещей, событий. Подписчики аккаунта могут комментировать ваши истории в личных сообщениях (комментарий будет виден только автору блога).

В аккаунтах, которые уже набрали 10 тысяч подписчиков, есть дополнительная функция добавления ссылки на сайт. Вы можете связать ваш рабочий сайт с аккаунтом Instagram, рекламировать свой курс, университет, учебное пособие, делиться рабочими материалами с подписчиками.

Преподаватель-блогер может активно использовать Stories для проведения тестов. У нас есть возможность создать два вида тестов:

Закрытого типа (студент выбирает ответ из готовых вариантов)

Открытого типа (студент самостоятельно находит ответ и вписывает его в бланк).

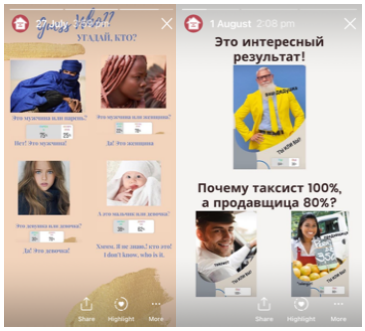
Сначала можно подготовить блок постов для изучения определенной темы, а потом дать тестовые задания в Stories с последующим комментированием результатов.

На нашем аккаунте мы проводили тесты по следующим темам: род имен существительных, изменение притяжательных местоимений по родам, множественное число существительных, наречия частотности, винительный падеж, предложный падеж и т.д.

При создании тестов нельзя забывать о том, что материал должен быть максимально интересным для студентов. Часто он может быть подан в шуточной или игровой форме.

После проведения тестовых заданий преподаватель видит подробную статистику по ответам: сколько студентов выбрало правильный ответ в процентах, также есть информация, кто из подписчиков какой вариант выбрал и общее число просмотревших данную Stories.

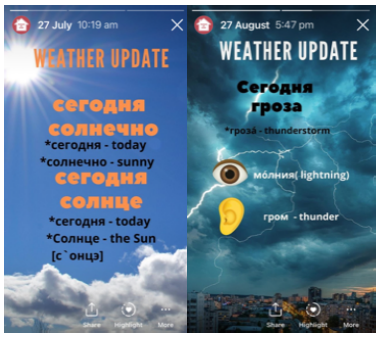
Для анализа проведенного теста можно поделиться результатами со всеми и похвалить за правильные ответы, проанализировать ошибки большинства.



Одним из последних нововведений разработчиков приложения Instagram стала возможность попросить пользователей задать вам вопрос по пройденной теме или любой другой вопрос. Потом можно ответить на все поставленные вопросы или, в свою очередь, задать свои. Таким образом, у нас есть вариант двустороннего общения в аккаунте. Мы можем получить отзывы о работе, выслушать советы и пожелания, что поможет нам в планировании следующих постов.

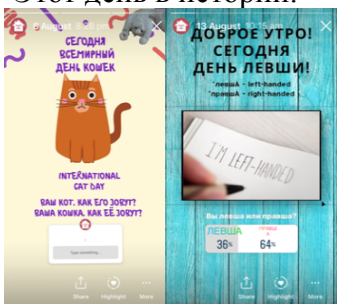
Кроме проведения тестирования Stories можно очень активно использовать в работе по пополнению словарного запаса учащихся. Преподаватель-блогер может придумать различные рубрики, которые регулярно будут пополняться новой информацией. В аккаунте Russian_at_home мы уже ведем следующие рубрики:

Прогноз погоды на сегодня.



Мы говорим …(идиомы и пословицы)

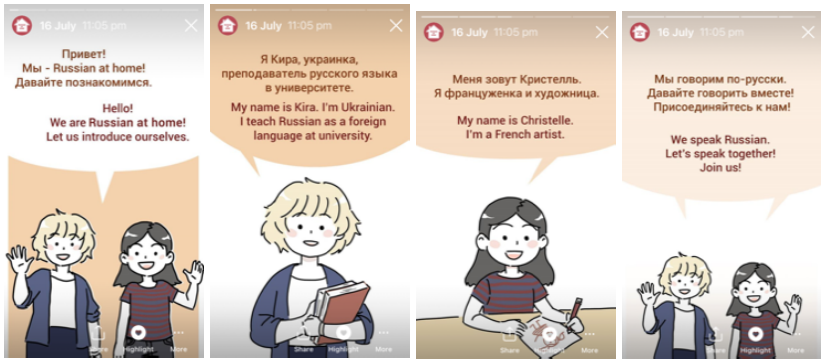
Этот день в истории.



Конечно, в дальнейшем мы планируем расширить перечень тем для Stories,

Наиболее важные и ценные для вас stories можно добавить в «актуальные истории» или «вечные stories». Тут их можно будет посмотреть в любой момент и без временного ограничения. В актуальные истории вы добавляете ранее опубликованный материал, но сортируете его по темам. Таким образом новые подписчики вашего аккаунта не упустят ничего важного из опубликованного раньше. Вот некоторые предлагаемые варианты тем: О нас, грамматика, викторины, ссылки, отзывы, обратная связь.

Ниже вы можете увидеть фрагмент нашей «актуальной истории», в которой мы знакомимся с подписчиками:



Выше мы перечислили основные моменты работы преподавателя на платформе Instagram. Но, конечно, творческая личность способна найти для себя еще много нового и эффективно использовать все это в учебном процессе. Мы видим, что в аккаунте Instagram можно заниматься лексикой, грамматикой, письмом, чтением, аудированием, говорением.

Исходя уже из своего опыта работы с Russian_at_home, мы с уверенностью можем говорить о том, что Instagram является мощным мотивационным инструментом. Он в значительной мере стимулирует и подпитывает интерес студентов к учебе. Игровая форма

подачи материала, яркое содержание, нахождение в привычной и любимой социальной сети приводит к тому, что студенты, сами того не замечая, все больше и больше вовлекаются в учебный процесс. Преподаватель-блогер направляет их досуг в полезное русло. Не загружая своих подписчиков огромным количеством правил и учебников, вы можете добиться прекрасных результатов в обучении.

Литература

1. Клименко, О. А. Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса. //Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб: Реноме, 2012, С. 405-407.
2. Полякова, М.Д. Языковые социальные сети в обучении английскому языку/ М.Д. Полякова // Инновационная наука. 2017.№ 3. Т. 2. С. 220-222.
3. Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина Н.В., Мантуленко В.В. Использование социальных сетей в обучении студентов / М.Д. Горячев, М.М. Горячев, Н.В. Иванушкина, В.В. Мантуленко //Вестник СамГУ, 2015. № 7 (129). С. 173-178.
4. Википедия . URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Instagram (дата звернення: 15.11.2020)
5. Instagram “Russian_at_home” . URL https://www.instagram.com/russian_at_home/

Статтю присвячено проблемі викладання мови за допомогою соціальної мережі Instagram. Соціальні мережі є сучасною формою дистанційного навчання. У статті на прикладі конкретного аккаунта розглядаються основні моменти використання платформи Instagram в викладанні російської мови як іноземної. Представлені приклади подачі граматичних і лексичних тем російської мови за допомогою основних функцій мережі (публікація постів і stories). Розглянуто варіанти використання соціальної мережі Instagram для перевірки вивченого матеріалу (онлайн тестування). Переконливо аргументовано, що використання соціальних мереж в процесі навчання може призвести до зміни всієї освітньої парадигми.

Ключові слова: *дистанційне навчання, онлайн навчання, блог, блогер, Інтернет, соціальні мережі, Інстаграм, російська як іноземна*

The article is devoted to the problem of language teaching using the social network Instagram. Using the example of an account, the author examines the main points of using the Instagram platform in teaching Russian as a foreign language. The article provides examples of the presentation of grammatical and lexical topics of the Russian language using the main functions of the network (publication of posts and stories).

Keywords: *distance learning, online learning, blog, blogger, Internet, social networks, Instagram, Russian as a foreign language*

М.П.ВАСИЛЕНКО,
И. В. САЛАВА
Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

ФОРМИРОВАНИЕ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ 5-Х КЛАССОВ В ПРОГРАММАХ И УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

У статті розглядається система роботи з оволодіння орфоепічними нормами у школі як окремий напрямок мовної роботи. Ілюструється організація орфоепічної роботи на уроках російської мови у 5-х класах на матеріалі підручників. Проводиться зіставний аналіз вправ, що представлені у підручниках і спрямовані на формування орфоепічних вмінь та навичок.

Ключові слова*: орфоепічні норми, вправи, фонетико-орфоепічні вміння.*

Комплексное изучение норм произношения и ударения в рамках орфоэпии позволяет оптимально решать проблемы формирования и развития произносительных умений и навыков школьников. Более того, задача сознательного овладения нормами устной речи включается в ключевые компетенции, что и подчеркивается в Проекте Государственного стандарта для базового среднего образования и становится целью языкового и литературного образования:

– осуществлять устную и письменную коммуникацию (говорение, слушание, чтение, письмо) на основе знания функция языка, ресурсов (словаря, грамматики) и норм родного языка, особенностей стилей и жанров речи;

– ответственно использовать средства языка для достижения личных и общественных целей в различных жизненных ситуациях (учебных, профессиональных и др.), творческого самовыражения, опираясь на особенности межкультурной коммуникации и на опыт коммуникации государственным языком [1].

Требования, которые выдвигаются к обязательным результатам обучения для классов среднего звена в литературно-языковой области согласно *Стандарту базового среднего образования* следующие:

– слушает высказывания (монолог, диалог, полилог), воспринимая информацию;

– реагирует на услышанное, уточняя важные для понимания детали;

– передает скрытый смысл сообщения, который выражен с помощью типовых невербальных средств;

– фиксирует основное содержание услышанного в соответствии с поставленным заданием;

– с помощью или самостоятельно подбирает и создает графические или визуальные средства передачи информации;

– отбирает информацию из одного или нескольких источников;

– определяет тему, микротемы, основную идею, важные детали сообщения;

– взаимодействует с собеседником/амии, сопровождая собственную речь отдельными вербальными и невербальными средствами для достижения коммуникативной цели;

– в соответствии с целью использует основные виды чтения;

– определяет основные проблемы в тексте, связывает со своим опытом;

– различает известную и неизвестную, основную и второстепенную информацию;

– подбирает необходимые языковые средства, придерживается основных языковых норм;

– принимает участие в онлайновых дискуссиях, различает несоответствия в мыслях, толерантно объясняет свою позицию, придерживаясь норм этикета;

– выявляет и исправляет ошибки, допущенные в тексте, опираясь на усвоенные языковые нормы;

– анализирует и совершенствует содержание написанного, дополняет отдельные части;

– выбирает целесообразные способы усовершенствования собственной речи;

– использует знания о закономерностях и функционировании языковых единиц для усовершенствования собственной речи;

– наблюдает за отдельными языковыми явлениями в речи;

– обогащает собственный стиль речи отдельными чертами речи других людей [1].

Обращает на себя внимание, что овладение орфоэпическими нормами нигде не вынесено как отдельное направление языковой работы. Безусловно, выделенные нами пункты можно условно объединить в раздел «Развитие фонематического слуха школьников», но, к сожалению, нигде не предусмотрено ни систематической работы в сопоставительном плане, ни четко обозначенного учебного орфоэпического материала.

А ведь именно успешное овладение фонетико-орфоэпическим материалом, по словам Н.З. Бакеевой, «… предопределяет, наряду с выработкой навыков русского литературного произношения, расширение лексико-фразеологического запаса, усвоение грамматических форм и конструкций и обеспечение орфографических знаний по русскому языку» [2, с. 221].

Таким образом, Проект Стандарта базового среднего образования не в полной мере ориентирован на оптимальное решение проблем формирования и развития произносительных умений и навыков школьников. Эту проблему решает традиционно сформированная система работы по усвоению школьниками орфоэпических норм на уроках русского языка, что находит отражение в школьных программах и школьных учебниках.

На сегодняшний день учителям предлагаются такие программы для 5-9 классов:

– ***Русский язык 5–9 классы*** (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения (начало изучения с 5 класса) – (руководитель авторского коллектива – Курач Л.И.) [3]. Эта программа составлена на основе Государственного стандарта базового и полного среднего образования, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Украины с учетом Государственного стандарта начального образования и в соответствии с положениями концепции «Новой украинской школы» (2016 г.).

– ***Русский язык*** (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения (курс по выбору) – автор: Фролова Т.Я. [4]. Эта программа изучения курса русского языка по выбору предназначена для практического усвоения русского языка в общеобразовательных учебных заведениях с украинским языком обучения.

– ***Русский язык*** (факультативный курс) (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения) – автор: Давидюк Л.В. [5]. Программа курса определяет содержание курса русского языка, который изучается с 5-го по 11-й классы в школах с украинским языком обучения. Программа разработана с учётом новой социально-языковой ситуации, сложившейся в Украине.

– ***Русский язык 5–9 классы*** (факультативный курс) (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения) – автор: О.Ю. Крюченкова [6]. Программа составлена в соответствии с Государственным стандартом базового и полного среднего образования, утвержденным постановленим Кабинета Министров Украины и реализует современные подходы к изучению русского языка, приоритетным среди которых является коммуникативный. Следует отметить, что именно программа О.Ю. Крюченковой предусматривает на изучение темы «Фонетика. Графика. Орфоэпия. Орфография» 9 часов, что гораздо больше по сравнению с другими программами. Более того, круг умений очерчен более широко и конкретно.

Таким образом, Программа по русскому языку, составленная в соответствии с Государственным стандартом базового и полного среднего образования, утвержденным постановленим Кабинета Министров Украины, наиболее полно, комплексно формирует орфоэпические умения у школьников 5 класса. Важной составляющей содержания этой Программы является постоянная работа по культуре речи, в том числе по усвоению орфоэпических норм и орфографии, которая осуществляется в основном на сопоставительной основе. В Программе предусмотрено повторение, включающее систематизацию знаний по орфографии и совершенствованию орфографических навыков, что обусловлено трудностью усвоения норм русского правописания.

Проиллюстрируем организацию орфоэпической работы на уроках русского языка в 5-х классах на материале учебников:

● Баландина Н.Ф., Дегтярева К.В., Лебеденко С.А. Русский язык: 5 класс: Учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения [7];

● Давидюк Л.В. Русский язык: 5 класс: Учебник для общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения [8].

Выбор этих учебников обусловлен тем, что, во-первых, эти учебники широко используются учителями украинских школ; во-вторых, можно проследить последовательность изучения орфоэпических тем, которые предлагаются школьникам в школах с украинским языком преподавания.

В учебнике Н.Ф. Баландиной последовательно и систематически представлены:

1) Упражнения на сопоставление произношения и написания звуков, слогов, слов, словосочетаний, терминов в русском и украинском языках. В основном – это сравнительные таблицы, помеченные «Сравните!»

2) Упражнения на воспроизведение правильного произношения с учетом орфоэпических норм русского языка. Например:

– Произнесите вслед за учителем слова *семья, семейство, семейка.*

– Проговорите медленно слова, скажите, в каких из них буква Я передаёт два звука [йа], а в каких – один [а]: *месяц, пять, январь, память, имя, время, скамья, семья, сентябрь, яблоко.*

– Медленно произнесите слова. Посчитайте, сколько буква и сколько звуков в них. Обоснуйте свой вывод:

Лёт, льёт, сел, съел, яд, ад; Коля, колья; полю, полью; семя, семья; обедать, объедать.

– Произнесите вслед за учителем опорные слова и словосочетания:

Внук Пантелей, дедушка Никифор, покачал головой, веснушки, день рождения, брать в при́го́ршню, во все стороны, золотые лучи, подсолнушек, рыжий мальчик.

3) Упражнения на знание учащимися норм произношения звуков и звукосочетаний:

– Произнесите слова:

мя[хк]о, коне[шн]о, [шт]о, ску[шн]ый, наро[шн]о, [шт]обы, ску[шн]о, скворе[шн’]ик, яи[шн’]ица.

Следует отметить, что такого рода упражнения единичны и представлены только в теме: Гласные и согласные звуки, их произношение и обозначение на письме.

4) Упражнения на установление соответствий в русском и украинском языках:

– Выпишите из текста слова, соответствующие украинским и прочитайте их:

Ідуть, несуть, гриби, гово́рить, що, ще, молодець, з лісу, маленька, непомітно, виряджатися, менше.

5) Упражнения на запоминание и постановку ударения:

– Прочитайте вслед за учителем слова. Запомните правильное ударение в них:

Досу́г, киломе́тр, предме́т, катало́г, добы́ча, дремо́та, гу́сеница, щаве́ль, свёкла.

– Прочитайте текст. Выпишите выделенные слова и поставьте в них ударение. Посчитайте количество слогов и укажите ударный слог.

– Прочитайте стихотворение, выделяя голосом слова, на которые, по вашему мнению, падает логическое ударение. Выпишите слова, в которых, по мнению автора, допускаются ошибки в постановке ударения. Запомните их правильное произношение.

– Спишите текст. Поставьте ударение в словах.

– Произнесите, а затем спишите слова. Поставьте в них ударение и подчеркните безударные гласные.

6) Упражнения на перевод:

– Переведите слова на русский язык и запишите. Сравните, как произносятся в русском и украинском языках согласные, стоящие перед буквой Я:

Полум’я, пам’ять, дерев’яний, п’ятниця, перев’язати, м’ята, м’ясо, п’ятий.

Следует отметить, что упражнений на перевод в учебнике достаточное количество. На материале этих упражнений можно вполне проводить фонетико-орфоэпическую работу на уроке русского языка.

7) Словарные слова с ударением и термины:

Следует отметить, что учебник предлагает Словарь-минимум по орфоэпии (насчитывает 173 слова) и Словарь-минимум по орфографии (насчитывает 184 слова). Что является хорошим дополнением к содержанию всего учебника.

Основной единицей построения учебника Л.В. Давидюк является не занятие (как в учебнике Н.Ф. Баландиной), а тема.

Учебник построен так, что все задания выполняются на основе текста: это и вопросы по тексту, и перевод слов и выражений, и составление плана, и определение основной мысли текста и др. Задания по фонетике и орфоэпии встраиваются в каждый урок. После каждого текста обязательным являются вопросы такого типа:

– Совпадает ли количество звуков и букв в словах грустного, известного? Почему? Подберите к этим словам такие однокоренные слова, которые послужат доказательством того, что в тексте эти слова написаны правильно.

– Выпишите из первого предложения слово, в котором букв больше, чем звуков.

– Выпишите из текста слова для орфоэпической разминки.

– Выпишите слова с буквами, которых нет в украинском языке. Переведите эти слова на украинский язык.

Заслуживает внимания, что в учебнике на каждой странице присутствует рубрика **«Орфоэпическая разминка»**, где даются слова с правильным ударением. Например: *Гре́ция, одна́жды, го́сти, наро́дов, города́, объясниться, про́сьбы, опять, госуда́рства, го́ре, врага́ми.* Что дает возможность учителю систематически проводить орфоэпическую работу.

В учебнике есть рубрика **«Возьми на заметку»**, где приводятся трудные случаи употребления звуков или произношение тех звуков, которые следует запомнить.

Мы выделили такие типы фонетико-орфоэпических упражнений:

1) Упражнения на сопоставление произношения и написания звуков, слогов, слов, словосочетаний, терминов в русском и украинском языках. Это сравнительные таблицы и задания, которые требуют от школьников умения рассуждать:

– Прочитайте данные слова сначала по-украински, затем по-русски. Чем отличается их произношение?

– Выпишите в столбик русские названия месяцев. Рядом запишите названия месяцев на украинском языке.

2) Упражнения на перевод:

– Прочитайте слова вслух, правильно расставляя ударения. Переведите эти слова на украинский язык. Сравните постановку ударения в словах в русском и украинском языках.

– Прочитайте высказывание Василия Сухомлинского на украинском языке, коллективно переведите его на русский. Перевод запишите. Обсудите с одноклассниками утверждение писателя.

Обращает на себя внимание то, что в учебнике задания на перевод даются тоже с установкой та коллективную творческую работу учащихся.

3) Упражнения по фонетике, требующие самостоятельного творческого поиска:

– Попробуйте прочитать четверостишие из текста песни Константина Ибряева «Школьный корабль». Легко ли вам было это сделать? Почему? Какова роль гласных в речи?

в снтбрьскй днь пгжй,

кгд мтт фврль,

шкл, шкл, т пхж

н крбль, бгщй вдль

А теперь прочитайте весь текст песни. Определите роль гласных и согласных звуков в речи.

– Послушайте стихотворные строки Самуила Маршака. О каких признаках, отличающих гласные звуки от согласных, говорит поэт?

– Спишите два первых четверостишия из песни «Школьный корабль». Поставьте в словах ударение. Определите в каждом слове, какой звук является ударным, запишите его рядом с буквой, которая его обозначает, в квадратных скобках. Букву, обозначающую ударный гласный звук, подчеркните. Например: сентя[а]брьский.

– Придумайте рифмовки к словам, правильное произношение которых вам трудно запомнить. Например, к словам, различающимся ударением в русском и украинском языках.

4) Тренировочные фонетико-орфоэпические упражнения:

– Выпишите слова, в которых совпадает количество гласных и согласных звуков.

– Запишите четверостишие по слогам. Устно охарактеризуйте каждый слог, указав, сколько в нём звуков, открытый слог или закрытый.

– Выпишите 3–4 слова, в которых гласные звуки находятся в сильной позиции, то есть под ударением. Подчеркните буквы, которые обозначают эти звуки.

*– Выпишите из первого абзаца выделенные слова. Поставьте в них ударение. Произнесите выписанные слова. Какие звуки вы произнесли на месте букв **о** и **е** в безударном положении? На месте буквы **о** в начале слова?*

5) Упражнения на корректировку своей и чужой речи:

– Исправьте ошибки в речи героя стихотворения.

– Исправьте ошибки в употреблении синонимичных глаголов в словосочетаниях. Запишите словосочетания в исправленном виде, укажите главное слово.

– Исправьте ошибки. Объясните причину их возникновения. Запишите предложения и словосочетания в исправленном виде. Подчеркните предлоги.

6) Комбинированные упражнения:

– Прочитайте слова вслух, правильно расставляя ударения. Переведите эти слова на украинский язык. Сравните постановку ударения в словах в русском и украинском языках.

– Прочитайте пары слов, определите значение каждого слова. С помощью какого языкового средства различаются эти слова?

А̀тлас – атла̀с, за̀мок – замок, хло́пок – хлопо́к, жа́ркое – жарко́е.

– Прочитайте стихотворение Эммы Мошковской, правильно расставляя словесное, фразовое и логическое ударение. Постарайтесь передать чувства героя стихотворения.

7) Упражнения на знание и соблюдение норм русского языка:

– Послушайте текст из рубрики «Возьми на заметку». Назовите три орфоэпические нормы, которые доставляют говорящим особенно много хлопот. Согласны ли вы с автором текста? Приведите примеры слов, произношение которых вызывает у вас трудности.

– Прочитайте отрывок из предисловия к «Школьному орфоэпическому словарю». Какую информацию об устройстве и назначении словаря вы получили?

– Во время слушания следите по тексту, обращайте внимание на то, как звучат гласные под ударением и в безударном положении.

Таким образом, упражнения, представленные в учебнике Л.В. Давидюк отличает большая самостоятельность и творческий характер; фонетико-орфоэпическая работа проводится последовательно и на каждом занятии; основной единицей, вокруг которой группируется вся работа на уроке, является текст; в учебнике используется текстовый материал упражнений, которые используются для проведения систематической орфоэпической работы; достаточно внимания уделяется правильному произношению слов и постановке ударения в них.

Если сравнивать эти два учебника, то можно сделать вывод, что в учебнике Л.В. Давидюк языковой и речевой материал представлен значительно шире, чем в учебнике Н.Ф. Баландиной. Более того, процент самостоятельных и творческих заданий в учебнике Л.В. Давидюк значительно выше, чем в учебнике Н.Ф. Баландиной. В целом, и один и другой учебник, на наш взгляд, вполне справляются с заданием: дать определенный круг знаний и достаточно эффективно формирует фонетико-орфоэпические умения у школьников 5 класса.

Литература

1. Проект Державного стандарту базової середньої освіти URL: https://mon.gov.ua/ua/news/ministerstvo-osviti-i-nauki-ukrayini-proponuye-dlya-gromadskogo-obgovorennya-proyekt-derzhavnogo-standartu-bazovoyi-serednoyi-osviti (дата звернення: 07.10.20).

2. Бакеева Н.З., Баранников И.В., Быстрова Е.А. Методика преподавания русского языка в национальной средней школе / под ред. Н.З. Бакеевой и З.П. Даунене. Ленинград : Просвещение, 1986. 400 с.

3. Русский язык 5–9 классы (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения (начало изучения с 5 класса) – (руководитель авторского коллектива – Курач Л. И.) URL: https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas (дата звернення: 26.09.20).

4. Русский язык (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения (курс по выбору) – автор: Фролова Т. Я. URL: https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas (дата звернення: 26.09.20).

5. Русский язык (факультативный курс) (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения) – автор: Давидюк Л. В. URL: https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas (дата звернення: 26.09.20).

6. Русский язык 5–9 классы (факультативный курс) (для общеобразовательных школ с украинским языком обучения) – автор: Крюченкова О. Ю. URL: https://mon.gov.ua/ua/osvita/zagalna-serednya-osvita/navchalni-programi/navchalni-programi-5-9-klas (дата звернення: 26.09.20).

7. Баландина Н.Ф., Дегтярева К.В., Лебеденко С.А. Русский язык: 5 класс: Учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения / под ред. Н.Ф. Баландиной. Киев : Мастер-класс, 2017. 304 с.

8. Давидюк Л.В. Русский язык. 5 кл. (5-й год изучения): учеб. для заведений общего среднего образования с бучением на русском языке. Изд. 2-е, дораб. Киев : Изд-во «Свиточ», 2018. 288 с.

В статье рассматривается система работы по овладению орфоэпическими нормами в школе как отдельное направление языковой работы. Иллюстрируется организация орфоэпической работы на уроках русского языка в 5-х классах на материале учебников. Проводится сопоставительный анализ упражнений, представленных в учебниках, направленных на формирование орфоэпических умений и навыков школьников.

***Ключевые слова**: орфоэпические нормы, упражнения, фонетико-орфоэпические умения.*

The article discusses the system of work on mastering orthoepic norms at school as a separate direction of language work. The organization of orthoepic work at the lessons of the Russian language in the 5th grade is illustrated on the material of textbooks. A comparative analysis of the exercises from the textbooks aimed at the formation of orthoepic skills and abilities of schoolchildren is carried out.

***Keywords**: orthoepic norms, exercises, phonetic and orthoepic skills.*

Т. В. ДОБРОШТАН
Київський національний лінгвістичний університет

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ И ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Статтю присвячено розгляду особливостей російської мови ділового спілкування в іноземній аудиторії. Описано знання, вміння та навички іноземного студента, отримані в результаті освоєння курсу «Ділова російська мова». Виділено основні граматичні теми, що застосовують у діловому спілкуванні та діловому листуванні. Розроблено та представлено лексико-граматичні завдання.

Ключові слова: *методика викладання РМІ, мова ділового спілкування, етикет, ділова бесіда, етикетні формули.*

Целью изучения делового русского языка на начальном и среднем этапе обучения является совершенствование знаний по русскому как иностранному, свободное владение русским языком как средством делового общения, формирование и развитие готовности к участию в научных, творческих, рекламных проектах, а также совершенствование и развитие своего интеллектуального и общекультурного уровня.

Одной из главных характеристик языка делового общения является, пожалуй, использование языковых клише (клишированных формул), которые служат для выражения типовых речевых ситуаций делового общения. В результате освоения русского языка делового общения студент получает знания речевого этикета делового общения, то есть знание установленных этикетных формул (например, приветствие-прощание, представление, самопредставление, знакомство, начало/ окончание/ ведение деловой беседы по телефону, формы выражения чувств и эмоций и др.). Студент должен понимать содержание текстов и уметь их трансформировать, анализировать их содержание, выделять нужную и важную информацию, а также писать различные деловые тексты (сообщения, письма, заявления и др.), готовить и представлять презентации. Знание делового русского языка предполагает владение речевыми навыками ведения деловой беседы, совещания, переговоров, телефонных разговоров, а также дискуссий.

Знание основ делового языка станет в будущем для студентов хорошим фундаментом обучения грамотной письменной и устной научной речи, а также стартом для получения опыта публичных выступлений. Знание деловой документации и умение работать с деловыми бумагами поможет в профессиональной деятельности будущим дипломатам, бизнесменам. служащим крупных компаний и всем, чья деятельность связана с междунароной торговлей и международным сотрудничеством.

Исследователи отмечают, что для студентов-иностранцев гуманитарных специальностей знание русского языка делового общения особо важно, поскольку они будут использовать его в своей будущей профессиональной деятельности [11].

Учебная и методическая литература по русскому языку делового общения для иностранных студентов достаточно обширна. Рамки данной статьи не позволяют сделать полный и подробный обзор литературы. Однако, основные и самые интересные, на наш взгляд, источники будут названы. В этой связи следует назвать такие учебники и учебные пособия: «Начальный курс русского языка для делового общения» (Козлова Т.В., Курлова И.В., Кульгавчук М.В.), «Тестовый практикум по русскому языку делового общения.

Бизнес. Коммерция. Средний уровень» (Журавлева Л.С.), «Типовые тесты по русскому языку как средству делового общения. Уровень 1, 2, 3» (Клобукова Л.П., Михалкина И.В.), «Бизнес-корреспонденция: пособие по обучению деловому письму для изучающих русский язык как иностранный» (Базванова Т.Н., Орлова Т.К.), «Русский язык. Курс для бизнесменов: переговоры, контракты, встречи» (Жуковская Е.Е., Леонова Э.Н., Мотина Е.И.), «Деловые контакты. Бизнес-курс по русскому языку» (Акишина Т.Е., Скорикова Т.П.), «Русский язык для делового общения» (Котане Л.В.), «Русский язык для бизнесменов» (Балыхина Т.М., Ельникова С.И.), «Русский язык для делового общения» (Рзаева Гюльнара, Намик Кызы) [1-10; 12].

Лексические темы, которые будут изучаться в курсе делового общения, должны быть тщательно отобраны преподавателем. Обязательными для осовения являются темы: “Деловое общение”, “Культура делового общения”, “Имидж делового человека”, “Деловой этикет”, “Знакомство, представление и самопредставление”, “Этикет делового общения и обращения”, “Деловая беседа по телефону”, “Ведение деловой беседы. Структура деловой беседы”, “Деловые переговоры”, “Деловой ужин”, “Национальные стили ведения деловых переговоров”, “Публичная речь делового человека”, “Деловая переписка”, “Деловая документация”, “Деловой туризм”, “Деловая сделка”, “Специальность, профессия, должность”, “Как устроиться на работу. Резюме”, “Этика ведения бизнеса”, “Деловое партнерство”, “Рекламное дело в бизнесе” и др. Список названных тем может варьироваться, дополняться преподавателем. Целесообразно дополнить список такими темами, как: национальные особенности характера представителей разных народов и связанная с ними специфика ведения бизнеса; экономика; политическое устройство страны; международные связи; торговля.

Палитра грамматических тем, необходимых для освоения языка делового общения, разнообразна. Весь процесс обучения иностранных студентов русскому языку пронизан изучением падежной системы, падежных окончаний и предложно-падежных форм. Знание падежной системы русского языка – это крепкий фундамент, на котором держится вся языковая конструкция и на котором основано совершенствование языковых и речевых навыков студента-иностранца. Сначала студенты изучают или повторяют и совершенствуют (в зависимости от уровня владения языком) предложно-падежные формы, основные вопросы падежей, предлоги и систему окончаний. Кроме основных падежных предлогов, например, в, на и о, об, обо (для предложного падежа), важными и информационно насыщенными являются предлоги благодаря, благодаря тому что, из-за, из-за того что, несмотря на, несмотря на то что, в течение, для, для того чтобы, по и т.д. Эти и другие сложные предлоги русского языка также заслуживают внимания на занятиях по русскому языку делового общения. Следует назвать и другие грамматические темы, которые изучаются в связи с освоением делового русского языка. Среди них такие, как: части речи и склонение частей речи; глаголы НСВ и СВ; глаголы движения без приставок и с приставками; сложные предложения с союзами что, чтобы, когда, где, потому что, поэтому, как, какой, который, сколько, куда, откуда, хотя, если, если бы, чем – тем, в то время как, перед тем как, после того как, как только, пока, пока…не и др., а также сложные предложения с указательным местоимением тот; безличные конструкции; выражение времени, время на часах (вопросы: когда? сколько времени? на сколько времени? за сколько времени? который час? в котором часу?); аббревиатуры. Особого внимания в устном и письменном деловом дискурсе

заслуживают такие грамматические темы, как причастие, причастный оборот; деепричастие, деепричастный оборот; трансформационные конструкции с союзным словом который и союзом когда; активный и пассивный залог. Преподавателю стоит обратить внимание на эти темы и помочь студенту максимально точно отработать навыки употребления этих конструкций на письме и в речи.

Приведем пример конспекта одной из тем по русскому языку делового общения в иноязычной аудитории.

ТЕМА 1: ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ.

Грамматика: "Предложный падеж. Существительные и прилагательные в единственном и множественном числе".

Задание 1. А) Посмотрите значение слов в словаре. Переведите на родной язык: взаимодействие, административно-правовые отношения, частные лица, оформить, разнообразно, совместная деятельность, содержание, общение, процесс, отношения, предприятия, лицо, форма, беседа, совещание, переговоры, пресс-конференция, выступление, презентация, дискуссия, разговор, телефон, обсуждение, проект, реклама.

Б) Подберите прилагательны к данным выше существительным. Составьте словосочетания "прилагательное + существительное".

Задание 2. Закончите именные словосочетания. Раскройте скобки. Пишите слова в предложном падеже: оформление контракта (переговоры), взаимодействие сотрудников (коллектив), общение партнёров (деловой ужин), совещание руководителей (бизнес-центр), презентация проекта (пресс-конференция), выступление директора (совещание), анализ деловых переговоров (собрание).

Задание 3. А) Составьте словосочетания с предлогом по ("по + существительное в предложном падеже"): прибытие домой, заключение договора, подписание контракта, написание письма, приезд на фирму, возвращение из командировки, окончание переговоров, завершение торжества. **Б) Составьте фразы с полученными словосочетаниями.**

Задание 4. Прочитайте мини текст "Деловое общение".

Общение – это процесс взаимодействия людей. Самый массовый вид общения – это деловое общение. Оно применяется в коммерческих, правовых, экономических и дипломатических отношениях. В деловые отношения вступают предприятия и частные лица, чтобы оформить взаимодействие в той или иной сфере. Существуют различные формы делового общения: деловая беседа, совещание, деловые переговоры, пресс-конференция, публичное выступление, презентация, дискуссия, деловой разговор по телефону. Одна и та же информация может быть реализована в разных формах. Например, обсуждения какого-либо проекта может проходить в форме деловой беседы, делового совещания или переговоров. В современной жизни частью делового общения стала реклама и светское общение.

Задание 5. Закончите предложения.

В деловые отношения вступают…..2. Деловое общение является…..3. Деловые отношения нужны, чтобы….4. Реклама и светское общение…..

Задание 6. У вас деловая поездка в Украину. Восстановите вопросы, которые вам могут задать на таможне.

1….вас зовут? 2.....вы приехали? 3……..цель вашего визита (приезда) в Украину? 4…….вы по профессии? 5……вы работаете? 6……..у вас долларов?

Задание 7. Побеседуйте в неофициальной остановке с вашим новым партнером. Узнайте (спросите) о нем всё, что вас интересует. Запишите ваши вопросы.

Имя, национальность, возраст, место жительства, работа, специальность, должность, знание иностранных языков, семья, свободное время, хобби.

Задание 8. Составьте диалоги по заданным ситуациям: 1) Вы встретились со своим деловым партнёром и хотите предложить ему совместную работу над новым проектом; 2) Вы секретарь строительной фирмы. Директор поручил вам позвонить своим деловым партнёрам и пригласить их на ужин.

Изложенные в статье соображения и идеи могут послужить материалом для составления автором учебного пособия по русскому языку делового общения для студентов-иностранцев.

Литература

1. Акишина Т.Е., Скорикова Т.П. Деловые контакты. Бизнес-курс по русскому языку. Москва : Русский язык. Курсы, 2013. 376 с.

2. Базванова Т.Н., Орлова Т.К. Бизнес-корреспонденция: пособие по обучению деловому письму для изучающих русский язык как иностранный. Москва : Русский язык. Курсы, 209. 151 с.

3. Балыхина Т.М., Ельникова С.И. Русский язык для бизнесменов: учебное пособие. Москва : Дрофа, 2012. 176 с.

4. Жуковская Е.Е., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Русский язык. Курс для бизнесменов: переговоры, контракты, встречи. Пособие для изучающих русский язык как иностранный. Москва : Паимс, 1993. 176 с.

5. Журавлева Л.С. Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Средний уровень. Москва : Русский язык. Курсы, 2006. 272 с.

6. Клобукова Л.П., Михалкина И.В. Типовые тесты по русскому языку как средству делового общения. Уровень 1, 2, 3. Москва : МГУ. 1999. 200 с.

7. Козлова Т.В., Курлова И.В., Кульгавчук М.В. Начальный курс русского языка для делового общения. Москва : Русский язык. Курсы, 2007. 240 с.

8. Котане Л.В. Русский язык для делового общения. Базовый уровень А2. Москва : Златоуст. 2014. 180 с.

9. Котане Л.В. Русский язык для делового общения. В1. Москва : Златоуст. 2014. 172 с.

10. Котане Л.В. Русский язык для делового общения. В2. Москва : Златоуст. 2014. 172 с.

11. Малина Н.В., Рогачева Т.Д., Кондратьева И.А. Деловой русский в процессе преподавания русского языка как иностранного в вузе. *Интернет-журнал "Мир науки*". 2017. Том 5. №2. URL: http://mir-nauki.com/PDF/38PDMN217.pdf

12. Рзаева Гюльнара, Намик Кызы. Русский язык для делового общения (для студентов экономического вуза). Баку : Азербайджанский государственный экономический университет, 2016. 450 с.

Статья посвящена рассмотрению особенностей русского языка делового общения в иностранной аудитории. Описаны знания, умения и основные навыки, полученные иностранным студентом в результате освоения курса "Деловой русский язык". Выделены основные грамматические темы, применяемые в деловом общении и деловой переписке. Разработаны и представлены лексико-грамматические задания.

Ключевые слова: *методика преподавания РКИ, язык делового общения, этикет, деловая беседа, этикетные формулы.*

The article considers Russian business language teaching to international students. Knowledge and skills which they receive in course of business language are exanimed. The main grammar topics of business conversations are selected. The author develops lexical-grammatical tasks for the classes of Business Russian.

Key words: *methods of teaching Russian as a foreign language, business language, etiquette, business conversation, etiquette formulas.*

Н. П. ІВАНОВА,
Т.П. КОСТЮК
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

КУРСОВИЙ ПРОЄКТ ЯК ЕЛЕМЕНТ ОСВІТНЬОГО ПРОЦЕСУ У ПІДГОТОВЦІ МАЙБУТНІХ ФІЛОЛОГІВ ТА ВЧИТЕЛІВ-СЛОВЕСНИКІВ

Стаття присвячена вивченню сутності і змісту поняття «курсовий проєкт» як елементу освітнього процесу в підготовці майбутніх філологів та вчителів-словесників. Реалізація курсового проєкту як однієї з форм самостійної наукової роботи сприяє формуванню гнучкості й оригінальності мислення, вміння вирішувати проблеми одноосібно та в команді, розвиває інформаційну грамотність і навички ефективного використання інформаційно-комп'ютерних технологій. Також ми пропонуємо декілька схем, які можуть стати основою для створення курсових проєктів.

***Ключові слова**: курсовий проєкт, дослідницький та пізнавальний інтерес, критичне мислення, креативність і унікальність.*

Постановка проблеми. Складовим елементом освітнього процесу у підготовці здобувачів вищої освіти першого (бакалаврського) рівня філологічних спеціальностей є написання курсової роботи. Курсова робота – одна з форм самостійної наукової роботи з елементами дослідження, що виконується здобувачами вищої освіти протягом семестру відповідно до навчального плану підготовки фахівців з метою закріплення, поглиблення та узагальнення знань. Її виконання націлює на творчі пошуки як у питаннях відбору, опрацювання і використання наукової та навчальної літератури, так і в питаннях систематизації та аналізу дібраного матеріалу. Тематика курсових робіт має відповідати завданням навчальної дисципліни і тісно пов'язується з практичним застосуванням результатів дослідження.

Реформування та модернізація вищої освіти в Україні, нові тенденції освітнього процесу, сучасні вимоги до професійної підготовки майбутніх фахівців, зміни у науково-технічній парадигмі вищої освіти зумовлюють необхідність використання сучасних педагогічних технологій, нових підходів до організації самостійної роботи та наукових досліджень здобувачів вищої освіти. Наприклад, як альтернативу курсовій роботі можна запропонувати виконання курсового проєкту, який є окремим видом освітньої діяльності і передбачає формування науково-дослідних, аналітичних та проєктних компетентностей здобувача вищої освіти. Реалізація курсових проєктів стимулює інтерес здобувачів вищої освіти до актуальних проблем фахових дисциплін, сприяє формуванню критичного, системного, гнучкого та креативного мислення майбутніх фахівців. Разом з тим, виконання такого типу роботи з певної навчальної дисципліни може стати творчим, унікальним рішенням конкретної науково-дослідної задачі. Як правило, дослідницький процес відбувається під керівництвом викладача протягом встановленого терміну в одному семестрі відповідно до завдання на основі набутих з даної та суміжних дисциплін знань та умінь. Оскільки курсовий проєкт дає можливість використовувати не тільки індивідуальну самостійну роботу здобувачів вищої освіти, а й групову, вивчення можливостей введення такого типу роботи із здобувачами вищої освіти першого (бакалаврського) рівня складає **актуальність нашого дослідження**.

Проблемам проєктного навчання та використання проєктних технологій в освітньому процесі присвячені роботи вітчизняних та зарубіжних учених (Д. Дьюї, У. Кілпатрик,

Є. Коллінгс, Л. Левін, Д. Піт, С. Шацький, К. Баханов, О. Пехота, І. Єрмаков, В. Гузеєв, Г. Селевко, Є. Полат, В. Беспалько та ін.).

Метою нашого дослідження є розкриття сутності і змісту поняття «курсовий проєкт» як елементу освітнього процесу в підготовці майбутніх філологів та вчителів-словесників. Також ми пропонуємо декілька схем, які можуть стати основою для створення курсових проєктів.

Термін «проєкт» (projectus) у перекладі з латинської означає «кинутий вперед», з французької «projet» – намір, який буде здійснено в майбутньому. В обох випадках мається на увазі діяльність та її результат.

Поняття «проєкт» вперше з'явилось у XVII−XVIII століттях і служило синонімом словам «експеримент» у природничих науках і «розгляд справ» у юриспруденції. Ідея включення проєктної діяльності в освітній процес була запропонована американським педагогом і філософом Джоном Дьюї на початку XX соліття.

Аналіз вітчизняної та зарубіжної наукової літератури свідчить про те, що поняття «проєкт» має широке потрактування і є актуальним для різних галузей знань.

Так, Дж. Дьюі та Е. Дьюі у роботі «Школи майбутнього» визначають проєкт як організацію тимчасової індивідуальної чи колективної діяльності, направленої на отримання унікального результату (прототипу, продукту, ідеального образу передбачуваного або можливого об'єкта, сукупності документів тощо). А В. Х. Кілпатрік вбачає в проєкті проблему – ситуацію творчості, в якій людина перестає бути власником ідеї, задля отримання шансу наштовхнутися на щось нове, здивуватися, виявити його у своїй творчості (про це детальніше див.: [3, с. 436]).

Ф. Бегьюлі вважає, що проєкт – це послідовність взаємопов'язаних подій, які відбуваються впродовж встановленого обмеженого проміжку часу та спрямовані на досягнення неповторного і водночас певного результату [2].

Н. М. Бібік, Л. С. Ващенко, О. І. Локшина, О. В. Овчарук у колективній монографії «Компетентісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи» розглядають проєкт як інноваційну форму організації освітнього середовища, в основі якої лежить комплексний характер діяльності тимчасового колективу спеціалістів в умовах активної взаємодії з навколишнім середовищем [1]. Однак проєкт є водночас і дидактичним засобом пізнавальної діяльності, розвитку креативності мислення, формування певних особистісних якостей [6, с. 11]; і спеціально організованим викладачем комплексом дій, призначеним для самостійного виконання студентом чи групою студентів, результатом якого є створення певного творчого продукту [4].

Таким чином, ми визначаємо проєкт як комплекс різних видів робіт (пошукових, дослідницьких, аналітичних, графічних тощо), які виконуються з метою практичного чи теоретичного розв'язання поставленої проблеми.

На думку Н. І. Мачинської, робота над проєктом є досить актуальним видом освітньої діяльності, оскільки дає можливість задіяти в процесі навчання не тільки інтелект, досвід, свідомість людини, а й її почуття, емоції, вольові якості, сприяє «зануренню» в навчальний матеріал, визначенню особистісного емоційно-ціннісного ставлення до нього, підвищенню ефективності засвоєння, дає відчуття успіху [5].

Отже, усі спроби пояснити значення та сутність проєктної діяльності демонструють, що вона пронизує всі сфери сучасного суспільства. Визначають проєкти наукові, технічні, комерційні, виробничі, фінансові, політичні, мистецькі, освітні тощо. На думку І. Єрмакова, система освіти має стати гнучкою, спрямованою на розвиток проєктного мислення, здатності ефективно вирішувати проблеми. Дослідник зауважує, що сучасному суспільству потрібен не просто виконавець, а творець.

Вивчення сучасної педагогічної літератури дозволяє встановити таку типологію проєктів:

За домінантною діяльністю в проєкті	дослідницький, пошуковий, творчий, рольовий, прикладний, інформаційний, ігровий, ознайомчо-орієнтований
За предметно-змістовою галуззю знань	монопредметні та інтегровані (в процесі їх виконання використовуються знання з інших дисциплін)
За кількістю учасників	індивідуальний, парний, груповий
За тривалістю виконання проєкту	короткостроковий, середньої тривалості, довготривалий
За ступенем складності	простий (рішення нескладної задачі), складний чи комплексний (охоплює два й більше субпроєкти чи передбачає різні типи й форми творчої діяльності
За видом кінцевого продукту	матеріальні – модель, макет, комп'ютерна презентація; дієві – екскурсія, тематичний вечір, спектакль; письмові – стаття, доповідь.

Курсові проєкти (роботи) із зарубіжної літератури виконуються здобувачами вищої освіти філологічних спеціальностей на III та IV курсах згідно з навчальними планами з дисциплін, що є базовими для відповідної спеціальності.

У процесі підготовки та виконання курсового проєкту можна виділити наступні етапи:

1. організаційно-підготовчий етап (визначення теми і мети проєкту, обговорення проблеми, висунення гіпотези);
2. планування (визначення джерел, засобів збирання, методів аналізу інформації, способів представлення результатів);
3. дослідження, спостереження, робота з інформаційними ресурсами, анкетування, експеримент;
4. аналіз інформації, підбиття підсумків, формулювання висновків;
5. творчий звіт, презентація отриманих результатів.

Тема курсового проєкту обирається здобувачем вищої освіти самостійно, на основі розробленого та затвердженого кафедрою переліку тем, виходячи з власних інтересів. Студент може запропонувати науковому керівнику власну тему курсового проєкту, розширивши або звузивши її.

Наприклад, для виконання групового проєкту із зарубіжної літератури «Розвиток літератури модернізму в європейських країнах» можна запропонувати здобувачам вищої освіти для виконання індивідуального курсового проєкту такі теми для дослідження:

1. Своєрідність світобачення та естетика модернізму Ф. Кафки.
2. Ж.-П. Сартр як теоретик екзистенціалізму.
3. Втілення ідей екзистенціальної філософії у творах А. Камю.
4. Роман «Улісс» Дж. Джойса як енциклопедія модернізму.
5. Особливості творчого методу Б. Брехта.
6. Модерністська проза М. Пруста
7. Взаємодія людини, природи і цивілізації в романах В. Ґолдінга.
8. Шекспірівський драматизм у романах А. Мердок.
9. Містицизм у модерністській естетиці М. Булгакова.

У процесі виконання курсового проєкту здобувачі вищої освіти мають можливість поглибити знання теорії та історії зарубіжної літератури, набути уміння професійно досліджувати художні твори в широкому контексті – соціокультурному та історико-літературному, навчатися розмірковувати логічно, послідовно, аргументовано. Крім того, обов'язковим завданням курсового проєкту має бути творчий елемент – підготовка буклету, буктрейлеру, віртуального музею, відеоскрайбінгу, відеофільму, постерів, квестів, колажів тощо.

Так, для вивчення теми «Історія європейської драматургії» можна запропонувати завдання, метою яких буде аналіз творчих методів драматургів різних епох та країн. Особливо цікавим було б простежити взаємозв'язки та взаємовпливи на рівні поетики, відобразивши результати у схемах і таблицях. Такого типу проєкт допоможе систематизувати та узагальнити знання, що є особливо важливим в умовах стрімкого зростання інформації та набуття сучасною молоддю кліпового мислення:

1. Історія античної драматургії.
2. Розвиток драматичних жанрів в епоху Середньовіччя.
3. Своєрідність драматургії В. Шекспіра.
4. Класицистична драма: Ж.-Б. Мольєр, П. Корнель, Ж. Расін.
5. Особливості драматургії доби Просвітництва.
6. Тенденції розвитку драматургії XIX століття.
7. Ідейно-філософські принципи драматургії XX століття.

Курсовий проєкт, пов'язаний з дослідженням проблем компаративного аналізу дозволяє зрозуміти на практиці, яким чином застосовуються різні методи літературної компаративістики: типологічний, історико-функціональний та історико-генетичний:

1. Інтертекстуальність в романі М. Булгакова «Майстер і Маргарита».
2. Традиції Е. По в творчості О. Вайльда.
3. Художні особливості англійського роману-антиутопії (О. Гакслі «Прекрасний новий світ», Дж. Оруел «1984» та Р. Бредбері «451° за Фаренгейтом»).
4. Мотив реінкарнації в оповіданнях О. Апухтіна «Між життям і смертю» та Ч. Діккенса «Різдвяна пісня в прозі».
5. Розвиток жанру новели в європейській літературі.

Цікавим, на нашу думку, вийде курсовий проєкт з філологічного дослідження літературного тексту, який дозволить зробити всебічний аналіз твору. Зокрема, розподіливши ролі між проєктантами (літературний критик, читач, автор, історик літератури, лінгвіст – цей перелік може бути продовжений креативними спеціальностями, типу психолог, продюсер, режисер тощо), слід поставити перед кожним з них відповідну мету. Так, літературний критик покликаний оцінити твір з точки зору сучасника. Автор має розкрити ідейний задум твору, історію його формування та історію написання. Історик літератури повинен дослідити соціокультурне тло твору, визначити риси напряму, до якого належить творчість письменника. Читач може спробувати застосувати сучасні методики до аналізу твору та оцінити його проблематику із позиції XXI століття. Лінгвіст вивчає мовно-стилістичний рівень загалом або конкретні мовні проблеми на матеріалі твору.

Для курсових проєктів зі «Шкільного курсу зарубіжної літератури та методики її навчання» можна запропонувати декілька шляхів дослідження. По-перше, індивідуальні проєкти, пов'язані із загальнотеоретичними темами:

1. Розвиток творчих здібностей та естетичного смаку учнів на уроках зарубіжної літератури.
2. Використання ігрових форм на уроках зарубіжної літератури як засіб підвищення інтересу учнів до навчання.
3. Технологія проблемного навчання на уроці зарубіжної літератури.
4. Формування компаративної компетенції учнів у процесі вивчення зарубіжної літератури.
5. Виразне читання художнього тексту та його роль в літературній освіті учнів.
6. Фонові знання на уроках зарубіжної літератури як засіб формування культурологічної компетентності учнів.

Результати проєктної роботи в такому разі представляють у вигляді розробок творчих завдань для учнів, вікторин, конспектів уроків та позакласних заходів, розробці

систем оцінювання, тобто усе те, що допомагає стимулювати інтерес до творчості певного письменника, кола авторів, літературних напрямів, жанрів тощо.

По-друге, індивідуальні проєкти, пов'язані з використанням інноваційних технологій на уроках зарубіжної літератури:

1. Буктрейлер як стратегія залучення учнів до читання.
2. Кластер як метод формування критичного мислення школярів на уроках зарубіжної літератури.
3. Кросенс як засіб розвитку логічного мислення учнів на уроках зарубіжної літератури.
4. Скрапбукінг як дидактичний прийом підвищення мотивації учнів до вивчення зарубіжної літератури в школі.
5. Фанфік як різновид творчого завдання на уроках української літератури.

У ході виконання курсового проєкту здобувачі вищої освіти мають вивчати досвід вчителів-словесників шкіл міста, а результати проєктної роботи можуть бути представлені у вигляді майстер-класів або під час роботи творчої майстерні.

Майбутнім вчителям-словесникам варто запропонувати груповий проєкт щодо дослідження актуального питання ***інтеграції української мови, української та зарубіжної літератур в Новій українській школі.*** Предмет «Зарубіжна література», який веде історію свого існування з 1991 року, є унікальним, тому що викладається виключно в школах України і не має аналогів ні в Західній, ні в Східній Європі. Здобувачам вищої освіти буде цікаво працювати за такими темами курсового проєкту:

1. Концепція літературної освіти в Україні: теоретичні перспективи та стратегічні загрози.
2. Зарубіжна література у сучасному освітньому процесі.
3. Науковці, викладачі закладів вищої освіти про тенденції розвитку літературної освіти в Україні.
4. Студентська спільнота про шкільну літературну освіту в Україні.
5. Вчителі-словесники про мовно-літературний освітній напрям в загальноосвітніх навчальних закладах.
6. Учні середніх та старших класів загальноосвітніх навчальних закладів про вивчення гуманітарних дисциплін.

Представити і заслухати підсумки такого групового проєкту здобувачі вищої освіти можуть у форматі круглого столу, який дає можливість обговорити спірні питання, вступити в дискусію, полеміку.

Актуальними з точки зору сучасної освіти і науки є міжгалузеві курсові проєкти, наприклад, поєднання програмного забезпечення і літературознавства або мовознавства, психології і літературознавства тощо.

Виконання курсових проєктів – важливий елемент професійної освіти майбутніх фахівців, але вирішальною оцінкою ефективності такого виду роботи є публічна презентація роботи. Під час захисту курсового проєкту здобувач вищої освіти має дати чіткі пояснення по суті роботи, розкрити актуальність теми дослідження, предмет, об'єкт, мету та завдання, ключові аналітичні положення, що розкривають сутність досліджуваного питання, основні результати роботи, висновки. За вимогою презентації кожен здобувач вищої освіти повинен упродовж визначеного часу викласти свою унікальну ідею, обґрунтувати певні положення, які б свідчили про ефективність формування креативного та професійного мислення.

Таким чином, проєктна технологія стимулює дослідницький та пізнавальний інтерес здобувачів вищої освіти до певних проблем; розвиває вміння самостійно знаходити інформацію, аналізувати та узагальнювати її, детально опрацьовувати літературний текст; уміння презентувати інформацію як оформлений результат діяльності, уміння критично

мислити, висловлювати та обґрунтовувати власну думку; уміння перейти від теорії до практики, поєднуючи академічні знання з прагматичними, дотримуючись відповідного балансу на кожному етапі навчання; розвиває здатність працювати як індивідуально, так і колективно.

Література

1. Бібік Н. М., Ващенко Л. С., Овчарук О. В. Компетентісний підхід у сучасній освіті: світовий досвід та українські перспективи: бібліотека з освітньої політики. Київ : К.І.С., 2004. 112 с.

2. Бэгьюли Ф. Управление проектом. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 208 с.

3. Карабін О. Й. Проектна діяльність у формуванні професійного саморозвитку майбутніх фахівців у галузі інформаційних технологій. *Молодий вчений.* № 12.1 (40), грудень, 2016. С. 436–440.

4. Кустов Л. М. Проблема системогенеза исследовательской деятельности инженера-педагога. Челябинск : ЧИРПО, 1998. 276 с.

5. Мачинська Н. І. Навчальне проектування як чинник розвитку особистості у контексті акмеологічного підходу. *Проблеми освіти: збірник наукових праць*. Вип. 84. Житомир-Київ, 2015. С. 226–232.

6. Чечель И. Д. Метод проектов, или попытка избавить учителя от обязанности всезнающего оракула. *Директор.* 1998. № 3. С. 11.

Статья посвящена изучению сущности и содержания понятия «курсовой проект» как элемента образовательного процесса в подготовке будущих филологов и учителей-словесников. Реализация курсового проекта как одной из форм самостоятельной научной работы способствует формированию гибкости и оригинальности мышления, умения решать проблемы единолично и в команде, развивает информационную грамотность и навыки эффективного использования информационно-компьютерных технологий. Также мы предлагаем несколько схем, которые могут стать основой для создания курсовых проектов.

***Ключевые слова**: исследовательский и познавательный интерес, критическое мышление, креативность и уникальность, курсовой проект.*

The article exposes the essence and content of the concept «course project» as an element of the educational process in the training of future philologists and language and literature teachers. Implementation of the course project as a form of independent research contributes to the formation of flexibility and originality of thinking, the ability to solve problems individually and in a team, develops information literacy and skills of effective use of information and computer technologies. We also offer several schemes that can serve the basis for creating course projects.

***Keywords:** creativity and uniqueness, critical thinking, course project, research and cognitive interest.*

Г. А. КАЖИГАЛИЕВА,
ГЖ. А. КАЖИГАЛИЕВА,
М. К. АСИПБЕК
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Казахский национальный женский педагогический университет,
средняя общеобразовательная школа № 67 г. Алматы

О СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ПРЕДМЕТНИКОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

У цій статті становлення мовної особистості в сфері навчання мови як нерідної пов'язано з основною мовою: нерідна мова вивчається як засіб комунікації між представниками різних етносів і культур, звідси автори статті приходять до висновку про те, що нерідні мови повинні вивчатися в нерозривному поєднанні мови і культури народів-носіїв цих лінгвокультур. У роботі розглянуто дидактичні можливості

лінгвокультурологічного підходу, що спирається на головний принцип лінгвокультурології - співвивчення мови і культури. Прописано процедуру використання лінгвокультурологічного коментаря, наводено конкретні приклади використання лінгвокультурологічного коментаря в практиці викладання російської мови як нерідної майбутнім вчителям-предметникам на матеріалі прислів'їв; актуалізовано поняття лінгвокультурологічна актуальність, яке є значущим в лінгводидактичному плані.

Ключові слова: *мовна особистість, навчання російській мові як нерідній, міжкультурна комунікація, майбутній учитель-предметник, лінгвокультурологічний підхід, лінгвокультурологічний коментар, лінгвокультурологічна актуальність, паремії.*

Языковая личность – одна из центральных категорий лингводидактики; в сфере преподавания неродных / иностранных языков за ней закрепилось определение *вторичной* языковой личности, под которой понимается «совокупность способностей человека к общению на межкультурном уровне». Впервые данный термин – *вторичная языковая личность* – использовала И.И. Халеева: «Переводя язык в статус «не-чужого», мы ставим задачу формирования […] черт вторичной языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация» [1, с. 278]. То есть в области изучения неродного языка определяющими являются способности человека, проявляемые им в межкультурной коммуникации [2, с. 70]. Эти способности вторичной языковой личности складываются из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира» [3, с. 59]. Соответственно основной целью обучения языку как неродному является изучение последнего как средства коммуникации между представителями разных этносов и культур, отсюда вывод: неродные языки должны изучаться в неразрывном двуединстве языка и культуры народов-носителей данных лингвокультур.

Таким образом, если развитие черт вторичной языковой личности, как успешного участника межкультурной коммуникации, является основной целью обучения неродному языку, то это, в свою очередь, требует создания в сознании обучающегося соответствующей изучаемому языку картины мира через активное освоение им единиц различных языковых уровней (слов-лакун, фразеологизмов, текстов и др.). Здесь же отметим, что под *межкультурной коммуникацией* мы вслед за С.Г. Тер-Минасовой понимаем «общение людей, представляющих разные культуры» [4, с. 13].

Как показывают обзор научно-методической литературы, наблюдения, собственная практика преподавания, оптимальным для изучения в неразрывном двуединстве языка и культуры является лингвокультурологический подход к преподаванию языка как неродного, в нашем случае русского языка как неродного будущим педагогам-предметникам, студентам казахстанского педагогического вуза.

Лингвокультурологический подход – закономерное и логичное последствие появления нового интегративного направления в современной лингвистике – лингвокультурологии. Главный принцип лингвокультурологии, легший в основу и лингвокультурологического подхода – соизучение языка и культуры. Принцип соизучения языка и культуры обусловлен тем, что «язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [4, с.79-80]. Для подтверждения важности роли лингвокультурологии в лингводидактике и лингвокультуремы в качестве единицы обучения при использовании лингвокультурологического подхода к обучению языкам приведем свои конкретные сопоставительные примеры, в частности, русской лингвокультуремы *попугай* и ее казахского эквивалента *тоты*.

Лингвокультурологическая единица *попугай* для русского человека ассоциируется с такими понятиями как *бездумная подражательность, неспособность к самостоятельным высказываниям.* Отсюда ирония, пренебрежительность и даже презрение в культурологическом содержании лингвокультуремы *попугай* в русском мировидении: с таким культурологическим концептом данная единица лингвокультурологии предстает в универсальных лингвокультурологических объектах, каковыми являются национальные (русские) вербальные художественные тексты; в русских пословицах и поговорках, анекдотах и т.д. В казахском языке и казахской культуре *тоты* (попугай) - это красивая птица с даром красноречия, умеющая ценить слово, и к тому же долгожительница. Эта символика заложена в личные имена (мужские и женские): *Тоты, Тотия*.

Лингвокультурологический подход к языковому обучению, формирование лингвокультурной компетенции обучающихся, которая включает в себя способность извлекать из единиц языка соответствующую информацию и пользоваться ею в различных ситуациях общения, способность строить свою речь, свое речевое высказывание так, чтобы они были правильны не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения культурного контекста на основе сравнения разных культур, актуализируют четыре методических вопроса: 1) ***Что*** *(какие культурные ценности) берем из культуры?* 2) ***Как*** *передаем культурные знания?* 3) ***Кому*** *передаем?* 4) *С* ***какой целью*** *передаем?* Ответы на данные вопросы в нашем случае будут следующими: 1. Лингвокультурологический минимум из русских лингвокультурем-констант, представляющих основу русской лингвокультурной системы (русской языковой картины мира), и культурологическое содержание которых воплощает собой иерархию русских культурных ценностей. 2. Освоение данного лингвокультурологического минимума происходит через лингвокультурологический комментарий, об особенностях осуществления которого чуть позже. 3. Лингвокультурологическая методика реализуется нами на занятиях по русскому языку как неродному для студентов казахских отделений неязыковых и гуманитарных факультетов педагогического вуза. 4. Лингвокультурологический минимум осваивается вышеуказанным контингентом студентов (будущих учителей-предметников) в целях формирования у них лингвокультурологической компетенции.

Наша научно-педагогическая практика показывает, что оптимальным является лингвокультурологический комментарий, который имеет структурно-содержательные характеристики, типичные для словаря (лингвокультурологического): *1. Заголовочная единица. 2. Этимологическая справка. 3. Лингвокультурологический смысл: а) языковое (лексическое) значение, краткое его толкование; б) культурологическое содержание, его описание. 4. Иллюстративный материал: а) фразеологизмы; б) паремии; в) крылатые выражения и афоризмы. 5. Дополнительные сведения* [5].

Последний раздел в структуре представления лингвокультуремы «Дополнительные сведения» может сопровождать, на наш взгляд, не каждую лингвокультурологическую статью словаря и реализуется в лингвометодических целях познания обучаемыми специфики изучаемой (русской) лингвокультурологической системы через сопоставление и сравнение ее со своеобразием контактирующей (родной) лингвокультурологической общности. Учет соотношений русского и родного (казахского) языков, русской и родной (казахской) лингвокультур – это существенный мотивационный фактор. Особенно если учесть многонациональный состав учащихся в школах и вузах Казахстана, в том числе и в школах с русским языком обучения, на русских отделениях вузов. Сам процесс сопоставительного анализа резко различающихся либо идентичных явлений обоих языков возбуждает интерес; в первом случае это происходит в силу присущего учащемуся стремления к познанию, любознательности, вызываемого незнакомым явлением, во втором – благодаря устанавливающимся при этом ассоциативным связям. Включившись в

сопоставительный анализ фактов русского и родного языков, учащийся более сознательно выделяет свои речевые ошибки, в том числе и лингвокультурологического характера, определяет их причины и, следовательно, быстрее от них избавляется.

Таким образом, лингвокультурологический комментарий строится на выявлении и определении лингвокультурологического смысла, транслируемого отдельными языковыми единицами (слово, словосочетание, предложение, текст). Под лингвокультурологическим смыслом понимается едино-раздельное представление собственно языкового значения и культурно-понятийного компонента в содержании актуализированной языковой единицы, рассматриваемой в качестве лингвокультуремы (единицы исследования в лингвокультурологии [6]).

В практике преподавания мы стремимся использовать в качестве единиц обучения такой языковой материал, к примеру, паремии, которые обладают лингвокультурологической актуальностью. В лингвокультурологической актуальности мы выделяем две ее разновидности: а) универсальная, «общечеловеческая» лингвокультурологическая актуальность и б) оригинальная, локальная лингвокультурологическая актуальность. Такое деление необходимо и востребовано в дидактическом плане: пословицы, транслирующие универсальную информацию, соответственно могут быть отнесены к случаям лингвокультурологической транспозиции, и они не требуют в работе с ними особых методических действий, тогда как оригинальные паремии (пословицы второй группы), свидетельствующие о специфике осмысления фрагментов мира народом-носителем данного языка и представляющие таким образом уже пример лингвокультурологической интерференции, требуют использования определенной методической тактики (метод лингвокультурологического комментария) в работе с ними.

Так, проводя беседу о роли языка в жизни общества, о факторах, негативно влияющих на развитие и использование языка, об изыскании путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения, мы подкрепляем ее русскими и казахскими пословицами, обладающими универсальными лингвокультурологическими характеристиками и требующими лишь (при необходимости) словарной работы над отдельными словами в составе русских пословиц: а) русские пословицы: *живое слово дороже мёртвой буквы; язык телу якорь; язык с богом беседует; мал язык, да всем телом владеет; язык языку весть подает*; *язык не стрела, но пуще стрелы разит*; *красную речь хорошо и слушать* и др. [7]; б) казахские пословицы: *мощь нации в её языке; язык – благородное наследие предков; кто слово не ценит, тот себя не ценит; куда человек сам не может ступить, дойдут его слова; язык – ключ к душе человека; язык – острее сабли; краса лица – глаза, краса уст – слово, краса слов – пословица* и др. [8].

Проводя в рамках темы *«Природа и человек. Труд, учеба и отдых»* лингвокультурологический комментарий следующих русских пословиц: *лес — богатство и краса земли; был бы лес, соловьи прилетят; не беречь поросли, не видать и дерева; лес не школа, а всех учит; одно дерево еще не лес; под большим деревом и гриб вольготней живет; кто не сажал дерева, тому не лежать в тени; возле леса жить - голодному не быть* и др. [7] обращаем внимание учащихся на то, что лес издревле, особенно в северных областях России, определял весь уклад жизни русских. Лесной ландшафт был господствующим на первоначальном этапе становления русского этноса. В это время складывались благоприятные условия для охоты, собирательства, бортничества. Формирование русских в условиях лесной зоны наложило отпечаток на их «натурфилософское» мировоззрение и определило основные культурные характеристики этнического ландшафта и экологического поведения в нем. Отсюда культ леса в русских пословицах о природе, а также в мифах, сказах, различных суевериях русского народа.

Разбирая лингвокультурологически уже казахские пословицы о природе: *если не источник, засохла бы река; если дерево срубил одно, десять посади вместо него; капля за каплей собирается, река появляется; проточная вода грязи не имеет; в проточной воде рыбешка жиреет; орошенная земля хороша; сточная вода праха полна; деревья на влажном месте зеленеют; к молодому дереву старое прислоняется; в безводной земле камыш не прорастает; вода с родника начинается, разговор с ушей начинается; у безводной земли плохая трава, у бездетного мужчины плохие стада; мертвое дерево лишь для птиц пригодно* и др. [8], обращаем внимание учащихся на актуальность концептов *вода, источник, родник, влага, дерево*, что также связано с особенностями территории проживания казахов – в степных, полупустынных зонах фактор воды играл определяющую роль. Отсюда бережное отношение к воде – источнику жизни. Здесь также важно отметить, что предки казахов веками жили в гармонии с природой, очень бережно и экономно относились к ресурсам, о чем свидетельствуют и приведенные пословицы. И сегодня важно продолжить эту традицию, а не беспечно использовать запасы, не думая о следующих поколениях. «Мы должны рассматривать страну не только как Атамекен, землю предков, но и как Баламекен, Урпакмекен, землю, где предстоит жить нашим потомкам. Только тогда можно будет гордиться тем, что мы жили правильно» [9].

Также еще одно наблюдение из собственной практики преподавания: через новый языковой код учащиеся могут успешно познавать мир только при условии интенсивной познавательной деятельности, при активной интеллектуальной творческой работе. Помимо этого, немаловажная роль в этом случае отводится личностным и эмоциональным компонентам восприятия иной лингвокультуры при сравнении и сопоставлении их с индивидуальной картиной мира обучающегося, с его мнениями и оценками, переживаниями и чувствами. В этой ситуации значимо всё: и содержание лингвокультурологического подхода, и содержание тех же анализируемых учебных текстов, а также и сам процесс работы над этими текстами и лингвокультурологическим содержанием. Важным методическим моментом здесь является еще и то, что осваиваемые лингвокультурологические единицы изучаемого языка мы стремимся активизировать в коммуникативно-речевой деятельности обучающихся.

Таким образом, системное использование в преподавании неродного языка дидактических возможностей лингвокультурологического подхода, как показывает практика обучения, способствует развитию черт вторичной языковой личности, помогающих ей успешно участвовать в межкультурной коммуникации, что, как мы указывали выше, является основной целью обучения неродному языку. К тому же использование лингвокультурологической методики позволяет, наряду с лингвометодическими задачами, успешно решать проблемы познавательно-гуманитарного характера.

Литература

1. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста. *Язык - система. Язык - текст. Язык - способность*. Москва, 1995. С. 7–286.

2. Бикмурзин К. Ш. Формирование «вторичной» языковой личности в процессе изучения иностранного языка. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2010. № 2. С. 69–73.

3. Потёмкина Е. В. «Вторичная языковая личность» как объект лингводидактики. *Вестник Центра международного образования Московского государственного университета*. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 4. С. 59–64.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Москва, 2000. 261 с.

5. Кажигалиева Г. А. Лингвокультурологический комментарий на занятиях по практическому курсу русского языка. Алматы, 2003. 92 с.

6. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва, 2008. 336 с.

7. Пословицы русского народа: Сб. В. Даля: в 3т. Москва, 1993.

8. Казахские пословицы и поговорки / сост. Смайлова А. Т. Алматы, 2012. 280 с.

9. Сырым Айдос. Проникнуться личной ответственностью перед потомками: дискуссия «Чем могут гордиться казахи?» URL: http: / http://camonitor.com/16892-chem-mogut-gorditsya-kazahi.html.

Авторы настоящей статьи связывают становление языковой личности в сфере обучения языку как неродному с основной целью последнего: неродной язык изучается как средство коммуникации между представителями разных этносов и культур. Установлено,, что неродные языки должны изучаться в неразрывном двуединстве языка и культуры народов-носителей данных лингвокультур.

В связи с этим в работе рассматриваются дидактические возможности лингвокультурологического подхода, опирающегося на главный принцип лингвокультурологии – соизучение языка и культуры. Авторы описывают процедуру использования лингвокультурологического комментария, приводят конкретные примеры использования лингвокультурологического комментария в практике преподавания русского языка как неродного будущим учителям-предметникам на материале пословиц; также авторы статьи актуализируют понятие лингвокультурологическая актуальность, значимое в лингводидактическом плане.

Ключевые слова: *языковая личность, обучение русскому языку как неродному, межкультурная коммуникация, будущий учитель-предметник, лингвокультурологический подход, лингвокультурологический комментарий, лингвокультурологическая актуальность, паремии.*

This article connects the formation of a linguistic personality in the field of teaching a language as a non-native language with the main goal of the latter: a non-native language is studied as a means of communication between representatives of different ethnic groups and cultures, from which the authors of the article draw the conclusion that non-native languages should be studied in the inextricable duality of language and culture people from these linguocultures.

In this regard, the work examines the didactic possibilities of the linguoculturological approach, based on the main principle of cultural linguistics - the co-study of language and culture. The authors describe the procedure of using the linguoculturological commentary, give specific examples of its use based on proverbs in the practice of teaching Russian as a non-native language to future subject teachers; also, the authors of the article actualize the concept of linguocultural relevance, which is significant in linguodidactic terms.

Keywords*. Linguistic personality, teaching Russian as a non-native language, intercultural communication, future subjects teacher, linguocultural approach, linguocultural commentary, linguocultural relevance, paremias.*

А. Г. КЕНДЮШЕНКО

Київський національний лінгвістичний університет

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ «СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

У статті запропоновано систему вправ для вироблення навичок диференціації основних способів вираження порівняння в російській мові у студентів-іноземців третього року навчання.

Ключові слова: *компаративні конструкції, синтаксичний, морфолого-синтаксичний, словотворчий, лексичний способи вираження порівняння, словотворча модель, порівняльне значення.*

Изучение сравнения как лингвистической категории дает материал, позволяющий сопоставить явления и предметы, сближающиеся между собой на основе какого-либо одного или нескольких признаков, благодаря которым происходит процесс уподобления. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «сравнение указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является оно постоянным или переходящим, действительным или кажущимся, ограниченным одним объектом или глобальным» [1, с. 27].

В русском языке при выражении сравнения предметов используются разные способы. Рассмотрим четыре основных, это синтаксический, морфолого-синтаксический, словообразовательный, лексический, с которыми иностранных студентов, будущих филологов, знакомят на продвинутом этапе обучения (3 курс).

1.Синтаксический способ. В русском языке компаративные конструкции обнаруживают богатую разнородность в структурном аспекте. Самой распространённой формой выражения идеи сравнения является компаративная союзная конструкция, в которой маркерами выступают союзы *как, как будто, будто, словно, точно.* Синтаксический способ предполагает выражение сравнительного значения с помощью сравнительного оборота и сравнительного придаточного предложения. Под сравнительным оборотом принято понимать «часть предложения, состоящую из словоформы существительного, прилагательного или наречия, одиночной или с зависимыми словами, которая вводится сравнительными союзами. От придаточного предложения сравнительный оборот отличается тем, что его предикативность имеет несамостоятельный характер: она существует лишь на фоне предикативности основной части предложения и базируется на ней» [2, с. 534]. Ср., например, сравнительный оборот *У нее были глазки маленькие и черные,* ***как арбузные семечки*** и сравнительное придаточное предложение *Многие русские слова сами по себе излучают поэзию,* ***подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск*** .Сравнительный оборот с *как* в русском языке часто фразеологизируется: **как в воду канул, как сыр в масле, как снег на голову.** В экспрессивно окрашенной речи встречаются конструкции, в которых сравнительный оборот с *как* входит в состав сказуемого. При помощи сравнительного оборота с *как* одновременно с выражением сравнения подчеркивается интенсивность признака, действия: *голодный как волк (очень голодный), твердый как камень, белый как снег*. Студенты, как правило, уже знакомы с этим способом выражения компаративного значения, поэтому без труда могут выразить смысл заданных предложений, используя сравнительные обороты с союзом *как*, представленные в материале для справок*: 1. Здесь невыносимо жарко. 2. У вас очень холодно в комнате. 3. У них я чувствую себя очень свободно. 4. У вас очень шумно. 5. Что ты сидишь так скованно? 6. Она знала, что ее ждут, но не могла уйти и очень нервничала.* Материал для справок: *как в гостях, как на Северном полюсе, как на базаре, как в пекле, как дома, как на иголках (сидеть как на иголках).*

Можно предложить учащимся описать человека, используя сравнения с животными, характерные для русского языка: скажите, с какими животными обычно сравнивается в русском языке человек, которого хотят назвать – *очень храбрым, очень трусливым, очень выносливым, очень хитрым, очень преданным, очень изворотливым, очень коварным, очень неуклюжим, очень голодным.* Выполнив это задание, иностранные студенты могут рассказать, какие сравнения с животными типичны для их языка.

2. Морфолого-синтаксический способ. Сравнение выражается формой творительного падежа существительного (*Лена опустилась в их жизнь райской* ***птицей*****)** и предложно-падежными формами *подобно чему, наподобие чего, вроде чего*. *У него зажигалка* ***в виде (наподобие) пистолета****. Рядом лежал какой-то предмет* ***вроде шара****. Смотреть* ***волком.*** *Он вел себя* ***подобно*** *всем* ***начальникам.*** Некоторые существительные в творительном падеже со значением сравнения проявляют тенденцию к переходу в наречия. *С улиц столбом поднимается пыль. Пыль тучами носится по улицам.* Учащимся следует объяснить, что не каждый сравнительный оборот может быть трансформирован в творительный сравнения и предложить преобразовать предложения со сравнительным оборотом в предложения с творительным сравнения: 1*) У дедушки шляпа,* ***как котелок.*** *2) Поезд мчался,* ***как стрела****. 3) У него нос,* ***как картошка****. 4) От выстрела он упал на землю,* ***как камень****. 5) Голос девушки звенел,* ***как колокольчик****. 6) Снег лежит,* ***как белое полотно.***

3. Лексический способ. В русском языке лексическим средствам выражения сравнения соответствуют слова *напоминать* (реже СВ *напомнить*), *похожий на кого-что, сходный с кем-чем, подобный кому-чему*, *смахивать на кого-что (разг.), вылитый (отец),*

копия (отца): *Манерой говорить он* ***напоминал*** *отца*, Упражнение на трансформацию предложений в речевой практике поможет студентам выработать навык дифференциации лексических средств выражения сравнения в потоке речи по формальным признакам: Используя глагол *напоминать/напомнить*, подтвердите слова собеседника. 1.*Она очень похожа на свою мать. − ... 2. В этот момент она была похожа на своего брата. − ... 3. По форме этот предмет похож на грушу. − ... 4. Характером она в отца. − ... 5. По цвету аквамарин имеет сходство с тихой морской водой. − ... 6. Весь в снегу, он был похож на привидение. − ... 7. К потолку была подвешена люстра, похожая на шар. − ... 8. Девочка похожа на кореянку. − ... 9. Группа туристов напоминает цыганский табор. − ...*

4. Словообразовательный способ. Сравнение выражается наречиями с префиксом *по-*: *по-зимнему*, *по-военному*, *по-ноябрьски*, *по-медвежьи*. *По-весеннему светило солнце. Она по-кошачьи свернулась в кресле*; прилагательными с аффиксами *-образн(ый), -видн(ый), -подобн(ый)*. ***Клинообразная*** *бородка* (как клин, похожая на клин). ***Шарообразный*** *предмет*. ***Сигарообразная*** *форма*. ***Грушевидная*** *деталь*. ***Женоподобная*** *внешность*. Прилагательные, образованные от существительных с помощью формантов *-образн(ый), -видн(ый), -подобн(ый)* имеют структуры с наиболее прозрачными компаративными отношениями. Как отмечает В. М. Огольцев, «словообразовательные компаративные структуры представляют собой цельнооформленные компаративные единства, аналогичные по логико-предметному составу раздельнооформленным компаративным структурам. Компаративные деривационно-семантические отношения есть не что иное, как отношения между элементами образного сравнения. Производящая основа выражает то, с чем сравнивается, а словообразующие аффиксы указывают на акт сравнения, то есть выполняют функцию союзов в раздельнооформленной сравнительной структуре» [3, с. 7]. Для формирования навыков образования прилагательных с формантами *-образн(ый), -видн(ый), -подобн(ый)* студентам целесообразно предложить использовать имена прилагательные, образованные по словообразовательной модели *палкообразный*, в высказываниях : 1) о предмете, который напоминает шар; 2) об изгибе, который похож на дугу; 3) о лице, которое делает человека похожим на старика; 4) о движении, развитии, которое подобно лавине; 5) о стиле (изложения), который претендует на научность; 6) об обезьяне, похожей на человека; 7) о движении скачками; 8) о веществе, похожем на порошок. Также, используя имена прилагательные, образованные по словообразовательной модели *грушевидный*, учащиеся могут описать предмет, похожий по форме на конус, стрелу, сердце, трапецию, миндаль, шар, седло, яйцо, ромб. Имена прилагательные, образованные по словообразовательной модели *женоподобный*, могут функционировать в высказываниях о том, что история, которую рассказали, похожа на правду, что внешностью этот человек похож на обезьяну. Включив полученные прилагательные в контекст-описание свойств и качеств лиц и предметов, студенты отрабатывают коммуникативные навыки использования данных лексем. Продуктивным представляется выполнение заданий по типу трансформаций, когда учащиеся находят замену прилагательным в предложениях со специфическими лексическими средствами выражения сравнения. Образец: волнообразные **холмы** – холмы, напоминающие волны. **Грушевидный кактус, бочковидный стул, шаровидный питон, червеобразная ящерица, лентообразная река, звероподобные черты, копьеобразный клюв, винтоподобный ключ,** п*алкообразные ноги*.

Высокой продуктивностью в русском языке характеризуются словообразовательные модели наречий, образованных от основ прилагательных суффиксально-префиксальным способом (*по-детски, по-звериному*). Для иностранных студентов такие наречия, как правило, малознакомы, поэтому выполнению упражнений должна предшествовать информация о способах образования наречий с сравнительно-уподобительным значением.

Наречия с суффиксом *-и* и префиксом *по-* образуются: а) от прилагательных относительных на *-ский*, *-цкий*: *русский – по-русски*, *казацкий – по-казацки*; б) от прилагательных относительно-притяжательных на *-ий*, *-ья*, *-ье*: лисий – *по-лисьи*, бабий – *по-бабьи.* Такие наречия связаны по происхождению с дательным падежом прилагательных и местоимений: *осенний – по-осеннему, наш – по-нашему, военный –по-военному городской – по-городскому.* При добавлении к основе прилагательного префикса *по-* и суффиксов *-ому*, *-ему*, *-и* образуются наречия, указывающие на подобие, соответствие характеристике, описываемой мотивирующим словом. Ср., например: *Дети* ***по-воробьиному*** *прижались друг к дружке* – (как воробьи); *Небо* ***по-весеннему*** *безоблачно* – (как весной). Следует обратить внимание иностранных студентов, что наречия с префиксом *по-* и суффиксами на *-ому (-ему), -и* , образованные от прилагательных, пишутся в современном русском языке через дефис: *по-человечьи, по-осиному, по-людски.* Усвоив информацию об образовании наречий *с* префиксом *по-*, студенты должны продемонстрировать умение определять сравнительно-уподобительное значение наречий по контексту в заданиях типа: Задание 1. Сравните предложения. Определите, какие из наречий с префиксом *по-* выражают сравнительно-уподобительное значение. 1. а) *Он говорил по-немецки, но с каким-то акцентом. б) Бороду он брил и по-немецки. 2. а) Надпись была сделана по-английски. б) Уйти по-английски − это значит уйти не попрощавшись. 3. а) Он добавил ещё несколько слов по-грузински. б) Будучи по-грузински гостеприимным, он часто приглашал к себе домой, заранее приготовив много мяса и заполнив стол домашними соленьями и сладостями. 4. а) Он единственный из всего персонала хорошо говорил по-русски. б) Сани были заложены по-русски.* Задание 2. Прочитайте предложения. Найдите в них сравнительно-уподобительные наречия (которые содержат в своем значении элемент сравнения). 1. *Щенок тосковал по ней практически по-человечески. 2. Они элегантны, по-английски − спокойны, по-немецки педантичны, по-французски − кокетливы... 3. Твой поступок по-детски наивен и смешон. 4. Несмотря на кажущееся тепло, в воздухе было по-осеннему свежо. 5. Их приветствие было по-мальчишески несдержанным. 6. Его красота не по-юношески хрупкая, а по-мужски основательная. 7. Подняв по-ребячески округлое лицо, он припал к щеке матери. 8. С волками жить, по-волчьи выть* (пословица).

Отрабатывают навык образования наречий с сравнительно-уподобительным значением от основ прилагательных суффиксально-префиксальным способом учащиеся в упражнении по образцам:

а) О б р а з е ц*: брат → братский →* ***по-братски***

дети → детский → *офицер → офицерский →*
мужчина → мужской → *ноябрь → ноябрьский →*
женщина → женский → *герой → геройский →*
отец → отеческий → *француз → французский →*
юноша → юношеский *товарищ → товарищеский →*

б) О б р а з е ц*: бык → бычий →* ***по-бычьи***

волк → волчий → *медведь → медвежий →*
собака → собачий → *заяц → заячий →*
щенок → щенячий → *верблюд → верблюжий→*
кошка → кошачий → *ворона → вороний →*

в) О б р а з е ц: *змея → змеиный →* ***по-змеиному***

лошадь → лошадиный → *соловей → соловьиный →*
весна → весенний → *лето → летний →*
зима → зимний → *петух → петушиный →*
праздник → праздничный → *государство → государственный →*

Для закрепления навыка образования наречий с префиксом *по-* студентам предлагается дополнить предложения выражениями сравнения, используя наречия с префиксом *по-*, образованные от слов в скобках. 1.*Он поздоровался, чеканя слова ... (военный). 2. Собака щелкала зубами ... (волк). 3. Все были одеты ... (зима). 4. Ты рассуждаешь ... (женский). 5. В этой трудной ситуации он вел себя ... (мужской). 6. День был хмурый ... (ноябрьский). 7. Город был ... (праздничный) украшен.*

С целью выработки коммуникативных навыков выбора наречия в зависимости от ситуации общения; студенты практикуются в составлении словосочетаний (задание 1) и далее в умении употреблять наречия со сравнительно-уподобительным значением в речевой практике (задание 2). Задание 1. Из данных слов составьте словосочетания: *поступить, плакать, выть, любить, дождливо, хитрый, жарко, петь, нарядный (по-детски, по-волчьи, по-джентельменски, по-ноябрьски, по-матерински, по-летнему, по-лисьи, по-праздничному, по-соловьиному)*. Задание 2. Перепишите предложения. Вставьте подходящие по смыслу наречия (см. Материал для справок): 1. *У неё не осталось сил даже на то, чтобы чисто ... разреветься и тем самым хоть немного облегчить жгучую внутреннюю боль. 2. Он рано почувствовал, что должен быть ... сильным. 3. Беседа была ... краткой и формальной. 4. У него была хитрая мордочка с шустрыми карими глазёнками. 5. У него ... округлое, молочно-розовое лицо, точно взятое с рождественской открытки. 6. Это был мужчина преклонных лет, с небольшой седой бородой, белыми волосами и ... доброй улыбкой. 7. Забиться бы ... в берлогу и выспаться хоть раз в жизни как полагается! 8. Мы оделись ... – нам предстоял долгий путь пешком. 9. А на улице было тепло ... и солнце ласково пригревало землю*. Материал для справок: по-дорожному, по-мужски, по-медвежьи, по-отечески, по-лисьи, по-детски, по-весеннему, по-военному, по-женски. При выполнении второго задания студенты учатся различать сходные по форме грамматические явления в зависимости от их лексического наполнения в соответствии с заданным контекстом.

Ознакомление иностранных студентов с такими способами выражения сравнения в русском языке как синтаксический, морфолого-синтаксический, словообразовательный, лексический предполагает, с одной стороны, необходимость усвоения учащимися языковых средств выражения сравнительного значения (лексических и грамматических), с другой стороны, выработку не только продуктивных грамматических навыков образования компаративных конструкций, а также рецептивных навыков узнавания и выделения из потока речи грамматических конструкций и лексем, выражающих сравнительное значение.

Література

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. *Теория метафоры*. Москва, 1990. 512 с.
2. Прияткина А.Ф. Сравнительный оборот. *Русский язык: энциклопедия*. Москва, 1997. С. 534–536.
3. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Ленинград, 1978. 159 с.

В статье предлагается система упражнений для выработки навыков дифференциации основных способов выражения сравнения в русском языке у студентов-иностранцев третьего года обучения.

Ключевые слова: *компаративные конструкции, синтаксический, морфолого-синтаксический, словообразовательный, лексический способы выражения сравнения, словообразовательная модель, сравнительно-уподобительное значение*

The article provides a system of exercises for developing skills of differentiating of the main ways of expressing comparison in the Russian Language for foreign students of the third year of study.

Keywords: *comparative constructions, syntactic, morphological-syntactic, word-formative, lexical ways of expressing comparison, word-formative model, comparative-like meaning.*

Л. М. КИБА
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ПАНДЕМІЯ КОРОНАВІРУСУ COVID-19 ЯК ВИКЛИК ФАХОВІЙ ІНШОМОВНІЙ ОСВІТІ

У статті розглянуто ті лінгвістичні зміни і мовні інновації, які відбулися в англійській мові з початку пандемії коронавірусу і які варто взяти до уваги в освітньому процесі.
Ключові слова: *COVID-19, пандемія, мовні процеси, навчання іноземної мови*

Одним із багатьох наслідків нинішньої кризи Covid-19 є те, що вона зосередила всю глобальну бесіду (конвертацію) на одній темі так, як це рідко траплялося раніше. Більшості з нас, незалежно від того, де ми знаходимось у світі, якою мовою розмовляємо чи яку професію маємо, довелося засвоювати чи придумувати нові слова та пристосовувати існуючі, щоб мати змогу говорити про непересічні часи, в яких ми всі живемо. Ситуація з пандемією коронавірусу у світі стала викликом не лише медикам, економістам, політикам, психологам, педагогам, а й мовознавцям, у тому числі і викладачам-мовникам, поставивши перед ними поряд із загальнолюдськими викликами щодо самозбереження та турботи про своїх рідних та близьких чи призвичаєння до нових умов існування та трудової діяльності, виклики суто фахові: не лише сприяти вибудовуванню мовної особистості (навчати мови та мовлення), а й забезпечити розуміння студентами того, що професійна мовна особистість не відбудеться без постійного «оновлення налаштувань» і «розширення додатків». З огляду на безперешкодний та безперервний доступ до засобів інформації та об'єми інформаційних потоків, освітній процес наразі відбувається на тлі інформативних світових процесів та подій глобального і локального рівнів. У галузі іншомовної освіти це вже давно не розглядається як виклик, навпаки – у строкатості, різносерійності, неоднаковості, різноманітності та технологічності світу, у всіх проявах цих характеристик, викладачі-словесники світу вбачають джерела мотивації для своїх студентів чи учнів до вивчення іноземних мов, шляхи осучаснення та актуалізації навчального контенту.

Хоча термін «лінгводидактика», яким уже більше п'ятидесяти років користуються вітчизняні науковці, в англомовних країнах не використовується, проте, самостійні прикладні дисципліни *Language education* (навчальний процес з точки зору викладача) та *Second-language acquisition* (той же навчальний процес з точки зору учня чи студента) повністю охоплюють відповідну предметну сферу. Попри те, що два потужних конкуруючих напрямки лінгводидактики (емпіричний та теоретичний) вивчені достатньо різнобічно, акцент на емпіричному методі навчання іноземної зараз є особливо актуальним, оскільки мова пандемії опановується в першу чергу саме так – через багаторазове відтворення мовних та мовленнєвих зразків в заданих умовах. Тож **метою** публікації є наведення прикладів та короткий аналіз спричинених пандемією викликів як мовній особистості викладача, так і мовній особистості студента, що є **актуальним**.

Мова – живий організм, що еволюціонує та пристосовується до нових реалій та обставин, за яких мовні одиниці проходять шлях від ідіолекту до неологізму. Шість тижнів пішло на те, щоб Всесвітня організація охорони здоров'я дала ім'я новому вірусному респіраторному захворюванню, яке з'явилося в грудні 2019 року в Ухані, Китай: COVID-19, акронім для *COronaVIrus Disease 2019*. Процес вибору назви затягнувся через опубліковані в 2015 році рекомендації щодо найменування хвороб, які виключають епоніми (синдром Дауна, хвороба Альцгеймера), топоніми (хвороба Лайма або вірус Західного Нілу) та професійні асоціації (хвороба легіонерів – легіонельоз). У пошуках назви новому вірусу у ВООЗ керувалися настановою генерального директора організації Тедроса Адхана

Гебреєса «запобігти використанню інших імен та назв, які можуть бути неточними або стигматизуючими» [1]. 11 березня, у день, коли ВООЗ оголосила коронавірусне захворювання всесвітньою пандемією, що охопила вісім країн, Дональд Трамп у своєму телезверненні до американського народу назвав коронавірус «закордонним вірусом».

Oxford Dictionary коротко визначає термін ідіолект як «мовленнєві звички, властиві конкретній людині» [2]. Тож окремий користувач застосовує слово чи фразу по-новому (ідіолект), а потім поширює це значення чи слово, наприклад, у розмові, випуску новин, ток-шоу, відео чи дописі в соціальних мережах. Спалах COVID-19 не став винятком. З першого дня можна було спостерігати, як нещодавно придумані слова використовувались у соціальних мережах, мемах і навіть в основних (*mainstream*) ЗМІ. Кризові часи призводять до того, що люди нарешті зрозуміють *значення* відомих слів. Так, наприклад, дотепер більшості з нас було б важко пояснити різницю між епідемією та пандемією (*epidemic* та *pandemic*)

У 2019 році, за даними *Collins Dictionary*, було зареєстровано лише 4000 випадків вживання слова "*lockdown*" (введення жорстких обмежень на подорожі, соціальну взаємодію та доступ до публічних місць) а цьогоріч зафіксовано понад 250 000 випадків його використання, а у відсотковому співвідношенні – це збільшення кількості вживань на 6000% [3], що й зробило «локдаун» словом року. У цім слові – спільний досвід мільярдів людей, яким доводиться обмежувати своє повсякденне життя, щоб стримати вірус. Інші терміни, пов'язані з пандемією — *coronavirus*, *social distancing*, *self-isolate*, *key worker* (працівники критично важливої інфраструктури) та *furlough* (неоплачувана відпустка) — склали список з 10 топових слів 2020 року Словника Коллінза.

Терміни на позначення соціальної ізоляції існували задовго до пандемії COVID-19, але в 2020 році стали набагато більш поширеними. *Self-isolate* (самоізолюватися), *self-isolated* (самоізольований) та, наприклад, *shelter in place* (залишатися вдома, не виходити з дому та офіційний наказ, виданий під час надзвичайної ситуації, який наказує людям залишатися в приміщенні або будівлі, яку вони вже займають, і не залишати це місце без нагальної потреби) зазвучали по новому. Спочатку *shelter in place* означало пошук безпеки під час певної події (наприклад – обстрілу) чи стихійного явища. Зараз він використовується для позначення тривалого періоду соціальної ізоляції. Подібним чином, вираз *elbow bump* (удар ліктя) еволюціонував від жесту, подібного до *high-five* (Дай п'ять) до його теперішнього значення – безпечний спосіб привітання (вимушена альтернатива рукостисканню).

У мові пандемії спостерігаються і регіональні відмінності, існування яких не може ігноруватися як викладачами мови, так і студентами, які опановують філологію як фах, чи для кого володіння іноземною мовою, необхідною для виконання посадових обов'язків, входить до основних вимог до осіб, які претендують на зайняття посад дипломатичної служби різних категорій з виконанням дипломатичних функцій. Так, *self-isolate* вживається у Великобританії, тоді як у Сполучених Штатах користуються терміном *self-quarantine*. У США та Австралії широковживаними є сленгове слово "*Rona*" або "*rona*' (корона) та усічення *quaz (quarantine*) і *sanny (sanitiser).*

Карантинні практики, які зараз існують, актуалізували проблему дискурсу, наприклад, як визначати публічні простори в умовах існування різних трактувань поняття *public places (*громадських місць), з якими пов'язані обмеження на час карантину. Нові терміни з використанням відомих слів у новому контексті можуть призвести до нового значення як у випадку з виразом *social distancing,* коли в умовах соціального дистанціювання в ньому прочитується ідея чи заклик до десоціалізації. У корейському англомовному дискурсі набув нового значення вираз *medical facility,* який першопочатково означав «медичний заклад», а під впливом карантинних обмежень набув значення «медичний заклад санаторного типу з жорсткою ізоляцією та суворим контролем за дотриманням протиепідемічних заходів» і відтепер вживається та сприймається лише так.

У ЗМІ для англомовного інформування громадськості про COVID-19 та події пов'язані з ним, спільною згодою членів організації «Репортери без кордонів» для уникнення деморалізуючого впливу інформації, наприклад, замість слів з негативною конотацією *horrible* (жахливий) чи *scary* (страшний) журналісти вживають їх більш нейтральні замінники: *uncertain times* (непевні часи), *unprecedented times* (безпрецедентні часи), *challenging time* (складний час), *extraordinary time* (надзвичайний час) тощо. Оскільки COVID-19 створив нові потреби споживачів, посилив вже існуючі а деякі звів на нуль, значних змін набув рекламний дискурс, з якого зникли більшість звичних рекламних кліше та слоганів. Бренди продовжують нагадувати про себе, але змінилася візуальна подача, а в рекламні тексти введено ключові слова та вирази, пов'язані з протистоянням пандемії: *Stay safe, stay at home.* Компанії транслюють свої рекламні сповіщення, вводячи в тексти посили щодо повернення до колишнього благополуччя та нагадування про першочергові заходи та засоби індивідуального захисту: *Wash your hands, stay apart* (мийте руки, тримайте дистанцію). Спостерігається зміна формального стилю електронного листування (комунікації), який у випадку англійської мови до останнього часу був досить ригідним. На початку ділових повідомлень після традиційного привітання чи не стандартом 2020 року стала афірмація *I hope you and your loved ones are doing OK during this challenging time* (Сподіваюсь, у вас і ваших близьких все гаразд), у фіналі текстів з'явилось *Stay safe* (буквально – Залишайтеся в безпеці) з позитивним конотативним компонентом, яке у контексті минулого можна було розглядати як імперативне речення з конотативним компонентом погрози чи попередження.

Потреба у забезпеченні процесу номінації нових явищ, подій, станів тощо призвела до появи лексико-фразеологічних новоутворень як результату нестандартного сполучення слів, словотворчого та семантичного варіювання, моделювання за зразком тощо, мобілізувала всі способи словотвору. В англійській мові, наприклад, з'явилися слова *covidiot* та *quarantini*. *Covidiot* – це людина в продуктовому магазині, яка не звертає уваги на «дистанціюючі» стрілки, надходить занадто близько і не носить маски, а *quarantini* – це коктейлі, якими насолоджуються у соціальній ізоляції чи на карантині.

Зміни у лексичному складі англійської мови та новоутворення, що з'явилися за період пандемії Covid-19, зафіксовано усіма словниковими виданнями. *Oxford English Dictionary* цьогоріч доповнено 1) новими реєстровими словами, наприклад – *comorbidity* (лінійна афіксальна словотвірна модель: *co+morbidity*, значення – сукупність патологій), *zoom* (нелінійна модель словотвору, дієслово конвертовано від власної назви *Zoom* (назва інтернет-додатку для відео-конференцій, який став невід'ємною частиною дистанційного навчання чи роботи) – всього 18 слів; 2) новими підпунктами, наприклад – *community spread* та *community transmission* (словникова стаття – *Community*) у значенні «інфікування у місцях скупчення людей» – всього 13; 3) новими значеннями реєстрових слів, наприклад – *coronavirus*, спосіб словотвору – складення, всього – 6; 4) доповненнями на зразок *CFR* – кількість летальних випадків за конкретний проміжок часу тощо – всього 5 [2]. Проблемою лексикографів є вирішення питання про те, чи є термін достатньо постійним, щоб бути зафіксованим у словнику. Пандемія COVID-19 створила свою значну частку нових термінів, які є сумішшю інших слів і потрапили до так званого «списку очікування». Вони включають складені слова *zoombombing* – від *zoom* та *bombing* (ситуація, коли незнайомці втручаються у відео конференції), *doomscrolling* – від *doom* (приреченість) та *scrolling* (прокрутка), що означає перегляд на смартфоні тривожної інформації, пов'язаної з пандемією; слова-гібриди, що утворилися в результаті *blending* (злиття, зрощення): *infodemic* – від *information* та *pandemic*, що означає широку інформаційну кампанію, невпинний потік інформації, *maskne* – від *mask* та *acne* (висипи на шкірі, викликані постійним носінням маски), уже згадувані *quarantini* – від *quarantine* і *martini* та *covidiot* від *COVID* та *idiot* і німецький термін *hamsterkauf* (панічні закупівлі). У навчанні та вивченні мови ці слова складають певні труднощі, як для викладача, так і для студента, оскільки можливі розбіжності у їх точному

перекладі чи тлумаченні з огляду на відсутність зафіксованого перекладу і наявність лише опису явища, позначеного такими лексичними чи лексико-фразеологічними одиницями. У свою чергу, це є викликом для учасників освітнього процесу, оскільки змушує звертатись до автентичних матеріалів для розуміння значень та випадків вживання.

В межах теми не можна оминути питання політкоректності, адже студенти (в подальшому – фахівці) мають уміти користуватися іноземною мовою не лише контекстно-адекватно, а й інтелектуально та соціально-адекватно, відповідно своєї філологічної чи спеціальної освіти та академічного рівня. Поєднання розвинутих мовленнєвих навичок і обізнаність у причинах і наслідках соціальних подій сприяє підвищенню якості підготовки студентів, їх готовності й спроможності стати більш активними та свідомими членами суспільства. Доброзичлива-до-людей-з-вадами-та-хворобами мова (*disability-friendly language*) є імперативом, роль якого була і залишається недооціненою як на початку пандемії та пов'язаної з нею глобальної медійної кампанії, так і зараз, коли, подаючи інформацію про уразливі групи та померлих, мас медіа, спікери, посадовці використовували і використовують номінативні словосполучення *People with underlying health conditions* (пацієнти із супутніми хворобами), *the elderly* (літні люди), *the unwell* (хворі). Адже речення з інформаційної листівки *Medical experts found some positive signs in the fact that the disease did not appear to be killing young and otherwise healthy people* (Медичні експерти виявили деякі позитивні ознаки в тому, що, здається, ця хвороба не вбиває молодих та здорових людей), за яким стоїть припущення, що «заспокійливим» є той факт, що більшість летальних випадків припадає на людей похилого віку або людей, які мають хронічні захворювання, замість того, щоб заспокоїти, викликає тривогу та ще більше занепокоєння. До того ж, речення з використанням таких словосполучень несе імпліцитну інформацію про те, що у суспільстві є громадяни, якими це суспільство готове пожертвувати. Разом з політкоректністю варто говорити і про 1) психологічну коректність деяких слів та словосполучень, що набули вимушеної популярності останнім часом (*We are not stuck at home, we are safe at home*, таку реакцію отримав вираз *to be stuck at* (засидітися, застрягнути): «Ми не застрягли вдома, ми вдома в безпеці», оскільки слово застрягнути означає пасивність, певну приреченість, обмеження замкнутим простором, а вираз «в безпеці» означає власний вибір – не наражатися самим і не наражати нікого на небезпеку інфікування); 2) психологічно-фактологічну коректність (*The virus isn't spread; people spread the virus* – Вірус не РОЗПОВСЮДЖУЄТЬСЯ, вірус РОЗПОВСЮДЖУЮТЬ люди. Вживання пасивної форми англійського дієслова в цьому випадку є і об'єктивно неправильним, і патогенним. Використання активного, а не пасивного стану (*people transmit the virus* by … а не *the virus is transmitted by)* підкреслює, що поширення вірусу відбувається саме за нашої участі, а ще, що більш важливо – нашу роль у обмеженні його поширення); 3) синтаксичну коректність (йдеться про вибір підмета – замість займенника третьої особи множини або іменників на зразок «люди», «громадяни», тобто якоїсь третьої сторони мають вживатися займенники *I* чи *we).* Вибір мовних засобів створює прямий зв'язок між поведінкою аудиторії та наслідками для суспільства і робить більш імовірним те, що ми діятимемо соціально відповідально.

Кризові часи, періоди глобальних випробувань можуть суворо і навіть інколи фатально нагадати про важливість мови та спілкування. Суспільство, а в ньому і разом з ним і ми, і наші студенти, маємо усвідомити, що у той момент, коли більшість із нас – у різній мірі – перебувають на соціальній ізоляції, намагаючись запобігти поширенню нового коронавірусу, те, як ми спілкуємось про те, що відбувається навколо нас і з нами, може допомогти сформувати наше розуміння, поведінку та ставлення до кризи, тож треба бути зваженими у виборі, підбирати слова та назви, які дозволять нам бути скрупульозно прагматичними чуйними реалістами.

Література

1. WHO: WHO Director-General's remarks at the media briefing on 2019-nCoV on 11 February 2020. URL: https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-remarks-at-the-media-briefing-on-2019-ncov-on-11-february-2020 (дата звернення 05.11.2020).

2. Collins English Dictionary 12th Edition. URL: https://collins.co.uk/pages/reference-collins-english-dictionary (дата звернення: 10.11.2020).

3. Oxford English Dictionary: Updates to the OED. URL: https://public.oed.com/updates/new-words-list-july-2020/ (дата звернення: 10.11.2020).

В статье рассмотрены те лингвистические изменения и языковые инновации, которые имеют место в английском языке с начала пандемии COVID-19 и которые следует принять во внимание в учебном процессе.

Ключевые слова: *COVID-19, пандемия, языковые процессы, обучение иностранному языку.*

The paper dwells on those linguistic changes and language innovations that have been observed in the English language in the times of COVID-19 and which are to find their place in the English-language classroom

Key words: *COVID-19, pandemic, linguistic processes, foreign language teaching, foreign language acquisition.*

И.К. КОЗИЕВА

Бухарский государственный университет

РАЗВИТИЕ МОРФОНОЛОГИИ КАК АСПЕКТА НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Статья посвящена морфонологическому ярусу русского языка. Уделено большое внимание истории развития лингвистики, в частности морфонологии. Для нерусского учащегося, как и для русскоговорящего, при усвоении языковых норм русского языка одинаково важны фонетика и грамматика, орфоэпия и орфография, обеспечивающие правильное говорение, письмо и понимание речи на русском языке. Поскольку наибольший вес в морфонологии принадлежит фонологии (сегментной и суперсегментной), в статье поднимаются вопросы морфонологии в лингводидактическом аспекте.

Ключевые слова: *фонетика, морфонология, фонология, морфема, суффикс, корень*

Морфонология составляет существенную типологическую черту русского языка, в отличие от ряда других языков (родных языков учащихся), где явления морфонологии менее развиты, либо проявляются иначе, либо отсутствуют вовсе (в изолирующих языках). Для нерусского учащегося, так же, как и для русского, при усвоении языковых норм русского языка одинаково важны фонетика и грамматика, орфоэпия и орфография, обеспечивающие правильное говорение, письмо и понимание речи на русском языке. Поскольку наибольший удельный вес в морфонологии принадлежит фонологии (сегментной и суперсегментной), методисты считают возможным и необходимым расширить понятие морфонологии в лингводидактическом аспекте и включать в учебную морфонологию как исторические, так и живые фонетические изменения морфем, связанные с их звуковым и акцентологическим обликом [1].

Русский язык обладает богатейшей морфонологией в силу специфики грамматического строя и ввиду многообразных изменений на морфонологическом и фонологическом ярусах на протяжении длительного исторического развития. Это проявляется в сильном варьировании звукового облика морфем, как в плане сегментных единиц, так и в ритмическом отношении. Одни алломорфы связаны с так называемыми историческими звуковыми чередованиями и часто фиксируются на письме. Другие варьирования вызваны действующими в современном русском языке звуковыми законами и не отмечаются на письме. Не отмечается на письме и словесное ударение, которое из-за своей разноместности и подвижности вызывает изменения звучания вокалических элементов морфем. Это рождает целый ряд проблем как

в орфографии (и у русскоговорящих и у иностранцев), так и в восприятии и понимании русской речи.

Известно, что морфонология - раздел языкознания, изучающий закономерности строения, фонемного состава и варьирования морфем того или иного языка, не выводимые полностью из особенностей его фонологии, а также совокупность явлений морфонологической природы, присущих данному языку.

В историю лингвистики И.А. Бодуэн де Куртенэ вошел как основатель теории фонетических чередований, предвестник теоретической фонологии и морфонологии [2, с.264]. Логическим продолжением и творческим развитием идеи Бодуэна де Куртенэ явилось осознание необходимости выделить морфонологию, или теорию чередований, в отдельную дисциплину и признать ее связь с фонологией, с одной стороны, и морфологией - с другой. Добавим к сказанному, что в новейшей лингвистике неоднократно подчеркивалась мысль о том, что типы, функции и распределение по грамматическим категориям альтернаций фонем в морфемах являются значимыми для типологической характеристики языков (Гринберг 1963; Станкевич 1966; Кубрякова, Панкрац 1983), как и мысль о том, что типологические исследования морфонологии, в частности славянских языков, еще впереди [3,с.114].

Теория фонетических альтернаций была воспринята современниками Бодуэна де Куртенэ «...как лучшее из того, что было создано в XIX веке в области фонологии» [4, с.36]. Ее основные положения оказались чрезвычайно перспективными для разработки фонологической и морфонологической проблематики в различных лингвистических школах XX столетия.

Однако создателем морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины по праву считается выдающийся русский лингвист Н.С.Трубецкой, в чьих работах конца 1920-х – начала 1930-х годов была убедительно обоснована независимость морфонологии, сформулированы ее цели и задачи и предложены описания морфонологических систем полабского и русского языков. Н.С.Трубецкому принадлежит и сам термин «морфонология» (из «морфо-фонология») [5].

Значительную роль в развитии морфонологии сыграла посвященная памяти Трубецкого статья Л.Блумфилда о языке меномини (1939). В послевоенные годы важный вклад в разработку морфонологической теории и описание морфонологии конкретных языков внесли друг и коллега Н. Трубецкого Р. Якобсон, а также С. Бернштейн, Х. Андерсен, Т. Булыгина, В. Вурцель, Н. Еськова, А. Зализняк, В. Касевич, А. Поливанова, С. Толстая, Р. Лясковский, Б. Крея, А. Исаченко, В. Дресслер, Д. Ворт, Б. Дарден, Т. Лайтнер, Э. Станкевич, М. Халле, И.-Ш. Морен, В. Чурганова, и др.

Отличительной чертой морфонологии как науки, обусловленной, с одной стороны, ее относительной «молодостью», а с другой – неизбежной зависимостью трактовки морфонологических явлений представителями различных лингвистических школ от принятых в этих школах концепций морфологии и фонологии, является почти полное отсутствие общепринятых теоретических положений и разногласия даже по таким ключевым вопросам, как предмет морфонологии, ее границы, наличие у морфонологии собственных единиц описания и их природа, существование особого морфонологического уровня представления словоформ.

К ведению морфонологии несомненно относится, во-первых, изучение структуры морфем различных классов, а во-вторых, описание системы морфонологических чередований, имеющихся в языке.

В 1970–1980-е годы широкое распространение получила выдвинутая В.Г. Чургановой и И.А. Мельчуком идея описания морфонологии не в терминах морфем, а в терминах субморфов – цепочек морфонем, формально совпадающих с морфемами, но не обязательно несущих значение.

Круг задач морфонологии не ограничивается созданием общей морфонологической теории и построением полных морфонологических описаний отдельных языков; не менее

важной представляется разработка таких направлений, как морфонологическая типология и диахроническая морфонология, в настоящее время делающих лишь первые шаги.

Некоторые морфонологические чередования представлены только в одном языке (так, трудно усмотреть какой-либо прямой аналог в других языках русскому чередованию н ~ ш, ср. баран – барашек, гармонь – гармошка и т.д.), другие – во многих языках (ср., например, чередование заднеязычных согласных с шипящими и свистящими, свойственное в той или иной степени славянским, романским, тохарским, санскриту, водскому и др. языкам); однако не существует чередований, общих для всех языков. Если же говорить о морфонологических системах языков в целом, некоторые их особенности могут считаться универсальными (или почти универсальными).

Во-первых, практически во всех языках морфонология глагола устроена по крайней мере не проще (а иногда – значительно сложнее), чем морфонология именных частей речи. Поскольку аналогичное утверждение в принципе верно и относительно морфологии глагола и имени, может показаться, что морфонология здесь просто следует за морфологией. Однако нередки случаи, когда данная диспропорция значительно сильнее проявляется в морфонологическом аспекте: достаточно сравнить изобилующие чередованиями (в том числе – очень продуктивными) глагольные парадигмы и вполне сопоставимые с ними в плане сложности, но почти лишенные чередований парадигмы существительных и – особенно – прилагательных в русском языке.

Во-вторых, наблюдаются значительные различия в морфонологическом поведении корневых и служебных морфем: если первые тяготеют к унифицированности чередований (просить – прошу как косить – кошу, весить – вешу, красить – крашу и т.д.), а индивидуальные отклонения (типа «чередования» х ~ д ~ зд в случае ех-ать ~ ед-у ~ езд-ить) воспринимаются как явная аномалия, то для вторых наличие индивидуальных, присущих только им чередований представляет собой абсолютную норму. Ср. в русском языке такие чередования, как щ ~ ч в суффиксе имен деятеля (свар-щик, но налет-чик), л ~ Ж в показателе прошедшего времени (лома-л, но грыз- Ж), нн ~ н в суффиксе причастий (влюбл-енн-ая, но влюбл-ен-а) и т.д. Эта особенность характерна не только для аффиксов, но и для служебных слов: так, во многих языках артикль имеет структуру «гласный – согласный» перед последующим гласным и «гласный» – перед последующим согласным, ср. англ. anoak «дуб» ~ apine «сосна», венг. azember «человек» ~ a bika «бык» и т.д.

Литература

1. Диуф Алиу. Морфонология русских префиксов и суффиксов. Автореферат. 2011. http://www.dissercat.com/content/morfonologiya-russkikh-prefiksov-i-suffiksov#ixzz5UJ86l4n0
2. Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963.
4. Топоров 1960, 36
5. Трубецкой Н.С. Морфонологическая система русского языка. – В кн.: Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Статтю присвячено морфонологічному рівню російської мови. Значну увагу приділено історії розвитку лінгвістики, зокрема морфонології. Встановлено, що для засвоєння мовних норм російської мови однаково важливі фонетика і граматика, орфоепія і орфографія, які здатні забезпечити правильне говоріння, письмо і розуміння як не російськомовного учня, так і для російськомовного. Оскільки питома вага в морфонології належить фонології (сегментної і суперсегментної), в стаття піднімаються питання морфонології в лінгводидактичному аспекті.

Ключові слова: *фонетика, морфонологія, фонологія, морфема, суфікс, корінь*

The article describes the morphonological layer of the Russian language, reveals the main aspects of development. Much attention is paid to the history of the development of linguistics, in particular morphonology. For a non-Russian student, as well as for a Russian, phonetics, grammar and spelling are equally important when mastering the language norms of the Russian language, as they ensure correct speaking, writing and understanding of speech in Russian. Since the largest specific weight in morphonology belongs to phonology (segmental and super-segmental), the author focuses attention on questions of morphonology in the linguodidactic aspect.

Keywords: *phonetics, morphonology, phonology, morpheme, suffix, root*

І.М. КУЛІШ,
Г.О. КОРОЛЮК,
І.В. НЕКОЗ
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ДО ПРОБЛЕМИ ПІДГОТОВЧОГО ЕТАПУ ІНТЕГРОВАНОГО НАВЧАННЯ ФІЗИЧНОЇ РЕАБІЛІТАЦІЇ ТА АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ МАЙБУТНІМИ РЕАБІЛІТОЛОГАМИ

У статті розглянуто проблему можливостей інтегрованого навчання змісту та мови в системі вищої освіти. Зосереджено увагу на реалізації підготовчого етапу предметно-мовної інтеграції при підготовці майбутніх реабілітологів. Інтегроване навчання змісту та мови у вищій освіті полягає у викладанні навчальної дисципліни засобами іноземної мови та вимагає ретельно розробленої навчальної програми. У статті розглянуто ключові аспекти планування занять інтегрованого навчання фізичної реабілітації та англійської мови, та наводяться приклади мовних конструкцій спеціального та загального призначення для теми "Remedial Gymnastics".

***Ключові слова**: інтегроване навчання змісту та мови, навчальна програма, підготовчий етап, лексичне наповнення теми, організаційні форми навчального процесу, система оцінювання.*

Поняття та проблеми інтегрованого навчання (методика або підхід CLIL) широко обговорюються освітянами різних країн світу стосовно різних етапів навчального процесу. Під поняттям «Інтегроване навчання змісту та мови» розглядають ряд подібних підходів до викладання певного розділу, певної дисципліну чи певного курсу засобами іноземної мови. Проте, методисти зауважують, що у вищій освіті досить низький відсоток дисциплін, які викладаються іноземною мовою, а університетські навчальні програми англійською мовою пропонуються, перш за все, для залучення іноземних студентів [1].

Інтегроване навчання змісту та мови у вищій освіті полягає у викладанні навчальної дисципліни засобами іноземної мови та вимагає ретельно розробленої навчальної програми. Найбільш реалістичною моделлю методисти розглядають поєднання англійської мови професійного спрямування (ESP – English for Specific Purposes) та викладання певної дисципліни англійською мовою (EMI – English Medium Instruction) [2]. При цьому, така модель поєднує декілька етапів або блоків: 1) англійська мова професійного спрямування як підготовчий етап до інтегрованого навчання змісту та мови, метою якої є підготовка студентів до майбутнього вивчення змісту засобами англійської мови до того, як розпочнеться вивчення певної дисципліни англійською мовою; 2) англійська мова професійного спрямування як складова програми певної дисципліни англійською мовою, метою якої є розвиток спеціальних мовленнєвих навичок та умінь; 3) інтегроване навчання змісту та мови, в якому англійська мова використовується як засіб навчання певного розділу, певної дисципліни або всієї програми [2].

Оскільки в «Інтегрованому навчанні змісту та мови» поняття змісту йде першим, воно передбачає наповнення навчального процесу змістом конкретного предмету, який оформлюється засобами мови. Інтегроване навчання фізичної реабілітації та англійської мови, наприклад, передбачає отримання знань з предмету «Фізична реабілітація» одночасно використовуючи і вивчаючи англійську мову. Студенти сприймають мовні моделі при читанні та аудіюванні багато разів, а потім відтворюють їх усно та у письмовій формі.

При плануванні занять інтегрованого навчання фізичної реабілітації та англійської мови, розглядаються чотири ключових аспекти:

- Зміст (тема з фізичної реабілітації, наприклад, лікувальна гімнастика та масаж)

- Спілкування (мова інструктора з лікувальної гімнастики, наприклад, рекомендації щодо здорового способу життя)
- Умова (навички мислення, наприклад, узагальнення видів гімнастики)
- Культура (міжкультурні зв'язки, техніки масажу) [3].

Поєднання цих чотирьох аспектів забезпечує змістове наповнення та організацію навчального процесу з інтегрованого навчання. Припускаємо доречність використання рідної мови в рамках останнього аспекту, оскільки деякі дефініції та тлумачення явищ з попереднього досвіду студентів варто озвучувати як англійською, так і рідною мовою для ефективності розуміння та оперування цими поняттями.

Підготовка конкретного заняття за методикою CLIL, на нашу думку, буде включати декілька основних кроків, а саме:

- визначення лексичного наповнення теми;
- визначення організаційних форм навчального процесу;
- визначення системи оцінювання [4].

Перший крок планування інтегрованого заняття включає розгляд лексичного наповнення теми. В інтегрованому навчанні фізичної реабілітації та англійській мові застосовується як мова спеціального призначення (спеціальні терміни та термінологічні висловлювання), так і мова загального призначення (загальні лексичні та граматичні одиниці, структури, які необхідні для загального спілкування у навчальному процесі.

Таблиця 1 демонструє приклади мовних конструкцій спеціального та загального призначення для теми "Remedial Gymnastics" (Див.табл.1).

Таблиця 1

Мовні конструкції спеціального та загального призначення

Словосполучення спеціального призначення	**Словосполучення загального призначення**
aerobic exercise	physical exercise
anaerobic exercise	regular exercise
flexibility exercise	running
cardio exercise	swimming
heart rate	walking
breathing rate	hiking
oxygenated blood	skiing
dynamic flexibility	flexibility training
static-active flexibility	to develop flexibility
static-passive flexibility	strength training
weight/gravity training	physical strength
resistive equipment	endurance
to perform a rep	weightlifting
set	bodybuilding
tempo	safety
orthopaedic specialist	to recommend
aerobic metabolism	to prevent injury
anaerobic glycolysis	to control movements
to fire fibres	low intensity
maximum load	rehabilitation
intercellular restorative cycle	strengthening muscles
stroking	massage
kneading	masseur
tapping	masseuse
improving the circulation of the blood	to use for many purposes
to be made with knuckles	to be injured
care practitioner	injury
musculoskeletal injury	stress
manual therapy intervention	relaxation

Другий крок підготовки CLIL заняття пов'язаний з розглядом організаційних форм подачі мовного матеріалу та чотирма видами мовленнєвої діяльності (читанням, аудіюванням, говорінням та письмом). Лексичні завдання організовуються на рівні слова (терміну, термінологічного висловлювання, словосполучення) та на рівні фрази (речення). Для прикладу пропонуємо вправи:

1. прочитайте фрагмент тексту та знайдіть англійські еквіваленти поданих українських словосполучень (рівень слова, словосполучення);
2. перекладіть наступні англійські терміни та термінологічні висловлювання рідною мовою (рівень слова, словосполучення);
3. погодьтеся або спростуйте наступні твердження (рівень фрази, речення);
4. дайте відповіді на запитання (рівень фрази, речення);
5. знайдіть визначення до наступних фізіологічних понять понять (рівень фрази, речення).

Студентам, як правило, потрібна допомога у розвитку навичок мислення і висловлювання засобами іноземної мови. Корисними можуть стати речення-кліше та зразки фраз для формулювання спеціальних висловлювань іноземною мовою, наприклад:

- To solve the problem, I should …
- I solved the problem by …
- A graph shows that …
- The steps I followed were: …
- I decided to use … because …
- I got the same answer by …
- I can prove the problem by …
- The strategy I used was …

Для заохочування студентів продукувати мовлення іноземною мовою варто застосувати різні типи запитань англійською мовою (загальні, альтернативні, розділові та спеціальні), які допоможуть формулювати спочатку відповідь, а потім і власне висловлювання засобами іноземної мови

Спочатку застосовуються рецептивні види мовленнєвої діяльності, студенти сприймають матеріал через зоровий (читання) та слуховий (аудіювання) канали. Оскільки спеціальний зміст предмету надається засобами іноземної мови, вважаємо доречним поєднувати і читання, і озвучування нового матеріалу для підвищення ефективності навчального процесу. На наступних етапах навчального процесу підключаються репродуктивні види мовленнєвої діяльності (письмо та говоріння). Враховуючи засіб спілкування нерідною для студентів мовою, доречно спочатку застосовувати письмову форму, яка надає студентові більше часу на обдумування при недостатньо автоматизованих іншомовних навичках з поступовим озвучуванням написаного та багаторазовим повторенням, що стане надійною базою для формування навичок спочатку підготовленого, а потім непідготовленого мовлення.

Стосовно організаційних форм роботи, застосовуємо групові види, а також роботу у підгрупах, парах та індивідуально. Індивідуальна робота надає можливість і час самостійно обдумувати зміст та виконувати завдання. Поєднання парної та групової роботи уможливлює допомогу студентів один одному, враховуючи різний рівень іншомовної підготовки, а також застосування отриманих знань на практиці.

Третій крок підготовки до проведення CLIL заняття передбачає визначення гнучкої системи оцінювання, яка буде враховувати як предметне виконання завдання, тобто

спеціальний зміст, так і мовне оформлення завдання, тобто правильне використання англійської мови для виконання завдання. На нашу думку, загальний бал може включати дві оцінки.

Таким чином, інтегроване навчання змісту та мови у вищій освіті полягає у викладанні навчальної дисципліни засобами іноземної мови та вимагає ретельно розробленої навчальної програми. При плануванні занять інтегрованого навчання фізичної реабілітації та англійської мови, розглядаються чотири ключових аспекти: зміст (тема з фізичної реабілітації, наприклад, лікувальна гімнастика та масаж); спілкування (мова інструктора з лікувальної гімнастики, наприклад, рекомендації щодо здорового способу життя); умова (навички мислення, наприклад, узагальнення видів гімнастики); культура (міжкультурні зв'язки, техніки масажу). Підготовка конкретного заняття за методикою CLIL, на нашу думку, буде включати декілька основних кроків, а саме: визначення лексичного наповнення теми; визначення організаційних форм навчального процесу; визначення системи оцінювання.

Література

1. Knapp K., Seidlhofer B., Widdowson H. (2009) Handbook of Foreign Language Communication and Learning (Volume 6).

2. Barbara Schmidt - Unterberger (2018). The English-medium paradigm: a conceptualization of English-medium teaching in higher education (Austria).

3. Teaching Maths through English – a CLIL Approach. Cambridge English. – University of Cambridge. ESOL Examinations. – Retrieved from: https://www.unifg.it/sites/default/files/ allegatiparagrafo/21-01-2014/ teaching_maths_through_clil.pdf.

4. Tarasenkova N., Akulenko I., Kulish I., Nekoz I. Preconditions and Preparatory Steps of Implementing CLIL for Future Mathematics Teachers // Universal Journal of Educational Research 8(3), February, 2020. P. 971–982.

В статье рассмотрены проблемы возможностей интегрированного обучения содержания и языка в системе высшего образования. Сосредоточено внимание на реализации подготовительного этапа предметно-речевой интеграции при подготовке будущих реабилитологов. Интегрированное обучение содержания и языка в высшем образовании заключается в преподавании учебной дисциплины средствами иностранного языка и требует тщательно разработанной учебной программы. В статье рассматриваются ключевые аспекты планирования занятий интегрированного обучения физической реабилитации и английского языка, приводятся примеры языковых конструкций специального и общего назначения для темы «Remedial Gymnastics».

***Ключевые слова**: интегрированное обучение содержания и языка, учебная программа, подготовительный этап, лексическое наполнение темы, организационные формы учебного процесса, система оценивания.*

The article raises the problem of application and potential of content and language integrated learning (CLIL) in the higher education system. The work focuses on the implementation of the preparatory stage of subject-speech integration in the future rehabilitation therapists training. Content and language integrated learning in higher education focuses on teaching an academic discipline by means of a foreign language and requires a carefully designed curriculum. The article examines the key aspects of planning lessons in integrated process of physical rehabilitation and English teaching, and provides examples of professional and general language constructions for the topic "Remedial Gymnastics".

***Key words**: content and language integrated learning, curriculum, preparatory stage, lexical content of the topic, organizational forms of the educational process, assessment system.*

Л.М. МУСТАФАЕВА
Бухарский государственный университет, Узбекистан

ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ ПАРЕМИЙ И ИХ РОЛЬ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

У цій статті розглянуто паремії як особливий тип стійких зворотів мови, їх спільні та відмінні ознаки, що дозволяють включати чи не включати прислів'я і приказки до складу фразеологічного фонду мови. У російській лінгвістичній науці паремії досліджують з точки зору їх семантики, структури, тематичної організації. У межах антропоцентричної парадигми лінгвістики паремии розглядають як складові пареміологічних картин світу - частини цілісної мовної картини світу. Їхня національна самобутність визначає риси пареміологічних картин світу і уможливлює виявлення екстралінгвістичних факторів формування мовного світобачення як народу, так і окремого носія мови. Паремії закріплюють когнітивно-оцінний досвід народу, його традиції і звичаї, національний менталітет.

Ключові слова: *порівняльний аналіз, лінгвокультурний простір мови, картина світу, паремія, фразеологізм, афоризм, пареміологічний фонд.*

Пословицы и поговорки представляют собой богатейший экспрессивно-выразительный пласт языковой системы, веками хранящий в себе народные наблюдения, умозаключения и представления о мире, народе, его образе жизни, традициях и обычаях. В пословицах и поговорках также отразился опыт хозяйствования, духовно-нравственные ценности народа, этические нормы взаимоотношения людей, в том числе в социуме и в семье. «Значительная часть из дошедших до нас пословиц сложилась в эпоху господства натурального хозяйства и патриархального уклада жизни» [1; 25]. Это обусловило лингвокультурное пространство паремиологической картины мира в языках.

Пословицы и поговорки, выделяемые как особый тип фразеологизмов, являются объектом изучения многих лингвистов, занимающихся сопоставительными исследованиями в области фразеологии – В.Г. Гак, Н.М. Шанский, Д.О. Добровольский, А.В. Кунин, А.Г. Назарян, Ю.П. Солодуб, Э.М. Солодухо, Г.З. Черданцева, В.И. Зимин и др. Однако все ученые отмечают особую, отличающуюся от идиом языковую природу пословиц и поговорок. Поэтому пословицы как особые лексические единицы постепенно обособились от фразеологизмов, несмотря на то, что обладают с ними схожими чертами, например, целостным образным значением, воспроизводимостью в речи, лексической неразложимостью компонентов. Тем не менее, ряд ученых исключают пословицы из фразеологического фонда языка, ввиду их функциональной обособленности в составе высказывания - фразеологические единицы вступают в формальные связи с компонентами высказывания, а паремии передают обособленную мысль в составе текста. Многие ученые рассматривают пословицы только как источник создания идиом. Так, М.М. Копыленко считает, «что афоризмы и пословицы - это не фразеология языка, но один из ее плодотворных источников»; тогда как крылатые слова и поговорки он включает во фразеологию языка (учитывая разную степень вхождения во фразеологическую систему) [2; 69-70].

Интерес же к паремиям как предмету лингвистического, а не фольклорного анализа появился лишь в к. XX в., что было предсказано ранее [3; 167], что неизбежно повлекло за собой пристальное изучение пословиц, как в русской, так и зарубежной лингвистике. Вопросам паремиологии уделялось значительное внимание в работах Т.Г. Бочиной, Н.Барли, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, Г.Л.Пермякова, Л.Б.Савенковой, Е.И.Селиверстовой, Н.Н. Семененко, Г.М. Шипициной и др. Тот факт, что многие пословицы и поговорки различных народов сходны по своему значению и форме давно привлекает внимание паремиологов. В трудах таких зарубежных исследователей начала XX в., как П.Шмит, Я. Лаутенбах, Э. Кокаре затронута проблема сходства паремий в разных языках. Среди

русских паремиографических источников XIX в. следует отметить, например, сборник И. Гольшух «Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком: с прибавлением некоторых на лат. яз»., в котором дано сравнение паремий в русском, французском и немецком языках. И. Тимошенко, опираясь на сочинения философов древности, сравнивает русские паремии с поговорками и пословицами западноевропейских народов. В русской науке о языке особый интерес к паремиям наблюдается с конца XIX в. – XX в., когда русские пословицы и поговорки изучаются в сравнении с паремиями других народов мира. Попытки разграничить пословицы и поговорки уходят далеко в прошлое и только В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» одним из первых попытался отделить пословицы от других устойчивых выражений. Сборник «Пословицы русского народа», включающий более 30 тысяч пословиц, поговорок и прибауток и впервые опубликованный в 1861–1862 годах, является одним из основных трудов великого русского этнографа и лексикографа В.И. Даля (1801–1872).

До сих пор остается дискуссионным вопрос о разграничении пословицы и поговорки, на что обращают внимание и многие современные исследователи. В трудах Е.В. Ивановой, Л.Б. Савенковой, З.К. Тарланова и других исследователей паремиологии вопросы, связанные с отличием пословиц от поговорок и пословично-поговорочных выражений, активно дискутируются [4; 69]. Несмотря на разнообразие точек зрения, поговорки и пословицы во многих сборниках представлены вместе.

В формировании языкового мировидения пословицы как результат познания мира в ходе обыденной практической деятельности народа имеют большое значение, поскольку закрепляют в своей семантике описание стереотипных ситуаций, актуализированных представителями разных культурных сообществ. В составе пословиц интерпретируются специфические национальные концепты. Например, для русских – это подвиг, судьба, удаль, тоска, для немцев – порядок, пунктуальность, экономия, а для узбекских пословиц дружелюбность, трудолюбие, гостеприимство и т.д. Пословицы всегда антропоцентричны. «Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях - во всем своем блеске и во всех неприглядностях. Пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений» [5; 33]. Тематическое разнообразие пословичного фонда разных языков было описано еще в исследованиях устного народного творчества, но лингвокультурологические аспекты анализа структуры и семантики паремий начали разрабатываться лишь в последние десятилетия. В рамках изучения проблемы взаимодействия языка и культуры паремии стали рассматриваться как интерпретационное поле национальных культурных концептов.

Как отмечает В. Мидер, пословица отражает реакцию людей, которые воспринимают «народную мудрость» с юмором и известной долей иронии. Добавляя комментарии, противоречащие основному содержанию пословицы, народ выражал свое отношение к традиционному варианту что, безусловно, добавляет образность высказыванию и предает пословицам-трансформам статус устойчивых выражений. Например: Разлука смягчает сердца, если речь идет о ком-то другом, Любовь слепа, соседи – нет, Дети – цветы жизни, когда цветут в чужом саду.

Основным критерием культурного развития общества, как известно, являются наличие необходимых условий для развития высшего образования и науки, поддержка культуры. Непродуманная и безмодельная коммерциализация снижает их уровень и вместе с ней – образовательный и культурный уровень народа, замедляет или вовсе прекращает культурный прогресс как отдельных народов, так и всего нашего общества, в силу того что к этнической культуре люди приобщаются коллективно и длительно. К настоящему времени

имеет место противоречие между большими воспитательными возможностями средств воздействия национальных культур, в частности народной педагогики, и их недооценкой вследствие недостаточности научно обоснованных практических осовремененных разработок и рекомендаций.

Проверенные временем авторитетные мнения закрепляются в сознании через связь с прогрессивными традициями, обычаями, обрядами, пословицами и поговорками, в которых воплощена оригинальная, своеобразная, но действенная и актуальная для конкретного народа мудрость. Это является также одним из эффективных средств иностранного языка в формировании общечеловеческого ценностного мировоззрения. Национальные традиции, обычаи, пословицы представляют интерес как отражение многовекового опыта накопления ценностей, отличающих все народы друг от друга. Изучение национально-культурной специфики словарного состава языка направлено «на выявление информационного культурного фона слова, который включает в себя знания о бытовании объекта в культурной среде, стереотипные образные ассоциации, а также стереотипное ценностное отношение к объекту номинации» [6; 142]. В процессе обучения мы опираемся на то, что, «в разных» языках примерно те же концепты, но часто понятия о них – иные [7; 621].

Лингвокультурологический сравнительно-сопоставительный анализ текстов с содержанием пословиц и поговорок помогает выявить:

- общечеловеческую сущность духовной культуры разных народов;
- ментальные отличия представителей разных культур;
- истинную и ложную сущность тех или иных ценностей в современной «оболочке».

Овладение природой происхождения пословиц и поговорок вызывает любопытство и интерес, затем увлечение иноязычной культурой, влекущее за собой не только усвоение культурологических знаний, но и развитие способности и готовности понимать не только язык, но и ментальность носителей языка, так как «пословицы редко бывают спокойными. Они, как люди, их создавшие, гневаются, печалятся, смеются, плачут, веселятся, охают, стонут, кричат, пугают, предостерегают, учат, негодуют – словом, в них столько же чувств, сколько их в народе – творце пословиц».

Обсуждение пословиц и поговорок затрагивает и современное состояние ценностного содержания идеологии данных народов. Увлекательно чувствовать себя наследниками богатейшего устного творчества, полного философского и жизненного смысла. Пословицы и поговорки в речи героев, персонажей – это клад поучительных нравственных ценностей, идеология, мудрость и дальновидность древних высококультурных народов.

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов с содержанием пословиц и поговорок подводит к очевидности, что идеалами каждого народа всегда являлись Истина, Честь, Красота, Добро, Совесть, Любовь, Мир, Труд. Знакомство с этнической культурой, проводником которой являются пословицы и поговорки, помогает разгадать образ мыслей и мироощущения, а также идеалы и стремления предков. Понимание влечет за собой желание быть причастным к ним, продолжить достигнутое, добиться того, чего наши предки хотели достичь в будущем и т.д. [8, с. 375].

Таким образом, паремии являются особыми языковыми единицами. Они представляют собой устойчивые высказывания и обладают образно-переносной семантикой. В них закрепляется описание стереотипных, чаще бытовых ситуаций из жизни народа, которые несут информацию для носителей языка об отрицательном или положительном опыте познания. По образному выражению Ф.И. Буслаева, паремии – это особые миры, «они содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженный в кратком изречении, которые завещали предки, и руководство потомкам». Такой опыт может быть одинаковым, но может быть и различным в силу культурно-исторического развития этнокультурной общности. Паремиологический фонд языка можно назвать энциклопедией народной жизни,

поскольку посредством этих образных устойчивых единиц осуществляется межпоколенная передача культурного достояния народа.

Лингвокультурологическая информация – это знания, связанные с употреблением пословиц и поговорок в конкретных текстах и отраженные в их сознании в языковой форме, что можно рассматривать как обобщенный опыт формирования:

- способности использовать полученные им теоретические знания и соответствующие навыки для выражения своих мыслей в любой речевой ситуации;
- умения понимать культуру изучаемого языка, воспринимать ее факты и явления в соответствии со спецификой национально-культурной семантики в целях достижения плодотворной межкультурной коммуникации, так как «культура – это ценности и определяют все», именно они, а не «знания и умения» [9; 97].

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Введение в когнитивную фразеологію. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011 25 с.

2. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. Москва, 1989. С. 69–70.

3. Мокиенко В.М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты). *Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей* / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск : Зсицер Колас, 2010. 167 с.

4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва, 1991.

5. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь /сост. Зимин В.И., Спирин А.С. Москва : «Сюита». 1996.

6. Шерина Е.А., Алексеева А.В. Лингвокультурологический аспект изучения национально-культурной специфики языка. *Фундаментальные исследования*. 2014. 142 с.

7. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры. *Язык как материя смысла : сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой* / отв. ред. М.В. Ляпон. Москва : Азбуковик, 2007. 621 с.

8. Нигматова Л. Из истории о теории об общественной природе языка. Modern Scientific Research Journal: International Scientific Journal., 375–380.

9. Пассов Е.И., Кибирева Л.В., Колларова Э. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация) : метод. пособие для русистов. Санкт-Петербург : Златоуст, 2007. 97 с.

В данной статье рассматриваются паремии как особый тип устойчивых оборотов языка, их общие и отличительные свойства, позволяющие включать или не включать пословицы и поговорки в состав фразеологического фонда языка. В русской лингвистической науке паремии исследуются с точки зрения их семантики, структуры, тематической организации. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики паремии рассматриваются как составляющие паремиологической картины мира – части целостной языковой картины мира. Их национальная самобытность определяет лицо паремиологической картины мира и дает возможность выявить экстралингвистические факторы формирования языкового мировидения народа, носителя языка. Паремии закрепляют когнитивно-оценочный опыт народа, его традиции и обычаи, национальный менталитет.

Ключевые слова: *сопоставительный анализ, лингвокультурное пространство языка, картина мира, паремия, фразеологизм, афоризм, паремиологический фонд.*

This article discusses paremia as a special type of stable constructions of the language, their general and distinctive properties, which make it possible to include or not include proverbs and sayings into the phraseological fund of the language. In Russian Linguistics, paremias are studied from the point of view of their semantics, structure, and thematic organization. In the framework of the anthropocentric paradigm of Linguistics, paremias are studied as components of the paremiological picture of the world - part of the integral linguistic picture of the world. Their national originality determines the paremiological picture of the world and makes it possible to identify extralinguistic factors in the formation of the linguistic worldview of the people, the native speaker. Paremias reinforce the cognitive-evaluative experience of people, their traditions, customs and national mentality.

Key words: *comparative analysis, linguocultural space of language, picture of the world, paremia, phraseological unit, aphorism, paremiological fund.*

Н.В. ОРЛОВА
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

КОНЦЕПТ ТРИВОЖНОСТІ ЯК ПСИХОЛОГІЧНИЙ АТРИБУТ ПРОЦЕСУ ВИВЧЕННЯ ІНОЗЕМОЇ МОВИ

Стаття торкається аналізу окремої складової психологічного підґрунтя процесу вивчення іноземних мов – тривожності, що відіграє важливу афективну роль у цьому процесі, і є тісно переплетеною з рештою психологічних чинників, таких як самооцінка, самоефективність та здатність іти на ризик; намагаючись визначити її роль і місце в успішності вивчення іноземної мови. Автором наголошується на комплексності концепту «тривожність» і відслідковується диференціювання поняття у теоріях обумовлення, принципам психоаналізу за Фрейдом та екзистенційних теоріях. Стаття представляє також спроби виокремлення і категоризації концепту тривожності для більш глибокого розуміння і покращення процесу вивчення іноземних мов. До того ж, у роботі приділяється увага напрямку, що віддає перевагу визначенню терміну «напруженість» як більш нейтральному поняттю для описання можливості як дисфорійного (шкідливого), так і ейфорійного (корисного) впливу на процес вивчення іноземних мов.

Ключові слова: *тривожність, особистісно-специфічна тривожність, ситуаційно-визначена, або реактивна, тривожність; дебілітативна тривожність, фасилітативна тривожність; ейфорійна напруженість, дисфорійна напруженість*

Процес вивчення іноземної мови (ІМ) доволі різносторонній, адже він сприяє не лише формуванню мовно-орієнтованих компетенцій, але й створенню нової мовної особистості. Тому його розгляд і аналіз лише з позицій лінгвістичних категорій було б неправильно, адже картина буде частковою і обмеженою. Оскільки мова є таким впливовим явищем, що проникає у сутність людини, і тому не може бути відокремленим від неї, від усієї цілісності, від об'єднаного цілого людей, які живуть і дихають, думають і відчувають. За словами Кенета Пайка (*Kenneth Pike*), «мова – це поведінка, одна з фаз людської діяльності, яку неможливо розглядати лише поділивши на структури, відірвавши від невербальної діяльності людини.» [1, с. 26] Серед специфічних психологічних факторів, що безпосередньо впливають на успішність у вивченні ІМ, визначають самооцінку, атрибутивність і само-ефективність, бажання і готовність до спілкування, інгібіцію, рівень тривожності, емпатію, екстраверсію, а також мотивацію та типи особистості й темпераменту, що тісно пов'язані з усіма вище названими елементами. Попри наявність окремих праць, що досліджують всі ці складові окремо, важливості набуває саме узагальнення даних і урахування певних психологічних атрибутів, як-то тривожність, під час процесу вивчення ІМ.

Мета даної статті полягає у спробі продемонструвати важливість уважного і систематичного дослідження ролі концепту тривожності та його впливу на успішність оволодіння ІМ, що поступово призведе до глибшого розуміння самого процесу вивчення ІМ, а також до покращення навчального процесу, включаючи розробку і впровадження належних технік і методик.

Складова тривожності, що грає важливу афективну роль у процесі оволодіння ІМ, є тісно переплетеною з самооцінкою, самоефективністю та здатністю іти на ризик. Навіть, якщо урахувати, що всі знають, що таке тривожність, і обов'язково відчували її у своєму житті, концепт «тривожність» все ще складно точно означити. Так, наприклад, Спілбергер визначив тривожність як «суб'єктивне почуття тиску, недоброго передчуття, нервування, неспокою, які асоціюються із збудженням нервової системи» [2, с. 1].

Деякі українські джерела визначають тривожність як готовність до страху – «стан доцільного підготовчого підвищення сенсорної уваги і моторної напруженості в ситуації можливої небезпеки, що забезпечує відповідну реакцію на страх» [3, с. 577]. Андрю Колман, у

свою чергу, визнає, що тривожність – це «стан занепокоєння, що супроводжується дисфорією, соматичними ознаками і симптомами тиску, і фокусується на можливих провалах, невдачах, або небезпеці» [4, с. 46]. Артуром Ребером наголошується на комплексності концепту «тривожність». У більш загальному сенсі, це – неприємний невизначений емоційний стан з ознаками побоювання, жаху, виснаження і занепокоєння. Тривожність часто відрізняється від страху безпричинністю, тоді як страх має визначений специфічний об'єкт, особу або подію. У теоріях обумовлювання цей термін використовується для означення вторинного, або обумовленого, стимулу, який слугує для умотивування реакції уникнення. Щодо теорії за Фрейдом, вона визначає тривожність відповідно до загального визначення, з додатковим припущенням, що тривожність є сигналом того, що небезпека для психіки є результатом несвідомого бажання реалізовуватися. В екзистенційних теоріях, це – емоційний супровід раптового усвідомлення безцільності, недосконалості та хаотичності природи світу, в якому ми живемо. В усіх визначеннях можна прослідити цікаву часову особливість. У перших двох визначеннях тривожність розглядається як наслідкова емоція, навчена реакція, що є результатом певного стану речей. За Фрейдом тривожність вбачається як передчасна реакція, походження якої лежить на рівні несвідомого конфлікту. В останньому випадку, жоден із згаданих елементів не роздивляється, замість цього її вважають чистим, безпосереднім наслідком життя на білому світі [5, с. 48]. Більш спрощено тривожність асоціюється з почуттям занепокоєння, розчарування, сумнівів у собі, недоброго передчуття і неспокою. Досліджуванням тривожності займались багато науковців: Е. Горвіц (*E.K. Horvitz*), Ч. Спілбергер (*Ch. Spielberger*) та інші. Ці дослідження показують, що тривожність може мати різні ступені. На найглибшому, або глобальному, рівні довгострокова, актуальна особистісно-специфічна тривожність є більш постійною схильністю до перебування у тривожному стані. На більш моментальному рівні ситуаційно-визначена, або реактивна, тривожність відчувається по відношенню до певних подій або дій. Як і у випадку з самооцінкою, під час заняття викладачам важливо детермінувати природу тривожності студентів та її рівень. Особистісно-специфічна тривожність саме через її глобальну природу не дуже корисна у прогнозуванні успішності вивчення ІМ. Нещодавні дослідження мовної тривожності сконцентрувалися на реактивній тривожності з її ситуативним характером. Були визначені три компоненти тривожності, пов'язаної з вивченням ІМ. Першим компонентом є побоювання комунікації, що виникає через нездатність особи адекватно висловлювати обмірковані думки та ідеї. Другим – страх перед негативною оцінкою соціального середовища, що з'являється через потребу у студента справляти лише позитивне враження на оточуючих. Третім компонентом виступає тестова тривожність, або страх перед іспитами, як передчуття і побоювання негативного оцінювання академічних знань. Після двадцяти років досліджень вчені узагальнили необхідність відокремлення іншомовної тривожності від інакших видів тривожності і підтвердили припущення щодо її негативного впливу на процес вивчення ІМ [6, с. 162].

Вагомим у розумінні тривожності є також усвідомлення відмінностей між дебілітативною (послаблюючою) і фасилітативною (сприяючою) тривожністю. Однією з сучасних тенденцій, що з'явились завдяки працям Г.Шпільман (*G. Spielman*) і М.Раднофскі (*M. Radnofsky*), є напрямок, що віддає перевагу визначенню терміну «напруженість» як більш нейтральному поняттю для описання можливості як дисфорійного (шкідливого), так і ейфорійного (корисного) впливу на процес вивчення ІМ. За звичкою, ми можемо розглядати тривожність як негативний фактор, який треба уникати за будь-яку ціну. Проте усвідомлення наявності фасилітативної тривожності, або ейфорійної напруженості, надає більшої позитивності у сприйнятті тривожності як позитивного афективного чинника у

процесі вивчення ІМ. Фасилітативна тривожність є однією з ключових причин успішності у вивченні ІМ, що тісно пов'язується з конкуренцією. Конкуренція, спричиняючи появу корисної тривожності, умотивовує студентів старанніше вивчати матеріал під час виконання домашнього або додаткового завдання для того, щоб почуватися спокійніше під час усної роботи на заняттях. Викладачам необхідно розрізняти, появу саме якої тривожності вони стимулюють під час занять. Адже дебілітативна тривожність, або дисфорійна напруженість, абсолютно не результативна і призводить до негативних наслідків. Навіть за наявності окремих суперечностей щодо причин і наслідків мовної тривожності, а також відкритих для подальших досліджень питань стосовно того, як уникнути або послабити вплив дебілітативної тривожності під час занять з ІМ, вчені відмічають прогрес у бік кращого розуміння явища тривожності та його ролі й місця у процесі оволодіння ІМ. Дослідники продовжують вивчати випадки появи тривожності в залежності від об'єкта спілкування, від кваліфікації викладача і його вміння трансформувати тривожність у бік ейфорійної напруженості, від схильності особистості до перфекціоналізму з постановкою неймовірно високих стандартів, а також від обізнаності усіх учасників навчального процесу у кореляційних зв'язках низького рівня самооцінки, компетентності та розумових здібностей у провокуванні появи тривожності.

Література

1. Pike, K. (1967) Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. The Hague: Mouton.
2. Spielberger, C. (1983) *Manual for the state-trait anxiety inventory.* Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
3. Психологічний тлумачний словник найсучасніших термінів. Харків : Прапор, 2009. 672 с.
4. Colman, A.M. (3d ed.) (2009) *A dictionary of psychology*. Oxford: Oxford University Press.
5. Reber, Arthur S. (2009) *Penguin Dictionary of Psychology* London: Penguin Books Ltd.
6. Brown, H. Douglas (5th ed.) (2007) *Principles of language teaching and learning*. White Plains, NY: Pearson Education.

В статье проанализирована тревожность как один из факторов, составляющий психологическую основу процесса изучения иностранных языков и выполняющий в нем важную аффективную роль. Установлено, что тревожность тесно переплетена с остальными психологическими факторами, такими как самооценка, самоэффективность и способность идти на риск. Представлена попытка определить ее роль и место в успешности изучения иностранного языка. Статья представляет также выделение и категоризацию концепта тревожность для более глубокого понимания и улучшения процесса изучения иностранных языков. В работе уделено внимание направлению, которое предпочитает определение термина «напряженность» как более нейтральное понятие для описания возможности как дисфорийного (вредного), так и эйфорического (полезного) воздействия на процесс изучения иностранных языков.

Ключевые слова: *тревожность, личностно-специфическая тревожность, ситуационно-определенная, или реактивная, тревожность; дебилитативная тревожность, фасилитативная тревожность; эйфорийная напряженность, дисфорийная напряженность*

The article analyses a significant component within the psychological basis of the process of learning foreign languages that is anxiety, which plays an important affective role in the process and is closely intertwined with other psychological factors such as self-esteem, self-efficacy and risk-taking. While trying to determine its role and place in the success of learning a foreign language, the author emphasises the complexity of the notion of anxiety and traces the differentiation of the concept in the behavioural theories of conditioning, Freud's principles of psychoanalysis as well as existential theories. The article also presents some attempts to determine and categorise the concept of anxiety for a deeper understanding and improvement of the process of learning foreign languages. In addition, the work pays attention to the approach that defines the term "tension" as a more unbiased concept to describe the possibility of both dysphoric (harmful) and euphoric (beneficial) impact on the process of studying foreign languages.

Key words: *anxiety, personality-specific anxiety; situation-determined, or reactive, anxiety; debilitating anxiety, facilitative anxiety; euphoric tension, dysphoric tension*

Е. К. ПРИЩЕПА,
С.М. ВЛАСЕНКО
Київський національний лінгвістичний університет

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНЕ НАПОВНЕННЯ КЕЙСУ О.С. ПУШКІН – ВИДАТНИЙ РОСІЙСЬКИЙ МИТЕЦЬ НА ПОЧАТКОВОМУ ЕТАПІ ВИВЧЕННЯ ДРУГОЇ МОВИ

У статті з'ясовано особливості лексичного наповнення навчального кейсу «О.С. Пушкін – видатний російський митець» для студентів-початківців. Основну увагу приділено вивченню біографії та авторських казок. Вперше студентам надаються для читання адаптовані листи О.Пушкіна.

Ключові слова: методика навчання, лексика, лексичне наповнення, авторська, казка, біографія, О.С.Пушкин.

Изучение литературы на подготовительном отделении начинается с изучения творчества А.С.Пушкина. Это имя знакомо практически каждому иностранцу, изучающему русский язык. Многие познакомились с творчеством поэта в переводах на родной язык.

Первым этапом знакомства с творчеством А.С.Пушкина становится изучение его биографии. На этапе предтекстовой работы объясняются значения незнакомых слов, дается грамматический комментарий, подбираются синонимы*: биография = жизнь (детство, юность, молодость, зрелость, старость); родиться (где? когда?) - умереть (где? когда?); родиться в России, в Москве в 1799-ом году; дворяне, дворянская семья, небогатая семья; Александр = Саша; няня – женщина, которая ухаживает за ребенком; лицей = школа, учиться (где?) в лицее, в школе, в университете, образование – обучение в лицее, в школе, в университете; образованный человек - необразованный, неграмотный человек, получить образование; ссылка – жизнь вдали от столицы, юг- север, ссылка (где?) на юге, на севере, южная ссылка, северная ссылка, сослать = отправить (куда?) в ссылку; дворец, где? – во дворце; царский дворец; бал, где? – на балу, куда? - на бал; дуэль, где? – на дуэли, вызвать (куда?) на дуэль, рана (что?), ранить (что сделать?), ранить на дуэли.*

На следующем этапе преподаватель читает текст вместе со студентами, формируя и развивая у студентов навыки самостоятельного чтения и понимания текста. Текст биографии А. С. Пушкина содержит небольшие предложения, содержащие изученные студентами слова: *Александр Пушкин родился в Москве в 1799 (тысяча семьсот девяносто девятом) году в небогатой дворянской семье. В доме была большая библиотека. Саша много читал. Его учили иностранные преподаватели (гувернёры). Он хорошо знал французский язык и литературу. У Пушкина была няня – русская крестьянка. Она очень любила маленького Сашу и рассказывала ему русские сказки.*

Послетекстовые задания предполагают развитие компетенций говорения (ответы на вопросы и пересказ текста), письма, а также лексико-грамматических компетенций.

Например, студентам предлагается:

- ответить на вопросы:

Где и когда родился Александр Пушкин? Что делал Пушкин, когда был маленький? Что вы знаете о его няне? Где Пушкин получил образование? Что он изучал в лицее? Где Пушкин начал писать стихи? Почему царь отправил его в ссылку? Сколько лет Пушкин был в ссылке? Где он был в ссылке? Что он делал в ссылке? О чём писал стихи? Когда Пушкин вернулся в Москву? Что писал Пушкин? Что вы знаете о его семье? Когда и почему умер Пушкин?

- подобрать антонимы к словам:

жизнь, север, богатый, образованный, родиться, любить.

- подобрать прилагательные к существительным:

поэт, писатель, семья, литература, сказка, няня, ссылка, девушка, дворец.

записать слова в скобках в нужном падеже:

жить где? (Москва, Петербург, деревня); учиться где? (лицей); изучать что? (география, история, литература, иностранный язык); любить кого? (няня, Саша); писать о чём ? (свобода, Россия, природа, любовь); сослать куда ? (ссылка, юг, север).

- составить предложения из предложенных слов:

Няня, рассказывать, Саша, сказки;

Пушкин, учиться, в, лицей;

В, ссылка, Пушкин, писать, стихи, о, свобода, няня, природа;

Пушкин, вызвать, Дантес, на, дуэль.

- в завершении занятия студентам предлагается пересказать текст по плану:

1. Детство А.Пушкина. 2. А.Пушкин в лицее. 3. А.Пушкин в ссылке. 4. Жизнь в Москве. 5. Смерть А.Пушкина.

Таким образом, изучение биографии А.С.Пушкина продолжает формирование вторичной языковой личности через развитие языковых компетенций студентов-иностранцев на начальном этапе обучения.

Вторым этапом — становится знакомство со сказками А.С.Пушкина.

Особенностью современных студентов-инофонов стало равнодушие к любому виду чтения не только на иностранном, но и на родном языке. Поколение «гаджетов» скептически относится к чтению как таковому. Именно поэтому задача преподавателя-русиста с помощью текстов А С. Пушкина не только раскрыть красоту русского языка, но и выработать у студентов навыки «советоваться» с книгой не только на иностранном, но и на родном языке. Несмотря на то, что студенты уровня А1-А2 еще не владеют достаточной лексико-грамматической базой изучаемого языка, такое *погружение в чтение* действительно возможно. Однако не стоит забывать, что *...познавательный потенциал литературы – это действительно лишь потенция, возможность. Художественное произведение, объективно обладающее большим запасом информации о стране, «не отдаст» эту информацию читателю, если он не имеет достаточной подготовки или если он избегает труда понимания, не желает вчитываться* [1, с. 6].

Знакомство со сказками А.С. Пушкина предлагается начать не традиционно. В отличие от большинства учебников и пособий, рассказывающих о любви А.С. Пушкина к русскому фольклору, мы предлагаем начать рассказ с того, что до четырех лет маленький Саша не говорил по-русски, владел русским языком пассивно, а к русским сказкам приохотился лишь в Михайловской ссылке. Сам этот факт обычно вызывает большой интерес и живой отклик в аудитории студентов –иностранцев, это сближает их с языковой личностью великого поэта.

Далее следует рассказ об особенностях сказок А.С.Пушкина и пересказ основных сюжетных линий. На этом этапе освоения иностранного языка необходимо помнить, что лингвостилистическая интерпретация текста для студентов-инофонов предполагает снятие языковых трудностей. Незнакомую лексику – слова и словосочетания, необходимо заменять простыми синонимами, желательно из активного словарного запаса уровня А1 – А2 , сложные синтаксические конструкции объяснять описательно, исключить историзмы и архаизмы.

Например, в исходном авторском тексте мы имеем следующее: …в 1824 г., осенью, в письме к брату Л. С. А.С.Пушкину поэт пишет: *Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!* [1, с. 118]. Естественно, что данный отрывок будет абсолютно не понят иностранцами. Адаптированный текст будет выглядеть следующим образом: *А.С. Пушкин писал в письме своему брату, что он очень любит слушать народные сказки, которые ему рассказывает его няня, эти сказки ему очень нравятся, и он жалеет, что не слышал их раньше. Что за прелесть эти сказки!* Тут необходимо отдельно остановиться на словообразовательной паре ***прелесть-прелестный*** и отметить, что эти слова активно использовались многими русскими писателями, например Л. Толстой про Наташу Ростову пишет, *что за прелесть эта Наташа!* А также можно напомнить студентам, почему же у А.С. Пушкина не было возможности слышать эти сказки раньше (опора на полученную ранее информацию о том, что писатель заговорил по-русски только в 4 года).

Всего А.С. Пушкин написал пять сказок в стихах, одна сказка «Медведиха» осталась незаконченной. Имеет смысл дать все пять названий этих сказок. Рекомендуется давать полные названия сказок, представленные в академическом издании. Если преподаватель ориентируется на краткое название, например, вместо «Сказка о царе Салтане, его сыне Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди» дает сокращенное «Сказка о царе Салтане», это дезинформирует студентов, знакомящихся со сказками в переводах на родной или английский язык.

Одной из наиболее простой и понятной сказкой для иностранцев стала сказка о Золотом Петушке. В этой сказке всего несколько активно действующих главных лиц, речь их, чаще всего проста и доходчива. Текст этой сказки можно использовать при формировании и тренировке грамматической компентеции и формировании активного владения глагольными формами.

Таким образом, комплексное изучение литературного произведения представляет собой новый этап развития методики преподавания иностранного языка, что позволяет уже на первых этапах изучения языка активно и качественно формировать лингвокультурную компетенцию, и тем самым заложить основы вторичной языковой личности.

Литература

1. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. К вопросу о лингвострановедческом аспекте прочтения произведений русской и советской классической литературы. //Лингвострановедение и текст. Москва: Русский язык,1987. с. 7

2. Пушкин А. С. (1959—1962). Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, т.9. с. 118.

В представленной статье рассматриваются особенности лексического наполнения учебного кейса «А.С. Пушкин - выдающийся русский художник » для студентов первого этапа обучения РКИ. Основное внимание уделяется изучению биографии и авторских сказок. Впервые студентам предоставляются для чтения адаптированы письма Пушкина.

***Ключевые слова**: методика обучения, лексика, лексическое наполнение, авторская, сказка, биография, А. С. Пушкина.*

This article considers the features of the lexical content of the case study "OS Pushkin is an outstanding Russian artist "for beginner students. The main attention is paid to the study of biography and author's tales. For the first time, students are given adapted letters by Alexander Pushkin.

***Keywords:** Teaching methods, vocabulary, lexical content, author's, fairy tale, biography, OS Pushkin.*

Л. Н. ОРЗИЕВА
Бухарский инженерно-технологический институт. Узбекистан

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

У цій статті розглянуто синтаксичні норми російської літературної мови, їх порушення в сучасній усній і письмовій мові. Часті порушення лексичних і орфоепічних норм літературної мови на прикладі неправильного вживання дієслова «ложить» замість «класть» і неправильна вимова голосних і приголосних звуків тощо.

Ключові слова: *літературна норма, лексична норма, орфоепічна норма, мовний етикет.*

Состояние современного русского языка (расшатывание традиционных литературных норм, стилистическое снижение устной и письменной речи, вульгаризация бытовой сферы общения) давно вызывает беспокойство как специалистов-филологов, так и представителей других наук, всех тех, чья профессиональная деятельность связана с речевым общением. Одним из показателей снижения речевой культуры современного общества является повсеместное нарушение грамматических, лексических, орфоэпических и этических норм.

Наиболее часты случаи нарушения **грамматических норм** – правил использования морфологических форм разных частей речи и синтаксических конструкций.

Можно услышать ошибки, связанные с неверным употреблением рода имен существительных: железнодорожная рельса, французская шампунь, большой мозоль, заказной бандероль, лакированный туфель, туфель много в магазине; рада новым туфли; зимних туфли; купила красивые туфля; нет одной туфель. Но ведь существительные рельс, шампунь – мужского рода, а мозоль, бандероль – женского, поэтому следует говорить: железнодорожный рельс, французский шампунь, большая мозоль, заказная бандероль. Слово туфель в такой форме считается неправильным. [1, с. 24-26]

Не всегда правильно используются в речи и глаголы, например, возвратные и невозвратные. Так, в предложениях *«Дума должна определиться с датой проведения заседания», «Депутатам необходимо определиться по предложенному законопроекту»* возвратный глагол определиться носит разговорный характер. В приведенных примерах глагол следует употреблять без –ся: «*Дума должна определить дату проведения заседания», «Депутатам необходимо определить отношение к предложенному законопроекту».*

Нарушение грамматических норм нередко связано с употреблением в речи предлогов. Так, не всегда учитывается то, что предлоги благодаря, вопреки, согласно, навстречу по современным нормам литературного языка употребляются только с дательным падежом: *«благодаря деятельности», «вопреки правилам», «согласно расписанию», «навстречу юбилею».*

Также в современном обществе часто нарушаются **лексические нормы** – правила применения слов в речи. Это приводит к искажению смысла высказывания. Так, наречие *где-то* имеет одно значение «в каком-то месте», «неизвестно где» (где-то заиграла музыка). Однако в последнее время это слово стали употреблять в значении «около, приблизительно, когда-то»: «Где-то в 70-х годах XIX века», *«Занятия планировали провести где-то в июне», «План выполнен где-то на 102 процента».* [2, с. 51]

Ошибкой является и неправильное употребление глагола *ложить* вместо *класть*. Глаголы ложить и класть имеют одно и тоже значение, но класть – общеупотребительное литературное слово, а ложить – просторечное. Нелитературно звучат выражения: *«Я ложу книгу на место», «Он ложит папку на стол»* и т. д. В этих предложениях следует употребить глагол класть: *«Я кладу книгу на место», «Он кладет папку на стол».*

Нарушение лексических норм порой связано с тем, что говорящие путают слова, близкие по звучанию, но различные по значению. Например, не всегда правильно употребляются глаголы предоставить и представить. Иногда мы слышим неверные выражения типа: *«Слово представляется Азимову», «Разрешите предоставить вам доктора Азимова»*. Глагол предоставить означает «дать возможность воспользоваться чем-либо» (предоставить квартиру, отпуск, должность, кредит, заем, права, независимость, слово и т.д.), а глагол представить имеет значение «передать, дать, предъявить что-либо, кому-либо» (представить отчет, справку, факты, доказательства; представить к награде, к ордену, к званию, на соискание премии и т.д.). Приведенные выше предложения с этими глаголами правильно звучат так: *«Слово предоставляется Азимову», «Разрешите представить вам доктора Азимова».*

Для уточнения лексических норм современного литературного языка рекомендуется использовать толковые словари русского языка, специальную справочную литературу.

Орфоэпические нормы – это произносительные нормы устной речи. Их изучает специальный раздел языкознания – орфоэпия.

Один из крупнейших исследователей произносительных норм Р. И. Аванесов определяет орфоэпию как совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке. [3, с. 231]

Одно из основных нарушений орфоэпических норм – это неправильное произношение согласных. Например, можно часто услышать *«Ильини[чн]а», «Лукини[чн]а»,* в то время как по нормам современного языка в женских отчествах на –ична требуется произносить [шн] вместо [чн]: *«Ильини[шн]а», «Лукини[шн]а».*

Данное произношение также сохраняется в некоторых отдельных словах: *горчи[шн]ый, коне[шн]о, пере[шн]ица, праче[шн]ая, пустя[шн]ый, скворе[шн]ик, яи[шн]ица.*

Заимствованные слова, как правило, подчиняются орфоэпическим нормам современного русского литературного языка и только в некоторых случаях отличаются особенностями в произношении.

Является ошибкой произношение звука [а] вместо [о] в иностранных словах: *м[а]дель, м[а]дерн, [а]азис, б[а]а, [а]тель, м[а]дернизм. Здесь следует применять фонему [о]: м[о]дель, м[о]дерн, [о]азис, б[о]а, [о]тель, м[о]дернизм.*

В то же время, большинство заимствованной лексики, представляющей собой слова, прочно усвоенные русским литературным языком, подчиняется общим правилам произношения [о] и [а] в безударных словах: *б[а]кал, к[а]стюм, к[а]нсервы, б[а]ксер, р[а]яль, пр[а]гресс* и др.

Также в большинстве заимствованных слов перед е согласные смягчаются: *ка[т']ет, па[т']ефон, факуль[т']ет, [т']еория, [д']емон, [н']ервы, пио[н']ер, [с']екция, [с']ерия, му[з']ей, га[з']ета, [р']ектор.*

Однако в ряде слов иноязычного происхождения твердость перед е сохраняется: *ш[тэ]псель, о[тэ]ль, с[тэ]нд, ко[дэ]кс, мо[дэ]ль, ка[рэ], [дэ]миург, [дэ]мпинг, каш[нэ], э[нэ]ргия, [дэ]марш, мор[зэ], к[рэ]до* и др. Поэтому является ошибочным смягчать эти согласные.

Снижает культуру устной речи не только неправильное произношение, но и неправильное ударение в словах.

В публичных выступлениях, деловом общении, обиходной речи довольно часто наблюдается отклонение от норм литературного языка. Неверное ударение мешает восприятию смысла. Например, нередко нарушается норма ударения в таких словах, как *валовой, договорённость, начал, начала, понял, поняла, принял, принять, призыв, созыв.* Затруднение вызывает постановка ударения в именительном падеже множественного числа

существительных *договоры (договор), лёкторы (лектор), инструкторы (инструктор), шофёры (шофёр), инспектора (инспектор).*

Некоторые ошибаются, считая, что надо говорить средства производства, но денежные средства, прошли три квартала, но третий квартал этого года. Слова средства и квартал независимо от значения имеют только одно ударение.

Соблюдение единообразия в произношении имеет важное значение. Орфоэпические ошибки всегда мешают воспринимать содержание речи: внимание слушающего отвлекается различными неправильностями произношения, и высказывание во всей полноте и с достаточным вниманием не воспринимается. Произношение, соответствующее орфоэпическим нормам, облегчает и ускоряет процесс общения.

Кроме уже названных норм литературного языка, существуют также **этические нормы**, или так называемый **речевой этикет**. Он предусматривает соблюдение разработанных правил речевого поведения и речевых формул общения. Владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Знание правил речевого этикета, их соблюдение позволяет человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости из-за промашек и неправильных действий, избежать насмешек со стороны окружающих.

Некоторые лица, особенно занимающие более высокое положение, чем их собеседник, используют при деловом общении форму обращения ты, нарочито подчеркивая, демонстрируя свое «демократическое», «дружеское», покровительственное отношение. Чаще всего это ставит в неловкое положение адресата, воспринимается как знак пренебрежительного отношения, посягательства на человеческое достоинство, как оскорбление личности.

На самом деле, в официальной обстановке, русский речевой этикет рекомендует даже с хорошо знакомым, с которым установлены дружеские отношения и обиходно-бытовое обращение на *ты*, перейти на *вы*.

Также, в современном мире часты случаи нарушений **этикета телефонного разговора**. Это может привести к потере времени, имиджа и ненужным конфликтам.

Многие люди начинают телефонный разговор с вопросов: «Кто это?», «Я куда попала?» и т.д. Это совершенно недопустимо. Как правило, на такие вопросы следуют контр вопросы: «А кто Вам нужен?», «А куда Вы звоните?».

По нормам этикета, начинать любой телефонный разговор нужно с приветствия: «Здравствуйте» или «Добрый день». Далее, сделав паузу, чтобы собеседник мог ответить на ваше приветствие, необходимо представиться, даже если вас узнали по голосу (во избежание ошибок и недоразумений).

Конечно, языковая норма – это не догма, претендующая на неукоснительное выполнение. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле, в связи с определенным стилистическим заданием возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы. Но любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке вариативные формы (разговорную или профессиональную речь, диалектные отклонения и т.п.), а не произвольное желание говорящего.

Литература

1. Цыганова Т. Ф. Нормы современного русского литературного языка. Учебное пособие. Дмитров, 2012. С. 24-26.

2. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981. 51 с.

3. Русский язык. Большой справочник для школьников и поступающих в вузы/ Т. М. Воителева, К. А. Войлова, Н. А. Герасименко и др. М. : Дрофа, 2000. 231 с.

В данной статье рассмотрены синтаксические нормы русского литературного языка, их нарушение в современной устной и письменной речи. Частые нарушения лексических и орфоэпических норм литературного языка на примере неправильного употребления глагола «ложить» вместо «класть» и неправильного произношения гласных и согласных звуков и т.д.
Ключевые слова: *литературная норма, лексическая норма, орфоэпическая норма, речевой этикет.*

This article examines the syntactic norms of the Russian literary language, their violation in modern oral and written speech. The author focuses on frequent violations of the lexical and orthoepic norms of the literary language and exemplifies it with the incorrect use of the verb "ложить" instead of "класть" and incorrect pronunciation of vowels and consonants, etc.
Keywords: *literary norm, lexical norm, orthoepic norm, speech etiquette.*

О. М. РЕШЕТІЛОВА,
К. А. ПРОКОФ'ЄВА
Національна металургійна академія України (Дніпро)

ПРОБЛЕМА СФОРМОВАНОСТІ ЛЕКСИЧНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ МАЙБУТНІХ ДОКУМЕНТОЗНАВЦІВ В УМОВАХ СУЧАСНОГО ЗАКЛАДУ ВИЩОЇ ОСВІТИ

Досліджено сформованість лексичної компетентності студентів-документознавців, запропоновано методику навчання української професійної лексики в умовах сучасного технічного ЗВО. Розбудова інформаційного суспільства в Україні актуалізує процеси модернізації підготовки фахівців, передусім в інтелектуальних сферах праці, до яких належить документознавство та інформаційна діяльність. Тенденції соціально-економічного розвитку суспільства зумовлюють необхідність підготовки спеціалістів, здатних до оптимізації документної інфраструктури, нагромадження й транслювання різних видів інформації, підвищення результативності управлінської діяльності завдяки ефективному впливу на документаційні процеси.
Ключові слова*: лексика, документ, навчання, ЗВО, мовлення, документознавець.*

Задля розроблення методики навчання української професійної лексики майбутніх документознавців в умовах закладу вищої освіти протягом 2018-2020 навчальних років було проведено констатувальний зріз педагогічного експерименту на базі Національної металургійної академії України. Констатувальним зрізом було охоплено 125 студентів. Під час констатувального етапу педагогічного експерименту здійснювалася діагностика рівня сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців.

Завдання констатувального етапу дослідження полягали в тому, щоб:

- з'ясувати ставлення студентів до проблеми формування лексичної компетентності;
- визначити рівень володіння лексичними нормами української літературної мови, професійною лексикою зокрема;
- виявити та класифікувати лексичні помилки, яких припускаються студенти, задля їх усунення.

Для цього було використано такі методи дослідження: спостереження за усним мовленням майбутніх документознавців, анкетування, бесіди, аналіз письмових робіт студентів. З'ясування мотивації майбутніх документознавців до комунікативної діяльності передбачало дати розгорнуту відповідь на запитання: «Чи потрібно майбутнім документознавцям формувати лексичну компетентність?»

Лексична компетентність полягає в оволодінні лексичними засобами сучасної української літературної мови і вмінні користуватися ними. Вона передбачає широкий

словниковий запас, у т. ч. володіння термінологією, необхідною для спілкування у професійній сфері [1, с. 13–14].

Результати опитування свідчать, що студенти усвідомлюють важливість лексичної компетентності: 72% респондентів поставили це вміння на перше місце з-поміж професійно значущих умінь. Наведемо типові відповіді студентів на запитання анкети: «Треба вміти швидко добирати потрібні слова в процесі спілкування» тощо.

Практичну значущість сформованості лексичних умінь усвідомлюють 6 % респондентів, проте не пов'язують їх зі своєю майбутньою професією і повсякденною життєвою практикою. Проілюструємо зазначене прикладами з анкет: «уміти володіти словом завжди було важливо, адже спочатку було слово», «за допомогою слова можна вирішити багато проблем», «людині, яка вміє говорити, легше в житті», «комунікабельній людині легше знайти вихід із скрутної ситуації» тощо. Це свідчить про те, що у студентів сформований належний рівень мотивації до формування лексичної компетентності, проте в певної частини респондентів відсутнє уявлення про залежність успішного виконання майбутніх професійних обов'язків від рівня сформованості лексичної компетентності.

У багатьох відповідях майбутніх документознавців простежуємо усвідомлення того, що успіх майбутньої професійної діяльності залежить від сформованих лексичних умінь, водночас респонденти відзначають, що їм бракує ґрунтовної лексичної підготовки. Вони відчувають потребу у доповненні змістового компонента спеціальним курсом, що має комунікативну спрямованість.

Результати анкетування й аналіз зрізових самостійних робіт аналізувалися із урахуванням таких критеріїв сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців: мотиваційно-ціннісного, нормативно-діяльнісного, термінологічного, компаративно-перекладного.

Мотиваційно-ціннісним критерієм було передбачено визначення готовності студентів до навчально-комунікативної діяльності задля формування в них професійної лексичної компетентності; здатність удосконалювати власне мовлення; усвідомлення важливості лексичної компетентності як складника фахової; *нормативно-діяльнісним критерієм* – наявність ґрунтовних знань мовознавчої теорії, володіння лексичними нормами сучасної української літературної мови в усній і писемній формах; *термінологічним критерієм* – досконале володіння фаховою термінологією, комунікативно доречне застосування термінологічних лексем у процесі створення документів; *компаративно-перекладним* – сформованість перекладацької компетентності майбутніх документознавців, умінь виявляти спільне й відмінне у змісті документів, виконаних різними мовами, виявити рівень знань студентів про лексикографічні, довідкові (друковані та електронні) видання, уміння ними послуговуватися.

За мотиваційно-ціннісним, нормативно-діяльнісним, термінологічним, компаративно-перекладним критеріями під час констатувального етапу педагогічного експерименту ми визначали фактичний рівень сформованості лексичної компетентності бакалаврів технічних спеціальностей. Для цього було розроблено завдання.

Поясніть значення поданих термінів, поставте їх у формі родового відмінка однини.

Формуляр, бланк, реквізит, документообіг, підпис, штамп, витяг, факс, індекс, кодекс.

Доберіть до слів іншомовного походження власне українські слова-синоніми.

Дайджест, креативний, пролонгований, фотографія, менеджер, диференціювати, консенсус, факел, економити, імідж.

Перекладіть українською мовою стійкі словосполучення:

Проживающий по адресу, разработать систему мероприятий, принять правильное решение, на протяжении месяца, заказное письмо, следующие сотрудники, самый высокий рейтинг, в соответствии с приказом, претендующий на должность, направить письма.

Складіть текст привітання з нагоди ювілею підприємства (організації).

Робота з текстом документа: ознайомтесь із запропонованим зразком резюме, відредагуйте його відповідно до вимог, що висуваються до цього виду документа.

Перше завдання передбачало тлумачення поданих термінів, а також зміну їх у формі родового відмінка однини. Результати виконання завдань засвідчили, що студенти пояснили лексичне значення більшості слів, проте припустилися помилок у написанні словникових статей. До того ж виявилося, що необхідно повторити особливості написання іменників II відміни у родовому відмінку однини (помилки допущено у написанні закінчень половини слів). До того ж, лише 10 % респондентів зазначили, що перевірити правильність написання відмінкових закінчень іменників II відміни в родовому відмінку однини можна за допомогою орфографічних словників.

Як уже зазначалося, друге завдання діагностичного зрізу складалося з двох частин: перша частина передбачала добір українських відповідників до слів іншомовного походження, друга – зіставлення українських і запозичених слів, складання діалогу (порівняйте подані в таблиці українські й запозичені слова, підготуйте діалог (робота в парах) з теми «Чи є в українській мові дієслова, які точніше позначають дію?»).

Запозичені слова	**Нейтральні українські дієслова**
Домінувати	*Переважати, панувати, головувати*
Форсувати	*Прискорювати, посилювати*
Диференціювати	*Розрізняти, поділяти, розчленовувати*
Концентрувати	*Зосереджувати, згущувати, збагачувати*
Ігнорувати	*Зневажати, не брати до уваги, не помічати*
Стимулювати	*Спонукати до дії, заохочувати, давати поштовх*
Ліквідувати	*Скасувати, припинити*
Базувати	*Ґрунтувати, опирати, опанувати*
Ремонтувати	*Лагодити, виправляти, усувати пошкодження*
Лімітувати	*Обмежувати*

Результати виконання другого завдання діагностичного етапу педагогічного експерименту наведено у таблиці.

Результати виконання другого завдання діагностичного зрізу

Слово	**Кількість студентів, які виконали завдання (у %)**	**Синоніми, наявні у роботах**
Дайджест	10 %	*огляд*
Процент	100 %	*відсоток*
Креативний	15 %	*творчий, оригінальний*
Пролонгований	33 %	*подовжений, продовжений*
Фотографія	95 %	*фотокартка, світлина*
Менеджер	89 %	*керівник, управлінець*
Диференціювати	75 %	*розрізняти*
Консенсус	72 %	*згода*
Факел	20 %	*смолоскип*
Економити	78 %	заощаджувати
Імідж	65 %	образ

Як бачимо з таблиці, не всі студенти вживають власне українську лексику у своєму мовленні. Ефективність процесу розвитку навичок професійного мовлення студентів

залежить від того, наскільки методологія та зміст практичного навчання мови враховують специфіку майбутньої професії студента [2, с. 6].

У зв'язку з цим, важливого значення набуває добір для занять з української мови за професійним спрямуванням відповідного дидактичного матеріалу, моделювання комунікативних ситуацій, у яких доречними виявилися б ці лексеми. Доцільно до змісту мовної підготовки включити стратегічні напрями (змістові лінії: комунікативно-діяльнісна, мовна, соціокультурна), зорієнтовані на послідовне та систематичне формування професійного мовлення як інтегративного особистісного утворення.

Друга частина завдання була спрямована на здійснення спостережень над синонімічними мовними одиницями, оскільки була зосереджена на сформованості у студентів умінь бачити в слові, крім основного значення, ще й різні смислові відтінки, а відтак бути точнішими у слововживанні, самостійно добирати найбільш влучне слово для вираження думки.

Результати виконання завдання засвідчили, що не всі студенти усвідомлюють, що від уміння із низки синонімів добирати одне слово, яке б найкраще, найповніше передавало думку, залежить точність і правильність висловлення.

Третє завдання передбачало переклад українською мовою стійких словосполучень. Аналіз результатів виконання завдання свідчать про те, що в мовленні студентів виникає плутанина форм української та російської мов, що порушує чистоту й правильність українського мовлення (*проживаючий за адресом, система міроприємств, приймати вірне рішення, на протязі місяця, замовний лист, лист на замовлення, слідуючі співробітники* тощо).

Четверте завдання діагностичного зрізу – написання тексту привітання. Роботи перевірялись за такими критеріями: реалізація комунікативного завдання, переконливість, багатство словникового запасу, дотримання нормативності мовлення, комунікативно доречне використання етикетних конструкцій.

Результати письмових робіт показують, що для окремих творів характерний відхід від теми, шаблонність, порушення логіки викладу думок (15 %). Не всі студенти можуть вправно будувати речення, уживають переважно прості, ускладнені однорідними членами речення. На жаль, кілька привітань виявилися приблизно однаковими, шаблонними. Це свідчить про необхідність упровадження комунікативно зорієнтованого підходу до навчання української мови за професійним спрямуванням. Доцільно впровадити до змісту мовної підготовки майбутніх документознавців жанри, що мають високу комунікативну значущість, такі як привітання, комплімент, телефонна розмова, ювілейний адрес тощо.

П'яте завдання констатувального зрізу передбачало роботу з текстом резюме: ознайомлення із запропонованим зразком резюме, редагування його відповідно до вимог, що висуваються до цього виду документа.

Аналіз виконання завдання засвідчив, що 50 % студентів упоралися із цим завданням. З-поміж помилок, яких припустилися студенти було виокремлено такі:

- ненормативне покликання на громадянство у складі основних анкетних даних особи (Громадянство: Україна; Громадянство: українець замість громадянин України);
- недотримання зворотної хронології викладу (розділи «Досвід роботи», «Освіта»);
- хибний спосіб указівки на ступінь володіння іноземною мовою: англійська (вільно), англійська (на рівні загальноосвітньої школи) замість англійська (вільне володіння), англійська (в обсязі загальноосвітньої школи).

Отримані відомості про рівень сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців дозволяють говорити про перевагу репродуктивного характеру набуття знань та відсутність їх творчого використання у різних мовленнєвих ситуаціях. Тому

провідним напрямом навчального процесу має стати впровадження спеціально розробленої методики.

Рівні сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців ми визначили, ґрунтуючись на положеннях Загальноєвропейських рекомендацій (ЗЄР), принципах Державного стандарту базової й повної загальної середньої освіти, Державного стандарту вищої освіти, концепції комунікативної методики навчання.

Результати констатувального зрізу засвідчили, що лише 8 % студентів можна зарахувати до категорії осіб із *високим рівнем* сформованості професійної лексичної компетентності. Вони показали глибокі знання правил слововживання; розвинений словниковий запас, володіння термінологічною лексикою, лексичну гнучкість, уміння здійснювати лексичну самокорекцію.

Достатній рівень виявили 23 % студентів, які продемонстрували достатні знання лексичних норм, їх функцій; не досить активне використання словникового запасу, у тому числі термінологічного; достатні вміння користуватися всіма видами мовленнєвої діяльності, лексикографічними виданнями; у роботі над створенням документів припускалися 1-2 лексичних помилок, пов'язаних із вживанням паронімів та новітніми змінами у лексичному складі української мови.

Середній рівень засвідчив попри наявність у студентів знань лексичних норм їх порушення в усному й писемному мовленні; незначний український словниковий запас, у тому числі термінологічний; утруднення з продукуванням усних і писемних висловлювань різних жанрів; збереження тенденції щодо недостатньої сформованості умінь лексичної самокорекції. Такий рівень встановлено у 41 % майбутніх документознавців.

Елементарний рівень характеризувався наявністю лексичних помилок в усному й писемному мовленні; обмеженим словниковим запасом, у тому числі термінологічним, невмінням продукувати усні і писемні висловлювання різних типів і жанрів у професійній сфері спілкування; несформованістю умінь лексичної самокорекції, відсутністю мотивації до вдосконалення власного мовлення. Такий рівень виявили 28 % студентів.

Кількісний і якісний аналіз результатів констатувального зрізу засвідчив недостатній рівень сформованості професійної лексичної компетентності, що й зумовило необхідність розроблення та експериментальної перевірки методики навчання української професійної лексики майбутніх документознавців.

На початку експериментального навчання лише 8 % студентів можна зарахувати до категорії осіб із високим рівнем сформованості лексичної компетентності, 23 % – з достатнім рівнем, 41 % – з середнім і 28 % – із елементарним рівнем сформованості лексичної компетентності. Кількісний і якісний аналіз результатів констатувального зрізу засвідчив недостатній рівень теоретичних знань з лексикології і сформованості вмінь користуватися лексичними нормами у повсякденному спілкуванні, а також умінь тлумачити термінологічну лексику, перекладати стійкі професійно-орієнтовані словосполучення, продукувати тексти різної жанрової належності.

Такий результат констатувального експерименту переконує, що фактичний рівень сформованості лексичної компетентності майбутніх документознавців потребує розроблення та експериментальної перевірки методики навчання української професійної лексики майбутніх документознавців.

Виявлення та аналіз помилок і недоліків, допущених студентами під час виконання завдань констатувального експерименту, дали змогу з'ясувати оптимальні напрями підвищення ефективності навчання майбутніх документознавців української професійної лексики. Ми припустили, що цілеспрямована робота з формування лексичної компетентності майбутніх документознавців буде ефективною, якщо здійснити систематизацію програмового матеріалу з української мови за професійним спрямуванням і лінгвістичних

основ документознавства задля формування професійної лексичної компетентності майбутніх документознавців.

Література

1. Мацько Л. І. Культура української фахової мови. Київ : ВЦ «Академія», 2007. 360 с.

2. Дроздова І. П. Наукові основи формування українського професійного мовлення студентів ВНЗ нефілологічних спеціальностей : монографія. Харків : ХНАМГ, 2010. 320 с.

Исследуется сформированность лексической компетенции студентов-документоведов, предложена методика обучения украинской профессиональной лексики в условиях современного технического ВУЗа. Развитие информационного общества в Украине актуализирует процессы модернизации подготовки специалистов, прежде всего в интеллектуальных сферах труда, к которым относится документоведение и информационная деятельность. Тенденции социально-экономического развития общества обусловливают необходимость подготовки специалистов, способных к оптимизации документной инфраструктуры, накопления и трансляции различных видов информации, повышение результативности управленческой деятельности благодаря эффективному воздействию на документационные процессы.

***Ключевые слова**: лексика, документ, обучение, ВУЗ, речь, документовед.*

The article exposes the formation of the lexical competence of Document Science students, and presents a methodology for teaching Ukrainian professional vocabulary in a modern technical university. The development of the information society in Ukraine actualizes the processes of modernizing the training of specialists, primarily in the intellectual spheres of work, which include document management and information activities. Trends in the socio-economic development of society necessitate the training of specialists capable of optimizing the document infrastructure, accumulating and broadcasting various types of information, increasing the effectiveness of management activities due to the effective impact on documentary processes.

***Key words:** lexico, document, eaucation, university, speech, documentist.*

М. Р. САИДОВА,
О.Ш. ХОДИЕВА
Бухарский государственный университет. Бухара. Узбекистан

РАБОТА ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ НА ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ»

У цій статті йдеться про стиль викладання і освіти, запропоновано метод тандему як альтернативний. Наводиться текстовий матеріал для опрацювання фахової лексики, запропоновано ситуативні й лексико-граматичні завдання. Описано работу над текстом за спеціальністю «Спорт у житті великих людей».

***Ключові слова:** розвиток мовлення, текстовий матеріал, лексико-граматичні завдання, спеціальна (професійна) лексика, спортивна секція.*

XXI век – эпоха глобализации, Интернета, модернизации – требует переосмысления старых подходов и принципов во всех сферах общественной жизни, в том числе и в системе образования. Изменяется роль иностранных языков в жизни человека. При этом одни иностранные языки завоевывают мир, другие уходят на второй план, третьи продолжают занимать свое место, но уже в качестве не первого, а второго или третьего иностранного» языка. Все более актуальными становятся вопросы этноориентированного, национально ориентированного обучения русскому языку как иностранному вне России [1, с. 53].

В европейских исследованиях, посвящённых современному преподаванию иностранных языков, подчёркивается необходимость креативного подхода к учебному процессу. Условием для такого подхода является рассмотрение учебного процесса, в котором развиваются все способности человека. По-новому рассматривается и роль

преподавателя: он выступает как консультант, помощник студента при изучении языка. В центре альтернативных методов – не знания, а умения. Язык усваивается в бесстрессовой атмосфере в коммуникативных ситуациях на основе индуктивных процессов: от смысла к форме. Несоответствие между стилем преподавания и стилем образования студента приводит к конфликту стилей: то, чего преподаватель ожидает от обучающихся на занятии, основывается на его собственных предпочтениях в обучении. И когда эти предпочтения не совпадают с предпочтениями студентов, возникает конфликт стилей. Одним из таких альтернативных методов является метод тандема. Метод тандема основан на сотрудничестве: два человека с различными родными языками встречаются, чтобы учить язык друг друга. В курсе тандема всегда используются два языка по принципу: «Говори на языке своего партнёра!». Поэтому этот курс всегда двуязычен, ибо оба партнёра – носители языка гарантируют это двуязычие. Каждый из участников тандема выполняет роль или учителя своего партнёра, когда работа проходит на его родном языке, или его ученика, когда работа проходит на иностранном для него языке. Особенно ценным в процессе тандема являются деятельность говорения [2, с. 58]

Основная задача обучения русскому языку в национальных группах – формировать навыки практического владения русским языком в соответствии с ситуацией и целями общения. Использование на занятиях русского языка текста позволяет формировать у учащихся языковую, лингвистическую, коммуникативную компетентность. Многообразные задания по развитию связной речи должны служить осуществлению поставленных задач. Главное назначение заданий – быть средством практического применения знаний по русскому языку в самостоятельном высказывании. Следовательно, для построения системы развития связной речи должны использоваться в первую очередь те виды заданий, которые позволяли бы в большей степени активизировать изучаемый материал [3, с. 79].

Так как речь – это всегда творческая деятельность, она создается человеком в целях общения с другими. А речь должна быть коммуникативно построенной и информационно-содержательной, мотивированной, а главное связной.

Работа по развитию речи на текстовом материале должна включать в себя кроме пересказа, ответов на вопросы, ещё ситуативные и лексико-грамматические задания. Цель этих заданий закрепить и активизировать общеразговорную специальную лексику.

Опишем работу над текстом по специальности: «Спорт в жизни великих людей». В зависимости от сложности текста мы даем от 5 - 8 незнакомых слов. Для объяснения значения новых слов используются следующие приёмы: наглядность, перевод, словотолкование, подбор синонимов или антонимов, морфологический анализ слова.

Так, например, по тексту «Спорт в жизни человека» даются следующие **пред-текстовые задания.**

1. Проверьте себя знаете ли вы значение слов, словосочетаний и фразеологизмов из текста. Для проверки приводятся:

Краткое определение: личность – человек как носитель каких-либо свойств, неутомимый(турист) – никогда не устающий; расценивать-определять свое отношение к чему- либо; систематически-всёвремя регулярно; синонимы: особенно-очень; содействовать-помогать; антонимы: отечественный-иностранный.

2 Определите значение слов и словосочетаний по двуязычному словарю: бодрость, всесторонний, глубокая (осень), глубокая (старость), жизнерадостность, работоспособность.

3 Прочитайте слова. Обратите внимание на произношение (ль) и (л) большой, личность, писатель, роль, сильный, только, футбольный, велосипед, глубокий, ловкий, переулки, полный, прогулки, указывал, любил, употреблял, лыжи.

Затем даём **по текстовые задания**.

1 Прочитайте внимательно текст. Какое значение придавали физкультуре и спорту наши учёные и писатели.

2 Прочитайте заголовок текста. Дайте своё название тексту.

«Спорт в жизни великих людей»

Высоко расценивали физическое воспитание, спорт выдающиеся отечественные поэты, писатели, учёные, педагоги.

А.С. Пушкин с детства любил физические упражнения, игры, борьбу, проявление силы, ловкости, находчивости. Проснувшись утром, поэт обычно принимал холодную ванну или обливался водой, купался до глубокой осени.

Л.Н. Толстой высоко ценил физические качества в людях.Великий писатель до глубокой старости систематически применял гимнастику, верховую езду, прогулки, физический труд на воздухе как средство сохранения работа-

способности.Уже в глубокой старости он совершал прогулки не только пешком, но и на велосипеде, очень любил теннис, русские народные игры.

А.П. Чехов высоко оценил роль физическогоразвития, здоровья в жизни людей. Чехов был одним из основателей Московского гимнастического общества.

М. Горький обладал незаурядной силой, выносливостью, приобретённой за годы тяжёлого физического труда. Выполняя большую писательскую и общественную работу. Алексей Максимович находил время для поддержания бодрости и здоровья. Очень любил греблю, плавание, игру в городки. Зимой охотно ходил на лыжах, катался на коньках и в шутку называл себя «Известный конькобежец Горький».

Большое внимание уделял вопросам физического воспитания педагог и писатель А.С.Макаренко. «Наши хлопцы,-писал он,- должны расти выносливыми, смелыми, они должны заниматься физкультурой, спортом практически» (В. Стариков) [4, с.120].

После чтения текста выполняются **послетекстовые задания**.

Задание. Ответьте на вопросы.

1. Чему способствует спорт?
2. Как расценивали физкультуру и спорт великие писатели?
3. Какими видами спорта они увлекались?
4. Популярны ли эти виды спорта в настоящее время?

При прохождении темы «Дополнение» выполняются следующие задания.

Задание 1

Составьте предложения, употребляя данные глаголы в роли сказуемых, а существительные в роли дополнений.

Заниматься (спорт), любить (физкультура), увлекаться (гимнастика), ценить (баскетбол), кататься (коньки).

Задание 2. Прочитайте предложения и скажите, в каких из них выделенные слова являются прямыми дополнениями, в каких косвенными. Почему?

Л.Н.Толстой очень любил теннис – Л.Н.Толстой очень любил играть в теннис.

Молодёжь любит футбол .

Мой друг играет в футбол.

Задание 3. Найдите дополнения в данных предложениях. Определите, каким падежом они выражены, к каким глаголам относятся. Вспомните, какие дополнения называются прямыми, какие – косвенными.

Задание 4.Расскажите, как расценивали физкультуру и спорт великие люди.

Задание 5. Расскажите о своём любимом виде спорта. Объясните почему он вам нравиться. Запишите свой рассказ.

Выполняя задания и лексико-грамматические упражнения, мы вырабатываем у студентов речевые навыки и речевые умения, в основном умение говорения. Обогащаем специальными терминами их активный словарь. Этому способствуют и такие задания, как:

1. Выскажите своё мнение о состоявшейся мечте.

а) от лица тренера победившей команды.

б) от лица болельщика.

2. Прослушайте или прочитайте диалоги, включающие конструкции разговорной речи: выражения согласия, не согласия, отказа, ответ на предложение.

Диалог

-Тебе не хочется пойти посмотреть футбол сегодня? У меня есть лишний билет.

-Футбол? А кто сегодня играет?

-ЦСК и Спартак.

-Наверно игра будет интересной. Ладно. Согласен.

3. Составьте аналогичные диалоги, используя данные ситуации.

- Вы занимаетесь в спортивной секции борьбы. Предложите вашему товарищу записаться в секцию тоже. Убедите его в том, что это очень интересно и полезно.

Выучите пословицы и поговорки:

А) Закаляйся как сталь.

Б) Победа не даётся без борьбы.

В) Храбрость и умение рождают победу.

Г) В здоровом теле – здоровый дух.

Методика подбора текстов для упражнений таит в себе далеко не использованные резервы улучшения обучения русскому языку нерусских студентов и требует к себе должного внимания. Большой разговор о роли художественных и других текстов в учебниках русского языка для национальных групп открывает простор для проверки на практике различных приемов их использования в качестве материала для упражнений, которая должна завершиться выработкой определенной системы в этом важном вопросе.

Таким образом, перечисленные задания апробированы на занятиях русского языка на первых курсах факультета физического воспитания и дали положительные результаты.

Литература

1. Калита О.Н. Особенности обучения русскому языку как иностранному в греческой аудитории. *Международно-исследовательский журнал*. №4 (46). Ч. 3. 2016. С 53–55.

2. Амерханова О.О. Особенности обучения иностранному языку в аспирантуре на основе тандем-метода. *Вестник Тамбовского университета*. 2016. С. 52–61.

3. Саидова М.Р. Агламов Т.Х. «Русский язык». Бухара-2020г. Издательство «Дурдона».

4. Саидова М.Р. Убайдова Д.А. «Руссская речь». Бухара-2020г. Издательство «Дурдона».

В данной статье к текстовому материалу по специальности кроме пересказа, ответов на вопросы даются ситуативные и лексико-грамматические задания. Цель этих заданий закрепить и активизировать общеразговорную специальную лексику. Описывается работа над текстом по специальности «Спорт в жизни великих людей».

Ключевые слова: *Развитие речи, текстовой материал, лексико-грамматические задания, тексты по специальности, специальная лексика, спортивная секция.*

The article presents such activities as answers to questions, situational and lexical grammatical tasks in addition to retellingof the text. The purpose of these tasks is to consolidate and activate general colloquial special vocabulary. The work on the text "Sports in the Life of Great People" is described.

Key words: *Speech development, text material, lexical and grammatical tasks, specialty texts, special vocabulary, sports section.*

М.Р. САИДОВА,
Д.А.УБАЙДОВА
Бухарский государственный университет. Бухара. Узбекистан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

В данной статье рассмотрено использование песен на занятиях по русскому языку. Песня формирует духовную культуру, отражает особенности русской культуры, оказывает воспитательное воздействие на студентов. Использование песен на занятиях по русскому языку является средством усвоения и расширения лексического запаса. Песни помогают закрепить правильное произношение, артикуляцию, правила ударения, служат раскрытию творческих способностей каждого обучающегося.

Ключевые слова: *воспитательное воздействие, эффективный способ, снижение психологической нагрузки, активизация языковой деятельности.*

Песни – замечательный способ мотивации к изучению языка. А ещё песня позволяет запоминать новую лексику, формировать слухопроизносительные навыки и знакомиться с культурой изучаемого языка. Очень часто именно песня не дает утратить интерес к языку и стране, и поддерживает знания при отсутствии необходимой практики. Как текст песни представляет собой пример прекрасного лирического стихотворения Н. Рубцова. Песней «Улыбнись» (Витас) можно разнообразить изучение темы «Наклонения глаголов в русском языке». Кроме того, песня «Улыбнись» состоит из трех синтаксических конструкций: сложноподчиненное предложение с союзом если: «Улыбнись, если дождь за окном не кончается», сложносочиненное предложение с союзом и: «Улыбнись – и печаль стороною пройдет»; бессоюзное сложное предложение: «Улыбнись – дождь пройдет, и земля в свет оденется» [1, с. 5–7]. Кроме того, песня позволяет отработать разницу в оттенках значений условия, неожиданного вывода и последовательной смены событий. Несмотря на небольшой объем текста песни, она является очень содержательной в плане изучения художественной речи. На её примере можно объяснить такое понятие, как олицетворение: «счастье спряталось», «душа поцарапалась», «земля оденется», «печаль пройдет». Еще одной песней, позволяющей лучше усвоить специфику синтаксических конструкций в сложноподчиненных предложениях, является песня «Я спросил у ясеня» из кинофильма «Ирония судьбы или с легким паром»! Текст выстроен по принципу синтаксического параллелизма и демонстрирует особенности вопросно – ответной формы: Я спросил у ясеня, где моя любимая, Ясень не ответил мне, качая головой. Я спросил у тополя, где моя любимая, Тополь забросал меня осеннею листвой. Я спросил у осени, где моя любимая, Осень мне ответила проливным дождем. Отрабатываются случаи глагольного управления с родительным падежом спрашивать \ спросить у кого? у чего? На продвинутом уровне обучения языку текст этой песни можно использовать для объяснения особенностей русской картины мира. В тексте особым образом раскрывается тема дружбы и предательства (друг лирического героя женится на его возлюбленной), что также может использоваться как пример проявления особенностей русского национального менталитета [2, с. 10–13].

В нашей практике песни используются на завершающем этапе изучения конкретной темы – «песня может быть использована как эффективное средство закрепления и повторения нового грамматического материала. Как правило, работа с песней предваряется детальным разбором языкового явления с тем, чтобы студенты могли самостоятельно идентифицировать его в песенном материале. Далее следует выполнение предтекстовых заданий, благодаря чему студенты усваивают новую лексику и подготавливаются к восприятию песенного материала. В систему предтекстовых заданий входят упражнения, направленные на развитие лингвистической догадки, а также составление словаря и толкование некоторых выражений,

встречающихся в тексте песни. Дополнительно вводится страноведческая информация. Далее следует совместное чтение текста песни с постановкой звуков и интонации, а также обсуждение содержания песни. Следующий этап – прослушивание песни [3, с. 20–22].

Исследователи выделяют различные виды тренировочных упражнений, основанных на песенном материале:

А) Рецептивные упражнения: поиск определенных лексических единиц при прослушивании; идентификация грамматических форм в потоке речи.

Б) Реконструктивные упражнения: восстановление текста песни; лексическое восстановление слов по теме; орфографическое восстановление; грамматическая реконструкция глагольных форм; культурологическое восстановление (запись имен собственных, географических названий и т.п.).

В) Репродуктивные упражнения.

Г) Творческие упражнения.

Завершением работы является самостоятельное исполнение песни.

Можно повторить песню один-два раза, чтобы новый материал, который встретился при работе с ней, запомнился прочно и нужные речевые навыки сформировались в достаточной степени. Таким образом, при обучении русскому языку песня выполняет следующие функции:

1) Обучающая (совершенствуется произношение, усваивается лексика, расширяется активный и пассивный словарь студента.

2) Развивающая (развиваются творческие способности, музыкальный слух, формируется эстетический вкус, расширяется кругозор)

3) Образовательная (студент получает дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка). Песенный и музыкальный материал может успешно использоваться не только при обучении грамматическим аспектам языка, но и при формировании речевой деятельности, особенно устной речи. Также песенный материал играет важную роль при формировании культурологической компетенции у студентов. Организация регулярной работы с песнями существенно облегчает процесс обучения русскому языку как для преподавателя, так и для студентов. Для поддержания интереса учащихся к данному виду работы рекомендуется менять формы работы с песней, разрабатывать новые виды заданий и упражнений, использовать раздаточный материал.

Тексты песен размножаются и изучаются как обычный учебный текст. Выписываются и переводятся новые слова и словосочетания на родной язык, отрабатывается их произношение [4, с. 7–10].

Преподаватель знакомит студентов с историей разучиваемой песни, с её авторами – поэтом и композитором, с особенностями текста и мелодии. Затем текст читается по строчкам и куплетам, хором и в одиночку; преподаватель исправляет орфоэпические ошибки.

Разучивание песен на русском языке, тесно связано с работой над произношением и развитием речевых навыков, находит своё логическое завершение на вечерах русского языка. Опыт позволяет утверждать, что в ходе разучивания песен значительно улучшается произношение, закрепляется словарный запас студентов, углубляются знания русской культуры, возрастает интерес к ней.

Литература

1. Матвеев Б. Разучивание песен. *Из опыта преподавания русского языка нерусским*. Вып.2. Москва, 1991.

2. Симионика И. Разучивание песен как один из приёмов обучения иностранному языку. *Иностранные языки в школе*. 1990. №3.

3. Мирзаева И.Р. и др. Русский язык. Тюмень : ТГЮИ, 2009.

4. Чухрай В.Н. Из опыта преподавания русского языка не русским. Москва, 1995.
5. Саидова М.Р, Эргашева Д.К. Практический курс русского языка. Б. 2019.
6. Саидова М.Р, Болтаева М.Ш. Русский язык. Учебно-методическое пособие. Б. 2019.

У цій статті розглянуто використання пісень на заняттях з російської мови. З'ясовано, що пісня відбиває особливості російської культури, впливає на формування духовної культури студентів. Використання пісень на заняттях є засобом формування орфоепічних навичок, збагачення словникового запасу, слугує розкриттю їхніх творчих здібностей.

Ключові слова: *виховний вплив, ефективнний спосіб, зниження психологічного навантаження, активізація мовленнєвої діяльності.*

The article focuses on the use of songs in Russian language classes. The song forms spiritual culture, reflects the peculiarities of Russian culture, and has a strong educational impact on students. The use of songs in the Russian language classroom is a means of vocabulary assimilating and expanding, songs help to consolidate the correct pronunciation, articulation, stress rules, and help to reveal the creative abilities of each student.

Key words*: Educational impact, effective method, decrease in psychological stress, intensification of language activities, increasing emotional tone*

О. В. САМОЙЛЕНКО,
П. КОЛОЧКІН
Донецький національний медичний університет

ШЛЯХИ ВДОСКНАЛЕННЯ ВИКЛАДАННЯ МОВНИХ ДИСЦИПЛІН У ДИСТАНЦІЙНОМУ ФОРМАТІ

Статтю присвячено особливостям викладання мовних дисциплін у дистанційному форматі студентів вищих навчальних закладів. Наводяться поради стосовно організації робочого місця для проведення занять у дистанційного світла: розміщення світла, використання наочного матеріалу. Актуальність цього питання обумовлена запровадженням карантину у закладах вищої освіти. Розрізняють відеокомунікаційну та кореспондентську форми дистанційного навчання, які потрібно комбінувати. Використання відеоконференцій дозволяє синхронно обговорювати проблемні питання, пояснювати незрозумілий матеріал, проводити усне опитування.

Кореспондентську форму дистанційного навчання слід використовувати для перевірки рівня сформованості певних практичних навичок, наприклад, уміння писати правильно з дотриманням орфографічних та пунктуаційних норм (при вивченні іноземної та української мов). Надсилання практичних завдань є прекрасним інструментом для перевірки засвоєння теорії.

Для оптимізації дистанційного навчання доцільним видається поєднання освітніх платформ ВНЗ з різними типами інтернет-зв'язку.

Ключові слова: *дистанційна освіта, відеокомунікаційна форма, кореспондентська форма, тести, програмне забезпечення, відеоконференція, контроль, мотивація.*

Усесвітня пандемія коронавірусу спровокувала запровадження карантину у закладах вищої освіти, що зробило питання дистанційного навчання однією з центральних проблем вищої освіти не тільки України, але й майже всіх країн світу. Підготовка студентів в умовах карантину вимагає певних зусиль від науково-педагогічних працівників, бо саме дистанційні заняття вимагають ретельної підготовки та використання новітніх засобів та інформаційних технологій.

Перші кроки впровадження елементів дистанційного навчання в освітній процес робилися вже давно, але брак програмного та технічного забезпечення дещо стримує цей процес. Вищі навчальні заклади, які дбають про рівень знань студентами іноземної мови, прекрасно розуміють, що потреба у засвоєнні іноземної мови постійно зростає, тому

необхідно з користю використовувати як вітчизняні, так і закордонні технології на шляху досягнення поставлених цілей [1, с. 66].

У порівнянні з традиційним навчанням дистанційне вимагає більш ретельної підготовки та застосування сучасної матеріально-технічної бази та програмного забезпечення. По-перше, викладач повинен мати якісну вебкамеру, щоб студенти могли його чітко бачити, а не просто силует на темному фоні. Можливо, якщо кімната трохи темна, то доведеться використовувати додаткове освітлення, яке слід встановити за камерою, щоб освітити обличчя викладача. Особливу увагу треба приділити вибору мікрофону та навушників, бо саме від них залежить якість звуку. Окрім цього, необхідно правильно обрати місце у квартирі або будинку, яке тимчасово перетвориться на класну кімнату: воно має бути світлим, на викладача не повинна падати тінь. До того ж, необхідно обрати кут з чистими стінами (без фото, постерів, шаф, щоб не відволікати увагу студентів), ноутбук краще поставити на стіл, а за викладачем має бути трохи вільного місця, щоб мати можливість рухатися. Узагалі, невеличкі перерви на фізичні вправи, які можуть супроводжуватися іншомовними піснями або проводитися в формі гри, мають стати невід'ємною часткою занять в онлайн-форматі. Слід відмовитися від місць з гарною акустикою, у камеру не повинно попадати пряме сонячне світло, а також треба розміщувати камери так, щоб не було видно вікон, дверей та коридорів, що також відволікатиме студентів.

Щоб настроїти студентів на робочий лад, можна спробувати перетворити житло на справжню класну кімнату. Для цього можна розмістити на стінах позаду викладача карту (можна використовувати карту світу, карту країни, мова якої вивчається, карту України). Для медичних навчальних закладів можна обрати ілюстрації з анатомічних атласів: зображення м'язів, кісток, внутрішніх органів, головного мозку тощо. Також можна розмістити таблиці часів дієслова, таблицю неправильних дієслів тощо. Використання спеціальної дошки є також ефективним методом навчання, який наближує дистанційний режим до реального. На дошках можна писати й малювати, готувати матеріал перед початком заняттям. Доцільним є також використання магнітних дошок, де можна розмістити картки та постери, демонстраційні зразки. Але перед використанням таких інструментів, необхідно перевірити, як краще розмістити дошку, карти, постери так, щоб їх могли бачити студенти по той бік камери.

Епідемія акцентувала увагу на недоліках існуючої системи дистанційного навчання та необхідності їх усунення в найкоротший термін. Українські медичні ВНЗ використовували різноманітні освітні платформи для вдалої реалізації концепту дистанційної освіти: Google Classroom, Moodle, ZOOM, SKYPE, відеоконференцій Meet, Duo.

Розрізняють відеокомунікаційну та кореспондентську форми дистанційного навчання, які потрібно комбінувати. Використання відеоконференцій дозволяє синхронно обговорювати проблемні питання, пояснювати незрозумілий матеріал, проводити усне опитування.

Кореспондентську форму дистанційного навчання слід використовувати для перевірки рівня сформованості певних практичних навичок, наприклад, уміння писати правильно з дотриманням орфографічних та пунктуаційних норм (при вивченні іноземної та української мов). Надсилання практичних завдань є прекрасним інструментом для перевірки засвоєння теорії.

Для оптимізації дистанційного навчання доцільним видається поєднання освітніх платформ ВНЗ з різними типами інтернет-зв'язку. Однією з найпростіших програм для онлайн комунікації є програма DUO, реєстрація в якій базується на номері телефону, вона дозволяє працювати у групах до 11 осіб з досить високим рівнем інтернет з'єднання. З недоліків можна назвати відсутність можливості демонстрації презентації, але для опитування – це прекрасна альтернатива VIBER з більш високою якістю зв'язку. До того ж, у порівнянні з VIBER ця програма є більш функціональною, тому що може бути встановлена, як на смартфон, так і на ноутбук або ПК.

ZOOM забезпечує стабільне зображення та звук, також встановлюється на всі види гаджетів, але безплатне використання обмежується 30 хвилинами, хоча деякі виші та приватні школи заплатили за право використання цією програмою, яка є прекрасним варіантом для дистанційного навчання. Але деякі відмічали, що у так звані години-пік, коли школяри та студенти масово починали нею користуватися, часто спостерігалися збої та підвисання.

Перевіреним інструментом дистанційного навчання є Google Classroom, який супроводжується відеозв'язком Meet. Це повноцінний електронний деканат, доска об'яв, демонстраційна дошко тощо. Студенти мають змогу спілкуватися з викладачем не тільки в режимі відеоконференції, але й за допомогою повідомлень на дошці, отримати письмові зауваження стосовно виконаної роботи, задати питання, а викладач – довести всю необхідну організаційну інформацію до відома студентів. Плюсами відео Meet є можливість демонстрації презентації, а також користування чатом у якості дошки, але найголовніше – це можливість роботи з великою кількістю студентів одночасно, але з іншого боку, якість зображення та звуку не завжди буває високою.

Таким чином, вищенаведені програми можуть бути використані для проведення практичних та семінарських занять. Лекції також можна начитувати в онлайн-форматі, але доцільним, на наш погляд, є варіант з записом лекції на youtube з наданням доступу усім студентам. Гарним варіантом є запис коротких роликів, які роз'яснюють складні для засвоєння моменти. Як і на оф-лайн заняттях, викладачі можуть використовувати різні предмети в якості реалій. Якщо ми обговорюємо вивчення іноземної мови у медичних навчальних закладах, то можна використовувати ляльку-лікаря і ляльку-пацієнта для рольових ігор, для представлення нового вокабуляру можна використовувати і показувати студентам справжні медичні інструменти: шприц, стетоскоп, термометр, тонометр, скальпель тощо. Можна не просто називати предмети, а й пригадувати їх функції використовуючи певні граматичні конструкції.

При розробці завдань слід брати до уваги, що для задоволення попиту на висококваліфікованих фахівців потрібно «активно залучати у навчально-виховний процес безкоштовні комп'ютерні навчальні програми та симуляції з мережі Інтернет, які б викликали інтерес та заохочувати студентів до самовдосконалення та професійного зростання» [2, с. 122].

Основними прийомами оптимізації онлайн навчального процесу є використання жестів та міміки, заохочення та відтворення певних комунікативних ситуацій.

Певною проблемою в організації дистанційного навчання є якість та стабільність інтернет-зв'язку, тому що саме поганий інтернет досить часто є перепоною для успішного навчання.

Дистанційний формат навчання у ВНЗ не може використовуватися самостійно, бо багато предметів природничого та медичного профілю вимагають практичного вправляння. Мовні дисципліни теж вимагають живої комунікації, онлайн навчання може використовуватися для формування граматичних навичок та навичок письмового мовлення. У формат дистанційного навчання добре вписуються лише дисципліни суспільного циклу та навчання ІТ. В усіх інших випадках інтернет-навчання повинно використовуватися як альтернатива для тих, хто тимчасово не може відвідувати заняття та для відпрацювань, як інструмент організації і контролю за самостійною роботою студентів. До того ж, робота в групі, здорове суперництво з іншими студентами є додатковим стимулом у навчанні, тобто підвищує мотивацію.

Стосовно індивідуальних особливостей студентів можна зробити висновок, що дистанційне навчання має певні недоліки і для студентів-інтровертів, і для студентів-екстравертів. Інтроверти зовсім поступово заглиблюються в себе, а екстравертам стає сумно та нудно.

У Донецькому національному медичному університеті було проведено опитування серед студентів 1-го та 2-го курсів медичного факультету № 1 та стоматологічного факультету стосовно недоліків та переваг дистанційної освіти. Було опитано 90 студентів. 70% опитаних визначать, що у них з'явилося більше вільного часу, тому що тепер не треба нікуди їхати, ходити до їдальні, бібліотеки тощо, більшості студентів подобається, що вранці можна прокидатися трохи пізніше, не треба кудись поспішати та користуватися громадським транспортом. Студенти з інших міст та сел зазначають, що їх батьки можуть економити гроші: не треба платити за житло та їжу, витрачати гроші на міжміські маршрути. Також студенти відзначають більш вільний графік: записані лекції можна дивитися у будь-який час, завдання надіслати навіть уночі. 22% вважать, що дистанційна освіта полегшує списування, дає для цього додаткові можливості. Головний плюс онлайн освіти, на думку 87% студентів, полягає у відсутності прямої взаємодії між викладачами, студентами та адміністрацією навчального закладу, що значно зменшує ризик захворювання на covid-19, що повністю збігається з основною причиною введення такого типу навчання.

Студенти називають велику кількість багато недоліків. По-перше, студенти відмічають великий сегмент роботи та матеріалу, який потрібно виконати та засвоїти самостійно. Вони вважають, що треба мати велику силу волю та відчуття відповідальності, щоб змусити себе робити це. Одна з функції викладача у навчальному процесі – це функція контролю, а впровадження дистанційної освіти доводить, що для студентів молодших курсів постійний контроль та нагляд є ще дуже важливими.

На думку студентів, дистанційна освіти знижує рівень підготовки до занять, бо під час пари можна підглядати у конспекти, а іноді навіть використовувати інтернет, а викладач не завжди помічає це. Дуже часто можна просто відмовитися вмикати камеру, пояснюючи це проблемами власне з камерою, комп'ютером, програмним забезпеченням, інтернет зв'язком. Усі опитані погоджуються, що перевірочні тести дуже легко виконувати в режимі онлайн: навіть, якщо ліміт часу обмежений, можна встигнути знайти відповіді в конспекті, інтернеті, проконсультуватися з батьками, зателефонувати другу.

Проблема поточного й модульного контролю лишається дуже актуальною і для викладачів, тому що дуже багато часу витрачається на підготовку та завантаження тестів та практичних занять, виконання яких не завжди дає правильне уявлення про рівень засвоєння студентами вивченого матеріалу. Під час усної відповіді треба просити студента дивитися чітко в камеру та показати руки, якщо викладач зовсім не довіряє. Було зафіксовано випадки, коли навіть під час заліків та іспитів хтось ховався під столом та підказував студентам, тобто треба прислухатися, що відбувається у студентів на задньому фоні, наявність/відсутність додаткових звуків. Усе це унеможливлює повноцінній контроль за рівнем знань студентів, перетворює його на справжнє детективне розслідування.

Ще одним недоліком дистанційної освіти студенти вважають якість роботи освітніх платформ, які часто довго завантажуються, не відкриваються тощо. Це є проблемою не тільки для студентів, але й для викладачів.

Серед недоліків студенти також називають втрату мотивації. Ця проблема є особливо актуальною для студентів першого та другого курсів, які ще не звикли до навчання у вищому навчального закладу та не відчувають себе повноцінним членом університетської спільноти. Для студентів молодших курсів особливо важливим є відчуття належності до навчально закладу, пошук нових друзів, становлення стосунків здорового суперництва, спілкування з викладачами, деканом, чий приклад можна наслідувати. На жаль, в умовах дистанційного навчання саме соціальна роль освіти ігнорується, що призводить до того, що студенти відчувають себе зайвими, нікому не потрібними, вони часто перестають розуміти, навіщо вони прийшли навчатися, не можуть продемонструвати свої вміння і навички в інших сферах життя: спорт, художня творчість, танці, музика. Звичайно ж, процес втрати мотивації є поступовим, тому важливим є знайти правильний баланс між онлайн і офлайн навчанням.

Серед інших недоліків студенти називають також шкоду для здоров'я. Звичайно ж, проводити 6-7 годин перед монітором під час занять, а потім ще 5-6 годин, виконуючи домашнє завдання дуже шкідливо як для очей, так і для спини студентів. У цьому випадку можна пропонувати студентам використовувати спеціальні окуляри для роботи з комп'ютером. Окрім того, студенти також відзначають і психологічні проблеми, що викликані дистанційним навчанням: відчуття самотності, «відірваності» від соціуму, ізольованості, непотрібності, недооціненності.

Близько 10% студентів відзначають виникнення відчуття «несправжності» навчання через місяць після початку дистанційної освіти.

Дійсно, дистанційна освіта має певні недоліки та переваги. Основною перевагою є можливість навчатися навіть хворим. Ще одним плюсом можна назвати можливість розміщення на освітніх платформах теоретичного матеріалу, підручників, методичних вказівок, відеолекцій, які можуть бути використані для підготовки до практичних занять. Основними недоліками є відсутність живого спілкування, зниження мотивації та неможливість повноцінного контролю за рівнем знань. Але у цілому, платформи для дистанційної освіти є прекрасним інструментом контролю за самостійною роботою студентів та проведення відпрацювань.

Література

1. Спіцин Є. Підвищення рівня володіння іноземною мовою студентами немовних спеціальностей ВНЗ як необхідна умова забезпечення права на мобільність. *Вісник Київського національного університету.* 2016. С. 66–72.

2. Онищук А. С. Наукові підходи до професійної підготовки майбутніх перекладачів. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Педагогіка. Соціальна робота.* Ужгород : Говерла, 2014. Вип. 31. С. 120–122.

3. Концепція розвитку дистанційної освіти в Україні. URL: http: http://www.osvita.org.ua/distance/pravo/00.html

Статья посвящена особенностям преподавания языковых дисциплин в дистанционном формате студентов высших учебных заведений. Обосновываются рекомендаций по организации рабочего места для проведения занятий в дистанционном формате: размещение света, использование наглядного материала. Актуальность этого вопроса обусловлена введением карантина в учреждениях высшего образования. Различают видеокоммуникационную и корреспондентскую формы дистанционного обучения, которые нужно комбинировать. Использование видеоконференций позволяет синхронно обсуждать проблемные вопросы, объяснять непонятный материал, проводить устный опрос.

Корреспондентскую форму дистанционного обучения следует использовать для проверки уровня сформированности определенных практических навыков, например, умения писать правильно с соблюдением орфографических и пунктуационных норм (при изучении иностранного и украинского языков). Отправка практических задач является прекрасным инструментом для проверки усвоения теории.

Для оптимизации дистанционного обучения целесообразным представляется сочетание образовательных платформ вузов с различными типами интернет-связи.

Ключевые слова: *дистанционное образование, видеокоммуникационная форма, корреспондентская форма, тесты, программное обеспечение, видеоконференция, контроль, мотивация.*

The article examines online teaching of language disciplines to students of higher educational institutions. It describes tips on how to organize a workplace for remote training: placement of light and use of visual material. The topicality of this issue is preconditioned by the quarantine in higher education institutions. Videocommunication and correspondence forms of distance teaching are to be combined. The use of video conferences allows to simultaneously discuss problematic issues, explain unclear material and examine every student in an oral form.

The correspondence form of distance learning should be used to check the level of formation of certain practical skills, for example, the ability to write correctly in compliance with spelling and punctuation rules (when learning foreign and Ukrainian languages). Submitting practical assignments is a great tool for testing theory.

To optimize distance studying, it seems appropriate to combine educational platforms of universities with different types of Internet communication.

Key words: *distant education, video communication form, correspondence form, tests, software, video conferencing, control, motivation.*

Н. П. СЛИВКА
Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького

ЕМОЦІЙНИЙ АСПЕКТ РОЗВИТКУ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ
(на прикладі емоції "радість" в англомовному дискурсі)

Статтю присвячено розглядові емоційного аспекту розвитку мовної особистості. Запропоновано різні підходи до визначення емоції, описано вплив позитивних та негативних емоцій на життєдіяльність людини. З'ясована роль емоцій у регуляції пізнання людиною навколишнього світу та представлено модель аналізу лінгвального вираження емоції РАДІСТЬ у сучасному англомовному дискурсі.
Ключові слова: *емоція, особистість, емоційна сфера.*

Емоції, як відомо, є невід'ємним складником людського життя. У процесі пізнання навколишнього світу людина по-різному сприймає й оцінює людей та події, що проявляється у суб'єктивному відношенні до цього оточення, вираженому через емоції. Емоції допомагають розкрити внутрішній світ людини, здійснюють вплив на її вчинки, відіграють роль регуляторів людського спілкування.

Актуальність цієї статті зумовлюється тим, що проблема співвідношення мови, емоцій та людини є одним із перспективних напрямів сучасних лінгвістичних досліджень.

Емоціями (від лат. *emovere – збуджувати, хвилювати*) зазвичай називають психологічні стани людини, пов'язані із суб'єктивною оцінкою діючих на неї значущих факторів, що виражається у формі переживання задоволення чи незадоволення актуальних для цієї людини потреб [1]. А оскільки будь-яка активна діяльність людини (у тому числі й мовленнєва) мотивується саме задоволенням певних потреб, то всі прояви людської активності зазвичай супроводжуються певними емоційними переживаннями.

Основними функціями емоцій є оцінка, спонукання до діяльності, стереотипне розв'язання ситуацій, організація діяльності, вплив на пізнавальні й органічні процеси [2, с.808]. Емоції, зокрема позитивні, мають значний вплив на мимовільні процеси уваги, запам'ятовування та фантазії, на процеси сприйняття, переробки і накопичення інформації різного змісту, на розвиток творчого потенціалу людини. Від типу емоцій певним чином залежать як характеристики мовлення, так і вибір мовцем певних лексико-граматичних структур для вираження необхідної інформації. Емоції також впливають на фонетичну організацію висловлювання, що може проявлятися як на сегментному так і надсегментному рівні. На сегментному рівні це може бути подовження голосних звуків, зміна якості звуку , а на надсегментному рівні це варіювання темпу мовлення, висоти голосу, тембру та гучності, що відображає емоційну функцію інтонації [3, с. 173]. Взаємодіючи з лексико-граматичним складом висловлювання, інтонаційні варіації вносять додаткові семантичні відтінки в його значення. Інтонація може змінювати комунікативний тип речення. Вона може виступати як індикатор психічного та емоційного стану мовця, віку, статі та соціального становища комунікантів. Кожен із компонентів інтонаційної системи несе певне семантичне навантаження. Наприклад, темп дає можливість не тільки розрізняти стилі вимови, й передає емоційний стан співрозмовників. Швидкий темп мовлення може бути характерний як для вираження радості та задоволення мовця, так і його занепокоєння чи злості. А повільний темп вказує на сум чи печаль. Варіація рівнів гучності пов'язана із силою емоцій: сильні позитивні або негативні емоції призводять до збільшення гучності, тоді як слабкі емоції її зменшують. Інтонаційні моделі, характерні для неемфатичного мовлення відрізняються від тих, що вживаються при емфатичному мовленні. Наприклад, в емфатичному мовленні спостерігається використання дуже високих і дуже низьких рівнів голосу, а також вживання складних тонів. Окрім впливу емоцій на характеристики мовлення, вагомим є також і їхня роль у формуванні і розвитку систем особистісних цінностей, котрі визначають основні моральні й етичні принципи людини, впливаючи на спосіб її життя.

На думку Б. Додонова важливішу біологічну роль для людини відіграють саме негативні емоції. Адже, у дитини механізм негативних емоцій з'являється ще з перших днів життя, а позитивні емоції розвиваються значно пізніше [4, с. 94]. Будь яка сильна емоція провокує фізіологічні зміни в організмі людини. Наприклад, так званий «настрій», якщо формується під постійною дією негативних емоцій може спричинити фізичні або душевні розлади. Такі емоції можуть впливати навіть на імунну систему людини та знижувати здатність організму опиратися хворобам [5, с. 126].

Звідси стає зрозумілою універсальна значущість емоцій та емоційної сфери людини, а також постійна увага до них з боку як психологів (К. Ізард, В. Вілюнас, Л.С. Виготський, Б.І. Додонов, Є.П. Ільїн), так і мовознавців – (В. Шаховський, А. Вежбицька), які досліджують мовне вираження емоцій комунікантами.

Хоча емоції постійно попадали до фокуса уваги дослідників різних галузей науки, зокрема філософії, фізіології, психології, лінгвістики тощо, ціла низка питань, пов'язаних з мовним аспектом емоцій, все ще потребує свого остаточного вирішення. Зокрема, залишається відкритим питання кількості емоцій та залежності їх реєстру від наявних у тій чи іншій мовнокультурній спільноті відповідних номінацій, відсутній кінцевий перелік базових (зокрема, комунікативних) ознак емоційних явищ, критеріїв розмежування емоційних явищ від неемоційних, бракує також і системних досліджень різнорівневих мовних одиниць для вербалізації емоцій [6, с. 15-18] Створення єдиної повної класифікації емоцій також залишається серед невирішених проблем.

У сучасній науковій літературі пропонуються численні теорії й класифікації емоцій, що відрізняються як за критеріями, покладеними в їх основу, так і за кількістю виокремлених типів і підтипів. До найвідоміших належать: теорія диференційних емоцій К. Ізарда, тривимірна концепція почуттів В. Вундта, біологічна теорія П. Анохіна, класифікація емоцій Б.І. Додонова та інші.

Критеріями класифікації емоцій слугують такі чинники як модальність, інтенсивність, тривалість, глибина, усвідомленість, генетичне походження, складність, умови винекнення, виконувані функції, дія на організм людини (стенічні, астенічні), рівні психічного виявлення, співвіднесеність зі психічними процесами, потреби людини, зміст та спрямованість, особливості вираження тощо [7, с. 14]. Така велика кількість критеріїв не сприяє виробленню єдиної загальноприйнятої класифікації емоцій. Так само все ще бракує і повного визначення самого поняття „емоція". Наприклад, Р. Декарт відносить до емоцій подив, любов, ненависть, бажання, радість, сум. За Б. Спінозою, емоціями є «основні афекти», зокрема, утіха (радість), незадоволення (сум) і бажання [7, с. 43-56]. Психолог К. Ізард розглядає емоції як основну мотиваційну систему людини [2, с. 83]. С. Рубінштейн вважає, що емоціями стани, що тісно пов'язані з потребами та діяльністю людини [8].

Узагальнюючи вищезазначені підходи, розуміємо **емоції** як складне психо-когнітивне явище, суттю якого є вираження певного суб'єктивного оцінного відношення до навколишньої дійсності.

Проілюструємо складну природу емоцій на прикладі емоції РАДІСТЬ та її лінгвального вираження в сучасній англійській мові.

Усвідомлена мовцем емоція РАДІСТЬ реалізується різними мовними одиницями: іменниками (*gladness, exultation, delight, fun, pleasure*); дієсловами (*to exult, to delight, to enjoy*); прикметниками (*glad, happy, delightful*); прислівниками (*gladly, happily, delightfully*) та іншими. Зазначена емоція виникає у мовця в результаті дії таких позамовних факторів, як виконання задуманих планів (приклад 1); отримання похвали за гарне виконання своєї роботи (приклад 2); приїзд давнього друга (приклад 3); гарно проведений час з коханою людиною (приклад 4); новина про одруження онука (приклад 5); святкування Різдва (приклад 6) тощо.

1. There was the moment of awkwardness again between them once they got to the room, but as Joe sprawled out on the couch with a nervous look and patted the seat next to him, she smiled as she sat down.

'I'm glad we're here again,' she said with a look in her eyes that told him how much he had been missed. (4, p. 181).

2. 'Your dresses are beautiful. You've done very well with them,' he smiled. He was a man at ease in his own skin.

'I'm happy to hear it,' she said (1, p. 355).

3. And now we get on nicely, and are very glad he came, for he speaks French like a native, and I don't know what we should do without him.

4. What about a pizza somewhere?' he asked casually.

'Okey,' she nodded. She was so delighted that she could hardly concentrate on what he was saying (3, p. 46).

5. Elizabeth and I are getting married,' he proudly announced.

'I'm happy for you, darling,' she looked at him and smiled (1, p. 480).

6. 'Well, Sam? Very different from your usual Christmas?' Caroline was looking at her with a warm smile and Bill was standing nearby.

'Very different. And I enjoy it.' (2, p. 136).

(Усі вищенаведені приклади вибрані із романів Д. Стіл ; мовні одиниці, як номінатори емоції РАДІСТЬ підкреслені).

Запропонований підхід до аналізу лінгвального вираження емоції РАДІСТЬ вважаємо *перспективним* для дослідження лінгвального вираження інших позитивних емоцій, що сприятиме кращому усвідомленню емоційної поведінки комунікантів.

Література

1. Психологический словарь. URL: https://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/?id=2921 (дата звернення 14.11.20)
2. Літвякова І. А., Ханецька Н. В. Дослідження впливу емоцій на стан особистості *Молодий вчений.* 2017. №11. С. 806–809.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 1987. 472 p
4. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. Москва, 1977. 272 с.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. Перев. с англ. Санкт-Петербург, 1999. 464 с.
6. Сливка Н. П. Дискурсивна полівекторність позитивного експресиву (на матеріалі сучасних англомовних текстів жіночих романів): дис. … кандидата филол. наук : 10.02.04. Херсон, 2012. 202 с.
7. Вилюнас В. К. Психология эмоций. Санкт-Петербург, 2006. 496 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. URL: http://www.psylib.org.ua/

Джерела ілюстративного матеріалу

- Steel, D. Zoya . New York. 1989. 500 p.
- Steel, D. Palomino. New York. 1989. 463 p.
- Steel, D. The Kiss. London. 2001. 446 p.
- Steel, D. Lone Eagle. London. 2002. 495 p.

Статья посвящена рассмотрению вопроса эмоционального аспекта развития языковой личности. В статье описано влияние позитивных и негативных эмоций на жизнедеятельность человека и предложены разные подходы для дефиниции эмоций. Объясняется роль емоций в регуляции познания человеком окружающей действительности. а также представлена модель анализа языкового выражения эмоции РАДОСТЬ в современном англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: *эмоция, личность, эмоциональная сфера.*

The article focuses on the role of emotional aspect in the development of language personality. The article describes the influence of positive and negative emotions on human life and offers different approaches to the definition of emotion. It explains the role of emotions in the regulation of human cognition of the world. The model of analysis of lingual expression of emotion JOY in modern English discourse is presented.

Keywords: *emotion, personality, emotional sphere.*

МОЛОДІ ГОЛОСИ НАУКИ

ЛУИЗ АНРИ
Киевский национальный лингвистический университет

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА *ПАЛЬТО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статтю присвячено корпусному дослідженню проблеми граматичного засвоєння галіцизма пальто в російській мові XIX-XXI ст. Проаналізовано використання відмінюваного і невідмінюваного варіантів слова пальто в текстах різних років, їхні граматичні, стилістичні і частотні характеристики. Проведено паралелі з долею слова манто в російській мові, а також слів paletot та manteau у французькій.
Ключові слова: *запозичення, морфологія, граматична варіантність, частотність, корпус, російська мова*

В «Русском семантическом словаре» [1] представлена сотня названий одежды, заимствованных из французского языка в русский, например, *блузон*, *галифе*, *кашне* и даже *кроссовки*, что может казаться удивительно, ведь это слово было заимствовано из французского заимствования-сокращения английского слова *cross-country*... Мы рассмотрим одно слово из этой лексической группы — *пальто*, очень распространенное, общеупотребительное слово в русском языке. Оно восходит к французскому слову *paletot*, которое, однако, сегодня совсем ушло из живого французского языка и является устаревшим словом, о котором мало кого знает. Оно представляет собой интересный пример заимствования, так как его история, с одной стороны, отражает процесс освоения иноязычного слова, а с другой стороны, является интересным примером взаимодействия русской морфологической системы и литературного стандарта. В статье мы рассмотрим, какие морфологические изменения претерпело слово *пальто* в русском языке и как склонение этого слова воспринималось с точки зрения норм литературного языка в XIX, XX и XXI вв. Для этого мы будем опираться на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2]. Затем приведем параллели между использованием слов *пальто, paletot* и *манто, manteau* в русском и французском языках, где их судьба парадоксально сложилась почти противоположным образом.

Заимствованные существительные с конечным *-о*, согласно норме литературного языка, не склоняются, эта норма входит в противоречие с морфологической системой русского языка, которая предполагает склонение имен существительных. Поэтому в просторечии, а также, реже, в письменных текстах, можно заметить случаи ненормативного склонения некоторых давно заимствованных и достаточно частотных слов, к которым относится и *пальто*. Носителями литературного языка это чаще всего воспринимается негативно. В книге «Мысли об истории русского языка» (1849) И. И. Срезневский свидетельствует о том, что в обществе того времени есть отрицательное отношение к склонению *пальто*: «Сообразите требования одного лица относительно чистоты, правильности и изящества языка — и наблюдение сделано, верная точка для направления наблюдений всех времен отыскана: один и тот же скажет, что старинное соединение прошедшего причастия на въ, въши с временем настоящим или прошедшим вспомогательного глагола (я еще не уставши, мы были еще не ужинавши) — пошлость; что ненарушение старины в несклонении слов иностранных или вообще в оставлении их в их иностранной форме (он не носит пальта; вы не увидите Мария) — пошлость; что несоблюдение старины в неизменении есть для всех

лиц и чисел — грубость, невежество». Отсюда можем видеть, что склоняемый вариант слова *пальто* был распространен в живой речи середины XIX века.

В. В. Вересаев пишет в своей книге «Что нужно для того, чтобы быть писателем?» (1921): *Давно уже слово пальто стало чисто русским, давно говорят «у меня нет пальта», «на вешалке много польт»*, констатируя широкое распространение изменяемого варианта слова *пальто* в начале XX века.

Корней Чуковский открыто делится своим отвращением к изменяемым формам *пальто* в книге «Живой как жизнь» (1962): «И сказать ли? Я даже сделал попытку примириться с русским падежным окончанием слова *пальто*. Конечно, это для меня трудновато, и я по-прежнему тяжко страдаю, если в моем присутствии кто-нибудь скажет, что он нигде не находит пальта или идет к себе домой за пальтом. (...) Но вот после того, как пальто стало очень распространенной одеждой, его название сделалось общенародным, а когда народ ощутил это слово таким же своим, чисто русским, как, скажем, яйцо, колесо, молоко, толокно, он стал склонять его по правилам русской грамматики: пальто, пальту, пальтом и даже польта. — Что же здесь худого? — говорил я себе и тут же пытался убедить себя новыми доводами. — Ведь русский язык настолько жизнеспособен, здоров и могуч, что тысячу раз на протяжении веков самовластно подчинял своим собственным законам и требованиям любое иноязычное слово, какое ни войдет в его орбиту. (...) Почему же делать исключение для слова *пальто*, которое к тому же до того обрусело, что тоже обросло исконно русскими национальными формами: пальтишко, пальтецо и т. д. Почему же не склонять это слово, как склоняется, скажем, шило, коромысло, весло? Ведь оно принадлежит именно к этому ряду существительных среднего рода» [3]. Чуковский делает вывод, что русский язык «тяготеет» к склонению иноязычных несклоняемых слов, изобретая новые словообразования, как *кофий* и *радиво*, лишь для того, чтобы можно было их склонять. Он дальше пишет о такой теории, согласно которой эта тенденция заложена даже в развитии детской речи, цитируя работу А.Н.Гвоздева «Вопросы изучения детской речи» (1961), где автор рассказывает о своем сыне, который в детстве твердо верил в склоняемость слова *пальто*, «хотя воспитывался он в высококультурной семье, где никто не употреблял таких форм».

Итак, прежде чем дальше рассуждать о морфологических вопросах, касающихся слова *пальто,* рассмотрим, как оно вошло в русский язык и как менялось его употребление со временем.

1- Заимствование слова *пальто* в русский язык

В своей книге «Живой как жизнь» Чуковский рассказывает об этапах, которые проходило слово *пальто,* только что вошедшее в русский язык. Он пишет: «В повестях и романах, написанных около середины минувшего века или несколько раньше, слово это печаталось французскими буквами: «Он надел свой модный paletot». «Его синий paletot был в пыли»». В Google Books [4] находится также вариант *палето* кириллицей: *На немъ всегда перчатки И шляпа модная, отличный палето, И золотой лорнетъ, а что-то все не то — Такія странныя ухватки!* (М. Загоскин, «Женатый жених», 1851). Однако, в выборку НКРЯ такие примеры не попали. Впервые слово зафиксировано в корпусе в пьесе Некрасова «Феоклист Онуфрич Боб, или муж не в своей тарелке», написанной в 1841 г. С 1841 года до 1845 года в НКРЯ есть только по одному результату каждый год, результатов становится больше (в размере 10-20 каждый год) к концу 1860-х годов. Но это просто может быть связано с недостаточной репрезентативностью корпуса. Данные Google Books Ngram Viewer [4] также свидетельствуют о низкой частотности слова *пальто* в первой половине XIX века, но с конца 1840-х г. частотность заметно начинает расти и в 1850-х г. она уже в два раза больше, чем была в среднем за весь период с конца XVIII в. В XIX в. слово *пальто*

могло употребляться в русских текстах как существительное мужского рода в соответствии с его родом во французском: *Закутавшись въ теплый пальто, я проходилъ мимо какого-то балагана. (Ф. М. Толстой. Капитан Тольди, 1852) Он носил тогда длинные волосы и какого-то особенного покроя синий берлинский пальто с бархатными отворотами и суконными застежками (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород, 1857) – Надо езжать назад: я забыл мой пальто! (Леонтьев-Щеглов, «Из воспоминаний об Антоне Чехове», 1904-1911)*. Интересным примером является следующий: *– Вот, – объяснил немец, – здесь лежал мое пальто и ее пальто, и ее зонтик, короший с кружевом зонтик, а тут, – он открыл дверь в маленькую комнату, ведшую в спальню, и показал на диван, – лежал мой теплый пальто» (И. Д. Путилин, «40 лет среди грабителей и убийц», 1889)*, тут *пальто* употреблено и в среднем, и в мужском роде. Это может быть связано с тем, что здесь говорит немец, возможно, не вполне владеющий русским языком (ср. другие ошибки в его речи).

Корпус помогает нам понять, какое социальное значение имело это слово в XIX и потом в XX вв. Например: *Через этот мост шел человек среднего роста, ни худой, ни толстый, не стройный, но с широкими плечами, в пальто, и вообще одетый со вкусом; жалко было видеть его лакированные сапоги, вымоченные снегом и грязью; но он, казалось, об этом нимало не заботился; засунув руки в карманы, повеся голову, он шел неровными шагами, как будто боялся достигнуть цель своего путешествия или не имел ее вовсе (М. Ю. Лермонтов. Штосс, 1841)*. Лермонтов описывает здесь хорошо одетого человека, который, наверное, относится к высшим слоям общества. Вот еще некоторые примеры того, что пальто было знаком богатства в ту эпоху: *Идя с ним [Михайловым] рядом и любуясь на его пальто, я повторял: «Думает ли публика о том, что у такого щеголя нет ни копейки!»* пишет Дружинин в 1845 г. в «Дневнике»; *Матрешин муж ... в обед ходил на Страстную площадь, говорит, масса убитых, одеты все хорошо, хорошие пальто, шапки (Е.Я.Кизеветтер, «Революция 1905-1907 гг. глазами кадетов», 1905-1907); Перерыв шкап, грабители взяли 50 рублей и пальто доктора и скрылись (Русское слово, 1909); На Наташе было красивое пальто – первое такое в ее жизни (Федор Кнорре, «Ночной звонок», 1967)*. Во второй половине XX в. пальто становится более обыденным предметом, в текстах этого времени уже люди среднего класса и бедные люди носят пальто: *Старуха изнутри, пристально взглянула на Скворцова, отложила нож, молча накинула на плечи старенькое пальто и вышла (П. Л. Проскурин, «Исход. Части I-II», 1967); Там, виновато опустив плечи, с повисшими, обтертыми по краям рукавами висело коричневое бобриковое пальто (Федор Кнорре, «Ночной звонок», 1967); На Лизе было грубое, плотное пальто вроде военной шинели, ворот плотно застегнут (И. Грекова, «Фазан», 1984)*.

По мере того как пальто становится все более обычным, в XX в., замечаем, что это слово все чаще упоминается в текстах, принадлежащих к разговорному стилю или просторечию. Склоняемые формы слова *пальто* часто употребляются в речи персонажей, которые говорят на нелитературном языке: *– В пальте… А сам небольшой. – Небольшой, а маштаковатый, гля, у него шеяка, как у доброго бугая! (М.А.Шолохов, «Поднятая целина», Книга 1», 1932). – И что вы ночью беспокоите? Никакого пальта мне не приносили. – Так. Повыдьте-ка отсюда, а мы поищем! (В.А.Гиляровский, «Москва и москвичи», 1926-1934); – А тут к весне прикатила ее подружка, здрасьте вам, отец-мать, радуйтесь; пуговки на пальте не застегаются… (Евгений Носов, «Во субботу, день ненастный…», 1968)*.

Однако склонение слова *пальто* не всегда представляло собой знак нелитературного языка или просторечия. В самом деле, вплоть до 1914 г. в НКРЯ нет ни одного документа, где склоняемая форма употребляется в сниженном контексте. А. М. Достоевский, брат писателя, использовал ее в «Воспоминаниях» в 1896 г.: *Приписка в одной из записок из*

того же Парголова и от того же брата Михаила: «Пальты носят нынче цвета вареного шоколада. Прощай, или, лучше, до свидания». В XX в., когда склоняемые формы слова *пальто* стали маркером нелитературной речи, они стали реже использоваться. С 1877 по 1881 г. найдены в НКРЯ 7 примеров, а с 1968 по 2002 г. только 12, хотя объем текстов в корпусе за второй период намного больше. Итак, первый пример употребления слова *пальто*, как маркера нелитературной речи мы нашли в романе «Петербург» Андрея Белого: *– «Не смущайте его: он и так обалдел». – «Одним словом – в пальте» (1914).* В текстах XX-XXI вв. склоняемые формы слова *пальто* встречаются преимущественно как знак просторечия. Соответственно, по данным НКРЯ можно полагать, что склонение слова *пальто* стало окончательно недопустимым к началу XX в.

2- Морфология-Склонение

Хотя склонение слова *пальто* никогда не было нормой в русском языке [5], в НКРЯ по запросу склоняемых форм этого слова найдено больше сотни документов. Вот перечень найденных форм слова *пальто*, от самых частотных до менее употребительных: ***пальта* – 37 вхождений:** *– Да барышнино новое-то пальто тут, – слышала Таня, как из десятой комнаты, – без пальта не пойдут (Б. С. Житков, «Виктор Вавич. Книга третья», 1941); Без пальта-то чё ходишь, солдатик, слышь, нет? (А. С. Лукьянов, Зубы // Уральская новь, 2001);* ***в пальте* – 31:** *На ходу прикидываешь: «Так. Пуговицы на пальте нет. Значит, либо совсем овдовел, либо жена попалась мадама (Василий Белов, «Бухтины вологодские завиральные», 1969); И сидит, знашь, Шуронька на полу, в пальте в Вашкиным в старым (В. Г. Галактионова, «Большой крест», 2001);* ***пальты* – 21:** *Пришли мы, народу, конечно, очень много, говорят нам: «Снимите ваши пальты, и скажите нам, по какому делу вы будете?» (Г. В. Алексеев, «Дунькино счастье», 1926); В коридорчике, освещенном лампой с рефлекторами, заспанный лакей в черном сюртуке принимал у одиноких мужчин «пальты» (Екатерина Костикова, «Терпимость, которую мы потеряли // Столица», 1997);* ***польты* – 16:** *Надевайте ваши польты и дуйте отсюдова, — неожиданно злобно сказала она.» (Людмила Улицкая, «Дар нерукотворный», 1998); И на другой день, под собачий-то вой кромешнай, разделили мы всё старьё, которо в мазанке сроду складывали-кидали. Польты выношенны, шапки облезлы, подстилки стары (В. Г. Галактионова, «Большой крест», 2001);* ***польта* – 11:** *– Главное, теплое все возьми, – говорила она. – Польта, валенки, все что есть. Там морозы до тридцати градусов и выше (В. Ф. Панова, «Валя», 1959); К стилягам относился я не очень хорошо, так как они выделялись из общей массы людей: у них были польта, шляпы (Светлана Рафикова, «По проспекту, словно манекен…» // «Родина», 2010);* ***польт* – 5:** *Вылезаем из валенок и зимней одежды: штанов с начесом, польт на ватине, шапок-ушанок (С. И. Рыженков, «Дворовые игры + // Волга», 2013); А у них, поди, и польт настоящих нет… (Вячеслав Пьецух, «Письма из деревни // Октябрь», 2001);* ***польтами* – 5:** *– Небось всю работу домашнюю на тебя свалила, вот и прикрывается польтами-то! (Нина Горланова, «Талька», 1987-1999); Да холодно, плохо топят, польтами накрываемся, всё равно холодно (А. И. Солженицын, «Бодался теленок с дубом», 1967-1974);* ***в польтах* – 4:** *Мужик разутый-раздетый, а они в драповых польтах, в сапогах новых, морды жирные, жалованья получают по полтораста рублей (В. В. Вересаев, «Сестры», 1928-1931); Понятно, что читатели-нищеброды только затем и ходят, чтобы заныкать в бездонных ратиновых польтах какой-никакой раритет – или хоть болт открутить от унитаза, но все-таки 10 по Цельсию – это чересчур (Евгения Долгинова, «Холодный дом // Русская жизнь», 2012);* ***пальтах* – 4:** *Видѣли мы, въ какихъ она пальтахъ щеголяетъ (Н. А. Лейкин, «По чердакам и подвалам», 1903); – Я – вон где шел, а они… двое, – навстречу, один в картузе, другой – в шляпе, оба – в пальтах (Максим Горький, «Жизнь Клима Самгина. Часть 3», 1928);* ***пальту:*** *А я такъ прошу, прошу у Николая Иваныча хоть куній воротникъ къ*

пальту – и то не покупаетъ, сказала со вздохомъ статисточка (Н. А. Лейкин, «В ожидании наследства», 1889); ***пальтов:*** *...Вместо апраксинских «пальтов» приобретя енотовые шубы и записавшись членами в клуб.» (Г. И. Успенский, «Малые ребята», 1880);* ***пальтом:*** *...Потому пущай лучше женина шкура старым пальтом будет прикрыта, нежели мужу за несоблюдение чистоты на дворе в тюрьме сидеть.» (Н. А. Лейкин, «Цвет Яблочкова», 1880).*

Среди этих случаев употребления некоторые написаны в кавычках, кавычки показывают, что изменяемые формы *пальто* не являются нормой для автора, они характеризуют персонажа: *К первой [категории] принадлежат физиономии сытые, в «пальтах» и лисьих купецких шубах… (В. В. Крестовский, «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных». Части 1-3», 1864); Купив себе на Апраксиной рынке «пальты» с бобровыми воротниками и побывав в Фоли-Бержере, они уж очевидно на стезе попасть в интеллигенцию… (Г. И. Успенский, «Малые ребята», 1880); Какой-то гардеробщик орал другому гардеробщику, чтобы тот не выдавал «польты»… (Фазиль Искандер, «Морской скорпион», 1977).*

В следующих отрывках авторы более открыто сообщают о своем отношении к склонению слова *пальто*: *Она была на костылях, – кажется, в результате крушения, которое она потерпела на Царскосельской железной дороге. – А пальта у меня нет! – вдруг наивно и растерянно произнесла Вырубова, немедленно подкупив меня обращением с этим злосчастным искони русским словом, которое, как известно, образованные русские люди доселе не склоняют… Приходилось ехать без «пальта» (Н. Н. Суханов, «Записки о революции / Книга 4», 1918-1921); Перестала говорить «хочим», «ехай», «польты», хотя вместо «не понимает по-русски» по-прежнему говорила «не понимает по-русскому» (Вацлав Михальский, «Прощеное воскресенье», 2009).*

Интересно заметить, что, в основном, склоняемые формы слова *пальто* через *о* (*польта* и *польты*) встречаются в текстах, написанных в XX в. В текстах XIX в. находится только один случай у Мельникова-Печерского, с 1913 по 1959 еще 11 примеров, с 1962 по 2015 – 25, из них за последние 15 лет 13 примеров. Наоборот, формы множественного числа через а (*пальты*, *в пальтах*) употребляли больше в XIX в.: 19 вхождений в НКРЯ до 1900 года и 7 после. Эта разница в употреблении говорит о продолжающемся грамматическом освоении заимствованного слова. В самом деле, мы можем видеть в более поздних формах через *о* грамматическое сближение в склонении с исконными русскими словами, которые тоже меняются с перемещением ударения на первый слог: *кольцó – кóльца; бедрó – бёдра; ведрó – вёдра.*

В НКРЯ, помимо приведенных форм, есть один довольно своеобразный пример: **—** *Ты спишь, пальта расстегнутая, я и гляжу: бумажник (Дмитрий Быков. «Орфография», 2002).* В этом примере *пальто* употреблено в женском роде. Это отрывок из постмодернистского романа, где орфография не только система общепринятых правил письма, но и аллегория свода нравственных законов, соблюдение которых удерживает человека от превращения в чудовище. На наш взгляд, этот случай можно расценивать как авторскую языковую игру: не просто неправильная форма, а прямо фантастическая, «супернеправильная», в общем, постмодернистская. Еще одна необычная форма найдена в сказке Шергина: – *Карону суда! Пальте суда! Пойду пошшупаю, может, ише оптической омман здренья (Б. В. Шергин, «Волшебное кольцо», 1930-1960).* Тексты этого автора намеренно стилизованы под просторечие [6].

3- Сравнение между словами *пальто* и *манто*

Слово *манто* также пришло в русский из французского примерно в одно время со словом *пальто* [4], однако, его употребляют реже (в НКРЯ *пальто* – 15 056 вхождений, а

манто лишь 392). Интересно, что если в русском языке более распространенным словом стало *пальто*, то во французском языке наоборот, *manteau* – общеупотребительное слово, обозначающее пальто, а слово *paletot* крайне редкое, устаревшее слово. По текстам НКРЯ виден незначительный рост числа употреблений слова *манто* в русском языке в XXI в.

На примере *пальто* мы можем наблюдать естественные этапы освоения иностранного слова в русском языке, которые происходили, несмотря на сопротивление литературной нормы. Есть свидетельство, что на первом этапе освоения оно писалось латиницей, мы показали, что в текстах XIX в. *пальто* могло быть мужского рода, как во французском, затем оно утвердилось как существительное среднего рода в соответствии со своим формальным признаком (конечным -о) и даже начало иногда склоняться. Однако склонение, которое чаще допускалось в текстах XIX в., стало совершенно недопустимым в грамотной речи уже к началу XX в. На основе НКРЯ мы обнаружили, что слово *пальто* развивается в русском языке двояко: с одной стороны, оно прочно вошло в русский литературный язык как неизменяемое (склонение слова *пальто* стало даже одним из классических маркеров неграмотной речи), но с другой стороны, в просторечии продолжается грамматическое освоение этого слова в соответствии с русской морфологической нормой, уже в XX веке его парадигма пополняется новыми изменяемыми формами через *о* (*польта, польты*). На материале Корпуса также видно, какое социальное значение имело слово *пальто* в XIX в. и как это значение менялось со временем, это ценные данные, которые позволяют яснее увидеть меняющуюся стилистику этого слова.

На основе данных НКРЯ можно сделать вывод, что у склоняемого варианта слова *пальто* уже нет никаких шансов стать нормативным (возможно, они были в XIX в.). Однако, если смотреть на формальное окончание этого слова, что мешало бы склонять его, как все другие русские слова среднего рода с окончанием *-о*? В своей книге «Живой как жизнь» Чуковский объясняет, что иногда даже в науке логики не хватает, чтобы объяснять языковые явления: «Так убеждал я себя, и мне казалось, что все мои доводы неотразимо логичны. Но, очевидно, одной логики мало для оценки того или иного языкового явления. Существуют другие критерии, которые сильнее всякой логики. Мы можем сколько угодно доказывать и себе и другим, что то или иное слово и по своему смыслу, и по своей экспрессии, и по своей грамматической форме не вызывает никаких нареканий. И все же по каким-то особым причинам человек, который произнесет это слово в обществе образованных, культурных людей, скомпрометирует себя в их глазах. Конечно, формы словоупотребления чрезвычайно меняются, и трудно предсказать их судьбу, но всякий, кто скажет, например, в 1962 году *выбора́*, сразу зарекомендует себя как человек не очень высокой культуры. И как бы ни были убедительны доводы, при помощи которых я пытался оправдать склоняемость слова *пальто*, все же едва я услыхал от одной очень милой медицинской сестры, что осенью она любит ходить *без пальта*, я невольно почувствовал к ней антипатию. И тут мне сделалось ясно, что, несмотря на все свои попытки защитить эту, казалось бы, совершенно законную форму, я все же в глубине души не приемлю ее. Ни под каким видом, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: *пальта, пальту* или *пальтом*» [3]. Действительно, в вопросе установления той или иной языковой нормы как литературного варианта, действует не только внутренняя логика языка, но и традиция, формирующаяся под влиянием различных факторов.

Литература

1. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. I-IV тт. М., 1998-2007.
2. Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ). URL: https://ruscorpora.ru/new/
3. Чуковский К. Живой как жизнь. М., 1962.

4. Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams
5. Электронная библиотека словарей русского языка «Словари.ру». URL: http://slovari.ru
6. Васильева В. М. Сказка «Волшебное кольцо» глазами двух писателей. 2019. URL: https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2019/02/18/issledovatelskaya-rabota-skazka-volshebnoe-koltso

Статья посвящена корпусному исследованию проблемы грамматического освоения галлицизма пальто в русском языке в XIX-XXI вв. Проанализировано использование склоняемых и несклоняемых вариантов слова пальто в текстах разных лет, их грамматические, стилистические и частотные характеристики. Проведены параллели с судьбой слова манто в русском языке, а также слов paletot и manteau во французском.
Ключевые слова: *заимствование, морфология, грамматическая вариативность, частотность, корпус, русский язык*

This article is centered on corpus-based research, which allows us to study the specificity of the grammatical assimilation of the gallicism пальто in the Russian language from the 20th to the 21st century. The article's main focus is the analysis of the use of inflected and uninflected forms of the word пальто in texts dating from different years, their grammatical, stylistic characteristics and frequency. It also draws parallels between the evolution of the words манто in Russian and paletot and manteau in French.
Keywords: *linguistic borrowing, morphology, grammatical variation, frequency, corpus, Russian language.*

О. О. БОЙКО
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

СЛОВ'ЯНСЬКІ СИМВОЛИ І ФОЛЬКЛОРНІ ІНТЕРТЕКСТЕМИ ЯК ПРОЯВИ ІНТЕРМЕДІАЛЬНОСТІ В ТЕТРАЛОГІЇ ДАРИ КОРНІЙ «БЕЗСМЕРТНІ»

У статті проаналізовано функцію інтермедіальних та інтертекстуальних слов'янських фольклорних включень в сучасному українському фентезі на матеріалі тетралогії Дари Корній «Безсмертні». Визначено, що зображення в романах є факультативними, від чого їх змістовне навантаження зростає. Аргументовано, що основними функціями використання зображень або екфрасису є сугестивна та інформативна. Долучення інтертекстуальних фольклорних одиниць як супроводу зображень або інтермедіальних описів актуалізує національно-прецедентну пам'ять реціієнта.
Ключові слова: *інтертекстуальність, інтермедіальність, фентезі, фольклор.*

Інтермедіальний аспект в художній літературі постає об'єктом вивчення ще з 1980-х рр., коли Ханзен-Льове запропонував пояснення цього терміна як «перекладу (з однієї мови мистецтва іншою мовою), або об'єднання між різними елементами мистецтва в мономедійному (література, живопис тощо) або мультимедійному (театр, кіно тощо) тексті» [Ханзен-Льове]. В останні десятиріччя помічено актуалізацію інтересу до наукових розвідок у площині фентезійної літератури, зокрема, її інтермедіального виміру. Активно цим займаються дослідники Інституту літератури імені Т. Г. Шевченка. У 2016 році було оприлюднено збірник робіт, присвячений цій проблемі (посилання). Однак досі мало вивченими залишаються інтермедіальні та інтертекстуальні включення в сучасному українському фентезі, зокрема, в тетралогії Дари Корній «Безсмертні», що виходила протягом 2012-2016 рр., що й зумовило актуальність нашої розвідки.

Аналіз інтертекстуальних та інтермедіальних включень у романах дає змогу говорити про те, що зображення магічних символів є одним із аспектів процесу магії як складника фентезійного дискурсу. Такі зображення уналежнюємо до інтермедіальності, тісно пов'язаної з інтертекстуальністю, тому що здебільшого зображення символів супроводжуються цитуванням фольклорних текстів або принаймні описом значення символа.

Сакральні знаки постають своєрідною мовою, шифром, який необхідно розуміти для того, щоб правильно орієнтуватися у просторі, в якому діють магічні сили: «*Уже добре*

розумілася на ***знаках, які просто шалено любили всі безсмертні без винятку****, старанно ними все прикрашаючи: двері, вікна, підлогу, стелю, одяг, зброю, обереги.* ***Розшифрувала*** *і знаки на вишивці на своїх суконках. Гарні то були знаки, на диво, добрі. Тому одяг тепер вбирала з радістю, вірячи підсвідомо, що він також допомагає»* (Д. Корній. Зворотній бік темряви). У книгах натрапляємо не тільки на інтермедіальні описи зображень, але й власне зображення символів (див. Рис. 1.)

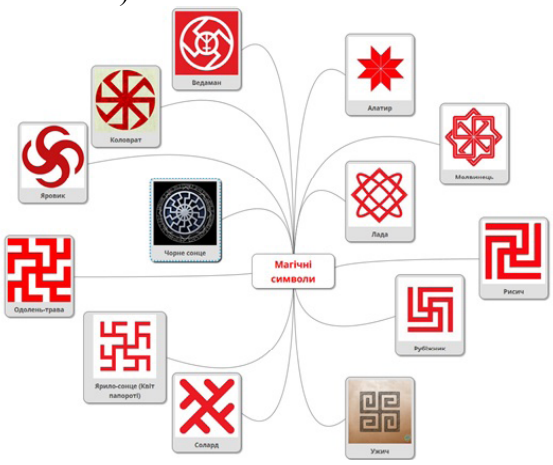


Рис. 1. Слов'янські символи, використані в тетралогії Дари Корній

Зауважимо, що актуалізація символів супроводжується дієсловами із позитивною семантикою «красувався», «милувався»: *«Лада задоволено кивнула на двері: — Заходь. На дверях* ***красувався*** *символ Зірки-Лади. Як і годиться, він тут на своєму місці». [див. дод. Лада]* (Дара Корній. Зворотній бік сутіні). «*Чомусь відразу зрозуміла, що за ними її кімната. Навіть не запитувала батька, чи правильно вгадала. На дверях* ***милувався*** *символ [див.дод.Ужич]. Німе запитання стояло в очах. Стрибог побачив одразу: –* ***Це оберіг. Вужич****. Символ зв'язку з предками. Він об'єднує теперішнє та майбутнє. Це цілісність єства людини: тіло, душа, дух та совість – одне*» (Д. Корній. Зворотній бік темряви).

Запит у пошуковій системі «вужич» видає тільки посилання на книгу Дари Корній, тому що частіше цей оберіг називають Ужич-Борич, або «духовна свастика». Отже, переклад назви українською є оказіоналізмом авторки.

Важливими інтермедіальними включеннями є символи Ярила, солярні знаки, які виконують допоміжну функцію під час проведення ритуалів, що супроводжуються лінгвістичними магічними формулами:

'«*...Посередині площі викладався* ***символ*** *із сухого дерева [див.дод. Одолень-трава]*

То ***символ*** *чистого весняного сонячного світла, символ Ярила-Сонця.* ***Символ*** *багатства та доброго врожаю.* ***Символ*** *ярої сили та ярої любові. Навколо закладається ще дванадцять ватр, це все запалюється…* ***Вогонь*** *палахкотить,* ***вогонь*** *зачіпає хмари, пестить землю. Довкола багаття хороводять жінки, молодиці, юні дівчата, дівчатка і голосно співають:*

– Воротаре, воротарчику,

Ярило прекрасний!

Відтвори ворітонька від вирію!..

І враз диво дивнеє стається. Ярило-воротар виходить і… На небі хмари розступаються, сонце всміхається, а жінки та молодиці далі ведуть величне дійство…»

Звернімо увагу на два моменти. З лінгвістичної точки зору, ритм та побудова пояснення є сугестивними – анафори на початку речень, повторення слова «символ» і «вогонь» створюють можливість для занурення читача в подібний до трансового стан. Другий момент стосується використання авторкою зображень конкретних символів. Важливим вважаємо те, що в книзі представлено зображення не символа Ярила-Сонця, а символа одолень-трави. Існує два парних символи, жіночий та чоловічий: одолень-трави та квітки папороті,

вони відрізняються напрямом променів: за годинниковою стрілкою (посолонь) і проти неї (противусолонь). Символ квітки папороті зображають із промінчиками, спрямованими за рухом сонця [*див. дод. Квітка Папороті*]

Символ Ярила-Сонця, що називається Яровик, виглядає таким чином: чотири скруглені промінчики, спрямовані за рухом сонця [*див. дод. Яровик*]

Тим не менш, ці три символи є «сонячними», тому в принципі припустимо говорити, що вони є символами Ярила-Сонця. Ще один сонячний символ, коловрат, зображено, але не названо в книзі «Зворотній бік темряви»: «*А потім вона поклала на жертовник сухої глиці, дубових та букових гілочок, які довго горять. Поверх цього – череп. Перед жертовником намалювала* ***знак [****див. дод. Коловрат****]*** *Запалила вогонь на жертовнику, крикнула всім стати навколішки і простягнути руки до неба. Сама ж вступила в центр намальованого* ***символу*** *і заговорила* ***майже нечутно:***

Боги говорять тобі: геть від ликів наших.
Громовик говорить тобі йти від душ наших.
Закриває очі ворогам, затуляє вуста ворогам,
Замикає сили у темниці ворогам.
Поки горить жертва ця, поки чути, як грім будить небо
Поки чути, як дощ лиє з неба…

(Д. Корній. Зворотній бік темряви).

У наведеному фрагменті магічний дискурс актуалізують лексеми «жертовник», «череп», «знак», «символ», теонім «Громовик», а також синонімічні дієслова зі значенням негативного впливу: *закриває, замикає, затуляє*.

Зауважимо, що в текстах Дари Корній «знак» і «символ» у значенні «сакральне зображення» постають синонімічними і використовуються задля уникнення тавтології. Подекуди трапляється синонім «клеймо»: «*Зупинилися перед дверима, прикрашеними* ***знаком*** *[див.дод.Чорне Сонце]. Яга… пальцями некістяної правої руки проти годинникової стрілки пройшлася по* ***символу****, відтак оголила ліве передпліччя... Звичайна біла шкіра і витатуюваний* ***знак*** *Чорного Сонця… – Це* ***клеймо*** *Чорного Сонця»* (Д. Корній. Зворотній бік світів).

«*Остап пальцем на піску відтворив знак:[див.дод.Молвинець] – Це* ***молитвинець****, великий дар батька Рода. Він береже від злого, недоброго слова, від проклять і замовлянь, від обмови, наклепу і всіх потороч-втручань у серце, мозок та душу*» (Д. Корній. Зворотній бік світів). Зазвичай цей символ називають «молвинець», назва «молитвинець» також є своєрідним оказіоналізмом Дари Корній. Окрім того, в наведеному фрагменті наведено міфонім «батько Рід», а лексеми на позначення магічного впливу виконують сугестивну функцію: «проклять і замовлянь», «обмови», «наклепу», «потороч-втручань» тощо.

Важливим вважаємо те, що створення символів у книгах Дари Корній зазвичай супроводжується ритуальними формулами, які неможливо розібрати тим, хто оточує суб'єкта магії. Це дає змогу створити більш глибоке сприйняття магічної атмосфери іншими персонажами. Читач може скористатися написаним текстом, який має знижений сугестивний ефект, тим не менш, за допомогою синтаксичних та лексичних повторів, також певною мірою впливає на рецепцію читача. В інших випадках символи супроводжено поясненнями їх значення. Лише в декількох випадках під час згадки символа не наведено його зображення: *«Підійшов до гладкої білої стіни. Намалював на ній пальцями* ***знак Ведаман****, прошепотів* ***замовляння прамовою****»* (Д. Корній. Зворотній бік сутіні)

Отже, в кожній із чотирьох книг тетралогії трапляються зображені символи. В сучасному українському фентезі зазвичай не використовують внутрішніх зображень, окрім тих, що відкривають розділ або книгу, тому вважаємо такий прояв інтермедіальності у поєднанні

з інтертекстуальними фольклорними елементами важливими для створення магічної атмосфери, пов'язаної з традиційними фольклорними уявленнями, що підвищує рівень сугестивного впливу та енциклопедичної обізнаності читача зі слов'янською символікою. Переважна більшість символів є солярними, світлими, такими, що відображають зв'язок із предками. Інформативну функцію виконують не тільки зображені символи, а й опис їхнього значення, історії, походження.

Окрім зображення магічних символів, у сучасному фентезі трапляються й інші прояви інтермедіальності, пов'язаної з процесом магії. До таких уналежнюємо оповіді про малюнки, які змінюють реальність або впливають на неї (див. М. Фрай «Между тенью и светом», В. Арєнєв «Олівець із напівстертим написом» – ці два оповідання споріднені ще й тим, що в них описується магічний артефакт – олівець, все намальоване яким з'являється в реальності; також сюди уналежнимо картини Аліни в романі Д. Корній «Гонихмарник», зображення та графіті на стінах в «Домі, в якому» М. Петросян тощо), опис музики: *Віли зі світу Чистого неба вправно та трішки химерно грали на дримбах, уміло приголомшуючи супротивника, який* ***глухнув від чарівного звуку цього інструменту*** (Д. Корній. Зворотний бік сутіні), фотографій тощо. Вище наведене дає змогу стверджувати, що дослідження інтермедіальних елементів у сучасному фентезі є перспективним напрямком наукових досліджень.

Література

1. Задорожна О. Фентезі як інтермедіальний жанр. URL: https://cutt.ly/Sg3jAya

2. Інтермедіальні виміри літератури фентезі. Збірка матеріалів наукового семінару Центру з Дослідження Літератури Фентезі при Інституті літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України (20 квітня 2016р.) / Ред. Рязанцева Т. М., Канчура Є.О. — Київ, 2016. — 72 с.

3. Корній Дара. Зворотний бік світів. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016. 290 с.

4. Корній Дара. Зворотний бік світла. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2012. 320 с.

5. Корній Дара. Зворотний бік сутіні. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2016. 290 с.

6. Корній Дара. Зворотний бік темряви. Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2013. 320 с.

7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

8. Hansen-Löve A.A. *Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst - Am Beispiel der russischen Moderne.* Wien. 1983.

В статье проанализированы функции интермедиальных и интертекстуальных славянских фольклорных единиц в современном украинском фэнтези на материале тетралогии Дары Корний «Бессмертные». Определено, что изображения в романах факультативны, вследствие чего их смысловая нагрузка возрастает. Аргументировано, что основными функциями использования изображений или экфрасиса являются суггестивная и информативная. Добавление интертекстуальных фольклорных единиц как сопровождения изображений или интермедиальных описаний актуализирует национально-прецедентную память читателя.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интермедиальность, фэнтези, фольклор.*

The article analyzes the functions of intermedia and intertextual Slavic folklore units in modern Ukrainian fantasy based on the tetralogy of Dara Korniy "Immortals". It is determined that images in novels are optional, as a result of which their semantic load increases. It is argued that the main functions of using images or ecphrasis are suggestive and informative. The addition of intertextual folklore units as accompanying images or intermedia descriptions actualizes the national precedent memory of the reader.

Keywords: *intertextuality, intermediality, fantasy, folklore.*

БУЙ ТХИ ВАН ТХЫ
Киевский национальный лингвистический университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЧАСТИЦ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена исследованию проблем перевода русских частиц на вьетнамский язык. Рассматриваются варианты перевода на вьетнамский язык различных частиц русского языка. Частицы являются носителями дополнительной субъективной оценочности, что обуславливает определенные трудности в процессе их перевода на другой язык. В целом, русский и вьетнамский языки характеризуются схожестью семантики частиц, однако при переводе необходимо анализировать контекст употребления тех или иных частиц для того, чтобы корректно передать значение высказывания. Это обусловлено тем, что одна и та же частица в разных ситуациях, может передавать различные оттенки значения.

Ключевые слова: *частицы, сопоставительный анализ, контрастивная лингвистика, переводоведение*

Перевод служебных частей речи, к которым принадлежат и частицы, является важной и актуальной проблемой современного переводоведения: «Исследуя соотношение между функциональными единицами языка А и языка В, контрастивная лингвистика создает необходимый фундамент для построения теории перевода. В самом деле, многие переводческие трансформации, составляющие «технологию» перевода, восходят в конечном счете к функциональноструктурным расхождениям между «сталкивающимися» друг с другом в процессе перевода языками. Между данными контрастивной лингвистики и данными теории перевода во многих случаях наблюдается каузальная связь» [1, с. 14]. Возникновение трудностей при переводе таких служебных частей речи, как частицы, обусловлено тем, что они зачастую используются автором высказывания с целью передачи определенной субъективной семантики, которую довольно трудно перевести языковыми средствами другого языка. Так, для корректного и адекватного перевода частиц на другой язык необходимо учитывать контекст высказывания и подобрать наиболее оптимальные языковые единицы, способные максимально точно передать семантику частиц.

Проблема перевода частиц представлена в работах русских и зарубежных лингвистов на примере английского, немецкого, итальянского и других языков: И. М. Кобозева [2], С. В. Орлова [3], А. Г. Минченков [4; 5], Е. Мацолла [6], Савельева Л. А. [7; 8], Е. А. Стародумова [9] и др. В трудах данных исследователей отмечается, что частицы являются одной из наиболее трудных частей речи для перевода, так как большинство из них «не имеют прямых эквивалентов в других языках, а также содержат множество скрытых значений, которые находятся в зависимости от контекста и могут быть обусловлены национально-культурной спецификой» [7, с. 148-149].

Данное исследование содержит анализ особенностей перевода различных частиц (формообразующих, утвердительных, отрицательных, сравнительных, усилительных, выделительно-ограничительных, вопросительных, побудительно-волевых, модальных и др.) с сохранением их исходного значения с русского на вьетнамский язык, фиксируются определенные трудности при передаче семантики частиц средствами другого языка, отмечается наличие определенных лакун при переводе.

В качестве основного метода в исследовании перевода частиц был выбран сопоставительный анализ перевода, который, по мнению В. Н. Комиссарова, позволяет определить «как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются непереданными в переводе» [10, с. 37].

Частица ***давай(те)*** образует форму повелительного наклонения совместного действия. Форму императива глагола *давать*, то есть ***давай(те)*** можно перевести на вьетнамский язык путём добавления слова ***đi*** в конце предложения. Например:

Давайте *петь! – Cùng hát* ***đi****!*

Давай *сходим в кино. – Chúng ta đi xem phim* ***đi****.*

Давайте *начнём заниматься. – Chúng ta cùng luyện tập* ***đi****.*

Давай *возьмём с собой Наташу. Cho Natasha đi cùng chúng ta* ***đi****.*

Частица ***бы*** образует форму сослагательного, условного и желательного наклонений, которое имеет значение возможности, предположительности. Частицу ***бы*** буквально можно перевести на вьетнамский язык без трудностей словами ***Giá mà****,* которые ставятся в начале предложения. Например:

Он ***бы*** *уже вчера приехал. –* ***Giá mà*** *anh ấy đến hôm qua.*

Уехали ***бы*** *они: ни крику бы, ни шуму. –* ***Giá mà*** *họ rời đi, không có tiếng la hét, không có cả tiếng ồn.*

Случись ***бы*** *встретиться, я бы его узнал. –* ***Giá mà*** *đã gặp gỡ, thì tôi đã biết anh ấy rồi.*

Побольше ***бы*** *свободного времени! –* ***Giá mà*** *có thêm nhiều thời gian rảnh rỗi!*

Отдохнуть ***бы****! –* ***Giá mà*** *được nghỉ ngơi!*

Частицы ***пусть, пускай, да, чтоб*** образуют формы синтаксического побудительного наклонения. На вьетнамский язык частицы ***пусть*** и ***пускай*** переводятся одним словом ***cứ để***, а частица ***да*** ***chà***. Например:

Уж не мешайте, ***пусть*** *он расскажет! – Đừng làm phiền anh ấy,* ***cứ để*** *anh ấy kể!*

Да *не будет ни одной бездомной собаки! –* ***Chà****, sẽ chẳng có một con chó vô chủ nào nữa!*

Еще месяц поработаем так, а там ***пускай*** *проводят реформы. – Chúng ta vẫn sẽ làm việc như thế này một tháng nữa, còn ở đó* ***cứ để*** *họ biểu tình.*

Частица ***не*** в предложении выражает общее и частное отрицание, во вьетнамском языке она передаётся словом ***không***. Разные место положения частицы ***не*** в предложении передаёт отрицание определенного члена предложения как в русском, так и во вьетнамском языке. Например:

Он ***не*** *приехал сегодня. – Anh ấy đã* ***không*** *đến hôm nay.*

Он приехал ***не*** *сегодня. – Anh ấy hôm nay đã* ***không*** *đến.*

Сегодня приехал ***не*** *он. – Hôm nay* ***không*** *phải anh ấy đến.*

Когда частица *не* соединяет две формы одного и того же слова, выражается неуверенность, неопределённость признака, безразличие. Это характерно и русскому, и вьетнамскому языкам. Например:

Вилла - ***не*** *вилла, а все-таки хорошее место. – Villa hay là* ***không*** *villa, nói chung đều những chỗ tốt.*

На уроке он сидит за последней партой: и спит - ***не*** *спит, и слушает -* ***не*** *слушает. – Trong tiết học anh ấy ngồi ở bàn cuối: ngủ hay là* ***không*** *ngủ, nghe giảng hay là* ***không*** *nghe.*

Таксист еле двигается: едет ***не*** *едет. – Người lái taxi từng chút chuyển động: đi cũng như* ***không****.*

Плачь ***не*** *плачь, былого не воротишь. – Khóc cũng như* ***không*** *thôi, điều đã qua không thể quay lại được.*

Рад ***не*** *рад, а встречай. – Vui hay là* ***không****, cứ gặp đi.*

Когда частица *не* соединяет две формы однокоренных глаголов, то выражается значение полноты и длительности действия. В этом положении частица *не* переводится на вьетнамский язык сочетанием ***nhưng không quá***:

радуется ***не*** *нарадуется; - vui* ***nhưng không quá*** *vui*

гляжу ***не*** *нагляжусь; - ngắm nghía* ***nhưng không quá*** *say mê*

спит ***не*** *проспится. – ngủ* ***nhưng không quá*** *say*

Частица *не* вместе с глаголом совершенного вида, который имеет префикс *на-*, передают значение сильного и длительного эмоционального состояния. В этом положении для перевода словосочетания на вьетнамский язык следует использовать слово ***quá***, поскольку прямой перевод (с помощью лексемы ***không***) будет иметь отрицательное значение, и не передаст семантику сильного, длительного эмоционального состояния. Например:

не *налюбуется; –* ***quá*** *yêu thích*

не *надышится; –* ***quá*** *chiều chuộng*

не *нарадуется. –* ***quá*** *hạnh phúc*

Частица *не* в сочетании с *как* обычно используется в диалоге и передаёт значение утвердительного повтора. Данное сочетание частиц переводится на вьетнамский прямо, сохраняя семантику утверждения. Например:

– Нужно расписание? – Có cần thời khóa biểu không?

– Как ***не*** *нужно, конечно, нужно! – Tại* ***sao*** *lại có thể* ***không*** *cần chứ, tất nhiên là cần rồi.*

– Что ж ты, рад? – Cậu sao thế, vui à?

– Как ***не*** *рад! Очень рад. –* ***Sao*** *lại có thể* ***không*** *vui chứ, quá vui ý chứ.*

Частица *не* между инфинитивом и личной формой того же глагола выражает категорическое отрицание. На вьетнамский язык категоричность отрицания можно перевести с помощью двух лексем ***hoàn toàn không***, где ***hoàn toàn*** означает «*совсем»,* а ***không*** «*не*». Например:

Знать ***не*** *знаю – Tôi* ***hoàn toàn không*** *biết.*

Видеть ***не*** *видел – Anh ấy* ***hoàn toàn không*** *nhìn thấy*

И думать ***не*** *думай –* ***Hoàn toàn không*** *nghĩ gì cả.*

В предложениях с инфинитивом частица *не* передаёт значение невозможности. Для адекватного перевода на вьетнамский язык с сохранением исходной семантики необходимо использовать лексему ***đừng***:

Не *ночевать же тут! –* ***Đừng*** *ngủ ở đây!*

Не *бегать же мне за ним! –* ***Đừng*** *có chạy theo sau anh ấy!*

Частица ***ни*** передаёт отрицание со значением усиления. Во вьетнамском языке частица *ни* равна частице *не* и переводится также ***không***. Например:

Ни *души;* ***ни*** *звука;* ***ни*** *малейшей надежды. –* ***Không*** *tâm hồn,* ***không*** *âm thanh,* ***không*** *cả hy vọng nhỏ nhoi.*

Ни *шагу назад! –* ***Không*** *còn đường lui đâu!*

Ни *с места! –* ***Không*** *di chuyển nhé!*

Мы не слышали ***ни*** *звука. – Chúng tôi* ***không*** *nghe thấy tiếng gì cả.*

При этом усиление отрицания во вьетнамском языке осуществляется с помощью дополнительных лексем или интонацией.

Также частица *ни* в русском языке употребляется для передачи значения отрицания при перечислении. Например:

Для тебя нет ***ни*** *письма,* ***ни*** *посылки,* ***ни*** *телеграммы. – Đối với bạn thì* ***không*** *cả thư từ,* ***không*** *có bưu kiện,* ***không*** *điện tín.*

Частицы ***а, ли (ль), не ... ли, неужели, никак, ужели, разве, что за, что, что ли, как*** имеют вопросительное значение как в русском, так и во вьетнамском языке.

Частица ***ли*** используется для формирования вопроса. Во вьетнамском языке она передаётся лексемой ***chưa***, которая ставится в конце предложения. Например:

Давно ***ли*** *она уехала? – Cô ấy đã rời đi lâu* ***chưa****?*

*Привозили **ли** документы? – Họ đã chuyển tài liệu đến **chưa**?*

Также частица *ли* может передавать вопрос с оттенком сомнения. При переводе на вьетнамский язык семантика сомнения создаётся с помощью лексемы ***à*** в конце фразы. Например:

*Так **ли** это? – Như thế này **à**?*

*Верно **ли**? – Thế **à**?*

*Может **ли** это быть? – Có thể như thế **à**?*

Частицы ***не ... ли*** в русском языке и ***không*** ... ***à*** во вьетнамском языке добавляют в вопрос семантику смягченности, некатегоричности, неуверенности:

*Не голоден **ли** ты? – Bạn không đói **à**?*

*Не ошибся **ли** он? – Anh ta không sai **à**?*

*Не дождь **ли**? – Không mưa **à**?*

Частицы ***неужели, разве, никак*** во вьетнамском языке передаются лексемами ***chẳng lẽ***. Эти частицы добавляют в вопрос оттенок сомнения, неуверенности, удивления. Например:

***Неужели** это правда? – **Chẳng lẽ** là sự thật sao?*

***Разве** ты ему веришь? – **Chẳng lẽ** bạn tin anh ấy sao?*

***Никак** ты пьян? – **Chẳng lẽ** bạn say à?*

Частицы ***ли, не ... ли, разве, неужели*** часто используются в русском языке при риторическом вопросе. При переводе подобных вопросов на вьетнамский язык нельзя использовать прямой перевод. Семантика риторического высказывания во время перевода передаётся специальными лексемами. Например:

***Не** я **ли** помог тебе? – Tôi đã giúp đỡ bạn mà **phải không**?*

*Могли **ли** мы предположить обман? – **Liệu** chúng ta có thể tiếp tục nói dối?*

***Разве** так поступают друзья? – **Liệu** bạn bè là như vậy sao?*

***Неужели** ты мог простить? – **Liệu** bạn có thể tha thứ chăng?*

Частица ***что за*** используется для вопроса-требования уточнения, объяснения:

***Что за** человек этот юноша? – Anh thanh niên này **là sao**?*

***Что** это **за** пятно? – Vết bẩn này **do cái gì**?*

Частицы ***что, что ли, а, как*** относятся к разговорной, непринужденной речи.

Частица ***что*** в русском языке и её аналог ***sao*** во вьетнамском часто употребляются в разговорной речи. Например:

***Что**, он опять опаздывает? – Cái gì, anh ấy lại đến muộn **sao**?*

*Он **что**, опять опаздывает? – Anh ấy **sao** cơ, lại một lần nữa đến?*

Частица ***что ли*** имеет разговорно-фамильярный оттенок значения и, как правило, передаёт семантику предположения. Во вьетнамском языке частицы *что ли* переводятся одной лексемой ***à***. Например:

*Забыл **что ли**? – Bạn đã quên rồi **à**?*

*Опять опоздал, **что ли**? – Bạn lại quên rồi **à**?*

Частицы ***а, как*** представляя вопрос (как в русском, так и во вьетнамском языках), заключают побуждение к ответу. Например:

*Пойдем, **а**? – Chúng ta đi **nhé**?*

***Как**, согласна? – **Sao**, bạn đồng ý chứ?*

Также частицы *а, как* употребляются в русском и вьетнамском языках при переспросе:

– Подожди меня! – Đợi tôi với!

*– **А? – Hả**?*

– Я не готова. – Tôi chưa sẵn sàng!

*– **Как** не готова? – **Sao** lại không sẵn sàng?*

Частицы ***было***, ***бывало***, ***бывает***, ***чуть*** (***было***) ***не***, ***едва*** (***было***) ***не***, ***как***, ***мало не***, ***ну*** (с инфинитивом), ***только что не***, ***нет-нет*** (***да***) ***и***, ***так и*** используются в русском и вьетнамском языках для характеристики признака, действия или состояния с точки зрения его протекания во времени, по полноте реализации и результативности.

Частица ***было*** имеет аналог во вьетнамском языке ***đáng lẽ*** и передаёт значения действия, которое осуществилось, но или было прервано, или не было доведено до конца, или привело к нежелательному результату. Например:

*Он **было** пошел, но остановился. – Anh ấy **đáng lẽ** phải đi, nhưng anh ấy dừng lại.*

*Собравшиеся **было** уходить; решившись **было** остаться. – **Đáng lẽ** chuẩn bị rời đi nhưng lại quyết định ở lại.*

Частицы ***бывало***, ***бывает*** в русском языке переводятся на вьетнамский язык лексемой ***có lúc***. Эти частицы в предложении похожи на вводные слова и передают значение нерегулярной повторяемости действия. Например:

*Мы, **бывало**, вместе проводили вечера. – Chúng tôi **có lúc** cùng nhau đi chơi tối.*

*Он, **бывало**, хаживал к ней по вечерам. – Anh ấy **có lúc** đi đến cô ấy vào buổi tối.*

*Они езживали, **бывало**, к соседям. – Họ **có lúc** đi đến hàng xóm.*

*Придет, **бывает**, соседка, захочет чаю попить. – Hàng xóm **có lúc** đến và muốn uống trà.*

Частицы ***чуть*** (***чуть-чуть***) (***было***) ***не***, ***едва*** (***было***) ***не***, ***только что не***, ***мало не*** имеют аналоги во вьетнамском языке и содержат семантику действия, которое почти осуществилось, или признака, который почти проявился. Например:

*Девушка от радости **едва не** подпрыгнула. – Cô gái vui sướng tới nỗi **tí nữa thì** nhảy cẫng lên.*

*А уж как она его любила, **чуть не** каждый день с ним проводила. – Cô ấy yêu anh ta tới nỗi **hầu như** ngày nào cũng gặp anh ta.*

*На вечеринке он, **только что не** кувыркался, стараясь всем понравиться. – Vào buổi dạ hội, anh ấy cố gắng làm cho mọi người thích thì **suýt chút nữa** đã nhảy lên.*

*Машина поехала так быстро, что **мало не** взлетела в воздухе. – Ô tô đi nhanh đến nỗi **chỉ thiếu điều** bay lên thôi.*

*Смотри, сколько грибов насобирали! **Чуть не** полную корзину! – Nhìn đi, chúng mình thu hoach được **bao nhiêu** nấm rồi!*

Частица ***нет-нет*** (***да***) ***и***, которая в русском языке содержит семантику нерегулярного повтора (например: ***Нет-нет да и*** *зайдет побеседовать;* ***нет-нет и*** *заплачет*), не характерна для вьетнамского языка и имеет аналога для перевода.

Частица ***как*** переводится на вьетнамский язык лексемами ***làm sao.*** В сочетании с глаголом совершенного вида данная частица, как в русском, так и во вьетнамском языке, передаёт значение внезапного и интенсивного действия. Например:

Как *закричит она не своим голосом! – Cô ấy **làm sao** có thể hét lên với giọng của mình như thế!*

Как *забежали они в комнату! – **Làm sao** họ có thể chạy trong phòng như thế!*

Частица ***так и*** имеет аналог во вьетнамском языке ***như là***. Вместе с глаголом данная частица передает значение напряженного, интенсивного и полного действия. Например:

*Его **так и** затрясло от смеха. – Anh ấy cười **như là** rung lên.*

*Вода **так и** брызжет из-под колес машины. – Nước **như là** bắn ra từ bánh xe.*

Частицы ***ну***, ***давай***, ***и*** (устар. и прост.) без особых трудностей переводятся на вьетнамский язык. В сочетании с инфинитивом глагола несовершенного вида они передают семантику быстрого начала интенсивного длительного действия, например:

*Он приехал и **давай** петь песни. – Anh ấy đến nơi và nhanh chóng bắt đầu hát.*

*Всю ночь они будут **и** плясать, **и** танцевать. – Họ cả đêm sẽ **vừa** nhảy múa, **vừa** hát hò.*

В некоторой степени каждая частица характеризуется наличием определенного оттенка субъективной семантики. Модальные частицы наиболее полно и ярко выражают не объективное, а субъективное отношение к содержанию сообщения: передают определенные эмоции, оценки, реакцию адресанта, его желание, указывают на связь с источником информации, фоновыми знаниями и фактами действительности.

Частицы ***а*, *ведь*, *вон*, *вот*, *всего*, *всего-навсего*, *да*, *еще*, *же*, *и*, *и есть*, *или*, *именно*, *как есть*, *ли*, *лишь*, *ну*, *оно*, *просто*, *прямо*, *таки*, *так-таки*, *те*, *тебе*, *то*, *только*, *уж*, *это*** употребляются для того, чтобы подчеркнуть, усилить выражение или его определенную часть, передать эмоции, оценки, характеристики и т. п. Во вьетнамском языке у этих частиц имеются аналоги, содержащие аналогичную семантику. Например:

*Это **уж** слишком! – **Thật là** quá đáng!*

*Она **всего-навсего** забыла ему об этом сказать. – Cô ấy chỉ **vỏn vẹn** quên nói cho anh ấy về cái này.*

***И как** это он такое написал. – **Làm sao** mà anh ấy viết như thế này.*

Частица ***то*** часто используется в разговорной речи, как правило, после существительных, местоимений и глаголов. При переводе на вьетнамский язык она сохраняет свой разговорно-бытовой характер. Например:

*Он-**то** успел сдать свой доклад. – Anh ấy **hình như** đã kịp trả thi.*

*А доклад-**то** был хороший. – Nghiên cứu **hình như** rất tốt.*

*Кто-**то** постучал в двери. – Ai **đó** đã gõ cửa.*

*Написать-**то** написал, но принести забыл. – Anh ấy đã viết gì **đó** rồi nhưng quên không mang tới.*

Частица ***вот*** в зависимости от прагматической интенции автора может выполнять различные функции и передавать разные оттенки значения. Во вьетнамском языке, также как и в русском, значение частицы ***вот*** **Đây** определяется интонацией и контекстом её употребления. Например:

***Вот** увидите, сколько работы нам предстоит* (предупреждение) *– **Đấy** bạn thấy chưa, chúng tôi phải làm bao nhiêu việc.*

***Вот** какой фокус!* (удивление) *– **Đây chính** là tiêu điểm!*

***Вот** так вам и надо!* (угроза) *– **Đây chính** là điều bạn cần!*

***Вот** бы отдохнуть!* (желание) *– Nghỉ đi **kìa**!*

***Вот тебе и** повеселились!* (досада) *– **Đây của bạn** đây!*

Частица ***ведь***, как правило, употребляется для усиления определенной части высказывания. На вьетнамском языке она сохраняет свою семантику. Например:

*Он **ведь** добрый человек? – Anh ấy thật là người tốt **ư**?*

***Ведь** есть в этом мире справедливость! – **Dầu sao** vẫn còn điều này là trung thực trên thế giới này!*

*Никто **ведь** не может быть роднее, чем мама. – **Dù sao** cũng không có ai tốt hơn mẹ đâu.*

Частица ***только*** переводится на вьетнамский язык как лексема ***chỉ có,*** сохраняя выделительно-ограничительное, усилительное значение. Например:

*Об этом известно **только** ему. – **Chỉ có** anh ấy biết về điều này.*

***Только** дети могут так радоваться мелочам. – **Chỉ có** trẻ con mới có thể vui vì những điều nhỏ nhặt như vậy.*

***Только** этого мне не хватало! – **Chỉ có** cái này là tôi không đủ.*

Он не сделал ***только*** *одно упражнение. – Anh ấy không làm* ***dù chỉ*** *một bài tập.*

Частица ***лишь*** при переводе на вьетнамский язык сохраняет своё ограничительно-выделительное, усилительное значение:

Вокруг тишина: слышен ***лишь*** *ветер. – Xung quanh đều tĩnh lặng,* ***chỉ*** *nghe thaassy tiếng gió.*

Она ***лишь*** *взглянула на него и ничего не сказала. – Cô ấy* ***chỉ*** *nhìn thẳng vào anh ấy và không nói gì cả.*

Лишь *бы они успели на самолёт! – Họ* ***chỉ*** *kịp lên máy bay!*

Частица ***прямо*** переводится на вьетнамский язык двумя способами: если она стоит перед предлогом, то ***thẳng,*** если непосредственно перед именем существительным, то ***thật là***. Например:

Он обратился с этой проблемой ***прямо*** *к начальнику. – Anh ấy đặt vấn đề này* ***thẳng*** *với quản lý.*

Он смотрел её ***прямо*** *в глаза, когда обещал приехать. – Anh ấy nhìn* ***thẳng*** *vào mắt cô ấy khi anh ấy thông báo là đến.*

Прямо *беда с этим ребёнком: совсем не слушается. –* ***Thật là*** *khốn khổ với đứa trẻ này, nó hoàn toàn không nghe lời.*

Ты ***прямо*** *мастер! Так быстро всё сделал! – Bạn* ***thật là*** *giỏi! Mọi việc đều làm xong một cách nhanh chóng.*

Частица ***даже*** в русском и вьетнамском языках имеет выделительную семантику и усиливает то слово, к которому относится. Например:

Даже *Марина приехала в гости. –* ***Thậm chí*** *Marina còn đến nhà chơi.*

Он ***даже*** *не помнит, где забыл документы. – Anh ấy* ***thậm chí*** *không nhớ để quên tài liệu ở đâu.*

Они ***даже*** *не обедали сегодня. – Họ hôm nay* ***thậm chí*** *còn không ăn chưa.*

Большинство модальных частиц, которые содержат добавочную семантику (передают различные оценки, субъективные реакции) можно прямо перевести на вьетнамский язык, например:

Благо, *все живы и здоровы остались! – Hoan hô, tất cả đều sống sót và khỏe mạnh.*

Они ***едва ли не*** *провалились на экзамене. – Họ* ***suýt chút nữa*** *thì trượt kỳ thi.*

Что за *встреча! – Cuộc gặp này để* ***làm gì chứ****!*

Ну да, как же*!* ***Так бы*** *я вас и отпустил! –* ***Đúng rồi, sao có thể****.* ***Đừng hòng*** *mong tôi để bạn đi.*

Что ли *нам чайку попить! –* ***Hay là*** *chúng ta uống trà đi!*

Он ***чисто*** *хозяином себя почувствовал. – Anh ấy* ***hoàn toàn*** *cảm thấy mình như là ông chủ.*

Товар ***что ни на есть*** *лучший. – Có bất kỳ hàng nào tốt.*

Частицы ***дай, дай-ка, давай-(те)*** передают волеизъявление: просьбу, призыв, возможность что-то сделать. На вьетнамский язык они переводятся лексемой ***nào.*** Например:

Дай-ка *я еще раз ему позвоню. –* ***Nào****, để tôi gọi cho anh ấy một lần nữa.*

Давай*, иди уже на работу. –* ***Nào****, đi làm đi.*

Частицы ***(и) без того, вот и, вот тебе (те) и, всё, да, де, единственно, еще, знай (знай себе), и так, и то, исключительно, лучше, на что, нет, но, ну и, однако, так и, тебе, только, то-то, самое, себе, якобы*** имеют аналоги во вьетнамском языке. Они передают семантику соответствия ожидаемому, связь с известным фактом, предпочтительность, своевременность, исключительность, обусловленность, ссылку на источник и т. п. Например:

И без того *времени на всё не хватает.* – ***Chẳng*** *đủ thời gian cho tất cả.*

Вот тебе и *отдохнул!* – *Bạn* ***hãy*** *nghỉ đi.*

Неужели вы ***так и не*** *вспомнили, где мы встречались*? – *Chẳng lẽ bạn không* ***thể nào*** *nhớ ra chúng ta đã gặp nhau ở đâu à?*

Частица ***всё*** в русском и вьетнамском языках подчеркивает постоянство признака или его нарастание. Например:

С каждым днём ***всё*** *холоднее и холоднее.* – ***Mọi thứ*** *mỗi ngày đều lạnh hơn.*

На улице ***всё*** *та же сырость и грязь.* – ***Mọi thứ*** *ngoài đường thật ẩm ướt và bẩn.*

Он ***всё*** *такой же красивый, как и прежде.* – *Anh ấy* ***lúc nào*** *cũng đẹp như trước kia vậy.*

Частицы ***дескать*** и ***мол***, которые используются для передачи чужой речи (например: *Он,* ***дескать****, забыл свои документы; Они,* ***мол,*** *не знают, как можно помочь*), не имеют перевода на вьетнамский язык.

Модальные частицы, которые передают эмоциональные реакции, отношение к сказанному, субъективную оценку, в русском и вьетнамском языках довольно часто сочетаются друг с другом, передавая целый комплекс различных оттенков значения. Например:

Уж *устала*! ***Уж и*** *устала!* ***Да уж и*** *устала*! ***Уж и*** *устала* ***же!*** – ***Ui****, mệt quá!* ***Thật*** *mệt!* ***Quá là*** *mệt!* ***Rất chi là*** *mệt!*

Вот и *отдохнули.* ***Вот уж*** *отдохнули.* ***Вот ведь и*** *отдохнули.* ***Вот же*** *отдохнули.* ***Ну вот и*** *отдохнули.* – *Nghỉ ngơi* ***thôi****. Nghỉ ngơi* ***đi****.* ***Hãy*** *nghỉ nghơi* ***đi****. Nghỉ ngơi* ***rồi****. Đây nghỉ ngơi* ***đây****.*

Ну *приготовили.* ***Ну и*** *приготовили.* ***Ну уж и*** *приготовили.* ***Ну*** *приготовили* ***же****.* – ***Này*** *nấu xong rồi.* ***Đây*** *nấu xong rồi.* ***Cuối cùng*** *nấu xong rồi.* ***Đây*** *nấu xong rồi* ***đây****.*

Чего же *он хочет?* ***Ну чего ж*** *он хочет?* ***Чего уж*** *он хочет?* ***Да чего*** *он хочет?* – *Anh ấy muốn gì* ***thế****?* ***Thế*** *anh ấy muốn cái gì?* ***Tóm lại*** *anh ấy muốn cái gì?* ***Rốt cuộc*** *anh ấy muốn cái gì?*

Вроде *успели.* ***Вроде и*** *успели.* ***Вроде бы*** *успели.* – ***Dường như*** *là kịp.* ***Dường như*** *đã kịp* ***rồi****.* ***Giá như*** *là gần kịp.*

Таким образом, большинство частиц русского языка могут быть переведены на вьетнамский язык с сохранением исходной семантики без трудностей. Русские частицы, как правило, сохраняют свою частеречную принадлежность во вьетнамском языке. Исключением являются лишь частицы ***нет-нет, да и, дескать, мол***, которые демонстрируют лакунарность во вьетнамском языке и не имеют соответствующего перевода. А также частицы ***благо, а, уж,*** которые во вьетнамском языке принадлежат к междометиям. В целом, русский и вьетнамский языки характеризуются схожестью семантики частиц, однако при переводе необходимо анализировать контекст употребления тех или иных частиц для того, чтобы корректно передать значение высказывания. Это обусловлено тем, что одна и та же частица в разных ситуациях, может передавать различные оттенки значения.

Литература

1. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. 215 с.
2. Кобозева И. М., Орлова, С. В. Одноклеточные организмы общения под микроскопом: немецкая частица ja в сопоставлении с ее переводными эквивалентами ведь и же. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 7/14*. М., 2008. С. 199- 205.
3. Орлова С. В. Сопоставительный анализ семантики немецких частиц den, doch и ja и их русских переводных «эквивалентов»: дис. … канд. филол. наук / Орлова Светлана Викторовна. М., 2012. 321 с.
4. Минченков А. Г. Английские частицы: функции и перевод / А. Г. Минченков. СПб. 2004. 96 с.
5. Минченков А. Г. Дискурсная частица: анализ переводческих соответствий в английском и русском языках: автореф. дис. канд. филол. наук. : 10.02.04. СПб., 1999. 18 с.

6. Маццола, Е. Семантика русских модальных частиц и способы ее отражения средствами итальянского языка: дис. канд. филол. наук : 10.02.20 /Москва, 2004. 175 с.

7. Савельева Л. А. Частицы в русском, немецком и английском языках (на примере текстов русской, немецкой и английской художественной литературы). Уфа, 2020. 217 с.

8. Савельева Л. А. К проблеме классификации частиц в русском, немецком и английском языках. *Доклады Башкирского университета.* 2018. Т. 3. № 3. С. 307-312.

9. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002. 292 с.

10. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1990. 253 с.

Стаття присвячена дослідженню проблем перекладу російських часток на в'єтнамську мову. Розглядаються варіанти перекладу на в'єтнамську мову різних часток російської мови. Частки є носіями додаткової суб'єктивної оціночності, що обумовлює певні труднощі в процесі їх перекладу на іншу мову. У цілому, російська і в'єтнамська мови характеризуються схожістю семантики часток, однак при перекладі необхідно аналізувати контекст вживання тих чи інших часток для того, щоб коректно передати значення висловлювання. Це обумовлено тим, що одна і та ж частка в різних ситуаціях, може передавати різні відтінки значення.

Ключові слова: *контрастивна лінгвістика, перекладознавство, порівняльний аналіз, частка.*

The article focuses on issues of translating Russian particles into Vietnamese. Variants of translation of various particles from the Russian language into Vietnamese are considered. Particles are carriers of additional subjective evaluation, which causes certain difficulties in the process of translation into another language. In general, Russian and Vietnamese languages are characterized by the similarity of the semantics of particles, however, when translating, it is necessary to analyze the context in order to correctly convey the meaning of the statement. The same particle in different situations can convey different shades of meaning.

Key words: *comparative analysis, contrastive linguistics, particles, translation studies*

Ж. Н. ГОНЧАРОВА

Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды

СУБСТАНТИВАТЫ С ПЕРЕМЕННЫМ ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Б. ЧИЧИБАБИНА

Розглянуто функціонування контекстуальних субстантиватів на матеріалі віршів Б. Чичибабіна. Виявлено групи слів-транспозитів за різними значеннями, які вирізняються з-поміж контекстуальних. Визначено їх морфологічні характеристики та досліджено їх особливу роль у структурі поетичного тексту.

Ключові слова: *контекстуальні субстантивати, антоніми, транспозити, лексична протилежність, змінне предметне значення, сопозиція.*

Грамматическая семантика ряда морфологических единиц является мощным фактором возможного смыслового «развертывания» поэтического текста.

К единицам с высоким экспрессивно-семантическим потенциалом относятся частеречные транспозиты – слова, совмещающие на разных основаниях свойства двух или трех частей речи, – в первую очередь, субстантиваты [3, с. 289].

Субстантиваты как единицы языка и речи описаны в лингвистической литературе весьма подробно. К числу исследователей этих грамматических единиц можно отнести, например, В. Н. Мигирина, М. Ф. Лукина, С. И. Богданова, Ю. В. Смирнова, Е.А. Скоробогатову.

Современные исследователи, в частности Е. А. Скоробогатова, выделяют в группе субстантиватов в первую очередь слова, предметное значение которых закреплено в языке. С одной стороны, это полные субстантиваты, т.е. слова, не имеющие либо утратившие исходное адъективное значение (*зодчий, портной, преисподняя*), с другой – слова с устойчивым субстантивным значением, их предметная отнесенность вне контекста воспринимается как известная, «но которые имеют соотносительную признаковую

пару, а значит, в конкретном контексте при отсутствии означаемого могут иметь иную контекстуальную предметную отнесенность»: *военный –‘военный человек’, ‘военный билет’; учительская – ‘учительская комната’, ‘учительская зарплата’.* [2]. И третью группу субстантиватов представляют индивидуально-авторские транспозиты, предметное значение которых реализуется только контекстуально.

Целью данной работы является описание функций контекстуальных (авторских) субстантиватов в стихотворениях Бориса Чичибабина и выявление их особенностей.

Материалом для анализа послужили фрагменты стихотворений, полученных методом сплошной выборки из сборника «Собрание стихотворений» [6], написанных в период 1946-1987 гг.

При анализе группы индивидуально-авторских субстантиватов, предметное значение которых реализуется только контекстуально: *курчавый, смуглый, худые, хворые, уходящий,* – обращаем внимание на использование субстантиватов-антонимов, которые локализованы в пределах одной строфы, иногда линейно в одной строке. Среди таких индивидуально-авторских субстантиватов, находящихся в отношениях антонимии, мы выделили группу абстрактных слов, называющих отвлеченное, обобщенное понятие; группу имен существительных в форме мн.ч. и в форме м.р. ед.ч., называющих лиц (по определенному признаку, по производимому действию).

Обратимся к некоторым отрывкам текста:

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы ***истины*** *не ищем,*
а только ***<u>нового</u>*** *боимся?*
Я на ***неправду*** *чертом ринусь,*
не уступлю в бою со ***<u>старым</u>****,*
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

(Б. Чичибабин «Клянусь на знамени веселом…») [6, 67].

В данном фрагменте противопоставлены абстрактные транспозиты в форме среднего рода ед.ч. *новое-старое,* значения которых устанавливаем из контекста: ‘*новая и старая власть, политический режим’.* Контекстуальный контраст создает использование существительных-антонимов *истина-неправда,* что подкрепляет антонимические отношения субстантиватов. Более того, существительное *истина* сополагается с субстантиватом *новое* симметрично в вертикальном ряду, а слова *неправда и старое* занимают позиции начала и конца стиха соответственно. Контекст данного фрагмента стихотворения позволяет рассматривать субстантиват *новое* и существительное *истина* как контекстуальную синонимическую пару. В таких же отношениях находятся транспозит *старое* и существительное *неправда*. Использование подобных граммем как синонимов, на наш взгляд, связано с решением определенной поэтической задачи – развенчанием культа Сталина. Очевидно, что автор, используя субстантиват *старое*, описывает человеконенавистнический сталинский режим и соотносит его с существительным *неправда,* а использование транспозита *новое* указывает на новую ситуацию, оттепель, перемены, которых так боялись многие современники поэта, связанные с механизмами насилия, и которые автор соотносит с *истиной*.

Продемонстрируем еще один подобный фрагмент:

Там жизнь мировая согласна с мирской,
и ***<u>дальнее</u>*** *плачет о* ***<u>близком</u>****,*
и ***радости*** *праздник пронизан* ***тоской***
и жертвенной кровью обрызган.

(Б. Чичибабин «Псалом Армении») [6, с. 337].

В этом отрывке субстантиват *дальнее* называет '*все, что было в прошлом, все далекое'*; *близкое – 'все, что рядом, происходит в настоящем'*, т.е., реализуется как временной контраст, так и пространственный. Противоположность семантики субстантиватов подкрепляется парой антонимов *радость-тоска,* которые локализованы симметрично в вертикальном ряду с транспозитами *дальнее* и *близкое* в сильных позициях стиха – начало и конец соответственно.

Антонимические отношения, в которые вступают друг с другом субстантиваты, подчеркивают как лексическую, так и грамматическую семантику.

Далее рассмотрим фрагменты текста, где субстантиваты, находящиеся в отношениях антонимии, называют лиц по определенному признаку, либо производимому действию:

Но мне важней втройне
в разгаре битв заветных,
на чьей ты стороне –
богатых *или* ***бедных****.*
Пусть муза и умрет,
Блаженствуя и мучась,
Но только б за народ,
А не за ***власть имущих****.*

(Б. Чичибабин «Когда с тобою пьют…») [6, с. 133].

В данном отрывке встречаем субстантиваты, называющие лиц по определенному признаку (признак принадлежности к характерной категории) в форме мн.ч: *богатые – бедные – власть имущие.* В первом четверостишии выделение транспозитов *богатые и бедные,* находящихся в антонимических отношениях, происходит за счет локализации в сильной позиции – в отдельной строке и позиции рифмы: слово *бедных* рифмуется с прилагательным *заветных.*

Во второй строфе представлен достаточно редкий случай поэтического функционирования: как субстантиват используется фразеологическое словосочетание *власть имущие.* Словарное значение данного устойчивого словосочетания *'правители, люди, облеченные властью'* [5, с. 167] указывает на то, что субстантивация сочетания произошла в языке. Предметная семантика словосочетания актуализируется за счет соположения с существительным *народ.* В данном контексте, на наш взгляд, они являются контекстуальными антонимами. *Власть имущие – люди, облеченные властью', народ – 'простые люди'.*

Рассмотрим еще один пример:

Люблю мой крест, мою полунужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с ***чужим****, а гневаюсь на* ***друга****,*
со ***злом*** *мирюсь, а* ***доброго*** *не жду.*

(Б. Чичибабин «Сбылась беда пророческих угроз…») [6, с. 269].

В этом отрывке текста встречаем противопоставление субстантивата и существительного, которые находятся в отношениях контекстуальной антонимии: *чужой-друг, зло-доброе*, что подчеркивает субстантивную природу транспозитов. В первом случае соположение транспозита *чужой* в форме м.р. ед.ч. с существительным *друг* актуализирует предметное значение лица, во втором – выделяется обобщенная субстантивная семантика абстрактного субстантивата *доброе* за счет соположения с абстрактным существительным *зло* в форме ср.р. ед.ч.

Контекстуальные субстантиваты (индивидуально-авторские с переменным предметным значением), в отличие от языковых (субстантиватов с постоянным субстантивным значением), как правило, не являются стилистически и оценочно нейтральными. «Они служат показателями синсемантии и средством связности текста,

указывают на синкретичность грамматической семантики и подчеркивают лексическую» [4, с. 114].

В следующем фрагменте стихотворения использованы отпричастные субстантиваты, находящиеся в антонимических отношениях *уходящий-остающийся.*

Дай вам Бог с корней до крон
Без беды в отрыв собраться.
Уходящему *– поклон.*
Остающемуся *– братство.*
Вспоминайте наш снежок
посреди чужого жара.
Уходящему *– рожок.*
Остающемуся *– кара.*

(Б. Чичибабин «Дай вам Бог с корней до крон…») [6, с. 185].

Особенностью таких граммем (причастий, перешедших в класс существительных) является их двойственность и сохранившиеся глагольные значения (временные, залоговые), что обусловливает как семантические, так и функционально-синтаксические особенности этих транспозитов [1, с. 43]. Контекстуальные субстантиваты *уходящий-остающийся* называют лиц по производимому действию в форме настоящего времени действительного залога. Их предметная семантика реализована благодаря соположению с существительными: *уходящему – поклон, остающемуся – братство; уходящему – рожок, остающемуся – кара.* Они выделяются за счет локализации в сильной позиции стиха – начале строки, причем грамматический повтор наблюдаем в третьем и четвертом стихе каждой строфы (стихотворение состоит из 8 строф). Лексическое противопоставление и объединение выполняют текстообразующую функцию. Используя транспозиты *уходящий-остающийся*, автор описывает массовую эмиграцию друзей в 1970-х годах и чувства тех, кто остается.

Итак, анализ индивидуально-авторских транспозитов в стихотворениях Б. Чичибабина показывает, что автор активно использует субстантиваты, находящиеся в антонимических отношениях: *новое-старое, бедные-богатые, дальнее-близкое,* более того лексическое противопоставление наблюдается не только у транспозитов по отношению друг к другу, но и у транспозитов по отношению к существительным: *чужой-друг, зло-доброе.*

В одних случаях сополагаемые существительное и субстантиват контекстуально реализуют отношения синонимии: *новое-истина, старое-неправда,* а в других – *антонимии.*

Среди авторских субстантиватов выделяем слова абстрактные в форме ср.р. ед.ч., называющие отвлеченные, обобщенные понятия; слова-транспозиты в форме м.р. ед.ч, называющие лиц по признаку и производимому действию. Достаточно регулярно встречаются субстантиваты в форме мн.ч, называющие лиц по определенному признаку. Довольно часто предметная семантика субстантиватов подчеркивается соположением с именами существительными в сильных позициях стихотворения.

Лексическое противопоставление контекстуальных субстантиватов в анализируемом тексте выполняет текстообразующую функцию, служит средством его связности и указывает на синкретичность грамматической семантики.

Литература

1. Богданов С. И., Смирнов Ю. В. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: Учебное пособие. СПб. 2004. 58 с.

2. Скоробогатова Е.А. Функционирование в поэтическом тексте субстантиватов с постоянным, устойчивым и переменным предметным значением. *Культура народов Причерноморья.* 2007. № 110, Т. 2. С. 181–184. рос. URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/55032.

3. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. Харьков, 2012. 480 с.

4. Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилях: Монография. Харьков, 2014. 240 с.

5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1935-1940.

6. Чичибабин Б. А. Собрание стихотворений ; сост. Л. С. Карась-Чичибабина ; вступ. ст. С. Н. Буниной ; коммент. Л. С. Карась-Чичибабиной, С. Н. Буниной ; худож.-оформитель С. И. Правдюк. Харьков, 2009. 890 с.

В статье описано функционирование контекстуальних субстантиватов на материале стихотворений Б. Чичибабина. Среди авторских выделены группы слов-транспозитов с разными значениями, определены их морфологические характеристики и виявлена их особая роль в структуре поэтического текста.

Ключевые слова: *контекстуальне субстантиваты, антонимы, транспозиты, лексическое противопоставление, переменное предметное значение, соположение.*

The article discusses functioning of contextual substantivates in the poems by B. Chichibabin. Among the contextual ones groups of words-transposits with different meanings and their morphological features have been studied. Their particular function has been examined in the structure of the poetic text.

Keywords: *contextual substantivates, antonyms, transposits, co-position, changeable object meaning, lexical opposition*

К. ЄПІМАХОВА

Київський національний лінгвістичний університет

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ПОСЛОВИЦ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

У статі розглядається виховна роль прислів'я, їхня значущість в методиці навчання російській мові як іноземної, описані окремі прислів'я, також надано класифікацію прислів'я за головним словом.

Ключові слова: *методика навчання, виховна роль, прислів'я, російська мова, класифікація, опис.*

Пословицы и поговорки, изначальной целью которых является передача жизненного опыта, выполняют воспитательную функцию при изучении РКИ. Через призму пословиц и поговорок раскрываются суждения о действительности и прививаются оценочные воззрения о предметах и явлениях.

Национально-культурные особенности семантики языка отражают общественное устройство, фольклор, быт и обычаи народа. Именно поэтому студентам-иностранцам очень важно ознакомиться с пословицами, поговорками, афоризмами, крылатыми словами, которые веками сохраняют и обеспечивают преемственность национально-культурной семантики русского языка.

Внеязыковая действительность и отношения между предметами окружающего мира находят наиболее полное отражение в пословицах, поговорках, фразеологизмах, афоризмах и крылатых выражениях.

Суждение – основа целостного смыслового содержания пословицы.Пословицы могут констатировать: *В гостях хорошо, а дома лучше; Близок локоть, да не укусишь.* Констатирующей пословице соответствует определенная синтаксическая форма - повествовательное предложение. Пословицы, имеющие характер предписания, совета выступают в форме побудительного предложения: К*уй железо, пока горячо; Взялся за гуж - не говори, что не дюж; Готовь сани летом, а телегу зимой.* Такая особенность паремии дает возможность изучать их студентам-иностранцам в рамках курса синтаксиса.

Важно обращать внимание иностранных студентов на лингвострановедческий характер пословиц и поговорок. Задача преподавателя при этом объяснить буквальное значение и переносный смысл паремии: в *Европу прорубить окно; клин клином вышибают; язык до Киева доведет.* Необходимо также подчеркнуть ситуативную характеристику: в ней разъясняется, где, когда, с какой целью, в каком стиле может быть употреблен данный языковой афоризм, пословица или поговорка. Например, если требуется показать обобщающее, собирательное значение слов человек - люди, то лучше всего это сделать с помощью паремий типа *Свет не без добрых людей; Поспешишь - людей насмешишь; Люди с чистой совестью.*

Как отмечалось вначале статьи, одна из важных целей пословиц и поговорок -- стремление привить людям оценку явлений действительности, критикуя, восхваляя или высмеивая: *лучше с умным потерять, чем с дураком найти; Под лежачий камень и вода не течёт; От добра добра не ищут; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.*

Утверждения в пословицах основываются на социальном опыте: они поощряют труд и осуждают лень. *Труд человека кормит, а лень портит; зажиточно жить - надо труд любить; Лень добра не делает; Работай смелее - будешь жить веселее; Без труда нет добра; Ленивому всегда праздник; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Ленивые руки не родня умной голове; Труд кормит и одевает.* Сему «безделья» также включают многие пословицы: *Маленькое дело лучше большого безделья; Без дела жить - только небо коптить; Пошел за делом, а воротился с бездельем; Понедельничай, да не бездельничай; Люди за дело, а дурак за безделье; Безделье - мать пороков.* Русские народные пословицы осуждают в людях бездеятельность: *Люди за дело, а дурак за безделье; Гром не грянет, мужик не перекреститься; беспечность: Беспечность - родня преступлению; На охоту ехать - собак кормить; бесхозяйственность: Что плохо положено, то брошено; беспредметную болтливость: Большой говорун - плохой работник; Мели, Емеля, твоя неделя; Язык мой - враг мой; верхоглядство: Верхоглядство хуже незнания; похвальбу: Чем хвалишься, на том и провалишься; зазнайство: Кому повезло, тот и зазнался*, и многие др.

Пословицы указывают на причинно-следственную связь действий и последствий:: *Тот не ошибается, кто ничего не делает; По одёжке встречают, по уму провожают; Не рой яму другому, сам в неё попадёшь; Что посеешь, то и пожнёшь.* Пословицы критикует человека: *У семи нянек дитя без глазу; Ученого учить - только портить; Яйца курицу не учат, пословица хвалит: Дело мастера боится; И швец, и жнец, и в дуду игрец.*

В пословицах одобряется взаимопомощь и дружба:*С миру по нитке - голому рубаха; Свет не без добрых людей; Старый друг лучше новых двух; Друзья познаются в беде; В тесноте, да не в обиде,* гостеприимство, хлебосольство: *Не красна изба углами, а красна пирогами; Чем богаты, тем и рады; Что есть в печи, всё на стол мечи,* долг, ответственность: *Дружба дружбой, а служба службой; Любишь кататься, люби и саночки возить,* одаренность, способности: *Большому кораблю - большое и плавание; Кому много дано, с того много и спросится,* учение, знания: *Учись доброму, так худое на ум не пойдёт; Ученье лучше богатства; Наука учит только умного; Кто хочет много знать, тому надо мало спать; Ученье свет, а неученье тьма; Век живи, век учись.*

Особое место в русских пословицах и поговорках отведено уму:

1. Ум может характеризоваться как живое существо-помощник: *Ум разуму подспорье; Где ум, там и толк; И сила уму уступает; Сто голов - сто умов; учитель, советчик: Ум да разум надоумят сразу; ученик: Не пером пишут, умом; Умный любит учиться, а дурак учить; царь: Свой ум - царь в голове; живое существо с ощущениями: Видит око далеко, а ум еще дальше.*

2. Особым образом подчеркнуты половозрастные характеристики ума, например, ум женщины: *Женский ум лучше всяких дум; Волос долог, да ум короток; ум мужчины: Брат*

он мой, а ум у него свой; Шуба на сыне отцовская, а ум у него свой; Стар годами, да молод умом; Вырасти вырос, а ума не вынес; Борода выросла, а ума не вынесла.

3. В некоторых случаях ум саркастически сравнивается с греховным и злым: *Бес всех умнее, а злой дух; Много на свете умного, да хорошего мало. Умом в пословицах и поговорках наделены живые существа и абстрактные понятия: умная ложь, беседа, речь; умный поп, мужик, недруг; умная свинья.*

Главная задача пословиц и поговорок, афоризмов и крылатых выражений -- обеспечить преемственность положительных идеалов - смелости, честности, чувства дружбы, ставят в пример высоконравственное поведение, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия: *Береги платье снову, а честь смолоду; Посеешь ложь, не вырастет рожь; С родной земли - умри - не сходи; Старый друг лучше новых двух; В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, Человек - это звучит гордо*. Паремии воплощают собой эстетические принципы, которые высоко ценятся в любом социуме: простота, краткость, содержательность, выразительность.

В статье рассматривается воспитательная роль пословиц, их роль в методике обучения русскому языку как иностранному, описаны отдельные пословицы, также предоставлена классификация пословиц по опорному слову.

***Ключевые слова**: методика обучения, воспитательная роль, пословицы, русский язык, классификация, описание.*

The article deals with the educational role of proverbs and represents them as a part of the methodology of teaching Russian as a foreign language. It describes individual proverbs, and also provides a classification of proverbs according to a key word.

***Keywords**: teaching methods, educational role, proverbs, Russian language, classification, description.*

ЛАМ ЛУЇ ЛОК
Київський національний лінгвістичний університет

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ МАТЕРИАЛЬНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статтю присвячено проблемі дослідження перекладу фразеологізмів, що виражають матеріально-грошові відношення у російській та англійській мовах. Розглядаються поняття фразеологізму та підходи до його визначення, місце матеріально-грошових відносин у культурі, проблема адекватності та еквівалентності в перекладі, та основні шляхи перекладу фразеологізмів .

***Ключові слова:** фразеологізм, адекватність, еквівалентність, переклад.*

Фразеология как отрасль языкознания исследует фразеологизмы с целью определения их категориальных признаков, статуса фразеологизмов как особых речевых/языковых единиц и установления закономерностей функционирования фразеологизмов в речи. Несмотря на кажущееся единство предмета изучения, вопрос их классификации самой природы фразеологизма остается открытым для дискуссии. Кроме того, нет единой классификации фразеологизмов русского и английского языков. Как самостоятельная дисциплина лингвистики, фразеология образовалась в 40-х годах прошлого века. Труды А. А. Потебни [1], А. А. Шахматова [2] и И. И. Срезневского [3] расцениваются филологами как предпосылки теории фразеологии. Так же, неоценимый вклад в развитие фразеологии внес выдающийся французский лингвист Шарль Балли [4]. Необходимо отметить, что в тот период основное внимание уделялось вопросам сходства и различия фразеологизмов

со словами или словосочетаниями, или, другими словами, основной проблематикой фразеологии являлось определение критериев фразеологичности и классификации фразеологических единиц. Академик В. В. Виноградов [5] в основе своей классификации фразеологических единиц использовал степень их семантической слитности. На ее основе он выделил следующие типы: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические (несвободные) сочетания. С конца 50-х годов прошлого столетия появилась тенденция собственно системного подхода к описанию фразеологических единиц как структурных единиц языка. В настоящее время изучение фразеологии как отдельного раздела языкознания характеризуется сферой использования фразеологических единиц, семантикой фразеологизмов, сопоставительно-типологическому изучению фразеологического сегмента языка, сопоставлению фразеологических единиц в разных языках. Фразеологизмы возникают из свободного сочетания слов, которое употребляется в переносном значении, которое постепенно стирается, и сочетание становится устойчивым [6, с. 23] Фразеологизм (идиома или фразеологическая единица) — устойчивое словосочетание, выполняющее функцию отдельного слова, употребляющееся как некоторое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей. Значение фразеологизма не выводимо из значений составляющих его компонентов, что отличает его от словосочетания. Существуют различные подходы к классификации фразеологических единиц.

Английские и американские лингвисты предпочитают термин «идиома» для определения фразеологических единиц. Л. Смит [7] относит к идиомам следующие лексические единицы: 1) фразеологические сочетания; 2) грамматические явления, нарушающие нормативные правила грамматики (двойное отрицание, сочетание сравнительной и превосходной степени сравнения); 3) устойчивые повторения одинаковых элементов (слов и предлогов). В своей классификации фразеологизмов Л. П. Смит исходит из своего понимания роли лексических идиом в языке, которая, по его мнению, заключается в добавления выразительных средств речи. Таким образом, он группирует идиомы на основе структурных особенностей (аллитерация, контрастное сочетание, рифмовка), характера содержания сочетания составляющих элементов (пословицы и сравнения), происхождению идиомы (библеизмы, солдатские выражения, морские и так далее выражения), типовому значению компонента (части тела человека, домашние животные и так далее), и понятийной сфере мотивировки идиомы (метафорическое обозначение явлений природы, суеверия, обряды). С одной стороны, можно утверждать, что вышеприведённые критерии не являются достаточно четкими для подробной классификации фразеологизмов, но его классификация явилась основой для последующих разработок исследователей.

Материально-денежные отношения затрагивают не только материальный аспект жизни человека, но и его морально-этические ценности. Несомненно, в том или ином виде концепты, относящиеся к данной сфере, присутствуют во всех языках, поскольку сама жизнедеятельность общества подразумевает наличие таких отношений. Данный концепт, мы рассматриваем весь пласт лексических единиц, выражающих материально-денежные отношения, как единый концепт, меняется в сознании носителей русского языка в соответствии с изменяющимися реалиями жизни. Например, можно утверждать, что до 1990 года материально-денежные отношения были куда менее важными в сознании носителей русского языка, чем сейчас. Лексико-семантическая группа, связанная с материально-денежными отношениями, растет, и в словарях русского языка можно обнаружить такие лексические единицы, как фондовые рынки, инвестиции, дивиденды, инфляция, девальвация и так далее. В составе языковых средств, выражающих материально-денежные отношения, выделяют прямые (финансы, наличность, кэш, бабки), косвенные (платеж, ставка, покупка), фразеологические (сводить концы с концами), паремиологические

(денег куры не клюют) и квазипаремиологические (копейка доллар бережет). Сам же лексический состав можно поделить на профессионально-терминологические, разговорно-просторечные, сленговые и жаргонные слова, и фразеологизмы. Для нашего исследования имеют значения фразеологизмы и паремии. В их составе можно выделить лексическую единицу, которая номинирует концепт (dollar/рубль, pence/грош), использование метафоры для создания негативной коннотации (деньги-склока, а без них плохо/a light purse is a heavy curse), олицетворение лексической единицы (money talks/когда деньги говорят, правда молчит), автономазию (использование типичных для данной культуры имен в паремиях (например, Добр Мартын, коли есть Алтын/Jack would be a gentleman if he had money), сравнение (деньги, что каменья: тяжело на душу ложаться/money, like manure, does no good till it's spread), и рифму (пусти душу в ад, будешь и богат/a penny saved is a penny gained).

Ввиду неизбежных различий в языковом отображении картины мира, проблема адекватного перевода фразеологических единиц становиться очевидной. При этом необходимо четко разграничивать два, казалось бы, близких понятия в переводе, а именно, «адекватность» и «эквивалентность». В переводоведении преимущественно говорят о функционально-коммуникативной адекватности перевода, под которой понимают максимально возможное воспроизведение доминантной функции текста (в нашем случае, фразеологической единицы) для получения определенного коммуникативного эффекта со стороны получателя сообщения. Поэтому мы полностью согласны с В. В. Сдобниковым, который определял адекватный перевод как «перевод, в котором воспроизводится функциональная доминанта исходного сообщения в соответствии с коммуникативной интенцией отправителя исходного сообщения» [8]. Развивая теорию о функционально-коммуникативной адекватности перевода, Ю.В. Ванников предложил теорию функционально-прагматической адекватности, которая основывается на точном отображении смысла исходного текста с учетом его связности и функционально-стилистическими нормами языка перевода. По его мнению, адекватность можно представить 4 уровнями, а именно: 1) информационная адекватность (способность оригинального и переводного текста отображать действительность и сообщать читателям определенную информацию; 2) оценочная адекватность (воздействует на систему ценностей и мировоззрение читателя); 3) предписывающая адекватность (воздействует на поведение читателя); 4) систематизирующая адекватность (организует знания читателя в определенную систему) [9]. С другой стороны, при переводе возникает проблема эквивалентности. необходимым критерием компетентного перевода является достижение именно динамической, или функциональной, эквивалентности, которая полностью передает смысл исходного текста. Тем не менее, достижение эквивалентности подразумевает использование переводческих трансформаций, которые являются неизбежными ввиду различий грамматического строя языка оригинала и переводного языка.

Проблема перевода фразеологизмов заключается в сложности определения их соотнесенности в двух языках, а именно, в совпадении референта и коннотативного значения. Интересной является точка зрения Е. Ф. Арсентьевой [10], которая выделила следующие межязыковые соответствия: 1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные); 2) фразеологические аналоги (полные и частичные); 3) безэквивалентные ФЕ.

К полным языковым фразеологическим эквивалентам исследователь отнесла фразеологизмы в русском и английском языках, которые характеризуются одинаковым сингификативно-денотативным и коннотативным значениями, сходной грамматической структурой и лексическим составом, например, например: Attic salt –аттическая соль.

Частичные эквиваленты характеризуются отдельными различиями плана выражения при совпадении сигнификативно-денотативного и коннотативного значения, например,: to turn smth over in smb.'s mind – перебирать в уме.

Полные фразеологические аналоги могут различаться лексическим составом, грамматическим составом, и коннотативным значением при совпадении при совпадении сигнификативно-денотативного значения, например, a wooden head – дубовая голова.

У частичных фразеологических аналогов наблюдаются значительные расхождения не только в компонентном составе, образной основе, структурно-грамматической организации, но и в сигнификативно-денотативном и коннотативном макрокомпонентах значения, например, as smart as paint (очень умный, проницательный) – видеть на три аршина под землей (отличаться большой проницательностью).

Многие английские и русские фразеологизмы не имеют эквивалентов или аналогов, и относятся к безэквивалентным фразеологизмам (The old lady of Threadneedle Street – старая леди с Треднидл-стрит (английский банк), которые переводятся с помощью переводческих трансформаций.

В качестве иллюстрации, приведем несколько примеров из нашей магистерской работы, в которой мы проанализировали перевод 78 фразеологизмов. Например, фразеологизм '*to make ends meet'– 'сводить концы с концами'*. Данный фразеологизм переводим с помощью фразеологического эквивалента. Другой фразеологизм, '*smart money'– 'выгодно вложенные деньги'* (разговорное выражение). Для перевода данного фразеологизма использование калькирования не является приемлемым, так как вариант «умные деньги» не передает коннотативного значения английского фразеологизма. Поэтому используем описательный перевод. Или '*to cost a small fortune' – 'стоить целое состояние'*. Данный фразеологизм переводим с помощью калькирования и лексической, так как small означает в русском языке маленькое, а в нашем варианте перевода используем целое. К примеру, *'the other side of the coin' – 'другая сторона медали'*. Для перевода данного фразеологизма сначала используем калькирование, а потом лексическую замену, так как в английском варианте имеем слово монета, которое в русском варианте заменяется на медаль. Интересный пример с фразеологизмом *'to work for peanuts' – 'работать за гроши'*. При переводе данного фразеологизма сначала используем калькирование *«работать за арахис/орешки»* с референцией животных в цирке, а потом подбираем фразеологический аналог в языке перевода. Иногда фразеологизм касается реалии, например, *'slush fund' – 'смазочный фонд'*, свободные средства, образовавшиеся на каком-либо из счетов компании или другой организации, используемые для выплаты небольших поощрений работникам, средства, предназначенные для взяток влиятельным людям. Данный фразеологизм переводим только с помощью описательного перевода. В некоторых случаях, фразеологический эквивалент или аналог отсутствуют, как, например, с фразеологизмом *'rob Peter to pay Paul' – 'перезанять деньги, чтобы отдать долг'*. Перевод данного фразеологизма с помощью калькирования *«ограбить Питера чтобы заплатить Полу»* не передает коннотативного значения английского фразеологизма. Фразеологического эквивалента, передающего подобную коннотацию, в русском языке нет. Поэтому используем фразеологический аналог.

Фразеологизмы переводятся в основном с помощью использования фразеологического эквивалента, фразеологического аналога, описательного перевода, калькирования и контекстуального перевода. Выбор того или иного способа перевода зависит от контекста, лексического состава фразеологизма и его грамматической структуры. Проанализированные нами фразеологизмы свидетельствуют, что фразеологизмы преимущественно переводятся с помощью фразеологического эквивалента или аналога. Использование калькирования с последующей грамматической/лексической заменой дает фразеологический аналог при условии сохранения коннотативного значения. Описательный перевод используется в случае, если описываемая фразеологизмом ситуация (референт) отсутствует в языке перевода. Что же касается контекстуального перевода, он позволяет снять проблему полисемии в случае наличия нескольких значений у фразеологизма.

Литература

1. Потебня А. А. Из лекции по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1892.
2. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка М., 1941.
3. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка М., 1959.
4. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
5. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
6. Патаева Т. Г. Семантические типы фразеологизмов в бурятском и английском языках. Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 23–26.
7. Логан П. Смит. Фразеология английского языка. М. 1959.
8. Сдобников В. В. Теория перевода : учебник. М., 2006.
9. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности. М., 1988.
10. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань, 1989. 130 с.

Статья посвящена проблеме исследования перевода фразеологизмов, выражающих материально-денежные отношения в русском и английском языках. Рассматриваются понятие фразеологизма и подходы к его определению, место материально-денежных отношений в культуре, проблема адекватности и эквивалентности в переводе, и основные пути перевода фразеологизмов.

Ключевые слова: *фразеологизм, адекватность, эквивалентность, перевод*

The article exposes the ways of translation of phraseological units expressing material-money relations in Russian and English. The concept of phraseological unit and approaches to its definition, the place of material-money relations in culture, the problem of adequacy and equivalence in translation, and the main ways of translating phraseological units are considered.

Keywords: *phraseological unit, adequacy, equivalence, translation.*

Н. А. МАТЮК

Белорусский государственный университет

ИСКУССТВЕННОЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В «ЗАВОДНОМ АПЕЛЬСИНЕ» Э. БЕРДЖЕССА

У статті автор наводить коротку характеристику штучної мови надсат з роману «Механічний апельсин» Ентоні Берджесса і визначає її функційне призначення. Закцентовано не тільки на цілі появи штучної мови в художньому творі, але й на словотворі, запозиченні слів з природних мов, наводено приклади з роману і автобіографії автора «Механічного апельсина». Зроблено висновок про те, що надсат використовується в романі для характеристики персонажів і додання їм більшої правдоподібності. Зокрема, використання цієї мови здатне розширити кругозір читача.

Ключові слова: *штучна мова, етимологія, надсат, Механічний апельсин.*

Название языка **надсат** происходит от русского суффикса –*надцать*, используемого для образования числительных от одиннадцати до девятнадцати. **Надсат** нельзя назвать полноценным языком, он не обладает независимой грамматикой и большим количеством лексических единиц. Скорее он представляет собой сленг, который используется персонажами из «Заводного апельсина».

Слова, которые использует Э. Берджесс, обычно являются существительными и прилагательными. В основном их корни заимствованы из славянских языков, словообразование (например, множественное число) происходит при этом по правилам английского языка, пишутся слова латиницей.

В своей автобиографии «You've had your time» Э. Берджесс объясняет, что словарь персонажей был создан как «смесь русского и демотического английского, приправленная рифмованным сленгом и цыганским боло» [1].

Итак, согласно приложениям к «Заводному апельсину», есть следующие категории слов:

1) слова, образованные от русских корней: *baboochka, banda, bezoomny, biblio, Bog, bolnoy, bolshy, brat (bratty), bratchny, britva, brooko, brosay, bugatties (bugatty), cantora, carman, chai, chashka, chasso, cheena, cheest, chelloveck, chepooka, choodessny, clop, cluve, collocoll, crast, creech, dama, ded (dedoochka), deng, devotchka, dobby, dook, domy, dorogoy, dratsing, droog, droogie, dva, eegra, eemya, gazetta, glazz (glazzies, glazzballs), gloopy, goloss, goober, gooly, gorlo, govoreet, grahzny, grazzy, gromky, groody, gruppa, horroshow, interessovat, itty, jeezny, kartoffel, kashl, kesshkas, kisa, kleb, klootch, knopka, kopat, korova, kashka (kot), koshtoom, krovvy, kupet, lapa, lewdies, litso, lomtick, luna, loveted, lubbilubbing, malchick, malenky, maskie, maslo, merzky, messel, mesto, millicents, minoota, molodoy, moloko, moodge, morder, mozg, nachinat, nadmenny, nagoy, nazz, neezhnies, nochy, nuking, odin, okno, oobivat, ookadeet, ooko, oomny, oozhassny, oozy, osoosh, otchkies, peet, pishcha, platch, platties, pletcho, plenny, plesk, plott, podooshka, pol, polezny, pony, poogly, pooshka, prestoopnik, privodeet, ptitsa, pyanitsa, rabbit, rabitter, radosty, raskazz, rassoodok, raz, razdraz, rook (rooker), rot, sabog, sakar, skoteena, shaika, sharries, shest, shilarny, shiyah, shlaem,shlapa, shoom, shoot, shvat (skvat), skazat, skorry, sladkvat, sladky, sloochat, slovo, smeck, smot, sneety, sobirat, soomka, soviet, spat, spoogy, starry, strack, stollies, tally, toofles, tree, vareet, veck, vehina, vesch, vidyy, vino, voloss, von, vred, yahma, yahzick, yarblockos, zammechat, zasnoot, zheena, zoobies, zvonok, zvook*.

2) слова, имеющие английские корни, но изменившие свое значение (часто используется в сленге, не только в **надсате**): *barry place, blub, boohoo (boohoohoo), bootjoyce, bootick, bruice boys, cancer, chumble, decrep, eggiweg, em (mother), fag, firegold, fist, flip, fuzzy, glory, godman,guttiwuts, hen-korm, jammiwam, knives, lighter, munchy-wunching, poison, prod, punchipunching, sarky, shop-crasting, silver-like, skitebird, skolliwoll, snoutie, snuff it, sod, splodge, stripey hole, synthemesc, tick-tocker, timps, warbles, worldcast*.

3) слова, имеющие корни из других языков: *espresso rapido, filmdrome, forella, plosh, Staja, tashtook, tass, vaysay, yahoodies*.

4) рифмованный сленг, подобный тому, который встречается в кокни: *cutter, golly, hound-and-horny, luschious glory, sharp, appypolly loggy, charlie, pretty polly*.

5) выражения, созданные автором: *pop-disk, pee, mounch, in-out-in-out*.

Слово orange в **надсате** означает человека и происходит от малайского *orang* (люди). Очевидно, что данное значение относится и к названию романа «A clockwork orange» в значении *заводного человека*, что напрямую отсылает нас к сюжету книги. Если же рассматривать прямое значение слова *orange*, то оно может соотноситься с английским *orangutan*, примату, которого часто используют в бихевиористических исследованиях. Один из героев так описывает происходящий на страницах книги эксперимент: «Главный вопрос состоит в том, может ли этот такая техника сделать человека хорошим. Доброта исходит изнутри, 6655321. Доброта – это нечто избранное. Когда человек не имеет возможности выбора, он перестает быть человеком» [2, с. 48].

При этом не все слова в ***надсате*** однозначны по этимологии. Возьмем, например, слово *horrorshow*. Можно предположить, что оно является составным из двух английских слов и переводится, соответственно как *шоу ужасов*. При этом данное слово созвучно с русским словом *хорошо*. Сленгу зачастую свойственно искажение значения слов, иногда до полностью противоположного значения. Поэтому, учитывая, что многие слова **надсата** были придуманы Э. Берджессом с использованием русских корней, можно сделать вывод, что и *horrorshow* относится к ним.

Синтаксически использование ***надсата*** напоминает, скорее архаичный английский: «It was Will the English who like said» [2, с. 34]. «Never fear. If fear thou hast in thy heart,

O brother, pray banish it forthwith» [2, с. 16]. Когда мы читаем прямую речь персонажей произведения, которые используют *надсат*, мы можем ощутить ту самую искусственную формальность, языковую учтивость, которые совершенно не соотносятся с поведением и действиями персонажей, смыслом их высказываний. «По сравнению с «безобидной» и в целом буржуазной «игрой в слова» социально адаптированных и профессионализированных взрослых, надсат, несмотря на все свое прославление насилия и женоненавистничества, извращенно поэтичен, и по этой причине неудивительно, что его часто имитируют и читатели, и зрители «Заводного апельсина» [3, с. 29].

Надсат в «Заводном апельсине» используется Э. Берджессом для того, чтобы лучше охарактеризовать персонажей, использующих его. Ведь в сознании большинства людей само по себе слово *сленг* ассоциируется с определенными слоями общества, что уже играет ключевую роль в создании образности персонажей и повествования.

Литература

1. Burgess A. You've your time / Anthony Burgess. Vintage Classics : New Ed edition, 2002. 416 с.
2. Burgess A. A clockwork orange. 112 с. URL: https://www.secret-satire-society.org/wp_content/uploads/2014/01/Anthony-Burgess-A-Clockwork-Orange.pdf (дата доступа 03.11.2020).
3. Conley T. Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages / Tim Conley, Steven Cain. Westport: Greenwood Press, 2006.

В данной статье автор приводит краткую характеристику искусственного языка надсат из романа «Заводной апельсин» Энтони Берджесса и определяет функции, которые этот язык выполняет. Делается акцент не только на цели появления искусственного языка в художественном произведении, но и на словообразовании, заимствовании слов из естественных языков, приводятся примеры из романа и автобиографии автора «Заводного апельсина». В результате делается вывод, что надсат используется в романе для характеристики персонажей и придания им большей правдоподобности. Кроме того, использование этого языка способно также расширить кругозор читателя.

Ключевые слова: *искусственный язык, этимология, надсат, Заводной апельсин.*

The author gives a brief description of the artificial language Nadsat from the novel "A Clockwork Orange" by Anthony Burgess and defines the functions that this language performs. Emphasis is placed not only on the purpose of the existence of an artificial language in a work of fiction, but also on word formation, borrowing words from natural languages, examples from the novel and autobiography of the author of "A Clockwork Orange". As a result, it is concluded that Nadsat is used to develop the characters and make them more believable. In addition, the use of this language can also broaden the horizons of the reader.

Keywords: *artificial language, etymology, nadsat, A Clockwork Orange.*

ЧЖОУ МЭНСЯНЬ

Киевский национальный лингвистический университет

ДЕЛАКУНИЗАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ СЕВЕРНЫХ РАССКАЗОВ ДЖЕКА ЛОНДОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена делакунизации в переводах северных рассказов Джека Лондона на русский язык. Анализ основан на сопоставлении слов или словосочетаний, отобранных из английского и русского текстов рассказов. В ней исследована специфика теории делакунизации в русской переводоведческой традиции; выделен корпус лексики, имеющей статус лакунарности, в текстах рассказов об Американском Севере Джека Лондона; определены типы лексики, подвергшейся делакунизации в процессе ее перевода на русский язык; дана оценка стратегий устранения лакун в зависимости от их типа на материале перевода рассказов Джека Лондона на русский язык.

Ключевые слова: *делакунизация, лакуны, перевод, способы элиминации лакун.*

Наша статья посвящена стратегиям устранения лакун при переводе рассказов северного периода творчества Джека Лондона на русский язык. Работа переводчика является посреднической во взаимодействии различных лингвокультур. На него возложена особая ответственность за то, чтобы в этом процессе не возникало непонимания иноязычных реалий, описанных в художественном произведении. Для этого в арсенале каждого специалиста имеется набор средств для устранения национально-специфических (несовпадающих, разъединяющих) элементов в лексических системах языков и культурах, т.е. лакун [1, с. 98].

Исследование данных переводческих техник мы считаем весьма **актуальным** не только в силу возрастающего интереса к способам устранения непонимания между народами, но и стремления современной молодежи по-новому оценить творчество классика американской литературы, в частности его рассказов, посвященных героическим жителям Американского Севера. **Цель исследования** состоит в комплексном описании процесса делакунизации национально-специфической информации посредством обозначения реалий Американского Севера в русских переводах рассказов Джека Лондона, посвященных этому краю.

Делакунизация, ставшая **объектом** нашей статьи, в переводоведческой теории рассматривается в разных аспектах. В узком смысле специалисты трактуют ее как расшифровку трудных для понимания единиц переводимого текста (М. В. Рябова) [1, с. 208], или как реноминацию слов, отображаемых языке перевода (М. В. Зырянова, С. В. Булгакова, И. И. Вербилович) [3, с.4; 4, с.3; 8, с. 144], или как элиминирование (Д. Н. Кожа, С. А. Швачко, К. Г. Ибрагимова) [2, с. 259; 5, с. 83; 7, с. 8], заполнение лакун (З. Г. Прошина) [6, с. 164)] . Определение делакунизации в широком смысле представлено Т. А. Анохиной как результат перекодирования знаков одной семиотической системы в другую, во время которого происходит заполнение лакун стандартным набором приемов [9]. Учитывая особую сложность реалий вековой давности, отображенных в рассказах Джека Лондона, посвященных Северу, мы склонны считать делакунизацией совокупность переводческих тактик языкового воплощения реалий, непонятных или незнакомых для представителей русской лингвокультуры. Виды этих профессиональных действий стали *объектом* нашей работы.

В качестве **материала** исследования мы выбрали рассказы Дж. Лондона так называемого «золотоискательского» цикла: «Костер», «Бурый волк», «Тысяча дюжин», «В далеком краю», «Неожиданное», «Мужество женщины», «Потерявший лицо», «Финиш», «Конец сказки», «Золотой каньон», «Человек со шрамом», «Золотое дно», «Там, где кончается радуга» и др. – произведений, широко читаемых во всех странах. Исследованы данные в количестве 255 лексических единиц в 620 контекстах, полученных в результате анализа рассказов Джека Лондона и их переводов на русский язык. При проведении исследования были изучены и проанализированы тексты рассказов общим объемом 446 страниц английского и более 500 страниц русского текста.

Обратимся к приемам перевода лакунарной лексики рассказов Джека Лондона северного цикла на русский язык. На ее делакунизацию нацелен прежде всего метод транслитерации, которую относят к так называемым беспереводным методам передачи иноязычной лексики, когда заимствуется графическая форма оригинального слова вместе с его значением в исходном языке. Это названия населенных пунктов Северной Америки – городов (***Edmonton − Эдмонтон***) и мелких селений (***Pelly − Пелли***):

*...He hurried to **Edmonton** in the spring of the year; and there, unluckily for his soul's welfare, he allied himself with a party of men.*	*...Он в самом начале весны поспешил в **Эдмонтон** и там, на свое несчастье, примкнул к партии золотоискателей.*

При переводе названий водоёмов переводчики также обращаются к транслитерации. Это прежде всего названия рек, притоков, ручьев, причем в названиях могут как присутствовать, так и отсутствовать указания на вид водного пространства (***Elk River − Элк-ривер, Bonanza – Бонанза***).

В текстах рассказов северного периода содержится множество названий озер (***Linderman − Линдерман***), а также их рукавов (***Windy Arm − Уинди-Арм***):

*"Fifty dollars from San Francisco to Dyea, two hundred from Dyea to **Linderman**…*	*− Пятьдесят долларов от Сан-Франциско до Дайи, двести от Дайи до **Линдермана**.*

Особым способом передаются названия транспортных средств: транслитерированное слово употребляется, согласно русской пунктуации, с кавычками (***Pawona − «Павона»***):

*Yet he stood on his feet and washed dishes in the scullery of the **Pawona** to the Puget Sound…*	*Однако Расмунсен не сдался и после этого до пролива Пьюджет он мыл посуду на «**Павоне**» …*

Аналогично переводятся названия развлекательных заведений (***Kaledonia – «Каледония»***, ***Monte Carlo − «Монте-Карло»)***:

*"There's a cabin right around the second corner from the **Monte Carlo**,» he told him – "the one with the sody-bottle window.*	*− Есть хижина недалеко от **«Монте-Карло»**, второй поворот, сейчас же за углом, − сказал он, − окно там из содовых бутылок.*

Зафиксированы также случаи транслитерации при переводе названий игр (***pedro − педро***):

*…And in the long evenings played endless games of whist and **pedro**.*	*…А вечера коротали за нескончаемыми партиями в вист или в **педро**.*

К лексике, которая воссоздается транслитерацией, относятся антропонимы − имена, фамилии, прозвища жителей Аляски (индейские ***Passuk – Пассук, Makamuk – Макамук,*** английские ***Morganson – Моргансон, Rocky – Рокки, Miller – Миллер***, ***Edith – Эдит, Harkey – Харки***), шведские ***Rasmunsen – Расмунсен***:

Nobody ever heard tell of a panther this far north," *Daw* was saying. "***Rocky*** called it a cougar.	– Ни один человек здесь, на дальнем севере, и не слыхивал про пантер, – говорил *Доу*. – ***Рокки*** называет ее «кугуар» .

При переводе названий бытовых объектов переводчик прибегает к транслитерации, чтобы наиболее точно передать особенности местного жизненного уклада. Например, ***parka — парка*** переведено с помощью точного воспроизведения английских букв. Стоит, однако, отметить, что в русско-английских словарях приводится перевод ***parka*** как «*парка (одежда эскимосов)*» [11, с. 547]. Словарь В. И. Даля дает следующее определение этого предмета одежды: ***Парка*** *ж. сиб. зимняя верхняя одежа самоедов, камчадал, или русских, из оленины, собачины, овчины; ее надевают сверх малицы, и потому она шире ее, такая же круглая (глухая, без разрезу) и без куколя; пыжиковые парки нередко бывают двойные, налицо и наничку* [10 III, с.18].

К сожалению, в толковых словарях современного русского языка это слово не указано, а в справочной литературе, посвященной модной одежде, даются противоречивые толкования. Таким образом, для носителя русского слово ***парка*** остается лакунарным. Учитывая это, переводчик не только точно передает написание данного слова русскими буквами, но и на следующих страницах дает краткое описание этой женской одежды:

Ere her eyes closed for the last time she took my hand and slipped it under her ***squirrel-skin parka*** *to her waist.*	*Прежде чем в последний раз закрыть глаза, Пассук взяла мою руку и просунула ее под свою* ***беличью парку****.*

Как принято считать, при **транскрипции** заимствуется звуковая форма английского слова вместе с его значением. Это явление мы можем наблюдать при переводе названий населенных пунктов Аляски, например: ***Sheep Camp – Шип Кэмп, Dawson – Доусон***, ***Dyea – Дайя, Selkirk – Селкерк, Skagway – Скагуэй, Eldorado – Эльдорадо***.

Транскрипции подвергся также ряд названий водных пространств (рек, ручьев, озёр, морей, заливов и проливов и т.п.), таких как ***Mackenzie – Маккензи, Little Peel – Литтл-Пил, Tagish – Тагиш:***

"Kind of looks like Gabriel's tooted his little horn, and you an' me has turned up missing," remarked ***Hootchinoo*** *Bill.*	*– Похоже, что тут архангел Гавриил протрубил в свою трубу, а мы с тобой опоздали явиться, – заметил* ***Хутчину*** *Билл.*

Поскольку с начала «золотой лихорадки» на Аляске преобладало местное, индейское, население, многие новые наименования лиц поступали в английский язык из местных языков. Джек Лондон отразил их произношение в английской транскрипции (например, ***chechaquo – чечако***), а переводчик – в русской:

He was a newcomer in the land, a ***chechaquo****, and this was his first winter.*	*Он был* ***чечако****, новичок в этой стране, и проводил здесь первую зиму.*

В рассказах Джека Лондона группа слов является родовыми названиями общих для американского и русского языков объектов ландшафта, например: mountain – *гора*, river – *река*, lake – *озеро*, valley – *долина*, trail – *тропа, pass – перевал* и.т.д. В случае, если переводятся имена собственные – названия местных реалий американского Севера, переводческие соответствия сочетаются с транслитерированными или транскрибированными видовыми компонентами, которые сопровождаются инверсией: ***Puget Sound – залив Пьюджет, Lake Athabasca – озеро Атабаска:***

Yet he stood on his feet and washed dishes in the scullery of the Pawona to ***the Puget Sound****…*	*Однако Расмунсен не сдался и после этого до* ***пролива Пьюджет*** *он мыл посуду на «Павоне»…*

Нами зафиксированы случаи **адъективации** видовой части собственного названия, т.е. преобразования имени существительного в прилагательное (***Chilcoot Pass – Чилкутский перевал, Sulphur Creek – Серный ручей***):

This dark hair-line was the trail—the main trail – that led south five hundred miles to the ***Chilcoot Pass…***	*Это была тропа, снежная тропа, проложенная по Юкону, которая тянулась на пятьсот миль к югу до* ***Чилкутского перевала****…*

Собственные имена, содержащие компоненты модели *имя собственное + имя нарицательное*, передаются, таким образом, в **инверсионной форме,** т.е. изменением порядка слов: Dyea beach, Dyea valley, Crater Lake, Puget Sound, Yukon Basin → *берег Дайи, долина Дайи, озеро Кратер, залив Пьюджет, бассейн Юкона.*

Разновидностью перевода этой модели топонимов можно назвать **генитивные конструкции** при переводе ***Fifty Mile River – река Пятидесятой Мили, Henderson Creek – ручей Гендерсона***:

В некоторых случаях перестройка грамматической структуры словосочетания объясняется соображениями не грамматического, а стилистического порядка. Так, в названии одного из рассказов наблюдается одновременная замена страдательного причастия действительным ***Lost face*** «потерянное лицо» ***– «Потерявший лицо»*** и перенос внимания с объекта действия на субъект, поскольку речь идет о герое, совершившем поступок, который оказывается губительным для его репутации, вызвав осуждение общества и утрату уважения окружающих:

*"Who was **Lost Face**?" he could hear, in anticipation, some insolent young buck demand, "Oh, **Lost Face**,» would be the answer, «he who once was Makamuk in the days before he cut off the fur-thief's head.»*	*– А кто такой **Потерявший лицо**? – **Потерявший лицо**? – скажут в ответ. – Его звали Макамуком до того, как он отрубил голову охотнику за мехами.*

Для перевода лакунарной лексики используется прием **описания**, или **экспликации**, когда в центре переводческой интерпретации находится значение объекта перевода, передающееся путем объяснения (***chechaquo – чечако, новичок в этой стране; NewEnglander – янки из Новой Англии, bad water – опасное место***. Подобная подача лексемы в «принимающем» языке может усложнять структуру предложения:

*"How many you got?" one of them, a lean little **NewEnglander**, called out.*	*– У вас сколько? – крикнул ему одни из них, худенький и маленький **янки из Новой Англии***
*...And then lined their empty boats down through the **bad water** to Bennett.*	*...А потом перевели лодки порожняком через **опасное место** в озеро Беннет.*

Как известно, Джек Лондон несколько лет учился в Калифорнийском университете, поэтому хорошо усвоил студенческий сленг. В его рассказах нередко встречаются выражения ***Berkeley man, Princeton men, (Sutherland) of '92***. Сталкиваясь с подобными словосочетаниями, переводчики применяют объясняющий перевод: ***кончил Беркли, принстонцы, окончил университет в девяносто втором году:***

*"And here's Matthews, – **Berkeley man**. And we've got some Eastern cracks knocking about, too. Come up, you **Princeton men**!"*	*– А это Мэттьюз, **кончил Беркли**. Тут у нас есть еще и восточные красавчики, они тоже здесь околачиваются. Идите сюда, **принстонцы**!*
*"Not Sutherland **of '92**?»*	*– Уж не тот ли Сазерленд, который **окончил университет в девяносто втором году**?*

Обобщающее название двух штатов ***the Dakotas*** в переводе на русский язык потребовало уточнения ***Южная и Северная Дакота***:

*His prospecting led him through **the Dakotas**, Idaho, and eastern Oregon.*	*В погоне за золотом он пересек **Южную и Северную Дакоту**, Айдахо и Восточный Орегон.*

Значительную трудность для перевода представляют сложносокращенные названия компаний, организаций, торговых предприятий и т.п., поэтому в некоторых случаях переводчик «расшифровывает» аббревиатуры (как это сделал, например, М. Чехов при переводе рассказа «Тысяча дюжин»: ***the N. A. T. & T. store – Северо-Американский торгово-промышленный кооператив).***

Сложные климатические условия, необъяснимые для новичка природные явления, ставшие неотъемлемой частью «золотоискательских» рассказов Дж. Лондона, нуждаются в соответствующем толковании для зарубежных читателей. Например, обыденное для аляскинцев явление *ice bridge (near the White Horse*) невозможно перевести дословно как «ледяной мост, переправа по льду, замерзшая река», т.к. требует более понятного объяснения: *лед у порогов Белой Лошади***:**

When he slipped through ***an ice bridge near the White Horse*** *and froze his foot…*	*Провалившись сквозь* ***лед у порогов Белой Лошади****, Расмунсен опять отморозил себе ногу…*

При переводе безэквивалетных слов − названий объектов земной поверхности переводчик использует **калькирование**, т.е. передачу составных частей наименования при сохранении признака, лежащего в основе номинации: ***Sixty Mile − Шестидесятая Миля, White Horse – Белая Лошадь, Little Salmon – Малый Лосось***.

Не существует в русском языке и перевода меры объема жидкости ***quarts***, равной приблизительно 1 л, и при ее передаче использовалось **замещающее** слово ***несколько кружек***.

Фразеологическое замещение наблюдается и при переводе крылатых выражений (***or I'm a Hottentot – будь я неладен!; like Sam Scratch was after them – точно сам черт за ними гнался; to move on up trail – навострить лыжи***).

Таким образом, предпринятый в данной статье подробный анализ комплекса межъязыковых трансформаций, направленных на перевод лакунарной лексики в рассказах Дж. Лондона на русский язык, позволяет считать его, согласно классификации А. А. Паршина, семантико-стилистически адекватным переводом – семантически полным и точным и стилистически эквивалентным, т.е. соответствующим функционально-стилистическим нормам языка перевода [12]. Сделать этот вывод позволили следующие наблюдения:

1. В настоящем исследовании основное внимание уделяется не только смысловому анализу английского слова и русской версии его перевода, а и анализу способа перевода слова с английского языка на русский, степени адекватности перевода и возможности его применения в дальнейшей переводческой работе.

2. Основное внимание исследования направлено на межъязыковые трансформации – преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

3. В соответствии с данными, полученными при анализе переведенных на русский язык лакунарных названий, можно утверждать, что основными приемами, применяемыми при их переводе, являются транслитерация и транскрипция, калькирование, частичный перевод, суженный и расширенный, заместительный (фразеологический) и описательный. При этом автор перевода избегает пояснительных сносок и постраничных или конечных комментариев.

Считаем, что в последующем мы предпримем попытки перенести методы нашего исследования на другие произведения Джека Лондона, включающие слова, не имеющие эквивалентов в русском языке.

Литература

1. Рябова М.В. К вопросу об особенностях перевода и его вариативности (на материале немецкой прозы). *Тезисы докладов 51-й научно-практической конференции преподавателей и студентов :* в 2-х ч. Ч. 1. Благовещенск, 2001. С. 208–210.

2. Кожа Д. Н. Особенности делакунизации на примере классических китайских текстов. *Восток и Запад глазами молодых ученых: м-лы международной молодежной научной конференции, 28–29 августа 2013 г.* Томск, 2013. С. 259–264.

3. Зырянова М.В. Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П.Чехова) : автореф. дисс. канд. филол. наук. : 10.02.05 / Воронеж, 2011. 20 с.

4. Булгакова С. Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина : автореф. дисс. канд. филол. наук. : 10.02.05 / Воронеж, 2013. 24 с.

5. Швачко С. А. Статус лакун в языке и речи. Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 4. С. 82–88.

6. Прошина З. Г. Делакунизация и опосредованная картина мира. Лакуны в языке и речи. Сб. науч, трудов. Благовещенск, 2003. С. 164–170.

7. Ибрагимова К. Г. Межъязыковые лакуны в юридическом дискурсе и лингвокультурные аспекты их элиминирования (на материале англо-русского перевода) : автореф. дисс. канд. филол. наук. : 10.02.20 / М., 2017. 24 с.

8. Вербилович И. И. Реноминация как переводческая технология лингвокультурной адаптации при передаче реалий в художественном переводе. Языковая личность и перевод : м-лы II Межвуз. науч.-образоват. форума молодых переводчиков. Минск, 5-6 дек. 2017 г. Минск, 2018. С. 144-147.

9. Анохина Т. А. Феномен лакунизации и делакунизации (на материале силенциальных знаков). К. URL: http://econf.rae.ru/article/6736.

10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., 1880-1882; СПб. 1903-1909. Т. III.

11. Англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер. М.1969. 912 с.

12. Паршин А. А. Теория и практика перевода. СПб.1999. 202 с.

13. Лондон Дж. Тысяча дюжин. М. URL: https://be2.aldebaran.ru/get_file/6696318/26679634/London_D_Tyisyacha_Dyujin.a6.pdf?md5=927d52fde47908084e82ded6405e0404&t=1604956788&s=yes .

14. Jack London. Tales of the North. Caste Books, 2003. 488 p.

Статтю присвячено делакунізації в перекладах північних оповідань Джека Лондона російською мовою. Аналіз засновано на зіставленні слів та словосполучень, відібраних з англійського та російського текстів оповідань. У ній досліджено специфіку теорії делакунізації в російській перекладознавчій традиції; виділено корпус лексики, що має статус лакунарності, в текстах оповідань про Американску Північ Джека Лондона; визначено типи лексики, що піддалася делакунізації в процесі її перекладу російською мовою; дано оцінку стратегій усунення лакун у залежності від їхнього типу на матеріалі перекладу оповідань Джека Лондона російською мовою.

Ключові слова: *делакунізація, засоби елімінації лакун, лакуни, переклад.*

The article focuses on delacunization in the translations of Jack London's northern stories into Russian. The analysis is based on the comparison of words or phrases selected from the English and Russian texts of the stories. It investigates the specificity of the theory of delacunization in the Russian translation tradition; the corpus of vocabulary with the status of lacunarity in the texts of stories about the American North by Jack London is studied; the types of vocabulary that have undergone delaconization in the process of its translation into Russian have been determined; the assessment of strategies for eliminating gaps, depending on their type, is given on the material of the translation of Jack London's stories into Russian.

Key words: *delacunization, lacunas, translation, ways of elimination of gaps.*

ШЕН ЖЕНЬЧАО
Київський національний лінгвістичний університет

ПРОБЛЕМА ПОЛИСЕМИИ КОЛОРАТИВОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблеме исследования полисемии колоративов в русском и английском языках. Рассматриваются вопросы сущности полисемии и ее видов, и закон асимметрии языкового знака. Функционирование колоративов рассматривается через различия коннотативного значения в двух языках.
Ключевые слова: *асимметричность языкового знака, полисемия, колоратив.*

Словарь лингвистических терминов определяет полисемию как «Многозначность слова, наличие у одного слова нескольких (многих) значений. Многозначным слово становится тогда, когда разные его значения становятся известными всем говорящим, получают закрепление в толковых словарях. В общем языкознании. Семантический способ пополнения словаря путем развития у слов новых значений» [1, с. 268].

Т. И. Арбекова указывает, что «многозначность (полисемия) – это способность слова служить средством наименования разных классов предметов. Следовательно, словарные значения многозначного слова обязательно различны по объему» [2, с. 80]. Указанные выше определения полисемии, а равно и другие определения, данные лингвистами [3, с.102-108; 4; 5; 6; 7, и другие], которые занимались этой проблемой, отображают сущность полисемии, а именно, наличие в семантической структуре слова нескольких значений, которые связаны между собой.

Наличие полисемии в языке объясняется законом асимметрии языкового знака. Фердинад де Соссюр [8, с. 69] определял язык, как знаковую систему, но при этом упускал из вида, что между означаемым и означающим не всегда можно установить соответствие. На это обратил внимание С. О. Карцевский в своем труде «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [9, с. 85–93], указывая, что единицы языка, например, морфемы или слова приводят к полисемии как на грамматическом, так и на лексическом уровнях.

В. Г. Гак видит языковую асимметрию: 1) в различении ядра/периферии и 2) в расхождении между означающим и означаемым. Во втором аспекте Гак выделяет системную, структурную и функциональную асимметрию. А в структурной асимметрии – парадигматическую и синтагматическую [10, с. 47]. Таким образом, полисемия в основном понимается в ее лексическом аспекте, а именно, в лексической многозначности. Необходимо отметить, что слово, которое характеризуется полисемией, обладает двумя типами значения, а именно, денотативным и его производными (коннотативным и контекстуальным). Комбинация данных значений приводит к появлению определенной семантической структуры, которая может варьироваться в зависимости от контекста или ситуации общения, но быть по-разному связанными. Это дает основания некоторым лингвистам, например, А. С. Горской [11, с. 8] утверждать о наличии радиальной, цепочечной и смешанной связи. Радиальная связь заключается в том, что все значения слова связаны с его основным значением, например, английское слово fight которое имеет следующие значения: борьба, брань, схватка, бой, драка, спор, сражение, задор, драчливость, сеанс бокса, битва; поединок, боевой дух, скандал. Цепочечная связь заключается в том, что каждое новое значение слова связано с предшествующим, но «крайние» значения могут быть и не связаны между собой» [11, с. 8], например, английское слово picture имеет следующие значения: изображение, картина, картинка, снимок, рисунок, портрет, мысленный образ, воплощение (здоровья, отчаяния и т. п.), олицетворение, кинокадр, копия, что-либо очень красивое, картина художника, фотография, кино, панно (большая картина на холсте), краткая информация о

курсах и предлагаемых объёмах сделок, точная копия (кого-л.); сценка, фотографическая карточка, фотографический снимок, фото, картинный, роспись, фигура. К смешанному типу относят случаи, когда совмещены оба вида связи, хотя на практике такой вид связи встречается довольно редко в английском языке, где преобладают радиальный и цепочечный тип связи. Тем не менее, примером такой связи в русском языке, где данный тип довольно часто встречается, является русское слово жар, которое может обозначать сильно нагретый воздух, жаркое место, горячие угли в печке, высокую температуру тела при заболевании, эмоциональное волнение, и достаточное внутреннее возбуждение. Контекст для полисемии имеет большое значение, так как обуславливает выбор того или иного варианта значения.

Лексическая полисемия проявляется в наличии нескольких значений у одно и того же слова в зависимости от части речи. Например, английское слово hand может иметь следующие значения: А) как глагол: дотрагиваться; касаться; провести за руку (into, out of, to); помочь (войти, пройти); признать себя побеждённым; уступить; предать; посылать; доставлять; подсаживать; помогать (войти в вагон); сдать); вручить; послать; предоставлять; брать; хватать рукой; пожимать кому-л. руку; вручаться (over); передаваться (over); передаться (over); власть. Б) как прилагательное: переносный; управляемый вручную; наличный; за руку; вручную; рассматриваемый; ручной (e.g. hand luggage - ручная кладь); сделанный ручным способом; находящийся в чьём-л. распоряжении; стрелка (часов); компания. В) как существительное: кисть (мастерство, стиль (знаменитого) художника); крыло (семафора); работник; почерк; игрок; партия; передняя лапа; передняя нога; контроль; ловкость; умение; помощь; сторона; положение; источник (сведений и т. п.); стрелка часов; ладонь (как мера); искусство; подпись; команда корабля; экипаж (судна); распоряжение; на свой лад; на свой манер; рабочий; источник информации; владение; ширина ладони (как мера); ручка; стрелка; исполнитель; пригоршня; рука; автор; искусник; манера исполнения; мастер своего дела; мастерство; умелец; (handwriting) рукописный шрифт [https://www.multitran.com]. Несомненно, использование того или иного варианта зависит от контекста и правил сочетаемости лексических единиц в языке. В качестве примера, можно привести английское слово set, которое имеет 58 значений в качестве существительного, 126 значений в качестве глагола, и около 10 значений в качестве прилагательного, образованного от причастия.

Исследование колоративов в современной лингвистике обусловлены тем, что формальные границы между стилями речи постепенно стираются в средствах массовой информации с целью привлечения большего количества целевой аудитории, облегчения воздействия на читателя и донесения определенной информации. Кроме того, цветообозначение широко используется в политике и невербальной коммуникации, например, использование цветов той или иной политической силы для мобилизации своих сторонников. Колоративы непосредственно связаны с цветовосприятием и его местом в концептуальной картине мира носителей той или иной культуры.

Сложным является и вопрос классификации колоративов в современной лингвистике. Бинарный подход П. Кея и Б. Берлина позволяет выделить 11 основных цветов, все остальные отнесены к неосновным. Таким образом, если сравнивать цветоощущение в русском и английском языках, обнаруживаются следующие пары: белый / white, черный / black, серый / grey, красный / red, зеленый / green, голубой, синий / blue (справедливости ради, можно отметить наличие цвета navy в английском языке, имеющий значение цвет морской волны, но он не входит в основную номинацию), желтый / yellow, оранжевый / orange, розовый / pink, фиолетовый / purple, коричневый / brown (12 в русском и 11 в английском).

Если подходить к цветоощущению с функциональной точки зрения, можно заметить, что, например, в русском и английском языках сосуществуют и взаимодействуют прямые и переносные колоративы, а также их использование в качестве символов. Черный в публицистических текстах можно считать самым ярким символом отрицания и протеста,

что отражается на семантике и эмоционально-экспрессивном фоне фразеологизмов, например, черная неблагодарность, черная зависть, черная дата. С другой стороны, в зависимости от контекста, черный/черная могут иметь и положительную, и нейтральную коннотацию, например, черное золото (нефть), черная икра (благосостояние человека). Белый цвет является приоритетным для славян с точки зрения этнической принадлежности и менталитета, символизируя чистоту, спокойствие, миролюбивость, хотя в зависимости от контекста может иметь и негативную коннотацию, например, белая смерть (героин), белая горячка. Серый цвет, хотя и занимает промежуточное положение между черным и белым, приобретает негативную коннотацию, например, серые будни, серая мышь (застенчивый и незаметный человек), «серая» техника (незаконно или контрабандно ввезенная в страну техника). Красный цвет у славян связывался с кровью, бунтом, революцией, насилием, например, красные реки, красный террор. На колоративах можно построить четкое разделение общества или группы на своих и чужих.

Проведенный нами анализ перевода колоративов с русского языка на английский и с английского язык на русский свидетельствует о том, что практически все цвета имеют эквивалент в языке перевода. Одной из трудностей перевода колоративов является то, что они могут быть составной частью фразеологизма, коннотативное значение которых может не совпадать в двух языках. Но использование переводческих трансформаций, описательного или контекстуального переводов, в частности, помогает устранить эту проблему и снять полисемию.

Литература

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010.
2. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (Практический курс). М., 1977.
3. Никитевич В.М. Переход, конверсия, транспозиция. *Русское и зарубежное языкознание.* Вып. 1. Алма-Ата, 1971. С.102-108
4. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка English lexicology. М., 2006.
5. Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология, 2-е издание. М., 2009.
6. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 2005.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2011.
8. Курс общей лингвистики / пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с франц. С. В. Чистяковой / под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 1999.
9. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. 3-е изд. Ч. 2.
10. Гак В. Г. Асимметрия в языке. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.
11. Горская С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография : Практикум по современному русскому языку. Гродно, 2009.

Статтю присвячено проблемі дослідження полісемії колоративів у російській та англійській мовах. Розглядаються питання сутності полісемії та її видів, а також закон асиметрії мовного знаку. Функціонування колоративів розглядається через розбіжності конотативного значення в двох мовах.

Ключові слова: *асиметричність мовного знаку, колоратив, полісемія.*

The article provides the analysis of polysemy of colour vocabulary in Russian and English. The questions of the essence of polysemy and its types, and the law of asymmetry of the linguistic sign are considered. The functioning of colour vocabulary is examined through the differences in conotative meaning in two languages.

Key words: *asymmetry of the language sign, colorization, polysemy.*

О. Л. ЮЧКО
Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА В СИТУАЦИИ ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ХАМЕЛЕОН»)

У статті проаналізовано лексичний (мовний) портрет персонажа оповідання А. П. Чехова «Хамелеон» з урахуванням мінливих в процесі розвитку сюжету обставин, які пов'язані з різною реакцією персонажа на соціальний статус відсутньої особи. Звернено увагу на використання автором лексики різних стилів і різного смислового наповнення для створення сміхового ефекту. Визначено роль художньої деталі в зображенні лексичного портрета поліцейського наглядача Очумелова.

Ключові слова: *мовна особистість, лексичний портрет, оповідання «Хамелеон», соціальний статус, семантика, стиль.*

Всякий литературный персонаж является личностью, в том числе – языковой личностью, которая, по словам Ю. Н. Караулова, «предстает как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [1, с. 29]. При этом важно учитывать, что сущность языковой личности заключается в углублении и развитии понятия «личность вообще», которое «соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям» [1, с. 38]. Языковая личность, таким образом, не является чем-то статичным, неизменным, но, напротив, она постоянно, под влиянием объективных и субъективных причин трансформируется. В связи со сказанным особый интерес представляет изучение речевого поведения таких литературных персонажей, поведение которых (а значит, и их «лексический потрет») меняется в зависимости от складывающихся обстоятельств. Под термином *лексический портрет* мы, вслед за Г.Г. Матвеевой, понимаем «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [2, с. 87].

Описание лексического (речевого) портрета персонажа основывается на определенном впечатлении о его мировоззрении и поведении, которое, в свою очередь, формируется под влиянием возрастных, гендерных и социокультурных особенностей человека. Целью данной работы заключается в выявлении особенностей лексического портрета главного персонажа рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» – полицейского надзирателя Очумелова. Названное произведение может быть названо классическим примером текста, иллюстрирующего ситуативно обусловленную речевую изменчивость персонажа.

Рассматриваемый рассказ отчетливо подразделяется на ряд небольших эпизодов, что позволяет выделить в нем условные конкретные эпизоды.

В начале первого эпизода мы знакомимся с двумя представителями власти: главным действующим лицом – полицейским надзирателем и сопровождающим его городовым. А. П. Чехов не описывает внешность главного действующего лица, но использует при этом выразительную «говорящую» фамилию – *Очумелов*, образованную от глагольной лексемы *очуметь* 'потерять способность соображать; одуреть'. Знакомясь с содержанием рассказа, мы видим, что полицейский надзиратель действительно теряет способность ясного восприятия действительности, пытаясь подстроиться под меняющиеся обстоятельства.

Возможно, в данном случае писатель сближает фамилию *Очумелов* со словом *чума*, имея в виду всеобщее, повальное, как чума, подобострастие российских чиновников перед высоким начальством. Фамилия городового, идущего за Очумеловым, пока не названа, но автор рассказа указывает на две связанные с этим персонажем детали – во-первых, он рыжий, а во-вторых, он шагает «с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником». Как известно, рыжеволосые люди в традиционных народных представлениях наделялись негативными, «нечистыми» свойствами. Так, по мнению древних греков, рыжие после смерти перерождаются в вампиров; инквизиторы в средневековой Испании причисляли рыжих к ведьмам и колдунам, за что их приговаривали к сожжению на костре. Сравн. также русские пословицы: *Рыжий да красный – человек опасный*; *Рыжий да плешивый – люди спесивы*; *С черным баню не топи, с рыжим дружбу не води*. Совершенно не случайно в руках городовой держит решето, доверху наполненное конфискованным крыжовником: наверняка этот крыжовник он «конфисковал» незаконно, в своих собственных интересах. Показательна поэтому фамилия городового – *Елдырин*. В русских народных говорах зафиксировано оценочное слово *елда* (как ругательство) и однокорневая номинация *елдыга* ‘лгун, обманщик’; ‘ловкач, шаромыжник’; ‘сварливый человек’, ‘корыстный человек’ ‘мот, гуляка, беспутный человек’ [3, с. 338].

Здесь же, в первом эпизоде, представлен человек, «пострадавший» от укуса собаки, – полупьяный золотых дел мастер Хрюкин, а также животное – «нарушитель» общественного порядка и спокойствия, вызывающее своим внешним видом сочувствие: *«В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса»*. Характеристику щенку дает пока только Хрюкин, объясняющий возникшую ситуацию Очумелову: он, выражая свое крайнее недовольство и презрение к животному, характеризует собаку словами *окаянная, подлая* и *тварь*. В связи с тем, что рассказ «Хамелеон» имеет ярко выраженную «социальную ориентацию», среди приведенных лексем отдельного комментария заслуживает слово *подлый*, поскольку оно употреблено не только в значении ‘низкий, бесчестный человек’, но и обладает устаревшей социально окрашенной семантикой ‘принадлежащий к низшему сословию, неродовитый человек’.

Во втором эпизоде рассказа главным действующим лицом является сам полицейский надзиратель Очумелов, лексический портрет которого представлен словами и словосочетаниями, которые, с одной стороны, свидетельствуют о его принадлежности к власти (полицейский надзиратель в дореволюционной России – то же, что современный участковый). Свой «высокий» статус Очумелов демонстрирует, с одной стороны – использованием конструкций, словосочетаний и отдельных слов, типичных для официально-делового стиля (*обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям; оштрафуют; прочий бродячий скот; составляй протокол; истребить*), а с другой – употреблением принадлежащих к разговорному стилю оборотов речи и слов, призванных запугать не только нерадивых хозяев домашних животных, но и присутствующих – неожиданно, как бы ниоткуда возникшую толпу зевак: *Я покажу вам, как собак распускать! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!* Поскольку у Очумелова пока нет никакой информации о хозяине имеющей очень жалкий внешний вид собаки, полицейский называет хозяина этого щенка *мерзавцем* – оскорбительным словом, имеющем в русском языке крайне негативную оценочную семантику ‘мерзкий, подлый человек; негодяй’.

Обращает на себя внимание следующая деталь рассматриваемого эпизода: полицейский надзиратель Очумелов, всячески стремящийся показать свою значимость и власть, но не имеющий представления о том, кто именно является владельцем бездомного щенка, употребеляет грубо-просторечный фразеологизм *показать Кузькину мать* ‘пригрозить наказанием или расправой кому-либо’. Использование такого оборота в данной ситуации глубоко закономерно, поскольку имя собственное *Кузьма* (уменьшительная форма – *Кузька*) употребляется в русских пословицах и поговорках как символ злого, драчливого и несообразительного человека, имеющего к тому же низкое происхождение. Кроме того, «повышению угрожающе-бранной экспрессии оборота способствовало то, что слово *мать* входит в ряд наиболее сильных русских ругательств» [4, с. 422-423].

В третьем эпизоде речевое поведение Очумелова резко меняется и начинает проявляться его «хамелеонность», то есть социально обусловленная изменчивость характера, поскольку кто-то из присутствующих предположил, используя вводное слово *кажись*, что хозяином этой собаки является генерал Жигалов. Полицейский начинает испытывать сомнение в своей решительности «истребить» собаку, которая ранее считалась бродячей. Вначале он, чтобы скрыть свое замешательство, совершенно не к месту говорит о погоде: *Гм!.. Снимика, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем...* Весьма многозначительно в этом случае использовано междометие *гм*, которое используется для выражения сомнения, недоверия.

Особенно важное значение имеет здесь и «говорящая» фамилия генерала – *Жигалов*, поскольку слова с корнем *жиг-*, употребляющиеся преимущественно в русских народных говорах, имеют негативно-оценочную семантику. Сравн.: *жигалка* ‘муха, появляющаяся осенью и больно кусающая человека или животных’ [5, с. 305]; *жигать* ‘кусаться’; ‘стегать, бить, ударять’; *жигануть*‘укусить, ужалить (о насекомых, змее); ‘причинять неприятность, вред’; *жиган* ‘пройдоха, мошенник, плут, вор’ [3, с. 163–165]. Приведенный материал позволяет предположить, что генерал Жигалов в рассматриваемом рассказе А.П. Чехова – злой, грубый чиновник, человек, который «легок на расправу». Полицейский Очумелов, видимо, хорошо знает характер этого человека, и именно по этой причине он меняет свое речевое поведениие. Немного позже надзиратель добавляет: *Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила!* Использование антонимов *маленькая – здоровила* указывает на то, что Очумелов старается обвинить Хрюкина в сложившейся ситуации. Далее представитель власти добавляет фразу: *Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!* Произнося данные слова, полицейский характеризует Хрюкина как хитрого, человека, делающего что-либо для собственной выгоды, намекая на провоцирование собаки для создания сложившейся ситуации. Не случайно Очумелов выстраивает здесь же и собственную «гипотезу» возникшей ситуации: *Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать*. Глагол *сорвать* в приведенном контексте использован в просторечном значении ‘добиться, получить что-либо (оычно незаслуженно, нечестно)’.

В четвертом эпизоде Очумелов вновь предстает перед читателями в роли строгого «блюстителя порядка», поскольку сопровождавший его городовой произнес «глубокомысленную» фразу, продемонстрировав при этом знание породы собаки: *Нет, это не генеральская… У генерала таких нет. У него всё больше легавые...* Эта «компетентная» реплика коллеги как бы отрезвляет Очумелова, который снова надевает на себя маску представителя власти. Очумелов уже не ругает Хрюкина, а сочувствует ему как пострадавшему, когда, соглашаясь с мнением Елдырина, утверждает, *что у генерала*

собаки дорогие, породистые, а эта – чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только. Фактически полицейский соглашается с Хрюкиным, употребляя слово *подлость* в данном случае не в общеупотребительном значении ‘что-либо низкое, бесчестное’, а как устаревшую номинацию, образованную от основы семантического архаизма *подлый* ‘принадлежащий к низшему сословию, неродовитый’, которым в самом начале рассказа Хрюкин характеризует щенка. Более того, Очумелов признает Хрюкина пострадавшим и дает ему совет: *Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...*

В пятом эпизоде изменение речевого поведения Очумелова происходит из-за очередного предположения о высоком социальном статусе хозяина собаки (*А может быть, и генеральская... На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел; Вестимо, генеральская!*). Полицейский надзиратель дает распоряжения своему подчиненному о бережном отношении к найденной собаке, которую характеризует словами *дорогая* и *нежная тварь*. Очевидно, что слово *тварь* при этом используется не в бранном употреблении, как это делает Хрюкин в начале рассказа, а как высокая, «книжная» номинация в значении ‘живое существо’ (сравн. библейское выражение *всякой твари по паре*). В адрес же «пострадавшего» Хрюкина, напротив, Очумеловым используется бранная, грубо-просторечная лексика: *свинья, болван, дурацкий палец*, в результате чего золотых дел мастер предстает пере толпой зевак как подлый, грубый, бестолковый и глупый человек.

Для окончательной развязки сюжета писатель в шестом эпизоде рассказа вводит еще один второстепенного, но чрезвычайно важного «героя» – генеральского повара, который отрицательно реагирует на просьбу определить принадлежность щенка генералу. Категоричная фраза Прохора (*Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!*) в очередной (уже в третий) раз возвращает Очумелова к осознанию своей значимости и своего превосходства над собравшимися людьми. Он, как ему кажется, не только выносит окончательный вердикт собаке, трижды употребляя по отношению к ней слово *бродячая* (то есть бездомная, не имеющая хозяев), но и окончательный «приговор» в грамматической форме инфинитива, а значит – в форме не подлежащего обсуждению приказа: *Истребить, вот и всё*. Слово *истребить*, как уже отмечалось, использовалось Очумеловым в самом начале рассказа, когда полицейский в полной мере демонстрировал свой статус «государева человека».

В заключительном, седьмом эпизоде рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» происходит развязка. Реплика генеральского повара о том, что эта собака «*не наша*», а «*генералова брата, что намеднись приехал*», производит на Очумелова потрясающее впечатление, и он из строгого и грубого полицейского надзирателя превращается (в соответствии с «хамелеонской» психологией) в трусливого и услужливого мелкого служащего, для которого одной из заповедей является безусловное чинопочитание. Резко меняется даже мимика полицейского (*«всё лицо его заливается улыбкой умиления»*), и он подобострастно, заискивающе употребляет уменьшительно-ласкательные формы существительных *братец* и *собачка*. Особенно выразительна фраза Очумелова *Собачонка ничего себе*, в которой местоимение *ничего* употреблено в функции сказуемого и имеет положительно коннотированное значение ‘о том, кто хорошо выглядит, привлекателен’. Очумелов даже «разговаривает» с собакой, и этим А. П. Чехов развенчивает социальный статус этого персонажа, показывает его подлинную «собачью» (в худшем смысле этого слова) сущность. Примечательно также, что полицейский использует в качестве обращения к собаке позитивно-оценочные разговорные слова *цуцик* ‘щенок’ и *шустрый* ‘подвижный, быстрый, проворный’, а также наделяет положительной (одобрительно-ласкательной)

стилистической окраской используемое в ее адрес слово *шельма*, которое в русском языке используется не только как негативно-оценочная лексема со значением ‘плут, пройдоха’, но и для выражения восхищения [5, с. 1494]. В адрес же Хрюкина Очумелов произносит очередную угрозу (Я еще доберусь до тебя!), и этой комичной фразой завершается рассказ.

Проанализированный материал дает наглядное представление о социально обусловленных изменения речевого портрета литературного персонажа с учетом изменяющихся обстоятельств.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010. 264 с.
2. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. Дис. … д-ра филол. наук. 10.02.19. СПб., 1993. 449 с.
3. Словарь русских народных говоров. Выпуск восьмой. Гл. ред. Ф. П. Филин. Ленинград, 1972. 369 с.
4. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. 926 с.
5. Большой толковый словарь русского языка ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. 2000. 1536 с.

В статье проанализирован лексический (речевой) портрет персонажа рассказа А.П. Чехова «Хамелеон» с учетом изменяющихся в процессе развития сюжета обстоятельств, которые связаны с различной реакцией персонажа на социальный статус отсутствующего лица. Обращается внимание на использование автором лексики различных стилей и разного смыслового наполнения для создания смехового эффекта. Показана роль художественной детали в обрисовке лексического портрета полицейского надзирателя Очумелова.

Ключевые слова: *языковая личность, лексический портрет, рассказ «Хамелеон», социальный статус, семантика, стиль.*

The article analyzes the lexical (speech) portrait of the character in the story “Chameleon” by A. P. Chekhov, taking into account the circumstances that change in the course of the plot development, which are connected with different reactions of the character to the social status of the absent person. The focus of the research is on the author’s use of vocabulary of different styles and different semantic content with the purpose of creating a laughing effect. The role of artistic detail in drawing the lexical portrait of the policeman Ochumelov is shown.

Key words: *linguistic personality, the lexical portrait, the story of a “Chameleon”, social status, semantics, and style.*

ПЕН ЧЕН

Київський національний лінгвістичний університет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

У наданій статті розглядаються особливості публіцистичного стилю, його сфера вживання, сфера застосування і основні жанри. Вказується, що публіцистичний стиль посідає місце між науковою прозою і художньої мовою. Аналізується публіцистична лексика двадцятих років двадцять першого століття.

Ключові слова: *публіцистичний стиль, сфера вживання, наукова проза, художня мова, жанри, лексика.*

Основной сферой функционирования общественно-политической лексики и терминологии является публицистический стиль.

Благодаря развитию международных отношений все более актуальными и интересными для современных читателей становятся зарубежные газетные публикации. Точная передача информации зарубежной прессы очень важна в настоящее время и именно

поэтому средства массовой информации (газеты, журналы, телевидение, афиши, буклеты) занимают очень важное место в нашей жизни. Летописью современности называют именно публицистику, поскольку она во всей полноте отражает текущую историю и обращена к злободневным проблемам общества.

Термин ***публицистика*** до сих пор трактуется исследователями по-разному. Некоторые из них считают публицистическими только произведения общественно-политической тематики; другие называют публицистикой массово-политические тексты; третьи − полемически острые произведения; четвертые − материалы, написанные в аналитических жанрах, исключая информационные и художественно-публицистические тексты.

Целью публицистического стиля является освещение актуальных общественно-политических и других проблем современности, и именно поэтому в нем сочетается точность изложения и эмоциональность. Ведь невозможно рассказывать о том, что волнует многотысячную аудиторию бесстрастно. Основное направление − убедить читателя, заставить его занять определенную общественную позицию.

В публицистике описываются социально значимые события: бытовые, спортивные, культурные, экономические, политические. Эти события затрагивают интересы большой аудитории, а значит, адресат публицистического текста является массовым. Цель автора публицистического текста − донести до читателя, зрителя, слушателя определенную информацию и дать ей оценку, убедить в своей правоте адресата. Сочетание информативного и оценочного планов в публицистическом стиле речи приводит к использованию в качестве нейтральных, так и крайне экспрессивных языковых средств. Наличие сроков, логичность изложения и присутствие нейтральных по стилистической окраске слов сближают публицистический стиль с научным и официально-деловым. При этом значительная языковая экспрессия делает публицистический текст авторским, менее стандартизированным. В публицистике обязательно следует учитывать, кто именно является адресатом в каждом конкретном случае. Исходя из этого, автор строит свой текст в соответствии с возрастом, полом, социальным статусом, жизненными интересами читателя.

Публицистический стиль характеризуется наличием общественно-политической лексики, логичностью, эмоциональностью. В нем широко используется, кроме нейтральной, торжественная лексика и фразеология *(американская мечта; хромая утка),* эмоционально-окрашенные слова *(политический кризис, гибель республики, антикоррупционный выстрел, тест-рулетка) употребление* коротких предложений *(во времена коронавируса),* риторические вопросы, восклицания, повторы и др. На языковых особенностях данного стиля сказывается широта тематики: возникает необходимость включения специальной лексики, требует объяснений. С другой стороны, ряд тем находится в центре общественного внимания, и лексика, относящаяся к этим темам, приобретает публицистического окраску.

Основу языка газетно-публицистического стиля составляет повседневная лексика, представляющая собой сочетание элементов лексики и синтаксических структур различных стилей. Но надо отметить, что при этом частично сохраняется или теряется стилистическая окраска. Книжный характер языка газетного стиля определяется тем, что он выражает целостную информацию, заранее продуманную и организованную.

Широкое использование в газетно-информационном стиле имен и названий делает сообщение конкретным и соотносит данные сведения с определенными лицами, учреждениями или районами. Это предполагает значительные предварительные (фоновые) знания у рецептора, которые помогают ему связать название с объектом называют.

Названия и имена довольно часто используются в газетно-информационных материалах в сокращенной форме. Часто эти сокращения могут быть неизвестными широкому кругу читателей и их значение тут же расшифровываются. Но существует много таких сокращенных названий, к которым читатели газеты давно привыкли, и поэтому их не нужно толковать. Большое количество таких сокращений — характерная черта газетно-информационного стиля современного английского языка. Сюда относятся: названия партий, различных организаций и должностей *«Gov=Governor; D.A.=District Attorney; Sen.= Senator; Rep.= Representative (член Палаты Представителей)*; фамилии известных политических деятелей культуры; географические названия (*UK`s Johnson*).

Произведения публицистики выполняют множество функций: информационную, воспитательную, функцию воздействия, пропагандистскую или агитационно-пропагандистскую, просветительскую, популяризаторскую, организаторскую, развлекательную и др. Важнейшими среди них считаются функция влияния и коммуникативно-информационная функция.

Функция воздействия (агитации и пропаганды, воздействующая или экспрессивная, пропагандистская функция) это убеждение с помощью фактов, системы доказательств и образов. Задача публицистического текста, сообщая сведения о каком-либо событии или факте из жизни, повлиять на убеждения читателей, заставить их действовать так, как предлагает автор данной публикации. Эта функция предусматривает формирование мировоззрения человека (читателя слушателя, зрителя), включая формирование жизненных (политических, социальных и др.) Установок, мотивов поведения, системы ценностей. В публицистических произведениях затрагиваются актуальные проблемы современности, представляющие интерес для общества (политические, экономические, философские, нравственные, вопросы культуры, искусства и т.д.), *например: Байден предупредил* ***о темной зиме*** *из-за COVID;*

Оказывая свое влияние на читателя и слушателя, публицистика не только ориентирует в этих событиях, но и стремится влиять на его поведение. Конечная цель — это создание определенного общественного мнения относительно отдельных персон, организаций, партий, событий и т.д.

Как известно, функция публицистического стиля, которая отличает его от других языковых стилей может быть сформулирована следующим образом: воздействие на читателя или слушателя с целью убедить его в правильности выдвинутых положений или вызвать у него желаемую реакцию на сказанное НЕ столько логично обоснованной аргументации, сколько силой, эмоциональной напряженностью высказывания, показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели.

Сфера применения, назначения публицистического стиля и признаки, которым он должен соответствовать, выработали в нем определенные языковые формы выражения. Прежде всего, к таким можно отнести общественно-политическую лексику: *власть, актуальность, президент, внутренний займ, политический, прогресс, делегация, олигарх, выборы*, так и общепринятую часто употребляется в общественной сфере и получила такое контекстного значения: *процесс (ликвидация), признание (вина) борьба (сил), очаг (войны), соревнования (систем), проблема (разоружение), развитие (идей) и др.*

Следует отметить, что публицистический стиль всегда выражает противостояние определенных сил. Это его обязательное назначение и главный признак.

В публицистическом стиле выделяется несколько подстилей, каждый из которых имеет свои жанровые и языковые особенности: собственно публицистический, или стиль средств массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, реклама), художественно-публицистический (памфлеты, фельетоны, очерки, эссе), научно-публицистический (критические статьи, аналитические обзоры, социальные портреты и т.д.).

Каждый подстиль выработал свои языковые признаки: систему композиционных приемов и устоявшихся оборотов, совокупность экспрессивно-образных средств.

Публицистичний стиль имеет свои специфические жанры.

Публицистический стиль занимает промежуточное место между стилем научной прозы и стилем художественной речи. Со стилем научной прозы его сближает логическая последовательность в изложении фактов, развертки высказывания, более или менее строгое разделение на логические отрезки (абзацы). С другой стороны, публицистический стиль (особенно эссе) имеет ряд общих черт со стилем художественной речи. Образность языка, и особенно эмоциональные элементы языка, очень характерны для публицистического стиля. Средства эмоционального воздействия, применяемые в публицистическом стиле, подчиняясь общим его закономерностям, не обладают той свежестью и субъективной окрашенности, которые характерны для стиля художественной речи.

Публицистический стиль используется в газетах, журнальных статьях, в передачах на радио и телевидении, в выступлениях на собраниях, совещаниях и митингах. Он находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати (газетах, журналах) и в различных выступлениях и речах.

В представленной статье рассматриваются особенности публицистического стиля, его сфера употребления, сфера применения и основные жанры. Указывается, что публицистический стиль занимает место между научной прозой и художественной речью. Анализируется публицистическая лексика двадцатых годов двадцать первого века.

Ключевые слова: *публицистический стиль, сфера применения, научная проза, художественная речь, жанры, лексика.*

This article examines the features of the journalistic style, its scope, scope and main genres. It is indicated that the journalistic style occupies a place between scientific prose and fictional speech. The journalistic vocabulary of the twenties of the twenty-first century is analyzed.

Key words: *public style, the sphere of implantation, science prose, artist mova, genre, vocabulary.*

НГУЕН МАЙ ФИОНГ

Киевский национальный лингвистический университет

ОБРАЗ ВЬЕТНАМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

У статті розглядається образ В'єтнаму у сучасній російській лінгвокультурі. На основі матеріалів Національного корпусу російської мови встановлено, що концепт розгортається переважно у межах слотів війна, економіка, політика. Національно-культурний образ включає географічні об'єкти, історичні факти, імена діячів, страви. Показано, що історична динаміка концепту детермінована політичними чинниками і зміщується у бік економіки та туризму.

Ключові слова: *лінгвокультура, В'єтнам, концепт, образ країни.*

Рассматривая структуру концепта «Вьетнам» в корпусе русского языка, следует отметить, что в данном случае концепт эксплицирован при помощи имени собственного.

Такой концепт относится к категории ономастических концептов. Имя собственное, выполняя функцию языковой вербализации ономастического концепта, содержит в себе также исторические, этнографические, культурные фоновые знания.

Ономастический концепт, являющийся наименованием страны, обладает широкой интерпретационной зоной, а также богатым лингвокультурологическим содержанием. Такой концепт включает в себя огромный пласт значений, реалий, связанных со страной, название которой и составляет имя концепта.

В случае с концептом «Вьетнам» в русской лингвокультуре следует отметить, что его представленность в корпусе русского языка сильно зависит от особенностей международных связей этих стран. Отношения Вьетнама и России имеют 70-летнюю историю и наиболее активной их фазой был период борьбы вьетнамского народа против Франции и США. В то время Россия входила в состав СССР и для Вьетнама была очень значимой помощь Советского Союза в борьбе за собственную независимость [1]. Вьетнамский революционный лидер Хо Ши Мин в 1923 г. эмигрировал в СССР, где обучался и перенимал опыт коммунистической революции. Именно СССР позволил Хо Ши Мину окончательно сформироваться как коммунистическому лидеру, который в дальнейшем смог освободить Вьетнам от управления извне и принести своей стране независимость [2, с. 125].

Однако на сегодняшний день Россия и Вьетнам не имеют настолько тесных и соединивших идеологией связей. Если во времена СССР в отношениях двух стран царила атмосфера не только материальной, но и мощной моральной поддержки в условиях войны и борьбы вьетнамцев за независимость, то сегодня связи России и Вьетнама развиваются больше в русле экономических отношений. Важнейшей же сферой экономики, в которой налажены прочные отношения двух стран – это сфера туризма. Хотя новые векторы развития связей России и Вьетнама и порождает множество современных смыслов и концептуальных значений, для большинства россиян Вьетнам является далекой и экзотической страной.

Такой историко-культурный контекст восприятия ономастического концепта «Вьетнам» носителями русского языка позволяет классифицировать его как концепт-минимум для русского языка (по классификации А. Вежбицкой). Это значит, что реалия, которую называет концепт (в данном случае – название страны), является для русского народа известной, однако периферийной для жизненной практики [3, с. 212]. Сравнивая концепт «Вьетнам» и, например, концепт «США» в контексте русской лингвокультуры, можно отметить что первый концепт используется и встречается в корпусе русского языка значительно реже.

Обратимся более детально к сущности самого концепта «Вьетнам», его свойствам и типологическим особенностям. Кроме того, что этот концепт является ономастическим, он является названием страны, а значит принадлежит также к разряду топонимических концептов. По определению А. С. Щербак, топонимический концепт является единицей знания о пространственных и их географических характеристиках и определяет семантику имен собственных [4, с. 15].

Кроме того, концепт «Вьетнам» является частью мегаконцепта «Страна», который раскрывается в рамках социальной сферы. Социальным концептом следует считать и концепт «Вьетнам», который также можно классифицировать как развивающийся и частично трансформирующийся. Он является национально-географическим, кластерным, в котором можно выделить отдельные субконцепты и который может быть отнесен к таким мегаконцептам, как «Страна», «Государство», «Зарубежье» (для российской лингвокультуры) и другие.

Обратимся, прежде всего, к определению значения имени концепта «Вьетнам» в словарях русского языка. В Словаре собственных имён русского языка слово «Вьетнам» определено как «Социалистическая Республика Вьетнам, государство в Юго-Восточной

Азии» [5, с. 86]. В Большом энциклопедическом языке имя концепта «Вьетнам» определено как «Социалистическая Республика Вьетнам (Cong Hoa Xa Hoi Chu Nghia Viet Nam) – СРВ, государство в Юго-Восточной Азии, на полуострове Индокитай» [6].

В Топонимическом словаре используется такое определение имени концепта «Вьетнам» – «Первоначальная область расселения народа вьеты включала более северные земли бассейна реки Сицзян (Южный Китай), откуда вьеты по прибрежным равнинам постепенно передвигались на Юг. Отсюда и название Вьетнам – «южные вьеты» или «страна южных вьетов» (вьет, пат «юг»), в отличие от других территорий, которые заселены другими группами вьетов» [7].

Из приведенных определений слова «Вьетнам» в словарях русского языка можем вычленить такие важные элементы, которые составляют образ Вьетнама в сознании носителей русского языка, как «государство в Юго-Восточной Азии, на полуострове Индокитай», «область расселения вьетов», «страна южных вьетов» и др.

Кроме того, анализ словарных и энциклопедических статей, которые раскрывают значение слова «Вьетнам» в русском языке, позволил выяснить, что в словарных статьях также используются такие элементы данного концепта, как:

- исторические наименования страны и важных исторических реалий – Дайвьет («Великий Вьет», название вьетнамского государства с 1069 по 1802 гг. [8]); Вьетминь (в 1941-51 гг. единый национальный фронт Вьетнама [9]);
- наименования основных городов Вьетнама – Хошимин (Сайгон в прошлом), Ханой, Хайфон;
- наименования денежных единиц «донг», «хао»;
- имена исторических, политических деятелей, представителей культуры Вьетнама (например, Нгуен Конг Хоан, Нгуен Кхак Хиеу, Ле Лои, Ле Тхай То, Нгуен Хюэ, Нгуен Суан Хоат и др.).

Кроме того, рассматривая место лингвоконцепта и образа «Вьетнам» в русском языке и сознании его носителей, обратимся к исследованию, проведенному Минь Туан Уонг в рамках изучения концепта «Вьетнам» в русском языковом сознании [10, с. 54]. Исследуя данный вопрос, ученый определяет элементы образа Вьетнама в русскоязычном языковом сознании как социо-этнокультурный феномен. Кроме того, исследование Минь Туан Уонг дает нам важную информацию о результатах анкетирования носителей русского языка. Опираясь на данные этого исследования, можем определить, что русские имеют представления о составляющих национально-географического образа Вьетнама (табл. 2.1.):

Таблица 2.1.

Составляющие национально-географического образа Вьетнама
(на основании обобщения данных исследования Минь Туан Уонг [Минь]

Элемент концепта-образа	**Примеры**
Знания о столице и крупных или известных городах Вьетнама	Ханой, Сайгон / Хошимин, Вунгтау, Далат, Дананг, Кантхо, Муйне, Нячанг, Хойан, Хюэ, Фантхьет, Фукуок
Знание названий денежных единиц	Донг
Представления о вьетнамской национальной одежде, традициях	Аозай
Знание названий блюд национальной кухни	Рис с овощами / морепродуктами, бань куон, бань ми, бань хот, бань цео, бань чангкуон, фо / фо-бо, ми саобо, нэм, тофу, рыбный соус, суп из черепахи / змеиный суп, чай, кофе / кофе с молоком, фрукты

Знание истории Вьетнама	Французская колонизация, сопротивление монгольскому завоеванию, бомбардировка США и поддержка России, победа над США в XX в., война Вьетнама с США 1957-1975 гг., события Первой Индокитайской войны, разделение на Северный и Южный Вьетнам, вьетнамская революция, приход к власти Хо Ши Мина, события Второй мировой войны (захват страны японцами), военные конфликты с Камбоджей и Китаем (70-е гг. XX в.)
Знания о важных персоналиях, сыгравших важную роль в истории Вьетнама	Хо Ши Мин, Во Нгуен Зиап (генерал вьетнамской армии), Чан Дай Куанг (президент страны), Нгуен Суан Фук (премьер-министр Вьетнама), Чан Дык Лыонг (президент Вьетнама с 1997 по 2006 г.), Нго Динь Зьем (первый президент Республики Вьетнам), Зыонг Ван Минь (военный и политический деятель Вьетнама)

Эти данные дают достаточно обширное представление о том образе Вьетнама, который сложился в сознании жителей России и носителей русского языка. В целом, указанные ассоциативные элементы мегаконцепта «Страна» в случае концепта «Вьетнам» можно разделить на две большие группы – это знания и представления о Вьетнаме как партнере СССР, коммунистической стране, которая имеет трагическое прошлое, полное войн и борьбы за независимость вьетов; с другой же стороны – это более современные знания о Вьетнаме как об экзотической туристической стране, о туристических городах, необычных для русского человека блюдах вьетнамской кухни.

Примечательно, что значительно больше знаний о Вьетнаме имеют представители более пожилой группы россиян, поскольку они много слышали о Вьетнаме, как о союзнике СССР ранее. Молодежь же, наоборот, имеет больше представлений о Вьетнаме как о современной стране, интересной для них, прежде всего, как туристическое направление. В то же время молодые люди демонстрирует менее обширные знания об истории Вьетнама.

Таким образом, нам удалось выяснить актуальное состояние знаний и представлений русских о Вьетнаме на основании анализа словарных и энциклопедических статей, а также на основании обобщения результатов проведенных ранее исследований в области изучения образа Вьетнама в языковом сознании россиян. В данном же исследовании мы обращаемся к анализу лингвоконцепта «Вьетнам» на материале корпуса русского языка. Для этого используем веб-сайт Национальный корпус русского языка [11], на базе которого и совершим исследование, которое позволит определить составляющие элементы-слоты концепта «Вьетнам» в концептосфере русского языка, а также создать модель концептуального пространства концепта «Вьетнам» в корпусе русскоязычных текстов.

Как показал анализ контекстов употреблений слова-имени концепта «Вьетнам», извлеченных из Национального корпуса русского языка [11], по данному запросу в основном корпусе было найдено 608 документов, в которых зафиксировано 1356 употреблений лингвоконцепта Вьетнам. Пик фиксаций падает на 1970-ые годы – период вьетнамской войны, далее наблюдается падение внимания, и лишь в 2000-е годы Вьетнам снова попадает в сферу интересов россиян.

В художественных текстах слово «Вьетнам» зафиксировано только в 77 документах, 148 выхождений. Лингвоконцепт «Вьетнам» появляется в поле художественного осмысления в 1930-е годы, наблюдается два пика частотности – 1970-ые и 1990-ые годы – с провалом в 1980-ых (в 1975 году закончилась война; в 1990-ые годы вьетнамцы массово

появляются в России). Наиболее частотна лексема Вьетнам в произведениях В. Скворцова, С. Алексиевич (ныне лауреата Нобелевской премии), В. Аксенова, Е. Евтушенко.

В публицистических текстах лингвоконцепт «Вьетнам» появляется в 1950-ые годы (1955 г. – начало вьетнамской войны), пик употреблений фиксируется также в 1970-ые годы). Всего в публицистическом подкорпусе зафиксировано 946 употреблений (441 документ). Большинство текстов не авторизованы, среди авторизованных – такие известные писатели и публицисты, как Роман Кармен, С. А. Дангулов, Георгий Арбатов.

Наиболее актуализирован лингвоконцепт Вьетнам в газетном дискурсе, что вполне логично (1899 документов, 3140 вхождений). Пик также приходится на период войны – 1970-ые годы, далее идет снижение актуальности, но, начиная с 2000 г., наблюдается рост фиксаций, пик – 2015 год.

На основании этих данных и анализа примеров, полученных из Национального корпуса русского языка были определены основные слоты концепта «Вьетнам» в концептосфере русского языка: война, экономика, политика, быта, культура, которые будут предметом детального рассмотрения.

Источники:

1. Внуков К. В. Российско-вьетнамские отношения [Электронный ресурс] / К. В. Внуков // Мир и Вьетнам. – 2020. – Режим доступа: https://vietnam.mid.ru/rossijsko-v-etnamskie-otnosenia
2. Кобелев Е. В. Хо Ши Мин / Е. В. Кобелев. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 351 с.
3. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте / А. С. Щербак. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина: ООО «Центр-пресс», 2008. – 197 с.
4. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma, Publishers, Inc., 1985. – 368 p.
5. Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имён русского языка. Ударение. Произношение. Словоизменение: Более 38 000 словарных единиц / Ф. Л. Агеенко. – М.: Мир и Образование, 2010. – 880 с.
6. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс].
7. Топонимический словарь [Электронный ресурс].
8. Дайвьет // Советская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ДАЙВЬЕТ
9. Вьетминь // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/bes/ВЬЕТМИНЬ
10. Минь Туан Уонг. Концепт «Вьетнам» в русском языковом сознании: что русские знают о Вьетнаме / Туан Уонг Минь // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Том 4. – № 3. – С. 52-64 11.
11. http://ruscorpora.ru/old/

Объектом данной работы является концепт «Вьетнам». В статье рассматривается образ Вьетнама в современной русской лингвокультуре. Установлено, что концепт разворачивается в пределах слотов война, экономика, политика. Показано, что историческая динамика концепта обусловлена политическими факторами: во времена СССР Вьетнам воспринимался как союзник в борьбе с капиталистическими государствами, как братская коммунистическая страна. Преимущественно, исторический дискурс концепта «Вьетнам» в русской картине мира тесто связан с войной. В то же время современные отношения России и Вьетнама строятся на торговых и туристических связях, что влияет на современное восприятие образа Вьетнама россиянами.

Ключевые слоыа: *лингвокультурема, Вьетнам, концепт, образ страны.*

The object of this work is the concept «Vietnam». The article examines the image of Vietnam in modern Russian linguistic culture. It is found that the concept unfolds within the slots war, economics, politics. It is shown that the historical dynamics of the concept is determined by political factors: during the Soviet era, Vietnam was perceived as an ally in the struggle against capitalist states, as a fraternal communist country. Mostly, the historical discourse of the concept «Vietnam» in the Russian worldview is associated with war. At the same time, modern relations between Russia and Vietnam are based on trade and tourism ties, which affects the modern perception of the image of Vietnam by Russians.

Key words: *linguistic culture, Vietnam, concept, image of the country.*

Наукове видання

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ:
лінгвістика і лінгводидактика

Випуск V

Відповідальні за випуск: Л.В. Корновенко, М.П. Василенко

Комп'ютерне складання: *Берестовий А.І.*

Підписано до друку 10.10.2018.
Формат 60/84 1/8. Папір офсетний.
Умов. друк. арк. 44,75. Гарнітура Times New Roman.
Зам. № _____. Тираж 300.

Друк: вид-во ФОП Гордієнко Є.І.
Україна, 18021, м. Черкаси, вул. Гагаріна 95/80.